

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**Труды Десятой Международной
научно-практической конференции**
12–14 мая 2021 года

Часть I

Департамент культуры Минобороны РФ
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Десятой Международной
научно-практической конференции**

12–14 мая 2021 года

Часть I

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС**

2021

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор — *С. В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В. М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С. В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С. В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В. И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,

Е. Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Десятой Международной
научно-практической конференции

В трёх частях

Часть 1

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

На обложке: Миша-новгородец в Невской битве. Художник Е. Емельянов

На стр. 3: Великий князь Александр Невский. Художник Е. Емельянов

ISBN

© ВИМАИВиВС, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© СПбГУПТД, 2021

**Посвящается
800-летию со дня рождения
князя Александра Невского**

Уважаемые участники и гости конференции!

Я рад приветствовать вас на юбилейной Десятой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы», которая проводится в стенах старейшего военно-исторического музея России.

В этом году мероприятия конференции посвящены одной из важнейших памятных дат российской истории — 800-летия со дня рождения защитника и небесного покровителя России святого благоверного великого князя Александра Невского.

В год 80-летия со дня начала Великой Отечественной войны мы помним и никогда не забудем, что героический образ Александра Невского вдохновлял солдат и офицеров Красной армии на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

Несомненно, что конференция в Санкт-Петербурге станет важным событием в ряду мероприятий, посвящённых этому столь значимому для России юбилею.

Поздравляю всех участников и гостей конференции с её открытием. Надеюсь, что работа будет проходить в дружеской и плодотворной атмосфере, а научное и творческое сотрудничество будет долгосрочным и перспективным!

Заместитель Министра обороны
Российской Федерации — начальник
Главного военно-политического управления
Вооружённых Сил Российской Федерации

генерал-полковник

А. В. Картаполов

Дорогие участники конференции!

Приветствую вас на конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы» в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

2020 год был тяжёлым для всех. Казалось бы, эпидемия коронавируса прервёт научные и культурные связи, которые складывались десятилетиями. Но мы научились выживать и работать в новых условиях. Работать не менее плодотворно, чем раньше. Прямое тому доказательство — то количество исследователей, которые приехали в музей, а также изданные фундаментальные материалы конференции.

Мы проводим нашу традиционную конференцию в год 800-летнего юбилея со дня рождения великого князя Александра Невского и в год 80-летия начала Великой Отечественной войны. Артиллерийский исторический музей с начала войны выдавал из своего собрания оружие для бойцов народного ополчения Ленинградского фронта. Сотрудники музея выезжали на фронты, собирали исторические реликвии, проводили передвижные и стационарные выставки. Музей чтит память обо всех тех, кто сохранил уникальные памятники военной истории России во время страшных испытаний войны и блокады.

Благодарю всех, кто смог принять участие в работе десятой, юбилейной конференции. Я уверен, что она, как всегда, пройдёт на высоком научном уровне, в доброжелательной дружеской атмосфере. Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и конструктивной дискуссии, а также новых успехов и достижений!

Директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик Российской академии ракетных и артиллерийских наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

В. М. Крылов

Р. М. Абиякин (Орел)

БЫВШИЕ ОФИЦЕРЫ НА ВЫСШИХ КОМАНДНЫХ ДОЛЖНОСТЯХ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

БЫВШИЕ ОФИЦЕРЫ старой армии сыграли значительную роль в строительстве Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и победе большевистского режима на фронтах Гражданской войны, что признает большинство современных авторов.

Публикации последних лет, посвященные высшему командному составу Красной армии, могут быть условно разделены на две группы: справочно-биографические материалы и собственно исследования¹. Среди последних особого упоминания заслуживает монография А. А. Печенкина². Однако и в данной фундаментальной работе, естественно, принадлежность советского генералитета к офицерству старой русской армии почти не отслеживается.

Таким образом, служба бывших офицеров, прежде всего на высших командных должностях, требует внимательного изучения. Одной из первоочередных задач является анализ их численности и удельного веса в общей массе высшего командования Красной армии. Предпринята попытка обзорного исследования статистических и биографических данных командующих фронтами, армиями и командиров корпусов и дивизий, то есть лиц, занимавших командные генеральские должности (хотя далеко не всегда имевших генеральские воинские звания) в действующей армии.

В качестве основного источника статистических сведений о высшем командном составе Красной армии в 1941–1945 гг.

используются официальные документы Главного управления кадров Народного комиссариата обороны СССР из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Уникальность этих сведений состоит в сводных биографических данных командующих фронтами и армиями и командиров корпусов и дивизий, включая временно исполнявших соответствующие должности. Такой расширительный подход не только увеличивает количество анализируемых персоналий, но и частично охватывает заместителей командующих и командиров, обычно остающихся не замеченными исследователями (за исключением тех, кто пошел на повышение и занял более высокие командные должности). Опубликованные в 2005—2015 гг.³, они стали одним из самых заметных событий в расширении источниковой базы истории Великой Отечественной войны.

На 10 февраля 1931 г. в Красной армии служило 5195 бывших офицеров, что составляло 12,2 % всего командного состава. К высшему командному составу принадлежали 954 (18,4 %) человека⁴.

Данные конца 1930-х гг. крайне важны, характеризую ситуацию в армии после завершения основного этапа репрессий 1937—1939 гг. и позволяя объективно оценить изменения старого офицерского представительства в РККА.

Большинство бывших офицеров к 1939 г. было сосредоточено в командном (1,4 %), хозяйственно-административном (1,8 %) и техническом (0,5 %) составах — наиболее многочисленных группах начальствующего состава Красной армии. То есть из 110 566 человек комсостава бывшими офицерами являлись 1506, из 23 961 человек военно-хозяйственного и административного состава — 426, из 38 870 человек военно-технического состава — 196, а по всем видам начальствующего состава — не менее 2238 из 216 886⁵. Естественно, что их было гораздо меньше на должностях, которые требовали специфического образования либо исключительной лояльности. Так, в медицинском и ветеринарном составе еще присутствовало немало служащих старой армии, но в основном бывших военных чиновников и чиновников военного времени, тогда как собственно офицеры были единичны, составляя равную долю 0,4 % и 0,4 % соответственно. Еще меньше — 0,2 %, они составляли среди политического состава.

Таким образом, в целом среди начальствующего состава бывшие офицеры к 1939 г. насчитывали ровно 1 %.

Однако в высшем командном составе бывшие офицеры продолжали занимать не только заметные, но и лидирующие места. Правда, в силу возрастных обстоятельств почти все они принадлежали уже к группе офицеров военного времени, а не кадровых, но их массивная переподготовка делала это несущественным.

При этом для понимания степени весомости бывших офицеров в армии в годы Великой Отечественной войны важно проследить их распределение по высшим командным должностям в строю действующей армии.

Ключевыми, стратегическими командными должностями в годы войны были должности командующих фронтами. На них назначались самые подготовленные, энергичные и надежные военачальники, — правда, не всегда это происходило удачно с первого раза.

В 1941 г. было назначено 29 человек — командовать фронтами, с учетом смещений и реорганизаций. Из них 10 человек, или 34,5 %, были офицерами старой армии. В 1942 г. из 25 лиц, командовавших фронтами, бывшими офицерами было 9, что составило 36 %. В 1943 г. они составили уже 40,9 %, или 9 человек из 22 командующих. Правда, 1944 г. дал некоторое снижение их доли до 38,1 %, когда бывшими офицерами было 8 человек из 21 командовавших фронтами, но зато в 1945 г. их процент стремительно вырос до 53,3 %. Иначе говоря, 8 командующих из 15 имели дореволюционный офицерский стаж⁶.

В целом за годы войны должности командующих фронтами, в том числе временно, занимали 45 военачальников, из которых бывшими офицерами являлись 18, или ровно 40 %. Из них кадровым офицером был 1, а офицерами военного времени — 17.

Переходя со стратегического на оперативный уровень войсковых объединений, обратимся к армиям. Здесь они группируются и анализируются в соответствии с существовавшим порядком. Самую крупную группу составляют командующие общевойсковыми армиями, Ленинградской армией народного ополчения, отдельной гвардейской воздушно-десантной армией, армиями Войска Польского — 226 человек, из которых 86 или 38,1 % принадлежали к бывшим офицерам. Среди командующих прочими армиями процент бывших офицеров колебался

от 7,1 % (2 из 28) в ВВС до 21,4 % в ПВО (6 из 28). Из 19 командующих танковыми армиями бывших офицеров насчитывается 3, то есть 15,8 %, а из 25 командующих саперными армиями — тоже 3, или 12 %⁷.

Следовательно, среди 324 военачальников, командовавших армиями, в том числе и временно, 98 человек, иначе говоря, почти треть, 30,2 %, имели офицерский стаж в старой армии. Среди них было 4 кадровых офицера и 94 офицера военного времени, в том числе 45 человек, не успевших продвинуться далее чина прапорщика.

Высший командный состав оперативно-тактического уровня представлен командирами корпусов. Львиную долю среди них составляли лица, командовавшие стрелковыми, горнострелковыми корпусами, а также Сталинградским корпусом народного ополчения — 454 человека, из которых 78, то есть 17,2 % успели получить офицерские погоны до революции. Однако максимальный уровень (22,9 %) бывшие офицеры составили среди командиров механизированных корпусов — 11 из 48, а минимальный — 1,6 %, среди командиров авиационных корпусов — всего 1 из 61⁸. Был, правда, своеобразный максимум в 50 %, или один из двух генералов, бесменно командовавших особым строительным корпусом и особым корпусом железнодорожных войск, но в абсолютных числах — это весьма незначительно.

Казалось бы, преобладание бывших офицеров в пехоте вполне логично и обосновано как их возрастом, так и базовой подготовкой, далекой от современных родов войск. Однако довольно неожиданным оказывается сравнительно высокий уровень бывших офицеров в командовании не только упомянутых механизированных корпусов, но и корпусов воздушно-десантных — 13 %, что, правда, количественно невелико: 3 из 23. Довольно закономерно, что каждый десятый командир кавалерийских корпусов имел офицерский опыт старой армии (4 командира из 42, или 9,5 %), хотя кавалерия Красной армии, построенная по драгунскому типу и фактически состоящая из конно-механизированных соединений, оставалась весьма современным и эффективным родом войск.

В целом корпусное звено высшего командного состава представлено 772 командирами, из которых бывшими офицерами являлись 102, то есть 13,2 %. С учетом лиц, выдвинутых в годы войны на должности командующих армиями, общие цифры по

данной группе составляют 896 человек, из которых бывшими офицерами являлись 131 человек и 13,7 % соответственно.

Наиболее многочисленной группой высшего командного состава закономерно были командиры дивизий, то есть основных тактических соединений Красной армии. Однако на дивизионном уровне не наблюдается прямой связи общего количества командиров и бывших офицеров среди них.

В отличие от стрелковых и приравненных к ним корпусов, насчитывалось 1901 человек, стоявших во главе стрелковых, горнострелковых, крымских, полярных, петрозаводских дивизий, истребительных дивизий и дивизий Ребольского направления, среди которых к старому офицерству принадлежали лишь 253 человека, или 13,3 %. Однако безусловными лидерами оказываются командиры дивизий народного ополчения, где бывшими офицерами являлся каждый пятый — 12 человек из 57, то есть 21,1 %. Так же, как в корпусах, сравнительно высоко их представительство среди командиров воздушно-десантных (4 из 39 человек, или 10,6 %), мотострелковых и моторизованных (6 из 70, или 8,6 %) и танковых (6 из 76, или 7,9 %) дивизий. При этом самым мизерным процентом обладают представители исследуемой служебной группы среди командиров авиационных дивизий ВВС и ВМФ — 1 из 409 человек, 0,2 %⁹.

В целом дивизиями Красной армии в военные годы командовали 3081 человек, и бывших офицеров среди них было 308 человек, то есть ровно 10 %.

Характерно, что и внутри Красной армии, и в общем политическом контексте к концу войны само понятие «бывший офицер» практически полностью исчезает из употребления. Ему на смену приходит определение «советский офицер», применяемое ко всему начальствующему составу и полностью реабилитирующее данный термин. Так, в своей известной записке «О генералитете Красной армии» от 18 мая 1944 г. начальник Главного управления кадров Наркомата обороны СССР, генерал-полковник (впоследствии Маршал Советского Союза) Ф. И. Голиков ни разу не употребил данный термин, оперируя сугубо прагматическими категориями опыта, возраста и выслуги¹⁰. Специальное наблюдение за данной категорией командного состава было признано окончательно неактуальным.

Подводя итоги, отметим, что на протяжении всей Великой Отечественной войны, бывшие офицеры составляли активную

часть высшего командного состава Красной армии, широко участвуя в ее стратегии и оперативных планах. Уменьшение их представительства происходило по мере снижения должностного положения, колеблясь от 40 % среди командующих фронтами и 30,7 % — армиями до 14,9 % среди командиров корпусов и 10 % — командиров дивизий. Постепенное сокращение доли бывших офицеров в высшем комсоставе происходило не столько за счет боевых потерь и естественной убыли, сколько ввиду широкого мобилизационного развертывания. Точечные репрессии 1941—1942 гг. лишь подтвердили это, затронув в основном более молодой генералитет и не изменив численность бывших офицеров в Красной армии.

В абсолютных цифрах количество бывших офицеров среди высшего комсостава было 539 человек, и то без учета лиц, занимавших строевые должности — заместителей командующих и командиров, а также начальников родов войск соединений. Таким образом, за предвоенное десятилетие, с учетом увольнений и даже репрессий 1937—1939 гг., они сократились не критично и составили не менее 56,5 % от уровня 1931 г.

Поэтому очевидна несостоятельность утверждений, что именно увольнения и уничтожение опытных командиров, в том числе и бывших офицеров, якобы стали тяжелейшим ударом по Красной армии на рубеже 1930—1940-х гг. В действительности их увольнение компенсировалось привлечением в армию из запаса (с переподготовкой на высоком современном уровне) немалого числа опять же бывших офицеров, в том числе и на высшие командные должности. К началу 1940-х гг. и на всем протяжении Великой Отечественной войны они по-прежнему оставались заметной и влиятельной группой высшего командного состава.

---

¹ См. напр.: Малашенко Е. И. Командующие фронтами и армиями в годы Великой Отечественной войны. М., 2010; Симонов Ф. В. Они командовали фронтами. Подольск, 1995.

² Печенкин А. А. Высший командный состав Красной Армии в годы Второй мировой войны. М., 2002.

³ Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. М., Жуковский, 2005; Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 2. М., Жуковский, 2006; Великая Отечественная. Комдивы. Военный биографический словарь. Т. 5. М., Жуковский, 2011—2015.

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37837. Оп. 21. Д. 84. Л. 98—99.

⁵ РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 402. Л. 134, 139.

⁶ Печенкин А. А. Указ. соч. С. 116, 137, 156; Симонов Ф. В. Указ. соч. С. 7–322.

⁷ Подсчитано по: Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. М., Жуковский, 2005. С. 13–395.

⁸ Там же. Т. 2. М., Жуковский, 2006. Т. 1. С. 15–659; Т. 2. С. 7–445.

⁹ Там же. Т. 5. М., Жуковский, 2011–2015. Т. 1. С. 15–716; Т. 2. С. 11–961; Т. 3. С. 11–1086; Т. 4. С. 9–1206; Т. 5. С. 9–1129.

¹⁰ См.: «Мы располагаем самыми лучшими кадрами». Записки о послевоенном устройстве армии // Источник. 1996. № 2. С. 139–143.

А. М. Абрамов (Москва)

ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИЕ РАБОТЫ КОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО В. Г. ФЕДОРОВА ПО СОЗДАНИЮ ПУЛЕМЕТОВ С ЛЕНТОЧНЫМ ПИТАНИЕМ В КОНЦЕ 1920-х — НАЧАЛЕ 1930-х гг.

РУЧНОЙ ПУЛЕМЕТ с ленточным питанием РПЛ-20, представленный на выставке «Армия-2020» концерном «Калашников», вслед за ручным пулеметом Корд-5,45, представленным ранее заводом им. В. А. Дегтярева, показывают, что интерес к легким ручным пулеметам, имеющим ленточное питание, не иссякает.

Начало разработок легких ручных пулеметов «под ленту» относится к 1920-м гг., когда Научно-технический комитет Артиллерийского Управления Рабоче-крестьянской Красной армии (НТК АУ РККА) поставил перед конструкторскими коллективами вопрос о решении данной задачи.

Принятие на вооружение в мае 1925 года пулемёта Максима-Токарева (МТ) не означало, что руководство РККА не понимает, что это временный вариант, который не совсем отвечает требованиям к современным ручным пулеметам по весу (60 кг) и манёвренности.

Как всякая переделочная система, пулемет МТ мог лишь частично удовлетворить требования войск. Новые условия ведения боевых операций ставили вопрос о повышении маневренности ручных пулеметов, которые, постоянно находясь в стрелковой цепи, усиливали бы огневую мощь атакующих подразделений. Для этого пулемет должен был, подобно винтовке, допускать стрельбу из любого положения (стоя, лежа, на ходу), позволять открывать огонь внезапно и вести его мощными очередями. Перечисленным требованиям могла удовлетворить лишь система, созданная с учетом всех современных достижений оружейной техники.

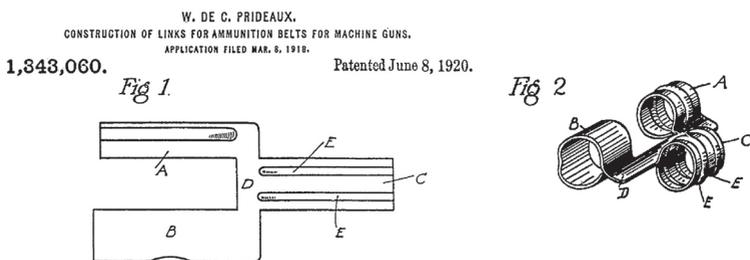
Взяв за основу пулемет Дегтярева пехотный, принятый на вооружение в 1927 году, осенью 1929 г. в работу по увеличению манёвренности пулеметов и облегчению ручного «мертвого веса» включилось Бюро новых конструкций и стандартизации (БНКиС)¹ Ковровского инструментального завода № 2 (ИНЗ № 2)² под руководством В. Г. Федорова.

Началась работа по замене носимого боекомплекта системы магазинного питания из шести дисков в двух коробах общим «мертвым весом» 14,2 кг, на пулеметную ленту в коробе суммарным весом 4,2 кг (без веса боеприпасов). Такое снижение веса на 10 кг позволяло пулеметному расчету практически удвоить носимый боекомплект или значительно увеличить манёвренность.

В ноябре 1930 г. независимую работу по приспособлению своего ручного пулемета под ленточное питание начал конструктор-изобретатель С. Г. Симонов, ранее направленный Артиллерийским Управлением РККА на Ковровский пулеметный завод для продолжения работы по своему пулемету РПС образца 1926 г.

Необходимо упомянуть пару слов о ситуации с ленточным питанием пулеметов в мире к концу 1920-х гг. Помимо всем известной матерчатой ленты для пулемета «Максим», был разработан и довольно широко применялся ряд других конструкций, в том числе рассыпная звеньевая лента так называемого «французского образца», предложенная французским конструктором Уильямом де Курси Придо и запатентованная, по результатам Первой мировой войны, в Европе — в 1917 г. и в США — в 1920 г. (ил. 1).

В дальнейшем под данную ленту выпускался пулемет «Максим-Виккерс», модель 1924 г. Данная рассыпная звеньевая лента была хорошо известна в нашей стране и, кроме применения

Ил. 1. Патент US1343060 на рассыпную ленту Де Курси Придо

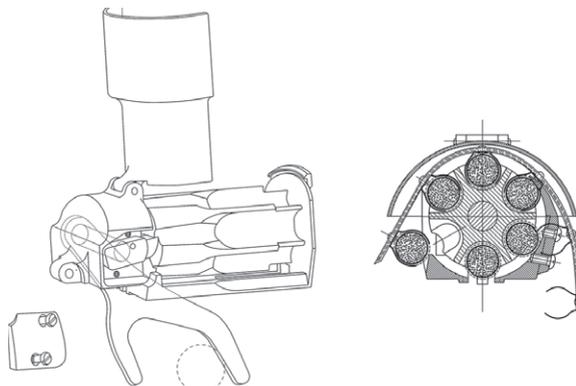
на закупленных пулеметах «Максим-Виккерс», «М-24», использовалась для отечественных пулеметов «ПВ-1» тульского производства. Данная лента имела геометрию, аналогичную стандартной пулеметной ленте «Максим», что позволило пулеметам «ПВ-1» в составе зенитных установок в годы Великой Отечественной войны вести огонь из штатных матерчатых³ лент пулемета «Максим».

Еще одной известной в РККА системой, была система питания пулеметов «Гочкис» образца 1897, 1900 и 1914 гг., которая помимо варианта с жестким картриджем на 30 патронов, имела также питание от металлической звеньевой ленты — по три патрона в звене, образующих, условно, гибкую ленту.

Кроме того, по заказу Артиллерийского Управления РККА для изучения в БНКиС были приобретены за рубежом несколько новых пулеметных систем с разными видами питания: пулемет «Бреда» (Италия) и ряд других.

Несмотря на известность и широкое распространение в мире пулеметных лент «Максим-Виккерс», «Гочкис», «Бреда», «Мадсен», «Бергман» и др., В. Г. Федоров и БНКиС решили пойти своим путем, разработав собственную систему: «приемник — патронная лента». Ее основным разработчиком стал будущий Герой Социалистического Труда и лауреат Сталинской премии Георгий Семёнович Шпагин, который к этому времени успешно сконструировал шаровую установку для спаренного пулемета В. Г. Федорова. Конструкция, которую предложил Г. С. Шпагин, была построена на базе вращающегося барабана с полуоткрытыми камерами, в котором, разделяясь от ленты, загружался патрон и подавался в патронник для производства выстрела. В тексте авторского свидетельства, в описании отличительных признаков подающего механизма, в 1931 г. Георгий Семёнович Шпагин отмечал: «Конструкция барабана, подающая ленту холстяную или металлическую из звеньев, при которой особая отсечка выталкивает патрон из пружинного захвата ленты, причем дальнейшее вращение барабана ставит очередной патрон непосредственно для захватывания затвором, движущимся вперед, не требуя вытаскивания патрона из ленты, лежащей сверху ствола и опускания его вниз, как это выполнено в устройствах обыкновенных пулеметных приемников» (ил. 2).

Такая конструкция приемника в первую очередь позволяла сделать механизм очень простым, надежным, легким и компактным,

Ил. 2. Приемник Шпагина и схема подающего механизма, РГАНД

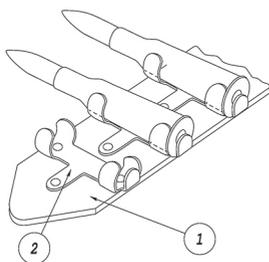
но в качестве компенсации за все эти положительные свойства потребовалось применение вместо проверенной и работоспособной ленты с замкнутым звеном, ленты с разомкнутым звеном (ил. 3).

В 1930 г. на первом этапе работы Г. С. Шпагин предложил два типа ленты: первый строился на базе кожаного или матерчатого ремня, на который приклепывались пружинные захваты патронов с разомкнутым сверху звеном. Такое построение ленты с разомкнутым звеном, в отличие от хорошо зарекомендовавшей себя ленты французского типа с замкнутыми кольцами, позволяло сделать ленточный приемник с более простой конструкцией и потенциально создать пулемет с питанием бесфланцевым патроном. Второй тип, предназначенный для комплектации

Ил. 3. Фото приемника Шпагина, ЦМВС

Кожаная или холстяная лента для стрельбы из пулеметов с пружинными захватами по системе Г. Шпагина.

Металлическая лента для стрельбы из пулеметов из отдельных разваливающихся звеньев

Ил. 4. Кожаная (холстяная) и металлическая (рассыпная) лента системы Шпагина, АС 1932 г., РГАНТД

авиационных пулеметов, был построен на базе металлических звеньев, также с разомкнутым звеном, но являлся рассыпным, причем каждое звено удерживалось очередным патроном (ил. 4).

Отличие такого звена от звена французского типа состояло в том, что два звена были соединены пружинкой, что обеспечивало большую гибкость ленты — в обе стороны. На данный тип ленты Г. С. Шпагин также получил авторское свидетельство в 1932 г., хотя выдали его намного позже — только в 1938 г.

В соответствии с поставленной РККА задачей, Артиллерийское Управление РККА, через Ружейно-пулеметный трест заключило с ИНЗ № 2 три договора на изготовление:

- опытного легкого пулемета Дегтярева, питаемого из ленты;
- пулемета Дегтярева станкового — «ДС» нового образца;
- пулемета Дегтярева танкового универсального — «ДТУ».

Выполняя работу по этим договорам, БНКис ИНЗ № 2 в октябре 1931 г. представило в НТК АУ на рассмотрение следующие варианты новых опытных образцов:

1. Ручной пулемет «ДП», отличающийся питанием от обыкновенного. Питание из магазина заменено лентой с приемником Г. С. Шпагина. Достоинствами этого образца были надежная работа, а также уменьшение «мертвого веса» при питании пулемета, так как вес полностью снаряженного патронного короба с лентой под приемник Г. С. Шпагина на 300 патронов составлял

всего 11,1 кг, а вес 6 снаряжённых дисковых магазинов к «ДП-27» в двух коробах для ношения, суммарно на 296 патронов, составляет 21,6 кг. Таким образом, общее уменьшение «мертвого веса» системы составило 10,5 кг;

2. Танковый пулемет «ДТ» с приемником Г. С. Шпагина, для которого требовалась только постановка самого приемника, в результате был достигнут значительный выигрыш в весе. Полный вес металлической ленты на 300 патронов образца 1930 г. — «Т», составляет 9,8 кг, при этом вес 300 патронов, снаряжённых в пяти дисковых магазинах — «ДТ» (по 63 патрона), составляет 16,5 кг. Таким образом, экономия веса боеприпасов на один боекомплект — 6,7 кг;

3. Пулемет Дегтярева станковый — «ДС № 2»;

4. Пулемет Дегтярева танковый универсальный — «ДТУ».

Особенность всех вышеназванных пулеметов заключалась в том, что они были оснащены приемником ленты системы Г. С. Шпагина и к ним прилагалось по три типа ленты, каждая — на 200 патронов:

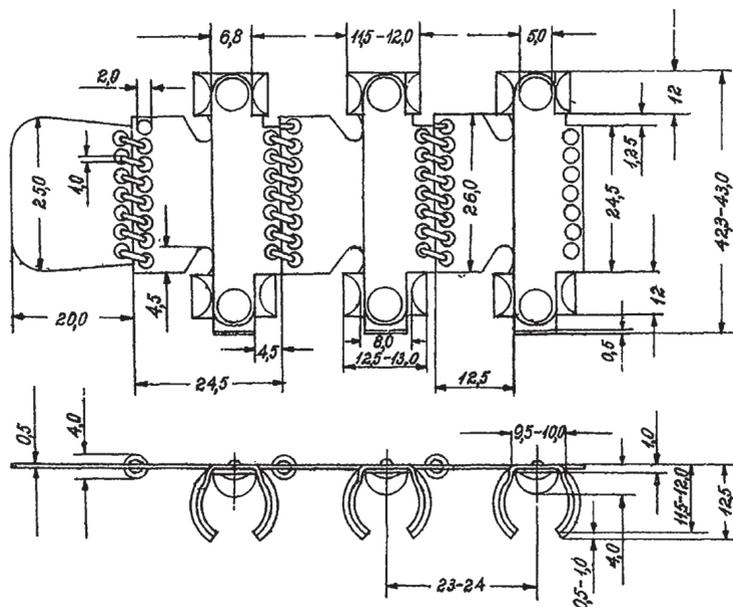
- матерчатая (холщовая) лента;
- лента на базе специального материала из кирзы;
- металлическая рассыпная лента.

Основным образцом для испытаний на полигоне считалась матерчатая лента.

В ноябре-декабре 1931 года на Полигоне НИОП прошло комплексное рассмотрение представленных пулеметов Дегтярева-Шпагина, включая оценку работы системы питания опытных образцов. Помимо других замечаний, направленных Полигоном в НТК АУ о работе системы питания пулемета на базе ленточного питания, отмечалась низкая надежность предложенных решений.

В протоколе НИОП №123/РП/485с от 13 декабря 1931 г. отмечалось практически отсутствие надежной работы автоматики пулеметов Дегтярева на матерчатых лентах, из которых наиболее характерными проблемами стали:

- очень быстрый выход из строя матерчатой ленты из-за прорыва (вырывания) заклепок звеньев из ткани (кирзы);
- хрупкость металлических частей звеньев особенно в части лапок звена, — после одного-двух пропусков ленты через стрельбу звенья ломаются;
- слабая пружинистость звеньев лент;

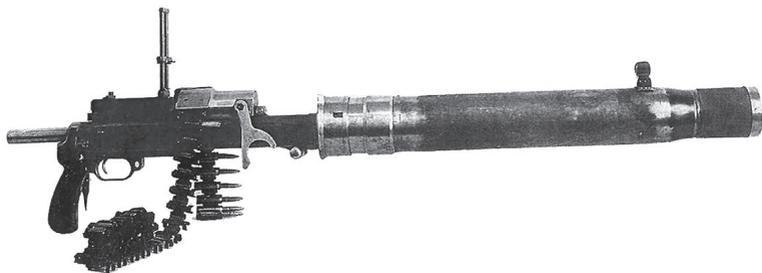

Ил. 5. Чертеж ленты системы Шпагина третьего типа 1932 г.

– избыточная жесткость ленты возникает вследствие плохой термической обработки, из-за чего вытаскивание патрона из ленты механизмом приемника из удерживающих лапок звена происходит с большим усилием.

Более высокую оценку полигона получил вариант рассыпной металлической ленты, предложенный Г. С. Шпагиным. В протоколе было отмечено: «Пулемет значительно лучше работает при металлической ленте, чем при матерчатой. Даже при стрельбе из пулемета с изношенным механизмом, где получались сплошные не отходы частей, при металлической ленте пулемет работал исправно. Эти качества металлической ленты дают более надежную работу автоматики и удлиняют службу механических частей пулемета: на поворот барабана при металлической ленте требуется значительно меньше усилия, как и на все другие части приемника» (ил. 5).

Несмотря на лучшие характеристики металлической ленты, по-прежнему на низкую надежность автоматики пулеметов

Ил. 6. Станковый пулемёт Дегтярева с приемником системы Шпагина. Энциклопедия ковровского оружия. 1918—1966 гг. По материалам архива КБ «Арматура»

Дегтярева оказывала влияние жесткость ленты из-за плохой термической обработки звеньев, избыточных усилий, связанных с удержанием в ленте: выдавливанием патрона из ленты — из удерживающих лапок звена, с большим усилием.

По результатам испытаний ноября — декабря 1931 г., НТС АУ было рекомендовано БНКиС продолжить доработку своей ленты на базе металлических звеньев, представив ее с неразборным звеном. В соответствии с данными пожеланиями НИОП, Г. С. Шпагин в 1932 г. дорабатывает свою ленту, создав вариант с неразъемными металлическими звеньями, соединенными двумя заклепками на звено. Такая лента использовалась при испытаниях на НИОП образцов пулеметов «ДС» и «ДТУ» в 1932—1933 гг. (ил. 6).

Однако технологические возможности промышленности СССР в начале 1930-х годов, в том числе по характеристикам стали, применяемой для производства металлических элементов ленты, показала низкие характеристики надежности. Отдельные, не замкнутые между собой лапки захватов, либо не держали патрон, и он вываливался, либо отламывались и забивали механизм пулемета, что также приводило к снижению надежности работы системы. Технологическая дисциплина, в том числе по термической обработке звеньев лент, также имела недостатки. Только к 1938 году, с учетом развития металлургии в СССР, термистика и, главное, большей толщины стальной ленты, система Г. С. Шпагина показала себя надежной в работе автоматики на крупнокалиберном «ДШК» образца 1938 г.

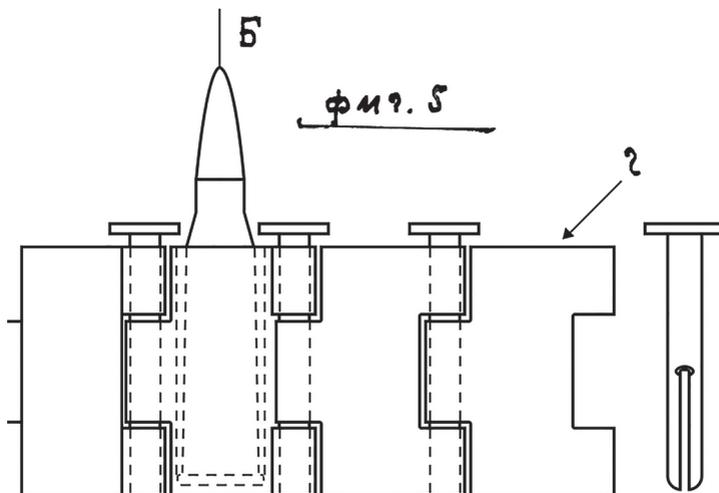
К 1934 г. система «приемник—лента» Г. С. Шпагина по-прежнему надежно не работала, что практически остановило ряд работ БНКиС по пулеметной теме: легкий «ДП», «ДТ» и «ДА» с ленточным питанием, «ДС», «ДТУ». В связи с этим ГАУ приняло решение продолжать разработку «ДС» и других пулеметов под штатные матерчатые ленты пулемета «Максим», что КБ завода № 2 под руководством В. А. Дегтярева и делало практически до самой Великой Отечественной войны. Помимо штатной матерчатой ленты в 1935 г. испытывался пулемет конструкции Дегтярева под ленту «Максим-Виккерс», она же — лента «ПВ-1».

В 1939 г. отдел главного конструктора Инструментального завода № 2, который не был напрямую связан с конструкторским бюро В. А. Дегтярева, но занимался доработкой «ДП-27» и «ДТ-29» (улучшением и модернизацией), предложил ленту, построенную на замкнутом звене, работающем по принципу, классическому для рантового российского патрона с двойным ходом автоматики, связанную соединительным звеном в ленту кусками по 50 патронов и более. Сегодня она известна, как лента, применяемая в дальнейшем на пулемете «СГ-43», а также на ручном пулемете «РП-46».

Возможно, если бы на «ДП», «ДТ», «ДС-32» в начале 1930-х годов была применена эта или аналогичная лента с замкнутым звеном типа «ПВ-1/ШКАС» и, пройдя по пути финского коллеги Аймо Лахти, который в 1932 г. взял за основу проверенную надежную французскую ленту и, добавив стыковочный элемент в систему, сделал из рассыпной ленты целиковую, которая прослужила финской армии много лет, и отказавшись от простого по конструкции приемника в сторону двойного хода автоматики с вытаскиванием, а не продавливанием патронов, например, как на тех же «ШКАСах», на десятилетие раньше удалось бы добиться надежной работы автоматики семейства пулеметов Дегтярева под ленточное питание на рантовом патроне 7,62 × 54 R.

Мощность только одного завода Народного комиссариата вооружения СССР, например, завода НКВ № 66 в г. Тула, позволяла выпускать 15 млн звеньев в год. Это позволило бы обеспечить переход с брезентовых лент на металлические задолго до начала Великой Отечественной войны.

С. Г. Симонов, который со свойственной ему энергией, не смотря на работы, которые шли в БНКиС, обратился в декабре

Ил. 7. Лента системы Симонова

1930 г. в НТКАУ с заявлением о получении согласия на «приспособления приёмника и звенчатой ленты на один из моих пулеметов без ущерба стрельбы из магазинов, так как я в данное время мыслю».

С. Г. Симонов взялся дооснастить собственный ручной пулемет образца 1926 г. (далее — «РПС-26») ленточным приемником и лентой собственной конструкции. К осени 1930 года прошли испытания на НИОП с положительной оценкой VI секции НТС АУ (протокол 314 с от 30 декабря 1930 г.) третьей модификации ручного пулемета «РПС» («РПС-30»), которая уверенно работала на дисках на 32 и 49 патронов. Она имела довольно оригинальную высокотехнологичную конструкцию с минимальным количеством фрезерованных деталей и была построена на базе приспособлений для производства широко распространенных токарных станков.

Выполняя поставленную АУ РККА задачу, С. Г. Симонов первоначально предложил свой вариант приемника и два типа ленты:

- первый тип — металлическая целикомая лента для пехоты и танков;
- второй тип — металлическая звеньевая рассыпная лента для авиации, причем отсоединение звеньев осуществлялось за

Ил. 8. Ручной пулемет Симонова образца 1926 г. Энциклопедия ковровского оружия. 1918—1966 гг. По материалам архива КБ «Арматура»

счет удаления штока, соединявшего звенья в процессе стрельбы (ил. 7).

В начале 1931 г. С. Г. Симонов сделал четвертую модернизацию своего «РПС-26» с учетом перехода ленты и других желаний НИОП и НТКАУ: изменил прицел, отработал автоматику, упрочил боек, ударник и пр. (ил. 8).

Конструкция непосредственно самого приемника базировалась на корпусе приемника пулемета «Максим-Токарев» — «М-Т», образца 1925 г., с рядом внесённых изменений и дополнений, приспособивших его к питанию «РПС-26».

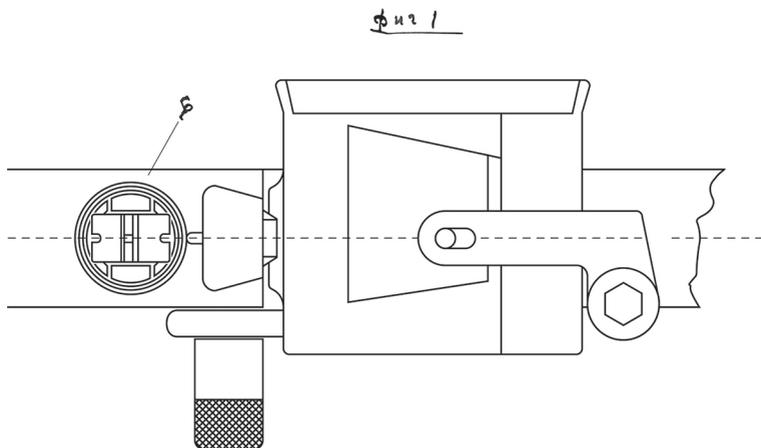
В описании конструкции приемника С. Г. Симонова отмечалось:

1. Приёмник ставится на штатные зацепы для магазинов и может быть снят для производства стрельбы из магазина.

2. Прицельный целик, имея звездообразную форму, поворачивая на оси, даёт для 1-й отметки по высоте, дальность — 200 метров, на 2-й — дальность 300 м и далее — до 600 м. Дальше при поворачивании муфты делается подъем на дистанцию от 600 м до 1500 м, как указаны деления на окружности. Причём муфта стоит на месте, а прицельная планка, сидящая в муфте, при поворачивании последней поднимается вверх на нужную дистанцию.

3. Лента предусматривается в случае применения на авиационных пулеметах с разъединяющимися звеньями. В случае применения приемника только к пехотным пулеметам может быть снят толкающий поводок (ил. 9).

В дальнейшем, в октябре 1931 года, дорабатывая свое решение, кроме двух конструкций металлических лент, намного опережая

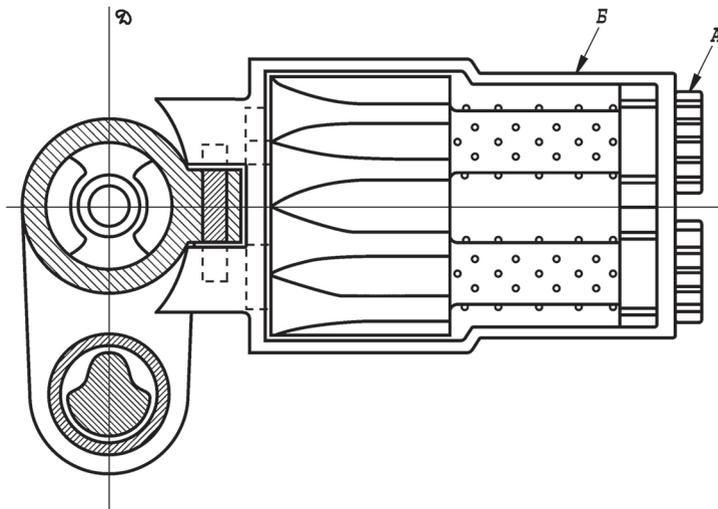
14/8-30, Симонов

Ил. 9. Чертеж приемника РПС Симонова — под металлическую ленту, 1930 г. (публикуется впервые)

время, С. Г. Симонов предложил одноразовую бумажно-картонную ленту с целью минимизации веса пулеметной системы и удешевления ее производства.

Это сегодня одноразовые ленты, на базе пластика, не новость, а для понимания творческого потенциала С. Г. Симонова надо знать, что такое предложение 36-летним изобретателем-конструктором было сделано для РККА 90 лет назад (ил. 10).

Несмотря на оригинальные идеи, силы и время, которые вложил в свой ручной пулемет С. Г. Симонов, в начале 1930-х годов «ИНЗ № 2» крайне важно было развивать налаженное производство «ДП-27» и других пулеметов Дегтярева. Это загружало и развивало производство, давало постоянно увеличивающийся заказ, поэтому к идеям С. Г. Симонова о внедрении в производство новой конструкции «РП» руководство завода подходило прохладно. С. Г. Симонов не только был вынужден заниматься

Ил. 10. Разрез приемника Симонова по бумажно-картонную ленту, 1931 г. (публикуется впервые)

конструированием, разрабатывать чертежи производства узлов и приспособлений, но и пытался сделать расчеты по трудоемкости производства своей конструкции и отстаивать эти расчеты в дирекции завода. Эта работа происходила без отрыва от выполнения непосредственных обязанностей: с 1927 по 1929 год С. Г. Симонов был старшим производственным мастером КПЗ, а с апреля 1929 по май 1930 года — начальником сборочной мастерской завода.

Соответственно, когда автоматическая винтовка Симонова (АВС) начала побеждать в конкурсах АВ в 1931—1932 гг., С. Г. Симонов принял решение сконцентрироваться на этом направлении, отодвинув пулеметную тему в своих работах на несколько лет — до конкурса ГАУ КА на пулеметы в 1942—43 гг.

Таким образом, передовые конструкторские идеи — снабдить РП возможностью комплектования не только диском, но и приемником для стрельбы из пулеметной ленты, сохранив при этом его вес и маневренность при значительном увеличении плотности огня, были проработаны советскими специалистами конструкторского бюро В. Г. Федорова при Ковровском пулеметном заводе (ИНЗ № 2) еще в конце 1920-х начале 1930-х гг. Однако

состояние технологической базы молодого советского государства в те годы не позволило начать практическую реализацию и конструкторские разработки.

---

¹ 1918–1929 гг. — Проектно-конструкторское бюро (ПКБ); 1929–1932 гг. — Бюро новых конструкций и стандартизации (БНКиС); 1932–1936 гг. — Отдел новых конструкций и стандартизации (ОНКиС); 1936–1937 гг. — ККБСВ; 1937–1939 гг. — Центральное конструкторское бюро № 2 (ЦКБ-2) и с 1940 г. — ОКБ-2. Руководители: 1918–1931 гг. — В. Г. Федоров, А. И. Гнатенко, П. И. Майн, В. А. Дегтярев.

² 1924–27 гг. — Ковровский пулеметный завод (КПЗ); 1927–1932 гг. — Инструментальный завод № 2 (ИНЗ №2); 1932–1936 гг. — Инструментальный завод № 2 им. К. О. Киркижа (ИНЗ № 2 им. К. О. Киркижа); с 1936 г. — Завод № 2 НК ОП/ НКВ/МВ.

³ В разных источниках дается разное наименование этих лент: матерчатые, холщовые, холстяные, брезентовые и др. В данной статье используется наименование «матерчатая лента».

Н. В. Агеев (Москва)

ПОЛЕВЫЕ ПУШКИ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, ПРИСПОСОБЛЕННЫЕ ДЛЯ СТРЕЛЬБЫ ПО САМОЛЕТАМ

ПОЯВЛЕНИЕ САМОЛЕТОВ обычно ассоциируется с именами братьев Уилбера и Орвилла Райта, которые 17 декабря 1903 года на испытаниях в США с четвертого раза сумели на 59 секунд поднять летательный аппарат в воздух, преодолев за это время расстояние в 260 м. Интересным является тот факт, что в газетах этот результат описывался в юмористическом тоне, как курьезный. На начало XX века приходится период бурного развития авиации, которая начала активно использоваться уже на полях Первой мировой войны (1914—1918 гг.).

Изыскания средств и способов борьбы с воздушными целями в России проводились еще в конце XIX века. В ходе испытаний стрельба велась по летательным аппаратам легче воздуха — воздушным шарам, аэростатам и дирижаблям. Проводимые испытания по применению стрелкового оружия в качестве средства поражения воздушных шаров, аэростатов и дирижаблей (табл. 1) показали его невысокую результативность, особенно при ведении огня по движущейся воздушной цели. Так, при проведении опытных стрельб по аэростату, находящемуся на высоте 300 м, последний, получив 708 пробоин, всего лишь медленно (за 8 минут) снизился¹.

Увеличение дальности, высоты, и особенно скорости воздушных целей существенно снижали количество попаданий, не оказывая при этом особого влияния на состояние цели из-за «ограниченной дальности и... бессилья маленьких пуль»².

Стрельба по воздушным целям из артиллерийских орудий была более эффективной. И, в то же время, несмотря на то, что русская легкая полевая пушка 76,2-мм (3-дм) образца 1900 (1902)

года по своим тактико-техническим характеристикам являлась одной из лучших легких полевых пушек своего времени, возможности эффективной стрельбы из нее по воздушным целям в силу ряда причин были ограничены.

На основании результатов полигонных стрельб, когда изредка достигались приемлемые результаты, были сделаны следующие выводы:

1. Наиболее эффективным средством борьбы с воздушными целями является артиллерия, а наилучшими боеприпасами — шрапнель.

2. Задача уничтожения самолетов и воздухоплавательных аппаратов или, по крайней мере, задача воспрепятствования ведению ими разведки и наблюдения может быть решена имеющимися полевыми орудиями.

Именно ошибочность второго вывода привела к тому, что до начала Первой мировой войны Россия не имела своих зенитных орудий³. Господство подобных взглядов имело место не только в нашей стране, но и за рубежом. Франция к августу 1914 г. имела всего одно орудие системы полковника Депора, представляющее собой и полевую пушку, и пушку против дирижаблей

Ил. 1. 65-мм пушка

Табл. 1

Результаты опытных стрельб по воздушным целям на полигоне Офицерской воздухоплавательной школы 29 февраля — 31 марта 1912 года⁴

Количество стрелявших	Продолжительность стрельбы	Вид оружия	Количество выстрелов	Высота цели, м	Дальность до цели, м	Результат
Неподвижный змейковый аэроплан (оси эллипса — ширина 6,4 м, длина 12,8 м)						
60 чел.	2 мин.	винтовка	900	300	1200	708 пробовин (354 попадания)
60 чел.	3 мин.	винтовка	900	450	1700	нет
60 чел.	12 мин.	винтовка	900	450	1700	79 пробовин (39 попаданий)
расчет	8 мин.	пулемет	1000	450	1700	24 пробовины (12 попаданий)
расчет	12 мин.	пулемет	1000	450	1700	16 пробовин (8 попаданий)
Подвижный змейковый аэроплан (оси эллипса — ширина 6,4 м, длина 12,8 м), перемещаемый тройкой лошадей со скоростью около 30 км/час						
расчет	3 мин.	пулемет	1000	300	1600—1900	нет
расчет	4 мин.	пулемет	1000	300	1600—1900	10 пробовин (5 попаданий)
расчет	4 мин.	пулемет	1000	600—650	850	116 пробовин (58 попаданий)

Полевые пушки для стрельбы по самолетам времен Первой мировой войны

Количество стрелявших	Продолжительность стрельбы	Вид оружия	Количество выстрелов	Высота цели, м	Дальность до цели, м	Результат
60 чел.	3 мин.	винтовка	600	300	1600—1900	20 пробойн (10 попаданий)
60 чел.	4 мин.	винтовка	600	300	1600—1900	10 пробойн (5 попаданий)
60 чел.	4 мин.	винтовка	800	500—560	700	260 пробойн (130 попаданий)

и аэропланов образца 1909 г.⁵, (калибр 75 мм, пределы угла возвышения -10° — $+50^{\circ}$, пределы угла поворота по азимуту $\pm 27^{\circ}$, наибольшая дальность до 8,5 км, вес в походном положении 1622 кг⁶), а Германия располагала лишь 18 специальными⁷ 65-мм пушками, на полевых лафетах (ил. 1) (длина ствола 35 калибров⁸; пределы стрельбы: по углу места 70° , по высоте — 5700 м, по дальности — 8650 м; вес орудия 875 кг)⁹.

Недооценка развития военно-воздушного флота в официальных взглядах военно-политического руководства России накануне Первой мировой войны обусловила господство концепции о возможности универсального использования полевых пушек за счет их модернизации. Это стремление всемерно поддерживалось Генеральным штабом по понятной причине: «единство калибра» и «единство снаряда» приводили к простоте обучения и использования в бою, к удобству изготовления и снабжения боеприпасами.

Несмотря на то, что русская 76,2-мм (3-дм) легкая полевая пушка образца 1900 (1902) года по своим тактико-техническим характеристикам являлась одной из лучших легких полевых пушек своего времени, однако возможности эффективной стрельбы из нее по воздушным целям были ограничены.

Во-первых, несмотря на преимущество своих баллистических свойств перед зарубежными аналогами, они проявлялись лишь на расстоянии до 3,5 км. Это связано с тем, что шрапнель русской пушки не была приспособлена к сохранению скорости с увеличением

дальности стрельбы, соответственно использование данных боеприпасов для стрельбы по воздушным целям на максимальных дальностях оказывалось малоэффективным. Кроме того, большая начальная скорость влекла за собой меньшую устойчивость всего орудия при выстреле, что в совокупности с отсутствием прицельных приспособлений с независимой линией прицеливания снижало ее скорострельность до 10 выстрелов в минуту.

Во-вторых, официальные взгляды на использование легкой полевой артиллерии довоенного времени основывались на недоверии к действенности артиллерийского огня на дальностях свыше 5–6 км. Действительно, необходимое для корректировки огня наблюдение разрывов 76,2-мм шрапнели, дающей при разрыве незначительное облако дыма, являлось затруднительным на дальностях, свыше 6 км, даже при наличии хороших оптических приборов (воздушная корректировка огня тогда находилась в зачаточном состоянии). Добровольное «ограничение» тактико-технических характеристик орудия сказалось на всех элементах, комплектующих орудие:

- конструкция лафета ограничивала угол возвышения (-6° — $+16^{\circ}$) и дальность стрельбы (не более 6,5 км), соответственно самолет, поднявшись на высоту более 800–1000 м или, приближаясь к орудью с пологим снижением, оказывался вообще вне зоны действительного огня артиллерии, находясь в «мертвой воронке»;

- прицельные приспособления были рассчитаны и сконструированы также в пределах вышеуказанной дальности и предназначались для стрельбы по маломаневренным наземным объектам, стрельба по более подвижным воздушным целям приводила к резкому снижению точности стрельбы;

- 22-секундная дистанционная трубка устаревшего образца позволяла вести стрельбу лишь на дальности до 5,5 км, а проектирование, испытание и трудное в техническом отношении производство 34-секундных дистанционных трубок, практически исключило их использование русской армией в боевых действиях во время Первой мировой войны.

В-третьих, шрапнель (количество пуль в шрапнели — 260, вес пули 2,5 золотника или около 10,7 г) была рассчитана на поражение наземных площадных объектов (так, на дальности до 2 км глубина площади разлета пуль достигала 500 м, а ширина полосы разлета — 20–65 м), соответственно при стрельбе по воздушным

целям трубка промаха составляла лишь 20—65 м, что свидетельствует о чрезвычайно высоких требованиях к точности стрельбы.

В-четвертых, в походном положении с посаженными номерами 76-мм пушка образца 1902 года весила около 2200 кг, то есть превышала предельный вес около 1900 кг, допустимый при запряжке из 6 лошадей, что затрудняло маневрирование на поле боя, особенно под неприятельским огнем.

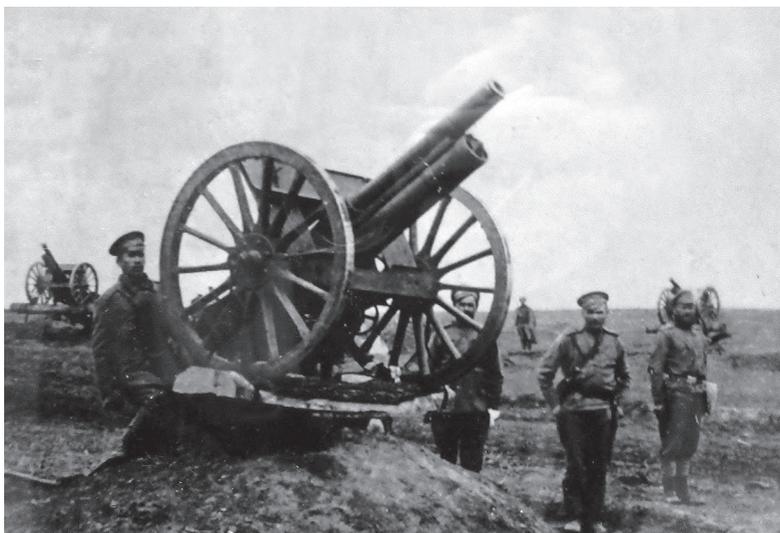
Частичное решение этих задач привело к появлению на поле боя пушек, «приспособленных для стрельбы по воздушно-му флоту».

Основной причиной низких результатов стрельбы по аэропланам являлось отличие характеристик наземных целей от воздушных, способность последних маневрировать в пространстве; существенно более высокие, по сравнению с наземными объектами, скорости движения. Наконец, чтобы увидеть тот же самолет, достаточно задрать голову, а наземное орудие не может без дополнительных приспособлений увеличить угол возвышения ствола. Для этого надо было либо опустить заднюю часть лафета (станок ямного типа), либо поднять дульную часть полевой пушки (станок тумбового типа), либо создавать специальное орудие. Инженерно-технические решения накануне и во время Первой мировой войны были направлены как на создание специальных, зенитных пушек, так и на изобретение приспособлений (станков) для полевых орудий, позволявших увеличивать последним угол стрельбы.

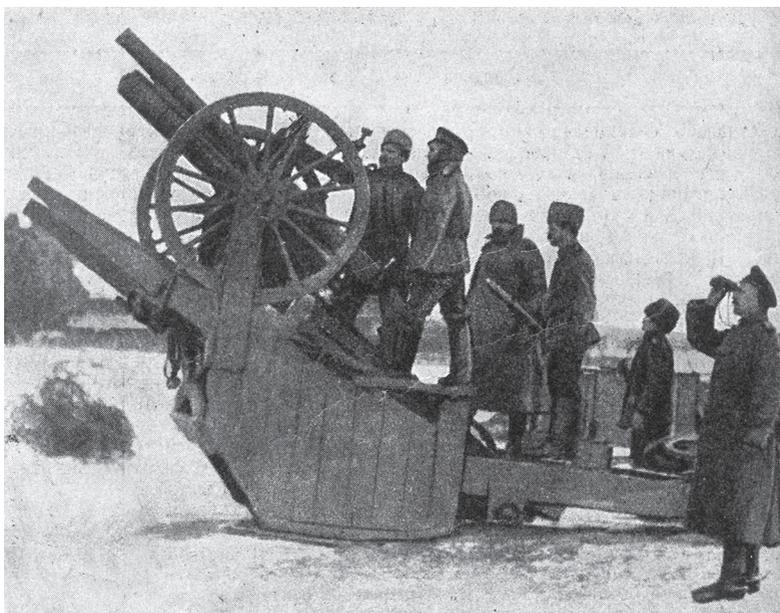
Один из станков ямного типа был предложен техником Матвеевым. Постройка требовала двухдневных трудозатрат (в летних условиях), вес станка составлял 730 кг (ил. 2). Поэтому иногда пытались создавать кустарные устройства, размещая самодельную платформу на колесо от обычной повозки, закрепленное с помощью простого кола.

Среди станков тумбового типа наиболее удачным был станок конструкции командира 7-й отдельной зенитной батареи капитана Б. Н. Иванова (ил. 3), который был в 1916 г. одобрен Артиллерийским комитетом Главного артиллерийского управления к изготовлению заводским способом. Удачная конструкция обусловила то, что данный станок находился на вооружении вплоть до 1934 года (ил. 4).

Самым существенным недостатком станков тумбового типа было то, что из-за неустойчивости при стрельбе, орудиям нельзя

Ил. 2. Станок ямного типа

Ил. 3. Станок тумбового типа

было придавать углы возвышения менее 30° . Наиболее оригинальным был станок конструкции техника Мяги (ил. 5).

Учитывая, что предел изменения угла возвышения легких полевых пушек изменялся от -6° до $+16^\circ$, даже придание им дополнительного угла возвышения за счет использования специальных станков, не позволяло производить обстрел целей в полном диапазоне от 0° до 90° , что обуславливало наличие значительной «мертвой воронки». Вследствие этого уже на высоте 4 км самолеты находились в полной безопасности, а при скорости 40–60 м/сек. на высоте полета 2,5–3 км самолет пролетал

всю зону обстрела в 6–7 км за 1,5–3 минуты, за это время батарея могла сделать по нему всего 1–2 залпа. Установлено, что для того, чтобы сбить один самолет германской и французской артиллерии, требовалось в среднем выпустить от 3000 до 11 000 выстрелов даже при стрельбе из специальных зенитных орудий; при стрельбе из приспособленных орудий требовалось произвести в 3–4 раза больше выстрелов (от 9000 до 44 000)¹⁰, то есть в этом случае поражение быстро летящего самолета можно считать удачной случайностью (для сравнения: в среднем за всю Русско-японскую войну 1276 русских легких полевых 76,2-мм пушек произвели 918 000¹¹ выстрелов, то есть по 720 выстрелов за войну пришлось на каждое орудие).

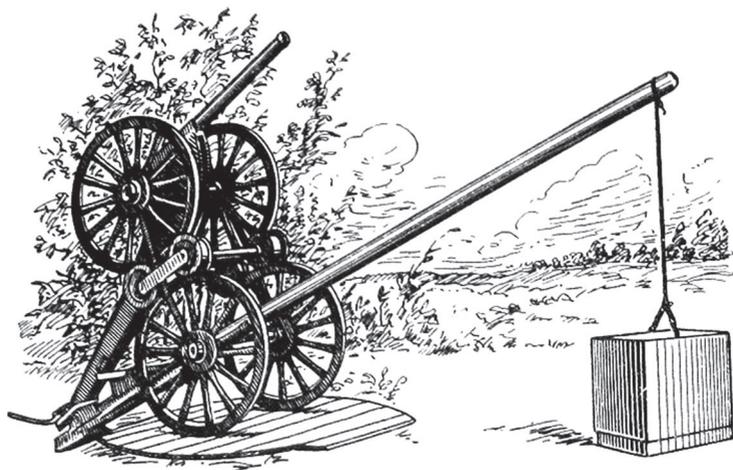
Ил. 4. Станок тумбового типа Б. Н. Иванова

Следствием недооценки значимости средств воздушного нападения в предстоящей войне являлась незавершенность теоретических основ ведения борьбы с воздушными целями. Например, в «Наставлении для действий полевой артиллерии в бою» (высочайше утверждено 28 февраля 1912 г.) в § 87 отмечалось, что «важное значение для артиллерии имеет обстреливание воздушных шаров и летательных машин», но практических указаний и рекомендаций по ведению стрельбы не имелось. Так, не указывалось, какой снаряд для этого предпочтителен (§ 85 «Выбор снаряда»), а относительно вида огня (§ 77) говорится, что «стрельба на поражение ведется сильными короткими взрывами огня (ураганам)», то есть, когда определенное количество выстрелов выпускается в возможно меньший промежуток времени¹².

В предвоенный период в «Артиллерийском журнале», других изданиях ГАУ, Артиллерийской академии, Офицерской Артиллерийской школы появились публикации, посвященные теории «противоаэропланной стрельбы»¹³.

Среди основных нерешенных проблем следует выделить следующие:

- во-первых, в какую точку пространства необходимо направить снаряд, чтобы он встретился с движущейся целью;
- во-вторых, каковы должны быть установки орудия и взрывателя (дистанционной трубки) в момент стрельбы, чтобы снаряд

Ил. 5. Станок техника Мяги

подорвался в нужной точке и в нужный момент времени (с учетом метеорологических условий стрельбы);

– в-третьих, какие способы стрельбы следует считать наиболее целесообразными и для каких именно воздушных целей; каковы должны быть действия расчетов при боевой работе;

– в-четвертых, как осуществлять пристрелку орудий;

– в-пятых, как оценивать результаты стрельбы.

До начала Первой мировой войны стрельбы по воздушным целям для русской артиллерии являлись системой второстепенной боевой подготовки. В результате в объяснительной записке к «Правилам стрельбы для батарей, вооруженных 3-дм скорострельными пушками (легкой, конной и горной артиллерии)», изданных в 1911 г.¹⁴ в отделе III, посвященном основным видам стрельбы, были изложены указания для стрельбы по дирижаблям (§§ 118–125) и привязным воздушным шарам (§§ 126–128). Стрельба по дирижаблю должна была «вестись только дистанционными выстрелами и с непосредственной наводкой в цель», а по привязному воздушному шару могла производиться и «с наводкой по угломеру и уровню»¹⁵.

Уже первые месяцы боевых действий в ходе Первой мировой войны выявили необходимость защиты от нападения с воздуха некоторых городов (например, после налетов германских цеппелинов на Варшаву в конце сентября 1914 г.¹⁶), стратегических пунктов (царская резиденция в Царском селе, ставка Верховного главнокомандующего и др.), группировок войск и войсковых тылов. Военно-политическое руководство России предприняло шаги сразу по двум направлениям:

– во-первых, по пути создания стационарных артиллерийских подразделений для стрельбы по воздушному флоту, предназначенных для защиты стационарных объектов;

– во-вторых, по пути создания подвижных артиллерийских батарей для защиты войск и войсковых тылов.

Наиболее важным стационарным объектом государственного значения, нуждавшемся в защите от ударов с воздуха в те годы являлась столица Российской империи — г. Петроград и царская резиденция в Царском Селе (г. Пушкин).

Защита российской столицы (в том числе и противосамолетная) была возложена на 6-ю армию, главнокомандующим которой был генерал от артиллерии К. П. Фан-дер-Флит. 17 ноября он утвердил приказом № 90 разработанную штабом армии

специальную «Инструкцию по воздухоплаванию в районе VI армии». Этот документ (введен в действие 25 ноября — 8 декабря по старому стилю, 1914 г.) положил, по существу, начало организованной противовоздушной обороны г. Петрограда¹⁷. Начало защиты царской резиденции в Царском Селе от угрозы с воздуха было положено в апреле 1915 г., когда были сформированы батареи с 3-дм (76,2-мм) пушками на неподвижных позиционных установках для стрельбы по воздушным целям. Эта батарея имела в своем составе 16 орудий на позиционных установках, в том числе: 12 полевых 76,2-мм пушек образца 1900 г. и 4 зенитных 76,2-мм пушки образца 1914 г., она получила специальное название — «Отдельная батарея для обороны царской резиденции от воздушных аппаратов»¹⁸. В мае ПВО столицы и царской резиденции были объединены, был образован штаб, а в июле того же года Верховный главнокомандующий своим приказом вводит штат воздушной обороны, ставя окончательную точку над ее организационным оформлением¹⁹.

Система ПВО Петрограда наиболее активно стала создаваться в 1916—1917 годах, с ростом угрозы германской авиации для российской столицы. К этому времени она включала две линии воздушного оповещения, две линии радиотелеграфной обороны, зенитно-артиллерийскую оборону и авиационное прикрытие.

Система воздушного оповещения к началу 1917 г. включала 83 наблюдательных поста (расстояние между ними — до 8 км), организационно объединенные в батальон трехротного состава: первая — на удалении 100—140 км (47 постов), вторая — на удалении до 60—80 км (36 постов) и системы наблюдения сил флота (над Финским заливом).

Основой первой (дальней) линии радиотелеграфной обороны являлись радиоконпасные радиостанции, располагавшиеся на удалении 200—350 км, вторая (ближняя) линия включала радиопеленгаторные радиостанции — удаление от столицы до 125 км. Радиоразведка и пеленгация переговоров противника в воздухе позволяла обнаруживать воздушные цели за 1—1,5 часа до подлета к столице. Проект радиотелеграфной обороны, который предполагал развертывание 14 радиостанций (8 радиоконпасных и 6 радиопеленгаторных), в полном объеме осуществлен не был — развернуть удалось радиопеленгаторы в Выборге, Нарве, Луге и Старой Руссе.

Два пояса зенитно-артиллерийской обороны включали стационарно расположенные батареи приспособленных полевых пушек, крепостную приспособленную артиллерию и некоторое количество зенитных пушек, расположенных на расстоянии 30—40 км (дальний пояс) и 6—15 км (ближний пояс) от столицы.

Вопрос о создании авиационного дивизиона для охраны Петрограда, предполагавший включение в его состав Петроградского, Кронштадского крепостного и Чудского гидроавиационного отрядов, оставался открытым вплоть до ноября 1914 г.²⁰

Потребность в зенитных орудиях русской армии определялась из расчета по одной 4-х орудийной батарее на каждый корпус, для каждой армии еще по 3 батареи и, сверх того, для каждого фронта — по 4 батареи. Как подтверждают данные таблицы 2, командование русской армии попыталось решить проблему ПВО формированием подразделений полевой артиллерии, приспособленной для стрельбы по воздушному флоту.

Учитывая, что в среднем потребность в специальных зенитных орудиях составляла 584 орудия (или 146 батарей)²¹, она была удовлетворена лишь на 13 %. Таким образом, можно считать, и то — с некоторой натяжкой, что во время войны русская армия имела на фронте не более 23 зенитных батарей с 69 специальными орудиями 76,2-мм (75-мм) калибра для стрельбы по воздушным целям.

Привлечение приспособленных легких полевых орудий для борьбы с воздушными целями началось в 1915 г., когда была сформирована отдельная батарея «для обороны царской резиденции от воздушных аппаратов» смешанного состава (штат был утвержден только в 1916 г., по штату при батарее имелась пулеметная команда).

В декабре 1915 г. последовал приказ Ставки Главковерха²² о формировании для армии 1, 2, 3 и 4-й отдельных легких 4-орудийных батарей для стрельбы по зенитным целям с 76,2-мм пушками на неподвижных кустарных установках. Инициатива в формировании большинства батарей для стрельбы по воздушному флоту, вооруженных полевыми 76,2-мм пушками на кустарных установках, исходила от командующих фронтами и даже армий по мере возникновения потребностей, по самым разнообразным штатам (бронированные — в 2 орудия, ездящие — в 4 орудия, на железной дороге — от 2 до 12 орудий и т. д.), а то и вовсе без штата.

**Количество и характеристика батарей русской армии, формируемых
для стрельбы по воздушному флоту в 1914–1917 гг.²³**

Характеристика батарей	Вооружение, год выпуска	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Всего
Специальные 4-х орудийные на автомобилях	76,2-мм противоаэростатная пушка, обр. 1914 г.	—	2 (8) ¹	5 (21) ²	5 (20) ³	12 (49)
Специальные 2-х орудийные железнодорожные	76,2-мм противоаэростатная пушка, обр. 1914 г.	—	—	—	10 (20)	10 (20)
Смешанные 16-и орудийные	Из них 4–76,2-мм противоаэростатных пушки, обр. 1914 г., 12–76,2-мм легкие полевые пушки, обр. 1900 г.	1 (16)	—	—	1 (16) ⁴	2 (32)
Приспособленные для стрельбы по воздушному флоту 4-х орудийные	76,2-мм легкая полевая пушка, обр. 1900 г.	—	4 (16)	78 (312)	97 (388)	179 (716)

Полевые пушки для стрельбы по самолетам времен Первой мировой войны

Характеристика батарей	Вооружение, год выпуска	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Всего
Приспособленные для стрельбы по воздушному флоту 4-х орудийные	76,2-мм легкая полевая пушка, обр. 1902 г.	—	—	—	23 (92)	23 (92)
	75-мм морская пушка	3 (12)	—	4 (16)	1 (4)	8 (32)
Приспособленные для стрельбы по воздушному флоту 2-х орудийные	76,2-мм легкая полевая пушка, обр. 1900 г.	—	—	—	13 (26)	13 (26)
Итого батарей (орудий)		4 (28)	6 (24)	87 (349)	150 (566)	247 (967)

Примечание

¹ В скобках указано общее количество орудий.

² На фронте участвовала в боевых действиях автомобильная зенитная 75-мм пушка с командой, командированной на фронт русской армии из французской армии.

³ Из них три отдельные ездящие батареи с пушками, закрепленные на деревянных платформах.

⁴ Из них четыре пушки образца 1902 г. Все пушки были стационарно установлены на неподвижных установках.

Эти формирования обычно впоследствии подтверждались приказами Ставки с утверждением штата и имели самые разные названия (противоаэропланные, противосамолетные, противовоздушноаростатные, для стрельбы по воздушному флоту и т. д.). Кроме того, до самого конца войны существовало немало нештатных батарей или организованных путем переформирования ополченских батарей. Никакой определенной системы и плановости в организации и формированиях батарей для стрельбы по воздушному флоту не было.

Таким образом, несмотря на несовершенство подобных вооружений, они сыграли свою положительную роль в защите наземных объектов от ударов с воздуха. Согласитесь, одно дело — вести безнаказанную бомбардировку наземных объектов или безбоязненно летать, ведя разведку с воздуха, и совсем другое дело, когда по тебе ведут стрельбу. Пусть неэффективно, но нервность летчиков в подобных ситуациях значительно снижала точность их ударов, а иногда и вынуждала отказываться от выполнения боевой задачи.

---

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 7. Л. 7.

² Руппенейт В. Р. Об орудиях для стрельбы по воздушным шарам // Артиллерийский журнал. № 5, 1909. С. 447.

³ Термин «зенитная артиллерия» был официально закреплен в приказе Революционного военного совета Советской республики № 1907 от 30 августа 1923 г. вместо существующих ранее различных наименований (противосамолетная, аэро-, противоаэропланная, приспособленная полевая и т. д.).

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 7, Л. 3, 7, 7 об., 8, 8 об.

⁵ 7,5-см аэропланная пушка на моторе. Пулемет на автомобиле (заметки из области артиллерийской техники) // Артиллерийский журнал. № 5. 1911. С. 565.

⁶ Невядомский П. Р. Средства борьбы полевых войск с воздушным флотом. // Артиллерийский журнал. № 5. 1914. С. 515.

⁷ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. В 4 томах. Т. 1. М.: Воениздат, 1948. С. 133—135.

⁸ Руппенейт В. Р. Об орудиях для стрельбы по воздушным шарам // Артиллерийский журнал. № 5. 1909. С. 451.

⁹ Ильенко И. Стрельба по дирижаблю из 48-лн. гаубицы, обр. 1909 г. // Артиллерийский журнал. № 12. 1913. С. 1262.

¹⁰ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. 1. С. 142.

¹¹ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. 4, ч. VI и VII. С. 95.

¹² Наставление для действий полевой артиллерии в бою (высочайше утверждена 28 февраля 1912 г.). СПб., 1912. С. 76, 83—86.

- ¹³ Смысловский Е. К. Стрельба по воздушным целям // Артиллерийский журнал. № 4. 1911. С. 359–378, № 5. 1911. С. 493–525; Герцо-Виноградский Н. А. Стрельба по воздушным целям // Артиллерийский журнал. № 9. 1911. С. 248–261; Ильенко И. Стрельба по дирижаблю из 48-лн. гаубицы, обр. 1909 г. // Артиллерийский журнал. № 12. 1913. С. 1261–1270; Невадомский П. Р. Стрельба полевой артиллерии по подвижной воздушной цели // Артиллерийский журнал. № 5. 1914. С. 501–510 и др.
- ¹⁴ Первый проект «Правил стрельбы по воздушным целям» был разработан уже в ходе Первой мировой войны в 1915 г.
- ¹⁵ Объяснительная записка к «Правилам стрельбы для батарей, вооруженных 3-х дм скорострельными пушками (легкой, конной и горной артиллерии)» / Издано по распоряжению ГАУ. СПб., 1911. С. 37–39.
- ¹⁶ Чельцов Б. Ф. Впереди планеты всей // М.: изд-во «Алмаз медиа». Воздушно-космическая оборона. № 3 (10). 2003. С. 34.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. 1. С. 136.
- ¹⁹ Чельцов Б. Ф. Впереди планеты всей. С. 34.
- ²⁰ Составлено на основании: Лашков А. Ю., Голотюк В. Л. Первый руководитель воздушной обороны столицы России // Техника и вооружение. № 8. 2003. С. 3–7.
- ²¹ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. 1. С. 138.
- ²² Верховный главнокомандующий.
- ²³ Составлено на основании: Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. 1. С. 139–141; Агренич А. А. Зенитная артиллерия. М.: Воениздат, 1960. С. 17; Краткая история войск противовоздушной обороны Сухопутных войск // Военно-теоретический труд. Промежуточный отчет / I этап. История зарождения, становления и развития войск противовоздушной обороны Сухопутных войск. Основные закономерности и тенденции. ВА ПВО СВ. Смоленск, 1995. С. 16.

А. И. Алексеев (Санкт-Петербург)

**ПИСЬМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО Ф. М. АПРАКСИНУ
В СОБРАНИЯХ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ
РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БИБЛИОТЕКИ¹**

ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛ Федор Матвеевич Апраксин (1661—1728 гг.) был одним из ближайших сотрудников Петра Великого. Он принадлежал к узкому кругу лиц, которые на протяжении многих лет пользовались особым доверием царя. Ф. М. Апраксин с 1682 г. являлся стольником юного Петра, а затем последовательно занимал должности двинского воеводы (1693—1696 гг.), начальника Адмиралтейского приказа и губернатора Азова (1700—1708 гг.), с 1708 г. являлся генерал-адмиралом, а с 1718 г. — первым президентом Адмиралтейств-коллегии². Большую часть времени Ф. М. Апраксин занимался выполнением важных проектов, находясь на значительном удалении от царя-реформатора. Он руководил строительством Азовского флота, постройкой городов Таганрог и Тавров, в 1708 г. командовал всеми войсками в Ингерманландии, в 1710 г. руководил осадой Выборга, в 1714—1719 гг. управлял Финляндией, в 1715—1720 гг. командовал Ревельской эскадрой и галерным флотом в боевых действиях на о. Готланд и у берегов Швеции. Все это время царь Петр поддерживал интенсивную переписку с Ф. М. Апраксиным: давал ему инструкции, требовал отчетов, сообщал новости, направлял и оценивал действия своего соратника.

Оригиналы писем Петра Великого, адресованные Ф. М. Апраксину, должны были храниться как драгоценные реликвии в родовом архиве Апраксиных. Однако судьбы архивов «птенцов гнезда Петрова» были трагическими. Фамильные архивы

таких крупных деятелей, как А. Д. Меншиков, Б. П. Шереметев, Б. И. Куракин, Ф. А. Головин, М. П. Гагарин, Ф. М. и П. М. Апраксины, Голицыны, Головкины, Долгорукие не сохранились³.

Исследователями установлен тот факт, что в середине XVIII в. начали складываться собрания документов петровского времени, в том числе коллекции писем Петра I (в подлинниках и списках) и его корреспондентов. В конце XVIII в. были изданы сборники писем Петра I к патриарху Адриану⁴, фельдмаршалу Б. П. Шереметеву с ответами Шереметева⁵, вице-губернаторам А. Курбатову и П. Ладыженскому⁶, С. А. Колычеву⁷, письма Петра I к разным лицам за 1706 г.⁸ На протяжении XIX столетия издавались сборники писем Петра Великого И. И. Бутурлину⁹, В. И. Генину¹⁰, В. Я. Левашову¹¹, М. А. Матюшкину¹², князю А. И. Репнину¹³, князю Ф. Ю. Ромодановскому¹⁴, Н. А. Сенявину¹⁵, Г. Г. Скорнякову-Писареву¹⁶.

История издания писем Петра Великого к Ф. М. Апраксину практически не изучена и заслуживает внимания. И. И. Голиков писал, что адмирал Ф. М. Апраксин получил свыше 400 царских писем¹⁷. По предположению исследователя, хранившиеся в родовом архиве графов Апраксиных письма Петра I безвозвратно утрачены и погибли. И. И. Голиков в своих публикациях пользовался копиями писем, хранившимися в Кабинете Петра I, которые ныне хранятся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Всего И. И. Голиковым было опубликовано 190 писем в трех томах приложений к своему труду¹⁸. Ф. О. Туманским было издано 10 писем Петра Великого Ф. М. Апраксину, относящихся к периоду его пребывания на должности воеводы в Архангельске¹⁹.

В 1811 г. было издано²⁰ собрание писем Петра I к Петру Матвеевичу и Федору Матвеевичу Апраксиным: всего в публикации насчитывалось 210 писем, 140 из которых были адресованы Ф. М. Апраксину, а 70 — его брату П. М. Апраксину. В основу этого издания легли оригиналы писем Петра Великого, которые хранились, по-видимому, в архиве генерала Степана Степановича Апраксина (1747—1827 гг.). В пользу этого свидетельствуют как заглавие издания, так и помещенные в конце публикации воспроизведения автографов Петра I. На момент публикации издатель располагал лишь частью собрания: в его распоряжении находились письма к Ф. М. Апраксину с 1693 г. по 1703 г. и с 1715 г. по 1724 г. Письма за период с 1704 г. по 1714 г. отсутствовали

уже к 1811 г. Архив С. С. Апраксина погиб в московском пожаре 1812 г.

В издании писем Петра I к разным лицам, подготовленным В. Н. Берхом, опубликовано 89 писем царя к Ф. М. Апраксину с 1705 по 1724 гг.²¹ В. Н. Берх сообщал, что при подготовке публикации пользовался делами Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейского департамента, а также материалами, подготовленными адмиралом А. И. Нагаевым²². При этом В. Н. Берх указывал, что лично переписал эти письма с копий документов, весьма неаккуратно переписанных писцами²³.

Публикация писем Петра Великого, подготовленная А. Соколовым, включала 26 писем (сам издатель насчитал 27 писем)²⁴. При этом он указал, что на момент публикации, в 1855 г., 11 писем публиковались впервые, а остальные 16 содержали новые подробности. Хронология документов умещалась во временной промежуток с 1695 по 1714 гг. Письма были выбраны А. Соколовым из рукописи, хранящейся в библиотеке Императорской академии наук²⁵.

25 писем Петра Великого Ф. М. Апраксину были опубликованы известным исследователем петровской эпохи Н. Г. Устряловым²⁶. Все опубликованные письма укладывались в период с 1700 по 1704 гг. С. Елагин в двух томах «Материалов по истории русского флота» в эпоху Петра I опубликовал 71 письмо царя Петра Ф. М. Апраксину, которые были написаны между 1707—1721 гг.²⁷ В 1881 г. по неизвестной рукописи, содержащей копии с писем императора Петра Великого, 18 писем Ф. М. Апраксину опубликовал архимандрит Леонид (Кавелин)²⁸. Хронологически эти письма помещались в период с 1694 г. по 1715 г. Большинство исследователей при публикации писем пользовались изданием И. И. Голикова и копиями писем, хранящимися в кабинете Петра Великого. Сборники с копиями писем царя Петра к Ф. М. Апраксину использовали А. Соколов и, по-видимому, архимандрит Леонид (Кавелин).

Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого в 1887 г. в предисловии к первому тому констатировала факт отсутствия подлинников писем Петра I²⁹. О существовании значительного количества писем царя к Ф. М. Апраксину можно судить по копиям документов, дошедших в составе рукописных сборников, и по публикациям XVIII—XIX вв.

Поскольку оригиналы писем Петра Великого Ф. М. Апраксину утрачены, то эти копии приобретают особое значение. В этом отношении исследователям повезло. Комплекс писем Петра к Ф. М. Апраксину на протяжении XVIII в. охотно переписывался и дошел до нас в составе нескольких сборников. В архивохранилищах Санкт-Петербурга известно не менее 12 сборников писем Петра Великого Ф. М. Апраксину. Семь сборников хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ), 4 рукописи находятся в научно-исследовательском архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПБII РАН), 1 рукопись — в библиотеке Российской академии наук (РАН).

Сборник библиотеки Российской академии наук имеет заглавие: «Письма и реляции о военных делах государя императора Петра Великого, писанные собственною рукою его величества к адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину, состоящие с 1700 года по 1725 год»³⁰. Происхождение этого сборника петровских писем поясняет помета о том, что рукопись списана с оригиналов «в Адмиралтейской коллегии хранимых» и датируется 1752 г.

Точно такое же заглавие и помету с указанием даты и места копирования имеет один из сборников писем Петра Великого Ф. М. Апраксину, хранящийся в научно-исследовательском архиве Санкт-Петербургского института истории РАН³¹. Происхождение этого и еще одного сборника из четырех, находящихся в фондах архива, установлено Т. А. Базаровой, по наблюдениям которой «Старые шифры на форзацах двух сборников (Колл. 115. Оп. 1. Д. 443 и 501) указывают на то, что ранее они хранились в БАН и попали в архив СПБII РАН в начале 1930-х гг. в результате перераспределения рукописных фондов между академическими учреждениями»³². Третий сборник из архива СПБII РАН находится в коллекциях Н. П. Лихачева (Колл. 238. Оп. 1. Д. 545) и, согласно выводу Т. А. Базаровой, «мог отложиться как в результате его коллекционерской деятельности, так и из унаследованной фамильной библиотеки»³³. Относительно четвертого сборника с письмами Петра Великого Ф. М. Апраксину Т. А. Базарова указывает, что сохранившаяся владельческая надпись позволяет предполагать, что его владельцем был тайный советник Петр Григорьевич Демидов (1740—1826)³⁴.

Сборники писем царя Петра Ф. М. Апраксину, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке, были выявлены А. Ф. Бычковым³⁵. Только он систематически привлекал все семь сборников писем Петра I Ф. М. Апраксину из фондов РНБ для издания «Писем и бумаг Петра Великого». Эту работу продолжил его сын И. А. Бычков, доведший издание до седьмого тома (1708 г.)³⁶. В настоящее время эти семь сборников хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки: первый из указанных А. Ф. Бычковым — РНБ. Эрмитажное собрание № 473; второй — РНБ. ОСПК. F.IV. 31; третий — РНБ. Собрание М. П. Погодина № 1740; четвертый — РНБ. ОСПК. F.IV. 127; пятый — РНБ. Собрание М. П. Погодина № 1738; шестой — РНБ. Собрание М. П. Погодина № 1738; седьмой — РНБ. Эрмитажное собрание № 471. Относительно истории происхождения этих сборников сказать можно очень немного. Известно, что сборник ОСПК. F.IV. 31 поступил в библиотеку в составе коллекции горного инженера П. К. Фролова, а сборник из собрания М. П. Погодина № 1738 ранее принадлежал П. М. Строеву.

На основании наблюдений над водяными знаками сборники писем Петра Великого из собраний РНБ могут датироваться следующим образом³⁷.

Сборник из коллекции П. К. Фролова (ОСПК. F.IV. 31) написан на бумаге двух типов, которую на основании водяных знаков можно датировать двумя временными периодами. Первая часть сборника (листы 1–167) может быть датирована 1721–1727 гг.³⁸, а вторая часть (листы 168–272) датируется 1735–1797 гг.³⁹ Подтверждают тот факт, что под переплетом этого сборника соединены две части рукописи, написанные в разное время, и наблюдения над почерками: на листах 1–161 (стр. 2–321) — коричневые чернила и крупный почерк, имитирующий полуустав, с листа 161 (стр. 322) — черные чернила и беглая скоропись конца XVIII в. На основании этих наблюдений можно сделать вывод о том, что первая часть сборника писем Петра Великого Ф. М. Апраксину должна быть отнесена к временному интервалу не позднее 1727–1730 гг.

Сборник ОСПК. F.IV. 127, судя по водяным знакам, может быть датирован 1753–1759 годами⁴⁰. Сборник из собрания М. П. Погодина № 1738 написан на бумаге второй половины — конца XVIII в.⁴¹ Сборники из собрания М. П. Погодина № 1739⁴² и № 1740⁴³ близки по времени и, судя по водяным знакам бумаги,

датируются 1750-ми годами. Сборники из Эрмитажного собрания № 471 и № 473 по трем надежным атрибутивным признакам (указание в «Росписи» рукописей М. М. Щербатова, наличию шифра, характерному переплету) относятся к рукописям, переписанным для князя М. М. Щербатова⁴⁴. Эти списки отражают глубокий интерес князя М. М. Щербатова к Петровской эпохе. Судя по бумаге, сборник из Эрмитажного собрания № 471 может датироваться в диапазоне 1753—1777 гг.⁴⁵, а сборник № 473 — периодом близким к 1764—1767 гг.⁴⁶

В сборниках Российской национальной библиотеки какие-либо пометы, указывающие на оригинал, с которого был сделан список, отсутствуют. Для выяснения обстоятельств, времени и мест переписки сборников необходимо тщательное текстологическое и кодикологическое исследование. Пока же можно констатировать следующее. Первая часть сборника писем Петра I Ф. М. Апраксину (ОСРК. F.IV. 31) была переписана в конце 1720-х годов, предположительно, со сборника копий, который находился в Адмиралтейств-коллегии. Вероятно, с этого же «адмиралтейского» сборника были переписаны и сборники из собрания М. П. Погодина № 1739 и № 1740, а также сборник ОСРК. F.IV. 127. Восходят ли все эти рукописи к тексту «адмиралтейского» сборника непосредственно или посредством списков, можно выяснить лишь после изучения всех известных сегодня списков. Вероятно, для восполнения утраченной части рукописи ОСРК. F.IV. 31 в конце XVIII — начале XIX вв. была дополнена заново переписанной частью и переплетена. В таком виде она поступила в коллекцию П. К. Фролова, а затем в составе его коллекции — в Императорскую публичную библиотеку.

Название сборников отсутствует из-за утраты первых листов (ОСРК. F.IV. 31; F.IV. 127; сборник М. П. Погодина № 1739; Эрмитажное собрание № 471) в трех сборниках. В сборнике из собрания М. П. Погодина № 1738 название написано рукой П. М. Строева: «Письма императора Петра Великого к генерал-адмиралу графу Федору Матвеевичу Апраксину в 1700—1724 гг., числом до 350-ти». В сборнике из собрания М. П. Погодина № 1740 на обороте первого листа есть заголовок: «Письма его величества государя императора Петра Великого с 1700 по 1725 гг.». Сборник из Эрмитажного собрания № 473 озаглавлен: «Копии с писем императора Петра Великого с 1700 по 1725 год».

Сборники писем Петра Великого Ф. М. Апраксину построены по одному принципу: письма распределены по годовым главам с отдельной нумерацией внутри каждой главы, причем переписаны они иногда с нарушением хронологии. В конце почти всех сборников помещено оглавление: «Реестр откуда, сколько, в котором году, и в которых месяцах, и числе, и что всех получено, и на котором листу, за собственною его царского величества Петра Великого рукою писем с 1700 году по 1725 год»⁴⁷. Отсутствует оглавление лишь в сборнике из Эрмитажного собрания № 473, а в сборнике F.IV. 127 оглавление есть, но без вышеприведенного названия.

Все сборники писем отличается одна особенность — это несоответствие дат, вынесенных в заглавие сборников «1700—1725 гг.» и дат, указанных в самих письмах. Под заглавием «1700 год» последовательно переписаны письма за период с 1691—1696 гг. Всего таких более ранних писем — 12: под № 1 — письмо 1695 г.; № 2 — 1696 г.; № 3, 4, 5 — 1694 г.; № 6 — 1693 г.; № 7 — 1695 г.; № 8 — 1694 г.; № 9 — 1696 г.; № 10, 11, 13 — 1694 г.; № 15 — 1691 г. Под годовую рубрику с датой «1700 г.» попало и письмо под № 17, которое датируется 1701 г.

Можно предположить, что сборник писем Петра Великого Ф. М. Апраксину, послуживший протографом остальных сборников, был составлен в Адмиралтейств-коллегии. Составитель руководствовался «ведомственным» принципом: он знал, что Ф. М. Апраксин возглавлял Адмиралтейский приказ с 1700 г. Письма царя Петра, адресованные Ф. М. Апраксину на посту двинского воеводы, были помещены в главу с письмами под 1700 г. Последующие переписчики не пытались исправить хронологические несоответствия и слепо копировали оригинал сборника.

Три сборника имеют своеобразные оригинальные приложения. В конце рукописи из Эрмитажного собрания № 473 помещены копии: 1) л. 271. Письмо Петра I к майору С. А. Салтыкову, от 29 октября 1715 г., «О рождении сына Петра Петровича»; 2) л. 271—271 об. Письмо Петра I к майору С. А. Салтыкову, от 31 апреля 1716 г., «О поступке капитан-поручика Татаринова»; 3) л. 271 об. — 272. Указ о лекаре Франце Шрефте от 21 ноября 1716 г.; 4) л. 272—272 об. Именные указы, объявленные майором А. И. Ушаковым Преображенскому полку в 1718—1725 гг., в том числе указ о приеме Степана Апраксина солдатом

в Преображенский полк и о производстве его в унтер-офицеры в будущую компанию; 5) л. 272 об. — 274. Указ Петра от 21 февраля 1721 г. о необходимости офицерам знать «инженерство». На основании того, что в сборнике помещены документы, относящиеся к Степану Апраксину, можно предположить, что сборник мог находиться в родовом архиве фельдмаршала С. Ф. Апраксина и его сына, генерала С. С. Апраксина.

В сборнике из Погодинского собрания № 1740 на последних трех листах помещены копии: 1) л. 111. Письмо Петра вице-адмиралу Крюйсу от 7 июля 1713 г.; 2) л. 111 об. — 112. Письмо Корнелия Крюйса от 8 июля 1713 г.; 3) л. 112 об. Ответное письмо царя Петра от 8 июля 1713 г.; 4) л. 113—113 об. Ответы Петра на примеры Крюйса.

В сборнике ОСРК. F.IV. 127 на листах 159—167 переписаны копии: 1) л. 159—159 об. Письмо Петра I к майору С. А. Салтыкову от 29 октября 1715 г.; 2) л. 160—160 об. Примеры вице-адмирала К. И. Крюйса и ответы царя Петра; 3) л. 161. Речь, сказанная Петром Великим при поздравлении его с подписанием Ништадтского мира; 4) л. 161—161 об. Указ сенату от 22 марта 1716 г. об определении к делам в губерниях отставных офицеров; 5) л. 161 об. Указ, от 16 января 1721 г., о пожаловании в дворяне обер-офицеров с их потомками; 6) л. 161 об. — 166. Реляция о торжествах по случаю мира со Швецией; 7) л. 166 об. Письмо Петра I к Алексею Татищеву из Ступина Яра, от 16 октября 1722 г., о скорейшем прибытии с телегами, лошадьми и конвоем; 8) л. 167. 12 октября 1724 г. Открытый лист об оказании содействия денщику Алексею Татищеву, посланному «для взыскания ботов через пороги»; 9) л. 167. 24 июля 1724. Открытый лист «от Ладоги до Шлютенбурха» на взимание судов и подвод денщику Алексею Татищеву, посланному «для снятия певчих»; 10) л. 167. О мерах для спасения солдат, потерпевших кораблекрушение.

При подготовке к изданию последних томов «Писем и бумаг Петра Великого» исследователи не обращались к сборникам писем, хранящимся в Российской национальной библиотеке. В ряде случаев можно встретить лишь ссылку на сборники из Эрмитажного собрания. Кодикологическое и текстологическое исследование сборников писем Петра Великого, хранящихся в различных архивах, является насущной необходимостью.

- ¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42025/20.
- ² См.: Дмитриев С. И. Генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин. Петроград, 1914. Краткие статьи о биографии Ф. М. Апраксина. // Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1900. С. 256–258; Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 654; Большая российская энциклопедия. Т. 2. М., 2005. С. 127.
- ³ Подьяпольская Е. П. отмечала: «Владельцы имели возможность хранить свои архивы в образцовом порядке, содержать для этого специальный штат работников. Однако до наших времен дошли только фонды Куракиных и Шереметевых, причем далеко не полные. Многие собрания исчезли совсем, от других уцелели разрозненные бумаги». (Подьяпольская Е. П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого». // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 57).
- ⁴ Письма Петра Великого к царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану. СПб., 1788.
- ⁵ Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву. М., 1774; Письма к государю императору Петру Великому от <...> Бориса Петровича Шереметева. Ч. 1–4. М., 1779.
- ⁶ «Собрание разных записок и сочинений...», изд. Ф. О. Туманским. Ч. 5 и 9. СПб., 1787, 1788; «Российский магазин». СПб., 1792–1794.
- ⁷ Письма Петра Великого к Степану Андреевичу Колычеву и ответы его на оные. М., 1785.
- ⁸ «Записные тетради Петра I всяким письмам и делам 1704 и 1706 гг. со многими примечаниями о службе людей, бывших при государе». СПб., 1774.
- ⁹ 24 письма Петра I к Бутурлину И. И. за 1711–1719 гг. напечатаны в журнале «Северный архив» за 1829 г. Ч. 5–9.
- ¹⁰ Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина // Горный журнал. Кн. 1–4. 1826; Кн. 5. 1827.
- ¹¹ Бекетов П. П. Письма и указы Левашову В. Я. М., 1808.
- ¹² «Отечественные записки», 1827. Ч. 30. № 86; Ч. 32. № 91, 92; «Московский телеграф», 1831. Т. 1. С. 155–158.
- ¹³ Письма императора Петра I к князю Никите Ивановичу Репнину за 1710 год // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига. 1876–1880. Т. 1.
- ¹⁴ Письма Петра Великого к князю Федору Юрьевичу Ромодановскому // Русский архив. 1865. Вып. 5–6. Стб. 636–674.
- ¹⁵ Письма и указы Петра Великого к Синявину Н. А. СПб., 1786.
- ¹⁶ Письма Петра Великого к Скорнякову-Писареву. 1707–1722 (гг.) // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 665–673.
- ¹⁷ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 14. М., 1842 (2-е издание). С. 11.
- ¹⁸ Там же. Ч. 10. М., 1788; Там же. Ч. 11. М., 1789; Там же. Ч. 12. М., 1789.
- ¹⁹ Туманский Ф. О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого». Ч. 5. СПб., 1787.

- ²⁰ Собрание собственноручных писем Петра Великого к Апраксиним. Ч. 1, 2. М., 1811. Под инициалами П. Я. скрывался гвардейский офицер Платон Степанович Яковлев.
- ²¹ Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя. Ч. 1. СПб., 1829; Ч. 3. СПб., 1830. Берх В. Н. поместил письма Петра Великого в 1-й и 3-й частях, а ответы на письма разных лиц во 2-й и 4-й частях.
- ²² Берх В. Н. Собрание писем императора Петра I. С. 1, 5.
- ²³ Там же. С. 5.
- ²⁴ Незданные письма Петра Великого графу Ф. М. Апраксину // Морской сборник. 1855. Т. 19. № 11. С. 130—150.
- ²⁵ БАН. 32.5.26. Рукопись описана: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Российской академии наук. Вып. 1. XVIII в. М.-Л., 1956. С. 230, 445.
- ²⁶ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. Приложения. СПб., 1863.
- ²⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. 1, 2. СПб., 1865.
- ²⁸ Копии с писем императора Петра Великого. Сообщил архимандрит Леонид (Кавелин) // ЧОИДР. 1881. Кн. 4. С. 1—15.
- ²⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. С. 19.
- ³⁰ БАН. 32.5.26. Рукопись описана: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Российской академии наук. Вып. 1. XVIII в. М.-Л., 1956. С. 230, 445.
- ³¹ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 433. Л. 270.
- ³² Базарова Т. А. Сборники писем Петра I генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину в собрании Научно-исторического архива СПбИИ РАН // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Международной научной конференции. Москва, 12—14 апр. 2018 / Российский государственный гуманитарный университет. Историко-архивный институт. Высшая школа источниковедения, специальных и вспомогательных исторических дисциплин. Российская академия наук. Институт всеобщей истории. М., ИВИ РАН. 2018. С. 76.
- ³³ Базарова Т. А. «Альбом петровского навигатора» из собрания Лихачева Н. П. Археографическое введение // Альбом петровского навигатора / Изд. подгот. Т. А. Базарова, Д. Н. Копелев. СПб., 2016. С. 30—33.
- ³⁴ Базарова Т. А. Сборники писем Петра I генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину в собрании Научно-исторического архива СПбИИ РАН. С. 76.
- ³⁵ Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования. СПб., 1872. С. 66—71.
- ³⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. (январь — июнь 1708). Вып. 1. Петроград, 1918.
- ³⁷ Выражаю благодарность Ляховицкому Е. А. за консультации по определению водяных знаков бумаги сборников с письмами Петра Великого к Ф. М. Апраксину из фондов РНБ.
- ³⁸ Водяной знак «Четыре якоря». Опубликованные водяные знаки встречаются в 1721—1727 гг. (см.: Тромонин К. Я. Изъяснения в знаках, видимых в писчей бумаге. М., 1844. № 916—918. 1724; Резцов Н. А. Бумага в России. III. Бумага в России до XIX столетия. СПб., 1913. С. 88—89, рис. 80. 1722, 1723,

1725; Uchastkina Z. V. A History of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum, 1962. № 6–8. 1723, 1725; Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. С. 32, 76. № 869. 1721, 1727). Бумага с данным водяным знаком выпускалась Красносельской и Дудергофской бумажными мельницами (см.: Uchastkina Z. V. A History of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum, 1962. P. 135).

³⁹ GR под короной // Pro Patria. Опубликованные водяные знаки встречаются в 1735–1797 гг. (см. Клепиков С. А., Кукушкина М. В. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного производства (материалы для датировки рукописных и печатных документов) // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1965. № 226. 1752, 1753, 1754, 1759–1768, 1762, 1783, 1790; см.: Клепиков С. А., Кукушкина М. В. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного производства (материалы для датировки рукописных и печатных документов) // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. III. Л., 1972. № 226. 1735, 1737, 1740, 1749, 1797; Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 1044. 1762).

⁴⁰ Чередование бумаги: 1) С водяным знаком – герб Сиверса. Опубликованные водяные знаки, см.: Uchastkina Z. V. A History of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum, 1962. № 116. 1752; 2) ЛК / 1751. См.: Кукушкина М. В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII – начала XIX в. // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Вып. II. XIX–XX века. М.-Л., 1958. № 12. 1751–1754; 3) ЛК / 1753. См.: там же. 1753–1759; 4) ЛК / 1752. См.: там же. 1752).

⁴¹ Сборник переписан почти исключительно на бумаге производства Красносельской бумажной мельницы (кроме переплетных листов). Литеры GR под короной / Pro Patria: Л. 3–169. Опубликованные водяные знаки, см.: Клепиков С. А., Кукушкина М. В. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного производства (материалы для датировки рукописных и печатных документов) // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. III. Л., 1972. № 226. 1752, 1753, 1754, 1759–1768, 1762, 1783, 1790; Pro Patria с литерами HD / литеры GR под короной: Л. 170–225. Опубликованные водяные знаки, см.: Voorn H. De papiermolens in de provincie Noord-Holland. II. Haarlem, 1960. № 144. 1800.

⁴² ЛК / 1745. Л. 1–195, и далее, чередование бумаги со знаком «Комерць коллегии». Опубликованные водяные знаки, см.: Кукушкина М. В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII–начала XIX в. // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии Наук. Вып. II. XIX–XX вв. М.-Л., 1958. № 12. 1746; Uchastkina Z. V. A History of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum, 1962. № 353. 1755. «Комерць коллегии»: Л. 195, чередование бумаги со знаком ЛК / 1745. Опубликованные водяные знаки, см.: Кукушкина М. В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII–начала XIX в. // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии Наук. Вып. II. XIX–XX века. М.-Л., 1958. № 11. 1738–1747.

⁴³ Литеры ГУБР / ФСМП. Опубликованные водяные знаки встречаются в диапазоне 1740–1754 гг.: см.: Клепиков № 218. 1749, 1754; Uchastkina Z. V. A History of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum, 1962. 1747, 1749. № 316–317; Кукушкина М. В. 1740–1753. № 190. Бумага производилась Угличской

писчебумажной фабрикой при ее основателе Максиме Переяславцеве (фабрика основана в 1735 г., Переяславцев М. умер между 1746 и 1754 гг.).

⁴⁴ Афферика Д. К вопросу об определении русских рукописей князя М. М. Щербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // ТОДРЛ. Т. 35. Л., 1980. С. 391.

⁴⁵ Аббревиатура ФК / ПР. Опубликованные водяные знаки встречаются в 1753—1777 гг. См.: Клепиков С. А. Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959. № 705. 1765, 1773—1777; Клепиков С. А. Филигрani на бумаге русского производства. М., 1978. № 965. 1753.

⁴⁶ ГКС / Графский герб Сиверса. Опубликованные водяные знаки. См.: Клепиков С. А. Филигрani на бумаге русского производства. М., 1978. № 193. 1764. № 194. 1767.

⁴⁷ В сборниках РНБ: ОСРК. F.IV. 31. Л. 270; Погодин М. П. 1738. Л. 217. 1739. Л. 370. 1740. Л. 106 об.; Эрмитажное собрание № 471. Л. 173 об.

Т. В. Алексеев (Санкт-Петербург)

СОЗДАНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА РОССИИ: ТРАДИЦИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

325-ЛЕТИЕ ПРИНЯТИЯ боярской думой решения о создании регулярного русского военно-морского флота (1696 г.) — очередная юбилейная дата, которую отмечают в 2021 году, — дает повод еще раз обратиться к вопросу об исходной точке в этой истории. Она должна характеризоваться пространственно-временными параметрами, то есть неким историческим событием, произошедшим в определенное время и в определенном месте. На сегодняшний день таким событием считается принятие боярской думой 20 октября (30 октября — по новому стилю) 1696 г. решения о строительстве кораблей («Морским судам быть»), как одном из мероприятий, направленных на удержание завоеванной турецкой крепости Азов в устье р. Дона¹. На основании этого решения, в Воронеже и близлежащих к нему районах, в конце 1696 — начале 1697 гг. началось строительство кораблей для первого регулярного формирования русского флота — Азовского флота². Между тем, подобная трактовка сложилась в отечественной историографии далеко не сразу. Более того, имелись и имеются альтернативные варианты ответа на вопросы, где и когда началось создание русского военно-морского флота. Целью настоящей статьи является освещение истории формирования традиционной трактовки ответа на данный вопрос и рассмотрение возможных альтернатив.

В дореволюционной отечественной историографии определенная позиция относительно начальной точки отсчета истории военно-морского флота складывалась длительное время. Первые крупные историографы флота — А. С. Шишков³, Н. А. Бестужев⁴, В. Н. Берх⁵, И. И. Голиков⁶ — один из первых биографов Петра I,

в своих трудах, посвященных обсуждению вопроса строительства флота, даже не упоминали о заседаниях боярской думы. В работах Н. Г. Устрялова⁷, а вслед за ним С. И. Елагина⁸ и С. М. Соловьева⁹ уже содержались сведения об этих заседаниях, происходивших в подмосковном селе Преображенском, и принятых на них решениях. Правда, Н. Г. Устрялов упоминал только о заседании 4 ноября 1696 г., на котором было решено учредить так называемые «кумпанства», за счет средств которых и осуществлялось на первом этапе строительство Азовского флота. Зато два других автора указали на решение боярской думы и от 20 октября того же года, содержащее знаменитые слова: «Морским судам быть». Ф. Ф. Веселаго охарактеризовал этот думский приговор, как «решение о содержании постоянного флота»¹⁰. Подобной оценки придерживались и другие дореволюционные исследователи, например, Е. И. Аренс, писавший: «Мысль о постоянном военном флоте напрашивалась сама собой. Созванная в Преображенском боярская дума 4 ноября (так у автора, прим. Т. В. Алексеев) 1696 года постановила: «Морским судам быть»¹¹.

Роль Воронежа, как места рождения русского флота, особо настойчиво, по вполне понятным мотивам, подчеркивали в своих исследованиях воронежские краеведы¹². А название одной из подобных работ — «Колыбель русского флота» — говорит само за себя¹³.

П. И. Белавенец в работе под характерным названием «Двухсотлетие русского флота. (1696—1896)», тем не менее, не связывал факт основания флота ни с какой конкретной датой, акцентируя внимание только на том факте, что в 1696 г. русский флот впервые способствовал успешному осуществлению важной военной операции — овладению крепостью Азов¹⁴.

Таким образом, дореволюционные исследователи никогда не приурочивали дату рождения русского военно-морского флота к 20 октября 1696 г., называя, в большинстве своем, местом такого рождения — город Воронеж. И это вполне объяснимо, так как из объективной оценки содержания документа, со ссылкой на который возникла позднее такая традиция, носившего название «Статьи удобные, которые принадлежат к взятой крепости или фортеции от турок Азов, 1696 года октября 20»¹⁵, трудно было сделать вывод о некоем решении подобного рода. Дореволюционные исследователи склонны были скорее считать исходным событием строительство — в начале 1696 г., на верфях

в Воронеже и в других городах Белгородского полка флота, так называемого «морского каравана», участвовавшего во втором Азовском походе.

В советской историографии до Великой Отечественной войны вопросы истории армии и флота царского времени в целом рассматривались очень скупо. Примечательно, что в первом издании «Большой советской энциклопедии», вышедшем в свет с 1926 по 1947 гг., статья о русском военно-морском флоте вообще отсутствовала. Авторы одной из первых работ, посвященных Азовским походам, даже не упоминали о решении боярской думы 20 октября 1696 г., ограничиваясь только словами, что Азовские походы «открыли новые страницы в истории... русской армии и флота»¹⁶. Авторитетный морской историк флота А. П. Шершов в своем труде, изданном также в 1940 г., опять же не упоминал о решении боярской думы, но указывал слова Петра I, сказанные им сразу после взятия Азова на совещании 18 июля 1696 г., о том, что «ничто не лучше мнею быть, еже воевать морем... к сему же потребен есть флот»¹⁷.

Ситуация изменилась после Великой Отечественной войны. Академик Е. В. Тарле на заседании Академии наук СССР в конце 1946 г. выступил с докладом «250 лет указа Петра I о создании русского флота»¹⁸, а затем в работе, изданной в 1949 г., утверждал: «“Морским судам быть...” Это принятое Думой предложение Петра Алексеевича и сделало дату 20 октября 1696 г. днем рождения русского регулярного военно-морского флота...»¹⁹. Такая трактовка была закреплена в соответствующей статье второго издания «Большой советской энциклопедии»²⁰ и с этого времени прочно вошла в лексикон научных трудов и энциклопедических изданий²¹.

В постсоветский период данная трактовка была закреплена авторитетом государственной власти: указом Президента РФ № 710 от 26 июня 1992 г. было определено широко отметить 300-летие создания флота, отталкиваясь от даты принятия в октябре 1696 г. боярской думой²².

Известный военно-морской историк В. Д. Доценко в своей работе, посвященной развенчанию мифов в истории русского военно-морского флота, дал свою оценку общепринятому взгляду на датировку его возникновения. Прежде всего, он указал на то обстоятельство, что «... ни указа Петра I, ни решения Боярской думы о создании регулярного военного флота не было»²³. Фраза же «Морским судам быть», вычлененная из контекста боярского

приговора, была принята за дату рождения флота достаточно условно. «Все согласились с этой условностью, осознавая, что рождение регулярного военного флота — это не одноразовый акт, а цепь событий 1695—1696 годов»²⁴.

Подобная оценка представляется наиболее адекватной существующей источниковой и историографической базы данной проблемы. Однако она не исключает существования и альтернативных точек зрения. Об их содержании подробно рассуждал в своей монографии В. А. Пальмин²⁵. Напомним, что речь идет о событиях, связанных со строительством на реке Оке галиота «Орел», начатом в 1667 г.; с плаванием Петра I в 1688 г. по реке Яузе и в Просяном пруде на английском ботике, названном позднее «дедушкой русского флота»²⁶; с судостроительной деятельностью Петра на Плещеевом озере в Переяславле-Залесском в 1688—1693 гг. Однако, все эти события при всей своей символичности и значимости для повышения интереса молодого царя к военно-морскому делу²⁷ вряд ли могут рассматриваться как исходная точка в истории военно-морского флота России. В подобном качестве в отечественной историографии отложились только два события, нашедшие к тому же вполне конкретную географическую локализацию.

Еще в конце XIX в. исследователь Е. Ф. Шмурло попытался обосновать в качестве первоначального места создания русского флота верфь, существовавшую в селе Преображенском. По мнению автора, «центр тяжести всей постройки флота зимою 1695—1696 г. лежит не в Воронеже, а в Преображенском»²⁸. Что касается Воронежа, то его роль, как «корабельной верфи» свелась к строительству привычных для этого района стругов и прочих транспортных судов²⁹. Попытку сооружения здесь более крупных судов — кораблей (галеасов) «Апостол Павел» и «Апостол Петр», по мнению Е. Ф. Шмурло, нельзя признать удачной. «Вообще, военные суда воронежской постройки во время похода 1696 г. не играли и не могли играть значительной роли, во-первых, потому, что они не были к этому подготовлены, во-вторых, потому, что их и не думали готовить к этой роли, всю тяжесть задачи, возложив главным образом на суда Преображенские»³⁰.

Справедливости ради, следует отметить, что позиция Е. Ф. Шмурло не нашла деятельных сторонников в последующей отечественной историографии, хотя определенные авторы и отдавали должное роли Преображенской верфи³¹.

Вторым местом, претендующим на роль родины отечественного военно-морского флота, является Архангельск, куда в 1693 г. и 1694 г. совершил поездки царь Петр и, где при его активном участии в эти годы велось морское судостроение. Историография этого вопроса довольно обширна и требует более подробного рассмотрения.

Позволим себе высказать утверждение, что показателем окончательно сформировавшейся традиционной точки зрения в историографии той или иной проблемы могут служить положения и оценки, изложенные в энциклопедических изданиях. С этих позиций можно утверждать, что подобная традиционная точка зрения в отношении Архангельска как центра военно-морского судостроения до сих пор не сформирована. Для иллюстрации этого достаточно посмотреть, как в изданиях подобного рода обозначалось основание в Архангельске адмиралтейства и, как характеризовалось возникшее здесь судостроение. В первой российской энциклопедии — «Энциклопедическом лексиконе», изданном А. Плюшаром в 1835–1841 гг., датой учреждения адмиралтейства как составной части Архангельского порта назывался 1733 год³², а построенное в 1694 г. в Архангельске судно «Св. Павел» обозначалось как «первый русский купеческий корабль»³³. Данная трактовка была характерна и для остальных дореволюционных изданий³⁴. Авторитетные советские издания, вслед за «Большой советской энциклопедией», утверждали основание Петром I в 1693 г. в Архангельске верфи и адмиралтейства, то есть, указывая косвенно на изначально военный характер судостроения³⁵. «Военная энциклопедия», изданная уже в постсоветский период, упоминала только об основании Петром, в том же 1693 году, Соломбальской верфи без всякой конкретизации ее специализации³⁶. И, наконец, «Большая российская энциклопедия» вновь возвращается на позиции советских изданий³⁷.

Отсутствие традиционной точки зрения предполагает наличие широкой палитры мнений по проблеме начального этапа архангельского судостроения. Рассмотрим, как эта палитра формировалась в историографии на протяжении почти 300 лет.

Первым в ряду прочих предметов дискуссий исследователей возникал вопрос о строительстве в 1693 г. и предназначении яхты «Св. Петр», а также об основании судостроительной верфи на Соломбальском острове Архангельска.

Первое упоминание об этих событиях принадлежало перу самого Петра I и содержалось в «Рассказе Петра о начале кораблестроения в России», изданном в виде приложения ко второму тому труда Н. Г. Устрялова. При этом царствующий автор ограничился указанием на тот факт, что он совершил плавание «... на своей яхте, именуемой Св. Петра» вместе с английскими и голландскими купеческими кораблями³⁸. Столь же краткими были и большинство авторов, писавших в XVIII и первой половине XIX вв.³⁹ Только Н. А. Бестужев впервые упомянул о строителе яхты «Св. Петр», голландце Брандте, и о распоряжении царя Петра I воеводе Ф. М. Апраксину к весне следующего — 1694 года, купить купеческий корабль у иностранцев, а второй построить, для чего в Архангельск были направлены мастера Никлас и Ян⁴⁰.

Н. Г. Устрялов прямо писал, что ему неизвестно происхождение яхты «Св. Петр»⁴¹, зато он первым отметил основание верфи на Соломбале, где лично Петром I был заложен корабль накануне его отъезда в Москву в сентябре 1693 г. Он также конкретизировал, что второй корабль было поручено купить в Голландии голландскому предпринимателю Н. Витсену⁴². Подобной трактовки длительное время придерживалось большинство исследователей⁴³.

Версия о строительстве яхты «Св. Петр» на Соломбальской верфи в 1693 г. была выдвинута Б. А. Глазенапом⁴⁴ и поддержана некоторыми авторами⁴⁵. Еще одно предположение — о строительстве этого судна на партикулярной верфи братьев Бажениных, было высказано С. Ф. Огородниковым⁴⁶, однако вскоре им же и отвергнуто⁴⁷. Только в 1911 г., благодаря опубликованному А. Ф. Изюмовым документу из московского архива МИД, была внесена ясность в происхождение яхты «Св. Петр». Было установлено, что строительство ее осуществлялось на одном из Соломбальских плотбищ местными плотниками под руководством специально присланных иностранных корабельных мастеров П. Баса, Г. Янсена и резчика Ф. Иванова⁴⁸.

Между тем вопрос о назначении яхты «Св. Петр», а также построенного к лету 1694 г. в Архангельске 24-пушечного судна «Св. Павел» и прибывшего тогда же из Голландии 44-пушечного «Св. Пророчества», длительное время активно дискутировался исследователями. Ряд авторов XVIII в. практически уходили от ответа на этот вопрос (Н. И. Новиков, И. И. Голиков). И только В. В. Крестинин определенно высказался об основании

«...российского купеческого флота на двинских берегах 1694 года...; чем доказывается старшинство в заведении купеческого флота перед военным, начавшимся на Донских берегах в 1696 году»⁴⁹. Данной позиции придерживались многие дореволюционные исследователи⁵⁰. К ней же склонялись и авторы советского периода⁵¹. При этом Н. И. Барбашев писал: «Фрегаты “Св. Павел” и “Св. Пророчество” по своей конструкции и вооружению принадлежали к распространенному в Западной Европе типу торговых фрегатов..., которые успешно использовались для торговых операций, а также в качестве вспомогательных судов военно-морского флота»⁵². И. Т. Потапов называл построенные в 1693—1694 гг. в Архангельске суда торговыми, хотя и имевшими сильное артиллерийское вооружение⁵³. Из постсоветских исследователей подобную точку зрения разделяли В. П. Пузырев⁵⁴, Г. П. Попов⁵⁵, а также Д. Е. Жалнин⁵⁶, который утверждал, что все суда, построенные в Архангельске до начала Северной войны, были исключительно торговыми и даже спущенные уже в 1702 г. малые фрегаты «Курьер» и «Св. Дух» стали военными только в ходе постройки⁵⁷.

Вместе с тем уже среди дореволюционных исследователей сформировалась и получила основательное обоснование в постсоветский период позиция о военном назначении морских судов, построенных в Архангельске в 1693—1694 гг. Автором такой точки зрения стал М. К. Поссельт, который писал о желании Петра I «проплыть по Белому морю на своих собственных военных судах», из которых «два предполагалось выстроить вновь или достроить в самом Архангельске»⁵⁸. Правда, целями такого замысла автор считал «забавы великого шкипера»⁵⁹. Н. Козлов называл яхту «Св. Петр» военным кораблем и даже утверждал, что «... на Соломбальском острове было учреждено адмиралтейство, порт и казенная верфь, на которых строились суда различных наименований»⁶⁰. Ф. Ф. Веселаго пусть и косвенно, но также указывал на военное предназначение судов, на которых царь совершил свое плавание летом 1694 г.⁶¹, как и авторы известного труда по истории судостроения Н. И. Дмитриев и В. В. Колпычев⁶². Среди советских исследователей сторонниками такой точки зрения выступали: П. И. Белавенец, называвший 6 августа 1693 г. значимой датой в истории русского флота — выходом в море первого военного корабля «Св. Петр»⁶³; А. П. Шершов, писавший о поездках Петра в Архангельск в 1693—1694 гг.: «Эти первые попытки

к созданию военного флота не могли удовлетворить Петра. Белое море по кратковременности навигации являлось тесным для его замыслов»⁶⁴; М. А. Михайлов и М. А. Баскаков, утверждавшие, что построенный на Соломбальской верфи 24-пушечный корабль «Св. Павел» вместе с введенными в строй в 1702 г. двумя фрегатами составили ядро военной флотилии на Белом море⁶⁵.

Взрывной рост интереса к истории строительства первых архангельских кораблей произошел в постсоветский период. Примечательным является то, что, в отличие от многих дореволюционных и советских исследователей⁶⁶, современные авторы видят в опытах судостроения на Плещеевом озере в 1688—1693 гг. и Белом море в 1693—1694 гг. не просто забавы молодого царя, а вехи развития его целенаправленной стратегии по созданию регулярного военно-морского флота⁶⁷. При этом показана определенная преемственность, выразившаяся, в частности, в том, что строительством 12-пушечной яхты «Св. Петр» в Архангельске занимались те же голландские мастера, которые строили суда «потешной флотилии» в Переславле-Залесском⁶⁸. Ревизии подвергся закрепившийся в историографии и поставленный в свое время под сомнение М. К. Поссельтом⁶⁹ взгляд на участие Петра I в закладке корабля «Св. Павел» в Соломбале в сентябре 1693 г.⁷⁰ Однако наиболее существенный вклад внесли современные авторы в обоснование военного характера, сформированного к лету 1694 г. на Белом море, соединения судов. Первым военным кораблем среди них В. В. Брызгалов называл яхту «Св. Петр»⁷¹. П. А. Кротов, говоря о корабле «Св. Павел», полагал, что опыт его строительства использовался позднее при сооружении балтийских судов, в частности, фрегатов на Сясьской и Олонецкой верфях⁷². Автор утверждал, что отправка военных кораблей с товарами в Западную Европу была вызвана тем, что судов торгового типа в Архангельске в 1694 г. построить не удалось⁷³.

Нельзя не отметить и авторов, которые пытаются придерживаться некоей срединной позиции. Так, В. Н. Булатов называл заложенный Петром I «Св. Павел» военно-торговым судном, а спуск его на воду в мае 1694 г. — днем рождения колыбели «новоманерного» морского кораблестроения⁷⁴. И. М. Гостев говорит об основании Петром I в ходе поездок 1693 и 1694 гг. «отечественного военно-морского и государственного торгового флота»⁷⁵.

Несмотря на отмеченный выше энциклопедический характер утверждения об основании верфи на Соломбальском острове

в сентябре 1693 г., вопрос этот до сих пор также не нашел окончательного решения. Прежде всего, существуют две крайние позиции. Выразителем одной из них выступал И. В. Богатырев, писавший, что «... Петр приехал на фактически уже действовавшую русскую верфь, где строились вышеназванные поморские суда (традиционные для Поморья суда. — Т. А.)»⁷⁶. П. А. Кротов фактически это подтвердил, утверждая, что верфь была основана в марте 1693 г.⁷⁷ А вот И. М. Гостев вовсе отвергает факт основания верфи в это время: «Строительство отдельных судов не требовало создания судовой верфи — специализированного предприятия. Идея верфи начинает реализовываться в России буквально через несколько лет; так это произойдет в Воронеже при объединении разрозненных плотбищ в единый строительный комплекс. В Архангельске верфь как предприятие появится при начале серийного судостроения и выполнении первых государственных заказов на ремонт судов, в том числе трофейных»⁷⁸.

Впрочем, среди современных авторов нет единства даже относительно места строительства все той же яхты «Св. Петр»: П. А. Кротов называл Соломбальскую верфь⁷⁹, В. В. Брызгалов и В. Г. Попов — Мосеев остров Архангельска⁸⁰, А. А. Чернышев — Холмогоры⁸¹.

Однако, если говорить об обосновании первенства Архангельска в создании русского военно-морского флота, то наиболее значимый вклад внес архангельский историк В. А. Пальмин, посвятивший исследованию проблемы свою диссертацию, а также целый ряд монографий и статей⁸². По его словам, утвердившееся в историографии мнение о торговом характере собранных к 1694 г. в Архангельске кораблей, было сформировано авторами, выразившими интересы торгово-промышленных кругов — В. В. Крестининым, С. Ф. Огородниковым, К. Молчановым⁸³.

В качестве критерия определения исходной точки зарождения военно-морского флота В. А. Пальмин избрал место и время строительства военных судов океанского класса и создание на их базе действующего соединения, заявившего о себе на море как организованная боевая сила⁸⁴. Для обоснования своей точки зрения В. А. Пальмин провел глубокий и всесторонний анализ замыслов Петра I, своеобразия его личности и положения, реализации его Беломорского проекта, отдельных исторических фактов, изучал названия судов, их типы, конструктивные характеристики, вооружение и другие отличительные признаки, рассматривал

письма и бумаги самого царя, его приближенных, участвовавших в плаваниях 1693-1694 гг.⁸⁵, а также подбор Петром I командного и матросского состава экипажей построенных в эти годы в Архангельске судов, характер плавания флотилии по Белому морю в 1694 г., оценки этой флотилии иностранцами⁸⁶. Всё вместе позволило ему сделать весьма характерное заключение и вывод: «Яхта “Святой Петр” и корабль “Святой Павел”, продемонстрировавшие в многодневном плавании в Белом море свой океанский класс, были задуманы и построены как военные суда. В 1694 г. из 12-пушечной яхты, 24-пушечного корабля и приобретенного в Голландии 44-пушечного фрегата был создан флот, заявивший о себе на море как организованная боевая сила. Из этих выводов следует, что Архангельск, точнее его островной район — Соломбала, стал тем местом в России, где в 1693—1694 гг. было положено начало морскому военному кораблестроению»⁸⁷.

Немаловажным аргументом в пользу своей точки зрения автор считал и приводимый им ответ, данный центральной властью воронежскому губернатору в 1894 г., на просьбу о признании Воронежа родиной (колыбелью) Российского флота, а 2 апреля 1696 г. — день спуска на воду трех больших военных галер из состава «морского каравана» — датой рождения флота. В этом ответе содержался отказ на просьбу воронежских властей, мотивированный тем, что «Ранее спуска 2 апреля 1696 г. в Воронеже трех военных галер... был заложен царем в 1693 году на Соломбальской верфи 24-пушечный корабль... Купленный в Голландии корабль “Святое Пророчество”, “Апостол Павел” и яхта “Святой Петр” плавали с царем до Святого Носа в 1694 году, то есть ходили в океан, а потому событие это относится гораздо более к зарождению Флота, чем постройка Флотилии в Воронеже и действия ее на реке Дон»⁸⁸.

В рецензии на последнюю монографию В. А. Пальмина его коллега А. М. Кондрескул подверг сомнению вывод о Беломорской флотилии в 1694 г. как формировании регулярного военно-морского флота. Свое заключение рецензент обосновал тем, что флотилия не была связана с выполнением ни одной из задач, которые возлагаются на военно-морской флот на океанских и морских театрах военного действия⁸⁹. Тем не менее, позиция В. А. Пальмина благодаря глубине аналитического исследования и совокупности приведенных аргументов выглядит весьма солидно.

Таким образом, следует признать, что на сегодня в отечественной историографии сложилась устойчивая традиция,

подкрепленная к тому же авторитетом официальной государственной позиции, относить исходную точку в истории регулярного военно-морского флота России к дате принятия решения Боярской думой 20 (30) октября 1696 года, а местом создания флота считать город Воронеж.

Вместе с тем можно констатировать и тот факт, что точка зрения об основании кораблестроительной верфи на Соломбальском острове Архангельска в 1693 г. и строительстве здесь в 1693—1694 гг. кораблей военного назначения получила весьма солидное обоснование. В этой связи, исходя из позиции научного поиска, вполне можно согласиться с выводом А. М. Кондрескула о том, что «решение проблемы о месте и времени зарождения ВМФ пока остается открытым»⁹⁰.

---

¹ История русского флота. Период Азовский. Приложения / сост. Елагин С. И. СПб.: тип. Гогенфельдена и К^о, 1864. С. 161—163.

² Термин «Азовский флот», применительно к периоду — с 1695 по 1712 гг., фигурирует в большинстве дореволюционных энциклопедических изданиях: Энциклопедический лексикон. Т. 1. СПб.: тип. А. Плюшара, 1835. С. 296; Энциклопедия военных и морских наук / под ред. Леера Г. А. В 8 т. Т. 1. СПб.: тип. В. Безобразова и К^о, 1883. С. 85; Военная энциклопедия. Т. 1. СПб.: «Товарищество И. Д. Сытина», 1911. С. 184., а также в изданиях советского и постсоветского периодов: Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 1. М.: «Советская энциклопедия», 1961. Стлб. 285; Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 103. Для периода с 1736 по 1783 гг. в изданиях использован термин «Азовская флотилия» или «Донская флотилия».

³ Шишков А. С. Список кораблям и прочим судам всего Российского флота от начала заведения онаго до нынешнего времени, с историческими, вообще о действиях флота и о каждом судне примечаниями. Ч. 1. СПб.: тип. Морского шляхетского кадетского корпуса, 1799. С. 323.

⁴ Бестужев Н. А. Опыт истории Российского флота. Л.: Судпромгиз, 1961. С. 172. Автор-декабрист работал над своим трудом в 1822—1825 гг., но впервые он был издан в полном объеме только в 1961 г.

⁵ Берх В. Н. Жизнеописание первых российских адмиралов или Опыт истории российского флота. В 4 ч. СПб.: Морская типография, 1831—1836.

⁶ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 1. М., 1788. С. 396.

⁷ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб.: тип. II-го Отделения Собст. Его. Имп. Вел. Канцелярии, 1858. С. 305.

⁸ Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. СПб.: тип. Гогенфельдена и К^о, 1864. С. 52.

⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд. Кн. 3. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1896. Стлб. 1157—1158. Т. 14, где содержатся данные сведения, в первом издании вышел в свет в 1864 г.

- ¹⁰ Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб.: тип. Демакова, 1875. С. 95.
- ¹¹ Аренс Е. И. Русский флот. Исторический очерк. СПб.: изд. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1904. С. 18.
- ¹² Веселовский Г. М. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении. Воронеж: тип. губ. правления, 1866. С. 306; Вейнберг Л. Б. Город Воронеж. Исторический очерк / Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа. Т. 1. Воронеж: Типо-литография губернского правления, 1886. С. 71—200; Веселовский Г. М. Исторический очерк города Воронежа, 1586—1886. Воронеж: Воронеж. гор. дума, 1886. С. 310; Якимов Н. М. Воронеж — как военная верфь / Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа. Т. 1. Воронеж, 1886. С. 717—728.
- ¹³ Веселовский В. Г. Колыбель русского флота. Воронеж: тип. Г. М. Веселовского, 1888. С. 125.
- ¹⁴ Белавенец П. И. Двухсотлетие русского флота. (1696—1896). Кронштадт: тип. «Кронштский вестник», 1896. С. 11.
- ¹⁵ История русского флота. Период Азовский. Приложения. С. 161—163.
- ¹⁶ Лунин Б. В., Потапов Н. И. Азовские походы Петра I (1695—1696). Ростов-на-Дону, 1940. С. 92.
- ¹⁷ Шершов А. П. История военного кораблестроения с древнейших времен и до наших дней. М.-Л.: Госвоенмориздат, 1940. С. 204.
- ¹⁸ Доценко В. Д. Мифы и легенды русской морской истории. СПб., 1997. С. 8.
- ¹⁹ Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М.: Воениздат, 1949. С. 13.
- ²⁰ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 37. М.: гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1955. С. 417.
- ²¹ См.: Яковлев И. И. Корабли и верфи. Очерки истории отечественного судостроения. Л.: Судостроение, 1970. С. 53; Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 12. М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1969. Стлб. 338; Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 7. М.: Воениздат, 1979. С. 176.
- ²² Указ Президента РФ от 26.06.1992 г. № 710 О подготовке и проведении 300-летия Российского Флота / Президент России. (Электронный ресурс). URL: www.kremlin.ru/acts/bank/1604
- ²³ Доценко В. Д. Указ. соч. С. 8.
- ²⁴ Там же. С. 9.
- ²⁵ Пальмин В. А. Начало истории Российского военно-морского флота (Архангельск, Белое море, 1694 год): монография. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. С. 7—9.
- ²⁶ Веселаго Ф. Ф. Указ. соч. С. 76.
- ²⁷ Пальмин В. А. Указ. соч. С. 9.
- ²⁸ Шмурло Е. Ф. Заметка по вопросу о начале русского флота при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. Ч. XXXV. С. 328.
- ²⁹ Там же. С. 334.
- ³⁰ Там же. С. 338.
- ³¹ Барбашев Н. И. Из истории морского судостроения в России в первой четверти XVIII века // Труды Института истории естествознания и техники. 1959. Т. 21. С. 133; Богатырев И. В. Постройка судов для петровского Азовского флота // Судостроение. 1986. № 10. С. 55.
- ³² Энциклопедический лексикон. Т. 3. СПб.: тип. А. Плюшара, 1835. С. 235.

³³ Там же. С. 237.

³⁴ Военный энциклопедический лексикон. Ч. 1. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1837. С. 606; Военный энциклопедический лексикон. 2-е изд. Ч. 1. СПб.: тип. штаба военно-учеб. заведений, 1852. С. 592; Энциклопедия военных и морских наук / под ред. Леера Г. А. В 8 т. Т. 1. СПб.: тип. В. Безобразова и К^о, 1883. С. 232; Военная энциклопедия. Т. 1. СПб.: «Товарищество И. Д. Сытина», 1911. С. 167.

³⁵ Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 1. М.: «Советская энциклопедия», 1961. Стлб. 802; Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1976. С. 293.

³⁶ Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 415.

³⁷ Архангельск / Большая российская энциклопедия. (Электронный ресурс). URL: <https://bigenc.ru/geography/text/1832549>

³⁸ Рассказ Петра о начале кораблестроения в России / Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 400.

³⁹ Новиков Н. И. О высочайших пришествиях Великого государя, царя и Великого князя Петра Алексеевича из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу... М., 1783. С. 50; Устав морской о всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. СПб., 1780. С. 42; Голиков И. И. Указ. соч. С. 256; Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 8; Шишков А. С. Указ. соч. С. 4; Молчанов К. С. Описание Архангельской губернии, ее городов и достопримечательных мест со многими древними историческими известиями и замечаниями к дополнению Российской истории служащими, из разных рукописных и печатных книг монастырских церковных архивов... СПб., 1813. С. 82; Полевой Н. А. История Петра Великого. Т. 1. СПб., 1843. С. 169.

⁴⁰ Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 64.

⁴¹ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 150.

⁴² Там же. С. 157.

⁴³ Пилацкий К. Историческо-статистическое обозрение города Архангельска / Памятная книжка по Архангельской губернии на 1861 г. Архангельск, 1861. С. 28; Поссельт М. К. Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт или начало русского флота. СПб., 1863. С. 20; Елагин С. И. Указ. соч. С. 19; Огородников С. История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 10; Чистяков С. А. История Петра Великого. СПб., 1903. С. 104; Житков К. Г. История русского флота. Период Петровский. 1672–1725. СПб., 1912. С. 26; Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1940. С. 167; Барбашев Н. И. Указ. соч. С. 128; Яковлев И. И. Указ. соч. С. 50; Быховский И. А. Архангельские корабель. Архангельск, 1988. С. 19.

⁴⁴ Глазенап Б. А. Краткий очерк Архангельского порта и его деятельность в 1859 году // Морской сборник. 1860. № 9. Отд. II. С. 91.

⁴⁵ Богословский П. А. О судостроении в Архангельской губернии // Памятная книжка по Архангельской губернии на 1861 г. Архангельск, 1861. С. 78.

⁴⁶ Огородников С. Ф. Указ. соч. С. 6.

⁴⁷ Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб.: тип. Мор. М-ва, 1890. С. 115.

⁴⁸ Изюмов А. Ф. Некоторые новые данные к вопросу о первом пребывании Петра Великого в Архангельске в 1693 году // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 10. С. 796.

- ⁴⁹ Крестинин В. В. Указ. соч. С. 8.
- ⁵⁰ Шишков А. С. Указ. соч. С. 5; Молчанов К. С. Указ. соч. С. 93; Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 64; Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов или Опыт истории российского флота. Ч. 1. СПб.: Морская типография, 1831. С. 79; Богословский П. А. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1859. С. 7; Огородников С. Ф. История Архангельского порта. С. 10; Боголюбов Н. История корабля. Т. 2. М.: тип. Л. Ф. Снегирева, 1880. С. 407; Житков К. Г. Указ. соч. С. 25.
- ⁵¹ Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. В 4 т. Т. 1. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века / Под ред. Я. Я. Гаккеля [и др.]. Л.: «Морской транспорт», 1956. С. 229; Быховский И. А. Династия архангелогородских корабелов. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1969. С. 9; Богатырев И. В. Корабельная Соломбала // Судостроение. 1983. № 8. С. 51; Фруменков Г. Под сенью дел и замыслов Петра / Архангельск 1584—1984. Фрагменты истории. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. С. 30; Быховский И. А. Архангельские корабли. С. 19.
- ⁵² Барбашев Н. И. Указ. соч. С. 128.
- ⁵³ Потапов И. Т. История развития судостроительной промышленности в России // Судостроение. 1966. № 4. С. 58.
- ⁵⁴ Пузырев В. П. Паруса над студёным морем (судостроение, промыслы и торговое судоходство на белом море в XVIII веке). М.: Союзморниипроект, 1993. С. 29.
- ⁵⁵ Попов Г. П. Ногою твердой стать при море...: Штрихи к истории Архангельского порта. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992. С. 57.
- ⁵⁶ Жалнин Д. Е. Вклад судостроителей Севера в создание российского военно-морского флота (XVII—XIX вв.) / История флота — история Отечества: материалы науч.-практ. конф. Мурманск, 1997. С. 55.
- ⁵⁷ Там же. С. 56.
- ⁵⁸ Поссельт М. К. Указ. соч. С. 22.
- ⁵⁹ Там же. С. 33.
- ⁶⁰ Козлов Н. Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами Генерального штаба. Архангельская губерния. СПб.: тип. Э. Веймара, 1865. С. 8.
- ⁶¹ Веселаго Ф. Ф. Указ. соч. С. 82.
- ⁶² Дмитриев Н. И., Колпычев В. В. Судостроительные заводы и судостроение в России и за границей. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1909. С. 760.
- ⁶³ Белавенец П. И. Материалы по истории русского флота. М.-Л.: Госвоенмориздат, 1940. С. 49.
- ⁶⁴ Шершов А. П. Указ. соч. С. 203.
- ⁶⁵ Михайлов М. А., Баскаков М. А. Фрегаты, крейсера, линейные корабли. М.: ДОСААФ, 1986. С. 31.
- ⁶⁶ См.: Богословский М. М. Указ. соч. С. 192.
- ⁶⁷ Кротов П. А. Строительство флота на Соломбальской верфи Архангельска в 1693—1694 г. / Труды Всеросс. научн. конф. «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», Переяславль-Залесский, 30 июня — 2 июля 1992 г. Вып. 1. Переяславль-Залесский, 1992. С. 40.
- ⁶⁸ Брызгалов В. В. Военно-морской флот на Севере в Петровскую эпоху / Труды Всеросс. научн. конф. «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», Переяславль-Залесский, 30 июня — 2 июля 1992 г. Вып. 1. Переяславль-Залесский,

1992. С. 42; Брызгалов В. В., Попов В. Г. «Государева» яхта / Соломбальская верфь. 1693–1862 гг. Архангельск: Арх. филиал РГО, 1993. С. 12.

⁶⁹ Поссельт М. К. Указ. соч. С. 21–22.

⁷⁰ Кротов П. А. Указ. соч. С. 36; Беспятых Ю. Н. Первое «пришествие» Петра I в Архангельск / *Studia humanistica*. Исследования по истории и филологии. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 1996. С. 105.

⁷¹ Брызгалов В. В. Военно-морской флот на Севере в Петровскую эпоху. С. 42.

⁷² Кротов П. А. Указ. соч. С. 38.

⁷³ Там же. С. 39.

⁷⁴ Булатов В. Н. Русский Север: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2006. С. 491.

⁷⁵ Гостев И. М. Колыбель российского флота: Архангелогородский период // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. 2019. № 5 (21). С. 33.

⁷⁶ Богатырев И. В. Корабельная Соломбала. С. 51.

⁷⁷ Кротов П. А. Указ. соч. С. 34.

⁷⁸ Гостев И. М. Указ. соч. С. 43.

⁷⁹ Кротов П. А. Указ. соч. С. 34.

⁸⁰ Брызгалов В. В., Попов В. Г. «Государева» яхта. С. 12.

⁸¹ Чернышев А. А. Российский парусный флот: Справочник в 2-х т. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 14.

⁸² Пальмин В. А. История военно-морского кораблестроения на Русском Севере в 1693–1862 гг.: автореферат диссертации канд. ист. наук. Архангельск, 2000. С. 23; Там же. Архангельское адмиралтейство и его значение в истории отечественного кораблестроения и флота / Флот и Победа. Общероссийские общественно-научные чтения, 19–20 мая 2004 года. Архангельск, 2004. С. 171–176; Там же. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота: монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2008. С. 191; Там же. Начало истории Российского военно-морского флота (Архангельск, Белое море, 1694 год): монография. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. С. 160; Там же. Архангельск, его место и значение в истории отечественного судостроения / Архангельск — колыбель отечественного судостроения: материалы научно-практической конф. (Архангельск, 24 мая 2013 г.). Архангельск: КИРА, 2014. С. 22–34.

⁸³ Пальмин В. А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота. С. 62.

⁸⁴ Пальмин В. А. Начало истории Российского военно-морского флота. С. 48.

⁸⁵ Пальмин В. А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота. С. 57–101.

⁸⁶ Пальмин В. А. Архангельск, его место и значение в истории отечественного судостроения. С. 27–32.

⁸⁷ Пальмин В. А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота. С. 101.

⁸⁸ Там же. С. 102.

⁸⁹ Кондрескул А. М. История российского военно-морского флота // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 162.

⁹⁰ Там же.

О. Е. Алтеев (Москва)

Н. Н. ОБРУЧЕВ И ПЛАНИРОВАНИЕ ВОЙНЫ С ЕВРОПЕЙСКОЙ КОАЛИЦИЕЙ В 1878 ГОДУ

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 гг. стала для России попыткой радикального решения Восточного вопроса. Важную роль в подготовке и ведении военных действий сыграл генерал-лейтенант Генерального штаба Николай Николаевич Обручев (1830—1904). Вместе с тем, его деятельность на завершающем этапе Восточного кризиса (январь—июнь 1878 г.), поставившего Россию на грань новой войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции, остается практически неизученной. Так, известный современный историк О. Р. Айрапетов в первой и до сих пор единственной научной биографии Н. Н. Обручева детально проанализировал вклад генерала в планирование Освободительной войны и убедительно продемонстрировал его заслуги в выработке замысла перехода Балкан русской армией в декабре 1877 г.¹ Но деятельность Н. Н. Обручева в первой половине 1878 г. он рассмотрел только применительно к роли своего героя в грядущем конфликте — он должен был возглавить предполагавшейся к формированию штаб Юго-Западной армии².

Заслуженно прозванный современниками «русским Мольтке», Николай Николаевич Обручев считался самым авторитетным стратегом Российской империи последней четверти XIX в. В 1867—1881 гг. Н. Н. Обручев занимал пост управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба, принимал деятельное участие в проведении военных реформ 1860—70-х гг. Н. Н. Обручев являлся создателем системы государственной обороны, направленной на противодействие главным потенциальным противникам в Европе — Германии и Австро-Венгрии.

В начале 1873 г. он разработал обширную стратегическую записку «Соображения об обороне России»³, основные положения которой были рассмотрены и приняты к руководству в ходе секретного совещания (28 февраля — 31 марта 1873 г.) под личным председательством Александра II. Этот документ стал прочным фундаментом военного строительства Российской империи в последней четверти XIX в.⁴ В 1881 г. Н. Н. Обручев возглавит Главный штаб и будет руководить выработкой всех важнейших военно-стратегических решений в государстве вплоть до своей отставки в последний день 1897 г.

Во время Восточного кризиса 1875—1878 гг. Н. Н. Обручеву пришлось решать многочисленные задачи в сфере стратегического планирования. Он был автором плана войны с Турцией, впрочем, искаженного и сорванного командованием действующей армии, а также вдохновителем разгрома главных сил турок в Закавказье, в Авлияр-Аладжинском сражении 20 сентября — 3 октября 1877 г. В рассматриваемый период генерал приобрел значительное влияние в выработке важнейших решений военного и внешнеполитического характера на Д. А. Милютину и опосредованно через него — на Александра II.

В январе—феврале 1878 г. русская армия победоносно завершила кампанию на Балканах, нанеся поражение турецким войскам, и вплотную подошла к столице Османской империи — Константинополю. Вмешательство западных держав в мирный процесс на Балканах поставило Россию перед лицом новой войны, уже с коалицией враждебных государств, в которую, кроме Турции, входили Великобритания и Австро-Венгрия.

Необходимость определить дальнейшие задачи действующей армии стала очевидной для ее командования после битвы при Филиппополе 3—5 января 1878 г., в которой западный отряд генерал-лейтенанта И. В. Гурко нанес поражение армии Сулеймана-паши. После этой победы военный разгром Турции стал очевидным, а путь на Константинополь был открыт. 7 января 1878 г. в русскую штаб-квартиру в Казанлыке прибыли турецкие уполномоченные с первыми предложениями о перемирии, а 8 января русские войска взяли Адрианополь. В ночь на 10 января главнокомандующий действующей армии, генерал-адъютант, инженер-генерал, великий князь Николай Николаевич направил Александру II телеграмму, в которой запросил дальнейшие инструкции на случай приближения

русских войск к Константинополю или вмешательства в войну Великобритании⁵. В январе и первой половине февраля 1878 г. великий князь и его штаб буквально горели идеей захвата беззащитного Константинополя, в то время как император и министр иностранных дел, канцлер, светлейший князь А. М. Горчаков, опасаясь международных осложнений, были против этого решительного шага. В ответ на телеграмму от 10 января Александр II направил 12 января великому князю телеграмму, в которой допускал ввод войск в Константинополь только в случае, если бы такая просьба исходила от самих турок или представителей иностранных держав⁶.

К моменту заключения перемирия (19 января 1878 г.) русские войска растянулись от Адрианополя до Чорлу. Перед заключением мира в Сан-Стефано (19 февраля 1878 г.) авангард под командованием генерал-лейтенанта М. Д. Скобелева занял позиции под Чаталджой, а на следующий день начал движение к пригородам Константинополя, где и остановился. К нему подтянулась гвардия И. В. Гурко. Несмотря на колебания верховной власти и на заключенное перемирие, великий князь начал деятельную подготовку к взятию города. Но император продолжал сомневаться в целесообразности столь смелого шага и пребывал в нерешительности.

Перемирие и принятие предварительных «оснований мира», а затем и подписание мирного договора вызвали предсказуемую враждебную реакцию Великобритании и Австро-Венгрии, увидевших угрозу своим интересам в регионе и потребовавших вынесения всех спорных вопросов на решение «великих держав». 1 февраля Великобритания ввела в Мраморное море свои корабли. В таких условиях Александр II окончательно пересмотрел свои взгляды на проблему взятия Константинополя и стал решительно требовать от главнокомандующего — готовиться к штурму. Великий князь Николай Николаевич, наоборот, начал сомневаться в успехе этого мероприятия⁷. Действительно, силы турок в столице и на подступах к ней стали возрастать за счет войск, уходящих из дунайских крепостей. Если, по состоянию на 25 января, русская разведка считала, что под Константинополем османы имели 91 сильно ослабленный табор (батальон. — О. А.), а в самом городе — 22 (в среднем по 300—500 человек в таборе, всего около 43 тыс. деморализованных солдат)⁸, то в начале марта численность войск в окрестностях города оценивалась

в 77—80 таборов, но более полного состава⁹. Русское командование в февралю и в начале марта ожидало встретить здесь сопротивление 80—100 тысяч солдат и офицеров противника¹⁰. После заключения мира турки стали укреплять подступы к Константинополю.

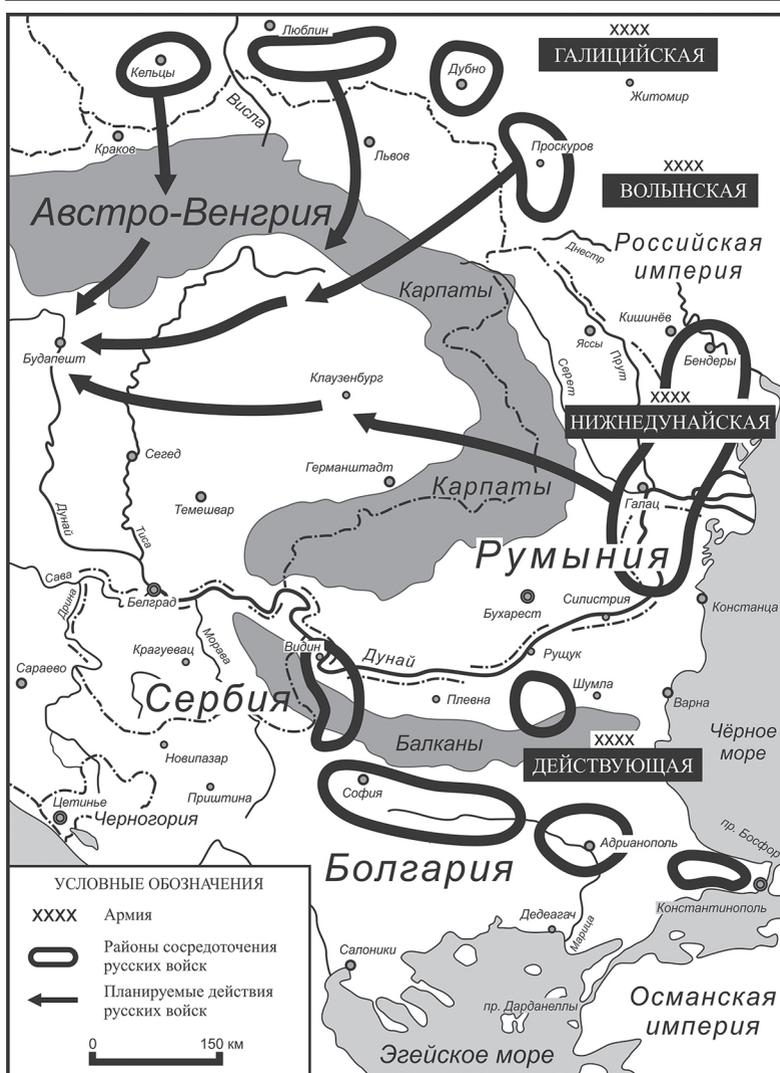
Под влиянием изменившейся военно-политической обстановки русское командование начало готовиться к полномасштабной войне с европейской коалицией. Главным штабом был разработан план развертывания на этот случай, утвержденный 24 февраля Александром II¹¹. 27 февраля Д. А. Милютин направил великому князю письмо, в котором изложил этот план¹², а также приложенные к нему «Общие соображения о распределении сил»¹³. В их основу легла записка, принадлежащая перу генерал-лейтенанта Н. Н. Обручева и подготовленная в конце января — начале февраля, скорее всего, — до 6 февраля¹⁴. В ней генерал произвел детальный анализ внешнеполитической ситуации, в которой оказалась Россия в начале 1878 г., и предложил планы применения сухопутных вооруженных сил на случай войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции. Сложившаяся обстановка на Балканах представлялась генералу исключительно сложной. Для успешного ведения военных действий против враждебной коалиции он считал жизненно необходимым захватить Босфор, с Константинополем или без него, сохранить на своей стороне Румынию и заручиться нейтралитетом Германии: «Таким образом, с одной стороны владение Босфором, с другой — союз с Румынией и нейтралитет Германии определяют заранее главнейшие шансы войны. Удастся нам запереть Черное море и сохранить за собой союз Румынии — вероятность исхода войны будет представляться для нас благоприятной; не удастся — мы попадем в неисчислимые затруднения, особенно если мы не займем своевременно своими войсками Виддина и главных опорных пунктов на Среднем и Нижнем Дунае (в районе Рушук и Галаца)»¹⁵.

В записке генерал предположил два варианта развития событий: 1) война против Великобритании и Турции; 2) война против Великобритании, Австро-Венгрии и Турции. В первом случае он склонялся к продолжению ведения активных действий на Балканах, очищению полуострова от турецких войск до линии Битоль—Салоники и захвату Босфора, для чего требовалось усилить действующую армию до 27 пехотных дивизий. На Кавказе предполагалось ограничиться оборонительными действиями.

По второму, наиболее тяжелому сценарию, Н. Н. Обручев предлагал изъять из действующей армии 7 дивизий и направить их на формирование Нижнедунайской армии в Молдавии — в составе 13 дивизий. Она должна была обезопасить от возможного удара австрийцев сообщения действующей армии с Россией и ее тылы. В Царстве Польском и в Подолии планировалось развернуть Галицийскую (15 пехотных дивизий) и Волынскую (6 дивизий) армии. На группу из трех армий возлагалась задача разгромить австрийцев в Галиции, вторгнуться на Венгерскую равнину и в Трансильванию, а затем вести концентрическое наступление на Будапешт. Против Австро-Венгрии выставлялись 34 пехотные дивизии, что значительно превосходило предполагаемые силы двуединой монархии в Галиции — в русском Главном штабе абсолютно точно установили, что противник может развернуть здесь только 24 пехотные дивизии¹⁶. Для достижения численного превосходства над вражеской коалицией Н. Н. Обручев предполагал перебросить часть сил с Кавказа и сформировать 9 резервных дивизий. На серьезно ослабленную группировку на Балканах (17 дивизий на театре военных действий и 3 дивизии в Валахии) возлагалась преимущественно оборонительная задача (ил. 1).

Необходимо отметить, что в это время русское военное руководство и лично Н. Н. Обручев недооценивали значение подготовки к боевым действиям против Великобритании на второстепенных театрах, таких, например, как Центральная Азия. Сам автор отмечал в записке: «Помимо Босфора мы можем действовать на решения Англии раздачей каперских свидетельств и демонстрациями в Средней Азии. Но оба эти средства только паллиативы, самая организация коих представляет еще много проблематичного»¹⁷.

Судя по собственноручным пометам Александра II, записка Н. Н. Обручева была одобрена императором и принята к руководству при составлении последующих директивных документов. Дальнейшие работы по планированию применения русских войск, в случае возникновения конфликта с враждебной коалицией также проходили при непосредственном участии генерала. При разработке новых планов были допущены некоторые отступления от первоначальных предположений Н. Н. Обручева. В плане от 24–27 февраля действующая армия, обозначенная в документах как «Южная», ослаблялась незначительно — только

Ил. 1. План развертывания по записке Н. Н. Обручева (январь—февраль 1878 г.)

до 21 дивизии, а не до 17¹⁸. Вместо Нижнедунайской и Волынской армий формировалась одна Юго-Западная армия в составе 11 пехотных дивизий. В Западную армию в Царстве Польском назначались 14 дивизий. На эти армии по-прежнему возлагалась задача

вторжения в Австро-Венгрию. План действий Западной армии был детально разработан штабом Варшавского военного округа в феврале и представлен в записке от 19 марта командующего войсками округа, генерала от инфантерии, графа П. Е. Коцебу¹⁹. Он предполагал нанесение главного удара из района Люблина с целью захвата всей Восточной Галиции.

В соответствии с запиской Н. Н. Обручева, с целью создания превосходства над силами вероятных противников Мобилизационный комитет Главного штаба начал формирование резервных пехотных дивизий в дополнение к 48 кадровым, имевшимся в русской армии. В 1877 г. уже были развернуты 4 такие дивизии. С 19 января и по 23 марта 1878 г. шло формирование 14 новых резервных дивизий, 8 из которых, к моменту заключения Берлинского трактата, были полностью готовы²⁰. Военное министерство в ожидании столкновения с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции также начало подготовку мобилизационного развертывания вооруженных сил. Проведение новой мобилизации не представляло затруднений: к началу 1878 г. большая часть сухопутных войск России уже была мобилизована — на мирном положении оставались только 12 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Для доведения их до штатов военного времени требовалось 205 тыс. человек, что обеспечивалось наличием имевшегося запаса²¹. Всего в армии насчитывалось свыше 1,5 млн человек.

Несмотря на активную подготовку к приведению планов Н. Н. Обручева в действие, им не суждено было осуществиться. В марте 1878 г. военно-политическая обстановка изменилась в худшую для России сторону. В Великобритании ушел в отставку министр иностранных дел, граф Э. Дерби, сторонник компромисса с Петербургом. Первым шагом маркиза Р. Солсбери, заменившего его, стала рассылка ноты дипломатическим представителям Соединенного Королевства, содержащей протест против результатов Сан-Стефанского мира, и твердое намерение добиваться его пересмотра. В Великобритании начались мобилизационные мероприятия. Русская разведка стала получать тревожные донесения о перевозке войск из Индии и сосредоточении их на Мальте. Руководство Российской империи серьезно переоценивало мощь и мобилизационные ресурсы британской армии, считая, что Туманный Альбион сможет выставить от 100 до 250 и даже до 300 тыс. человек.²² В действительности, в британских

военных кругах вполне отчетливо осознавали невозможность вести широкомасштабную войну с Россией на сухопутных театрах: по разработанным в Лондоне планам требовалось послать на Балканы экспедиционные силы в 150 тыс. человек, тогда как вся армия королевы Виктории насчитывала только 134 тыс.²³ Это вынуждало Сент-Джеймский кабинет искать поддержку со стороны монархии Габсбургов, обладавшей большой сухопутной армией.

Из Австро-Венгрии и Османской империи также поступали тревожные новости. Миссия графа Н. П. Игнатьева в Вену — с целью расколоть англо-австрийский союз, не принесла ожидаемых результатов. 14 и 15 марта состоялись личные беседы Николая Николаевича с султаном Абдул-Хамидом II, в ходе которых рассеялись иллюзии великого князя относительно нейтралитета Османской империи в случае новой войны²⁴. Одновременно турецкие войска продолжали восстанавливать свою боеспособность — в апреле считалось, что османы располагали на подступах к Константинополю и в самом городе примерно 300 таборами, всего 150 тыс. человек (по 500 человек в таборе)²⁵. Это уже превышало силы действующей армии под Константинополем, насчитывавшей здесь около 110 тыс. человек²⁶. Возникший дипломатический конфликт с Румынией вынудил начать в марте стягивание корпуса к Рущуку XI корпуса, а затем его перевод на левый берег Дуная.

Перед лицом войны с коалицией Александр II и его советники еще более настоятельно требовали от великого князя Николая Николаевича готовиться к взятию Босфора. 6 марта император запросил от главнокомандующего детальный план занятия Босфора, который тот предоставил в Петербург 9 марта²⁷. План был утвержден 18 марта²⁸. За день до этого Д. А. Милютин направил Николаю Николаевичу телеграмму, согласно которой ему надлежало вытребовать необходимое количество орудий для береговых батарей у начальника Главного артиллерийского управления, генерала от артиллерии А. А. Баранцова²⁹.

Великий князь, боясь конфликта с венценосным братом, намеренно не сообщал ему истинное положение дел на Балканах, из-за чего в Петербурге неверно оценивали складывающуюся обстановку³⁰. Спасать положение был призван победитель Осман-паши — инженер-генерал Э. И. Тотлебен, которому было поручено разработать собственный план занятия Босфора. В конце марта он представил свои соображения, согласно которым

предполагалось захватить участок западного берега Босфора от Буюк-Дере до Черного моря, поставить в проливе минные заграждения и перевезти сюда 50 мортир для береговых батарей³¹. 20 марта записка Тотлебена была препровождена в штаб действующей армии для исполнения³².

Нерешительность Николая Николаевича в вопросе захвата Босфора привела к его отставке с поста главнокомандующего. 21 марта он направил Александру II донесение, в котором впервые решился объективно обрисовать тяжелую ситуацию под Константинополем³³. Чуть позже, 1 апреля, в Петербург прибыл из штаба действующей армии генерал-лейтенант, князь А. К. Имеретинский, доклад которого на следующий день окончательно открыл глаза на сложившуюся на Балканах обстановку³⁴ императору и его советникам. В тот же день Александр II принял решение заменить своего брата на Э. И. Тотлебена в качестве главнокомандующего действующей армией. Он вступил в должность 17 апреля³⁵.

В связи с изменившейся обстановкой, военное руководство империи в конце марта вновь переработало стратегический план войны, предложенный Н. Н. Обручевым. 27 марта в Петербурге состоялось совещание под председательством Александра II, посвященное его обсуждению³⁶. По итогам совещания была разработана «Объяснительная записка к распределению войск на случай войны с Англией и Австрией» с боевым расписанием, утвержденная 30 марта³⁷. Главной задачей русских войск по-прежнему называлось занятие Босфора, хотя в ходе совещания возможность штурма турецких позиций была поставлена под сомнение. Д. А. Милютин записал в дневнике под этой датой: «Вследствие полученных от великого князя Николая Николаевича письменных объяснений настоящего положения дел, государь заметно изменил свой взгляд на занятие Босфора; он видит, что задача эта не легкая, что приведение в исполнение тех требований, которые государь много раз выражал относительно скорейшего занятия берега Босфора, повело бы неминуемо к разрыву с Англией, а может быть и с Турцией»³⁸.

В отличие от февральского плана, русское командование вынуждено было отказаться от нанесения главного удара по Австро-Венгрии с территории Варшавского военного округа, как на том настаивал Н. Н. Обручев, из-за чего Западная армия ослаблялась до 9 пехотных дивизий. Главный удар предполагалось нанести

в Буковине и Трансильвании Юго-Западной армией, разделявшейся на три отряда — Галацкий, Ясский и Каменец-Подольский. Всего в армию входили 19 пехотных дивизий.

В связи с неутешительными новостями из штаба действующей армии военно-политическому руководству Российской империи в апреле пришлось окончательно отказаться от замыслов занятия Босфора. Прибывший под Константинополь Э. И. Тотлебен также признал невозможным активные действия против столицы османов, о чем доложил 27 апреля³⁹ Александру II.

Невозможность вести подготовку к наступательным действиям на Босфоре вынудило военно-политическое руководство России обратиться к поиску альтернативных способов борьбы с Великобританией — того самого «паллиатива», который еще в феврале не воспринимался самим Н. Н. Обручевым всерьез. 4 и 8 апреля в Петербурге состоялись совещания по вопросу подготовки к выступлению в Центральной Азии, по итогам которых было решено начать подготовку к сосредоточению войск Туркестанского военного округа с целью создать угрозу Британской Индии, выдвинуть отряд из войск Кавказского военного округа от Красноводска, на восточном берегу Каспийского моря⁴⁰, на Мерв и попытаться дипломатическим путем склонить на свою сторону афганского эмира Шир-Али⁴¹. 13 апреля Д. А. Милютин отдал соответствующие распоряжения командующему войсками Туркестанского округа инженер-генералу К. П. фон Кауфману⁴². Результатом деятельности Военного министерства и туркестанских властей стало сосредоточение 12,5-тысячного отряда возле кишлака Джам — на северной границе с Бухарой, где он и пробыл до июля 1878 г., играя роль своеобразного «жупела» для англичан. Русское командование прекрасно осознавало сложность организации похода и снабжения крупных масс войск на территории, не имевшей необходимых транспортных коммуникаций, поэтому с самого начала Джамский поход рассматривался как блеф или, скорее, как жест отчаяния. Действия русского отряда в Закаспийском крае не принесли желаемых результатов, а привели только к активизации набегов туркмен-текинцев на Чекишляр и Красноводск⁴³. Громким провалом обернулась для Петербурга и Ташкента дипломатическая миссия в Кабул генерал-майора Н. Г. Столетова, спровоцировавшая Вторую англо-афганскую войну 1878—1880 гг., в результате которой Афганистан фактически превратился в британский

протекторат и на 40 лет полностью выпал из сферы русской внешней политики⁴⁴.

Одновременно военно-политическое руководство империи начало готовиться к действиям на британских морских коммуникациях, приведя в готовность три крейсера и купив в США еще четыре быстроходных парохода⁴⁵. Кроме подготовки к выступлению в Центральной Азии и на морских театрах, еще в конце марта были сделаны распоряжения по сосредоточению немногочисленных войск Восточно-Сибирского военного округа к Владивостоку и организации его обороны от возможного десанта британцев⁴⁶.

Несмотря на все подготовительные мероприятия, военно-политическое руководство России ясно понимало бесперспективность решения восточного вопроса и, по большому счету, делало «хорошую мину при плохой игре». 1 (13) июня начался Берлинский конгресс, завершившийся 1 (13) июля. 15 июля последовало высочайшее повеление об отмене всех приготовлений на случай войны с европейской коалицией⁴⁷. Угроза нового вооруженного конфликта миновала.

Подготовка Российской империи к войне с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Османской империи в 1878 г. обнаружила многочисленные негативные стороны, присущие деятельности русского военного ведомства и его Генерального штаба. Нерешительные результаты Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. во многом являлись следствием колебаний военно-политического руководства вокруг ключевого пункта планов Н. Н. Обручева — занятия Босфора. Неготовность вооруженных сил России к их выполнению привела в конечном итоге к дипломатической капитуляции в Берлине.

Несмотря на то, что план войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Османской империи, разработанный Н. Н. Обручевым, не был реализован, военно-политическое руководство Российской империи сумело вынести ряд важных уроков из финальной фазы восточного кризиса. Идеи, изложенные генералом в записке января—февраля 1878 г., во многом были реализованы в его военно-стратегических планах 1880—1890-х гг. Основываясь, в том числе и на неудачном опыте подготовки несостоявшейся войны на Балканах, он разработал в 1880, 1883, 1887 и 1890 гг. четыре плана развертывания вооруженных сил России в случае войны на западной границе⁴⁸. Последний

план войны с небольшими изменениями, внесенными в 1893 и 1897 гг., действовал вплоть до Русско-японской войны 1904—1905 гг. Краеугольными камнями этих планов стали наступление против Австро-Венгрии в Галиции и овладение Босфором⁴⁹. Систематическая подготовка к так называемой Босфорской экспедиции велась как в Главном штабе, так и в штабе Одесского военного округа и была одним из приоритетных проектов генерала.

Влияние идей, изложенных в публикуемой записке Обручева, обнаруживается и в активизации Центральноазиатской экспансии России. Именно провал Джамской экспедиции показал русскому командованию необходимость искать плацдарм для будущих действий против Великобритании и ее богатейшей колонии — Индии, что привело к Ахал-Текинским походам 1879 г. и 1880—1881 гг. и присоединению Мервского оазиса в 1884 г. Новые территориальные приобретения позволяли иметь удобные районы сосредоточения для армии вторжения в Индию. Это дало возможность России во время Пендинского кризиса 1885 г. вести диалог с Великобританией уже совсем с иных позиций.

---

¹ Ссылки приводятся на второе издание книги: Айрапетов О. Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830—1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017. С. 190—216, 236—239.

² Там же. С. 245—256.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 402. Оп. 2/926 (1873). Д. 100. Л. 74—101. Дополнения и приложения к записке: Там же. Л. 102—110 об., 112—118, 126—145 об.

⁴ Подробнее см.: Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952. С. 293—303; Persson G. Learning from Foreign Wars. Russian Military Thinking 1859—73. Solihull. 2010. P. 107—144; Rich D. A. The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge (Massachusetts). London, 1998. P. 94—101.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 29/30. Л. 44 об.; Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877—78 гг. на Балканском полуострове. Вып. VI. Документы из секретных бумаг г[енерал]-ад[ъютанта] Милютина. СПб., 1911. С. 242—243.

⁶ Особое прибавление... Вып. VI. С. 249. Написанный рукой А. М. Горчакова подлинный проект телеграммы, составленный им совместно с Д. А. Милютиным, см: АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 29/30. Л. 46—48.

⁷ Газенкамф М. [А.]. Мой дневник 1877—1878 гг.: изд. испр. и доп. СПб., 1908. 1-я паг. С. 438.

⁸ Сборник материалов... Вып. 12. Численность русских и турецких войск в течение кампании. СПб., 1899. С. 146.

⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 3. Л. 361 об.

- ¹⁰ Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. IX. Ч. 1. Действия с 1 января 1878 г. до окончания войны. Действия в тыловых районах театра войны. СПб., 1913. С. 483.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 16–16 об., 33–34 об.
- ¹² Там же. Оп. 16. Д. 7447. Л. 1–5 об.
- ¹³ Там же. Л. 6–7 об.
- ¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 31. Л. 17–28, 35–39.
- ¹⁵ Там же. Л. 37 об.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 572. Л. 48.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 35 об. – 36.
- ¹⁸ Там же. Л. 31.
- ¹⁹ Там же. Оп. 16. Д. 7896. Л. 15–33 об.
- ²⁰ Там же. Оп. 16. Д. 7909. Л. 60–61 об.
- ²¹ Добrorольский С. К. Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение: по материалам Военно-исторического архива. М., 1929. С. 19.
- ²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 19–19 об.; Оп. 16. Д. 7902. Л. 14.
- ²³ См. подробнее: Preston A. Frustrated Great Gamesmanship. Sir Garnet Wolseley's Plans for War against Russia, 1873–1880 // *The International History Review*. 1980. Vol. 2. № 2. P. 261–264; Jelavich B. British Means of Offense against Russia in the Nineteenth Century // *Russian History*. 1974. Vol. 1. № 2. P. 125.
- ²⁴ Описание Русско-турецкой войны... Т. IX. Ч. 1. С. 486–487; Газенкамф М. [А.]. Указ. соч. 1-я паг., С. 534.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 3. Л. 386 об.
- ²⁶ Особое прибавление... Вып. III. Переписка Императора Александра II с главнокомандующими: вел[иким] кн[язем] Николаем Николаевичем и ген[ерал]-ад[ъютантом] Тотлебенем. СПб., 1899. С. 83.
- ²⁷ Особое прибавление... Вып. II. Очерк политических событий с 28 декабря 1877 г. по 15 апреля 1878 г. СПб., 1900. С. 4.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7893. Л. 121–121 об.; Газенкамф М. [А.]. Указ. соч. 1-я паг., С. 541–542.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7893. Л. 84.
- ³⁰ Газенкамф М. [А.]. Указ. соч. 1-я паг., С. 498, 510.
- ³¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7449. Л. 3–5.
- ³² Там же. Л. 2.
- ³³ Особое прибавление... Вып. II. С. 106–110.
- ³⁴ Милютин Д. А. Дневник. 1877–1878 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2009. С. 404–405.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7449. Л. 28–30.
- ³⁶ Милютин Д. А. Указ. соч. С. 399–400.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 51–61 об. Именно ее анализировал О. Р. Айрапетов в части, касающейся плана действий Юго-Западной армии.
- ³⁸ Милютин Д. А. Указ. соч. С. 399.
- ³⁹ Особое прибавление... Вып. III. С. 78–88.
- ⁴⁰ В 1878 г. территории и войска на восточном берегу Каспийского моря входили в состав Кавказского военного округа и образовывали его Закаспийский военный отдел.
- ⁴¹ См. подробнее: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сборник архивных документов / сост. Т. Н. Загородникова. М., 2014.

С. 89–94; Милотин Д. А. Указ. соч. С. 408–409, 411; Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.) Ташкент, 1969. С. 259–261.

⁴² «Индийский поход»... С. 95–100.

⁴³ Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-Теке в 1880–1881 гг.) с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб., 1899. С. 97.

⁴⁴ Загородникова Т. Н. «Индийский поход» русской армии и миссия генерала Н. Г. Столетова в Кабул // Восток. 2006. № 4. С. 21–36; Хидоятов Г. А. Указ. соч. С. 261–293.

⁴⁵ Кондратенко Р. В., Семечкин Л. П. Судьба теоретика крейсерской войны. СПб., 2003. С. 18–33; Strakhovsky L. I. Russia's Privateering Projects of 1878: A Page in the History of Russian-American Relations // The Journal of Modern History. 1935. Vol. 7. № 1. P. 22–40.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7897. Л. 4–5.

⁴⁷ Там же. Д. 7909. Л. 1.

⁴⁸ См. подробнее: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. С. 31–37. Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 64–71.

⁴⁹ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 326–328.

А. Б. Арбеков (Тула)

**РОЛЬ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ (АТТАШЕ)
В АНГЛО-РОССИЙСКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ
НА ВОСТОКЕ В КОНЦЕ 70-х гг. XIX ВЕКА
НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. П. ГОРЛОВА**

СЕГОДНЯ В СВЯЗИ с обострением международной обстановки в мире вновь становятся актуальными сюжеты богатого исторического прошлого России, связанного с проблемными точками взаимодействия с западными странами. Особый интерес вызывает, с исследовательской точки зрения, деятельность военных агентов (атташе. — А. А.), которые нередко оказывали значительное влияние на ход политических событий. Так называли офицеров, официально аккредитованных в иностранных государствах для наблюдения за состоянием их вооруженных сил, системы национальной обороны и развитием оружейной промышленности. В их задачи не входил поиск секретной или недоступной в открытых источниках информации, так как особый дипломатический статус не позволял им открыто заниматься ее сбором. Как и другие представители официального посольства по обвинению в незаконной шпионской деятельности, они могли быть экстрадированы из страны аккредитации, в том числе и насильственным путем, и оказаться под угрозой лишения свободы¹.

Но нередко военным агентам приходилось на свой страх и риск добывать строго конфиденциальную информацию в интересах своей державы. Показательным эпизодом подобной деятельности стали события англо-русского соперничества на Востоке в 70-х гг. XIX в.

Военным представителем Российской империи в Великобритании с 1873 по 1882 гг., в период напряженных взаимоотношений этих стран, являлся генерал-майор свиты Его Величества

Александр Павлович Горлов — один из ведущих военных специалистов-оружейников в России в последней трети XIX в. Ранее он занимал подобную должность в Северной Америке, где поспособствовал принятию на вооружение российской императорской армии в 1868 г. винтовки Бердана № 1, револьвера Смита-Вессона в 1871 г. и картечицы Гатлинга-Горлова под унитарные металлические патроны.

В середине 70-х гг. XIX в. на Балканском полуострове среди славянских народов вспыхнули массовые антитурецкие восстания, которые были жестоко подавлены оттоманскими войсками. Россия по идеологическим и геополитическим причинам стремилась вмешаться в этот конфликт, так как это, в перспективе, не только могло произвести объединение Балканских государств под эгидой панславизма, но и давало возможность обеспечить российский контроль над проливами Босфор и Дарданеллы.

Высшие военные и политические круги Великобритании, естественно, не считали такую перспективу благоприятной для сохранения могущества своей державы в мире. Премьер-министр от Консервативной партии Б. Дизраэли писал, что завоевание Константинополя российской армией при условии английского попустительства станет «самым унижительным событием...и катастрофическим по своим последствиям»². Во второй половине 70-х гг. британские имперские интересы сосредотачивались в восточных районах Средиземноморья и странах Среднего Востока. Как отмечала Т. Н. Гелла, в широком смысле слова, Восточный вопрос для Англии соотносился не только с судьбой Османской империи и ее обширными владениями на Балканах и в Малой Азии, но и имел отношение к странам Центральной Азии — Персии, Афганистану и, безусловно, к Индии³. Поэтому правящая Консервативная партия намеревалась изменить ход русско-турецкого противостояния в пользу «больного человека Европы» путем прямого военного вмешательства и старалась скрыть от общественности свои приготовления.

Хотелось бы отметить, что в различных научных трудах посвященных карьере А. П. Горлова, этот период его жизни достаточно подробно освещен исследованиями: Т. Н. Ильиной, И. Б. Пинка, Л. Н. Лисицыной⁴, но данной работой хотелось сделать упор именно на военно-политический аспект его деятельности и ее влияние на англо-российское соперничество на Востоке. Также подобные вопросы уже рассматривались в научных трудах

А. Р. Томила⁵, однако с нашей точки зрения, роль и степень влияния А. П. Горлова на события 70-х гг. XIX в. требуют дополнительного освещения за счет привлечения различной группы источников и возможности их сравнения с документами британских архивов.

Здесь необходимо пояснить, что, не имея до этого опыта работы с крайне специфичной военной организацией, которую представляла собой английская армия Викторианской эпохи, А. П. Горлов демонстрировал прекрасные знания по вопросам логистики, мобилизационных способностей и уровня подготовки британских войск. Это позволяло ему последовательно аргументировать свою позицию в сложных и спорных ситуациях. Но, в связи с обострением российско-британских отношений на фоне Восточного кризиса в середине 70-х гг. XIX в., английское правительство, как отмечал А. П. Горлов в одном из своих многочисленных донесений, стало прямо отказывать «в сообщении каких-либо технических сведений... прекратились приглашения на опыты, учения, смотры и т. п.»⁶, так как «англичане стали называть это шпионством».

Таким образом, прямые каналы информации, за исключением британской прессы, для российского военного агента в Лондоне были полностью отрезаны, и в таких обстоятельствах ему приходилось полагаться на сведения своих конфиденциальных информаторов и корреспондентов, чтобы обеспечить высшее командование Генерального штаба Российской империи точными и достоверными сведениями относительно планов и намерений Великобритании. При этом он выступал не только основным осведомителем, но и действовал в качестве главного аналитика и советчика военного министра России Д. А. Милютина по вопросам потенциального вооруженного столкновения России и Англии на Востоке.

Касаясь вопроса источников получения достоверной информации А. П. Горловым о планах английского командования против России, стоит отметить, что российский военный представитель нередко ссылается на анонимных офицеров, имевших прямое отношение к Разведывательному департаменту Военного ведомства Великобритании (Intelligence Department). Однако очень часто на страницах рапортов российского военного агента в Лондоне, напрямую связанных с детальным изложением сути предполагаемых действий против России, мелькают инициалы

«г. N». Информацию об этом человеке Александр Павлович пытался сохранить в секрете и упоминал лишь его принадлежность к либеральной прессе и причастность к славянским комитетам в Англии.

До недавних пор в работах, посвященных деятельности генерал-майора А. П. Горлова в Лондоне, не указывалась личность загадочного осведомителя российского военного агента. Однако, учитывая данное описание, а также возможность наложения ряда источников⁷, позволяет нам однозначно утверждать, что главным информатором генерал-майора Горлова в разгар Восточного кризиса являлась российская эмигрантка дворянского происхождения Ольга Алексеевна Новикова. К примеру, она имела тесные контакты с У. Гладстоном, лидером либеральной партии, оппозиционной действующему правительству, и получила в Англии прозвище среди современников — «представитель Парламента от России». Как писала И. Р. Чикалова, «дружба Новиковой с Гладстоном во многом определила его прославянские симпатии, позицию защитника балканских славян и обличителя турок»⁸. Таким образом, Александр Павлович за счет подобных связей имел возможность получать информацию практически от первых государственных лиц, либо от кругов, тесно с ними связанных. В свою очередь, за счет огромных аналитических способностей и умения грамотно аккумулировать различные данные, он не только поставлял нужную для российского командования информацию, но и вносил определенные конструктивные предложения.

После начала кризиса в Боснии летом 1875 г. Александр Павлович стал регулярно сообщать сведения об агрессивных планах Великобритании, которые англичане мотивировали необходимостью «в строгом охранении Индии и средств сообщения с этой страной, а равно... в надежном обеспечении своего Азиатского положения»⁹. Отмечая опасность потенциального английского нападения, он, в свою очередь, предлагал задуматься военному министру Д. А. Милютину об ответных действиях и нанести удар по британским владениям в районе Малаккского пролива силами российской эскадры в Тихом океане. Последовательно аргументируя свою позицию, Александр Павлович писал: «Колонии эти принадлежат к числу самых богатых колоний Англии. Вследствие чрезвычайно выгодного географического положения морская торговля их огромна...»¹⁰. С его

точки зрения, эти поселения предоставляли многие удобства для атаки с моря российскими военными судами, так как имели слабое оборонительное вооружение и, следовательно, не могли оказывать серьезного сопротивления. «Будучи раскинуты до самой окраины берегов и по островам — они открыты для атаки»¹¹ — заключал генерал-майор А. П. Горлов. Для начала потенциальных операций он предлагал захватить остров Суматру в качестве опорного пункта для «отправления и укрепления» российской армии и флота, а затем уже определить основные точки для удара, которые следует «предать разрушению... бомбардировать... или атаковать открытою силою»¹².

Затем, согласно сведениям А. П. Горлова в июле 1876 г., ожидая возможного появления российских войск у врат Константинополя, британцы планировали отправление броненосного флота в Безикскую бухту и высадку 20-тысячного десанта под командованием лорда Роберта Нэпьера Магдальского, триумфатора абиссинской экспедиции 1867—1868 гг., «на любом пункте архипелага»¹³, как писал в своем дневнике Д. А. Милютин. К этому моменту в Средиземном море уже действительно сосредоточился международный флот, общей численностью — 23 броненосца, для сохранения неприкосновенности проливов на фоне Сербско-турецкой войны, в составе которого находились и 7 английских кораблей. В то же время премьер-министр Дизраэли предлагал в кабинете министров увеличить численность вооруженных сил Великобритании в Средиземном море и при необходимости даже предпринять попытку по захвату турецкого флота и оккупации Константинополя¹⁴.

В связи с новой волной англо-российской конфронтации по восточному вопросу А. П. Горлов вновь предлагал обратить пристальное внимание на британские колонии. Здесь хотелось провести общую черту между точками, предполагаемых генералом Горловым ударов, так как все обозначенные им британские владения имели нестабильную обстановку среди местного населения и на их территории недавно случались акты антиколониальных восстаний. Поэтому неудивительно, что российский военный представитель в Лондоне предлагал бить по самым уязвимым местам британской системы национальной обороны, опираясь на возможность содействия народов, покоренных ранее Англией.

С учетом опыта его предыдущей службы в Северной Америке, он рекомендовал произвести комбинированную атаку силами

российских военных судов по Доминиону Канада и о. Ванкувер и спровоцировать на суше движение ирландских националистов — фениев, давно имевших свои счёты с британским правительством. Это в перспективе позволило бы не только подорвать английскую экономику, но и оттянуть значительные по численности войска, необходимые для защиты британских колоний, которые изначально Консервативная партия стремилась задействовать против России. «В случае нападения нашего флота на Канадские берега и остров Ванкувер или в случае неожиданного движения фениев, положение Канады делается очень щекотливым», — заявлял А. П. Горлов в телеграмме к Д. А. Милютину¹⁵.

Здесь стоит пояснить, что потенциально это мог быть очень удобный отвлекающий маневр со стороны России в случае прямой конфронтации с Англией. Внешние береговые линии британской Канады не имели адекватной защиты от российских крейсеров. Как отмечал канадский исследователь Э. Престон, на западном побережье не было военно-морской базы или обороняемой якорной стоянки ближе, чем Фолклендские острова, чтобы противостоять растущей военно-морской мощи России. Для Англии не существовало возможности оттуда провести железнодорожную или телеграфную связь до Канады, кроме как через территорию США, а тесные российско-американские отношения, укрепившиеся в Крымской и Гражданской войнах, означали, что британский доминион был уязвим для вторжения ирландских националистов, спровоцированных Россией¹⁶.

Долгое время в Англии даже не задумывались о подобном сценарии. Так, британский посол в Вашингтоне, сэр Эдвард Торнтон, только в мае 1878 г. сообщал информацию о том, что некий полковник Берк обязался собрать 6 тыс. вооруженных фениев в США, готовых отправиться на кораблях в любую горячую точку под российские знамена, в случае войны с Англией. При этом Э. Торнтон в телеграмме к министру иностранных дел, лорду Солсбери называл это слухами «совершенно недостойными доверия»¹⁷. Однако, как раз российский военный агент А. П. Горлов писал военному министру Д. А. Милютину, что лидеры ирландского националистического движения в конце 1876 г. обращались к нему лично с предложением сформировать подобный отряд волонтеров в составе российской армии, чтобы сражаться против англичан в Центральной Азии¹⁸. Также генерал-майор Горлов добавлял, что (помимо этого «козыря». — А. А.) в руках

генерал-губернатора в Туркестане К. П. фон Кауфмана и генерала Н. П. Ломакина в Красноводске «имеются средства увеличить до некоторой степени беспокойство на Северо-Западной границе Индии и тем самым уменьшить отправление из Индии военного контингента»¹⁹.

Подобные предложения в целом были своевременны. Так, военная партия при дворе Александра II действительно разрабатывала операции отвлекающего характера, касавшиеся английского господства на морских просторах, как и предлагал генерал-майор Горлов. Военный министр осенью 1876 г. отдал распоряжение отправить в американские порты небольшую флотилию. Основной задачей российских кораблей в случае войны с Великобританией, как отмечал в дневнике Д. А. Милютин, являлось «угрожать ее торговле посредством крейсеров»²⁰. Незадолго до этого, по сообщениям английского военного атташе в Петербурге Ф. Уэлсли, американский министр Бокер был вызван Александром II в Царское Село с целью сделать через него предложение правительству Соединенных Штатов. Император собирался предоставить значительные финансовые льготы американским кампаниям при условии оказания помощи в снаряжении каперов со стороны США для подрыва английской морской торговли²¹. Тем не менее, эти планы так и оказались нереализованными. Российское правительство в очередной раз попыталось мирно разрешить кризис на Балканах и согласилось на проведение Константинопольской конференции в конце 1876 г. для выработки взаимоприемлемого курса действий среди великих держав по восточному вопросу.

Стоит отметить, что сведения и предложения А. П. Горлова ложились не только в планирование потенциальных ударов непосредственно по английским владениям, но и влияли на разработку кампании против Турции, так как военная партия при дворе императора не могла игнорировать вероятность повторения опыта Крымской войны. Ярким тому примером является записка «Соображения на случай войны с Турцией весной 1877 г.», составленная генерал-лейтенантом Николаем Николаевичем Обручевым, когда все способы дипломатического разрешения конфликта были исчерпаны. В этом документе он прямо указывал на «безусловную необходимость» проведения быстрой операции с захватом Константинополя и утверждением на Босфоре, чтобы предотвратить вмешательства Англии в ход войны. «Если они (англичане. — А. А.) возьмут дело в свои руки,

заблаговременно укрепят Константинополь, снабдят его артиллерией и поддержат его оборону с Мраморного и Черного морей всем своим флотом, то столица Востока может обратиться в такую твердыню, о которую... могут разбиться усилия даже самой могущественной армии», — предостерегал Н. Н. Обручев²². Главным аргументом в пользу подобного образа действий стали сведения А. П. Горлова за январь 1877 г. относительно времени, которое потребуется Великобритании для мобилизации и развертывания своих вооруженных сил против России²³. По его расчетам, Англии для отправления 50—60 тыс. армии понадобится не менее трех с половиной месяцев, поэтому английский десант, «прежде вступления в бой может появиться на театре действий слишком поздно»²⁴, чем Горлов и предлагал воспользоваться.

Однако, к сожалению, эти точные сведения остались без внимания высшего российского командования в лице главнокомандующего действующей армии на Балканах Николая Николаевича Старшего. По сути, до занятия Сан-Стефано царскими войсками в феврале 1878 г., его штабом не предпринимались адекватные меры для противодействия возможной высадке английского десанта²⁵, подготовка к которой в Англии шла полным ходом с конца 1876 г., о чем и сообщал многократно генерал-майор А. П. Горлов.

Например, Александр Павлович докладывал в январе 1877 г. об отправлении миссии инженеров во главе с полковником Робертом Хоумом «для изучения местности вокруг Константинополя и для составления проекта ее укрепления»²⁶. Также он добавлял впоследствии, что вместо лорда Нэпьера в качестве главнокомандующего назначили генерал-лейтенанта Линторна Симмонса, занимавшего на этот момент пост генерал-инспектора фортификаций. Характеризуя его личность, А. П. Горлов писал, что «генерал Симмонс является весьма знающим и энергичным офицером...» и «он будет полезен в случае занятия Галлиполи или Константинополя, те есть, когда экспедиция будет сохранять инженерный характер»²⁷. Очень важно отметить, что с осени 1876 г. генерал Симмонс являлся главным советником действующего правительства Б. Дизраэли по вопросу потенциального столкновения России, регулярно принимал участие в заседаниях кабинета министров²⁸ и лично курировал миссию полковника Хоума²⁹. Тем не менее, согласно исследованиям историка Э. Престона, до отправления этой миссии у англичан не было четкого плана действий на случай войны с Россией³⁰. Поэтому, обращаясь

к британским архивным документам, можно однозначно утверждать, что эта поездка являлась краеугольным камнем в потенциальных планах высшего английского командования.

В качестве операционного базиса инженерами, во главе с полковником Хоумом, предлагалось произвести подготовку укреплений на полуострове Галлиполи около селений Булаир и Буюк-Чекмеджи — в предместье Константинополя. По их расчетам для занятия этих позиций требовалось не менее 70 тыс. англо-индийских войск³¹, не включая еще 10 тыс. для захвата полуострова Галлиполи³². Для англичан решение этого вопроса стало сложной проблемой, так как помимо трудностей с мобилизацией и транспортировкой данного числа войск, требовалось установить не менее 120 орудий крупного калибра³³. Возникла необходимость в строительстве дополнительного железнодорожного сообщения для расположения складов с амуницией вдоль предложенной операционной линии и прокладывании телеграфного кабеля — от Мальты до Крита, для быстрой коммуникации с военно-морскими силами Великобритании в Средиземном море³⁴.

В целом, генерал Симмонс занимал довольно пессимистичную позицию по вопросу благоприятного исхода для Англии подобного рода операций без возможности перехода в активное наступление против российской армии, так как, с его точки зрения, для защиты «только этих позиций потребуются более многочисленные войска, чем может быть направлено из Великобритании сейчас, но даже, если их возможно отправить, это будет совершенно унижительно для британских интересов — просто зарыться в окопах»³⁵. Поэтому вступление Англии в войну против России даже в союзе с Турцией без вмешательства других держав, прежде всего, Австрии, по его мнению, «приведет к осаде Константинополя», и, следовательно, «действия Англии должны зависеть от возможного союза с другими державами»³⁶.

С учетом сложившихся внешнеполитических обстоятельств и сомнений властей в Лондоне о целесообразности вступления в войну с Россией, в преддверии Константинопольской конференции полковник Хоум прямо предлагал «задержать наступление русских до тех пор, пока не появится какой-либо предлог для поддержки турок»³⁷. Для этого, 4 мая 1877 г., на должность военного атташе в Константинополе Военное министерство Великобритании назначило генерал-лейтенанта Колинвуда

Диксона, которого, как сообщал А. П. Горлов, направили «для составления нового соображения на счет теперешних комиссариатских средств Турции и для принятия мер для сосредоточения там всех запасов, нужных для английской армии при предстоящей экспедиции»³⁸. Его задачей, по сути, на раннем этапе русско-турецкой войны стало приведение в порядок системы обороны Османской империи, чтобы максимально осложнить положение российских войск на Балканах и затруднить их движение в сторону Константинополя.

Так, по советам генерала Диксона, оттоманский султан распорядился отправить в Варну дополнительные орудия, снабдить провизией на несколько месяцев Шумлу и усилил гарнизоны крепостей дополнительными войсками³⁹. Также британский военный представитель рекомендовал сформировать большой резервный корпус в Адрианополе, чтобы он мог прикрывать Константинополь в случае отступления турецких войск через Балканы⁴⁰. Впоследствии частично этот отряд под командованием Сулейман-паши в течение июля—сентября 1877 г. был задействован в боях на Шипкинском перевале против российских войск. Затем в течение июля—августа 1877 г. под прямым руководством генерала Диксона велись активные работы по возведению укреплений и для установки артиллерийского вооружения около селения Булаир на Галлиполи⁴¹. Таким образом, в Англии действительно готовились к возможному столкновению с Россией, но, справедливости ради, стоит отметить, что британское правительство имело довольно непоследовательную позицию по этому вопросу, так как организация экспедиции, прежде всего, упиралась в финансовую составляющую.

К этому моменту полковник Р. Хоум уже подсчитал, что принятие адекватных мер для защиты Константинополя и удержания обеих сторон пролива Дарданелл будет стоить британской казне не менее 2, 5 млн фунтов стерлингов⁴². Также по оценкам Военного министерства Великобритании, чтобы фактически подготовить полностью укомплектованный английский корпус придется потратить более 12 млн фунтов стерлингов и еще 9 млн — для его мобилизации⁴³. Имея в виду эту информацию, торийское руководство закономерно сочло любое прямое вмешательство потенциально пагубным для Англии и рассматривало подобный сценарий развития событий только в качестве крайней меры. При этом неудачи российского оружия под Плевной летом—осенью

1877 г. окончательно убедили премьер-министра Дизраэли, что царские войска не смогут пересечь Балканы раньше весны 1878 г.

Тем не менее, после успешного завершения осады Плевны 10 декабря 1877 г., обманув ожидания и прогнозы англичан, российская армия героически пересекла Балканы и быстро продвинулась на турецкую территорию, взяв Софию, Филиппополь и Адрианополь, и к концу января 1878 г. оказалась в поле зрения Константинополя⁴⁴. В связи с этим 12 февраля 1878 г. из Лондона поступили четкие инструкции: вице-адмирал Дж. Хорнби, командующий британской эскадрой в Безикской бухте, должен был войти в Мраморное море⁴⁵, а 14 февраля генерал Диксон в качестве превентивных мер рекомендовал турецкому командующему в Дарданеллах Дауд-шаху разоружить форты на европейской стороне пролива, тяжелые орудия бросить в море, а боеприпасы и провиант перевести, при возможности, на азиатскую сторону или полностью их уничтожить, чтобы они не попали в распоряжение российской армии⁴⁶. Также он просил передислоцировать турецкие войска численностью 30 тыс. человек под командованием британских офицеров для обороны, подготовленных ранее Булаирских укреплений, чтобы предотвратить российские операции в заливах Сарос и Энос и в Мраморном море⁴⁷.

В то же время, по сообщениям А. П. Горлова, в Англии уже был сформирован план потенциальных боевых действий против России — одновременно в Европе и Малой Азии. Он писал, что повод для открытия вооруженной конфронтации поступит не от самой Великобритании, а от малых стран — Румынии, Греции или Сербии⁴⁸. Так, уже 4 апреля канцлер А. М. Горчаков сообщал, что румынское правительство выражало протест против 8 статьи Сан-Стефанского договора, по которой российские оккупационные войска в Болгарии должны были сохранять связь с Россией через Румынию и порты в Варне и Бургасе. Правительство князя Карла, по словам Горчакова, начинало искать поддержки великих держав и даже угрожало активным сопротивлением⁴⁹.

Согласно сведениям российского военного агента в Лондоне, высадка британских войск планировалась в трех точках: 1) в Греции — в Салониках; 2) в Турции — в Александретте (Искандерун. — А. А.), рядом с персидской границей; 3) на полуострове Галлиполи, под командованием лорда Р. Нэпьера, генерал-майора Г. Уолсли и генерал-лейтенанта Л. Симмонса соответственно. Александр Павлович докладывал, что англичане

рассчитывали объединиться с греческой армией и подтянуть британские резервные части в количестве 50 тыс. человек и «два войска милиции из Канады — 20 тыс. человек» на дальние берега Средиземного моря для боев на «Европейском участке», чтобы перерезать российские коммуникации на Балканах⁵⁰. Затем, со слов российского военного агента, британцы собирались организовать совместные свои и турецкие войска численностью до 100 тыс. человек под командованием генерала Г. Уолсли и полковника Ч. Гордона, которые намеревались оказывать давление «на нашу Малоазиатскую границу», то есть произвести наступление в турецкой Армении и российской Грузии⁵¹. Они, не атакуя царскую армию в Европейской части Турции, но удерживая ее энергичной обороной Дарданелло-Босфорской линии войсками под командованием генерала Симмонса, должны были ударить большими силами на Закавказье по Трабзон-Ванской линии, в то же время, совершая высадку десанта на определенных точках «Русского берега Черного моря»⁵². Для этого, в свою очередь, через Суэцкий канал были направлены англо-индийские войска для высадки в Александретте, «где они будут организованы совместно с курдами в особую армию», а войска из Мальты и Гибралтара собирались «перевести в Турецкий лагерь для операций на Кавказе»⁵³.

Затрагивая вопрос точности поставляемых сведений Александром Павловичем, необходимо обратиться к ряду источников. Исходя из представленного выше описания плана английского командования, возможности его сопоставления с данными исследований историка Э. Престона, появляются основания однозначно утверждать, что предложенный проект представлял собой компиляцию идей генералов Л. Симмонса и Г. Уолсли, которого назначали начальником штаба лорда Нэпьера⁵⁴. При этом в марте 1878 г. королева Виктория подписала приказ о призыве резервистов и формировании из них двух экспедиционных корпусов, а семь полков англо-индийской армии передислоцировали из Индии на остров Мальту⁵⁵. Также, согласно конфиденциальной переписке британского министерства иностранных дел, уже в конце марта оттоманские власти были готовы взять на себя обязательство, в случае необходимости, «мобилизовать, оснастить и поставить в распоряжение Ее Величества Королевы, в течение шести недель — 100 тыс. турецких солдат... и удвоить это число за следующие три месяца»⁵⁶. При этом выбор Александретты

в качестве места десантирования совпадал со сведениями А. П. Горлова за 1875 г., когда он докладывал о намерении англичан построить железную дорогу Скутари-Багдад, «как средство для скорого сообщения с Индией,... дающее возможность в случае войны с Россией сосредоточить английские и турецкие войска от Константинополя и от Бомбея, к Эрзеруму и верховьям Тигра и оттуда действовать против нашего Закавказья»⁵⁷.

В качестве ответных мер, военная партия при дворе императора настаивала на необходимости срочно предпринять действия для захвата Босфора и Константинополя, пока не стало слишком поздно. 30 марта 1878 г. генерал-лейтенант Н. Н. Обручев, ссылаясь на сведения А. П. Горлова, составил записку, представленную на совещании Александра II. В ней «русский Мольтке» вполне обоснованно утверждал, что Россия все еще сохраняла «над противниками громадное преимущество». «Турецкие войска еще слабы, не организованы. Первые подкрепления (английских войск. — А. А.) с острова Мальты могут прибыть не скорее 5—6 дней; более значительные силы из Англии едва ли подоспеют ранее 3—4 недель. Перевесом, который мы имеем, и надо безотлагательно пользоваться, чтобы произвести решительное давление на Порту»⁵⁸. При этом генерал-майор Горлов также считал, что даже после высадки десанта в течение первых трех недель в рядах викторианской армии «будет беспорядок большой», что давало потенциальную возможность российскому командованию нанести превентивный удар по противнику. «Всякое поражение в начале, — справедливо писал Александр Павлович, — сильно повлияет на дух английских войск»⁵⁹.

Тем не менее, несмотря на активное наращивание сил с обеих сторон, война так и не состоялась. В рамках Берлинского конгресса летом 1878 г. по пересмотру условий прелиминарного мира, подписанного в Сан-Стефано 3 марта того же года, находясь под огромным политическим давлением европейской коалиции, Россия была буквально вынуждена идти на серьезные уступки. На итоги конференции также не повлияла попытка царского правительства произвести демонстративный поход в Индию летом 1878 г., рекомендованный ранее А. П. Горловым, под командованием генералов К. П. фон Кауфмана и Н. П. Ломакина вместе с отправлением миссии Н. Г. Столетова в Афганистан. Даже наоборот, российский военный агент в Лондоне в своих рапортах отмечал, что «английское правительство узнало с радостью

о появлении русской миссии в Кабуле и предлог для покорения Афганистана был найден»⁶⁰.

Подводя итог деятельности А. П. Горлова и сыгранной им роли в событиях Восточного кризиса, безусловно, стоит отметить его огромное влияние на мнение военной партии при дворе Александра II. Д. А. Милютин, в свою очередь, в письме к императору от 19 октября 1878 г., выражал точку зрения, что «сообщения о плане действий Англичан в Малой Азии, имеют ныне лишь историческое знание, тем не менее, не бесполезно иметь в виду эти предположения при разработке нашего плана действий, на случай новой войны»⁶¹. В немалой степени именно точные подсчеты А. П. Горлова о численности военного контингента Великобритании и его локализации повлияли на отправку российской эскадры к берегам Северной Америки и инициацию демонстративного похода в Индию с целью изменить ход Берлинского конгресса. Несмотря на неудачное разрешение для России англо-русского конфликта в конце 70-х гг. XIX в., а именно, уменьшение территориальных приращений по итогам Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., подписание совместной оборонительной англо-турецкой конвенции 4 июня 1878 г., завоевание Англией Афганистана в 1878—1881 гг., повлиявшее на баланс сил в Центральной Азии, все же опыт этих событий и точные рапорты А. П. Горлова об английских планах позволили Российской империи в ближайшей перспективе усвоить уроки и искать новые пути для усиления своего влияния на Востоке.

---

¹ Пинк И. Б. Международные научно-технические связи в истории разработки стрелкового оружия в России (1830—1918 гг.), Т. 2018. С. 140—143.

² Buckle G. E. *Life of Benjamin Disraeli*. Vol. VI. L., 1902. P. 99.

³ Гелла Т. Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX — начале XX веков. О., 2009. С. 62.

⁴ Подробнее см.: Ильина Т. Н. Военные агенты и русское оружие. 2008. С. 364; Пинк И. Б. Указ. соч. С. 308;

⁵ Томили А. Р. Как агент Горлов предотвратил русско-британскую войну // [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2020/03/11/rodina-kak-agent-aleksandr-gorlov-predotvratil-russko-britanskuiu-voynu.html>; Томили А. Р. Русские военные агенты в Лондоне и методы их работы в 1875—1885 гг. // *Российская история*. № 6. 2020. С. 111—120.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 401. Оп. 3/927. 1878. Д. 15. Л. 13.

⁷ Stead W. T. The M. P. (Member of Parliament) for Russia. Reminiscences & correspondence of madame Olga Novikoff. L., 1909. P. 297–305; Denison G. T. Soldiering in Canada: recollections and experiences. T., 1900. P. 212–213.

⁸ Чикалова И. Р. «Неофициальный агент русского правительства» в Лондоне // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 273.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 431. Оп. 1. 1875. Д. 47. Л. 47.

¹⁰ Там же. Л. 61 об. — 62.

¹¹ Там же. Л. 62.

¹² Там же. Л. 63.

¹³ РГВИА. Ф. 431. 1876. Д. 48. Л. 88–88 об.; Милютин Д. А. Дневник 1873–1882. Т. 2. М., 2016. С. 230.

¹⁴ The Political Diaries of the Fourth Earl of Carnarvon, 1857–1890. Camb., 2009. P. 281.

¹⁵ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1877. Д. 4, Л. 230 об.

¹⁶ Preston A. Canada and the Russian crisis of 1878: a proposed contingent for imperial defence // The Dalhousie Review. Vol. 48. 1968. P. 185–186.

¹⁷ Sir E. Thornton to the Marquis of Salisbury, 6 May 1878 // The National Archives (United Kingdom). Public Records Office: Foreign Office (далее — PRO FO) 424/70. No. 460. P. 286–287.

¹⁸ Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 148.

¹⁹ РГВИА. Ф. 401, оп. 3/927. 1877. Д. 4. Л. 230 об.

²⁰ Милютин Д. А. Дневник 1873–1880. Т. 1. М., 2016. С. 369.

²¹ Colonel Wellesley to Lord A. Loftus, 21 March 1877 / PRO FO 424/50. No. 433. Encl. 1. P. 233.

²² Соображения на случай войны с Турцией весной 1877 г. // Газенкампф М. И. Мой дневник. СПб., 1908. Прил. № 2, С. 2.

²³ Там же. С. 3.

²⁴ РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. 1877. Д. 49. Л. 59.

²⁵ Алпеев О. Е. Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г. // Сборник статей по материалам международной научной конференции. Сер. «Никитинские чтения “Славяне и Россия”». 2019. С. 120–136.

²⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1877. Д. 4. Л. 1 об.

²⁷ Там же. Л. 122.

²⁸ The Diary of Gathorne Hardy, Later Lord Cranbrook, 1866–1892: Political Selections. Oxf., 1981. P. 319, 341, 348–349; The Derby Diaries, 1869–1878: A Selection from the Diaries of Edward Henry Stanley, 15th Earl of Derby, between September 1869 and March 1878 (Camden Fifth Series). Camb., 1996. P. 397, 510.

²⁹ Fraser T. Recollections with Reflections: A Memoir of a Scottish Soldier Family in Ireland from the Seventeenth Century. L., 1914. P. 282.

³⁰ Preston A. Canada and the Russian crisis of 1878... P. 185–186.

³¹ Captain Ardagh Report on the defensive position between Sea of Marmara and the Black Sea // PRO FO 424/38. No. 1. Inl. 1. P. 17.

³² Buckle G. E. Op. cit. P. 106; The Diary of Gathorne Hardy. P. 264.

³³ Colonel Home to the Inspector-General of Fortifications, 15 November, 1876 // PRO FO 424/38. No. 1. P. 8.

- ³⁴ Ibid. P. 9.
- ³⁵ Memorandum by the Inspector-General of Fortifications, 4 December 1876 // Ibid. P. 22.
- ³⁶ Memorandum by sir Lintorn Simmons, 9 January 1877 // Ibid. P. 100.
- ³⁷ Colonel Home to Mr. Jocelyn, 17 December 1876 // PRO FO 424/46. No. 474. Incl. 1. P. 303.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1877. Д. 4. Л. 94.
- ³⁹ Mr. Layard to the Earl of Derby, 25 May 1877 // PRO FO 424/52. No. 160. P. 96.
- ⁴⁰ Lieutenant-General sir C. Dickson to Mr. Layard, 29 May 1877 // Ibid. No. 173. Incl. 1. P. 106–107.
- ⁴¹ Mr. Layard to the Earl of Derby, 4 August 1877 // PRO FO 424/59. No. 73. P. 52.
- ⁴² Memorandum by Lieutenant-Colonel R. Home Concerning a British Occupation of Gallipoli and the Dardanelles, 12 January 1877 // Lee D. E. Great Britain and the Cyprus Convention Policy of 1878. Harv., 1934. P. 177.
- ⁴³ Schumacher L. R. A «Lasting Solution»: The Eastern Question and British Imperialism, 1875–1878. Thesis. 2012. P. 185–186.
- ⁴⁴ См. подробнее: Алпеев О. Е. Указ. соч. С. 121–125.
- ⁴⁵ Clowes W. L. The royal navy, a history from the earliest times to the present. Vol. VII. L., 1903. P. 295.
- ⁴⁶ Mr. Layard to the Earl of Derby, 17 February 1878 // PRO FO 424/68. No. 753. P. 355.
- ⁴⁷ Ibid. No. 758. P. 356–357.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. 1878. Д. 49. Л. 119.
- ⁴⁹ Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. II. Очерк политических событий с 28 декабря 1877 г. по 15 апреля 1878 г. СПб., 1900. С. 34.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1878. Д. 15. Л. 40 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 84 об.
- ⁵² Там же. Л. 77 об.
- ⁵³ Там же. Л. 15.
- ⁵⁴ Preston A. Frustrated Great Gamesmanship. Sir Garnet Wolseley's Plans for War against Russia, 1873–1880 // The International History Review. Vol. 2. № 2. 1980. P. 261–264.
- ⁵⁵ Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 158.
- ⁵⁶ Consul Reade to the Earl of Derby, 31 March 1878 // PRO FO 424/69. No. 28. P. 16.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. 1875. Д. 47. Л. 98–98 об.
- ⁵⁸ Особое прибавление... Вып. II. С. 103–104.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1878. Д. 15. Л. 41.
- ⁶⁰ Там же. Л. 75 об.; Подробнее об истории завоевания Афганистана Англией. см.: Сергеев Е. Ю. Указ соч.; Хидояттов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.), Ташкент, 1969; Телла Т. Н. Указ. соч.
- ⁶¹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1878. Д. 15. Л. 101.

Бабич И. В. (Москва)

СОРОК ПЯТЫЙ БОЙ ГЕНЕРАЛА ФЕДОРА ГАВРИЛОВИЧА ЧЕКИНА

«...Что значит собственно родные».

А. С. Пушкин

ЛУЧШИМ ВРЕМЕНЕМ в восприятии большинства ветеранов Северной войны, как свидетельствуют во множестве сохранившиеся их «сказки», своего рода автобиографии, дававшиеся служилыми чинами на протяжении карьерного поприща, было боевое прошлое. Главный сюжет нарратива — память о том, как лихо «сбили», «порубили», «взяли». Глаголы во множественном числе нередко употреблялись в качестве сказуемого, успехи воспринимались как результаты коллективных усилий «со своей братьею». Едва ли не главными приметами «штатского» периода жизни становились разного рода неурядицы — приказные хлопоты, нападения воровских людей, притеснения «сильных» соседей. И каждый оказывался с «мирными» трудностями один на один.

В русло подобной колее в целом уложилась и жизнь генерал-лейтенанта Федора Гавриловича Чекина. В статье Н. Тычино из «Русского биографического словаря»¹ он квалифицируется как «второстепенный деятель» петровской эпохи и следующих царствований, сведения о котором «скудны и отрывочны». Спустя столетие тщательно составленную справку почтенного издания не удастся расширить до полноценного жизнеописания, несмотря на воссоздание истории деятельности тех временных учреждений, которыми Ф. Г. Чекин заведовал². По-прежнему точно известна дата его смерти, 2 марта 1741 г., но не год рождения.

Обнаруженные в фонде Сената материалы об одном из эпизодов внеслужебной биографии генерала, конфликте

с племянницей Анисьей³, — это не только «сор, вынесенный из избы». Это и возможность увидеть историческое лицо в перекрестном свете норм, повседневных практик эпохи и его персональных особенностей. Степень изученности жизненного уклада того времени не позволяет определить, был ли происшедший скандал ординарным или исключительным. Вместе с тем сохранившиеся бумаги интересны с точки зрения реконструкции взглядов на родство, «шляхетскую» честь, а также на взаимоотношения разных поколений офицерских семей. Они дают представление и о том, как непросто было военному, привыкшему безусловно подчиняться лишь старшим по званию и также командовать младшими, адаптироваться к условиям «гражданки».

Источники данных, приводимых в РБС, включают упоминания о Ф. Г. Чекине по разным поводам в трудах И. И. Голикова (11 раз), С. М. Соловьева (7 раз), а также в «Полном собрании законов» (17 раз), в «Докладах и приговорах, состоявшихся в Правительствующем Сенате...» (11 раз). При этом его имя, сохранившееся «в титрах» исторической ленты, встречается в эпизодах, а не в ключевых сценах эпохи, и заметность, в основном, достигается частотой попадания «в кадр».

Знаменательно, что сам Ф. Г. Чекин, давая в рамках масштабной общеармейской кампании по сбору сведений о службе офицеров в феврале 1720 г. сказку, подвел итог своей военной службе (куда он вступил добровольно в 1698 г.) с использованием «количественного метода». Он «сказал» о себе: «...был генерал-майор Чекин в 7 генеральных баталиях, при атаке 3 городов, в 2 акциях, в 5 походах, в 27 партиях, всего в 44 местах»⁴. Такой прием характеристики, напоминающей заполнение таблицы, среди более чем 4000 опубликованных сказок генералитета и офицеров полевой армии встречается лишь однажды. Итог по приведенным сведениям двух категорий — «класс» события и число боевых эпизодов, точно совпадает.

Способность и склонность к инвентаризации стала и залогом первого карьерного успеха Ф. Г. Чекина. Всего через год службы он был произведен из капралов в полковые каптенармусы. Молодой драгун, едва вступив в службу, получил под свою ответственность большое и сложное полковое хозяйство с его «вещами» разного «звания». Из всех упомянутых чинов производств точно датируются подателем сказки только три: в бригадиры (2 октября 1708 г.), в генерал-майоры (17 декабря

1713 г.) и в каптенармусы. Помечена дата назначения — 30 февраля 1699 г. Такое курьезное, по сегодняшним меркам, обозначение проявляет способность принять новые реалии (за редким исключением русские офицеры, в отличие от иноземцев на русской службе, отсчитывали время вплоть до введения нового календаря по старому стилю). Что до 30 февраля, то неясно, была ли неосведомленность о числе дней в феврале пробелом выучки самого Ф. Г. Чекина, которую недосуг было восполнить, или речь шла об ошибке в приказе, которая обсуждению не подлежит. Как бы то ни было, цифры не стали проблемой: с должностью, связанной и с материальными средствами, и с отчетностью, Ф. Г. Чекину удалось справиться. Чуть более года спустя состоялось новое производство — в полковые квартирмейстры. Именно в этом качестве он принял тяжелое для русской армии боевое сражение у Нарвы. В следующем году стал капитаном.

В службе «под командою и командиром»⁵ Ф. Г. Чекин был неизменно удачлив. За битву при д. Лесной он был произведен в бригадиры и вплоть до конца войны координировал деятельность драгунских полков в Финляндии.

Помимо участия в боевых походах — «как в лете, так и зимою», на нем лежала ответственность за состояние нескольких тысяч людей и лошадей. Доклады Ф. Г. Чекина в течение 1717—1718 гг. на имя А. Д. Меншикова включают перечень неудачных распоряжений других командиров (вроде позволения комендантом Выборга И. М. Шуваловым не отбирать у местных жителей семенной хлеб, а «в здешних местах» при «нескором» росте трав это ведет к бескормице лошадей и бедственному состоянию драгун, так что «многие ...дни по два и по три хлеба не ели»), детальный обзор нужд вверенных ему войск, где иные ходят в «серых кафтанах и в лаптях», ссылки на несравненно более благополучное состояние частей в соседней местности. Завершаются они неизменно опасениями взыскания за возможный ущерб, по причине независящих от Ф. Г. Чекина обстоятельств, негативное воздействие которых можно преодолеть в случае надлежащих распоряжений руководства⁶. В целом эти пространные донесения представляют их автора как опытного командира, но мало дают для его личной характеристики. Атрибут военной рутины, эти бумаги, безусловно, представляют лишь рачительного хозяина, понимающего насущные нужды вверенного ему контингента и готового активно добиваться их удовлетворения.

Два ранения (в 1702 г. в «баталии» против Шлипинбаха и в «акции» 1703 г. против Крониорта) и то, что пуля «осталась в плече» не помешали карьере, отмеченной захватом пленных, пребыванием «по очередям с своею братьею в апрошах и ... на караулах» в «Литовских городах», Курляндии, Вифляндии, атаке Каянбурга, за что был пожалован двумя месячными окладами («которые и по се число не выданы») ⁷. В то же время по позднейшим его подсчетам, будучи при заготовке «провианта и фуража из неприятельской стороны...учинил прибыли государству ... триста тысяч» ⁸. Сам по себе пример выслуги неродовитого, не слишком богатого ⁹, не попавшего в гвардию драгуна из рядовых в генералы, даже и в военное время исключителен. Ф. Г. Чекин оказался не только удачливым, но и своего рода образцовым кавалеристом — в каждое время и в каждом месте.

В 1722—1725 гг. Ф. Г. Чекин был выбран в число 10 наделенных особым доверием верховной власти персон, руководивших проведением Первой ревизии. Он отвечал за проверку результатов переписи (1719—1721 гг.) и расположение полков, которые должны были содержаться на подушную подать в Архангелогородской губернии. Помимо учета тысяч плательщиков (по итогам работы канцелярии к 1727 г. это число составило около 376 000), приходилось решать, запрашивая дополнительные распоряжения Сената, вопросы о записи в оклад категорий населения, податной статус которых вызывал колебания законодателей, расследовать факты «утайки душ», штрафовать уличенных в нарушениях. В 1726—1727 гг. Ф. Г. Чекин осуществлял ликвидацию недоимок подушного и других сборов, проверял деятельность провинциальных учреждений в Казанской и Астраханской губерниях, командовал драгунскими полками на Черемшанских форпостах, рубеже, охраняя от набегов, не замиренных еще калмыков и башкир, и одновременно Казанским гарнизоном и «закамскими пригородными» солдатами, организовывал отправку рекрутов и казны в Низовой корпус, командировался на Царицынскую линию.

Деятельность Ф. Г. Чекина была отмечена, в 1725 г. (по другим данным, еще в 1722 г.) ¹⁰ он был произведен в генерал-лейтенанты. Однако указание в челобитной 1733 г. на то, что он «против своей братьи ничем не награжден», было не лишено оснований, так как награждения рангом Ф. Г. Чекин при выходе в отставку не получил. Возможно, это обстоятельство связано с тем, что успешности в исполнении всех возложенных на него поручений,

усердию и инициативности¹¹ сопутствовала репутация скандалиста, на которого «все жалуются». Жители Казанской губернии обвиняли его во взятках и незаконных поборах¹². С. А. Салтыков, давая парадный обед в годовщину коронации (1732 г.), пенял на неприличное поведение Ф. Г. Чекина, который «перебирал» поданные вина, находя их недостаточно тонкими, потом толкнул герольдмейстера П. Т. Квашнина-Самарина, так что у того слетел парик, и, наконец, «прибил» одного из гостей¹³. Быть может, репутация Ф. Г. Чекина помешала и его утверждению на высокие гражданские посты (президента в камер-, ревизион- либо юстиц-коллегии — должности одновременно оказались вакантными в июле 1733 г., белгородского губернатора в январе 1734 г., смоленского губернатора в марте 1735 г., сибирского губернатора в январе 1736 г., главы Сысского приказа в апреле 1736 г., архангелогородского губернатора в июле 1738 г., директора Монетной канцелярии в июле 1740 г.), куда после отставки от военной службы¹⁴ в августе 1730 г. он, в соответствии со своей высокой позицией в чиновной иерархии, был среди других кандидатов представлен¹⁵.

Ряд тяжб с соседями по имениям стал основанием для замечаний современников о том, что он «живет» в Вотчинной коллегии¹⁶. Среди приобретений были и купленные имения, и доставшиеся Ф. Г. Чекину по закладным (в том числе от графини М. А. Шереметевой, сержанта лейб-гвардии Преображенского полка И. А. Нарышкина). Кредитором он явился неуступчивым. Вопреки первоначальному обещанию подождать с платой процентов по долгу (2530 р.) М. А. Долгорукой, «видя ее в ...худом состоянии» (под арестом) стал принуждать вернуть немедленно всю сумму. Не получив требуемого, тут же «справил» недвижимость за собой. Челобитная императрице с просьбой позволить детям княгини выплачивать проценты на первоначальных условиях была удовлетворена, и Ф. Г. Чекину пришлось от имения отказаться¹⁷. Неудачей для него обернулась и более ранняя попытка выкупить «родственную... деревнишку», «для крайней нужды» проданную вдовой его дяди¹⁸. Примечательно, что сигналом к попытке заполучить деревню стал, как и в случае с М. А. Долгорукой, момент предельной уязвимости объекта. Покупатель теткой «деревнишки» Савва Попцов в то время, когда был поднят вопрос о возвращении «родственной» собственности, содержался под караулом (и впоследствии был казнен).

Разбирательство затянулось, в итоге Ф. Г. Чекину вернули внесенные им деньги, но недвижимость он не получил. В обоих случаях для достижения собственной выгоды использовались абсолютно законные средства.

Однако и превышая пределы законных норм, Ф. Г. Чекин «не забывался», умел остановиться на грани, отделяющей превышение полномочий от прямого преступления закона. Приняв от населения деревень Казанского уезда, просивших об освобождении от постоя, лисиц, куниц, гусей, около 250 пудов овса, он драгунские части отнюдь не «свел». Таким образом, ущерб государственному интересу не произошло, а добровольность «подношений» трудно было оспорить (что не противоречило и показаниям пострадавших, признававших, что «принуждения в том приносе» не было)¹⁹. Мирный быт генерал так же, как и военные задачи рассматривал в координатах «расчета и отваги». Именно так он поспособствовал свойственнице, некогда доверенному и близкому к Екатерине I лицу, «девице Анисье» Толстой в ее споре с соседями по казанскому имению. Ф. Г. Чекин одного из представителей противной стороны, находящегося на действительной службе вахмистра А. Мертвцова, «пред себя взял» и в своей канцелярии велел бить «батожьями дважды, насмерть», после чего потерпевший принужден был уступить землю Толстой и «купчую дал, и приложил руки к той купчей за многих, заочно, будто взяли за оную землю 10 руб.». Однако за это, пусть и добровольное исполнение его воли генерал освободил вахмистра вне надлежащего порядка, без смотра высших командиров, от службы и отпустил в дом²⁰. Таким образом, дело было решено с использованием силы, но при этом оформлено приобретение собственности с внешним соблюдением законных норм.

Аналогичный подход в решении «родственного» вопроса, не материального, но этического свойства, Ф. Г. Чекин попытался применить и тремя годами позднее в отношении своей племянницы. Однако в этом случае ему пришлось получить отпор, равный по энергичности его собственному.

Факты, признанные обеими сторонами конфликта, таковы. «Девка» Анисья после смерти родителей проживала самостоятельно²¹ в деревне, неподалеку от дяди, который бывал в имении наездами. В 1731 г. во время одного из таких посещений он в силу слухов сделал заключение о неподобающем поведении племянницы, повелел «людям» привезти ее к себе, выпороть в своем

присутствии и не отпускать к ней в дом. После отъезда четы Чекиных Анистья сбежала. Своего главного непосредственного обидчика, доставившего ее к дяде, она сдала в рекруты. Затем добралась до Переславля-Залесского и на «штабном дворе» подала челобитную, вытребовала воинскую команду для сыску (сбежавших от ее гнева) двух других выступивших на враждебной стороне «людей», после этого отправилась в Москву, где (в 1732 г.) подала в Сенат челобитную «в бесчестье и бое»²².

Дело было решено согласно действующим еще с Соборного уложения 1649 г. нормам, предусматривавшим выплату компенсации пострадавшей дворянской дочери-девице в размере четырехкратного годового жалованья отца за каждую из «обид» («бесчестье» и «бой»). Сумму определили в 2400 рублей. Ф. Г. Чекин сгоряча заявил, что подобными деньгами не располагает и «пусть, де, ценят деревни». Вторично явившегося с требованием ответить по иску канцеляриста он отказался пустить за порог. По зрелом размышлении, генерал счел положение достаточно серьезным и, пренебрегая данным 13 февраля 1733 г. обязательством не покидать Москвы до завершения дела, отправился в Петербург. Впоследствии он объяснял это тем, что видел «на себя посяшку и непорядочное произвождение»²³. В апреле чиновники снова явились в его московский дом на Покровке²⁴. Получив от жены сообщение об отсутствии хозяина, поехавшего, по ее словам, собирать деньги, опечатали имущество, лишив обитателей доступа «к запасам и питьям». Ф. Г. Чекин в челобитной императрице отмечал, что в случае признания виновности «может заплатить племяннице бесчестие и кроме двора своего», двор же опечатан без надлежащего взятия с него «сказки» об отсутствии возможности уплаты²⁵. Сенат, рассмотрев ходатайство, вынес определение о снятии ареста с имущества вплоть до окончания нового, по надлежащей форме, рассмотрения дела²⁶.

Камнем преткновения в споре, казалось, могло стать именно родство истицы и ответчика. Ф. Г. Чекин считал наказание племянницы домашним делом: сирота Анистья «его родного меньшего брата» дочь. Наказание же младших членов семьи не считалось бесчестьем. Как преступление квалифицировался сам факт челобитья детей на родителей²⁷. Однако официальные инстанции аннинской эпохи силовые действия в отношении дочери брата приравнивали к оскорблению неродственного свойства. Колебания во взглядах на примат рода или нуклеарной семьи (очевидные даже

при беглом просмотре актов в «Полном собрании законов, регулирующих имущественные права женщины во второй половине XVII — начале XVIII в.») смещались в сторону сугубо вертикального учета родства.

Соответственно, предметом разбирательства стал не самый факт взыскания, а исключительно уточнение исковой суммы и подтверждения статуса умершего в 1726 г. отца Анисьи. По справке подтвердилось, что майор Артамон Чекин умер на службе в крепости на Царицынской линии. В качестве основы вычислений суммы штрафа приняли штатную табель, действующую в момент разбирательства дела, игнорируя свидетельство ответчика о том, что покойный брат его более ста сорока рублей в год не получал.

Ф. Г. Чекин пытался обосновать правомерность своего поступка тем, что он защищал дворянскую честь: племянница его «непотребная и ведет себя не как надлежит шляхецким дочерям». Некогда она бежала из «нашей опчей деревнишки от отца своего» «с непотребною матерью своею» и «таскалась» лет пять. Лишь после смерти Артамона Чекина его жена с дочерью приехали в пригород Старошесминск, где тогда пребывал на «квартире» Лука Чекин, их сын и брат, служивший под началом дяди, как некогда его отец.

Лука выступил ходатаем за женщин. Вняв просьбе, генерал «пустил» родственниц в «нашу обчую деревнишку». Жена брата вскоре умерла, а Анисья стала ездить «по городам и по кабакам», водить кампанию с холостыми дворянами и поповичами, сваталась своевольно «за поповичев замуж», людей своих била и голодом морила, «мотала» имущество. Так что дядя, узнав об этом от «своего» человека из деревни, просто вынужден был «унять». Отпускать же «непотребную» было нельзя, так как ввиду «сумасбродности» жить самостоятельно она не может. Эти меры рассматривались им как долг «по крови» и не преследовали никакой корысти, он ничего из той деревни не брал и «прочил им же»²⁸ (Анисье и ее брату. — *И. Б.*). Примечательно, что в 1739 г. при подаче наряду с другими чинами Канцелярии Московского набора драгунских лошадей «ведения» о недвижимости в деревнях («собственных и жениных»), этой деревни Ершники Ростовского уезда в перечне, включающем 23 наименования, он не упомянул²⁹. Зато упомянута она в купчей, совершенной на имя Луки Чекина его (Луки) женой в сентябре 1741 г. При этом продавали свои

«указные части» в Ершниках наследницы И. Ф. Ковердаева, ни одним из участников конфликта не упоминавшегося. Ершники, имели нескольких владельцев³⁰. Лука воспользовался оказией, чтобы увеличить свою долю в собственности. Сделал же он это лишь после смерти дяди.

Анисья называла Ершники «деревней отца» своего. В ее версии инцидента «люди» дяди взяли ее с постели в одной рубашке, «ругательски» били и таскали за волосы, доставили в его вотчину, село Иванисово, и определили под караул. Ф. Г. Чекин, называя ее непристойными словами, снял с нее телогрею и велел людям своим «ростеня» вчетвером бить батогами. Анисью порол «в шесть перемен», потом заперли в грязной холодной избе, где псари собак кормят. Там она лежала какое-то время без сознания. На другой день жена Ф. Г. Чекина по его указанию пришла к пленнице и, сняв с нее рубашку, опрыскивала водкой «спину, бока и брюхо». Наказанная оставалась под караулом, получая от старосты по ломтю хлеба с водой в день. Дядю не тронули ни просьбы самой Анисьи, ни увещевания причащавшего арестантку священника. Так прошло «с полгода» (по версии Ф. Г. Чекина, «месяца с два»). Болезнью и содержанием в неволе она объясняла отсутствие «явочной» челобитной, необходимой для освидетельствования «боя»³¹.

Учинение расправы на дворе обидчика выступало, согласно Уложению, отягчающим обстоятельством. Не в пользу Ф. Г. Чекина свидетельствовало и раздельное проживание участников конфликта (принимавшееся во внимание даже в случае ссылки супруга). Останется неизвестным, были ли учтены все эти факторы, рассказ Анисьи о жестоком обращении, какие-то иные доводы, которые она смогла привести, общая осведомленность о горячем нраве Ф. Г. Чекина или знакомая каждому служащему статья петровского воинского устава, поясняющая, что «насилие все одно есть насилие», идет ли речь о нравственной или беспутной женщине.

Итак, доводы Ф. Г. Чекина в пользу укрощения потерявшей стыд родственницы, остались без внимания. Внимания же удостоились его замечания о нарушении порядка судопроизводства: ответчику не дали с челобитной выписки, «как указы повелевают». Речь шла об указе 1723 г. о форме суда, предусматривающей изложение дела обеими сторонами конфликта «в пунктах» и предоставлении ответчику списка с «пунктов» за неделю до

судебного разбирательства, состоящего в разборе, «очищении» дела пункт за пунктом в ходе словесных показаний истца и ответчика перед судом.

Так как этот порядок не был соблюден, Сенат признал дело решенным без суда. В октябре 1733 г. последовало сенатское определение, сохранившееся в двух редакциях. В первой из них предписывается «дать вновь суд» в Судном приказе. Во второй, сам суд переносится в Петербург, в юстиц-коллегию³², а московская юстиц-контора признается подлежащей штрафу за нарушение формы. В конце декабря 1733 г. Ф. Г. Чекин, заручившись указом из Рекетмейстерской конторы о невзимании с него иска вплоть до решения суда, ходатайствует о выдаче паспорта для возвращения из Петербурга в Москву и получает его.

Как бы то ни было, Анисья доставила дяде немало огорчений как морального, так и материального плана, вынудив его потратиться на поездку в столицу и на дополнительные расходы по содержанию московского дома. Для того чтобы закон, защищавший сироту от самоуправства влиятельного родственника, вступил в силу, от пострадавшей потребовались сильный характер и готовность к решительным действиям, которыми был наделен в бытке образцовый драгунский генерал, и которые ему не довелось передать своим детям.

В июне 1741 г., всего через три месяца после смерти Ф. Г. Чекина, в Сенате слушалось дело по ходатайству жены Луки Чекина, «поручицы» Аксиньи Чекиной, об исследовании безденежной закладной имения ее дяди на князя Путятина³³. Речь шла о пасынке генерал-лейтенанта Иване Тимофеевиче³⁴. Практика передачи вотчин детям жены не по завещанию, а путем фиктивных закладных, поступающих затем новым владельцам в силу их мнимой просрочки, была распространенной³⁵, но незаконной.

Неизвестно, имела ли жена Луки основания мстить семье дяди, или просто завидовала богатым родственникам. Во всяком случае, младшие Чекины не стремились сохранить добрых отношений с его вдовой. Лука Чекин все же стал наследником генерал-лейтенанта, а вместе с тем и объектом нового ходатайства Анисьи о взыскании теперь уже с него денег по делу против дяди, решенному в ее пользу. То есть, иск о «бесчестье» она, по-видимому, выиграла, но материальной компенсации не получила. По мере развертывания в 1743–1745 гг. нового разбирательства, инициированного девицей Анисьей Чекиной (к слову, сохранившей

к этому времени свой статус, — напрасно Ф. Г. Чекин опасался недостойной шляхетской дочери брачной партии. — *И. Б.*) уже против Луки, вновь обнаружилась ее готовность не спускать своим обидчикам любого ранга. Стоит отметить и факт не столь уж распространенной в данный период (насколько позволяют судить опубликованные тексты большого комплекса завещаний и других семейно-правовых актов) среди женщин грамотности Анисьи, уверенным почерком расписавшейся в получении подлинного указа, а также и ее осведомленность о канцелярском порядке. В челобитной на высочайшее имя она, апеллируя к «насто́льным» (то есть прописанным в Зерцале) законам, просила об отводе по ее делам «присудствующих» в юстиц-конторе асессора А. С. Извекова и прокурора В. И. Суворова. Их укоры просительницы в попытках разорить брата, которого она, по их словам, понуждает чуть ли не «в холопство отдать», не только ставят под сомнение правое решение по другим ее делам в той же конторе, но и оскорбляют само «присудствие» как «освященное место»³⁶, ведь решение об удовлетворении иска прописано в сенатском определении.

Идея реванша была реализована «девушкой с характером» и в совершенной ею покупке в 1744 г. доли собственности в селе Иванисове, некогда «резиденции» Ф. Г. Чекина и месте расправы над беззропотной сиротой³⁷.

Нельзя сказать, что Ф. Г. Чекин неизменно терпел от «самостоятельности» женщин, с которыми его сводила судьба. Он женился на вдове своего боевого товарища и подчиненного, полковника Луцкого полка князя Тимофея Путятина, урожденной Е. К. Бухвостовой³⁸. Родство Елены Кондратьевны с А. К. Толстой способствовало получению Ф. Г. Чекиным знаков внимания от Екатерины I (так, он в числе пяти генералов нес над нею балдахин на коронационной церемонии 1724 г.³⁹). Кроме того, «генеральша» обладала весьма значительной собственностью и деятельно приумножала благосостояние семьи путем приобретения новых имений. Генерал же отстаивал имущественные интересы не только жены и пасынка⁴⁰, но и, как упоминалось выше, близких ей лиц. Гораздо труднее оказалось поддерживать диалог со своими кровными родственниками на взаимоприемлемых для сторон условиях. Хотя на протяжении всей своей службы он, в соответствии с общепринятым обыкновением, покровительствовал и младшему брату, и впоследствии его сыну.

Практика службы братьев в одном полку, сублимация семейных начал в армейской среде в форме апелляций в сказках и челобитных на равенство со «своей братьею» в подтверждение достойного вклада в общее дело или правомерность личной обиды при неполучении одинакового с другими награждения, а также наименование «племянничими» (в отличие от «старых») окладов вновь зачисленных гвардейских чинов маркировали прочность военной корпорации.

Реинтеграция после отставки от воинской службы в свое «племя», основанное на «братстве» по крови, а не по оружию, не всегда проходила гладко⁴¹, родственный локоть мог и поддержать надежнее, и толкнуть больше посторонних. Характерно, что Ф. Г. Чекин, увидев на себя «посяшку» в Москве, отправился в Петербург. Конечно, он собирался подать прошение императрице, но также, по-видимому, надеялся на активацию своих связей, личных служебных связей, представлявшихся более надежными, чем родственные.

А. К. Байов, давая в своей «Истории русского военного искусства» характеристику А. Д. Меншикова, писал: «Занятый исключительно собой, человек чрезмерного самолюбия и честолюбия, чрезвычайно удачливый в делах... человек большого природного ума, с бесспорным военным талантом, широким глазомером, обладающий инициативой, даже риском и способностью многое взять на свою ответственность». Резюмируя перечень этих черт, историк делает вывод: «В общем, имел все качества прекрасного кавалерийского начальника»⁴². Перечисленные характеристики вполне применимы и к Ф. Г. Чекину.

Бесспорный талант «счастья баловня безродного» не спас его от погружения на пике карьеры в одно лишь стяжание новых богатств, при полной неспособности использовать недюжинные качества своей природы для постановки и воплощения задач истинно масштабных. Ф. Г. Чекин был всесторонне укоренен в системе родственных, соседских⁴³, деловых связей. Покинув военную стезю, он не остался «без службы⁴⁴, без жены, без дел». Со всем тем, без дела он ничем, кроме «наездов» на посягавших, как ему казалось, на его «шляхетскую» честь и имущество, заняться не сумел. Способные лихо опрокинуть противника, сохраняющие «нрав» и навыки атаки, отставные вояки — инициативные и решительные кавалеристы, возможно, более и скорее прочих не находили в мирных реалиях надежных ориентиров

среди «своих» и «чужих», не способны были выбрать высот себе по плечу.

¹ Тычино Н. Чекин // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Чаадаев—Швитков. С. 120—121. Далее: РБС.

² Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 306—308, 366—367.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 487—516.

⁴ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: Сборник документов. В 2 т. / Сост. К. В. Татарников. М., 2015. Т. 1. С. 38—41. Далее: Офицерские сказки.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 487.

⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Ед. хр. 1018. Л. 3—6.

⁷ Офицерские сказки. С. 40—41.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 487.

⁹ О материальной обеспеченности Ф. Г. Чекина при вступлении в службу, сведений нет. В сказке от февраля 1720 г. он говорит о владении 69 дворами, «купленными и взятыми в приданое», но не упоминает о родовой недвижимости. В то же время в сказке его брата, поданной полугодом позднее, отмечено наличие за ним (Артамоном) 6 дворов, «купленных и старинных», что позволяет предполагать «достаточность», но не богатство семьи. Офицерские сказки. С. 41, 522.

¹⁰ РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 28; Ф. 2. Оп. 13. Ед. хр. 1. Л. 139.

¹¹ Н. Тычино отметил весомость докладов Ф. Г. Чекина Сенату в период проведения переписи душ мужского пола и после нее, в частности в 1723 г., когда был поднят вопрос о статусе половников, и Петр I распорядился, чтобы лица, производившие переписи, сами пришли к какому-нибудь соглашению. Чекин один отставал и отстоял положение о не прикреплении половников к земле, что Сенат и узаконил в январе 1725 г. Позднее им внесены в Сенат доклады о необходимости внести в подушную перепись крестьян и раскольников Галицкого уезда и взять с них штрафные деньги за раскол; о собирании воинской подати деньгами с тех «душ», на которые не легла обязанность содержать войско натурой. РБС. С. 120.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 499. Л. 6—8.

¹³ РБС. С. 121.

¹⁴ Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 637.

¹⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 477; Л. 43; Ед. хр. 174. Л. 259; Ед. хр. 200. Л. 539; Ед. хр. 175. Л. 408—409; Ед. хр. 155. Л. 451 об.; Ед. хр. 234. Л. 529—530.

¹⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: Сочинения в 18 кн. М., 1993. Кн. 10, т. 20. С. 493.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 111. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731—1740 гг. Юрьев, 1901. С. 275.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Дела старых лет. Ед. хр. 7679. Л. 9 об. — 40.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 499. Л. 6—8.

²⁰ Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 84. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1728. С. 280—281.

- ²¹ Статья закона, освобождавшая от строгого наказания за утайку душ «малолетних» помещиков и помещиц, подразумевала то обстоятельство, что самостоятельное проживание в своих деревнях шляхецких детей было одной из реалий того времени. При этом к малолетним относились лица мужского пола до 10 лет и женского — до 20 лет. ПСЗ. Т. 7. № 4343. С. 146.
- ²² РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 487—490 об.
- ²³ Там же. Л. 496.
- ²⁴ Переписная книга города Москвы: составлена в 1738—1742 годах. М., 1881. Т. IV. С. 48. № 461.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 496.
- ²⁶ Там же. Л. 503—504.
- ²⁷ ПСЗ. Т. 1. № 1. С. 154.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 488—488.
- ²⁹ Там же. Оп. 16. Кн. 985. Л. 973—975 об.
- ³⁰ Там же. Ф. 1209. Дела старых лет. Кн. 10767. Л. 161.
- ³¹ Там же. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 489—489 об.
- ³² Там же. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 504—505.
- ³³ Сенатский архив. СПб., 1891. Т. IV. Журналы и определения Правительствующего сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. С. 17.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1209. Дела старых лет. Ед. хр. 7681. Л. 35—36.
- ³⁵ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 811. Л. 6, 8—8 об.
- ³⁶ Там же. Ф. 248. Оп. 99. Кн. 7876. Л. 792а—801.
- ³⁷ Там же. Ф. 1209. Дела молодых лет. Ед. хр. 10797.
- ³⁸ Там же. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 985. Л. 978.
- ³⁹ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1789. Ч. 9. С. 95.
- ⁴⁰ Ф. 248. Кн. 2096. Л. 8—100.
- ⁴¹ Известен случай, когда поручик (впоследствии капитан) Викула Жеглов в 1723 г., отвечая на формальный вопрос, не знает ли он кого-то кроющегося от службы, назвал своего племянника. Донос не подтвердился, Е. Жеглов оказался слишком молод, но показательно, что дядя не только не питал к племяннику добрых чувств, но даже не знал, сколько ему лет. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 204. Л. 417—430.
- ⁴² Байов А. К. История русского военного искусства. М., 2008. Т. 1. С. 208.
- ⁴³ В 1734 г. Ф. Г. Чекин и «товарищи» выступал в числе «разных чинов людей», бивших челом о продлении сверх предусмотренного законом срока пребывания на воеводском посту в Переславль-Залесской провинции А. И. Зуева. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 718 об.
- ⁴⁴ В 1737—1739 гг. Ф. Г. Чекин был главой комиссии своего имени при Московской канцелярии набора драгунских лошадей, в 1740 — начале 1741 — в Сенатской конторе у взыскания на прошлые годы подушного сбора. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 152. Л. 589.

М. В. Бабич (Москва)

СМОТР И МУНСТРОВАНИЕ: ПОИСКИ ВОЕННОЙ МЫСЛИ И ПРИЕМЫ АРМЕЙСКОЙ ПРАКТИКИ 1730-х ГОДОВ

В ОЗВРАЩЕНИЕ К ТЕМЕ РЕФОРМ Б.-Х. Миниха, по которой автору настоящей статьи уже посчастливилось выступить в рамках проекта «Война и оружие», обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, обнаружением нескольких архивных документов, однозначно связывающих это направление законотворчества с полковыми смотрами 1730-х гг., никогда не рассматривавшимися сквозь призму углубления регуляризации армии. Во-вторых, знакомством с очерком «инспектирования» отечественных вооруженных сил А. Н. Щербы, установившим, что для профессиональной среды открытием является само его существование в России ранее 1946 г.¹ А, если так, то и наблюдения, не претендующие на кардинальное прояснение научной картины эпохи, не представляются слишком скромными, а предвещающий их пересказ, излагавшихся не однажды, излишним.

Тем более, что при еще одном обращении к сюжету смотра и мунствования можно высказать соображения, которым прежде не находилось места. Начиная со знаменательного удвоения семантического значения термина, которое подчеркивает органичность петровской «прививки» европейских моделей к привычным реалиям в одном ряду с регламентами-уставами, правилами-регулами или возведением чего-то общезначимого и просто крупного в степень генерального. Ведь смотр людей в удостоверение их годности к службе как один из ключевых элементов ее организации бытовал на Руси задолго до XVIII в. с его известными изменениями, естественно перерастая в ревизование еще и снаряжения, подготовки и финансирования «регулярных» теперь контингентов по «регулярным» же стандартам.

Такие изменения прослеживаются от «Записки» под заглавием «О смотре и мунствровании», вступившего в 1704 г. в звание российского фельдмаршал-лейтенанта, барона Г.-Б. Огильви². Ему приписывается и привнесение в обиход «репортов в графах»³, откуда прямо-таки сакраментальное для государственно-общественной и частной жизни утверждение «табели» как разграфленного перечня физических лиц и «вещей», к 1710-м гг. уже триумфальное⁴. Распространение же нового понимания смотра, названной «Запиской», можно считать доказанным по выявлению Г. В. Калашниковым подхода к ней как к инструкции сразу после совместного с автором «мунствования» Петром I четырех пехотных полков 23 декабря 1704 г. Хотя недавно влившиеся в российское офицерство иностранцы могли и сами знать аккумулярованную Г.-Б. Огильви «цесарскую» традицию продолжать «свидетельство» (смотр-ревизию. — М. Б.) выстроенного «в парад» личного состава «свидетельством» его оружия и мундира, артиллерии и других «припасов», а затем показательным «учением» с письменной фиксацией итогов акции, которая производилась особыми *musterherr* — повелителями образцов, в буквальном переводе с немецкого языка.

Насколько точен перевод, приведенный в интернете, и почему авторитетнейший в своей области М. Фасмер, тоже, ведя от средневеково-латинского слова *muster* — образец, немецкое же, *mustern* — муштровать, трактует его как «производить смотр», но неотрывную от того и другого позднейшую «муштру» связывает с польским словом *musztrować*? Не менее авторитетный В. И. Даль еще (или уже. — М. Б.) видит великорусское «муштровать», произошедшим от немецкого «держатъ строго» или «придирчиво взыскивать, уча»?⁵ Эти «филологические» рассуждения небесполезны с точки зрения наглядности неординарно быстрой эволюции военной, а за ней и «гражданской» лексики. Но, она же, отражает не одни свойства национального языка, но и снизу доверху отзывавшуюся в «нравах» динамичность, присущую военному строительству XVIII в.

Рецепция разных западных «прав», корректировавшаяся на полях все более успешных сражений с передовой Швецией, смотры занятых в них соединений довольно долго обходит стороной. По крайней мере, в нескольких тысячах ныне опубликованных «офицерских сказок», собранных Военной коллегией в конце 1710-х — начале 1720-х гг., весьма обыденные «предстояния»

перед командованием участники неизменно вспоминали повышениями в чинах, отпусками из-за ран и болезней или отсылками к «определению» в столицы, реже — передислокациями или «раскассованиями» полков. И, вроде бы, никогда — проверками строевых навыков или обеспеченности всем необходимым.

В известной степени такие умолчания задавались коллежским формуляром, прагматично отождествлявшим профессиональную состоятельность слуги государства, помимо чина, не с казенным содержанием, зачастую символическим, а с владением населенными имениями. Но и конституировавший петровскую армию «Устав воинский» 1716 г., достаточно четко описывая знакомые по Г.-Б. Огильви составляющие, не придает им самостоятельного значения, адресуя разъяснение порядка «смotra солдат и что при том примечать надлежит», прежде всего, кригс-комиссарам (военным. — М. Б.) разных рангов⁶. В самой опоре на их совокупность едва ли был осознанный отказ от ранее заявленного «мунствования» в пользу французского варианта «комиссарского смotra», отнюдь не исключавшего какого-либо контроля по «образцам» с наказанием виновных в нарушениях, чему и посвящено большинство «пунктов» Регламента комиссариату 1711 г.⁷

Дело, скорее, в том, что к исходу первого десятилетия XVIII в. приоритетом «комиссариатских» чинов было само обеспечение остальных военнослужащих деньгами и «принадлежащими воинскими вещами» — в «позднесоветском» смысле доставания, гораздо более важного, чем законность выплат или качество наличной экипировки. Прочная же ассоциация с французским словом «комиссар» от латинского *commissio* — поручение с теми, чьим «поручением» было заведение какими-либо суммами или материальными средствами⁸, повелась, вероятно, от возведения князя Я. Ф. Долгорукова в генерал-комиссары 18 февраля 1700 г. при назначении к «делам» бывших Иноземского и Рейтарского приказов⁹. И на судьбу учреждения, призванного руководить военными комиссарами, повлияла не меньше, чем подлинные иностранные комиссариаты.

Хорошо согласуясь с «уставным» представлением об армейском комиссаре как «экономе (домоуправителе. — М. Б.) и добром арифметике», представление о комиссаре вообще как «завхозе» слабо согласовывалось с представлением, кто в доме настоящий хозяин, устоявшимся еще лучше, и, наконец, с местом,

занятым в государственном аппарате Военной коллегией в 1720-е гг. Поэтому российский Комиссариат вряд ли мог в полной мере обрести аутентичные, по П. О. Бобровскому, его прототипам в Дании, Пруссии, Священной Римской империи и Франции, министерские полномочия¹⁰ (к их легальному обретению иногда приближаясь вплотную).

Непросто было, и разграничить его все расширяющиеся компетенции с Военной коллегией, самой последовательной попыткой которого пришлось пожертвовать в русле принятого по воцарении Елизаветы Петровны курса на воссоздание изначального облика отцовских «установлений». Неотрывные же от Комиссариата реальные и мнимые мундирно-амуничные «непорядки» в середине 1720-х гг. превратились в идеологическое клише, служившее то символом любых неудач военной политики, то средством давления на причастных к ней особ, то предлогом вмешательства в нее по другим причинам. По-своему стимулировав и соотнесение в сознании материальной части вооруженных сил, свыше десяти лет безраздельно «комиссариатской», с «мунстрованием», которое попало в фокус внимания, полагаем, из извлеченного из недр императорского Кабинета сочинения генерал-майора И.-Б. Кампенгаузена.

Резонировавшее с критическими настроениями послепетровских правительств относительно «войска... российского государства», оно предлагало более или менее оригинальные меры по его улучшению, решающую роль среди которых недавний петровский полковник отводил генеральному смотру всех его полков¹¹. Выходец (в 1711 г.) из шведского офицерства в описаниях, каким должен быть смотр, апеллируя к «уставам» Карла XI (настолярным и для Петра), от общеевропейских норм не отступал. Обосновывая, что если бы даже узаконенные комиссариатские («камисные») смотры следовали регламентам, а они не следуют, случаясь спорадически и «точию ради, все ль люди в лицах», то не заменили бы генерал-мунстергеровские. Поскольку комиссару не признать негодности им же поставленного, в самом признании «доброты» этого он скован штатными «сроками», а воздать справедливость («юстицию») отличающимся друг от друга «трудными» подразделениям, их офицерам и рядовым, не правомочен. Делегирование, по примеру шведских королей, «спроса» каждого военнослужащего о его удовлетворении всем положенным и неизбежных «обид» лично подчиненным «искусным мужам»,

«ни до чего другого дела» не имеющим, одарит «императорское величество» знанием и своего «солдатства», и затрат на него. И, в конце концов, — единением с армией и питающим ее рекрутами народом в пространстве «полного порядка», «равной расправы как нижнему, так и вышнему» «верности и правосудия»¹².

Утопические упования И.-Б. Кампенгаузена на «сокровище генерального смотра» в знаковых актах периода отклика не получили, да и сановники, знакомые с полным текстом его произведения, досконально не выявлены. За вычетом А. В. Макарова, кабинет-секретаря Петра I и Екатерины I, и А. И. Остермана, будущего лидера Кабинета Анны Иоанновны, которые, правда, и были вдохновителями и организаторами комиссионального разрешения актуальных проблем армии от разработки очередного (после 1720 г.) штата без дальнейшего роста военного бюджета. Комиссия, которая сумела выполнить эту задачу, не зациклившись на ней одной, открылась только в 1730 г. Но проектирование и предмет ее не сложившихся предшественниц 1727 и 1729 гг. не держались в секрете, как-то сопрягаясь и с «пересмотром» — с февраля 1728 по август 1729 гг. — генералитетом «обще» с кригс-комиссарами «в людях, ружье, мундире и амуниции, экзерциции» свыше 80 «своих» полевых и гарнизонных полков. Ни в ведомости о нем, сохраненной Воинской комиссией 1730 г.¹³, ни в других ее материалах, нечастых тогда ссылок на «авторов идей» нет. Но коллеги И.-Б. Кампенгаузена по Комиссии, где и он (очень недолго) заседал, безошибочно выбрали из них те, которые обещали радикальное обновление существующей практики.

А именно, подход к генеральному смотру как к гаранту «ненарушимости» армейских устоев в их «полезных учреждениях», «неотменность» его проведения дважды в год, а также понимание «генеральности» как единовременного охвата всех частей независимыми от «их» генералитета военачальниками с «табельным» обобщением сведений о них к рассмотрению на самом высоком уровне. Тогда как из смотров, по запросу Комиссии, перечисленных Военной коллегией указом от 26 января 1719 г. о генералитетском свидетельстве корпусов к началу «кампании»¹⁴, в качестве генерального был квалифицирован только запланированный на 1721 г. и, по-видимому, не состоявшийся.

Шесть остальных, включая 1728—1729 гг., отвечали признакам генералитетских и фронтальных, но все относились

к чрезвычайным, вручаясь по специальным поводам особыми указами специально выбранным лицам. И почти всегда имели в виду преимущественно личный состав с документальной характеристикой только командных кадров в стремлении к сотворению архетипического, по сути «генерального списка», как фундамента управления офицерским корпусом. Путем, главным образом, заочного анализа «офицерских сказок» некий результат здесь был достигнут регистрацией к 1729 г., по выкладкам Г. В. Калашникова, 3765 человек от генерал-аншефа до профоса¹⁵. Это должно было способствовать готовности военной элиты впредь «примечать», вслед за комплектностью, и иные стороны «исправности» полков, сконцентрировавшись на хозяйственной (тоже, так или иначе, налаженной), усовершенствование которой и стало главным для Воинской комиссии 1730 г.

Ее безусловный успех в исполнении по большинству «пунктов» озвученной в именном указе от 1 июня 1730 г. программы¹⁶, признают все, кроме убежденных порицателей личности и деятельности Б.-Х. Миниха, возглавившего ее после смерти фельдмаршала, князя М. М. Голицына. Касательно пункта 10 об учреждении «генерального смотра и мунствования» резюмируем и добавим следующее. Изданная 7 декабря 1731 г. «Инструкция определенным при армии генерал-инспектору и военным инспекторам»¹⁷, помимо высочайше декларируемого (выше цитированного. — М. Б.) взгляда на генеральный смотр, вводила равновесность критериев оценки «доброты порядка» во всех его выделяемых тогда ракурсах — «людях, ружье, мундире», амуниции, лошадях, обозе, «экзерцициях», лазаретах, расходах, «счетах» и «журналах». Повторение того же в «Военном словаре» С. А. Тучкова 1818 г. (где «инспекторский смотр» предстает как нечто, само собой разумеющееся)¹⁸ показывает, что укладывание множества статей «комиссариатских регул» 1711 г., Устава 1716 г. и новейших мотиваций в сжатое должностное руководство было удачным. И еще удачнее — переименование трудно произносимых «мунстергереров» в «инспекторов», уже бойко переводимых с латыни как «смотрители», «надзиратели» и «охранители»¹⁹. Сам же документ 1731 г., сразу вошедший в делопроизводственный оборот как Инспекторская инструкция, ставил во главу угла генерализацию учета всех штатных единиц, которые надлежало вносить в «смотровые списки и табели» по приложенным «формулярам».

Они образовывали монолитный блок с «Высочайше утвержденными формами» по пункту 9 программы Комиссии («о полковых книгах, рапортах, годовых ведомостях и счетах») от 22 марта 1732 г. и «апробованным» Сенатом и императрицей 9 мая 1732 г. ее «Рассуждением» о «церемонии» смотров, которые, без отмены комиссариатских, теперь директивно (а не рекомендательно) вменялись «аншеф-командующим и гарнизонным командирам и полковникам» как своего рода репетиции к инспекторским осмотрам²⁰. «Списки людей, лошадей и прочего» должны были подаваться туда в почти готовом виде и, как и другие «формы» обычно осуждаются в литературе, подавляя громоздкостью перечней с колонками к прописыванию каждого «епанечного крючка» или железной лопатки (с количеством, ценой и пресловутыми «сроками»). Но, на самом деле, существенно упростили аналогичные требования петровских «уставов», сократив их, сведя воедино с устранением противоречий и приспособив к заполнению, умеющими только арифметике, «грамоте и писать». Смотровые же списки легли в основу как поступления в Военную коллегию адекватной информации о подведомственных контингентах хотя бы в их командном сегменте, так и беспрецедентно развернутых данных об армии XVIII в. в ее человеческом аспекте, раскрытие исследовательского потенциала которых, — еще впереди.

Парадокс заключается в том, что «инспекторский» норматив, ориентированный на размеренность работы армейского механизма, при переводе на практическую почву выступил как ордер для мобилизации ресурсов его развития. Не столь мощных, как выглядели, что и проявилось в немедленном обрушении очерченной в Инструкции 1731 г. коллегии воинских инспекторов. Хотя ее структура — один — от кавалерии и два — от инфантерии под председательством генерал-инспектора, с прямой подчиненностью Кабинету Ее Императорского Величества (Е. И. В.) и лимитированной подотчетностью Военной коллегии, не расходилась ни с отправным тезисом о генерал-мунстергере как доверенном лице монарха, ни с испробованным в 1728—1729 гг. распределением смотровых обязанностей между несколькими генеральствами с отчетливо просматривающейся внутренней иерархией.

Номинальность пожалования в генерал-инспекторы от флота весной 1732 г. адмирала, графа Н. Ф. Головина и вакантность поста инспектора кавалерии (по оставлении при дворе генерал-лейтенанта А. П. Волынского) могли не слишком занимать, так

сказать, военную общественность. Но исключаящие, не предписанную взаимопроверку, а элементарную координацию инспекторских действий. «Чехарда» на их принципиально постоянных должностях²¹ и волокита в обработке материалов были очевидны всем.

Привлеченный генералитет, как бы компенсируя незавершенность процесса конца 1720-х гг., справился со всеми 17 штатными гарнизонами и отчасти ландмилицией на Украинской и как раз заселяемой Закамской линиях. Объемлющий же чуть более 40 (всего около половины) полевых пехотных и драгунских полков²² смотр 1732—1733 гг. никак не дотягивал до генерального, легко объясняя, таким образом отсутствие о себе гласных политических резолюций и негласный уход военной инспекции с освященной в историографии государственной сцены, вплоть до екатерининских времен.

Однако впечатление о его провале становится противоположным при сопоставлении перечня «отсмотренных», который реконструируется по «журналам» Кабинета и смотровым спискам РГВИА, с росписями А. К. Байовым полков-участников близкой войны с Турцией (включая участников предшествовавшего ей Польского похода 1733—1734 гг.)²³. Степень совпадения так высока, что не дает усомниться в отправке на театр 1736—1739 гг., прежде всего, побывавших на инспекторском параде, с присоединением к полевым и, обследованных, тогда как «стоящих» в городах-гарнизонах. Это особенно заметно на примере пехоты из 51 регулярного полка, среди которых смотр не прошли — не более 15 (а, скорее, менее, так как 10 из «перечнево» записанных за разными инспекторами пока не идентифицированы вместе с 10 драгунскими, чьи скрытые за ссылками на «гарнизонные» города названия тоже могли бы изменить соотношение в соответствующих — 9/28 — группах).

Молчаливое предпочтение частей, подвергшихся инспекции в начале 1731 г., удостоверяет сразу же оцененную пользу таковой для их боеспособности так же надежно, как отложившиеся с тех пор смотровые списки — соразмерность их возможностей, предъявленным им тогда же требованиям к документации. Неудивительно, что и парадигма генерального смотра в 1730-е гг. не исчезла из военной мысли и из действительности, пусть во всеобщем масштабе более не провозглашалась и посягательств на оптимизацию не избежала.

Так, именной указ от 24 сентября 1736 г. уведомлял Военную коллегию о недопустимости дальнейшей приостановки «смotra и мунстрования» из-за определения «инспекторов... к другим делам», что причинило убытки казне от чрезмерных запасов одних полков и гибельной обделенности других полков в разгар «кампании». Вести же его, приступив сразу по вступлении на зимние квартиры, повелевалось опять преобразованному Комиссариату по срочной к сочинению коллежской инструкции²⁴. В условиях реформирования центрального военного управления — с января 1736 г., замковым камнем которого и должен был стать открытый 23 марта Походный комиссариат²⁵, передача туда инспекторских функций могла показаться логичной, но только вынося за скобки их не стыкуемость с положением Походного комиссариата в системе Военной коллегии и ее новообразованных контор. Авторы проекта Инструкции и поступили соответственно, без неудобных комментариев, взяв лишенную преамбулы Инспекторскую инструкцию 1731 г. под заголовком, запечатлевшим современное им прочтение «мунстрования» как надзора за имущественным довольствием («О смотре и мунстровании полков и о прочем, что до снабдения оных касается, и о пресечении происходимых беспорядков, и о приведении в доброе состояние»)²⁶.

Между тем проект, на быстрое утверждение которого рассчитывали в сентябре, такового не получил никогда, а Кабинет уже через месяц и сам отступил от позиции генерального смotra «от Походного комиссариата», обязав к «пересмотру всех полевых и ландмилицких полков по силе Инспекторской инструкции [и] комиссариатских регул» непосредственно Военную коллегию. Сюда и прислали списки по «формам» 1731 г. о смотрах «за воинского инспектора», которые весной и летом 1737 г. провели в нескольких полках генерал-аншеф А. И. Румянцев и генерал-лейтенант, князь В. Н. Репнин²⁷. Ответственность же за массовые смотры правительство взяло на себя, прибегнув к типичному для своей администрации инструменту комиссий, по определению вневедомственных и сравнительно самостоятельных. Дополнительным побуждением к этому мог стать и опыт Комиссии Персидского корпуса, которая сначала как инспекция не позиционировалась.

Всесторонняя не укомплектованность полков из возвращаемых Персии по договору 10 марта 1735 г. «провинций»,

с Персидского (Низового) похода 1722—1723 гг., охраняемых одноименным корпусом, была общеизвестна, как и целесообразность их применения в предстоящем столкновении с турецкими. «Исправление» же их майором лейб-гвардии Измайловского полка И. А. Шиповым, командированным в Воронеж «от Кабинета» с крепкой командой гвардейских обер- и унтер-офицеров, похоже, превзошло ожидания. Доставка к южной границе мундира и амуниции из Москвы (с устройством особых переправ на дорогах), погашение не полученных с 1734 г. сумм, хлопотная покупка лошадей в сопредельных губерниях, усиление солдатами их гарнизонов (свыше тысячи которых замещались рекрутами) шли так слаженно, что в январе 1736 г. на ту же структуру возложили и текущее снабжение действующей армии²⁸.

Кабинет-министры выговаривали И. А. Шипову за претензии — на равных сноситься с Военной коллегией, но закрывали глаза на «понудительные» задержания присутствующих одной из ее контор. А, главное, убедились, что Комиссия одного способного порученца с немногими помощниками и мобильной канцелярией в решении задач генеральной инспекции не уступает квалифицированному коллективу, располагавшему целой (в 13 человек) экспедицией канцелярии Военной коллегии²⁹, саму коллегию заодно разгружая от ликвидации «неисправностей». Так что смотр 1737—1738 гг. вполне предсказуемо попал в руки трех «кабинетских» комиссий во главе с лицами из персонала этой коллегии, которые еще и должны были стать арбитрами в ее «спорах» с фельдмаршалами, графами Б.-Х. Минихом и П. П. Ласси.

Сентенцией об этом и ее «лучшем обличении в происходящих оплошностях» открывался именной указ от 10 августа 1737 г. А. П. Баскакову, бывшему капитану лейб-гвардии Преображенского полка, ветерану Северной войны и громких событий прошлого, а в настоящем действительному статскому советнику, эксперту в военно-финансовых и церковно-экономических вопросах и члену многих сложных следствий³⁰. Этот указ, вскоре ставший регламентом и для других (в том числе, и для следующей — Ландмилицкой — комиссии И. А. Шипова. — М. Б.), без затей воспроизводил Инспекторскую инструкцию. Демонстрируя, что «мунствование» полков, марширующих «в границы» из «кампании» 1737 г., затевается не столько для штрафов «по воинским уставам без упущения», сколько для

заблаговременного узнавания, «чего... есть и чего недостает, и тот недостаток откуда пополнить велено»³¹.

Намерение «мунстрировать» полки, «бывшие в походе», ради «кампаний» будущей еще отчетливее проговорено в адрес Комиссии, чье наследие доступно в РГВИА³². Под документально зафиксированным названием «о смотре и мунстрировании от инфантерии полевых полков» она была вверена обер-штер-кригс-комиссару, князю А. А. Оболенскому, которого именной указ от 4 октября 1737 г. вводил впервые в ряды высшего чиновничества. Почему, возможно, его и отправили в бывшие «низовые» полки П. П. Ласси (с присоединением Азовского, Вологодского, Казанского и Пермского той же «команды»). Несмотря на живописание фельмаршалом бедствий «при Азовской экспедиции», которым резонно не доверяли³³, здесь не ожидали затруднений как по обстановке на этом «фронте», так и по всей прошлогодней бытности И. А. Шипова. Судя по оправданиям А. А. Оболенского в продлении его смотра до весны 1738 г., затруднения все-таки были. Дошли же до коллегии лишь заверенные Комиссией жалобы командиров Апшеронского, Навагинского, Нашебургского и Ширванского полков о недоданных в 1732—1738 гг. деньгах «за щиблеты» от 80 р. 50 к. до 545 р.³⁴

Мелочность их «недостатков» по-своему любопытна. Но для изучаемой темы еще любопытнее состав пакета врученных А. А. Оболенскому руководящих документов в 23 наименованиях. В дополнении учредительных актов, «Устава и Артикула», штата и полного инспекторского комплекта 1731—1732 гг. позднейшими указами об имени майорами и адъютантами «добрых лошадей», отосланных обоим фельмаршалам палатках и т. п., тоже можно усматривать ненужную мелочность. А можно — уверенность в наличии сил, необходимых для соблюдения буквы закона, невзирая на военные тягости. При том, что в указе А. А. Оболенскому прямо выражено не артикулированное в указе А. П. Баскакову намерение применить ее ко всем занятым в «кампании» 1737 г. войскам (кроме «оставленных» в Кинбурне и Очакове) с восстановлением «специализации» 1731 г. — закреплением за А. П. Баскаковым драгун и разделением пехоты между А. А. Оболенским и полковником С. П. Епишковым³⁵.

Последнему достались более многочисленные и активные полки Днепровской экспедиции Б.-Х. Миниха, из-за конфликта с которым по причине донесения о негодности там солдатского хлеба

С. П. Епишкову, при всем солидном прокурорском и «розыском» стаже самому привелось попасть под военное следствие³⁶. Тем не менее, он, несомненно, успел обревизовать 16 регулярных и 2 ландмилицкие части (кроме которых, из намеченных к его смотру — 5 числятся в фондах РГВИА. — М. Б.). С 15 драгунскими полками, упомянутыми в рапортах А. П. Баскакова, и еще 4, чьи смотровые списки датированы 1737—1738 гг., 8 «армейскими», в смотре которых отчитался персонально уполномоченный на него А. И. Румянцев (распорядившийся о смотре 9 драгунских полков генерал-лейтенантом К. Бироном), достижениями И. А. Шипова, В. Н. Репнина и А. А. Оболенского, предприятие осени 1737—1738 гг. вырастает в крупнейший генеральный смотр первой половины XVIII в.

Его же источники рисуют самым близким к идеалу начала 1730-х гг. по равноценной сосредоточенности выступавших от имени Е. И. В. лиц к «живой силе и технике» и широте документального оформления параметров «состояния» армии. А также по неким оргвыводам, если не государыни, то главнокомандования. Б.-Х. Миних не без пренебрежения отклонил единичные замечания по количеству и качеству кое-где рядовых, вооружения, лошадей и провианта³⁷, но, как и накануне войны, исходил из инспекторских данных в планах ее последней кампании. Заблуждения «верхов» в накоплении полками разоряющих государство излишков и торможении пополнения «строевых» сверхсрочным держанием рекрут в офицерских денщиках тем временем рассеялись³⁸. А составление отдельных ведомостей о ветхости и обязательной перемене «вещей», не исключено, породило то продержавшееся до конца XIX в. явление, что ранее данное инспекторам право «выметать» все устаревшее обернулось непреклонным правилом списания чего-либо с полкового баланса только «по генеральным смотрам»³⁹.

Все призванные, далее, к «смотру и мунстрованию» чины были освобождены от мер по «непорядкам», обдуманность чего, в частности, отозвалась в названии очередного временного органа. Комиссия укомплектования персидских полков для вывода внутрь страны «команды» генерал-аншефа В. Я. Левашова в 12 пехотных и драгунских соединений, из которых и «низовых» было всего 3⁴⁰, действовала примерно так же, как комиссии А. П. Баскакова, С. П. Епишкова и А. А. Оболенского. Но по сугубо коллежским указам, без внешне ничего не менявшего «спроса»

военнослужащих в «параде» и чаще всего безответных рапортов в Кабинет, почему и работа бригадира В. С. Борзово с присутствующими не обозначалась как «смотр и мунстрование»⁴¹.

Несмотря на это, они представили смотровые списки, засвидетельствовав своего рода укорененность установленного Воинской комиссией 1730 г. принципа сопровождать ими каждый полковой «разбор», кто бы и зачем его не совершал. То же видим в описях РГВИА по отношению к частям, «генерально» в 1737—1740 гг. не «смотревшимся», но подобно им, не утратившим интенцию вовсе не систематически, но все же «сообщать» о себе в коллегию в ближайшем будущем.

Неизученность военной повседневности последующих десятилетий XVIII в. не позволяет заключать, восприятие ли в полках идеологии Инспекторской инструкции вызвало вступление учрежденной ею институции в качественно иную фазу, когда генерал-инспектором стал князь Г. А. Потемкин⁴², или тому были другие причины. Поэтому завершим обзор становления государственного контроля над армией суждением, что его отличительными особенностями были упор на внедрение такого контроля в сферу военного хозяйства («мунстрование») и теснейшая взаимосвязь кардинальных подвижек в этой области с ощущением истощения платежеспособности населения во второй половине 1720-х гг. или вызовами русско-турецкого противостояния десятилетие спустя.

¹ Щерба А. Н. Организация инспектирования войск русской армии // Военно-исторический журнал. 2016. № 1. С. 3—9.

² Бобровский П. О. Военное право при Петре Великом. Ч. 2, вып. 2: Артикул воинский (с объяснениями преобразований в военном устройстве и военном хозяйстве по русским и иностранным источникам). М., 1886. С. 161; Калашников Г. В. Учет офицерских кадров русской армии в 1700—1745 // Клио. 2000. № 3. С. 116—117.

³ [Бантыш-Каменский Д. Н.] Биографии российских генералиссимусов и генералов-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 1. С. 68.

⁴ При необходимости соотносить это, кажется, еще не изучаемое в России явление Нового времени с размышлениями М. Фуко о приобретении вышедшей из глубокой древности учетной таблицы функций вместо техники власти и процедуры познания: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 213, 217.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881. Т. 2. С. 363; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 21.

⁶ ПСЗ. Т. 5. № 3006. Гл. 15, 19, 27, 44; Гл. 7 Артикула Воинского.

⁷ ПСЗ. Т. 4. № 2456.

⁸ Смирнов Н. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху... // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1910. Т. 8. С. 131, 148, 156; Фасмер М. Указ. соч. М., 1986. Т. 2. С. 182, 203, 347.

⁹ ПСЗ. Т. 4. № 1766. Его ведомство скоро станет Приказом военных дел, ориентированным, в том числе, и на содержание вновь образуемых полков, а сам князь по героическом возвращении из шведского плена в 1711 г. опять возглавит устроенный на его базе Комиссариат в персонально пожалованном звании генерал-пленипотенциар-кригс-комиссара: Галкина Н. И. Приказ военных дел // Государственность России... Словарь-справочник. М., 2001. Кн. 3. С. 387–388; Долгоруков Я. Ф. Военная энциклопедия / Изд. И. Д. Сытина. СПб., 1912. Т. 9. С. 170–171.

¹⁰ Бобровский П. О. Указ. соч. С. 329–331, 348–349, 398–399, 408–411, 420–424 и др.

¹¹ См. статью М. В. Бабич: Война и оружие. 2014. Ч. 1. С. 100–113; М. В. Бабич: Меншиковские чтения: Научный альманах. СПб., 2014. С. 236–264.

¹² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд-е 1. Кн. 29. Л. 403–404, 421, 422, 438.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 207. Л. 10–24.

¹⁴ Именной указ в коллегию от 8 января 1719 г. «пересмотреть и разобрать» офицеров гарнизонных полков, она комиссии не сообщила (Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Гарнизонные войска / Сост. К. В. Татарников. М., 2016. Предисл. С. 4).

¹⁵ Калашников Г. В. Указ. соч. С. 119.

¹⁶ Полное собрание законов (ПСЗ). Т. 8. № 5571.

¹⁷ ПСЗ. Т. 8. № 5900.

¹⁸ Тучков С. А. Военный словарь, заключающий наименования или термины в Российском сухопутном войске употребляемые... 2-е изд. М., 2008. С. 145–146.

¹⁹ Ср.: Регламент Камер-коллегии от 1 декабря 1719 г. (ПСЗ. Т. 5. № 5466. § 22); Тучков С. А. Указ. соч. С. 145.

²⁰ ПСЗ. Т. 8. № 6003, 6046. Предусматривалось ли приложить к Инспекторской инструкции под № 2, включенную в «Рассуждение» «форму» именного списка чинов от полковника до рядового «для генерального смотру» с показанием возраста, года начала службы и даты вступления в настоящий чин или сбой в нумерации в приложениях к ней — просто опечатка ПСЗ, не выяснялось.

²¹ Генерал-майор Т.-Г. Венедигер скончался до выезда в полки, ставший генерал-инспектором генерал-лейтенант К. И. Гохмут подолгу болел, генерал-майора М. И. Леонтьева, единственного кроме него участника смотра 1728–1729 гг., вскоре перевели в Низовой корпус, из поочередно заменявших их генерал-майоров Д. Кейта и Л. В. Измайлова, последний вовсе не обрел официального статуса, в каком с 31 ноября 1731 г., на момент его фактического упразднения, пребывал один генерал-майор, кн. Г. А. Урусов. Сведения об этом см. в изданных А. Н. Филипповым «Бумагах Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны». Юрьев, 1898–1899. Сб. РИО. Т. 104, 106; далее: Бумаги Кабинета.

²² Точность подсчетов здесь недостижима применительно к штатным 32 и 38 (ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. № 5803) из-за вариативности оценок ученых и непрерывных корректировок в их составе. Заведомо неполна и коллекция смотровых списков

десятилетия в РГВИА (Ф. 490. Оп. 1. Л. 1—9), верификация состава которой затруднена, в том числе, действующими правилами доступа исследователей.

²³ Байов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736—1739 гг. СПб., 1906. Ч. 1. Прил. С. 77, 91—94, 131—132, 157—158; Ч. 2. Прил. С. 5—7, 16, 46—48 и др.

²⁴ Ф. 248. Кн. 494. Л. 805—805 об.

²⁵ См. статью М. В. Бабич: «К проблеме военных реформ 1730-х гг.: Проект Походного комиссариата. Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Материалы V Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2017. С. 453—458.

²⁶ Ф. 248. Кн. 494. Л. 628.

²⁷ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 54; Т. 117. С. 270, 286, 530; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 98, 158.

²⁸ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 27, 55, 88, 126 и др.

²⁹ Калашников Г. В. Указ. соч. С. 21.

³⁰ Рудаков В., Баскаков А.П. // Русский биографический словарь. СПб., 1900. Алексинский—Бестужев-Рюмин. С. 558; Серов Д. О. Администрация Петра Великого. М., 2007. С. 25.

³¹ ПСЗ. Т. 10. № 7358.

³² РГВИА. Ф. 2. Оп. 12/3. Ед. хр. 56/18—56/19.

³³ См. статью М. В. Бабич: «К проблеме военного управления 1730-х гг. Вокруг комиссариата». Война и оружие – 2016. Ч. 1. С. 107.

³⁴ РГВИА. Ф. 2. Оп. 12/3. Ед. хр. 56/18. Л. 24—24 об.

³⁵ Там же. Л. 1, 3—4 об.

³⁶ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 120. С. 375, 479, 488; Т. 124. С. 476.

³⁷ Там же. С. 37—38; Т. 124. С. 476.

³⁸ А. П. Баскаков по итогам своей ревизии перевел «в драгуны» всего двух денщиков. Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 713. Сведений о зачете в казну сумм, сверхштатно издержанных на мундир и амуницию, не встречается вообще.

³⁹ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 758; Т. 120. С. 41—42, 69—70; Соловьев Н. И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII в. (1700—1761). СПб., 1901. С. 137.

⁴⁰ Затем число порученных Комиссии полевых полков выросло до 33—36 с присоединением еще и 6 полков Воронежского гарнизона.

⁴¹ РГВИА. Ф. 393. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1—147.

⁴² Генерал-инспектор // Военная энциклопедия / Изд. И. Д. Сытина. СПб., 1912. Т. 7. С. 228.

Р. С. Байрамов (Курск)

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАННОСТИ ТЫЛОВОГО ИМУЩЕСТВА ВОЙСК ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА НАКАНУНЕ И В ХОДЕ КУРСКОЙ БИТВЫ*

О ХРАНА ВОЕННОГО ИМУЩЕСТВА являлась одной из первостепенных задач работников фронтового тыла. Накануне и в ходе Курской битвы тыловыми службами предпринимались значительные усилия по обеспечению сохранности материальных ценностей, находившихся на складах Центрального фронта. Успешное решение указанной проблемы позволяло бойцам и командирам Красной армии своевременно и в достаточном количестве получать продовольствие, одежду, средства личной гигиены, боеприпасы, оружие и т. д. Даже одна диверсионная группа противника была способна нанести серьезный урон тыловым складам, который мог существенно подорвать боеспособность частей и соединений. Предотвращение подобных ситуаций обеспечивала надежная охрана тыловых учреждений.

Постановлением СНК СССР № 1756-762сс от 25 июня 1941 г. охрана тыла действующей Красной армии возлагалась на НКВД. С этой целью, на базе пограничных войск НКВД западных округов формировались управления начальников охраны тыла, в оперативное подчинение были переданы войска НКВД, в числе которых оказались пограничные, оперативные, конвойные, по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности, дислоцировавшихся на соответствующих фронтах¹.

Охрана тыла Центрального фронта организовывалась в глубину до 250 км, что соответствовало параметрам оперативного

---

* «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90001\20».

построения обороны фронта. Охрана тыла состояла из трех полос, первая полоса решала задачи в районе войскового тыла в 15—20 км от переднего края. В ней задействовались подразделения, выделенные из стрелковых соединений. Вторая полоса, находившаяся в районе армейского тыла, определялась по фронту границей охраны, которая проходила в 15—25 км за главной группировкой наших войск. С флангов она была обозначена разграничительными линиями фронта или армии. Третья полоса зависела от глубины оперативного построения армии, прохождения внешних коммуникаций и составляла 40—60 км от переднего края. Для организации службы в данной полосе, как правило, выделялся полк охраны тыла Действующей армии².

Реорганизация войск охраны тыла, проведенная в 1942 г. от полка до главка, отражала новые условия службы на освобожденных территориях. Преобразования давали положительные результаты. Объем службы в связи с усилением подрывных действий противника значительно увеличился. С октября 1942 г. по апрель 1943 г. войска НКВД по охране тыла действующей армии задержали 889 330 человек, в том числе 677 900 военнослужащих, из числа которых было разоблачено 1664 шпионов и диверсантов, 18 552 дезертиров и мародеров. В тылу фронтов полностью или частично было ликвидировано 136 банд и диверсионных групп общей численностью 1528 человек. В числе агентов было 56 высококвалифицированных, оснащенных новейшими портативными радиостанциями³.

В качестве примера организации охраны армейского тыла в полосе обороны войск Центрального фронта приведем приказ, изданный 27 марта 1943 г. войскам 13А по тылу № 044 «Об охране и обороне тыловых частей и учреждений, и назначении начальников гарнизонов». В целях укрепления обороны в районах расположения тыловых частей и учреждений, наведения порядка в армейском тылу и упорядочения гарнизонной службы заместитель командующего 13А по тылу генерал-майор Г. А. Курносков приказал командирам и начальникам тыловых частей к 1 апреля 1943 г. составить боевой расчет для действий по боевой тревоге и приступить к систематическому проведению тренировочных занятий.

В районе расположения тыловых частей и учреждений было приказано до 10 апреля 1943 г. отрыть щели и окопы, с целью приспособления их для ведения зенитного и наземного огня из всех видов стрелкового оружия, при этом соблюдая тщательную

маскировку. В соответствии с уставом гарнизонной и внутренней службы усиливались караульная и пожарная службы. Все эти действия были направлены в первую очередь на предотвращение потери любого имущества, находившегося в тылу.

Из личного состава армии создавались команды для борьбы со снижающимися самолетами противника, а также подвижные группы по борьбе с десантами противника. Начальнику полевой армейской базы (ПАБ) № 32 было поручено создать и обучить команды ПВО из личного состава. Также приводились в боевую готовность индивидуальные и коллективные средства противохимической защиты и средства защиты от поливки отравляющими веществами материальных средств. В частях и соединениях должны были находиться в наличии и исправности средства пожаротушения. Регулярно предлагалось проводить занятия с личным составом тыловых подразделений по боевой подготовке, в том числе совершенствуя владение личным оружием и оружием иностранных моделей, проводить тренировки по применению средств противохимической защиты⁴.

На обеспечение сохранности тылового имущества оказывали негативно влияние не только атаки противника, но и проблемы внутреннего характера, включая недостаток людских ресурсов. Так, согласно рапорту командира отдельной роты охраны УТ Центрального фронта капитана Ф. П. Бабюка, рота охраны ввиду малочисленности была не в состоянии полноценно оборонять даже Управление тыла.

С момента начала охраны формировались трехсменные посты, бойцы находились в карауле бессменно. Впоследствии Ф. П. Бабюк был вынужден перевести роту на двухсменные посты, учитывая тот факт, что рота охраны, формировалась из ограниченно годных к строевой службе и лиц старше 45 лет, бессменное стояние на 2-х или 3-х сменных постах вызывало сильную усталость и снижало бдительность часовых. Возможность патрулирования района расположения Управления тыла Центрального фронта, хотя бы с целью связи между часовыми, особенно в ночное время суток отсутствовала, другой связи между часовыми не было.

В роте отсутствовал резерв бойцов на случай непредвиденных обстоятельств. Обслуживание роты также оказалось в неудовлетворительном состоянии в связи с тем, что бойцы хозяйственных отделений привлекались к караульной службе. По той же причине страдал ремонт автомобилей. Водители привлекались не только

к охране тыла, но и к обслуживанию роты. По состоянию на 15 марта 1943 г. в роте не было ни одного свободного бойца⁵.

Приказом № 011 от 5 мая 1943 г. по тылу 2 ТА указывалось на необходимость создания условий противохимической защиты запасов и предписывалось создать нештатные группы охраны по 7—8 человек. Имущество складов для обеспечения его сохранности рассредоточивалось на расстоянии не менее 1 км от железных дорог и маскировалось. Основной проблемой сохранности тылового имущества являлись диверсионные группы противника. С целью предотвращения уничтожения и порчи имущества в районе размещения войсковых и армейских тылов было приказано навести строгий порядок. С целью предотвращения расхищения трофейного имущества и вооружения усиливалась их охрана⁶.

В начале мая 1943 г. участились забросы вражеских диверсионных групп в тыл советских войск с задачей подрыва складов, баз ГСМ, железнодорожных станций и сооружений. Для недопущения фактов уничтожения и порчи тылового имущества начальник штаба тыла 13А полковник И. И. Цвик приказал силами личного состава гарнизона каждые три дня прочесывать местность дислоцирования штабов, складов, баз ГСМ, железнодорожных станций и иных сооружений. Одновременно усиливалась проверка всех лиц, поступающих на службу в тыловые части и учреждения, с целью выявления шпионов и диверсантов⁷.

В целях предохранения материальных запасов от уничтожения авиацией противника требовалось к 5 мая 1943 г. рассредоточить их на занимаемой территории, закопать в землю и замаскировать. Кроме этого, необходимо было создать условия для противохимической защиты имущества путем постройки навесов, всевозможных предохраняющих щитов и брезентов. Личному составу тыловых частей и учреждений предписывалось пройти обучение по овладению навыками дегазации запасов при поражении отравляющими веществами.

Начальнику полевой армейской базы № 32 приказывалось тщательно очистить территории складов от мусора и других легковоспламеняющихся предметов. У каждого штабеля, складского помещения требовалось иметь в наличии бочки с водой, ведра и ящики с песком. Особое внимание уделялось территориям артиллерийских складов и складам ГСМ (горюче-смазочных материалов). Категорически запрещалось разведение костров и беспечная стрельба вблизи складских помещений. Для охраны

и обороны тыла максимально использовалось трофейное имущество. Начальнику ПВО армии было приказано прикрывать зенитными средствами район дислокации армейских баз и выгрузочные станции Золотухино, Возы и Поньры⁸.

В тыловых подразделениях 307-й стрелковой дивизии 13 А были выявлены проблемы с дисциплиной. На продовольственном дивизионном обменном пункте (ДОП) отсутствовала охрана. Помимо этого, помещение склада не убиралось, продовольствие хранилось небрежно, что способствовало скорой порчи продуктов. Сухари складировались на полу рядом с окурками и другим бытовым мусором. На артиллерийском ДОПе хранение боеприпасов было организовано крайне неудовлетворительно, частично отсутствовала маскировка. А в одном из помещений вперемешку с навозом были беспорядочно свалены вместе боеприпасы, оружие, запчасти и упряжь.

Но, в той же, 13-й армии, выделялись и образцово-показательные дивизии. Например, в ДОПах 74-й стрелковой дивизии охрана была организована в соответствии с установленными требованиями. Боеприпасы укладывались в котлованы и тщательно маскировались, тем самым минимизировался риск потери тылового имущества⁹.

Проблемы с сохранностью имущества проявлялись и в расточительном отношении к нему отдельных представителей начальствующего состава складских учреждений. Приказом по УТ 2 ТА от 30 мая 1943 г. «О результатах ревизии по интендантскому складу 1208» констатировалось, что недостача материальных ценностей стала следствием отсутствия контроля со стороны начальника склада майора Глушенкова и его заместителя по политчасти майора Прокопенко, а также запутанности учета в отделениях склада. Проверка выявила отсутствие в наличии 32 х/б гимнастерок, 301 поясного ремня, 25 катушек белых ниток, 11 железных ведер, 808 конских скребниц, 209 кг колесной мази, 22,5 кг строительного войлока, 52 напильников, 66 стеклянных ламп¹⁰.

Во исполнение директивы начальника тыла Центрального фронта № 00874 от 31 мая 1943 г. «Об усилении охраны и обороны тыловых частей и учреждений» начальник штаба УТ 13 А И. И. Цвик доносил начальнику штаба УТ Центрального фронта, что в тыловых частях и учреждениях армии развернута ежедневная работа по усилению охраны и обороны занимаемых участков. В период с 5 по 10 июня 1943 г. проводились учебные тревоги,

которые показали, что личный состав к отражению атаки противника готов, несмотря на недостаток в вооружении¹¹.

На обеспечение сохранности имущества складов с трофейными боеприпасами обращал внимание ответственных должностных лиц начальник тыла Красной армии генерал-полковник А. В. Хрулев. В его приказании, полученном Управлением тыла Центрального фронта 15 июня 1943 г., обращалось внимание на ряд фактов халатного отношения к обеспечению безопасности хранения взрывоопасных трофеев. А. В. Хрулев отмечал, что 15 апреля 1943 г. на станции Удобрительная Дзержинской железной дороги — на складе трофейных боеприпасов возник пожар, в результате которого на протяжении 10 часов взрывались снаряды и авиабомбы. Помимо этого, 23 апреля вблизи ст. Курск также на складе с трофейными боеприпасами возник пожар, вызвавший взрывы снарядов, в результате чего имелись человеческие жертвы¹².

18 июня 1943 г. была инициирована проверка гарнизонов фронтового тыла. В течение ближайшей недели проверке подлежали: план обороны гарнизонов и борьбы с десантами противника с устройством тревоги всего гарнизона; несение караульной службы как гарнизонными, так и войсковыми караулами; постановка работы в комендатуре гарнизона (регистрация частей, военнослужащих, комендантские патрули, гауптвахту, порядок приема арестованных и т. д.) и соблюдение военной дисциплины в гарнизоне¹³. По результатам проверки, в приказе по УТ 13 А, изданном 24 июня 1943 г., указывалось на слабую организацию охраны и обороны объектов, даже, несмотря на достаточное количество караульных¹⁴.

Одним из способов сохранения тылового имущества являлась его эвакуация. Так, в приказе № 00107 Управления тыла 13 А от 4 июля 1943 г. «Об эвакуации армейских грузов и складов на случай вынужденной обстановки» отмечалось, что в случае непредвиденного сосредоточения сил противника, превышающих возможность отражения или остановки на отдельных участках обороны, на начальников довольствующих отделов (снабжения боеприпасами, горюче-смазочными материалами, продфуражем, военно-техническим, санитарным и ветеринарным имуществом) возлагалась ответственность за эвакуацию армейских грузов и складов из зоны воздействия противника или, в случаях невозможности их эвакуации, за их уничтожение.

Эвакуация армейских грузов производилась только с разрешения начальника УТ 13 А при явной угрозе потери имущества. Начальник управления тыла армии отдавал указания начальникам довольствующих отделов, в зависимости от оперативной обстановки, о сроках и порядке вывоза имущества. Очередность вывоза грузов сообщалась начальнику ВОСО. Далее начальники довольствующих отделов, получив указание об эвакуации имущества с головных отделений складов, оповещали начальника ВОСО, начальника автомобильного отдела армии, начальника дорожного отдела и начальника отдела по сбору трофеев и вооружения армии¹⁵.

Таким образом, сохранность имущества в тылу являлась наиболее важным аспектом в условиях военного времени. В очередной раз можно убедиться, что помимо налетов вражеских десантов и диверсионных групп, угроза уничтожения имущества исходила и от отдельных должностных лиц тыловых учреждений, которые подходили к своему делу абсолютно безответственно, тем самым, ставя под угрозу безопасность имущества и тыла в целом.

---

¹ Коровин В. В., Коровин В. А. Охрана тыла Центрального фронта накануне и в период Курской битвы // Армия и общество. 2013. № 4 (36). С. 58.

² Цыплин В. Г. Охрана войскового тыла в период Курской битвы // Актуальные проблемы военных и социальных наук. Сборник трудов межвузовской научно-практической конференции, посвященной 75-летию победы в Великой Отечественной войне / Под общ. ред. А. В. Евстифеева. Саратов: ФГКВБОУ ВО «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2020. С. 123.

³ Там же. С. 126.

⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 201. Оп. 427. Д. 2. Л. 72.

⁵ Там же. Ф. 226. Оп. 354. Д. 4. Л. 185–185-об.

⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 4157. Д. 4. Л. 412–414.

⁷ Там же. Ф. 361. Оп. 6107. Д. 8. Л. 32.

⁸ Там же. Л. 22–23.

⁹ Там же. Л. 71.

¹⁰ Там же. Ф. 226. Оп. 354. Д. 4. Л. 26.

¹¹ Там же. Ф. 361. Оп. 6107. Д. 8. Л. 177.

¹² Байрамов Р. С. Организация работы трофейных органов центрального фронта весной—летом 1943 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Курск, 2020. Т. 10. № 4. С. 237.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 354. Д. 4. Л. 450.

¹⁴ Там же. Ф. 361. Оп. 6107. Д. 8. Л. 259.

¹⁵ Там же. Л. 322.

В. В. Баранов (Москва)

НЕТИПИЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ПРЕДМЕТОВ РОССИЙСКОГО ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

В ДАННОЙ РАБОТЕ мы хотели бы рассмотреть несколько предметов длинноклинкового холодного оружия, имеющих какие-то отличия от других известных предметов из аналогичных групп.

Начнем со шпаги гражданского чиновника раннего периода (ил. 1–3). Такие шпаги недостаточно, на наш взгляд, изучены. До сих пор не найдено каких-либо бумаг по их Высочайшему утверждению. Между тем, эти предметы есть как в музейных, так и в частных собраниях. На таких шпагах встречалось вензелевое изображение императора Николая I на эфесе. В то же время, о более ранних предметах в период царствования Александра I, неизвестно. На этом основании можно предположить, что хождение подобных предметов приходилось на 1825–55 гг. — на годы царствования императора Николая I и до утверждения следующего образца 1855 года.

Рассмотрим клинок (ил. 1, 2): на нем есть небольшая пята, далее 13 см имеют линзовидное сечение, затем клинок переходит в сечение ромбовидное, постепенно сужаясь к боевому окончанию. Длина клинка — 83,5 см; ширина в пяте — 2 см. Клинок украшен различными гравированными изображениями. Изображения вызолочены. Характер этих изображений, а также необычная геометрия клинка позволяют предположить, что клинок изготовлен в Европе в XVIII в. Перейдем к эфесу (ил. 3). Мы видим очень высокого качества проработку деталей, красивое золочение и, склонны считать, что золочение ртутное. На щитике в венке и обрамлении предметов военной гарнитуры изображен герб Российской империи — двуглавый орёл. Необычно оформление

Ил. 1. Общий вид и крупный план шпаги гражданского чиновника раннего периода с одной из сторон

Ил. 2. Общий вид и крупный план шпаги гражданского чиновника раннего периода с другой стороны

дужки, она смыкается с навершием в виде головы льва с головою орла. Подобное решение нам встречается впервые. На обеих сторонах черена — накладки из перламутра. Иными словами, оригинальный предмет с работой по эфесу достаточно высокого уровня и ранним, очень интересным клинком. К большому сожалению, установить, каким производителем был изготовлен предмет, не представляется возможным в силу отсутствия каких-либо идентификационных признаков.

Ил. 3. Крупные планы деталей эфеса шпаги гражданского чиновника раннего периода

Ил. 4. Общий вид сабли драгунской офицерской образца 1841—1848 гг.

Просматривая фото в книге А. Н. Кулинского «Русское холодное оружие»¹ на 341 странице, мы задавались вопросом, как носился данный предмет по-сабельному, как на образцовом предмете или как-то иначе? И вот, представился случай увидеть его вживую с оригинальными деталями ножен. Нам попал в руки предмет в удручающем состоянии со сгнившим клинком. Было принято решение реставрировать предмет путём подбора европейской шпаги с ножнами на соответствующий период, точно таких же размеров, были спаяны разорванные детали ножен, вычищен от «зелени» эфес, изготовлен черен и, как итог, восстановлен предмет (ил. 4—6).

Автор, описывая сабли образца 1841 г. с прямым клинком, относит их к «сборным» и называет палашами² (ил. 4), предположение это, на наш взгляд, ошибочно. Чуть ниже мы попытаемся

Ил. 5. Крупные планы эфеса и знака ордена Св. Анны IV степени сабли драгунской офицерской образца 1841—1848 гг.

ордена Св. Анны на навершии и надпись «За храбрость» на дужке (ил. 5). На наш взгляд, это статусные облегчённые предметы, носимые офицерами, как шпаги.

Вернемся к предположению автора о предметах, как о сборных палашах⁴. По нашему мнению, это заблуждение, вызванное отсутствием как самих ножен, так и приборов ножен отдельно. В книге о ножнах нет ни слова, и мы можем сделать вывод, что ножны отсутствуют на всех подобных предметах в коллекции Артиллерийского музея, а их, со слов автора, около десяти, и не только наградных⁵. Нам попадались фото подобных предметов, некоторые имели украшенные однолезвийные клинки, а также простые обоюдоострые не массивные клинки. Автор подчёркивает, что сабли образца 1841 года с надписью «За храбрость», выполненной лишь на одной стороне дужки (ил. 5), довольно редки⁶. В представленном нами предмете воедино сложились все описываемые факторы. Предмет имеет прямой обоюдоострый клинок, что ещё, наверное, более редко, чем однолезвийный. При этом у него односторонняя надпись «За храбрость». Предмет был со своими родными деталями ножен. Его можно было классифицировать и, наконец, понять, как и каким образом носились подобные предметы. Верхний наконечник ножен, как мы видим, можно классифицировать как шпажный (ил. 6). Предмет носится в портупейной

разобраться, почему. Ещё мы не согласимся с предположением автора: «не исключено, что некоторые офицеры специально заказывали для себя такое оружие, предназначенное в первую очередь для нанесения уколов, гораздо более эффективных в сутолоке пешей рукопашной схватки»³. Мы думаем, что это не так. Предметы, которые довелось видеть на фото, были изящны и имели совсем не массивные клинки. У трех из них были украшенные так же небольшие изящные клинки, знак ор-

Ил. 6. Крупные планы верхнего и нижнего наконечников ножен сабли драгунской офицерской образца 1841—1848 гг.

лопасти подобно шпаге. Но самое, на наш взгляд, интересное — это нижний наконечник ножен (ил. 6). Он в точности напоминает наконечник ножен на пехотной офицерской сабле образца 1826 г., за тем малым исключением, что он прямой, тогда как на сабле в силу геометрии её клинка, он кривой. Этот наконечник имеет две маленькие бороздки, которые встречаются как на самих сабельных наконечниках, так и на чертеже 1855—1857 гг. с саблями пехотными офицерскими образца 1826 г.⁷ Заканчивается наконечник точно таким же фигурным шариком, как и на пехотных саблях. И, на наш взгляд, этот самый нижний наконечник ножен говорит о том, что, несмотря на способ ношения, — это всё-таки сабля. Но самое замечательное и труднообъяснимое — это непосредственно способ ношения. В отличие от образцовой драгунской сабли 1841 г., которая носилась по-шашечному: лезвием, смотрящим назад⁸, соответственно, дужка тоже развёрнута назад и корона на знаке ордена Св. Анны IV степени, укреплённая на навершии, развёрнута сзади в сторону лезвия и дужки⁹. В нашем случае, это не так, — это одна из самых больших вольностей с образцовыми предметами. Помимо того, что вместо сабли мы имеем по факту шпагу, у неё ещё и дужка развёрнута вперёд в отличие от образцового предмета. И ещё односторонняя надпись и расположение короны на знаке ордена не позволяют носить этот предмет по-другому, то есть, на образцовый манер.

Недавно нам попалось фото предмета из музея в Финляндии с оригинальными приборами ножен. Это было золотое оружие, приборы на его ножнах были абсолютно идентичны представленным. Принимая во внимание всё вышеописанное, мы хотим ввести в научный оборот для подобных предметов термин «сабля драгунская образца 1841 года, шпажного ношения». Перейдём к третьему предмету, — это шпага лицеиста императорского Александровского лицея (ил. 7—10). Предмет представляет

собой офицерскую пехотную шпагу образца 1818 года, производства фирмы «Шэфъ и сыновья С. Петербург» (ил. 9). На внешней стороне выгравировано «Г. В. Крупенский LXX к.» выпуск 1914 года, перед Великой войной (ил. 10). Клинок длиной 79 см и шириной 1,8 см имеет пята в 4 см, по два узких дола с обеих сторон, и один более широкий дол между ними длиной 30 с лишним см. После этого обоюдоострый клинок переходит в ромбовидное сечение, постепенно сужаясь к боевому окончанию (ил. 7–10). На пяте вытравлен герб рода Крупенских (ил. 9). Фамилия известная, её представители в различное время занимали разные государственные посты, в том числе значимые.

Интересным фактом является то, что Георгий Васильевич Крупенский проходил по «делу воспитанников»¹⁰, неофициально называвшимся «Делом лицеистов», по которому в ночь с 14 на

Ил. 7. Общий вид и крупный план шпаги офицерской пехотной образца 1818 года с одной из сторон

Ил. 8. Общий вид и крупный план шпаги офицерской пехотной образца 1818 года с другой стороны

15 февраля 1925 года было арестовано свыше 150 человек. 27 человек были приговорены к расстрелу по статьям контрреволюционной деятельности и измене Родине. Остальные — к различным срокам заключения. Большая часть осуждённых, проходивших по этому делу, позже погибла в лагерях. Крупенскому повезло, его дело было направлено на следствие, и он стал одним из немногих фигурантов, привлекавшихся по «Делу лицестов», кто выжил.

Ещё один интересный факт из биографии Георгия Васильевича Крупенского: он был женат на Елене Михайловне Поземковской (урожд.), по первому браку — Богословской, имевшей на момент брака малолетнего сына Никиту¹¹. Георгий Васильевич стал отчимом Никиты Владимировича Богословского, в будущем ставшего известным советским композитором. Вернёмся к изучению

Ил. 9. Крупные планы эфеса и фрагмента клинка, с вытравленным гербом рода Крупенских, шпаги офицерской пехотной образца 1818 года

Ил. 10. Крупные планы чашки эфеса с гравировкой фамилии и курса лица и фрагмента клинка с узором в виде кристаллов шпаги офицерской пехотной образца 1818 года

клинки, на нём присутствуют узоры в виде кристаллов (ил. 10). Ранее мы такого не видели. Обычно на клинке ищут узоры в виде дамаска или булата, и большая удача, если находят. В нашем случае, это литая сталь, при производстве которой было использовано несколько металлов, имевших разную температуру плавления.

Непосредственно сам процесс плавки был остановлен в момент формирования кристаллов. Если бы плавку довели до конца, кристаллы бы расплавились и весь металл был бы однороден, иными словами, клинок не имел бы никаких узоров. Далее, как мы считаем, кузнечным способом болванка была вытянута до клинка и прокована, была создана нужная геометрия и отполирован клинок. Узор более выражен после пята, в районе широкой доли, и слабее выражен перед боевым окончанием, которое этого узора не имеет совсем (при одинаковой полировке всей поверхности). На наш взгляд, это вызвано вытяжкой заготовки. К боевому окончанию рисунок имеет размытые очертания с трудно угадываемыми границами между кристаллами.

Если бы предмет был обычным, серийным, не индивидуально изготовленным и не произведённым у Шафа, мы бы, возможно, приняли данный казус за какой-то дефект при производстве. Тут же явно что-то другое. Прошло всего сто лет, а мы об этом интересном способе производства ничего, к сожалению, уже не знаем.

---

¹ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. СПб.: ООО «Издательство “Атлант”», 2005. 584 с.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Леонов О. Г., Устьянов А. Л. Строевое холодное оружие русской армии и флота. 1700—1881. Справочник. Edged weapons in the Russian Army and Navy. Reference book. М.: Фонд «Русские Витязи», 2017. С. 496.

⁸ Там же.

⁹ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие.

¹⁰ [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

¹¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://rgali.ru>

М. Б. Башмаков (Москва)

РОЛЬ М. В. СКОПИНА-ШУЙСКОГО В ИСТОРИИ ИЗМАЙЛОВА В ПЕРИОД СМУТЫ

ТЕРРИТОРИЯ современного района Измайлово входит в состав Восточного административного округа Москвы. Современные географические границы нынешнего района отличаются от тех исторических границ, которые были до и в период Смутного времени. Тем не менее, некоторое географическое и историческое сходство границ современного района Измайлово позволяет нам раскрыть тему статьи, связанную с этой территорией в период Смутного времени, а именно, описать и проанализировать ход военно-оборонительных и наступательных боевых действий, произошедших в рассматриваемый период между народными освободительными Вооружёнными силами и иностранными оккупационными войсками.

Актуальность данной статьи очевидна, так как сведения в сохранившихся письменных источниках того времени в основном позволяют судить только о событиях, произошедших непосредственно в центре самой столицы или ближнего Подмосковья, а об отдалённых окраинах, эти сведения практически отсутствуют. Поэтому мы имеем представление лишь о важных либо о пограничных территориях, которые были сознательно использованы противоборствующими сторонами. Такими территориями и прилегающими к ним землями, отмеченными историками в письменных источниках того времени, стали села Коломенское и Тушино, на территориях которых, образовалось многочисленное сосредоточение Вооружённых сил и произошли кровопролитные сражения в рассматриваемый период.

Необходимо отметить научную новизну данной статьи, которая состоит в том, что исторические сведения могут быть

полезны для краеведов как в качестве дополнения исторических знаний, так и для создания общей исторической картины в период Смутного времени. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить роль М. В. Скопина-Шуйского в истории Измайлова в период Смутного времени.

Безусловно, чтобы проанализировать и дать объективную характеристику военным событиям, произошедшим на этой территории в рассматриваемый период времени, необходимо привлечь письменные источники того времени. Однако, именно вследствие того, что большинство этих документов было уничтожено пожарами, произошедшими в Москве в начале XVII века, то описать и обобщить, и, тем более, выявить какой-нибудь уникальный исторический материал, не представилось возможным. Тем не менее, в данной статье удалось проанализировать сохранившиеся письменные источники, а также систематизировать и обобщить косвенные сведения из опубликованной литературы об этой территории в период Смутного времени.

Прежде всего, необходимо отметить, что в середине XVI века село Измайлово было пожаловано царём Иваном Грозным брату его жены — боярину Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву, который оставил эти земли в наследство своему сыну Ивану Никитичу. Таким образом, владельцем этих подмосковных земель, перед Смутным временем и во время этого периода, был Иван Никитич Романов, который, как известно, по родству приходился дедушкой первому царю Михаилу Фёдоровичу.

Известно, что наиболее уважаемым и легендарным военачальником периода Смутного времени был Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Именно благодаря его полководческому авторитету, применяемой им тактике, используемой наступательной и оборонительной стратегии, удалось сохранить эти земли от посягательства иностранных оккупантов и одержать над ними победу (ил. 1).

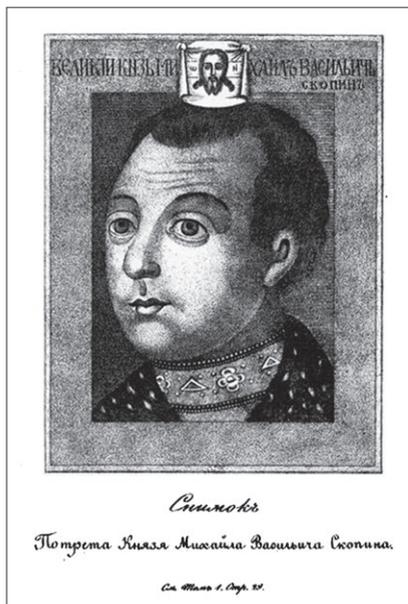
По мнению Платонова С. О., «...Скопин прибегал систематически к одному и тому же приему на всех дорогах, которыми овладевал: он строил на них острожки и сажал в них гарнизоны, которые и держали данный путь в своем распоряжении... Он применялся на Троицкой и Стромьинской дорогах, где действовал Скопин, но и на Коломенской дороге, где царь Василий “повелел острожки поставити для проезду хлебу”. С помощью таких острожков московская рать выбила тушенцев из всех их позиций кругом Москвы ...»¹.

Того же мнения придерживается Нечволодов А., который также утверждает, что «...Установив таким путем связь между Москвой и северными городами, он [Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. — М. Б.] решил идти сюда на освобождение столицы, закрепляя свое движение к ней устройством крепких “острожков”, в которых оставляемые им небольшие отряды могли с успехом противодействовать воровским шайкам...»².

В дневнике Яна Сапеги также говорится о строительстве крепостей: «...О Скопине на Москве такая весть, что обязательно пойдет к Троице, только еще ожидает силы немецкие, дожидаясь в слободе, которых Скопин предполагает получить девять тысяч. В Нижинове сегодня должны были начать строить острог. Людей там 300. Воевода у них Сильвестр Иванович сын Толстой. В Стромене есть немного людей, только уже острог поставили и ров около него роют...»³.

Известно, что «... Кн. М. В. Скопин-Шуйский был вынужден направить в восточное Замосковье крупный отряд правительственных войск под командованием боярина кн. Б. М. Лыкова, кн. Я. П. Барятинского и шведа Анцмира. Поход оказался неудачным. А. Лисовскому и А. Просовецкому удалось отбить нападение правительственного отряда ...»⁴. Существует мнение о том, что «... Поход оказался неудачным, как полагают исследователи, из-за того, что воеводы “задуrowали”, стали местничать друг с другом ...»⁵.

Тем не менее, ещё на протяжении долгого времени многие территории Подмосковья продолжали быть оккупированными

Ил. 1. Гравюра М. В. Скопин-Шуйского // Ровинский Д. А. Материалы для русской иконографии (в 12 выпусках). СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1884—1891 гг.

отрядами неприятелей. Так, известно, что ещё в октябре 1610 года «Стромынский острог»⁶ на Стромынской дороге оборонял от интервентов атаман Иван Гроза⁷ (ил. 2).

Теперь же обратимся к событиям, описанным в литературе, происходившим в этом месте в рассматриваемый период времени. В Смутное время Измайлово оказалось в зоне боевых действий. В 1609 г. по указу М. В. Скопин-Шуйского, неподалёку от села Измайлова, на Стромынской дороге, наспех была построена небольшая деревянная укреплённая крепость. «...в 1609 году московские стрельцы под командованием князя Дмитрия Шуйского встретили крупный отряд ясновельможных мародеров — шляхтичей и разбили его в короткой схватке ...»⁸.

Об этих событиях говорится также в воспоминаниях Снегирева И. М., который объясняет, что «... государевы люди против воровских людей в Измайлове поставили острог, которого последние не давали поставить: но Божиею милостию и государевым счастьем государев ближний приятель, князь Дмитрий Шуйский тех воров побил, и живых лучших панов поимал более 300 человек ...»⁹.

В книге же Бутурлина Д. П., помимо вышеизложенного говорится и о том, что «... Боярам Князю Ивану Семёновичу Куракину и Князю Борису Михайловичу Лыкову дано было приказание выступить 1 ноября из Москвы к слободе, с 3000 воинов. Как целью их посылки было, кроме усиления Скопина, прочное обеспечение сообщения столицы со слободою, то они, прибыв в Стромыню, занялись построением острога. Между Стромынею и Москвою были поставлены также в Мезинове и Измайлове. Отряд тушинских поляков хотел было воспрепятствовать устройению Измайловского острога, но был отбит вышедшим из Москвы Князем Дмитрием Ивановичем Шуйским, который при сем случае взял в плен более 300 товарищей. Куракин и Лыков, обезопасив за собою путь к Москве, выступили из Стромыни 6 ноября и скоро после того прибыли в слободу ...»¹⁰.

Наиболее подробные сведения обнаруживаются и в письменных актах, где говорится, что «... де Государев боярин и воеводы князь Михайло Васильевич Шуйской с товарищами отпустили из Олександровы слободы из под Троицы де воровские всякие побежали, а Государевы люди поставили острог, прошед Троецкой монастырь к Москве семь верст, остроги же де

Ил. 2. Страмьинский тракт. Часть плана Царствующаго Града Москвы с показанием лежащих мест на тридцать верст округ. 1766 г.

поставили Государевы на Стромыне, да от Стромыни идучи к Москве в Мизиновеи Измайлове, и в кои те поры острог ставили в Измайлове, и в тое поры приходили воровские многие люди, не хотя дать острогу поставить: и Божию милостию, и Пречистыя Богородицы и великих Московских Чудотворцев и всех Святых молитвами, и Государевым счастьем, Государев близкой приятель князь Дмитрий Иванович Шуйской тех воров побил, и живых лучших панов поимал больше трех сот человек; а Государев де боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской дожидается к себе в Олександрову слободу достальных Немец к нему придут ...»¹¹.

Из выше приведённых отрывков можно сделать вывод, что войскам, сражавшимся под командованием князя Дмитрия Ивановича Шуйского — младшего брата царя Василия Шуйского, удалось отстоять Измайловский острог и захватить в плен многочисленный отряд поляков. Боярам и князьям Ивану Семёновичу Куракину и Борису Михайловичу Лыкову удалось обеспечить беспрепятственное сообщение между столицей и Александровской слободой и усилить войско М. В. Скопина-Шуйского 3000 воинами.

Подводя итоги, можно с уверенностью констатировать, что историческая территория Измайлова, как и многие окраины Москвы в период Смутного времени, оказалось в зоне боевых военных действий. Однако благодаря полководческому опыту и новаторским идеям М. В. Скопина-Шуйского, самоотверженному труду русского народного ополчения и подвигу национальных войск, на территориях многих подмосковных сел, слобод и на главных дорогах были построены, для защиты и обороны от иностранных войск, крепостные военно-оборонительные сооружения, так называемые, остроги. Примером такого временного укрепленного опорного пункта может служить история строительства и использования Измайловского острога в период Смутного времени. Также можно заявить, что Измайловский острог, как и Стромьинский и Мезиновский, стали пограничными щитами, расположенными на восточных окраинах Москвы, которые в период Русско-польской войны сдержали натиск польско-литовских интервентов, не позволив им пройти дальше вглубь страны.

¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время): с приложением двух карт. 3-е изд. СПб., 1910. С. 391.

² Нечволодов А. Д. Сказания о Русской земле. СПб.: Государственная типография, 1913. Ч. 4. С. 492.

³ Граля И., Тюменцев И. О. Дневник Яна Петра Сапеги (1608—1611 гг.). Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. М.; Варшава: Археографический центр, 2012. С. 169.

⁴ Тюменцев И. О. Разгром сапежинцев войсками кн. Скопина-Шуйского в боях у Александровой слободы, Троице-Сергиева Монастыря и Дмитрова в конце 1609 — начале 1610 гг.; ПСРЛ. Т. 34. С. 252—253.

⁵ Петрова Н. Г. Скопин-Шуйский. М., 2010. С. 279.

⁶ «... Дорога, соединившая Владимир на Клязьме с Москвой напрямую, без захода в Переславль-Залесский, получила название «Стромынской» от древнерусского прилагательного «стромый», что означает «прямой». В XVIII веке дорога начиналась у Преображенской заставы Москвы и шла через сёла Преображенское и Черкизово на р. Сосенке, мимо села Измайлово, д. Колошино (Максино, Хорошево) и приселка Гольяново на село Щитниково, д. Лукино и Пехра (Покровское)...».

[Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/amp/26678663-Priglasaemvas-posetit-sayt-zhurnala-podmoskovnyy-kraeved-trojza-blogspot-com-pechexodlivejournal-com.html>

⁷ [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/amp/26678663-Priglasaemvas-posetit-sayt-zhurnala-podmoskovnyy-kraeved-trojza-blogspot-com-pechexodlivejournal-com.html>

⁸ Кругликов В. П. Измайлово. М., 1959. С. 8.

⁹ Снегирев И. М. Дворцовое царское село Измайлово, родовая вотчина Романовых. М., 1866. С. 5.

¹⁰ Бутурлин Д. П. История Смутного времени в России в начале XVII века. Ч. 3. СПб., 1846. С. 45.

¹¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1856. № 147. С. 262.

Е. В. Бей (Москва)

РОЛЬ АРКТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ С. С. КАМЕНЕВА В ДЕЛЕ ОСВОЕНИЯ СОВЕТСКОГО СЕКТОРА АРКТИКИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

НЕСМОТЯ НА ТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, что на протяжении своего существования СССР категорически отвергал континуитет с исторической Россией, представляя Советский Союз как новое государство, возникшее «на руинах старого мира», эти принципы во многом не распространялись на территориальные владения бывшей Российской империи. Можно утверждать, что это правило касалось и территорий, пролежавших на самой протяженной — северной границе молодого Советского государства, исторически именуемых Русским Севером.

Вопросы, связанные с Заполярьем и Арктикой играли для советского правительства если не первое, то уж точно не второстепенное значение. Советская власть с первых дней своего существования понимала экономическое и стратегическое значение этих пространств, стремясь сделать все от нее зависящее, для их дальнейшего освоения. Например, еще до фактического окончания Гражданской войны в стране Председателем Совета народных комиссаров (СНК) В. И. Лениным 10 марта 1921 г. был подписан декрет, положивший начало изучению и освоению Арктики в советское время¹.

Несомненно, ленинский декрет открывал новую эпоху изучения и освоения Арктики. Однако первоочередной для ослабленного советского государства стояла более насущная проблема — необходимость эффективно поддерживать суверенитет над арктической периферией.

Советская Россия, одержав победу в войне с контрреволюцией и иностранными интервентами, стремилась к скорейшему установлению международных дипломатических отношений, в том числе со своими северными соседями, как свидетельство признания нового государства де-факто и де-юре.

В то же время риски политико-юридического отторжения арктических территорий, предопределили переход советского правительства к осуществлению политики, называемой в международном праве «эффективной оккупацией». В данном случае понятие «оккупация» интерпретировалось как распространение суверенитета. Фактическим закреплением данной политики на законодательном уровне послужило постановление ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г.: «Об объявлении территории Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». Этим правительственным актом была подтверждена принадлежность к СССР всех земель и островов, «открытых и могущих быть открытыми» не признанных территорией каких-либо иностранных государств и находящихся к северу от побережья СССР в пределах между меридианами 32° 4' 32" восточной долготы и 168° 49' 30" западной долготы².

Так как подавляющее большинство арктических островов и земель в силу суровых природных условий являлись аномальными для обычной человеческой жизнедеятельности, то акты официальной оккупации предполагалось осуществлять в основном путем создания полярных станций. Данная политика явилась действенной мерой советского правительства по защите своих полярных владений.

Для осуществления конкретной программы действий по дальнейшему закреплению за СССР полярных областей, 31 июля 1928 г. Советом народных комиссаров было принято постановление № 271, предписывающее образование специальной комиссии для проработки пятилетнего плана научно-исследовательских работ в арктическом секторе СССР³.

Начальник Отдела научных учреждений СНК СССР Е. П. Воронов (собственно, один из инициаторов составления «ходатайства научных учреждений СССР» о проведении конкретных практических мероприятий в советском арктическом секторе)⁴ в специальной записке, которая готовилась для одновременного опубликования с постановлением СНК об образовании комиссии, прозорливо подчеркивал: «Малореальные пока

и вызывающие скептические улыбки сегодня вопросы полярных колоний и использования полярных богатств и возможностей, на завтрашний день могут встать вполне серьезно и, в зависимости от разных обстоятельств, потребовать того или иного решения. Поскольку СССР граничит на огромном расстоянии с полярной областью, мы не смеем отмахиваться от этих вопросов, даже в том случае, если бы они были вопросами не сегодняшнего, а завтрашнего, или послезавтрашнего дня»⁵.

Состав образованной таким образом Арктической комиссии при Совете народных комиссаров СССР, под председательством С. С. Каменева, включал представителей правительства РСФСР, Академии наук СССР, Наркомвоенмора, Осоавиахима, Совторгфлота и делегатов других организаций, в той или иной мере связанных с полярными проблемами⁶. В перечне ее членов фигурировали фамилии таких крупных ученых и полярников, как О. Ю. Шмидт, А. Е. Ферсман, В. Ю. Визе, Р. Л. Самойлович, Н. М. Книпович, Г. Д. Красинский, Н. Н. Зубов и др.

Важно отметить тот факт, что назначение председателем комиссии профессионального военного — заместителя председателя Реввоенсовета СССР, заместителя наркома по военным и морским делам Сергея Сергеевича Каменева, свидетельствовало о принципиально новом подходе к решению государственных задач, связанных с советским арктическим сектором, который стал рассматриваться как стратегически важный для обороны страны. Как отмечал впоследствии известный полярник, Герой Советского Союза Э. Т. Кренкель, с того момента «С. С. Каменев был неизменным участником всех больших дел, происходивших в Арктике»⁷. Не менее известный исследователь Арктики, дважды Герой Советского Союза И. Д. Папанин в своей автобиографии также высоко оценивал личные и профессиональные качества С. С. Каменева, который «болел Севером» и «не раз обращал наше внимание на то, что Арктика нужна для обороны страны и может стать театром боевых действий...»⁸.

Деятельность Арктической комиссии была направлена на консолидацию усилий ученых, государственных учреждений и общественных организаций для скорейшего и окончательного закрепления за СССР безлюдных пространств сибирского побережья, островов и архипелагов Северного Ледовитого океана еще до международного признания секторального раздела Арктики.

С целью превращения их в надежный форпост, призванный защитить территорию страны с Севера⁹.

В первую очередь на Арктическую комиссию возлагалась организация научных станций на архипелагах: Земля Франца-Иосифа, Новая Земля и Северная Земля. Во-вторых, «сооружения на территории СССР причальных мачт в качестве баз для научных арктических экспедиций на воздушных кораблях». Так, в ходе работы комиссии была определена к созданию сеть геофизических, гидрометеорологических станций и радиостанций в разных частях Арктики с целью разносторонних научных и научно-практических исследований. Пункты станций проектировались, начиная с востока — на острове Врангеля, острове Большой Ляховской из группы Новосибирских островов; далее, к западу — ряд станций на Таймырском полуострове и Северной Земле, на северной конечности Новой Земли — у мыса Желания, другая — на южном побережье одного из островов архипелага Франца Иосифа¹⁰. Все эти базы планировались и строились, как форпосты, способствовавшие претворению в жизнь зародившейся советской Арктической «доктрины».

Подготовка к организации советских станций в Арктике легла на Гидрографическое управление Военно-морских сил РККА. Сложные мероприятия включали: доставку к месту постройки необходимых материалов (определение морских транспортных средств как в отношении сложных условий плавания, так и тоннажа; выбор календарного срока и маршрутов рейсов); выработку программ организации и порядка осуществления научных работ по гидрографии, гидрологии и метеорологии; обеспечение и снабжение личного состава экспедиций; расчет соответствия проектируемых сооружений условиям местности и их назначению; составление норм технического снабжения, а также стандартизация характера и качества радиоустановок¹¹.

Непосредственная практическая реализация намеченных мероприятий осуществлялась силами Института по изучению Севера, преобразованного в 1930 г. во Всесоюзный арктический институт (ВАИ). Идея создания организации, объединившей различные институты и учреждения, связанные с арктической проблематикой, исходила от С. С. Каменева, как и лоббирование на пост директора ВАИ своего большого друга — О. Ю. Шмидта. В постановлении ЦИК от 22 ноября 1930 г. подчеркивалось, что образуемый Институт отныне является центральным

организующим и руководящим научно-исследовательским учреждением для всестороннего изучения полярных стран¹².

Все намеченные Арктической комиссией мероприятия «по созданию опорных пунктов» «в области дальнейшего проникновения в Арктику» последовательно выполнялись. Проводились глобальные исследования в советском арктическом секторе, существенно уточнившие карту данного региона. Благо в распоряжении СССР уже имелись технические средства для данного пионерного освоения, оставшиеся от реализации в годы Первой мировой войны программы развития отечественного ледокольного флота¹³.

В 1929 г. был завершен акт формального присоединения к СССР архипелага Земли Франца-Иосифа, где была основана самая северная в мире геофизическая обсерватория. На следующий год экспедиция на ледокольном пароходе «Георгий Седов» достигла берегов в то время еще не исследованной Северной земли и соорудила там новую полярную станцию¹⁴. Оставшиеся на двухгодичную смену зимовщики под руководством Г. А. Ушакова произвели множество исследований, в том числе топографическую съемку архипелага. Было выяснено расположение островов Северной Земли, установлен их архипелаговый характер (составляющий пять крупных островов — Большевик, Октябрьской Революции, Комсомолец, Пионер, Шмидта и др. мелких островов), открыты проливы между ними. Таким образом, и этот архипелаг стал не только де-юре, но и де-факто частью территории СССР.

В 1930 г. экспедицией на том же «Седове» под руководством О. Ю. Шмидта были открыты острова Визе, Исаченко и Воронина; экспедицией на ледокольном пароходе «Владимир Русанов» в 1932 г. — острова Известий ЦИК; экспедициями на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков» в 1932 г. и 1933 г. — острова Арктического Института. На арктических островах, включая самую западную арктическую территорию СССР — остров Виктории, были водружены советские флаги¹⁵.

Намеченные работы развернулись согласно выработанному плану, исследования Арктики проводились как на северо-западе, так и (впервые) на крайнем северо-востоке советского арктического сектора¹⁶. Арктические экспедиции открывали новые острова и «закрывали» несуществующие, все больше очищая Арктику от «полярных пятен». На территориях, «могущих

вызвать какие-либо территориальные претензии», были созданы радиостанции и геофизические обсерватории с персоналом полярников, по возможности проводилось заселение (колонизация) островных территорий. На внушительные масштабы работ указывает заседание Секретариата ЦИК от 6 декабря 1930 г., где даже пришлось поднять вопрос «О порядке присвоения наименований вновь открываемым советскими экспедициями землям, в частности, в Арктике»¹⁷.

Интересной особенностью пятилетнего плана, разработанного комиссией, является его авиационная составляющая: «воздушная разведка», «организация самолетной базы», «установление воздушной связи», наконец, «большой трансарктический перелет цеппелина». Как видно, в ближайшем будущем предусматривалось создание мощной летной организации для обслуживания Арктики «во всех отношениях». В сущности, это была новая тактика закрепления за Советским Союзом его полярных областей, дополнявшая «морскую» составляющую.

Управление Военно-воздушных сил РККА, по заданию Арктической комиссии проработало данный вопрос и представило свой вариант «летного обслуживания» Арктики. Авиационные средства предполагалось распределить по трем секторам: Западному (с базированием в Ленинграде), Центральному (с базой в устье Лены) и Восточному (с базой в Анадыре)¹⁸. Причем, несмотря на перспективность использования самолетов в условиях Крайнего Севера, выдвигались прогрессивные идеи по применению дирижаблей в Арктике¹⁹.

Возможность того, что новый вид воздушного судна станет основой арктического воздушного флота, доказывали полеты дирижаблей «Норвегия» (1926 г.) и «Италия» (1928 г.) к Северному полюсу. Всесоюзное Авиационное научно-техническое общество (Авианито), осуществлявшее содействие развитию авиации и воздухоплавания в Арктике, проводило научно-технические и опытно-конструкторские работы в области дирижаблестроения²⁰. В 1931 г. Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) принимало самое деятельное участие в финансировании, подготовке стоянок, приеме и снабжении полета над советским сектором Арктики самого мощного немецкого дирижабля — LZ-127 «Граф Цеппелин». Полет, осуществленный по замкнутой петле в 13 200 км, совершался в рамках совместной научной экспедиции (в ее состав входило четыре

участника от СССР) под эгидой Международного общества по исследованию Арктики (Аэроарктик). За 105 летных часов командой дирижабля был обследован маршрут длиной 10 079 км. Германские специалисты, с помощью современной аппаратуры произвели аэрофотосъемку северных территорий СССР — Новой Земли, важнейших арктических проливов, о. Диксон, Северной Земли, акваторий Белого, Баренцева и Карского морей; экспедицией было сделано 90 замеров магнитных напряжений, а также масса других наблюдений и исследований.

По отзыву научного руководителя экспедиции Р. Л. Самойловича, за это время дирижабль проделал такую работу, которую при обычных условиях можно было бы выполнить на ледоколах не менее чем за два-три года. Основной вывод ученого указывал на то, что дирижабли в Арктике имеют определенное преимущество перед самолетами: им не требуется специальных взлетно-посадочных полос, эти аппараты принимают на борт больше грузов и имеют несравненно более широкий радиус полетов по сравнению с другими летательными средствами²¹.

Полет на LZ-127 показал советскому руководству, что «современная техника позволяет иметь вполне надежный воздушный корабль», пригодный для использования в полярных областях, а приступая к собственному дирижаблестроению, необходимо использовать передовой опыт немцев²². К маю 1932 г. из цехов организации «Дирижаблестрой», созданной при Главном управлении гражданского воздушного флота, вышли три мягких дирижабля, по своим характеристикам не уступавшие зарубежным аппаратам подобного класса, — СССР В-1, СССР В-2 («Смольный») и СССР В-3 («Красная звезда»)²³. В этом же году планировалась к установке причальная мачта на севере с целью открытия регулярных перелетов советских дирижаблей в Арктике и Сибири. Внутрисоюзную воздушную линию предполагалось провести вдоль чуть ли не всего побережья СЛО: Москва — Обдорск (ныне Салехард) — Игарка — Тикси — Уэлен²⁴.

На то что в стране наступил «дирижаблестроительный бум» указывали четыре советских аппарата (В-1, В-2, В-3 и И-4), показательно прошедшие в кильватерной колонне 7 ноября 1932 г. над Красной площадью. Однако несмотря на выявленные плюсы воздухоплавания на дирижаблях, эти летательные аппараты так и не получили широкого распространения, в частности, и в Арктике.

Наряду с постепенным сворачиванием «воздухоплавательных экспериментов», советскому правительству становилось понятным, что именно флоту предстоит решить следующую стратегическую задачу — надежное транспортное «сшивание» с материком, разбросанных в Северном Ледовитом океане островов и архипелагов. Иными словами, требовалось насыщенное создание целостной транспортной коммуникации Северного морского пути, что явно выходило за рамки компетенции Арктической комиссии.

Рубежным событием, практически подтверждавшим «жизнеспособность» этой транспортной артерии стала, проведенная в 1932 г. экспедиция под руководством директора ВАИ, профессора О. Ю. Шмидта на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков». Тогда впервые удалось пройти Северным морским путем из Архангельска до Берингова пролива за одну навигацию (лето — осень). По результатам плавания высшему руководству страны подготовили доклад о возможности практического использования северного морского маршрута для развития экономики и инфраструктуры арктических окраин СССР.

Как результат, постановлением СНК СССР № 1873 от 17 декабря 1932 г. при Совете народных комиссаров Союза ССР была создана специализированная государственная транспортно-экономическая организация — Главное управление Северного морского пути (ГУСМП), которую возглавил О. Ю. Шмидт. Этим же решением в ведение ГУСМП передавались все существующие метео- и радиостанции, расположенные на побережье и островах Северного Ледовитого океана (которых к 1933 г. было уже 17 и в навигацию следующего года было запланировано к открытию еще шесть станций)²⁵. Под юрисдикцию ГУСМП был определен Всесоюзный арктический институт «с тем, чтобы исследование Северного морского пути было основным стержнем его научной работы»; переданы ледокольные пароходы «Седов», «Сибиряков», «Таймыр»²⁶. Началось комплексное формирование всей дельнейшей структуры этой организации.

Юридическим актом, ознаменовавшим окончательное закрепление за ГУСМП практически всех направлений деятельности по освоению арктических окраин государства, стало упразднение 15 мая 1933 г. правительственной Арктической комиссии²⁷.

Таким образом, за относительно короткий срок существования, Арктическая комиссия показала значительные успехи в своей деятельности. Несмотря на не выполнение ряда намеченных

положений, касающихся «авиационной составляющей» в вопросах освоения Арктики, ее основная задача — защита территориальной целостности СССР, а именно, его арктических пространств, всеми доступными средствами и методами — была реализована.

Несомненно, деятельность Арктической комиссии, придала новый импульс в становлении арктической «доктрины» СССР в межвоенный период, опиравшейся в своих постулатах на активные действия по закреплению за СССР его полярных областей, не исключавшие и военное разрешение возникавших угроз, а вместе с тем и всестороннее транспортное освоение Арктики.

Можно констатировать, что в историческом масштабе Арктическая комиссия стала одним из тех эффективных средств, которое позволило на практике обеспечить постановление правительства от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», ставшее первым и единственным в истории провозглашением «секторального принципа» в Арктике на уровне национального законодательства. Важно подчеркнуть, что современные территориальные претензии Российской Федерации в Арктике также тесно увязаны с данным принципом в области определения государственных границ.

---

¹ Декрет СНК об учреждении Плавучего Морского научного института для изучения Северного Ледовитого океана с его морями, устьями рек, островами и прилегающими к нему побережьями Европы и Азии // Декреты советской власти. Т. 13. 1 февраля — 31 марта 1921 г. М., 1989. С. 194—196.

² Постановление Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 30 мая 1926. № 32. Ст. 203.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 23. Д. 859. Л. 27; Об усилении научно-исследовательской работы в арктических владениях СССР: Постановление СНК СССР от 31.07.1928 г. // Собрание законодательства СССР. 1928. № 52. Ст. 464.

⁴ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 859. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 21—23.

⁶ Там же. Л. 28.

⁷ Кренкель Э. Т. РАЕМ — мои позывные. М., 1973. С. 143.

⁸ Папанин И. Д. Лед и пламень. М., 1978. С. 112.

⁹ Жуков Ю. Н. Сталин. Проект «Арктика». М., 2019. С. 251.

¹⁰ Орлов А. Арктическая комиссия. Пятилетний план научно-исследовательской работы в Арктических владениях СССР // Советский Север. 1930. № 2. С. 112.

¹¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 859. Л. 5.

¹² Трешников А. Арктическому и Антарктическому институту — 55 лет // Морской флот. 1975. № 4. С. 23.

¹³ В годы Первой мировой войны ледоколы требовались в основном для удлинения сроков навигации на подходах к Архангельскому порту. Так как единственный российский первоклассный ледокол «Ермак» оказался заперт в Финском заливе, российское правительство разместило срочные заказы на строительство ледокольных судов в Великобритании. Однако два построенных там ледокола — «Святогор» и «Александр Невский», попали в Россию только в 1917 г. Чтобы в срочном порядке закрыть потребность в ледоколах, было решено закупать уже находившиеся в эксплуатации суда в Канаде и Ньюфаундленде. Первыми уже осенью 1914 г. были приобретены небольшой ледокол «Хорн» (переименован в «Соломбалу») и мощный ледорез «Эрл Грей» (переименован в «Литке»). Позднее, в 1915—1916 гг. в состав российского ледокольного флота поступили ледоколы и ледокольные пароходы: «Минто» («Иван Сусанин»), «Хэйзен» («Микула Селянинович»), «Эдвенчер» («Семен Дежнев»), «Беллавенчер» («Александр Сибириков»), «Бонавенчер» («Владимир Русанов»), «Беотик» («Георгий Седов»). Залесский Н. А. Флот Русского Севера в годы первой мировой и гражданской войн // Летопись Севера. Т. VI. М., 1972. С. 134; Зубков К. И., Карпов В. П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий. М., 2019. С. 53—54; Арикайнен А. И. Транспортная артерия Советской Арктики. М., 1984. С. 59—60).

¹⁴ Бюллетень Арктического института СССР. Л., 1935. № 3—4. С. 57.

¹⁵ Островский Б. Г. Советская Арктика. Л., 1931. С. 79, 91.

¹⁶ Бюллетень Арктического института СССР. С. 58.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 1017. Л. 3—4.

¹⁸ Там же. Д. 860. Л. 17—18.

¹⁹ Филин П., Емелина М., Савинов М. Арктика за гранью фантастики. Будущее Севера глазами советских инженеров, изобретателей и писателей. М., 2018. С. 67.

²⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 34. Д. 268. Л. 5—7.

²¹ Ассберг Ф. Ф., Кренкель Э. Т. Дирижабль в Арктике. М.; Л., 1933. С. 75, 77—78.

²² Ионов П. Дирижабли и их военное применение. М., 1933. С. 48—49, 113.

²³ Арие М. Я. Дирижабли. Киев, 1986. С. 147—148.

²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 79. Оп. 1. Д. 951. Л. 12.

²⁵ Там же. Д. 1. Л. 7, 151.

²⁶ Там же. Л. 8—9.

²⁷ Там же. Оп. 4. Д. 22. Л. 26; В то же время фактическое завершение формирования ГУСМП как специального наркомата (министерства) с региональной компетенцией было осуществлено утверждением «Положения о ГУСМП при СНК Союза ССР» в Постановлении СНК СССР № 1100 только 22 июня 1936 г. (Собрание законодательства СССР. 1936. № 36. Ст. 317а).

О. А. Белозерова (Санкт-Петербург)

**А. Н. КУРОПАТКИН
ОБ «АРМЯНСКОМ ВОПРОСЕ»**

В ОЕННЫЕ СОБЫТИЯ в Нагорном Карабахе (сентябрь — ноябрь 2020 г.) и значительные дипломатические усилия Российской Федерации по урегулированию этого конфликта вызвали очередное международное обсуждение так называемого «Армянского вопроса». Несмотря на то, что позиция Российской Федерации хорошо известна и существует внушительная отечественная и зарубежная историография, в том числе источниковая база данного вопроса, публикуются всё новые свидетельства и архивные документы, иногда в виде подборок, отстаивающих ту или иную точку зрения¹, а полемика в общественно-политических и военно-исторических кругах, а также в средствах массовой информации (СМИ)², продолжается.

В связи с этим анализ «Армянского вопроса» (ранее не публиковавшийся), сделанный бывшим министром Российской империи генералом А. Н. Куропаткиным (1898—1904)³ и переданный им 6 марта 1915 г.⁴ (до событий 24 апреля 1915 г., вошедшего в историю как день памяти жертв геноцида армян⁵) на рассмотрение Николаю II, представляет несомненный научно-исторический интерес.

«Очевидно, — писал А. Н. Куропаткин, — что в XX в. все заботы России должны быть направлены к устройству сказочно быстро растущей России, а не к приобретению новых подданных. Окончив тяжелую историческую миссию относительно родственных ей племен, Россия может сосредоточить свои усилия на выполнении таких задач, которые, прежде всего, облегчат экономический рост русского населения. К числу таких задач относится и задача по определению сферы влияния России в Малой Азии»⁶.

Вследствие этого бывший военный министр рассмотрел «Задачи России в азиатских владениях Турции», и, в частности, «Армянский вопрос». В качестве вступления А. Н. Куропаткин привел статистические данные: «Население Турции трудно поддается учету. На основании последних работ наших военных исследователей, население и пространство частей Малой Азии, составляющих Анатолию и Армению с Курдистаном и Лазистаном, то есть местностей, особенно интересующих Россию, были следующие: в Анатолии — 454 тыс. квадратных верст и 9300 тыс. человек. Плотность населения на 1 квадратную версту 20 человек. В Армении с Курдистаном и Лазистаном — 191 тыс. квадратных верст, 3,334 тыс. населения, с плотностью на 1 квадратную версту — 17,4 человек. Все же население азиатских владений Турции, включая, кроме вышеуказанных областей, Сирию, Месопотамию и Аравию, составляет около 20 миллионов душ. К главным народностям, населяющим Малую Азию, относятся турки-османы — 8 миллионов душ. Они являются завоевателями страны и господствуют над остальными 12 миллионами населения Малой Азии. В Армении турок всего 25 % населения, а в Курдистане даже менее 10 %. <...> Курды, по типу и языку, причисляются к аборигенам страны арийского происхождения, отличного от тюркского племени, к которому принадлежат турки. Кроме Курдистана и Армении, где курды составляют 50 % и более от всего населения, курды редкими поселениями находятся в Сивасском вилайете, а кочевьями доходят до Кони. Кроме того, курды живут и кочуют в Месопотамии и Сирии. Собственно, в Армении курды составляют 50 % населения и всюду, за малыми исключениями, преобладают над каждой из народностей, в том числе и армянской, в отдельности. В Ванском вилайете курдов 46 %, а в Битлисском — 55 %. Курды — кизилбаши составляют сплошное население горной области Дерсима в Харпутском вилайете. Курды наиболее беспокойные на малоазиатском полуострове подданные султана. <...> Между разными курдскими племенами и до сих пор идет междоусобная борьба. <...> курды легко могут быть направляемы к нападению, в особенности, на армян. Далее по численности населения в Малой Азии идут греки, которых насчитывается во всей Азиатской Турции 1,5 млн душ. Среди христианского населения Турции греки занимают первое место, составляя 44 %»⁷.

Далее следует: «Армяне. Численность армян может быть определена только приблизительно⁸. Сведения по этому вопросу очень разноречивы. Наибольшего доверия заслуживают исчисления наших военных исследователей, которые принимают общее число армян во всей азиатской Турции не свыше 1150 тыс. человек. Наиболее плотно армяне населяют пять вилайетов, составлявших когда-то Великую Армению: Эрзерумский, Битлисский, Ванский, Харпутский и Диарбекирский⁹. Но и здесь армяне составляют только четвертую часть всего населения, несмотря на то, что в этих пяти вилайетах сосредоточено 2/3 всего армянского населения Азиатской Турции. Преобладающую по численности массу населения, а именно 65 % всего населения, армяне составляют лишь на небольшой территории девяти каз (уездов) Ванского и Битлисского вилайетов¹⁰. Кроме пяти указанных выше вилайетов армяне живут еще (но более редко) в четырех вилайетах, соседних с ними Сивасском¹¹, Трапевондском, Аданском и Алеппском¹². По всей территории этих девяти вилайетов мусульмане превосходят армян численностью в пять раз, а в пяти вилайетах более плотного населения армян — в три раза. Это дает основание военным исследователям высказать мнение, что присваиваемое указанным выше девяти вилайетам наименование Армении в настоящее время, по главному этнографическому составу населения, с большим основанием может быть заменено наименованием — Курдистан. Главное занятие армян — земледелие и отчасти торговля. В характеристике армянского населения все исследователи довольно согласны. Земледельческое армянское население крепко физически, трудолюбиво, религиозно, нравственно, любознательно, способно к ремеслам, стремится к школе. У армян сильна крепость семейного союза, семейные разделы редкость¹³. Торговое население и особенно население городов очень энергично и предприимчиво, стремится к образованию, но уже утратило патриархальные черты сельского населения и религиозность, стало подобострастно к туркам и там, где взяло на откуп сборы податей, армяне безжалостны к населению и вызывают к себе ненависть. Есть горные местности, населенные воинственным и храбрым армянским населением, довольно хорошо вооружённым. Там курды и турки встречали сильный отпор. Большинство же армянских местностей, хотя и с мужественным, но лишенным оружия населением, беззащитны против нападения на них мусульман.

В Курдистане в бассейне озер Урмия и Ван проживает до 100 тыс. жителей христиан—несториан, но эти христиане сами себя называют назорейями и легко понимают еврейский язык. До 1843 года несториане считались независимыми и имели свои крепости. В 1843 году курды напали на несториан, избили большое число их и окончили их независимость. Ныне это самый покорный и мирный народ»¹⁴.

Подводя итог, А. Н. Куропаткин, отмечал: «Из перечисленных выше народностей армяне, курды и греки принадлежат к абorigенам страны. Наиболее тяжелая судьба из этих народностей выпала на долю армян. Их положение наиболее нуждается в скорейшем улучшении. Для определения интересов России на малоазиатском полуострове предстоит рассмотреть: армянский вопрос («Положение армян в Турции». — *О. Б.*) и связанные с его рассмотрением вопросы о границе Турции с Закавказьем и о сфере влияния России на малоазиатском полуострове»¹⁵ (данная часть рукописи здесь не приводится. — *О. Б.*).

Армянский вопрос

История армянского народа — одна из древнейших. Известно, что уже за сто лет до Рождества Христова армянский царь Тигран Великий образовал в Малой Азии обширное царство. При его преемниках империя Тиграна раздвинулась от Каспийского моря до Средиземного, от Кавказских гор до пустынь Аравии. В конце первого века после Рождества Христова в армянском царстве с наступлением феодального периода начинается упадок могущества. С половины IX в. возникают мелкие царства, которые вступают между собой в борьбу. В X в. армянские цари из династии Багратидов снова поднимают армян и дают расцвет армянскому народу. Столица из Карса переносится в Ани. Но с XI до XIV века политическая жизнь у армян развивается в двух центрах: в Армении и Киликии.

Киликийское царство существовало с 1080 до 1375 года и под управлением представителей нескольких династий занимало юго-восточную часть малоазиатского побережья и доходило до Средиземного моря. Порт Александретта входил в состав Киликии. Армянское владычество в Киликии совпало с крестовыми походами.

С появлением в Малой Азии турок и падением Византии в XV в. турки направили свои усилия против армян, обратили в пустыню цветущие местности, овладели всей Арменией и начали переселять армян в другие местности. Несколько позже персы захватили часть армянских земель в районе озер Ван и Урмия. В середине XVI в. армянский католикос Стефан первый возбудил вопрос об освобождении армян из-под турецкого ига при содействии европейских государств. Но прошло с тех пор почти четыре столетия, а европейские державы все еще не сговорились, как и чем помочь турецким армянам.

Торговые сношения России с армянами начались при царе Алексее Михайловиче, а политические — с начала XVIII в. при Петре Великом. «Вам ради христианства, — писал Петр армянам, — как христианам нельзя отказывать в христианстве». На завоеванном у мусульман побережье Каспийского моря Петр селил армян. Готовясь к борьбе с Персией, Петр принимал меры к восстанию персидско-подданных армян.

В 1722 г. Петр I выступил в поход против персов. Грузинский царь Ватан и армянские мелики собрали войска и ждали его, но Петр ограничился взятием Дербента и оставил союзников своих в тяжелом положении. Тем не менее, мелики одержали победу над персами, объявили Карабах независимым княжеством, но вскоре были побеждены персами. Со смертью Петра I мы потеряли по мирным договорам со стороны Турции и Персии некоторые местности¹⁶. Временно возникшая между Россией и армянами связь ослабела, чтобы окрепнуть уже во второй половине XVIII в. при Екатерине Великой.

Сношения России с кавказскими народами в XVIII столетии все усложняются. Россия является то покровительницей христианских народностей Закавказья, то мстительницей за набеги со стороны поселений кавказских горцев на местности, уже занятые русскими. Но в течение XVIII столетия Турция и Персия еще были сильными державами, и их влияние, особенно Турции, распространилось и на севере от Кавказского хребта. Активная политика России на Кавказе в XVIII столетии могла привести к войне с этими державами. Между тем, интересы России на Кавказе в XVIII столетии были еще так незначительны, что отвлекать силы России для Кавказа от выполнения других задач на западе и юге могло бы быть невыгодно. Вот почему наши попытки утвердиться на Кавказе в XVIII столетии, кроме походов Петра I

в начале этого столетия, носили очень нерешительный характер. Мы принимали в подданство и покровительство разные христианские народы Закавказья, но отказывались защищать их силой оружия, когда против наших новых подданных двинулись персы. Но когда, в конце XVIII столетия, под ударами русского оружия Турция ослабела, начали развиваться и наши планы по отношению к Кавказу. В начале XIX столетия нашими войсками разбиваются, после слабого сопротивления, и силы Персии. Россия, уже не опасаясь Персии и Турции, может проявить активную политику по отношению к Кавказу. По Кучук-Кайнаржийскому трактату 1774 г. турецкие христиане были поставлены под покровительство России¹⁷.

Создавая невыполнимый «греческий проект» с целью захвата в русские руки всей «Левантской торговли» (которая и до сих пор идет мимо наших рук), Великая Государыня интересовалась проектом Потемкина и Зубова основать Армяно-Грузинское царство. Были посланы на Кавказ русские войска, но их отозвали назад для выполнения других, более важных задач той эпохи. Свирепый Али-Магомет-хан персидский победил меликов и дошел до Тифлиса, произведя страшное опустошение края. Хода этому проекту дано не было, но армян пригласили на переселение на юг России, причем им были даны различные льготы. Государыня полагала, что «находящиеся за границей армяне, видя благоденствие переселенцев, к ним присоединятся», и действительно при Екатерине Великой армяне массами переселялись в Крым и занимали побережье, завоеванное с такими жертвами русским племенем.

При императоре Павле I русские войска, очень малочисленные, перевалили Кавказский хребет и 26 ноября 1799 г., при колокольном звоне и ликовании грузинского и армянского населения, торжественно и навсегда вошли в Тифлис. С этих пор положение армян в Закавказье начинает упрочиваться. Армяне, переселившиеся в XVIII в. внутрь России, приобретают большой достаток. Павел I, грамотой от 26 октября 1799 г., во внимание «к отличному трудолюбию, тщательному домостроительству, благонравию и примерному поведению переселившихся в Россию армян жалует им новые милости и преимущества». Император Александр I, в особой грамоте, обращенной ко всему армянскому населению Грузии, благодарит его за то, что среди смутных обстоятельств, во время Отечественной войны 1812 г., они были тверды и непоколебимы.

После войны с Персией, которая тянулась с 1803 до 1813 года, по Гюлистанскому миру были присоединены ханства с населением, в состав которого входило значительное число армян¹⁸. В состав Карабахского ханства, присоединенного к России, входили и владения армянских меликов. В войне XIX в. с Турцией и Персией каждый раз самым чувствительным образом задевались интересы турецких и персидских армян.

В войну России с Персией в 1826 г. армяне, руководимые своим архиепископом Нерсесом (Нерсес V Аштаракец, 1770—1857 гг. — О. Б.), оказывали серьезное содействие нашим войскам. Император Николай I на имя Нерсеса, в рескрипте от 2 февраля 1827 г., выразил свое благоволение армянскому народу за явленные на опыте усердие и нелицемерную преданность, и окончил свой рескрипт следующими словами: «Доколе пребудет непоколебима верность народа вашего, обретшего надежное убежище под сенью российского престола. Мы вменим себе в обязанность неусыпно печься о его чести и успокоении». Это обещание и выполнялось нашими государями до сих пор, почти 90 лет. В 1826 г. Персия сделала попытку возвратить утраченные ею местности в Закавказье. Начатая ею война окончилась поражением ею в 1826 г. и по Туркменчанскому договору, сохранившему силу и до сих пор, к России отошли ханства Эриванское и Нахичеванское, со значительным числом армян. После войны с Турцией в 1828—1829 гг. к России были присоединены, тоже с частью армянского населения, Ахалцых и Ахалкалаки с округами. Наконец, после присоединения к России Батума и Карса — после войны 1877—1878 гг., граница с Турцией с тех пор не изменялась.

В войнах с турками прошлого столетия, наши войска, проникая вглубь Армении, встречали поддержку у армянского населения, но с уходом наших войск назад, турки мстили армянам и вынуждали их к массовому переселению, вернее, бегству, в пределы России после каждой из войн Турции с Россией. Кроме того, периодически в Турции происходили гонения армян, резня, что тоже вызывало их массовое переселение в Россию. В результате всех этих причин, как указано выше, число армян в России 18 лет тому назад было почти то же, что и в Турции (около 1120 000 человек)¹⁹, а ныне, после позднейших переселений армян в наши пределы, вероятно, армян в России более, чем в Турции.

После неудачной для России войны в 1855—1856 гг., право России, приобретенное по Кучук-Кайнаржийскому миру вмешиваться во внутренние дела Турции, в видах охраны турецких христиан, было у нее отнято, и такие права и обязанности взяли на себя несколько европейских держав. Положение турецких христиан от этого не выиграло, а проиграло.

Историк В. О. Ключевский характеризует изменения с 1856 г. в отношениях России к христианским народностям, населяющим Турцию, следующим образом: «После войны 1855 г. восточный вопрос стал общеевропейским. Покровительство турецким христианам, принадлежавшее России, имело в конечной цели уничтожить Турцию и освободить христиан. Коллективный же протекторат имел целью (чтобы не дать усилиться России) подержать Турецкую империю. Явилась поддержка турецкого ига над христианами». Такое заключение имеет полное основание.

В 1856 г. султан, по настоянию держав, подписавших Парижский мир, обнародовал «хатт-и-хумаюн», которым были подтверждены прежние права христиан и даны новые: были учреждены смешанные суды, и христиане допущены к занятию некоторых должностей, были также расширены права местных выборных советов. Но все эти реформы имели только наружный характер и цель успокоить европейских дипломатов. В действительности, пользуясь рознью между европейскими державами, Турция допустила такие насилия по отношению к христианскому населению, что вызвала ряд мелких восстаний, а затем в 1873 г. вспыхивает серьезное восстание в Боснии, в 1875 г. в Герцеговине, которое затем перекинулось и в Болгарию. Болгары особенно страдали от переселенных в 1861 году крымских татар, а в 1864 г. от черкесов. Турки подняли для усмирения болгар местных башибузуков и черкесов, которые с помощью войск произвели страшную резню среди болгар.

Самые ужасные зверства были в с. Батаке, где почти все жители, после мучений и истязаний, были истреблены. Всего в продолжение 20 дней было убито до 15 000 человек, сожжено 60 селений и уведено до 50 тыс. голов скота.

В результате такой деятельности турок на Балканском полуострове, Сербия и Черногория 2 июля 1876 г. объявили войну Турции. Когда турки готовы были раздавить Сербию, вмешалась Россия, втянутая в целях помощи славянам в войну 1877—1878 гг. После полной победы над турками на европейском и азиатском

театрах войны Россия могла рассчитывать как на удовлетворение ее жизненных интересов на Босфоре, так и на прочную защиту христианского населения, которое осталось бы в подчинении турок. Соперничество держав помешало осуществлению этих нужд. Сан-Стефанский трактат имел в виду и специальную цель — защиту армянского населения Турции.

По 16 параграфу Сан-Стефанского договора турки обязывались осуществить без дальнейшего замедления те улучшения и реформы, которые требуются местными нуждами провинций, населенных армянами, и обеспечить их безопасность против курдов и черкесов. В зависимости от выполнения этого требования ставился и вывод наших войск из Армении. Этот же параграф предоставлял одной России наблюдать за выполнением ее требования.

Против таких прав России восстала на Берлинском конгрессе, прежде всех, Англия. Граф Шувалов уступил; по № 7 меморандума значилось: «Обещания, выговоренные для Армении предварительным Сан-Стефанским трактатом, не должны быть исключительно представлены России, но также и Англии». Но, чтобы и в армянском вопросе мешать нам не без особого для себя вознаграждения, Англия неожиданно выговорила для себя остров Кипр.

У армян явилось два покровителя-соперника.

В 61 параграфе Берлинского трактата тоже введено требование, чтобы Высокая Порта ввела без замедления улучшения и реформы, требуемые местными нуждами в провинциях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность против курдов и черкесов. К сему требованию прибавлено: «Она (Порта) будет периодически сообщать о мерах, принятых ею в этом направлении, державам, которые будут следить за их исполнением». Этим постановлением надзор за реформами в Армении передан в руки уже нескольких держав, в том числе и Германии. Армянский вопрос превратился из внутреннего в международный.

Прошло 37 лет со времени подписания Берлинского трактата, а 61 параграф остался «мертвой буквой». Военные действия русских против турок были прекращены в январе 1878 г., Берлинский трактат был подписан 13 июля 1878 г. Казалось бы, следовало ожидать, что турецкое правительство уже в 1878 г. приступит к реформам. В английской синей книге²⁰ по Турции за 1878 г. имеются донесения консульских чинов из Эрзерума,

в которых указывается, что положение христиан во всем округе хуже, чем когда-либо за последние годы. Грабеж, воровство, похищение женщин курдами совершаются почти при полной безопасности.

И так пошло и далее. Консулы доносят, послы бьют тревогу, министерства делают сношения, а турки отписываются, дают обещания и в то же время чуть ли не открыто покровительствуют притеснениям и убийствам армян. Все время консульские донесения, в том числе и английские, информируют о непрерывных тяжелых для христианского населения злоупотреблениях по распределению податей и, в особенности, десятинного налога. Солдаты, заптии и странствующие чиновники, кроме курдов, грабят армян, кормятся, занимают жилища, продукты и ни за что не платят.

Зимой с 1879 на 1880 год в армянских провинциях начинается страшный голод. Число умерших от голода в консульских донесениях доходит до многих тысяч. И в это же время с населения насильно взываются недоимки за три года. В 1880 г. очевидцы свидетельствуют, что положение дел стало хуже, чем было во время янычар. Сир Лайярд в 1880 г. доносил английскому правительству, что «угнетаемые, разоренные и гонимые со своих земель как чиновниками правительства, так и агами, мусульмане и христиане “льют кровавые слезы”. Вид страны крайне печален. Нигде не видно забот о сохранении лесов или их разведения, деревни убоги, лишены растительности, садов, огородов, фонтанов. Все исследователи в то же время свидетельствуют, что та часть Армении, которая досталась России в 1878 г., представляет поразительный контраст с частью, оставшейся во владении Турции».

12 января 1881 г. лорд Гренвиль обращает внимание держав, подписавших Берлинский трактат, на неисполнение Портой обязательств по отношению к христианам, но делает это в очень нерешительной форме. Бисмарк противился шагу в пользу армян, высказав в 1881 г. мнение, что, когда будет разрешен греческий вопрос, можно будет поднять армянский.

Относительно положения дел в Армении в период до 1895 г., в труде английского профессора Диллона «Положение дел в турецкой Армении» помещены следующие данные: он считает, что турки фактически стали хозяевами в Армении с 1847 г., когда ими были побеждены курды. С тех пор, в течение почти 50 лет, можно

различить два периода: период позорного управления Арменией с 1847—1891 гг. и период открытого истребления армян с 1892—1895 гг.

В 1891 г. Турция организовала из курдов кавалерию Гамидие. При помощи этой новой силы предполагалось вместо обещанных реформ сделать их излишними в некоторых местностях, частично вытеснив, частично вырезав живущее в них армянское население. Очищенные от армян земли предполагалось заселить мусульманами, «чтобы число армян во всех пяти провинциях было сокращено до таких размеров, при которых исчезла бы надобность в специальных реформах для армянского населения». Курды, записанные в новую конницу, были освобождены от службы, обеспечены жалованием и снабжены оружием. Они исполнили свою миссию с щепетильной точностью: грабили богатых армян, разрушали дома, жгли хлеб и корм, уничтожали деревни, резали скот, уводили молодых девушек, позорили замужних женщин, истребляли целые поселения и убивали всех, кто был настолько мужествен или безрассуден, что пытался оказать противодействие. Армяне принадлежат теперь к самым бедным и несчастным на земном шаре.

Положение армян в Турции

«Избиение армян, особенно так называемая Сассунская резня, как то ныне доказано, было сознательным делом блистательной Порты». В труде Е. Диллона приведен длинный перечень всех зверств, учиненных курдами над беззащитными армянами. Донесения об этих зверствах достигли правителей всех стран и вызвали общее возмущение. Казалось, настал час покончить раз и навсегда с армянским вопросом. В действительности и ныне, то есть через 20 лет, снова во всей обширности и важности стоит перед Россией, совершенно нерешенным этот армянский вопрос. Рознь между державами тройственного и двойственного союзов и особенно противодействие Германии опять помешали 20 лет тому назад помочь турецким христианам, избиваемым вблизи русской границы почти на глазах многочисленных армян русско-подданных.

26 июля 1895 г. благородный старец В. Гладстон произнес в защиту армян знаменитую речь на публичном митинге в Честере. Указав на ужасы, которые творятся в Армении,

Гладстон высказал мнение, что самое прямое решение вопроса заключалось бы в изгнании турок из Армении, но на это не пошла бы Европа. Затем Гладстон заявил, что впредь Англия не должна принимать каких бы то ни было турецких обещаний, «ибо они не имеют никакой цены, они хуже, чем бесполезны, потому что благодаря им, некоторые лица, недостаточно осведомленные, впадают в заблуждение, полагая, что турецкое правительство, давая обещание, имеет намерение исполнить его». Выполнить реформы в Армении можно только принудив к этому турок. Слово «обязан» не имеет в Константинополе никакого значения и силы, — напротив, слово «должен» понимают там отлично. Гладстон заключил свою речь мнением, что Англия должна вмешаться в армянский вопрос и то, что будет решено, и должно быть сделано.

Россия и Франция вместе с Англией взяли в свои руки вопрос о реформах в Армении, и в октябре 1895 г. был выработан, по соглашению между послами Англии, Франции и России, проект армянских реформ, который был принят Портой и получил силу закона султанским ираде от 5 октября 1895 г. Проект этот, помещенный в приложении, заслуживает полного внимания и ныне. В нем удачным образом согласованы сохранение всех органов существования административной власти с новым порядком ведения дел управления и суда, введением в состав чинов администрации и различных советов христиан в зависимости от численности разных национальностей. Слабой стороной этого проекта является недостаточность контроля со стороны России и других держав за точным выполнением проектированной реформы на местах и правильным, безобидным для христиан, течением дел после введения этой реформы.

Почему эта реформа, поддержанная тремя могущественными державами и утвержденная султаном, не была приведена в исполнение, в моем распоряжении сведений не имеется. Кажется, главным препятствием к проведению проектированных работ явилась Германия, в это время уже рассматривавшая всю Малую Азию как германскую колонию. Обещания Турции защиты против России и Франции было достаточно, чтобы положить султанское ираде от 5 октября 1895 г. под сукно на 20 лет. Гонения на армян, в более или менее резкой форме, продолжались все время с 1896 по 1912 годы, когда снова приняли острую форму. Бездействие по отношению к армянам Европы

послужило усилению революционного движения (организация Дашнакцутюн) среди армян.

Наш посол в Константинополе 26 ноября 1912 г. доносил, что декрет о реформах в армянских провинциях 20 октября 1895 г., изданный под давлением России, Франции и Англии, остался «мертвой буквой». Аграрный вопрос все более и более обострялся. Большинство армянских земель захвачено курдами. Власти содействуют этим захватам. Разбои, убийства и обращение армянских женщин в мусульманство не прекращаются, и виновные почти никогда не привлекаются к ответственности. Все армяне без различия партий желают протектората России и оккупации ею Армении. Католикос всех армян, через Наместников на Кавказе, взывал к России и именем Бога умолял взять под свое покровительство многострадальный армянский народ, живущий в Армении. Главными язвами в Армении признавались отсутствие личной и имущественной безопасности, земельное неустройство, пристрастие администрации и суда к курдам против армян. Массовые переселения турок в Малую Азию после потери владений в Европейской Турции могли еще более ухудшить положение армян.

Снова начался длинный обмен мнений между правительствами держав, участвовавших в заключении Берлинского трактата. Турция по обыкновению начала на бумаге обнаруживать намерение приступить к реформам, образовала комиссию и составила проект реформ, который по рассмотрении оказался шагом не вперед, а шагом назад. В 1913 г. тормозами к проведению реформ в Англии явились Германия и поддерживаемый ею младотурецкий комитет. Германия неожиданно заявила, что она сама хочет взять на себя почин в возбуждении вопроса о реформах. Хотя Германия и не имеет в Армении прямых политических интересов, но имеет интересы экономические, которые хочет развить. Новый младотурецкий комитет решил, по совету Германии, вопрос о реформах в Армении отложить в сторону.

В мае 1913 г. начали поступать в посольство тревожные вести о новых зверствах в Битлисе. Курды безнаказанно убивали население. Жители боялись выходить из домов. Власти отнимали оружие у армян, а врагам их давали возможность вооружаться. Положение стало невыносимым. Можно было опасаться волнений среди наших армян и появления беженцев армян, турецких подданных, в наших пределах. Медлить стало невозможно,

и наше правительство сделало предложение державам принять, как исходный пункт для реформ, проект о реформах 1895 г., дополнив его и сообразовав с новыми требованиями.

В конце мая послы в Константинополе, Великобритании, Франции и России приступили к выработке проекта реформ, приняв за основание закон о вилайетах 1880 г., проект реформ 1895 г. и новый закон о вилайетах 1913 г. Посол Австро-Венгрии в Константинополе получил разрешение своего правительства принять участие в совещаниях с другими послами о реформах в Армении под условием, «что эти реформы не причинят ущерба неприкосновенности Оттоманской Империи и не будут вредить престижу и авторитету султана».

Такой иезуитский ответ был дан после того, как именно Австро-Венгрия, прикрываясь бронированным кулаком Германии, отторгнула от Турции две провинции: Боснию и Герцеговину, причинив этим ущерб неприкосновенности Оттоманской Империи. Германский посол тоже указал на принцип неприкосновенности Турции. Бывшие защитники этого принципа в XIX столетии, Франция и Англия, в XX веке сменились Австрией и Германией. Разница состояла в том, что в XIX в. Франция и Англия защищали Турцию, боясь усиления за счет ее России, и в то же время отобрали у Турции ее африканские владения и часть островов, а в XX в. Германия и Австро-Венгрия, защищая Турцию от России, выполняли в то же время план пангерманизма, по которому германское племя должно было усиливаться за счет всей Турции.

В нашем посольстве в июне 1913 г. был выработан проект реформ по соглашению с послом Франции и Великобритании. Этот проект состоял в следующем: шесть вилайетов с армянским населением образуют одну область, подразделенную на санджаки, казы и нахии. Подразделение на вилайеты уничтожается. Установление административных подразделений предполагалось произвести с таким расчетом, чтобы население в них было распределено, насколько возможно, по этнографическим группам.

Генерал-губернатор (Вали-тхуми) Армянской области должен быть христианином, оттоманским подданным или, что предпочтительнее, европейцем. Он назначается на 5-летний срок Султаном с согласия держав. Генерал-губернатор является главой исполнительной власти. При нем состоит Административный

Совет с совещательным характером. В состав Совета входят начальники отдельных частей администрации, представители духовенства, европейские технические советники, состоящие на турецкой службе, и, кроме того, шесть советников (3 мусульман и 3 христиан), выбранных областным собранием. Областное собрание состоит из мусульман и христиан в равном числе. Число членов определяется пропорционально численности каждой народности. Выборы производятся секретной баллотировкой в казах (уездах). Областное собрание избирается сроком на пять лет и собирается раз в год на двухмесячную обыкновенную сессию. Указы о созыве и роспуске собрания издаются от имени султана. Областное собрание законодательствует по вопросам, касающимся интересов области (в том числе и бюджетным). Принятые собранием законы утверждаются султаном.

В санджаках (губерниях), казах (уездах) и нахиях (волости, общины) тоже учреждаются Советы, в состав которых входят выборные от населения. В каждой нахии состоит мировой судья, назначаемый генерал-губернатором. Чиновники администрации и судьи области назначаются в равном числе из мусульман и христиан. При распределении должностей губернаторов санджаков (мутасарифов) и каз (каймакамов) принимается в соображение племенной состав населения и важность его экономических интересов. Учреждаются областные корпуса полиции и жандармерии наполовину из христиан, наполовину из мусульман. В нахии вводятся должности сельских стражников. В мирное время жительствующие в области рекруты отбывают там же воинскую повинность. Полки легкой курдской кавалерии (бывшие гамидие) распускаются.

Законы, указы, постановления, циркуляры и правительственные сообщения издаются на трех главных языках области: турецком, армянском и курдском. Каждая народность имеет право основывать частные школы, управлять ими и облагать членов своей народности особым сбором. Преподавание ведется на родном языке, но изучение турецкого языка обязательно. На особую комиссию под председательством генерал-губернатора возлагается определение условий, при наличии которых армяне могли бы получить обратно отобранные у них курдами земли. Этот проект, в связи с проектом 1895 г., мог бы действительным образом обеспечить мирное сожительство и экономический рост всего населения шести вилайетов, о которых шла речь. Но принятию этого

проекта, как и всех предыдущих, помешала рознь между державами. За принятие проекта стояли державы тройственного соглашения; затрудняли принятие проекта державы тройственного союза. Турция тоже по обыкновению одновременно выступила со своим проектом, резко отличным от вышеприведенного. Проект турецкой реформы касался не одной Армении, а всей Турции, разделяемой на шесть секторов с генеральным инспектором в каждом из них. При содействии германцев предполагалось два восточных сектора определить так, чтобы армянское население было разьединено. Во главе двух восточных секторов предполагалось поставить генеральных инспекторов — иностранцев, назначаемых Советом Министров (Энвер-пашей) и утверждаемых султаном без согласия держав. На границе с Россией явились бы секторы, управляемые германцами.

Представители тройственного союза отказались рассматривать русский проект. Началась борьба двух течений, которая привела к значительным уступкам с нашей стороны в пользу принятия не русского, а турецкого проекта. В январе 1914 г. наш посол в Константинополе достигнул соглашения с турецким Советом Министров по проекту уже не русскому, а турецкому. 26 января 1914 г. подписано соглашение. Турки обязаны были по этому соглашению обратиться к державам с нотой точно определенного содержания.

Главные пункты соглашения были следующими: два генеральных инспектора из иностранцев будут поставлены во главе двух секторов Восточной Анатолии, одного — из вилайетов Эрзерума, Трапезонда и Сиваса, и другого — из вилайетов Вана, Битлиса, Харпута и Диарбекире. Предмет ведения генеральных инспекторов составляет контроль администрации, юстиции, полиции и жандармерии в их секторах. В случае надобности, по требованию генерального инспектора в его распоряжение предоставляются военные силы. Генеральные инспекторы отправляют в отставку, в зависимости от обстоятельств, всех чиновников, непригодность или дурное поведение коих ими установлено, с отдачей под суд тех из чиновников, которые совершили наказуемый поступок. Генеральные инспекторы замещают отставляемых младших чиновников новыми. Они имеют право делать турецкому правительству представление о назначении высших чиновников. Земельные споры будут разрешаться под непосредственным наблюдением генеральных инспекторов. Только, когда посты

генеральных инспекторов оказались бы вакантными на протяжении 10 лет, «Высокая Порта рассчитывает на благосклонное содействие Великих держав в деле выбора генеральных инспекторов». Что касается административного устройства секторов и управления ими, то Турция оставила это дело в своих руках на основании турецких законов и спешно сделанных прибавлений к ним (под влиянием советов из Берлина), сообщенных посольствам в ноте от 1 июля 1913 г.

Чтобы не довести дело до разрыва, наше посольство в Константинополе делало уступки, важность которых была несомненна. В оценках нового проекта реформ наше посольство само признает, что этот проект не предоставляет армянам тех обширных прав самоуправления, которые хотел обеспечить за ними первоначальный русский проект. Два сектора, предполагаемые к образованию, разделяли армянское население на две группы, прибавляя к ним население вилайетов со значительным преобладанием турецкого населения. Не удалось добиться ни учреждения одного собрания для всей турецкой Армении, ни расширения компетенции генеральных Советов вилайетов до размеров, предложенных Международной Комиссией 1880 г. для вилайетов Европейской Турции.

Включение в местности, подлежащие реформе, также и Трапезондского вилайета, имеющего особую для России важность, может быть признано выгодным для России. Независимо от различия в размере территории, на которую турецкий проект должен был распространяться, между русским и турецким проектами существовала глубокая разница.

Русский проект ставил целью изменение турецких порядков управления населением и заменял их иными, находящимися под контролем европейских держав. Турецкий проект оставлял организацию управления населения в турецких руках и устанавливал лишь надзор за лицами турецкой администрации. Русский проект имел устроительный характер; турецкий — только контрольный. Быть может, к счастью для турецкого населения, в особенности армян, турецкий проект не был приведен в исполнение. Началась война, втянувшая Турцию первоначально во враждебный России нейтралитет, а затем и в открытую борьбу с Россией. После полной победы над Турцией, Россия и союзные державы сами продиктуют Турции те реформы, которые признают нужными для малоазиатских турецких провинций»²¹.

Ил. 1. Торжественное открытие памятника генералу А. Н. Куропаткину в г. Торопце в 2019 г.

Далее А. Н. Куропаткин изложил свои взгляды и рекомендации на то, какие основания «надлежало принять» при определении будущей судьбы различных областей, входящих в то время в состав Азиатской Турции. События 1917 г. повернули ход истории в другом направлении, и Россия вышла из Первой мировой войны, заключив в 1918 г. Брестский мирный договор.

Следует подчеркнуть, что в последние годы небезосновательно возрос интерес к личности и деятельности А. Н. Куропаткина²², и его военно-историческому наследию. В 2018 г. в России впервые широко отмечали 170 лет со дня его рождения²³. В 2019 г. в г. Торопце состоялось открытие первого в России памятника А. Н. Куропаткину²⁴ (ил. 1). В 2020 г. вышел в свет первый том его воспоминаний — «70 лет моей жизни»²⁵, подготовленный Д. Ю. Логуновым, потомком родов Калитиных и Куропаткиных, что вызвало большой интерес военных, научных и общественных кругов.

Алексей Николаевич Куропаткин — виднейший военный и государственный деятель России, ученый, востоковед, геополитик. Работа по изучению его жизни и деятельности продолжается.

---

¹ См., напр.: Перинчек М. Армянский вопрос в 120 документах из российских государственных архивов. М., 2011.

«Наряду с непосредственно турецкой и армянской сторонами важнейшим свидетелем событий периода 1915—1923 гг. стала царская, а затем и советская Россия. С этой точки зрения, российские государственные архивы содержат такие документы, которые способны сыграть значительнейшую роль в деле установления правды по спорным аспектам в армянском вопросе».

См. также: «История Азербайджана». [Электронный ресурс]. URL: <https://files.preslib.az/projects/azerbaijan/rus/gl3.pdf>; «Геноцид и депортация азербайджанцев» [Электронный ресурс]. URL: https://files.preslib.az/site/soyqirim/31mart_ru.pdf; Армяно-Азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт. [Электронный ресурс]. URL: <https://files.preslib.az/projects/azerbaijan/rus/gl7.pdf>

² Степанян Д. «Армянский вопрос» и глобальная политика. [Электронный ресурс]. URL: <https://hetq.am/ru/article/114037>; Атанесян Г., Зейналов М. Как Азербайджан и Армения распространяют теории заговора о карабахском конфликте. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51549094>

³ А. Н. Куропаткин — не только четырежды раненный боевой офицер, но и профессиональный разведчик, и востоковед. В 1886 г. с риском для жизни он выполнил секретное правительственное задание в Турции под именем коллежского асессора Александра Николаевича Ялозо. См.: Куропаткин А. Н. Разведывательная миссия в Турцию (1886 г.) // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 48.

Ранее А. Н. Куропаткин был удостоен Императорским Российским географическим обществом (ИРГО) серебряной медали за свою военно-статистическую работу «Алжирия» (СПб., 1877) и золотой медали за работу «Кашгария» (СПб., 1879), основанной на сведениях, собранных его посольством к правителю Кашгарии Якуб-беку, во время которого он был тяжело ранен. См.: Васильев А. Д. 1) Командировка А. Н. Куропаткина в Алжир и опыт описания французской колониальной системы в Северной Африке // Мир политики и социологии (МПИС). 2018. № 3—4. С. 46—62; 2) Кашгария. А. Н. Куропаткин и российская политика по отношению к Джетишаару в последней трети XIX в. // МПИС. 2018. № 5—6. С. 19—40; Османский документ о награждении А. Н. Куропаткина орденом «Османие» / Публ. А. Д. Васильева // МПИС. 2019. № 8. С. 31—36; Басханов М. К. «Главный воин и стратег Средней Азии»: А. Н. Куропаткин в донесениях британских военных и дипломатических представителей // МПИС. 2018. № 5—6. С. 11—18.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 751. Т. 2. Л. 55—65. Армянский вопрос. Там же. Л. 65—88. Положение Армян в Турции. См. также: ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751. «Границы России в результате войны 1914—1915 гг. (Соображения к требованиям России при заключении мира)» в двух частях: Ч. I. — «Границы с Пруссией и Австро-Венгрией» и Ч. II. — «Границы с Турцией, Персией и Китаем». 28 февраля и 6 марта 1915 г. (Следует

отметить, что автор был убежден в победе Русской армии и ее союзников. В настоящее время рукопись готовится к печати).

См. также: Ремнев А. В. Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // Родина. 2004. № 9. С. 32–34; Панченко А. А. Восточная Пруссия в геополитических проектах Российской империи в начале Первой мировой войны // Великая и забытая: материалы международной научно-практической конференции / Ред.-сост. К. А. Пахалюк. 2013. С. 68–72; Белозерова О. А. Генерал Куропаткин о границах Российской империи после Первой мировой войны // Труды Девятой международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 15–17 мая 2019 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2019. Ч. 1. С. 120–136.

⁵ Согласно современным данным, накануне Первой мировой войны в Османской империи проживало более двух миллионов армян. Около полутора миллионов армян было убито в 1915–1923 гг. Полмиллиона эмигрировали или были насильственно обращены в ислам. Первым международным откликом на эти события было совместное заявление, сделанное 24 мая 1915 г. Россией, Францией и Великобританией, в котором насилие, совершенное турецким правительством в отношении армянского народа, определялось как «преступление против человечности и цивилизации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.am/ru/genocide>

См. также: Марукян А. Ц. Значение совместной декларации держав Антанты от 24 мая 1915 г. в вопросе квалификации массового истребления армян и ее воздействии на власти Османской империи // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 71–75. Галстян А. С. Возникновение и эволюция армянского вопроса в конце XIX – начале XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2015. № 3 (35). С. 73–78.

⁶ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751. Т. 2. Л. 46.

⁷ Там же. Л. 47–51.

⁸ См. подробнее: там же. Л. 181–182. По численности населения «армяне почти наполовину разделены между Россией и Турцией».

⁹ Эти пять вилайетов входят полностью в так называемый «Передовой Армянский театр военных действий» (Прим. А. Н. Куропаткина).

¹⁰ Семь каз (уездов) Ванского санджака (губернии) Ванского вилайета и две казы Мушского санджака Битлисского вилайета (Прим. А. Н. Куропаткина).

¹¹ Сивасский вилайет составлял некогда древнюю «Малую Армению» (Прим. А. Н. Куропаткина).

¹² Аданский и Алеппский вилайеты входили в состав Киликийского царства, которым тоже одно время владели армяне. Они доходили тогда до моря — порта Александретты (Прим. А. Н. Куропаткина).

¹³ В Турецкой Армении имеется 438 армянских школ, 29 000 мальчиков и 7780 девочек в них обучаются. В Харпите американская миссия основала «армянскую коллегия», высшее учебное заведение во всей Армении и Курдистане (Прим. А. Н. Куропаткина).

¹⁴ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751. Т. 2. Л. 52–54.

¹⁵ Там же. Л. 54–55.

¹⁶ В том числе персидские провинции Гилян и Мазандеран, которые занимались нашими войсками (Прим. А. Н. Куропаткина).

¹⁷ Россия получила по этому договору право вмешательства во внутренние дела Турции (*Прим. А. Н. Куропаткина*).

¹⁸ В 1813 г. к России были присоединены ханства Карабахское, Ганжинское, Нухинское, Шемахинское, Дербентское, Кубанское, Бакинское и Тальшинское — всего около 1000 кв. миль (*Прим. А. Н. Куропаткина*).

¹⁹ Менделеев, на основании переписи 1897 г., считает, что армян в России около 1 500 000 человек (*Прим. А. Н. Куропаткина*).

²⁰ Ролен-Жекмен. «Армения, армяне и трактаты» (*Прим. А. Н. Куропаткина*).

²¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751. Т. 2. Л. 65—74.

²² Белозерова О. А. Генерал Куропаткин — реальный или вымышленный образ? // Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова; ред.-сост. О. А. Белозерова. СПб., 2018. С. 124—156. [Электронный ресурс]. URL: <http://fonduniver.ru/wp-content/uploads/2013/12/Kuropatkin-pb.pdf>

²³ См. подробнее: Белозерова О. А., Сальников В. П. Впервые в России было широко отмечено 170-летие со дня рождения генерала А. Н. Куропаткина (Краткий обзор приуроченных к дате событий и публикаций) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 50—59.

²⁴ См.: Медведева Л. И. В России наконец-то появился памятник генералу от инфантерии Алексею Куропаткину. [Электронный ресурс]. URL: https://nvo.ng.ru/history/2019-08-09/3_1056_kuropatkin.html

²⁵ А. Н. Куропаткин. Воспоминания. «70 лет моей жизни» / Подг. Д. Ю. Логунов. М.: ИД Академии им. Н. Е. Жуковского, 2020. Т. 1. 816 с.

В. Н. Бенда (Санкт-Петербург)

МЕРЫ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ПРАВОПОРЯДКА И ДИСЦИПЛИНЫ В СУХОПУТНОМ ШЛЯХЕТНОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ В XVIII ВЕКЕ

В РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТАХ¹ мы неоднократно касались вопросов организации учебно-воспитательного процесса в военно-специальных школах и кадетских корпусах, учреждённых и действовавших в российском государстве на протяжении XVIII столетия. В этих же работах мы анализировали субъективные и объективные факторы, определявшие актуальность организации и проведения воспитательной работы как в русской армии в целом, так в военно-учебных заведениях, которые функционировали в России в рассматриваемый период. Причины, из-за которых происходили нарушения установленного порядка и дисциплины учащимися военно-учебных заведений — были разные. Причём, следует заметить, что нарушение учащимися дисциплины и порядка происходили как в учебное, так и не в учебное время. Уже в первые годы после начала функционирования Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, обучавшиеся в нем кадеты, совершали не только дисциплинарные проступки, но и более серьёзные правонарушения уголовной направленности. Наиболее распространённым видом таких правонарушений являлись кражи кадетами как личных вещей других кадет², так и другого имущества в корпусе или за его пределами³. О дисциплинарных проступках и мерах наказания за них можно судить по ведомости, составленной в 3-й роте Сухопутного шляхетского кадетского корпуса «...с именами кадет которые когда именно и за какое преступление и каким штрафом были штрафованы...» (орфография и стиль документа сохранены. — В. Б.),

в которой указано, что, например, кадет Василий Радилов был наказан 19 января 1748 г. за резвость в классах — фухтелем (наказание фухтелями представляло собой удар по спине плашмя обнажённым клинком шпаги или сабли. — В. Б.), 4 февраля 1748 г. за то, что, будучи в классе, против своего учителя непристойные слова употреблял — фухтелем. Кадет Степан Дементьев был наказан 4 марта 1748 г. за то, что своего учителя заочно непристойными словами поносил — фухтелем, 25 мая 1749 г. за леность в классах — стояние за штрафным столом, а кадет Алексей Дементьев был наказан несколько раз: 7 сентября 1746 г. за резвость в классах — фухтелем, 16 ноября 1746 г. за леность в классах — фухтелем, 14 ноября 1746 г. за леность и резвость в классах — фухтелем, 1 августа 1747 г. за леность в классах — арестом, 13 августа 1747 г. за резвость в классах — фухтелем, 27 марта 1749 г. за то, что, будучи в отпуску в доме и сверх термина прожил, почему и просрочил один месяц и 15 дней — арестом⁴. Не отличались добропорядочностью и прилежанием и другие кадеты.

Приведённые выше примеры не могли не вызвать ответной реакции со стороны правительства императрицы Елизаветы Петровны и администрации военно-учебных заведений той поры по укреплению правопорядка и дисциплины, в первую очередь, среди кадет и учащихся военно-специальных школ. Уже в начале царствования Императрицы Елизаветы Петровны, в 1743 г. была проведена первая реорганизация военно-учебных заведений, приведшая и к изменениям в системе воспитания. Школа навигацких искусств была переименована в Морской корпус, а Корпус кадет шляхетских детей в Санкт-Петербурге — в Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 19 февраля 1750 г. главным директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса был назначен князь Юсупов Борис Григорьевич, который детально вникал во все вопросы управления корпусом. Б. Г. Юсупов «...удалил неспособных чиновников, улучшил содержание кадет, ввёл лучший порядок в преподавании наук, приказал при ротях вести списки оштрафованных воспитанников, знал отличившихся по наукам и поведению ...»⁵. Забота Б. Г. Юсупова об улучшении повседневной жизнедеятельности кадет привлекала молодёжь в СШКК, что привело к значительному увеличению числа кадет сверх штатного комплекта. Стараниями нового директора кадетского корпуса, при нем была создана типография для печатания

учебных книг и карт. Свои планы по развитию и совершенствованию русского просвещения Б. Г. Юсупов реализовывал умело и умно. Он не сопротивлялся мероприятиям, которые принимались без него, но претворял в жизнь и свои планы, и содействовал по мере возможности внедрению преподавания наук учащимся на русском языке.

Сохранился одобренный Б. Г. Юсуповым проект об изменении методики преподавания в классах кадетского корпуса: предполагалось составить список книг и авторов пособий; была изменена очерёдность преподавания предметов: география, а затем история, арифметика прежде геометрии. Особое место уделялось преподаванию «нравственных наук» и повторению пройденного материала⁶. Перед преподавателями ставилась задача не только подготовить офицера, владеющего военным искусством, но и образовать его всеми достижениями научной мысли. В кадетском корпусе преподавали такие редкие в учебной практике исторические науки, как геральдика и генеалогия. Он также поощрял кадет в их первых опытах разыгрывать русские драматические пьесы Сумарокова. В начале февраля 1759 г. по состоянию здоровья Б. Г. Юсупов уже не мог управлять кадетским корпусом и подал прошение об увольнении от службы. Императрица Елизавета Петровна, изъявляя желание отметить заслуги Бориса Григорьевича и, в то же время, оказать корпусу своё благоволение, назначила ему в преемники директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса великого князя Петра Фёдоровича. Князь Б. Г. Юсупов после отставки со своего поста прожил всего 11 дней и скончался 26 февраля 1759 г. Погребён на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

После отставки с поста главного директора Сухопутного шляхетного кадетского корпуса князя Б. Г. Юсупова, с 12 февраля 1759 г. по 14 марта 1762 г. главным директором Сухопутного кадетского корпуса был вначале великий князь и наследник, а впоследствии император Пётр Фёдорович. Затем с 14 марта 1762 по 4 марта 1763 г. — генерал-поручик Иван Иванович Шувалов. Важным событием в жизни этого военно-учебного заведения во время руководства им И. И. Шуваловым, явилось принятие «Инструкции о классном порядке», регламентировавшей функции надзора за обучением кадетов. Этот документ был утверждён И. И. Шуваловым 22 августа 1762 г. Для более полного описания организованного в Сухопутном шляхетном кадетском

корпусе учебно-воспитательного процесса, целесообразно рассмотреть некоторые пункты указанной «Инструкции...». Первый пункт инструкции предписывал учителям и офицерам кадетского корпуса подавать рапорты «в каждой трети месяца», то есть за десять дней, с приложением именных списков кадет «по их знанию и с показанием, в каких они правила обучаются и с которого времени в классе». В конце рапорта преподаватель должен был особо отмечать, кто «в классе его ленивых и какие кадеты «отменную прилежность оказывали». Согласно второму пункту инструкции, «имеющие особое надзирание» должны были выбирать из рапортов преподавателей имена ленивых и прилежных кадетов и сообщать их советнику Ф. Эпинусу, «дабы о первых за нерадение для наказания представить по команде, а последним сделать за их рачение надлежащее ободрение». Третий пункт предполагал своеобразную ревизию преподавательских рапортов со стороны лиц, «особое надзирание имеющих». Им следовало выяснять, «нет ли таких кадетов, которые долгое время в одном правиле упражняются», то есть не продвигаются в рамках учебной программы. В случае обнаружения таковых учеников надзиратель должен был лично «оных освидетельствовать» и при выяснении недостаточности их знаний «вмещать в число ленивых с показанием, что оной, несмотря на его ленность, учителем пропущен». Преподаватель, подавший неточную ведомость об успехах его подопечных, должен был наказываться «выговором или другим штрафом». Аналогичным образом надзиратели обязаны были выявлять прилежных учеников, имена которых не указаны в учительских рапортах. Заключительный раздел третьего пункта инструкции предписывал ввести в употребление журналы посещаемости занятий, что прежде практиковалось только в фортификационном классе Сухопутного кадетского корпуса. Теперь полагалось «взять то за образец во все классы». Согласно заключительному, одиннадцатому пункту, дежурным офицерам полагалось «...смотреть, чтоб кадеты порядочно себя в классах вели и каждый бы в положенное время был в своём классе, и для того при перемене классов самим при переключках быть». Равным образом офицеры должны были наблюдать, «чтоб и обучающие в надлежащее время в классы приходили и из оных выходили»⁷. Сохранившиеся доклады и ордера И. И. Шувалова показывают его горячую заинтересованность в делах корпуса, заботу об офицерах, преподавателях и учащихся⁸. Указом

Екатерины II от 4 марта 1763 г. И. И. Шувалов получил разрешение уехать за границу, а управление Сухопутным шляхетским кадетским корпусом было поручено генерал-майору князю Николаю Васильевичу Репнину «...до возвращения помянутого Шувалова»⁹. Но Иван Иванович провёл за границей четырнадцать лет и по возвращении в Россию уже не имел отношения к делам Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

С 28 июня 1762 г. на русский престол вступила Екатерина II, начавшая своё царствование с обещаний улучшить государственные законы и положения различных сословий. Она состояла в переписке с французскими просветителями, которых приглашала участвовать в разработке и осуществлении проектов организации народного образования, обещала улучшить воспитание и школы.

Для этой цели был привлечён Иван Иванович Бецкой (1704—1795), который стал отцом реформ военной школы. В 1763 г. И. И. Бецкой представил Екатерине II план реорганизации воспитания детей «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», в котором использовал идеи А. Коменского, Д. Локка и Ж. Руссо. П. Ф. Каптерев отмечал, что «...взгляды Бецкого на воспитание детей, оставаясь по существу взглядами Локка, гораздо шире, гуманнее, а в некоторых пунктах подробнее учений последнего»¹⁰. Его взгляды вполне соответствовали идеям Императрицы. И. И. Бецкой поставил себе задачу воспитать совершенных граждан — так называемую «новую породу людей». 7 марта 1765 г. И. И. Бецкой вступил в должность главного директора Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. В 1766 г. был введён новый «Устав шляхетного сухопутного кадетского корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества»¹¹, составленный И. И. Бецким. Корпус, принятый Императрицей под особое покровительство, стал именоваться «Императорским Шляхетским сухопутным кадетским корпусом». По Уставу данного учебного заведения предусматривал изучение кадетами четырёх видов наук: 1) «руководствующих к познанию прочих наук», 2) «предпочтительно нужные гражданскому званию», 3) «полезных», 4) «художеств»¹². Огромное значение во всей своей деятельности И. И. Бецкой придавал вопросам воспитания. 20 января 1767 г. Екатериной II был утверждён новый «Штат императорского Сухопутного кадетского корпуса»¹³, в соответствии с которым штат воспитателей был следующим: при 1-м возрасте — 10 воспитательниц с окладом 250 р.

в год каждой; при 2-м и 3-м возрасте — 14 воспитателей с окладом 300 р. в год каждому; при 4-м и 5-м возрасте: 1) 4 поручика с должностным окладом 247 р. 32 коп. каждому, но плюс к этому «за воспитательную должность и обучение наукам» по 144 каждому в год, 2) 4 подпоручика с должностным окладом 161 р. 92 коп. каждому, с прибавкой в размере 144 р. в год «за воспитательную должность и обучение»¹⁴.

В октябре 1772 г. И. И. Бецкой обратился к Екатерине II с докладом «Причины, побуждающие к заведению воспитания мещанских детей при Сухопутном кадетском корпусе»¹⁵. В своём обращении к государыне, Бецкой помимо изложения «причин, побуждающих...» представил вариант «договора для воспитателей» и, что очень существенно, разработанные им «Правила и наставления воспитателям благородного юношества Императорского Сухопутного шляхетного кадетского корпуса о предписанных им советом должностях, которые они имеют наблюдать как воспитатели и профессоры для наставления и научения молодых воспитанников»¹⁶, которые и были утверждены Екатериной II 30 октября 1772 г., о чем И. И. Бецкой и информировал «...императорского сухопутного шляхетного кадетского корпуса совет». В этом документе были определены их основные обязанности воспитателей, формы и методы работы с кадетами. В основу методов воспитания были положены требования о том, что с детьми воспитатели должны были «...обходиться со всей тихостью и учтивостью, как должны быть неразлучны с воспитанием»¹⁷. Определяя содержание процесса воспитания, особое значение придавалось в корпусе нравственному воспитанию, в котором И. И. Бецкой видел основу формирования у кадет верности престолу, чувства национальной гордости, важнейшему пути развития волевых качеств. «Все способы употребить, — требует он в Уставе шляхетного сухопутного кадетского корпуса..., — к совершению в отроках благородного воспитания, вкоренить в них изящные мысли, благородные и твёрдые основания...»¹⁸².

Необходимо обратить внимание на тот факт, что утверждённые императрицей документы, отражавшие вопросы воспитания при кадетском корпусе, для исполнения были адресованы не главному директору Сухопутного кадетского корпуса, коим являлся И. И. Бецкой, а «...высокому почтенному совету для исполнения в оригинале предлагаю»¹⁹. Факт примечательный тем, что это способствовало распространению новых идей «...воспитания

и обучения юношества обоего пола» среди общества, благодаря постоянно происходившей ротации членов совета. Наглядно об этом свидетельствует содержание некоторых архивных источников, публикуемых нами впервые. «Милостивый государь мой Иван Иванович (Меллер²⁰. — В. Б.)! Какое соизволение Ее Императорское Величество последовало, чтобы быть вашему превосходительству в Совете Сухопутного шляхетного кадетского корпуса членом, с оного при сем прилагаю копию. А собрания когда при оном корпусе быть назначится, уведомление пришлётся. В прочем с моим почтением честь имею быть. Вашего превосходительства милостивого государя моего покорнейший слуга Иван Бецкой»²¹. К этому письму прилагалась копия указа Екатерины II от 10 сентября 1772 г. «В совет Сухопутного шляхетного кадетского корпуса ПОВЕЛЕВАЕМ на нынешний год присутствовать тайному советнику князю Ивану Вяземскому и артиллерии генерал-майору Ивану Меллеру. Екатерина»²².

Идеи воспитания, его формы, цели и процесс активно обсуждались в 70-е годы XVIII в. в российском обществе. В 1774 г. были изданы «Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола в удовольствие общества собранные и изданные», в которых определяется главная цель воспитания «... всякому состоянию и разным переменам государства сведущему известно, что благонравие есть твердейшая оных подпора, ибо им направляются сердца к добродетели и умы разными знаниями просвещаются. Но как первоначальным источником своим имеет оно благое воспитание, без которого тщетными были все усилия человеческого разума к произведению тех неисчерпаемых польз и выгод, каковыми наслаждаются общества посредством любия к Отечеству...»²³. На это следует обратить внимание. Посмотрите, как просто выглядела «программа» воспитания молодого поколения в то время: от хороших манер, сдержанности, вежливости, опрятности, доброты, то есть благовоспитанности — к хорошему поведению, то есть благонравию — и, в результате, любовь к Отечеству! Чем, не программа минимум по воспитанию современного молодого поколения, будущего России, так как эти качества не передаются генетически, их можно только воспитать с малых лет!

Практически все должностные лица, состоящие непосредственно при кадетах (46 человек. — В. Б.) имели «стол общий с их воспитанниками и кадетами», что, несомненно, способствовало

достижению целей и задач воспитания, определённых в Уставе кадетского корпуса.

Многое в организации воспитательного процесса зависело от личности директора кадетского корпуса. И. И. Бецкой так определял, каким он должен быть: «Во главе управления корпусом должен стоять человек в воинских трудах состарившийся и искусный как в этих делах, так и в правилах, к гражданскому житию принадлежащих, трудолюбивый, кроткий, ласковый и обходительный, но в важных воинских упражнениях вид строгости имеющий...»²⁴.

По мнению И. И. Бецкого и его преемника на посту директора Сухопутного шляхетского кадетского корпуса графа Федора Евстафьевича Ангальта, кадеты должны учиться легко, без принуждения преподавателей. В связи с этим понятна позиция директора корпуса относительно телесных наказаний. В приказе Ф. Е. Ангальта по кадетскому корпусу от 8 октября 1765 г. было записано: «Желательно было б, чтоб и не только телесные, но и всякого рода наказания вовсе уничтожены, но как, может быть, найдутся такие, которые пренебрегали такое неоценимое милосердие и, позабывшие свою должность, будут впадать в преступления, порочные дворянству, что таковые имеют быть наказуемые выговорами при собрании своих товарищей, штрафным столом (то есть, питанием отдельно от товарищей), сажанием под арест и на осла (дворянин мог ездить только на лошади, посадить его на осла было бесчестьем), лишением постели и подушек, одеванием в китель (специальный штрафной китель чёрного цвета), содержанием прочим кадетам во время кушанья (обслуживание во время обеда), сажанием на хлеб и воду, лишением на время мундира, заключение в железа (пребывание под арестом в кандалах)»²⁵.

Для поощрения отличившихся в учёбе кадет были введены медали: в четвёртом возрасте — серебряные, в пятом — золотые. Кроме того, «...всем кадетам, как заслужат похвальные от Совета свидетельства, при выпуске своём получать преимущества и почтение порутчического чина»²⁶. Лучшим воспитанникам давалось преимущество при назначении; а при их желании и согласии родственников после окончания корпуса путешествовать в чужие страны, «...позволяем три года путешествовать на иждивении казны корпуса»²⁷.

Большое значение имело личное общение генерал-директора И. И. Бецкого с кадетами, часто он приглашал к себе домой

на чай лучших кадетов корпуса. Побеседовать с генерал-директором за чаем у него дома считалось среди кадет очень престижным²⁸. Процесс воспитания испытывал определённые трудности из-за привычки дворян учиться исключительно для воинской службы без выработанной внутренней потребности образования. И. И. Бецкой указывал, что истинное просвещение должно быть основано на взаимодействии обучения и воспитания, совместном развитии разума и нравственного чувства, на согласовании европейского образования с русской самобытностью.

Заслуги И. И. Бецкого на образовательном и воспитательном поприще не остались незамеченными. 22 октября 1767 г. в Указе Екатерины II было отмечено: «... понеже генерал-поручика Ивана Бецкого, многия сочинения и учреждения о воспитании Российского юношества, доказали его усердие е Ея Императорскому Величеству, ныне ему дать знак всемилостивейшей Ея Величества доверенности и удовольствия, для чего и жалует его в Тайные действительные советники»²⁹. За свои заслуги Иван Иванович был награждён орденом Святого Андрея Первозванного, одним из первых был награждён орденом Святого Владимира.

И. И. Бецкой в начале 80-х г. XVIII столетия тяжело заболел и с 1782 г. он не являлся директором Сухопутного кадетского корпуса. Умер Иван Иванович Бецкой 31 августа 1795 г. Смерть его прошла незамеченной, не было упоминаний даже в газетах. Только Г. Р. Державин почтил его кончину стихотворением «На кончину благодетеля». Похоронен И. И. Бецкой в Александро-Невской лавре.

После отставки И. И. Бецкого Сухопутным шляхетным корпусом руководил генерал-адъютант граф Федор (Фридрих) Евстафьевич Ангальт (1732—1794), верный сторонник педагогических идей эпохи Просвещения. Он лично беседовал с воспитанниками (кадетами), вникая во все их нужды, читал детям труды выдающихся философов, предлагал самим писать сочинения на этические темы. Ограждавшая кадетский корпус стена была расписана афоризмами, математическими формулами, аллегорическими рисунками, словно стена «Города Солнца», созданного фантазией Т. Кампанеллы. Граф Ангальт энергично добивался улучшения финансирования корпуса и одновременно тратил на него собственные средства. Однако, при всем своём гуманизме, педагогическая система Ф. Е. Ангальта имела и определённые

недостатки. Увлечение общеобразовательными предметами и «изящными искусствами» привело к забвению собственно военного элемента. Военские науки преподавали в недостаточном объёме, а строевой подготовкой просто пренебрегали. Как писал В. О. Ключевский, в то время кадетский корпус «...всего менее занимался военными науками: это был светский университет, где преподавалось все, кроме того, что нужно офицеру, а воспитанники корпуса выпускались в большинстве случаев офицерами»³⁰.

Неудивительно, что сменивший в 1794 г. после смерти Ф. Е. Ангальга, на посту главного директора генерал-поручик Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, который к этому времени имел уже немалый опыт как войсковой службы, так и педагогической работы, сразу же взялся за усиление в корпусе военных начал. Начиная с 1794 г. в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе чётко стала проследиваться тенденция преимущественного усиления военно-профессиональной направленности в воспитании учащихся Сухопутного кадетского корпуса. В одном из своих первых обращений к воспитанникам он заявил: «Граф Ангальт обращался с вами, как с детьми, а я буду обращаться, как с солдатами», чем привёл кадет в большое волнение³¹.

Дисциплина в кадетском корпусе стала гораздо строже, стали практиковаться отменённые ранее телесные наказания и, вместе с тем, повысились качество и объём преподавания военных наук. На основе изучения процесса формирования у учащихся кадетского корпуса военно-профессиональных качеств, необходимых будущему офицеру для успешного ведения боевых действий и организации обучения и воспитания нижних чинов, М. И. Кутузов пришёл к выводу о необходимости введения в военно-учебном заведении настоящей военной организации, со всеми вытекающими из этого последствиями. С января 1797 г. с позволения императора Павла I пересматривается Устав сухопутного кадетского корпуса и его организационная структура. Деление кадет на «возраста» было заменено делением на роты и отделения. Всего создавалось пять рот: четыре мушкетёрских и одна гренадерская. Самые младшие ученики (от 5 до 10 лет) сводились в особое Малолетнее отделение под руководством дамы — главной инспектрисы. Кадетский корпус превращается в воинскую часть.

В целом, М. И. Кутузову удалось добиться поставленной цели и вернуть корпусу первоначальное предназначение. Но достигнут этот успех был с помощью очень жестоких мер. Наказания,

например, стали настолько суровыми, что один из кадет, боясь порки, выбросился в лестничный пролёт. Как человек, воспитанный армией, в отличие от Бецкого и Ангальта, М. И. Кутузов воинскую дисциплину и порядок поддерживал не только методом убеждения, но и принуждения, о чем свидетельствуют такие слова одного из приказов по корпусу: «Из господ кадет и гимназистов великое число является ленивых, которым на поправление успехов даю месяц сроку, ежели и затем окажутся таковые, то унтер-офицеры будут разжалованы, а кадеты — наказаны». И далее: «...за нерадение ни по какому случаю, доколе исправится, со двора не увольнять, в свободные ж часы приказать заниматься обучением в каморах, а в праздничные дни не отпущать даже и во внутренность корпуса»³². Вместе с тем, строгость у Кутузова не самоцель, она сочеталась с мягкостью и учтивостью. Учившийся в корпусе И. С. Жиркевич так описывал директора: «Вид грозный, но не пугающий юности, а более привлекательный. С кадетами обходился ласково и такого же обхождения требовал и от офицеров»³³.

С целью формирования в учениках трудолюбия, настойчивости и работоспособности в корпусе создаётся целая воспитательная система, в основе которой — высокая нравственность личности. Для достижения сформулированной цели, при личном участии М. И. Кутузова, была разработана система воспитательных средств. Среди них были рекомендации дифференцированно применять меры убеждения и принуждения, а при наложении взысканий преследовать цель не столько наказания провинившегося, сколько воспитания коллектива³⁴. Добиваясь высокой успеваемости кадет, М. И. Кутузов ставит её в прямую зависимость от усердия и старания. В корпусе была заведена особая книга, куда заносили «о ленивых своё замечание». «Сия книга, — говорил директор, — при выпуске уважаема, будет более других аттестатов». Случаи проявления лени и неуспеваемости не оставались в корпусе без внимания. На неуспевающих кадет действуют не только убеждением, но и принуждением, назначают им дополнительные занятия даже в каникулы. Примером того служат приказы по корпусу: «... Из господ кадет и гимназистов великое число явилось ленивых, которым на поправление успеха даю месяц сроку; ежели и затем окажутся таковые, то унтер-офицеры будут разжалованы, а кадеты наказаны»; «...за нерадение ни по какому случаю, доколе исправится, со двора не увольнять, в свободные ж часы приказать заниматься обучением в каморах, а в праздничные дни

не отпущать даже и во внутренность корпуса»³⁵. С другой стороны, в тех же приказах по корпусу М. И. Кутузов неоднократно отмечал личный состав за отлично проведённые занятия: «Добрая воля и успехи господ унтер-офицеров, капралов и господ кадетов оправдывает доброе о них мнение с самого начала, да благословит Бог течение в сем благородном поприще. Надеюсь, что не погубят они в праздности драгоценного времени в классах, но приобретут знания, нужные благородному человеку во всяком состоянии»³⁶.

В заключение отметим, что, несмотря на ряд прогрессивных идей И. И. Бецкому, «новую породу» людей вывести не удалось, несмотря на то, что Бецкой излагал довольно прогрессивные для своего времени воспитательные и педагогические идеи. На протяжении своей деятельности И. И. Бецкой приложил немало усилий к совершенствованию воспитательного процесса в основном военно-учебном заведении России того времени — Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. Несмотря на важный вклад И. И. Бецкого в становление теории и практики дворянской системы образования, после подавления Пугачёвского восстания в 1775 году его идеи стали считаться слишком либеральными. Его отстранили от руководства Академией художеств, Сухопутным шляхетским корпусом и опекунов Воспитательными домами.

М. И. Кутузову удалось решить многие вопросы, что позволило Сухопутному шляхетскому кадетскому корпусу превратиться в кузницу подготовки высокопрофессиональных грамотных офицеров. Однажды при выпуске кадетов он сказал: «Господа, вы не полюбили меня за то, что я сказал вам, что буду обходиться с вами, как с солдатами. Но знаете ли вы, что такое солдат? Я получил и чины, и ленты, и раны, но лучшею наградою почитаю то, когда обо мне говорят — он настоящий русский солдат. Господа! Где бы вы ни были, вы всегда найдёте во мне человека, искренне желающего вам счастья, и который совершенно награждён за любовь к вам вашей славою, вашей честью, вашей любовью к Отечеству»³⁷. В этих словах М. И. Кутузов проявился и как воспитатель, и педагог, и воин.

---

¹ «Присяга на верность...» как одно из средств воспитания патриотизма в России и русской армии в XVIII в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. 12. История. Выпуск 31. Рубрика «Военная история». С. 56—63; Бенда В. Н. К вопросу организации воспитательного и учебного процесса в Артиллерийском и Инженерном шляхетном кадетском корпусе (АИШКК)

и системы воспитания в целом во второй половине XVIII в. Научная сессия ГУАП: сб. докл. в 3 ч. Ч. III. Гуманитарные науки / СПб.: ГУАП, 2011. С. 139–143; Бенда В. Н. Особенности воспитательного процесса в военно-учебных заведениях России XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. Тамбов: Грамота, 2012. №8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 50–54; Бенда В. Н. Совершенствование учебно-воспитательного процесса в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе (АИШКК) под руководством генерал-майора М. И. Мордвинова // Вестник современной науки. 2017. № 4, в 2-х ч. Ч. 2. С. 55–59; Бенда В. Н., Козлов Н. Д. Зарождение и развитие теории и практики воспитательного процесса в военно-учебных заведениях России XVIII в. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции: в 2 т. / отв. ред. В. А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. Т. 2. С. 115–120 и др.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 1753. Л. 1–14.

³ Там же. Д. 1914. Л. 1–19.

⁴ Там же. Д. 2233. Л. 56–57 об.

⁵ Висковатов А. В. Краткая история Первого Кадетского корпуса, составленная бывшим воспитанником оною корпуса Александром Висковатовым. СПб., 1832. С. 23.

⁶ Долгова С. Р. Борис Григорьевич Юсупов — реформатор Сухопутного шляхетного кадетского корпуса / Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII. Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания. Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 67–80. С. 69, 76–80.

⁷ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 3148. Л. 6–7 об.

⁸ Там же. Л. 8–40; Д. 3180. Л. 1, 15, 16 и др.

⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 2.

¹⁰ Каптерев П. Ф. Новая русская педагогия, ее главнейшие идеи, направления и деятели. 2-е изд., доп. СПб., 1914. С. 186.

¹¹ Висковатов А. В. Указ. соч. С. 38.

¹² Устав императорского шляхетного кадетского корпуса. СПб., 1766. С. 8.

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 1728. Л. 92–95.

¹⁴ Там же. Л. 93.

¹⁵ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 3492. Л. 4–7.

¹⁶ Там же. Л. 12–16.

¹⁷ Там же. Л. 12.

¹⁸ Устав императорского шляхетского... С. 28.

¹⁹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 3492. Л. 1.

²⁰ Генерал-майор артиллерии, будущий генерал-фельдцейхмейстер.

²¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. КО (Командное отделение). Д. 197. Л. 561.

²² Там же. Л. 562.

²³ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 3586. Л. 1а.

²⁴ Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военных школ до исхода

первого двадцатипятилетнего благополучного царствования государя императора Александра Николаевича 1700—1880. Ч. 1—2. СПб., 1880—1892. С. 53—54.

²⁵ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 3286. Л. 16—17.

²⁶ Бецкой И. И. Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола: В 2-х т. СПб., 1774. Т. 1. С. 22—28.

²⁷ Там же.

²⁸ Вискатов А. В. Указ. соч. С. 103

²⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1728. Л. 287.

³⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 5. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 176.

³¹ Глинка С. Н. Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб.: «Русская старина», 1895. С. 376.

³² Цит. по: Галушко Ю. А., Колесников А. А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. М., 1993. С. 27—28.

³³ Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789—1808 // «Русская старина». 1874. № 2. С. 216.

³⁴ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 8043. Л. 135—135 об.

³⁵ Кутузов М. И. Сборник документов и материалов / под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Военное издательство, 1950. Т. 1. С. 370—371.

³⁶ Галушко Ю. А., Колесников А. А. Указ. соч. С. 27—28.

³⁷ Цит. по: Галушко Ю. А., Колесников А. А. Указ. соч. С. 28.

*Л. А. Бобров (Новосибирск),
Ю. И. Ожередов (Томск)*

УНИКАЛЬНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ДОСПЕХ ИЗ СОБРАНИЯ БЫВШЕГО МУЗЕЯ АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА¹

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД, охватывающий XVII — первую половину XVIII в., сыграл важную роль в истории народов Евразии. Однако если для европейцев главными его событиями стали Тридцатилетняя война, Английская революция, Англо-голландские войны, Тринадцатилетняя Русско-польская война на Украине, военные конфликты европейских держав с Османской империей, Великая Северная война, Война за испанское наследство и др., то для внутренней Евразии данный период справедливо именуется эпохой Малого монгольского (ойратского) нашествия. В XVII — первой половине XVIII в. ареал военной активности ойратов (калмыков, «чакарцев», джунгар, хошутов Кукунорской равнины) включал в себя огромные пространства внутренней Евразии: от нынешней Украины на западе, до Тибета и Монголии на востоке, от русских сибирских острогов на севере, до присырдарьинских городов на юге. Ойратские завоевания оказали значительное влияние на исторические судьбы народов России, Казахстана, Монголии, Китая и других стран. Неудивительно, что военно-культурное наследие ойратов привлекает к себе пристальное внимание оружейников и историков многих государств мира.

Становление и развитие позднесредневекового ойратского военного искусства проходили на фоне «пороховой революции», коренным образом изменившей ход развития военного дела населения Евразийского континента. Специфика данного исторического периода для Центральной Азии заключалась в весьма

ярком и необычном сочетании традиционных и инновационных видов вооружения и тактических приемов ведения боя. Так, например, в ходе сражения легкие степные лучники могли прикрывать позиции спешившихся стрелков, вооруженных огнестрельным оружием, а конные панцирные копейщики-«куяшники» атаковали позиции врага под залпы артиллерийских орудий, перевозившихся на верблюдах².

Оригинальный облик ойратского вооружения был обусловлен и особенностями развития духовной и военной культуры народов Центральной Азии рассматриваемого периода. Начальный этап завоеваний совпал по времени с распространением среди ойратов буддийского учения (в его ламаистской форме). Ламаизм пришел не только в нарративную религиозную область культуры, но и упрочился в декоративно-прикладном искусстве монголоязычных кочевников, обильно украсив оружие и доспехи священной буддийской символикой³.

Одним из важных направлений современных археологических, оружейно-исторических исследований является введение в научный оборот и всестороннее изучение подлинных образцов ойратского вооружения, хранящихся в музейных и частных собраниях России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Выявление и введение в научный оборот не известных широкому кругу специалистов и любителей военной истории образцов вооружения позволяет прояснить и детализировать многие вопросы, связанные с особенностями эволюции военного дела кочевников XVI—XIX вв.

В фондах Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС ТГУ) хранится оригинально оформленный доспех (колл. № 5229), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных специалистов. Сведения о данном образце защитного вооружения были впервые опубликованы в 2010 г.⁴ В 2019—2020 гг. изучение доспеха было продолжено. В результате проведенного комплексного исследования, установлены обстоятельства поступления пластинчато-нашивного панциря в собрание МАЭС ТГУ, выявлены особенности его конструкции и системы декоративного оформления (в том числе изучены текстиль, определены минералы, украсившие декоративные детали и химический состав металлических элементов кюяка⁵), установлена природа происхождения бурых пятен на ткани

(кровь человека), уточнена датировка и атрибуция, реконструированы варианты первоначального внешнего вида рассматриваемого образца защитного вооружения. Данные вопросы подробно освещены в рамках специальной монографии⁶. В настоящей работе приведем основные выводы научного исследования.

На основании изучения служебной документации XIX — начала XX вв. установлено, что первым местом музейного хранения куяка являлся Музей Алтайского горного округа (г. Барнаул), в фонды которого на протяжении нескольких десятилетий XIX в. поступали предметы материальной культуры народов Центральной Азии и Южной Сибири. Интересующий нас доспех был передан в музей в 1829—1831 гг. и первоначально атрибутирован как «кожаное монгольское платье с железными бляхами, изображающими молитву “от ми бад мехом”». В 1907 г. украшенный буддийской символикой панцирный «халат» был доставлен прозектором Г. Э. Иоганзенем из Барнаула в Археологический музей Императорского Томского университета (ныне — МАЭС ТГУ).

Анализ конструкции «томского» панциря позволил отнести рассматриваемый образец зашитого вооружения к доспехам с пластинчато-нашивной (пластинчато-клепаной) структурой бронирования. Панцирь скроен в виде распашного безрукавного халата со сплошным осевым разрезом, двухчастным подолом и невысоким стоячим воротником (ил. 1.1, 1.2). Дополнительные защитные элементы представлены отдельно крепящимися С-образными «подмышечниками». Общий вес защитного комплекта составляет 10 кг.

Органическая основа доспеха сшита из четырех слоев стеганого шерстяного полотна. Два внутренних слоя грубой ткани светло-желтого цвета с лицевой стороны дополняет более тонкая и мягкая ярко-желтая «покрышка». В качестве подкладки использована ткань зеленого цвета, одновременно послужившая для декоративной окантовки краев халата. Ею украшены обе лопасти подола, контур крестцового выреза, проймы рукавов и ворот (ил. 1.1). Технологический анализ образцов текстиля органической основы показал, что при изготовлении внутренних слоев, «покрышки» и подкладки были использованы три сорта шерстяной ткани высокого качества, различающейся технологическими характеристиками. Однако при существующих отличиях все варианты полотна изготовлены в одном производственном центре⁷.

Ил. 1.1. Пластинчато-нашивной панцирь — «halat» № 5229 из собрания МАЭС ТГУ (распахнут). Внешняя сторона. Фото Ю. И. Ожередова

Ил. 1.2. Пластинчато-нашивной панцирь — «halat» № 5229 из собрания МАЭС ТГУ (распахнут). Внутренняя сторона. Фото Ю. И. Ожередова

Броневое покрытие доспеха представлено железными пластинами, приклепанными с внутренней стороны органической основы «халата» и наплечными «погончиками» поверх нее (ил. 1.2). Несколько панцирных пластин при эксплуатации были утрачены, поэтому в составе панцирного комплекса сейчас насчитывается 216 образцов. Однако согласно проведенным расчетам, первоначальное их число превышало 220 единиц различных форм и размеров (ил. 2.1, 2.2).

Все пластины по материалу изготовления относятся к классу железных, по способу соединения с органической основой — к отделу пластинчато-нашивных (пластинчато-клепаных). Пластины имеют различную конструкцию и размеры, соответствующие их функции и местоположению в составе панциря.

По результатам рентгеноспектрального анализа, установлено, что пластины куяка изготовлены из сплава железа, представляющего собой низкоуглеродистую сталь. Содержание железа — 84,2 %, углерода — 0,13 %, кислорода — 11,2 %⁸. Подобные пластины сочетали в себе достаточно высокую прочность с ковкостью и пластичностью, что значительно облегчало их механическую обработку.

Первоначально доспех был бронирован преимущественно рельефными пластинами прямоугольной и трапециевидной формы. Последние формировали проймы рукавов и горловой вырез. Рельефная поверхность (бортики, ярусы, ребра) придавали пластинам дополнительную жесткость и противодействовали их деформации при ударе. В ходе эксплуатации доспеха часть поврежденных рельефных пластин была заменена на более простые аналоги с гладкой поверхностью (ил. 1.2). Представляется возможным выделить две группы, четыре типа пластин и ряд вариантов, различающихся между собой характерными элементами конструкции, оформления поверхности пластины, материалом, формой заклепок и заклепок-накладок.

В подавляющем большинстве случаев пластины корпусной части и подола крепятся к полотну «халата» с помощью железных заклепок-штифтов, зажимающих ткань между пластиной с внутренней и металлической накладкой с лицевой стороны доспеха. Первоначально все пластины куяка (за исключением пластин воротника) были снабжены фигурными вырезными накладками двух основных типов. При этом обе разновидности накладок, как и желто-зеленое цветовое решение матерчатого

Ил. 2.1. Предметная научно-историческая реконструкция ойратского пластинчато-нашивного панциря-«халата» XVII — середины XVIII в. Внешняя сторона. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер Ю. А. Филиппович. Фото С. А. Борисенко

Ил. 2.2. Предметная научно-историческая реконструкция ойратского пластинчато-нашивного панциря-«халата» XVII — середины XVIII в. Внутренняя сторона. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер Ю. А. Филиппович. Фото С. А. Борисенко

«халата», имеют непосредственное отношение к буддийской символике.

Основная часть пластин была украшена металлическими накладками А-образной формы (ил. 1.1). Накладки, расположенные вдоль нижнего края подола, были изготовлены из латуни (сплав меди с цинком), а остальные — из железа, покрытого толстым слоем серебра (на отдельных образцах удельный вес серебра превосходит удельный вес железной основы накладки и составляет 59,19—67,94 %). Указанный А-образный символ атрибутирован как выполненная письмом *ланьча* графема *та*, использующаяся при написании различных буддийских мантр. Изображения санскритских знаков *та*, *от* и др. неоднократно встречаются на предметах вооружения ойратского и монгольского производства XVII — середины XVIII в. (шлемах, панцирях и т. д.), хранящихся в российских и иностранных музейных и частных собраниях.

Большие горизонтально расположенные «хребтовые» пластины, усиленные вертикальным ребром жесткости, снабжены накладками в виде орнаментированной посеребренной «пламенеющей» плакетки, в центре которой находится миндалевидное «гнездо» с массивным выпуклым бортиком из специального сплава на основе меди (48,40—86,28 %) с добавлением серебра (1,15—25,54 %), и большого количества цинка (11,54—30,66 %). Благодаря подобному сочетанию химических элементов, создается впечатление, что «гнезда» имеют позолоченную поверхность. В «гнезда» стальных плакеток были вставлены тщательного выделанные кабошоны из поделочных камней красного, синего и зеленого цвета (ил. 1.1). Первые два определены как кораллы и лазурит соответственно. Количественный спектральный анализ также показал, что в некоторых ныне пустых «гнездах» находились вставки из бирюзы зеленого цвета⁹. Украшения «хребтовых» пластин доспеха атрибутированы как символическое изображение «драгоценной жемчужины» *Чинтамани* (санскр. *cintāmani*, тиб. *yid bzhin nor bu*) — драгоценности, исполняющей желания.

Изучение доспеха из МАЭС ТГУ позволило реконструировать варианты его первоначального внешнего вида (ил. 2.1, 2.2)¹⁰. При росте воина в 165—175 см панцирь покрывал практически весь его корпус (грудь, живот, бока, спину, ключицы), а также защищал шею, бедра и отчасти колени (ил. 3). Необходимо отметить продуманность конструкции доспеха, предусматривавшую максимально возможную гибкость при сохранении

Ил. 3. Предметная научно-историческая реконструкция комплекса вооружения знатного ойратского воина XVII — середины XVIII в. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер Ю. А. Филиппович. Фото С. А. Борисенко

мощного броневое покрытие. Дополнительную прочность последнему придавала ребристая поверхность пластин, а также тот факт, что они примерно на $\frac{1}{4}$ перекрывали друг друга, образуя двойной, а в некоторых местах даже тройной слой брони (ил. 1.1, 2.2).

Крепление каждой пластины на четыре штифта и накладка несколько снижали эластичность доспеха по сравнению с его аналогами, в которых пластины крепились с помощью пары обычных заклепок с полусферическими шляпками. Тем не менее, доспех сохранил высокую степень гибкости. Как показали экспериментальные испытания, даже неподготовленный человек может носить панцирный «халат» не снимая в течение нескольких часов, не испытывая особого дискомфорта. При нахождении в седле вес доспеха в значительной степени перераспределяется, повышая комфортность его эксплуатации

(ил. 4). Воин в подобном кюяке может совершать самые сложные движения, в том числе свободно садиться и сходить с коня, стрелять из лука, ружья (в том числе из положения лежа и с колена), колоть копьем, рубить длинноклинковым оружием и т. д.¹¹

В ходе выполнения предметной реконструкции доспеха было установлено, что крепление пластин к органической основе производилось снизу вверх (то есть первым приклепывался нижний

Ил. 4. Комплекс вооружения знатного ойратского (джунгарского) воина второй половины XVII — середины XVIII в. на коне с пикой и ружьем. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер Ю. А. Филиппович. Фото С. А. Борисенко

мастера и в известной степени усложняло его работу.

Вес и покрой панцирного «халата» свидетельствуют о том, что его владелец мог облачиться в доспех самостоятельно без помощи оруженосца. Осевой разрез стягивался на груди с помощью шести пар кожаных ремешков, зацепленных специальными металлическими фиксаторами на пластинах или вшитых в органическую основу панциря. Брешь осевого разреза с внутренней стороны перекрывалась железными лопастями пластин с правой полы доспеха (ил. 3).

ряд пластин с латунными А-образными накладками, а последним — верхний ряд с посеребренными А-образными накладками). При этом на нагрудной части и набедренниках набор пластин проводился от центра к краям (то есть последними приклепывались пластины, расположенные вдоль осевого и крестцового разреза), а на наспинной части кюяка, наоборот, от краев к центру (последними крепились «хребтовые» пластины). Особое внимание уделялось симметричному расположению А-образных накладок на лицевой стороне кюяка. Это требовало определенной сноровки

Для повышения эластичности куяка некоторые его части не имели подбоя из металлических пластин. Так, не покрыты пластинами швы, проходящие по стыку нагрудной и наспинной части подола, плечевые ляжки, а также подмышечная часть, расположенная под рукавными проймами (ил. 1.2, 2.2). В последнем случае небронированные сегменты прикрыты пластинчатыми «подмышечниками» луновидной формы, подвешенными к панцирю с помощью специальных кожаных ремешков. Подвижные шарнирные «погончики» защищали плечи воина от рубящего удара, но при этом не стесняли движений всадника. Возможно, что к «погончикам» крепились пластинчато-нашивные наплечники (ил. 3; 4) или нарукавники. В противном случае, предплечье воина могли защищать рукава поддетой под куяк кольчужной рубашки или стеганого на вате панциря.

В целом, несмотря на кажущуюся простоту покроя, панцирь из МАЭС ТГУ имеет достаточно сложную, детально продуманную конструкцию. Его элементы весьма точно выполнены и тщательно подогнаны друг к другу.

Отметим также, что рассматриваемый доспех был не только надежен, но и красиво оформлен. Декоративный эффект создавали отливавшие серебром вырезные заклепки-накладки, расположенные ровными рядами поверх ярко-желтой поверхности органического покрытия. Нижний ряд заклепок-накладок был выполнен из латуни, которая под солнечными лучами блестела и переливалась подобно золоту. В «гнезда» посеребренных плакеток «хребтовых» пластин были вставлены кабошоны красного коралла, зеленой бирюзы и синего лазурита.

Комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников позволил отнести пластинчато-нашивной доспех из собрания МАЭС ТГУ к центральноазиатскому комплексу защитного вооружения позднего Средневековья и раннего Нового времени. Куяк был изготовлен ойратскими, южносибирскими или монгольскими мастерами по заказу состоятельного центральноазиатского воина-буддиста в последней четверти XVI – середине 50-х гг. XVIII в. Нижняя граница изготовления доспеха локализуется временем появления пластин рассматриваемой конструкции и системы оформления, а также началом широкого распространения буддизма среди монгольской знати. В том случае, если заказчиком куяка выступил ойратский феодал (что представляется наиболее вероятным), то нижней временной

границей производства доспеха следует признать 10-е гг. XVII в. Позднейшей возможной датой изготовления панциря является первая половина — середина 50-х г. XVIII в. Именно в этот период Джунгария подверглась масштабному разгрому со стороны цинских, кокандских и казахских войск, при этом основные оружейные производственные центры «Последней Кочевой империи» были разрушены.

Наличие характерных повреждений, следов ремонта, а также пятна крови на поверхности органического покрытия позволяют предположить, что панцирь эксплуатировался на протяжении продолжительного времени и применялся в ходе боевых действий.

Учитывая тот факт, что доспех из МАЭС ТГУ является непосредственным результатом развития и прямым «наследником» пластинчато-нашивных панцирей Центральной Азии и Южной Сибири предшествующих исторических периодов, он может использоваться в качестве эталона при реконструкции азиатских куяков XIII—XVIII вв., не сохранивших органическую основу. Так, в частности, он позволяет с высокой степенью достоверности определить местоположение различных типов пластин в составе панциря, а в некоторых случаях и восстановить возможный покррой доспеха.

---

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

² Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 552—604; Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 152—206.

³ Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Salnikov A. V. Oirat Helmet of the XVII — mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum [Ойратский шлем XVII — середины XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея] // Былые годы. 2018. Т. 48. № 2. С. 443—455.

⁴ Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии. Томск: Том. гос. ун-т, 2010. Т. III. Вып. 1. С. 7—64.

⁵ Для обозначения доспехов рассматриваемой конструкции в западной англоязычной научной литературе обычно используется термин *brigandine*,

а в отечественной — «куяк». Отличительной особенностью эталонных образцов подобных доспехов является конструкция защитного покрытия, при которой панцирные пластины крепятся к плотной органической (как правило, многослойной) основе с внутренней стороны. В русском языке XVII — первой половины XVIII в. термин «куяк» имел два основных значения. В широком смысле под ним понимали любой пластинчатый панцирь (за исключением кольчато-пластинчатых, а также зеркальных доспехов, составленных из больших округлых, трапециевидных и вырезных пластин, соединенных кожаными ремнями). В узком смысле под куюком понимали пластинчато-нашивной доспех с внутренним бронированием, то есть аналог европейской *бригандины*. В настоящей работе термины пластинчато-нашивной (пластинчато-клепаный) доспех/панцирь и «куяк» используются как синонимы.

⁶ Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.

⁷ Там же С. 126, 127.

⁸ По мнению доктора технических наук В. А. Голованевского, высокое содержание кислорода в сплаве железа обусловлено: «...либо нахождением его в составе оксидов железа (т. е. ржавчины), либо недостаточной степенью раскисленности стали в процессе ее выплавки». См. Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. С. 133–144.

⁹ Там же. С. 60, 63, 132.

¹⁰ Работы по изготовлению предметной научно-исторической реконструкции были выполнены в лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского Государственного университета в 2019–2020 гг. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер Ю. А. Филиппович. При выполнении реконструкции были соблюдены основные параметры доспеха (размеры, вес и т. д.), а также использованы аутентичные материалы (низкоуглеродистая сталь, кожа, медный сплав, кораллы, бирюза, лазурит и др.). Подробнее см.: Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. С. 161–171.

¹¹ Там же. С. 171, рис. 76, 3, 4.

А. В. Вахтеров (Москва)

ВОДОЛАЗНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК СОВЕТСКОЙ АРМИИ

В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ведения боевых действий роль водолазных подразделений в инженерных войсках значительно возросла. Необходимость в применении водолазов обусловлена инженерным обеспечением форсирования водных преград, выполнением различных инженерных задач и подводных работ¹.

Штатная принадлежность водолазных подразделений

Для выполнения всего комплекса инженерных задач под водой в штат инженерных частей введены соответствующие водолазные подразделения. Основной задачей этих частей являлась организация и содержание переправ при форсировании водных преград: понтонных (ПонП), понтонно-мостовых полков (ПонмП), отдельных переправочно-десантных батальонов (ПДесБ), а также в отдельные инженерно-саперные батальоны (ОИСБ) дивизий. В составе отдельных ПонП, ПонмП и ПДесБ (далее — спецчасти. — *А. В.*) предусматривалось отделение водолазной станции (далее — ОВС. — *А. В.*) под командованием водолазного специалиста в звании прапорщика.

В состав переправочно-десантных рот (ПДеср) ОИСБ дивизий входил разведывательно-водолазный взвод (РВВ) в составе двух отделений инженерной разведки и отделения водолазной станции. Отделениями водолажных станций дивизионных ОИСБ командовали военнослужащие срочной службы из числа сержантов, прапорщик (он же инструктор-водолаз. — *А. В.*) входил в состав отделения.

Выполняемые инженерные задачи

Водолазные станции спецчастей применялись в составе своих частей комплексно для выполнения следующих задач: проведения разведки водных преград в целях оборудования на них десантных, мостовых и паромных переправ; обследования и ремонта гидротехнических сооружений под водой; водолазных работ при строительстве и восстановлении мостов; работ по установке подводных заграждений и поиску мин, бомб, снарядов и других видов боеприпасов; поиска, подъёма и эвакуации затонувшей техники; спасательных работ; подводных взрывных работ².

Отделения водолазной станции дивизий ОИСБ выполняли такие же задачи, при этом часто привлекались для выполнения инженерных задач и подводных работ отдельными расчётами. Дополнительно к перечисленным задачам, в обязанности водолазных подразделений ОИСБ входила инженерная разведка переправы танков под водой и по глубоким бродам в тылу противника (ил. 1)³ и их обеспечение; водолазные работы в тылу противника (разведка переправ на водных преградах, захват и разрушение объектов на водных преградах или вблизи от них)⁴.

Ил. 1. Разведка переправы танков по дну в тылу противника с надувной лодки НЛ-5

Особенности условий выполнения задач определили и разницу в их штате.

Состав водолазных подразделений

В состав водолазных подразделений входил ряд специалистов (табл. 1).

Табл. 1

Штат водолазных подразделений

Должность	РВВ, ОИСБ	ОВС, ПонП (ПонМП), ПДесБ	Прим.
Начальник станции		1 (прапор- щик)	Он же — инструк- тор-водо- лаз
Командир отделения — начальник водолазной станции	1 (мл. сержант, сержант)	—	
Инструктор-водолаз	1 (прапор- щик)		См. выше
Старший водолаз	1 (ефрейтор)	1 (ефрейтор)	
Старший механик- водитель плавающего транспортера среднего (далее — ПТС)	1 (ефрейтор)	—	
Водолазы	3 (рядовых)	3 (рядовых)	
Механик-водитель ПТС	1 (рядовой)	—	
Водитель передвижной- рекопресссионной станции (далее — ПРС-В или ПРС-ВМ)	1 (рядовой)	1 (рядовой)	
Водитель (комплект «Выход»)	1 (рядовой)	—	
Итого	10	6	
Из них водолазов	6	5	

Ил. 2. Удостоверение офицера-водолаза № 6, выданное Тюменским инженерным военно-инженерным училищем им. Маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

Дополнительно в РВВ в двух отделениях инженерной разведки было по одному разведчику-водолазу, командир взвода также имел водолазную квалификацию (ил. 2).

Таким образом, в разведывательно-водолажном взводе ОИСБ дивизии было не менее 9 водолазов, что позволяло (при наличии снаряжения) одновременно выставить 4 расчёта (спускающийся водолаз и обеспечивающий водолаз) или 9 водолазов в одиночном режиме.

На практике, командиры РВВ, при наличии необходимых специалистов, старались заместить водолазами командиров отделений разведки, что позволяло увеличить число расчётов до 5, в одиночном режиме — до 11.

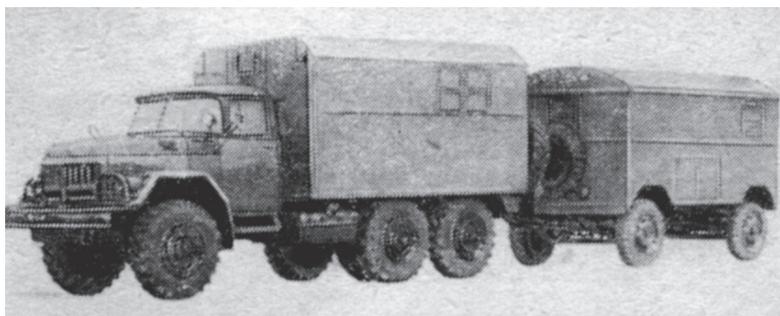
Водолазные станции спецчастей, соответственно, могли выставить 2 расчёта или 5 водолазов в одиночном режиме.

Техника, оборудование и снаряжение водолазных подразделений

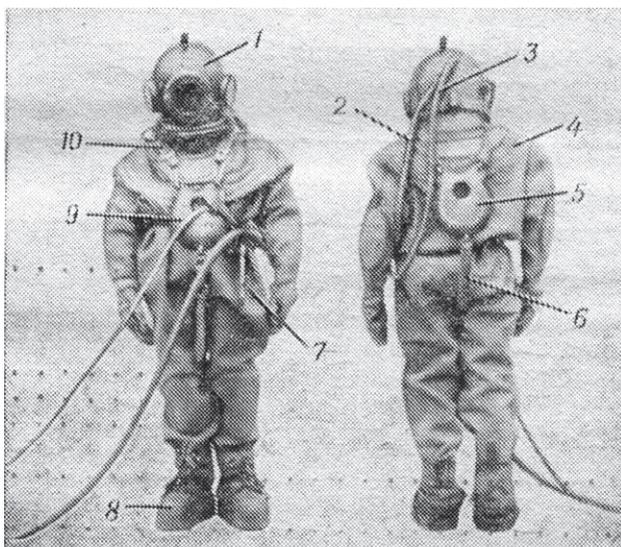
Различие выполняемых инженерных задач определяло и разницу в используемой технике, снаряжении и оборудовании (табл. 2).

Ил. 3. Отделение инженерной разведки с ИРМ и НЛ-5

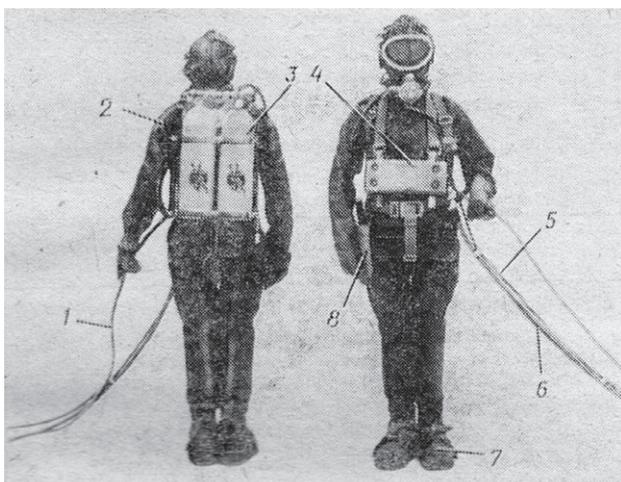

Ил. 4. Передвижная рекомпрессионная станция ПРС-В

1 — шлем с машинкой; 2 — водолазный шланг; 3 — кабель-сигнал (сигнальный конец); 4 — рубашка; 5 — задний груз; 6 — нижний брас; 7 — водолазный шланг; 8 — галоши; 9 — передний груз; 10 — верхний брас

Ил. 5. Снаряжение УВС-50

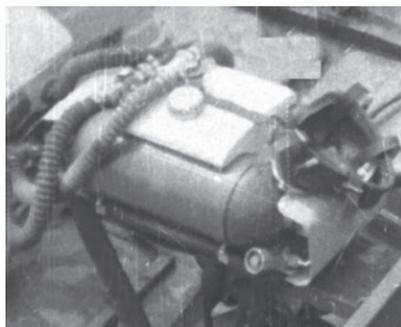
1 — сигнальный конец; 2 — гидрокombинезон УГК-2; 3 — аппарат АВМ-5; 4 — нагрудный груз; 5 — телефонный кабель; 6 — шланг ВШ-2; 7 — боты водолазные; 8 — нож водолазный

Ил. 6. Снаряжение СВУ-3

Перечень техники, оборудования и снаряжения

Наименование техники, снаряжения и оборудования	РВВ, ОИСБ	ОВС спец-частей	Прим.
Инженерный подводный разведчик (далее — ИПР) или инженерная разведывательная машина (далее — ИРМ) (ил. 3)	2	—	
Мотоциклы	2	—	
ПТС-М или ПТС-2	1	—	
ПРСВ-М в комплекте (ил. 4)	1	1	
Усовершенствованное трехболтовое вентилируемое водолазное снаряжение — УВС-50 (ил. 5) в комплекте (табл. 5.1)	1	1	
Снаряжение водолазное универсальное — СВУ-2 или СВУ-3 (ил. 6) в комплекте (табл. 6.1)	2	2	СВУ-2 комплектовалось аппаратом воздушным АВМ-3 (ил. 7), СВУ-3 — АВМ-5 (ил. 6)
Ремонтно-контрольная установка РКУ-2 (для АВМ-5)	1	1	

Существует разница и в дополнительном оборудовании, и в снаряжении. Для выполнения инженерно-разведывательных задач в тылу противника отделения инженерной разведки РВВ дивизионных батальонов оснащались водолажным снаряжением с замкнутым регенеративным циклом системы «аппарат — легкие»⁵,

Ил. 7. Аппарат воздушный АВМ-3

обеспечивающим длительное (1–2 часа) скрытное нахождение водолаза под водой.

Табл. 3

Перечень дополнительного оборудования и снаряжения

Наименование техники, снаряжения и оборудования	РВВ, ОИСБ	ОВС спецчастей	Прим.
Снаряжение легководолазное инженерное — СЛВИ-64 или СЛВИ-71 (ил. 8) в комплекте (табл. 8.1)	3	—	СЛВИ-64 комплектовалось изолирующим дыхательным аппаратом ИДА-64А (ил. 9), СЛВИ-71 — ИДА-71У (ил. 10)
Водолазная трехцилиндровая помпа	1	1	
Кислородный компрессор КН-4	1	—	
Станция водолазная телефонная унифицированная ВТУС-70-1/3	1	1	
Легководолазная телефонная станция ЛВТС-3	1	—	
Проверочно-контрольная установка ПКУ-1 (для ИДА-71У)	1	—	

Таким образом, в РВВ ОИСБ было 6 комплектов водолазного снаряжения различных типов, в ОВС спецчастей — 3.

Различие было в оснащении дополнительным оборудованием и средствами.

На вооружении в ОИСБ инженерных разведывательных машин (ИРМ и ИПР), с установленными на них средствами разведки: эхолота, пенетрометра, дальномерных приборов, приборов для измерения скорости течения и др.

При отсутствии в штате ИРМ и ИПР водолазные подразделения спецчастей и дивизионных инженерно-саперных батальонов обеспечивались носимыми комплектами (табл. 2.2).

Табл. 4

Перечень инженерной разведки водных преград

Наименование техники, снаряжения и оборудования	РВВ, ОИСБ	ОВС спец-частей	Прим.
Средства инженерной разведки			
Наручный компас магнитный КНМ (ил. 6)	1 на 1 комплект СЛВИ-71	1 на 3 комплекта снаряжения	В комплекте ПРС-ВМ
Наручные часы НВЧ-30 или «Восток-амфибия»			
Наручный водолазный глубиномер Г-5			
Водолазный кренометр-угломер	1	1	
Подводный водолазный планшет	1	1	
Водолазная линейка	1	1	
Инженерный разведывательный эхолот	1 – при отсутствии ИРМ/ИПР	1	
Гидроспидометр		1	
Водолазный динамический плотномер		1	
Ручной пенетрометр РП		1	
Миноискатель индукционный водолазный МИВ	4	2	

Наиболее простым в использовании и надёжным в эксплуатации является усовершенствованное трехболтовое вентилируемое водолазное снаряжение – УВС-50 (табл. 5.1). Оно представляет собой усовершенствованную версию самых ранних типов водолазного снаряжения, изобретённого человечеством для работы под водой.

Табл. 5.1

Комплектность снаряжения УВС-50

Наименование частей снаряжения	Ед. изм.	Количество
Шлем водолазный УВС-50 (УВС-50М)	шт.	1

Наименование частей снаряжения	Ед. изм.	Количество
Рубаха водолазная ВР-3 (ВРЭ-3)	шт.	3
Грузы водолазные свинцовые (чугунные)	пар.	1
Галоши водолазные	пар.	2
Нож водолазный с ремнем	шт.	1
Белье водолазное	компл.	3
Шланги водолазные:	М	
Спиральные		20
Безспиральные		60

Ил.10. Разведчик-водолаз в СЛВИ-71

Наименование частей снаряжения	Ед. изм.	Количество
Сигнальный конец (кабель-сигнал)	шт.	1
Комплект инструмента	компл.	1
Сундук водолазный	шт.	1

Использование УВС-50 очень простое. Водолаз облачается в водолазную рубашку, горловина которой закрепляется манишкой, одетой на плечи водолаза поверх рубахи. Термин «трехболтовое» указывает на способ крепления водолазного шлема к манишке — тремя болтами.

Обеспечение водолаза воздухом осуществляется с поверхности от различного специального оборудования (табл. 5.2). Воздух поступает по шлангам, прикрепленным к шлему. По мере необходимости водолаз осуществляет принудительную вентиляцию воздуха, надавливая наклоном головы на клапан, установленный внутри водолазного шлема, — отсюда термин «вентилируемой».

Глубина работы водолаза в УВС-50 в зависимости от используемого оборудования — до 60 м (табл. 5.2), на практике — 20—40 м. Время работы под водой ограничивается выносливостью водолаза и внешними условиями (волнением моря, температурой воды).

Несмотря на свой архаичный вид, УВС-50 просто в обращении, эксплуатация менее затратна, по сравнению с другими типами снаряжений. Это водолазное снаряжение иногда незаметно при выполнении инженерно-технических работ под водой:

- водолазных работ при строительстве и восстановлении мостов;
- работ по установке подводных заграждений и поиску мин, бомб, снарядов и других видов боеприпасов;
- поиску, подъёму и эвакуации затонувшей техники.

УВС-50 входит в комплект ПРС-В или ПРС-ВМ.

Табл. 5.2

Техническая характеристика снаряжения УВС-50

Наименование частей снаряжения	Ед. изм.	Величина
Масса снаряжения, надеваемого на водолаза	кг	80
Рабочая глубина спуска при подаче воздуха:	м	
ручной трехцилиндровой водолазной помпой		15

Наименование частей снаряжения	Ед. изм.	Величина
трехцилиндровой помпой с электроприводом		20
от ПРС-В (ПРС-ВМ)		40
стационарным компрессором		60
от корабельной магистрали		12
Газовый объем скафандра при нулевой плавучести	л	40
Отрицательная плавучесть водолаза при полном обжатию скафандра	кгс	40–50
Положительная плавучесть водолаза при полном раздутии скафандра	кгс	15–20
Водоизмещение водолаза в снаряжении при нулевой плавучести (при массе тела 80 кг)	л	150–160
Расход воздуха на вентиляцию (на каждую атмосферу давления)	л/мин.	80–100
Продолжительность выполнения работ в снаряжении УВС-50 зависит от глубины спуска и определяется табл. 3 приложений к Правилам водолазной службы ПВС-75, часть первая, и табл. 8 приложения 10.9.		

Снаряжение водолазное универсальное — СВУ-2 и СВУ-3 (ил. 6), отличается применяемыми аппаратами воздушными (АВМ). В комплект СВУ-2 входил АВМ-3 (ил. 7); в комплекте СВУ-3 — аппарат АВМ-5 (ил. 6). В остальном оба типа СВУ имеют одинаковую комплектность (табл. 6.1). Как и УВС-50, СВУ (с двумя АВМ) входило в комплект ПРС-В или ПРС-ВМ.

Табл. 6.1

Комплектность снаряжения СВУ-3

Наименование частей снаряжения	Ед. изм.	Количество
Аппарат воздушно-дыхательный АВМ-5	компл.	2
Шланг водолазный ВШ-2	шт.	2
Груз нагрудный	шт.	1
Галоши водолазные	пар	1
Нож водолазный	шт.	2

Наименование частей снаряжения	Ед. изм.	Количество
Белье водолазное	компл.	2
Галоши водолазные	пар	1
Гидрокомбинезон УГК-2	компл.	2
Защитное приспособление для сварки под водой	шт.	1
Станция водолазная телефонная унифицированная ВТУС-70-1/3	компл.	1
Кабель телефон. КВТ или НРШМ	м	60
Сигнальный конец	шт.	1

Использование СВУ во многом аналогично УВС-50 с небольшими особенностями. Подача воздуха водолазу от устройств на поверхности осуществляется посредством АВМ (табл. 6.2). Водолазные шланги крепятся к АВМ. Наличие АВМ позволяло водолазу при возникновении аварийной ситуации, связанной с прекращением подачи воздуха, самостоятельно выйти на поверхность. Разница АВМ-3 и АВМ-5 заключалась в технических характеристиках. У АВМ-5 (ил. 6) больший объем воздушной смеси — 40 л, что позволяло использовать аппарат в автономном режиме на глубину до 60 м (табл. 6.2), на практике — до 40. У АВМ-3 (ил. 7) объем 30 л, максимальная глубина спуска — 20 м.

Аппараты имеют ряд конструктивных особенностей: АВМ-3 — более компактный, а АВМ-5 можно использовать в однобаллонном варианте. При работе в шланговом варианте в АВМ-3 сохраняется полная заправка баллонов, у АВМ-5 — только аварийный запас для выхода на поверхность. На практике это означает, что у водолаза с АВМ-3 при прекращении подачи воздуха с поверхности, при условии полной заправки баллонов, есть 20–30 минут для подъема наверх, с глубины 20 м; с АВМ-5 — не более 7 минут для подъема с глубины свыше 40 м.

Следует пояснить, что при автономном режиме заправка АВМ-3 позволяет произвести спуск на глубину до 20 м, выполнить в течение 3 минут работу и выйти наверх. АВМ-5 при максимальной заправке баллонов позволяет произвести спуск на глубину до 60 м, на практике — не более 40, выполнить в течение 3 минут работу и выйти наверх.

Техническая характеристика снаряжения СВУ-3

Наименование частей снаряжения	Ед. изм.	Величина
Масса:	кг	
комплекта СВУ-3		170
аппарата АВМ-5		56
нагрудного груза		15
поясного груза		8
одной пары водолазных бот		6
одной пары водолазных галош		10
гидрокомбинезона УГК-2		7
Максимальная глубина спуска:	м	
при автономном обеспечении дыхания		не более 60 (для АВМ-3 — не более 20)
при подаче воздуха с поверхности при давлении:		
10-25 кгс/см ²		не более 20 (для АВМ-3 — не более 10)
20-25 кгс/см ²		не более 40 (для АВМ-3 — не более 20)
Продолжительность выполнения работ в снаряжении СВУ-3 при автономном спуске зависит от глубины спуска и определяется в каждом конкретном случае расчётом или табл. 3.9.		
Продолжительность выполнения работ в снаряжении СВУ-3 зависит от глубины спуска и определяется табл. 3 приложения к Правилам водолазной службы ПВС-75, часть первая, и табл. 10.8 приложения 10.9.		

Снаряжение легководолазное инженерное (СЛВИ) не входит в комплект ПРС-В или ПРС-ВМ, поставляется отдельно в подразделения инженерной разведки для выполнения инженерных задач под водой в скрытом режиме:

– инженерной разведки переправы танков под водой и по глубоким бродам в тылу противника (ил. 1) и их обеспечения;

– водолазных работ в тылу противника (разведка переправ на водных преградах, захват и разрушение объектов на водных преградах или вблизи от них).

СЛВИ имеет 2 модификации: СЛВИ-64 в комплекте с изолирующим дыхательным аппаратом ИДА-64А (ил. 9); СЛВИ-71 с ИДА-71У (ил. 10).

Комплектность обеих модификаций одинаковая (табл. 7.1), различаются типами ИДА.

Табл. 7.1

Комплектность снаряжения СЛВИ-71

Наименование частей снаряжения	Ед. изм.	Количество
Изолирующий дыхательный аппарат ИДА-71У	компл.	1
Гидрокомбинезон УГК-2	компл.	1
Сигнальный конец	шт.	1

Принцип работы ИДА строится на замкнутом цикле циркуляции дыхательной смеси, что позволяет обеспечить длительное и скрытое нахождение водолаза под водой. Разница в технических характеристиках (табл. 7.2) и конструкции аппаратов. ИДА-64А обеспечивает работу водолаза на максимальной глубине 20 м. Использование в ИДА-71У азотно-кислородной смеси увеличивает глубину до 40 м. Конструкция ИДА-71У предусматривает зарядку регенеративными кассетами. Зарядка регенеративных патронов небезопасна для глаз и органов дыхания, проводится с использованием средств защиты и занимает много времени. Использование кассет безопасно и существенно сокращает время для подготовки аппарата к использованию.

Табл. 7.2

Назначение и комплектность ИДА-71У

Наименование частей снаряжения	Ед. изм.	Величина
Масса:	кг	
аппарата ИДА-71У с неснаряжёнными регенеративными патронами		15
вещества в 1-м патроне		1,8

Наименование частей снаряжения	Ед. изм.	Величина
нагрудного груза		16
поясного груза		8
одной пары водолазных бот		6
одной пары водолазных галош		10
гидрокомбинезона УГК-2		7
Максимальная глубина спуска при дыхании водолаза:	м	
чистым кислородом		20 (для ИДА-64А – 20)
азотно-кислородной смесью		40
Время работы аппарата на глубине спуска:	час	
на чистом кислороде – 20 м		4 (для ИДА-64А – 4)
на азотно-кислородной смеси:		
20–30 м		2
30–40 м		1
Время пребывания водолаза под водой при дыхании чистым кислородом на глубине до 20 м определяется расчётом.		
Время пребывания водолаза под водой при дыхании азотно-кислородной смесью на глубине:	мин.	
20–30 м		90
30–40 м		30

Важным элементом обеспечения работы водолазных подразделений является передвижная рекомпрессионная станция водолазная ПРС-В (ПРС-ВМ).

ПРС-В (ПРС-ВМ) предназначена для проведения лечебной рекомпрессии водолазов в целях лечения баротравмы легких, декомпрессионной болезни и лечения отравления выхлопными газами; обеспечения воздухом водолазов, работающих под водой в снаряжении типа СВУ и УВС-50 на глубинах до 40 м. А также

для наполнения сжатым воздухом баллонов водолазных дыхательных аппаратов (типа СВУ) до 150 кгс/см²; наполнения сжатым воздухом транспортных баллонов до 150 кгс/см²; проведения тренировочных спусков водолазного и медицинского состава в камере в целях подготовки его к воздействию повышенного давления до 10 кгс/см²; проведения декомпрессии водолазов на поверхности.

Оборудование станции смонтировано на базе автомобиля ЗИЛ-131 повышенной проходимости с прицепом 2-ПН-4 (ил. 4) и включает рекомпрессионную камеру РКМ-АУ; электромеханическую установку; систему воздуха высокого и среднего давления; электрическую систему; водолазное снаряжение — УВС-50 и СВУ (табл. 2).

В кузове автомобиля размещена электромеханическая установка, включающая два компрессора К2-150, а также электрогенератор, две эластичные муфты и редуктор; две группы 40-литровых баллонов-воздухохранителей (по 4 шт.); система очистки воздуха высокого давления; система подачи воздуха для зарядки баллонов, АВМ и для водолазов, работающих под водой; стол-верстак с водолажным снаряжением; корзина с водолажным шлангом.

В кузове прицепа находится рекомпрессионная камера типа РКМ-АУ; группа 40-литровых баллонов-воздухохранителей (4 шт.); холодильная установка ВС-0,7-3; резервная аккумуляторная батарея; установка регенерации воздуха РДУ с комплектом кассет; три спальных места; стол-конторка для хранения кассет и РДУ; водолазный и аптечный шкафчики, медицинские носилки.

ПРС-ВМ имеет ряд отличий, например, в комплект станции входит оборудование, позволяющее производить сварку и резку под водой; установлена коробка отбора мощности и промежуточный карданный вал для улучшения работы компрессоров; улучшена система очистки воздуха; электрооборудование станции включает высоковольтную и низковольтную сети⁶.

Для обслуживания станции достаточно трех человек: водителя и двух водолазов. Станция обеспечивала работу трех водолазных расчётов — одного — в УВС-50; двух — в СВУ-3 или СВУ-2. Несмотря на свою малочисленность, водолазные подразделения инженерных войск имели хорошее оснащение для выполнения инженерных задач под водой.

¹ Подготовка водолазов инженерных войск: учеб. пособие. М.: МО СССР, 1980. С. 3.

² Там же С. 282–345.

³ В статье использованы иллюстрации 4, 5, 8. Подготовка водолазов инженерных войск: учеб. пособие. М.: МО СССР, 1980; ил. 1, 2, 3, 7, 9, 10 — из личного архива автора.

⁴ Подготовка водолазов инженерных войск ... С. 328–333.

⁵ Там же. С. 69–70.

⁶ Там же. С. 141–144, 148–149.

А. В. Вахтеров (Москва)

О ЧЕМ МОЖЕТ РАССКАЗАТЬ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ НИЖНИХ ЧИНОВ СИБИРСКИХ СТРЕЛКОВЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ БРИГАД

С ЛОВО «БЕБУТ» появилось в армейском лексиконе во время боевых действий на Кавказе, походов в Среднюю Азию и российского протектората над северными территориями Ирана. Термин «бебут» имеет тюркское происхождение (перс. Behbūd, из тюрк. bekbut: bek — согнутое, but — бедро).

Вместе с камой, — это один из основных типов кавказских кинжалов. Представители казачьих и иных иррегулярных войск — главной военной силы России в южных рубежах, довольно быстро переняли опыт использования местных образцов холодного оружия и популяризировали форму кривого кинжала.

Основной причиной замены артиллерийских шашек на кривые кинжалы стало появление скорострельной артиллерии, обслуживание которой требовало быстрых действий от расчётов. Наличие у номеров расчётов орудий длинных шашек сильно снижало быстроту действий. Однако лишать нижние чины холодного оружия на случай рукопашных схваток с противником не хотелось.

Обсуждение замены образцов холодного оружия у нижних чинов артиллерии началось в 1902 году. Комиссия Главного артиллерийского управления вынесла единодушное заключение о неудовлетворительности артиллерийской шашки. На замену последней предлагали: кривой кинжал, укороченный тесак с пилой на обухе или топор.

Появление бебута (или, «кривого кинжала», как он назывался в официальных документах) на вооружении русской армии утверждено приказом по Военному ведомству от 23.05.2007 г. № 287.

Кинжал кривой солдатский образца 1907 года поступил на вооружение «всех нижних чинов Корпуса Жандармов»¹. С 1908 г. — на вооружение пулемётных команд²; с 1909 г. — всех нижних чинов артиллерийских войск, кроме конной и конно-горной артиллерии, фельдфебелей и фейерверкеров в полевой пешей, горной и парковой артиллерии и трубачей в управлениях пешей артиллерии³.

В пешем строю кинжал носился на поясе слева у портупейной пряжки, а в конном — сдвигался на левый бок. Кинжал кривой солдатский (кинжал-бебут) образца 1907 года имел следующие характеристики: клинок стальной, незначительной кривизны, с двумя узкими долами, двулезвийный.

Ножны деревянные, обтянутые кожей. Металлический прибор состоит из устья, расположенной под ним скобы с кольцом для ремешка, на котором кинжал подвешивался к поясному ремню, и наконечника, заканчивающегося шариком. Первые партии кинжалов имели металлический прибор на ножнах рукояти из белого металла, затем он был заменен желтым медным прибором.

Длина общая — до 600 мм, длина клинка — около 440 мм, ширина клинка — 35 мм, масса — до 750 г. Эфес состоял из фигурной рукояти, узкой в средней части. Монтаж рукояти накладной — деревянные щёчки, окрашенные в чёрный цвет. В верхней части рукояти имеется выпуклая металлическая пуговка. В нижней части — фигурная металлическая втулка⁴.

Войсковые клейма на кинжалах первоначально ставились на пята клинка. С 1912 г. изготавливалась латунная втулка, крепившаяся на нижней части рукояти, на которой разрешалось ставить клеймо⁵.

Исследуемый в статье образец (ил. 1) — кинжал-бебут уставной образца 1907 года, имеет следующие характеристики: сталь, латунь,ковка,литье,слесарно-токарные работы. Клинок двулезвийный незначительной кривизны с двумя узкими долами, деревянные накладки рукояти отсутствуют, оружие покрыто остатками патины и кавернами, носит следы грубой механической чистки. Сохранились латунные пуговики-штифты (ил. 2) и латунная втулка с клеймом (ил. 3). Общая длина — 600 мм, ширина клинка — 35 мм, длина клинка — 440 мм. В пяточной части хвостовика с обеих сторон присутствует затертое Г-образное клеймо приемки (ил. 4, 5), похожее на часть буквы П — проверочное клеймо «Пробован», которое ставилось после испытаний

Ил. 1. Общий вид кривого кинжала солдатского

Ил. 2. Латунные пугови-
штыфы крепления для
монтажа набора рукояти

Ил. 3. Латунная втулка с клеймом

Ил. 4, 5. Г-образное клеймо приемки

Ил. 6. Арсенальные (?) клейма

Ил. 7. Дата на клинке

клинкового оружия (применялось до 1905 г.)⁶.

В первой четверти клинка, в 15 мм от рукоятки два арсенальных (?) клейма (ил. 6): буква А (ставилось после приёмки клинка) и буква А с короной (приёмка всего изделия). На оборотной стороне клинка остаток клейма производителя (Златоуст?) (ил. 7). Клеймо в виде двуглавого орла и круговой надписи: ЗЛАТОУСТЪ ОРУЖ ФАБР⁷, в настоящий момент читаются буквы А, Т, О. Дата на клинке: 1913 (ил. 7). На латунной втулке присутствует войсковое клеймо (ил. 3): вверху число 36 с точкой, внизу — 7.Г.Б.З.С.С.А.Б. Возможное прочтение клейма: 7-ая Горная Батарея 3-я Сибирская Стрелковая Артиллерийская Бригада⁸. Цифра 36., возможно, — номер по штатно-должностному списку.

В каталогах, имеющихся в открытом доступе, подобного войскового клейма обнаружить не удалось. Возможно, — это ранее не известное войсковое клеймо. Первый во-

прос при исследовании клейма: может ли цифра 36. означать номер по штатно-должностному списку?

По штату военного времени в горной батарее числились⁹: 1 батареинный фельдфебель; 8 орудийных фейерверкеров; 48 человек прислуги к 8 орудиям; 24 человека ездовых к 8 орудиям; 8 вожатых в звании фейерверкеров к зарядным ящикам; 24 человека прислуги к зарядным ящикам; 36 человек ездовых к зарядным ящикам.

Кроме того, в штат батареи также входили 3 каптенармуса, 2—3 трубача, обозный фейерверкер, отделения разведчиков, наблюдателей и телефонистов, берейторы (из вольноопределяющихся), а также нестроевые нижние чины для выполнения разного рода хозяйственных работ, денщики и обозные.

Исключая каптенармусов, трубачей, обозных и т. д., указанных в предыдущем абзаце, в штате батареи числилось около 148 нижних чинов, которым полагался кинжал. Цифра 36., с большой долей вероятности, — номер по штатно-должностному списку батареи.

Вопрос второй: значение аббревиатуры З.С.С.А.Б.? Для его рассмотрения пришлось обратиться к истории 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады (З ССАБ). С 28.04.1895 г. — это отдельный Забайкальский артиллерийский дивизион¹⁰; с 27.03.1898 г. — Восточно-Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион¹¹; с 14.03.1904 г. — 3-я Восточно-Сибирская стрелковая артиллерийская бригада¹²; с 01.09.1910 г. — 3-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада¹³. Согласно дате на клинке, кинжал изготовлен в 1913 году. В данный период в Русской армии числилась 3-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада.

Вопрос третий: значение аббревиатуры 7.Г.Б.? С третьим вопросом возникли сложности. 7-я горная батарея дважды входила в состав З ССАБ.

Впервые 7-я горная батарея прикомандирована 30.01.1904 г. — к Восточно-Сибирскому стрелковому артиллерийскому дивизиону из состава 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады¹⁴.

История батареи следующая. 24.04.1880 г. при 1-й батарее Восточно-Сибирской артиллерийской бригады сформирована Горная полубатарея; 16.03.1892 г. — Горная полубатарея при 3-й батарее¹⁵, с 24.06.1896 г. — 5-я батарея (горная)¹⁶, с 25.08.1901 г. — 7 горная батарея¹⁷. С 15.02.1904 г. — 1-я Восточно-Сибирская горная батарея¹⁸. С 22.02.1907 г. — батарея в составе 1-го Восточно-Сибирского горного дивизиона¹⁹, с 1.09.1910 — 1-й Сибирский горный артиллерийский дивизион, направленный как 3-й горный в состав 1-ой ССАБ²⁰.

Второй раз 7-я горная батарея появляется в составе 3-ей ССАБ 5.09.1910 г. при переформировании из 3-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. В состав формируемой

3-й ССАБ поступает 3-й горный дивизион, батареи которого получают номера 7 и 8²¹.

История вновь созданной 7-й горной батареи началась в период с 2 июня по 3 августа 1904 г., когда в Самаре из личного состава 5 и 6 горных батарей 14 Артиллерийской бригады сформированы 5 и 6 горные батареи²². 22.07.1907 г. обе батареи поступили на укомплектование 3 Восточно-Сибирского горного артиллерийского дивизиона (3 ВСГАД)²³. 1.09.1910 г. 3 ВСГАД получил наименование 2 Сибирского горного артиллерийского дивизиона, а 5 сентября направлен в 1 ССАБ как 3-й горный артдивизион²⁴.

С большой долей вероятности можно утверждать, что номер 7 получила бывшая 5 горная батарея бывшего 2 Сибирского горного дивизиона. В составе 3 ССАБ батарея в составе 3 горного дивизиона находилась до 1915 г. В апреле 1915 г. 3 горный дивизион в полном составе выведен из 3 ССАБ и направлен на формирование 3 Сибирского горного дивизиона²⁵.

Из исторических справок следует, что 7 горная батарея 3 Сибирской стрелковой артиллерийской бригады вошла в состав бригады при её переформировании в 1910 г., вышла из состава бригады в 1915 г., соответственно, исследуемый клинок, вероятно, принадлежал нижнему чину 7 горной батареи 3 Сибирской стрелковой артиллерийской бригады.

---

¹ Приказ № 216-1908 г. // Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного Штаба за 1908 год. СПб., 1908. С 16.

² Приказ от 23.5.1907 г. № 287 // Приказы по Военному ведомству. СПб., 1907. № 1–668. С 385.

³ Приказ от 17.5.1908 г. № 187 // Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного Штаба за 1908 год. СПб., 1909 // Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов. СПб., 1994. С. 119.

⁴ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов. СПб., 1994. С. 118–119.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ См. рис. 198. Проверочное клеймо «Пробован» Златоустовской оружейной фабрики. Встречающееся на клинках, изготовленных в 1837–1905 гг. // Там же. С. 171.

⁷ См. рис. 196. Клеймо Златоустовской фабрики, встречающееся на холодном оружии, изготовленном в период с 1890-х годов до 1917 г. // Там же. С. 177.

⁸ Квадри В. В. Артиллерия. Справочная книжка императорской главной квартиры. СПб., 1909. С. 257–260 // [Электронный ресурс]. URL: <http://antologifo.narod.ru/pages/list/histore/ist3Sibabr.htm>

⁹ Памяти героев Великой войны 1914–1918 // [Электронный ресурс]. URL: <https://gwar.mil.ru/>

¹⁰ Приказ Военного Министра № 96–1895 г. // Приказы Военного Министра. СПб., 1808–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

¹¹ Приказ Военного Министра № 82–1898 г. // Приказы Военного Министра. СПб., 1808–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

¹² Приказ Военного Министра № 155–1904 г. // Приказы Военного Министра. СПб., 1808–1917 гг.; Циркуляр № 1169–1904 г. // Циркуляры Главного штаба Его Императорского Величества. СПб., 1819–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

¹³ Расписание Сухопутных войск: сборник. СПб., 1865–1914 гг. // [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

¹⁴ Приказ № 1 Маньчжурской армии // [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

¹⁵ Приказ Военного министра № 61 от 16.03.1892 г. / Военное Министерство. Приказы по Военному ведомству. СПб., 1853–1917 гг. / [Электронный ресурс]. URL: <http://antologifo.narod.ru/pages/list/histore/ist1Sibabr.htm>

¹⁶ Приказ Военного министра № 62 и Циркуляр Главного штаба № 180 / Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного Штаба за 1896 г. СПб., 1896 / [Электронный ресурс]. URL: <http://antologifo.narod.ru/pages/list/histore/ist1Sibabr.htm>

¹⁷ Закон от 10.08.1901 г. № 20603 / Полное собрание свода законов Российской империи (собрание третье). СПб., 1903. Т. 21 (1901). Ч. 1. С. 859.

¹⁸ Приказ Военного Министра № 155–1904 г. // Приказы Военного Министра. СПб., 1808–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

¹⁹ Приказ Военного Министра № 117–1907 г. // Приказы Военного Министра. СПб., 1808–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

²⁰ Циркуляр № 1–1910 г. // Циркуляры Главного штаба Его Императорского Величества. СПб., 1819–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

²¹ Циркуляр № 1–1910 г. // Циркуляры Главного штаба Его Императорского Величества. СПб., 1819–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

²² Приказ Военного Министра № 294–1904 г. // Приказы Военного Министра. СПб. 1808–1917 гг.; Циркуляр № 258–1904 г. // Циркуляры Главного штаба Его Императорского Величества. СПб., 1819–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

²³ Приказ Военного Министра № 117–1907 г. // Приказы Военного Министра. СПб., 1808–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

²⁴ Циркуляр № 1–1910 г. // Циркуляры Главного штаба Его Императорского Величества. СПб., 1819–1917 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.antologifo.narod.ru

²⁵ Приказ СЗФр от 27.4.1915 г. № 150 г. // Приказы Главнокомандующего армиями Северо-Западного Фронта за 1914–1915 гг. Волковск: 1914–1915 гг. [Электронный ресурс] URL: www.antologifo.narod.ru

А. В. Вахтеров, К. А. Воденисова (Москва)

РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ правовых механизмов защиты участников боевых действий и мирного населения в районах военных конфликтов, продемонстрированных российскими военнослужащими в Сирии, поражает не меньше, чем успехи в борьбе с международным терроризмом. Российская правовая система защиты участников боевых действий и мирного населения в районах военных конфликтов складывалась на протяжении столетий. Её окончательное становление произошло в ходе Великой Отечественной войны и последующих военных конфликтах, в которых Россия принимала участие.

Современную российскую правовую систему «правил ведения войн» можно представить тремя блоками!:

На основании указанных блоков в ходе Великой Отечественной войны сформировалась правовая конструкция, существующая с небольшими изменениями в современной отечественной юридической практике².

Формирование правовых конструкций осуществляется в следующем порядке:

1. При возникновении опасности ведения на какой-либо территории боевых действий Правительством Российской Федерации определяются границы территорий, оказавшихся в районе боевых действий, которым присваивается особый статус (далее — территория с особым статусом. — *А. В., К. В.*); вводится «особый период», в течение которого предполагается временное ограничение прав и свобод гражданского населения на территориях с особым статусом.

2. Одновременно формируется нормативная правовая база (НПБ), основу которой составляют принятые нормативные правовые акты (НПА), определяющие принципы функционирования соответствующих правовых механизмов; устанавливающие правила поведения (далее — правовая регламентация. — *А. В., К. В.*) военнослужащих воинских частей, сотрудников временных органов (далее — силовые структуры. — *А. В., К. В.*) и гражданского населения в районах ведения боевых действий и проведения контртеррористических операций (КТО).

3. С учётом требований международного законодательства вырабатываются правовые механизмы для минимизации потерь среди гражданских лиц, максимальной защиты их прав, свобод и имущества.

4. Для выполнения задач «особого периода» на территории с особым статусом создаются временные органы, наделённые особыми полномочиями. Принятие решения о создании территорий

с особым статусом происходит одновременно с формированием нормативной правовой базы.

Создание нормативной правовой базы

Нормативная правовая база «правил ведения войны» на конкретной территории имеет ряд особенностей. С конца XIX века основу «правил ведения войн» составляют положения и нормы, зафиксированные в международных договорах, декларациях и конвенциях³. Нормы международных НПА обязательны для исполнения сторонами вооружённых конфликтов. Каждый конфликт имеет свои особенности, что определяет необходимость принятия воюющими сторонами временных правовых норм и нормативных правил, определяющих правила поведения представителей воюющих сторон и местного населения на конкретной территории.

Документы из фондов Центрального архива Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО) позволяют составить следующую конструкцию механизмов правового регулирования в период боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны.

Во главе конструкции — постановления Государственного комитета обороны (ГКО)⁴, Народного комиссариата обороны (НКО) СССР⁵, издававшиеся с учётом норм международного права, регулирующих правила ведения войн в тот период. Основную роль играет ГКО — временный орган с чрезвычайными полномочиями, решения которого были обязательными для всех граждан, организаций и органов власти. Исполнение решений возлагалось на нижестоящие воинские формирования, соединения, части и учреждения. При этом фронты

(отдельные армии) определяли общие условия на соответствующем театре военных действий (ТВД), исходя из местных условий, а входящие в состав фронтов (армий) соединения и части действовали уже непосредственно из полученных директивных указаний⁶.

С выходом Красной армии на государственную границу СССР и переносом боевых действий на территории других государств, ГКО издан ряд постановлений, определивших правила поведения советских войск на территории иностранных государств, а также порядок взаимодействия с местными органами власти и населением. Постановления определяли: зоны ответственности войсковых формирований (фронтов) на территории иностранных государств; разграничение юрисдикций военных администраций и местных органов власти. Ответственность за исполнение постановлений возлагалась на Военные советы фронтов: «Координарование вопросов военно-хозяйственной деятельности советских органов...» возлагалась «... на начальника тыла Красной армии, генерала армии, т. Хрулёва»⁷.

В зависимости от политической обстановки, местных условий и наработанной практики в постановлениях, касающихся разных стран, определялись различные меры. Постановлением ГКО от 31.07.1944 г. № 6282сс (далее — Постановление ГКО № 6282–1944 г. — *А. В., К. В.*) «О задачах советских войск, в связи с вступлением на территорию Польши» (ил. 1) определялись общие принципы взаимодействия с Польским комитетом национально-го освобождения (далее — ПКНО. — *А. В., К. В.*), представлявшим местные органы власти на освобождённых территориях. Пунктом 2 постановления ГКО № 6282–1944 г. устанавливались границы территорий, попадающие под юрисдикцию ПКНО⁸.

В Постановлении ГКО от 10.4.1944 г. № 5594с (далее — Постановление ГКО № 5594–1944 г. — *А. В., К. В.*) «О задачах Красной армии в связи с вступлением на территорию Румынии» (ил. 2) порядок общения с местными органами власти и задачи военной администрации расписывались подробно⁹.

В годы Великой Отечественной войны все нормотворческие и правовые конструкции носили временный характер, за некоторым исключением. Ряд норм и положений временных НПА составили основу системы социальных мер поддержки участников военных конфликтов (компенсационные выплаты, социальные льготы и гарантии, назначение пенсий).

По мере окончания боевых действий и освобождения от противоборствующей стороны территорий, вводились временные нормы, направленные на нормализацию жизни населения (ил. 3): «1. ...немедленно широко развернуть необходимую... работу по восстановлению колхозов с тем, чтобы... весенний сев 1944 г.

№ 1962

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ № 6282сс О ЗАДАЧАХ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В СВЯЗИ С ВСТУПЛЕНИЕМ НА ТЕРРИТОРИЮ ПОЛЬШИ¹

31 июля 1944 г.

В связи с вступлением советских войск на территорию Польши Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. В соответствии с заявлением Наркоминдела СССР об отношении Советского Союза к Польше и Соглашением между Правительством Союза ССР и Польским Комитетом Национального Освобождения² об отношениях между советским Главнокомандующим и Польской Администрацией после вступления советских войск на территорию Польши в зоне военных операций на польской территории верховную ответственность за все дела, относящиеся к ведению войны, сосредоточить в руках командующих 1-м Украинским, 1-м Белорусским, 2-м Белорусским фронтами, общее руководство управлением гражданскими делами возложить на Военные советы указанных фронтов и персонально на членов Военных советов: 1-го Украинского фронта — генерал-лейтенанта Крайнюкова, 1-го Белорусского фронта — генерал-лейтенанта Телегина, 2-го Белорусского фронта — генерал-лейтенанта Субботина. Координацию вопросов военно-хозяйственной деятельности советских органов возложить на начальника Тыла Красной Армии генерала армии т. Хрулева.

2. Руководствоваться тем, что по Соглашению между Правительством СССР и Польским Комитетом Национального Освобождения государственная граница между СССР и Польской Республикой проходит по следующей линии, нанесенной на прилагаемой карте³ следующим образом: от реки Сан восточнее населенного пункта Мычковцы, далее восточнее Перемышль, западнее Рава-Русская, до реки Солокия, отсюда по реке Солокия и реке Западный Буг на Немиров-Яловка, оставляя на стороне Польши часть территории Беловежской Пуши, расположенную на восток от линии Немиров-Яловка, также остающихся на польской территории, отсюда до стыка границ Литовской ССР, Польской Республики и Восточной Пруссии, оставляя Гродно на стороне СССР.

Ил. 1. Постановление ГКО от 31.07.1944 г. № 6282сс «О задачах советских войск в связи с вступлением на территорию Польши»

провести уже колхозными хозяйствами... 3. ...наличие в большинстве районов Белоруссии рек, озёр и водоёмов... а) немедленно приступить к восстановлению и... развитию рыбного хозяйства... б) немедленно приступить к широкому развёртыванию работы по разведению водоплавающей птицы...»¹⁰. После реализации временных норм осуществлялся возврат к организации жизни гражданского населения в условиях мирной жизни. Примерно по

№ 1838

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ОБОРОНЫ № 5594с О ЗАДАЧАХ КРАСНОЙ АРМИИ
В СВЯЗИ С ВСТУПЛЕНИЕМ НА ТЕРРИТОРИЮ
РУМЫНИИ¹**

10 апреля 1944 г.

В связи с вступлением Красной Армии на территорию Румынии, Государственный Комитет Оборона постановляет:

I. В связи с вступлением Красной Армии на территорию Румынии Военному Совету 2 Украинского фронта издать к населению воззвание, в котором призвать население продолжать свой мирный труд и оказывать командованию Красной Армии содействие и помощь в поддержании порядка и обеспечении нормальной работы промышленных, торговых, коммунальных и других предприятий. В воззвании объяснить населению, что Красная Армия вошла в пределы Румынии, не преследуя целей приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего в Румынии общественного строя. Вступление советских войск на территорию Румынии вызвано исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением германских войск и воинских частей союзной с Германией Румынии. В воззвании сказать, что Красная Армия выполняет приказ Верховного Главнокомандующего — преследовать неприятельские войска до их полного поражения и капитуляции противника. Не как завоевательница, а как освободительница румынского народа от немецко-фашистского гнета вошла в Румынию Красная Армия, не имеющая других целей, кроме целей разгрома вражеских германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в поработенных ею странах.

II. При вступлении Красной Армии на территорию Румынии для обеспечения порядка в занятых Красной Армией районах руководствоваться следующим:

1. Общее руководство делом организации и контроля за осуществлением гражданского Управления на всей освобожденной советскими войс-

Ил. 2. Постановление ГКО от 10.04.1944 г. № 5594с «О задачах Красной армии в связи с вступлением на территорию Румынии»

таким же правилам осуществляется нормотворчество в районах боевых действий в современных условиях.

Военные конфликты современности часто носят характер партизанских действий одной из сторон, а мероприятия против партизан — другой. Основной проблемой подобных боевых действий является возможное вовлечение в них широких масс местного населения, которое используется одной из сторон как источник рекрутирования комбатантов, так и база снабжения необходимым продовольствием.

Контртеррористическая операция — сложный вид специальных действий, в ходе проведения которого необходимо не только уничтожить боевиков НВФ, сколько обеспечить защиту жизни гражданских лиц. Борьба правительственных силовых структур с незаконными вооружёнными формированиями (НВФ) не должна превращаться в террор по отношению ко всему населению. Применение необоснованного насилия к гражданским

№ 1718

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б) № П42/246 О БЛИЖАЙШИХ ЗАДАЧАХ СОВНАРКОМА БССР И ЦК КП(б) БЕЛОРУССИИ

1 января 1944 г.

В связи с освобождением от немецких захватчиков части территории Белорусской ССР, Совнарком Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. Считать важнейшей задачей Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии восстановление колхозов в освобожденных от немецких захватчиков районах Белорусской ССР. В этих целях обязать СНК БССР и ЦК КП(б) немедленно широко развернуть необходимую политическую, организационную и хозяйственную работу по восстановлению колхозов с тем, чтобы в течение января, февраля и марта месяцев восстановить колхозы в освобожденных районах и весенний сев 1944 г. провести уже колхозными хозяйствами.

В целях осуществления задачи по скорейшему восстановлению колхозов обязать СНК БССР и ЦК КП(б) Белоруссии провести следующие практические мероприятия:

Ил. 3. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 01.01.1944 г. № П42/246 «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии»

лицам заставляет их становиться на путь борьбы с правительственными войсками и полной поддержки НВФ.

Нормотворческое обеспечение в зонах КТО осуществляется для следующих целей: выполнения поставленных задач по наведению конституционного порядка; строгого соблюдения «правил ведения военных действий» представителями силовых структур, защита их прав; юридического закрепления и неукоснительного обеспечения практических мер по максимальному снижению гуманитарных рисков для местного населения.

В современных условиях силовым структурам ставится задача не только избежать потерь среди гражданского населения, но и максимально снизить любые гуманитарные риски для проживающих в районах боевых действий.

Основной задачей по-прежнему является минимизация потерь как среди непосредственных участников конфликтов, так и местного населения, находящегося на ТВД, но напрямую не участвующего в боевых действиях.

Правовые механизмы снижения потерь непосредственных участников боевых действий и мирного населения в современной российской юриспруденции условно можно разделить на две большие группы: меры по обеспечению максимальной защиты прав, свобод и имущества мирного (гражданского) населения; регламентацию деятельности сотрудников силовых структур.

I. Правовые механизмы обеспечения защиты мирного населения

Защита мирного населения включает создание НПБ по защите жизни, здоровья и личного имущества мирных граждан; меры по снижению потерь среди мирного населения от прямого воздействия боевых действий; превентивные мероприятия (эвакуация из районов боевых действий, предоставление гуманитарных коридоров и т. д.); оказание помощи населению по восстановлению хозяйства после боевых действий; создание системы социальных гарантий и компенсаций для пострадавших в результате локальных конфликтов.

В период войны часто применялось отселение (эвакуация) гражданского населения из прифронтовых районов.

Эвакуация населения имеет две цели: общегражданскую — защита населения от прямого воздействия средств поражения; контрдиверсионную и контрразведывательную — максимальное

снижение возможности противника по проведению разведки и диверсий в тылу своих войск.

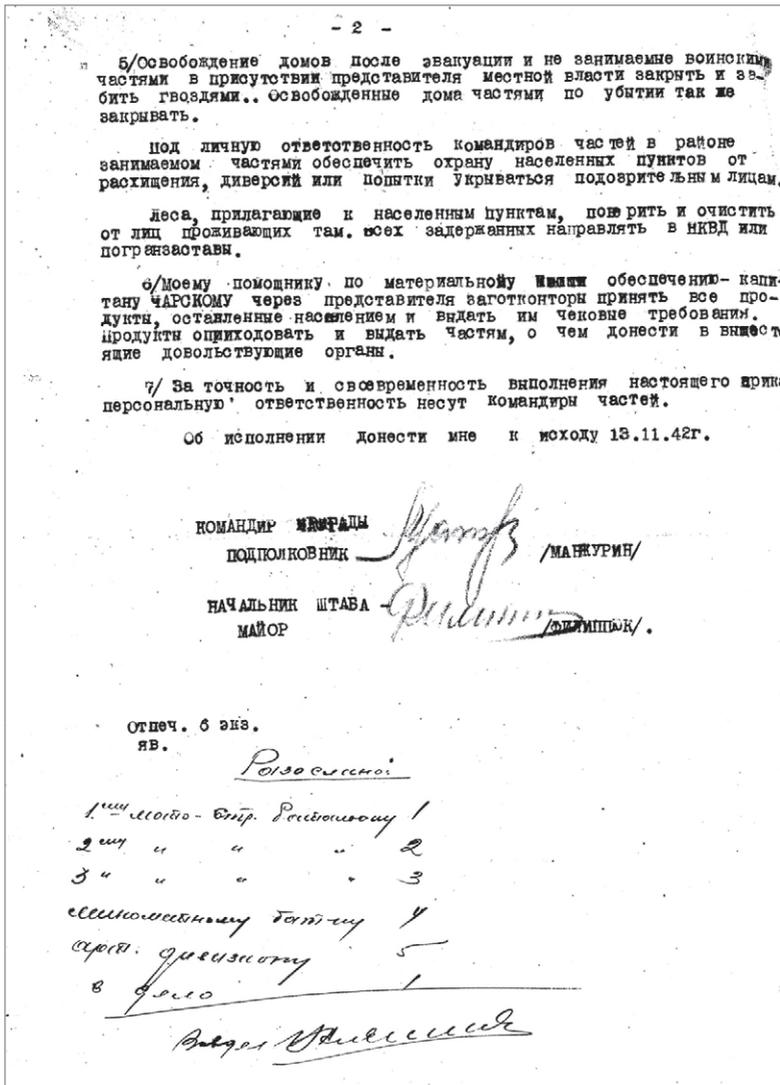
Такие мероприятия проводились по распоряжениям военной администрации, в которых среди прочего предусматривался комплекс мер по охране имущества граждан: «4. Запретить частям какое-либо изъятие у отселенных граждан продовольствия, скота и принадлежащее им имущество, и имущество колхозов. 5. Разрешить частям через местные советские, кооперативные и заготовительные организации проводить закупку на добровольных началах, оставшегося в запретной зоне продовольствия, или имущества, необходимого для частей. 6. Оказать отселяемому населению широкую помощь в перевозке имущества, используя для этого весь попутный порожняк автотранспорта... 11. Прокурору армии взять под наблюдение работу частей и соединений армии по выполнению настоящего приказа...»¹¹.

Практическое выполнение мероприятий возлагалось на нижестоящие воинские соединения и части. В приказе 46 механизированной бригады (далее — 46 МехБр. — А. В., К. В.) от 12 ноября 1942 г. об эвакуации в 24 часа населения из 25—30 км прифронтовой полосы (ил. 4 и 5) в числе прочего предусмотрены следующие меры: «При выселении граждан принять все меры, вплоть до применения силы к лицам упорно сопротивляющимся, — явно саботирующих — арестовывать и направлять органам НКВД... Население ... эвакуировать с попутно идущими машинами и повозками, независимо, какой части они принадлежат... На машину брать 3—4 семьи, разрешая груз не более 3—4 пудов на человека... У всех эвакуированных должны быть справки ... о сданном продовольствии. Освобождение домов после эвакуации и, не занимаемые воинскими частями, в присутствии представителей местной власти закрыть и забить гвоздями. Освобождённые дома частями по убытию также закрывать. Под личную ответственность командиров частей ... обеспечить охрану населённых пунктов от расхищений ... через представителя заготконторы принять все продукты, оставленные населением и выдать им чековые требования...»¹².

Военнослужащим предписывалось действовать в строгих правовых рамках с соблюдением предусмотренных мер по максимальной защите прав и имущества мирных граждан (возмездное изъятие продовольствия). Меры силового принуждения населения к выполнению мероприятий присутствуют, в то же

в приведённом примере — в органы НКВД СССР. Большое внимание уделялось предотвращению мародерства и самоуправства по отношению к местному населению (ил. 6): «Установлено много случаев самоуправных, преступных действий отдельных

Ил. 5. Приказ 46 механизированной бригады от 12 ноября 1942 г. № 04

военнослужащих по отношению к местному населению. Творя произвол, эти люди ломают на топливо постройки, незаконно отбирают или похищают сено, а иногда и зерно, картофель и другие продукты. Имеются случаи, когда отбирается скот, инвентарь и прочее...»¹³.

ИКО - СССР

101

Политический Отдел
СПЕЦЧАСТЕЙ
Северо-Западного Фронта

28. Апрель 1943 г.
№ 0141

ЗАМ. КОМАНДИРА ПО ПОЛИТЧАСТИ.
направил директиву Нач. ЦФ Спец. генерал-майору тов. Огородников для неуклонного руководства и исполнения.

п.п. Нач. Политотдела Спецчастей СЗФ Подполковник Катанов / Кослова /
Верно: Секретарь Политотдела: - / Кослова /

Установлено много случаев самоуправных преступных действий отдельных военнослужащих по отношению к местному населению. Творя произвол эти люди ломают нехлебные постройки, незаконно отбирают или похищают сено, а иногда и зерно, картофель и другие продукты. Имеются случаи, когда отбирается скот, инвентарь и прочее.

Такие действия дискредитируют в глазах населения Красную Армию и вызывают спонсорские возмущения и жалобы как колхозов так и отдельных граждан. Кроме всего эти действия причиняют ущерб государству поскольку ослабят заурядности в проведении весеннего сева, имеющего исключительное значение в современных условиях Отечественной войны.

Такие самоуправные действия отдельных военнослужащих являются следствием того, что они остаются безнадзорными, а тем более потому, что политорганы не ведут в частях ряд "личительной работы с взаимоотношения с местным населением.

П Р Е Д Л А Г А Е М:

1. Разъяснить всему личному составу, что самоуправный сбор у местного населения материальных ценностей является по сути дела мародерством и наносит ущерб нашему государству, подрывает оборону-способност нашей страны.

2. Провести тщательное расследование жалоб от местного населения на самоуправные действия военнослужащих. Добиться, чтобы все виновные понесли суровые наказания.

3. В борьбе с самоуправными действиями военнослужащих привлекать к ответственности не только непосредственных виновников, но и командиров, политрустов и политорганы в этом деле бездействующие. Политрустам своим подчиненным творить преступные дела.

п.п. Нач. Политотдела Спецчастей СЗФ
Генерал-майор Катанов / Кослова /
Верно: Секретарь Политотдела: - / Кослова /

25
182 2/8

Ил. 6. Директива начальника политотдела спецчастей СЗФ от 28.4.1943 г. исх. № 0141

Для предотвращения злоупотреблений на командование войсковых частей возлагалась обязанность по сохранению имущества местного населения, эвакуированного из находившихся в 25-ти километровой прифронтовой полосе населённых пунктов. Ответственность за сохранность имущества гражданских лиц возлагалась на заместителей командиров воинских частей и соединений по тылу. В инструкциях войскам (ил. 7) прописывался порядок приёма под охрану военными комендантами населённых пунктов в прифронтовой полосе¹⁴:

1. В каждом населённом пункте, из которого эвакуировалось население, приказом по воинской части, в зоне ответственности которой находился населённый пункт, назначался военный комендант с командой из 3—6 человек для охраны и несения комендантской службы. В сельские поселения комендант назначался из числа зарекомендовавших себя с положительной стороны и ответственных бойцов или младших командиров. В райцентрах — из числа младшего или среднего начальствующего состава тыловых частей¹⁵. Военные коменданты подчинялись заместителю командира войсковой части по тылу.

2. Приём под охрану зданий, мест хранения материальных, продовольственных и иных запасов, оставленных эвакуированным населением, осуществлялся от представителя местных органов власти, при отсутствии последних комиссией, определённой зам. командира воинской части по тылу, в обоих случаях с составлением соответствующих актов.

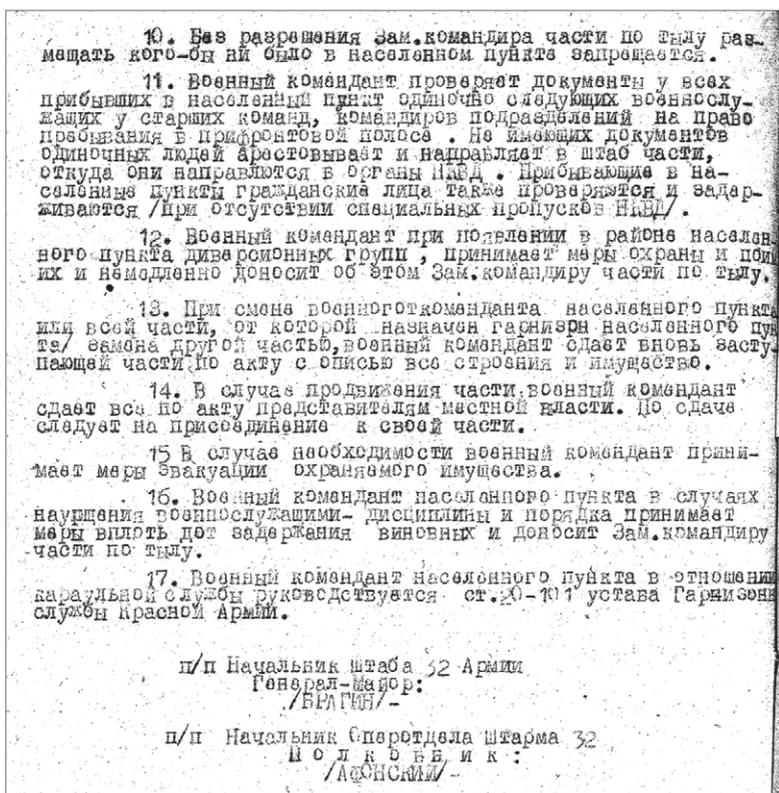
3. В обязанности военного коменданта входили вопросы охраны и обороны зданий и материальных запасов, размещение на постой воинских контингентов.

КТО проводится без выселения основной массы местного населения. Эвакуация населения проводится в тех случаях, когда нет других способов избежать потерь среди гражданских лиц. Борьба с боевиками НВФ постепенно выведена за границы населённых пунктов. Операции против боевиков в населённых пунктах сочетаются с проведением гуманитарных мероприятий.

Гуманитарные мероприятия в период КТО преследуют следующие цели:

- максимальную защиту гражданского населения;
- уничтожение социальной базы для НВФ.

Получили широкое распространение организация гуманитарных коридоров при осаде населённых пунктов, занимаемыми

Ил. 7. Инструкция для военных комендантов по охране и обороне населённых пунктов и имущества, оставленного эвакуированными жителями из прифронтовой 25-ти километровой зоны, утвержденная командующим войсками 32 армии

незаконными вооружёнными формированиями; оказание гуманитарной помощи населению в районах проведения КТО. При организации гуманитарных коридоров местному населению предоставляется возможность покинуть место возможных боевых действий, чем существенно снижаются риски гибели гражданских лиц.

Гуманитарная помощь населению, оказавшемуся в районе масштабных КТО, включает доставку продовольствия, медикаментов, средств первой необходимости; организацию сети мобильных госпиталей для оказания первой медицинской помощи пострадавшим; разминирование освобождённых районов (ил. 8)

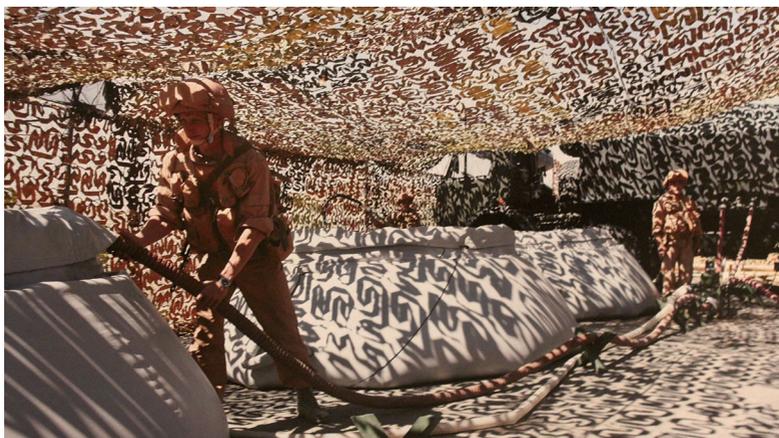

Ил. 8. Группа разминирования международного центра разминирования в Сирии

и восстановление разрушенных коммуникаций. Выполнение перечисленных мероприятий возлагается на специальные войсковые части и специализированные подразделения силовых ведомств (ил. 9). Примерно таким же образом, в течение Великой Отечественной войны складывались основные правила правовой регламентации деятельности силовых структур.

II. Регламентации деятельности силовых структур

Регламентации деятельности силовых структур в районах боевых действий предполагает наличие следующих элементов: обучения и воспитания военнослужащих и сотрудников военизированных формирований (далее – военнослужащие. – А. В., К. В.) в соответствии с требованиями основных НПА, регламентирующих их поведение в районах боевых действий (ил. 6); систему уголовного преследования военнослужащих за совершение преступлений против мирного населения, основанную на нормах международного гуманитарного и отечественного права; практику предварительного дознания и расследования преступлений и правонарушений, допущенных военнослужащими (институт военных дознавателей); меры по защите прав

Ил. 9. Пункт полевого водоснабжения в Сирии

военнослужащих — участников боевых действий и членов их семей.

Система уголовного преследования и расследования преступлений

Система уголовного преследования за совершение преступления против мирного населения в период Великой Отечественной войны получила окончательное оформление. Военнослужащие, совершившие преступления небольшой тяжести (до 2—3 лет лишения свободы), направлялись в штрафные подразделения (позднее — дисциплинарные подразделения. — *А. В., К. В.*). Военнослужащие, совершившие преступления средней тяжести и тяжкие, для отбывания наказания направлялись в места лишения свободы.

Процедура привлечения военнослужащего к уголовной ответственности была сложной: по факту совершения военнослужащим правонарушения либо по решению суда чести, командир части назначал предварительное расследование, для проведения которого в воинских частях имелись внештатные военные дознаватели из числа наиболее грамотных и подготовленных офицеров; на основании результатов расследования командир части готовил представление и направлял его со всеми материалами на рассмотрение Военного совета фронта (отдельной армии);

представление и все представленные материалы проверялись военной прокуратурой и рассматривались военными трибуналами, после чего Военный совет либо утверждал представление, либо отклонял¹⁶.

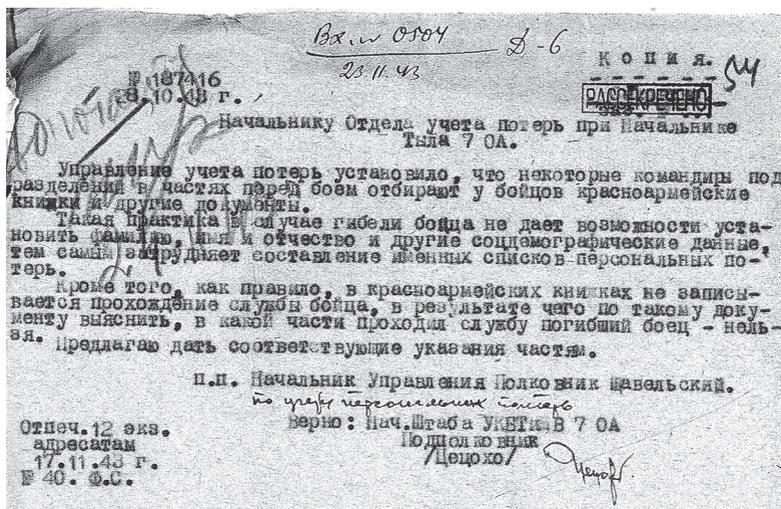
В период Великой Отечественной войны сложилась система привлечение должностных лиц к ответственности за неоправданные потери личного состава. Во время боевых действий войска часто несут так называемые небоевые потери: гибель в результате собственной неосторожности или халатного отношения командиров к выполнению служебных обязанностей. По каждому факту необоснованной гибели (ранения или получения увечья) проводилась служебная проверка, по результатам которой принимались те или иные меры по отношению к виновным. Наказание зависело от тяжести последствий.

Командир батареи 436 артополка в апреле 1945 г. допустил распитие трофейного спирта подчиненными. В результате этого 37 человек отравились, 9 — со смертельным исходом. Материал передали в Военную прокуратуру. По результатам расследования, организатор «пьянки» (к слову, заслуженный офицер, кавалер нескольких боевых наград) исключён из списков части, в связи с осуждением на 10 лет лишения свободы и направлением в лагерь¹⁷.

Принимались серьёзные меры против самоуправства. Приказом по 40 отдельной лыжной бригаде привлечены к ответственности два старших офицера в звании майора, расстрелявших ушедших с позиции красноармейцев и младшего командира, вместо того чтобы направить их в военную прокуратуру для передачи суду военного трибунала¹⁸.

Защита прав военнослужащих и членов их семей

Особой заботой командования стало стремление избежать безвестных потерь. В случае гибели военнослужащего семья получает пособие и соответствующую пенсию, если факт гибели установлен. Отделы учёта персональных потерь сержантского и рядового состава (далее — отдел учёта потерь. — *А. В., К. В.*) управлений тыла требовали от командования частей предоставлять точные сведения о судьбе военнослужащих по запросам их семей¹⁹; обеспечить наличие у военнослужащих и полного заполнения документов, удостоверяющих личность²⁰; постоянно

Ил. 10. Директивное письмо начальника Управления тыла 7 ОА от 28.10.1943 г. № 1871416

боротся с порочной практикой изъятия командирами подразделений перед боем личных документов военнослужащих (ил. 10), отсутствие которых не позволяло идентифицировать последних в случае их гибели²¹.

Немалое внимание государство уделяло вопросам социальной защиты членов их семей. Логика очень простая — от того, как живёт семья военнослужащего в тылу, зависит его моральное состояние и личная боеготовность. В материалах 3-ей отдельной аэросанной ремонтной роты имеется переписка командира роты с местными органами власти по месту проживания семьи военнослужащего, оказавшейся в тяжёлом положении, о предоставлении помощи. Результатом переписки стало увеличение семье военнослужащего единовременного денежного пособия и постановка в очередь на улучшение жилищных условий²².

Подобные документы встречаются в архивных фондах часто, что указывает на складывание в ходе войны основ современной системы социальной защиты военнослужащих и сотрудников силовых структур, принимавших участие в боевых действиях²³.

Сравнительный анализ мер, принимаемых в период Великой Отечественной войны, направленных на защиту мирного населения и военнослужащих в районах боевых действий и подобных

мероприятий в современных локальных конфликтах, указывает на исторически сложившуюся в России эффективную правовую систему защиты участников военных конфликтов.

---

¹ Более подробно см.: Воденисова К. А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов (на примерах Великой Отечественной войны) // Актуальные проблемы современного международного права. Материалы XVI международного конгресса «Блищенковские чтения» (Москва, 14 апреля 2018 г.). М.: Российский университет дружбы народов, 2019. Ч. III. С. 409—419.

² См.: Вахтеров А. В., Воденисова К. А. Правовые механизмы снижения потерь участников боевых действий и мирного населения в районах военных конфликтов // Актуальные проблемы современного международного права. Материалы XVII международного конгресса «Блищенковские чтения» (Москва, 13 апреля 2019 г.). В 4 ч. М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2019. Ч. III. С. 267—281.

³ См. напр.: Парижская декларация 1856 г.; Женевская конвенция 1864 г.; Санкт-Петербургская конвенция 1868 г. и др.

⁴ Государственный комитет обороны (ГОКО или ГКО) — чрезвычайный орган управления, обладавший всей полнотой военной, политической и хозяйственной власти в СССР, созданный на время Великой Отечественной войны.

⁵ Народный комиссариат обороны — Военное министерство в СССР в период Великой Отечественной войны.

⁶ Более подробно см.: Воденисова К. А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов...

⁷ Постановление ГКО от 31.07.1944 г. № 6282сс «О задачах советских войск, в связи с вступлением на территорию Польши» // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля — 31 декабря 1944 г.). М., 2007. С. 102—104.

⁸ См. постановление № 6282—1944 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля — 31 декабря 1944 г.). М., 2007. С. 102—104.

⁹ Постановление ГКО от 10.4.1944 г. № 5594с «О задачах Красной армии в связи с вступлением на территорию Румынии» // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперёд на запад (1 января — 30 июня 1944 г.). М., 2007. С. 307—310.

¹⁰ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 01.01.1944 г. № П42/246 «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии» // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперёд на запад (1 января — 30 июня 1944 г.). М., 2007. С. 5—9.

¹¹ Приказ 27 А 1 УкФр. от 11.12.1943 г. № 00226 // ЦАМО. Ф. 8438 (150 АЗСП). Д. 6. Л. 339 с об.

¹² Приказ 46 МехБр от 12.11.1942 г. № 04 // ЦАМО. Ф. 3349 (46 МехБр). Оп. 2. Д. 5. Л. 64 с об.

¹³ Директива нач. политотдела спецчастей СЗФр от 28.4.1943 г. исх. № 0141 // ЦАМО. Ф. 19 ОАСБ. Оп. 14292. Д. 5. Л. 101.

¹⁴ Инструкция для военных комендантов по охране и обороне населённых пунктов и имущества, оставленного эвакуированными жителями из прифронтовой 25-ти километровой зоны, утв. Командующим войсками 32 армии // ЦАМО. Ф. 313 СД. Оп. 1. Д. 13. Л. 181 с об.

¹⁵ До введения в Красной армии погон в 1943 г. младший начальствующий состав — так именовались в документах сержанты и старшины, средний нач. состав — офицеры.

¹⁶ Более подробно см.: Воденисова К. А. Меры правовой защиты участников военных конфликтов...

¹⁷ Приказ 436 артполка от 10.4.1945 г. № 066 // ЦАМО. Ф. 11438. Оп. 2. Д. 5. Л. 40 об.—41.

¹⁸ Приказ 40 олбр от 1.03.1943 г. // ЦАМО. Ф. 2112. Оп. 1. Д. 8. Л. 28 с об.

¹⁹ Циркулярное письмо Управления Тыла 7 ОА от 16.10.1943 г. № 0178 // ЦАМО. Ф. 31 ОАСБ. Оп. 90683. Д. 4. Л. 51.

²⁰ Директивное письмо НШ 32 А от 12.12.1942 г. № 01686 // ЦАМО. Ф. 1 ОАЭСРР. Оп. 20332. Д. 1. Л. 47.

²¹ Директивное письмо начальника Управления Тыла 7 ОА от 28.10.1943 г. № 1871416 // ЦАМО. Ф. 31 ОАСБ. Оп. 90683. Д. 4: Дело № 6. Руководящий материал по личному составу 31 ОАСБ, 1943 г. Л. 54.

²² Письмо П. С. Николаевой. Запрос местного комитета Московского окружного военно-строительного управления от 15.12.1944 г. № 15/12-44; Рапорт Николаева от 16.01.1945 г. // ЦАМО. Ф. 3 ОАСРР. Оп. 113835. Д. 20. Л. 2—3, 20.

²³ См.: Вахтеров А. В. Проблемы правового обеспечения гуманитарных операций в районах военных конфликтов (из опыта проведения контртеррористических операций в Северокавказском регионе) // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы XVI международного конгресса «Блищенковские чтения»: в 3 ч. (Москва, 14 апреля 2018 г.). М.: Российский университет дружбы народов, 2019. Ч. III. С. 402—408.

В. С. Великанов (Москва)

РИЖСКИЙ ПОХОД РУССКОГО ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО КОРПУСА А. Н. РЕПНИНА В 1701 г.

ОТПРАВКА ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО КОРПУСА А. Н. Репнина к Риге в 1701 г. была первым опытом совместных операций российских войск с какими-либо иностранными союзниками. Первым к этой теме обратился Н. Г. Устрялов в 4 томе «Истории царствования Петра Великого», опубликовав краткий рассказ об этом событии, а также несколько писем из переписки А. Н. Репнина¹. Значительный объем служебных документов вспомогательного корпуса сохранился в 96 фонде «Дела Шведские» Российского Государственного архива древних актов². Находящиеся там еженедельные отписки А. Н. Репнина были приведены Н. Н. Поповым в виде одной сводной публикации в приложениях к истории Ростовского полка, который принимал участие в Рижском походе³. Ввод в оборот дополнительных источников и архивных материалов позволяет уточнить и дополнить ранее приведенные сведения.

Первоначальная договоренность об отправке русского вспомогательного корпуса для участия совместно с саксонцами в осаде Риги была достигнута еще в ноябре 1699 г., при заключении Преображенского союзного договора («его королевскому величеству толиким числом людей, елико мы наилутче возможем вспомоугати»)⁴. В самом договоре численность последнего зафиксирована не была, но устно стороны договорились о 20 тысячах полностью экипированной и вооруженной пехоты, а также о предоставлении царем своему союзнику осадных орудий и припасов для осады Риги. Одним из условий, выдвинутых российской стороной, было обязательство вступить в войну со Швецией только после заключения формального мирного договора с Турцией.

Поэтому в феврале 1700 г. саксонцы начали боевые действия самостоятельно, рассчитывая, что вспомогательные российские войска и артиллерия придут не позднее апреля — мая. Попытка захватить Ригу внезапным наскоком оказалась неудачной (шведы успели подготовить город и гарнизон к обороне), и саксонскому командующему Я. Флеммингу пришлось довольствоваться взятием небольшого Коброншанца, расположенного напротив города на левом берегу Двины, и крепости Дюнамюнде, запиравшей устье реки Двины.

Полноценную осаду саксонцы запланировали на лето 1700 г. К концу июля они сосредоточили напротив Риги около 23—24 тысяч человек, и король Август II настолько был уверен, что царские подкрепления вот-вот придут, что 27 июля написал напрямую псковскому воеводе И. И. Головину и новгородскому князю И. Ю. Трубецкому с вопросом: когда вверенные им войска придут, наконец-то, под Ригу⁵? Однако летом 1700 г. русские войска и осадная артиллерия так и не прибыли, и в середине сентября саксонцы были вынуждены снять осаду с Риги и отойти на зимние квартиры в Курляндию. К царю Петру I был отправлен фельдмаршал герцог Карл Евгений де Кроа с целью — договориться о присылке обещанных подкреплений весной уже следующего года. Однако добиться четких договоренностей ему не удалось: 30 ноября 1700 г.⁶ русская армия под Нарвой была разбита шведами, а сам де Кроа попал в шведский плен.

Для выработки дальнейших планов ведения войны со Швецией в конце февраля 1701 г. в Биржах состоялась встреча царя Петра I с королем Августом II и польско-литовскими сенаторами, результатом которой стало заключение 9 марта 1701 г. нового договора, уточнявшего и дополнявшего союзное соглашение 1699 г.⁷ В частности, российская сторона прямо обязалась предоставить в распоряжение своего союзника «от 15 до 20 тысяч удобной и благообученной пехоты <...> и оных добрым оружием и достаточными воинскими припасами удовлетворять». На каждый полк должно было быть дано по 2 полковые пушки с 200 выстрелами, а также по 2 лошади и телега на 10 человек. Русские полки должны были присоединиться к союзникам в Динабурге, и до этого момента снабжаться за собственный счет, а после — перейти на полное довольствование за счет польско-саксонской стороны⁸. На состоявшемся 11 марта, там же — в Бирже, военном совете было решено, что королевская армия совместно с русским вспомогательным

корпусом в августе 1701 г. осадит Ригу, а главная русская армия будет отвлекать противника диверсиями («не вдаваясь в решительные действия») под Печорами и Нарвой, а также в Карелии и Финляндии⁹.

Сбор вспомогательного корпуса начался лишь в середине апреля. Командование им поручили генералу Аниките (Никите) Ивановичу Репнину (1668—1726). На тот момент ему было всего 33 года, и весь его боевой опыт сводился к участию в двух осадах Азова в 1695 и 1696 гг. Летом 1700 г. он был произведен из подполковника Преображенского полка сразу в полные генералы и назначен командующим одного из трех генеральств (дивизий). Царский указ о назначении командующим корпусом и выступлении в поход к Риге был отправлен А. И. Репнину, который на тот момент был губернатором в Новгороде, 28 апреля¹⁰. В приложенных к указу «статьях», подготовленных в Посольском приказе, содержались общие инструкции: в поход следовало идти через Псков и дальше к Динабургу; на марше «идти в осторожности»; не доходя до саксонцев несколько переходов, отправить к ним кого-либо из старших офицеров для того, чтобы договориться о совместных действиях, а соединившись с ними — провести смотр и подготовить ведомость войск¹¹. Дальнейшие инструкции А. И. Репнин должен был получить уже в походе. Вместо него новгородским губернатором в тот же день — 28 апреля, был назначен генерал-майор Яков Вилимович Брюс¹². Уже в ходе сбора войск польско-саксонский посланник при российском дворе Кенигсек передал просьбу, чтобы вспомогательный корпус шел не к Динабургу, а Кокенхаузену. Первоначально российское правительство было против этого, так как Кокенхаузен был ближе к Риге, и существовал риск, что русские полки будут на марше атакованы шведами¹³, но в итоге пришли к компромиссу: корпус будет передан под саксонское командование в Динабурге, и дальше они уже сами переведут его в Кокенхаузен.

В состав корпуса А. И. Репнина вошли 19 наиболее боеготовых полков всех 3 генеральств: солдатские полки полковников Ивана Буша, Кашпира Гулица, Николая Вердена, Алексея Дедюта, Андрея Романовского, Петра Буковина, Романа Брюса (все — генеральство Репнина. — *В. В.*), Ивана Трейдена, Ивана Мевса, Юрия Абрама, Ивана Сака, Ильи Бильса, Михаила Страусбурга, Данилы Купера, Матвея Трейдена (все — генеральство А. М. Головина. — *В. В.*), Томоса Юнгора, Вилима Швейдина

(оба — из генеральства А. А. Вейде. — *В. В.*), Романа Брюса (новгородский), псковский стрелецкий полк Юрия Вестова. Все указанные полки, кроме полков Брюса и Вестова, были сформированы весной — летом 1700 г. из новобранцев в Москве и низовых (поволжских) городах. Полки генеральств Головина и Вейде принимали участие в Нарвском походе и неудачном сражении 30 ноября 1700 г. Потери в личном составе были незначительны, но была утрачена значительная часть вооружения и амуниции, которые были восполнены лишь к апрелю 1701 г.¹⁴ Полк Р. Брюса был создан в январе 1701 г. из остатков двух новгородских солдатских полков («Брюсов и Куломов полки написаны в один полк всего 800 человек и отданы Роману Брюсу»)¹⁵.

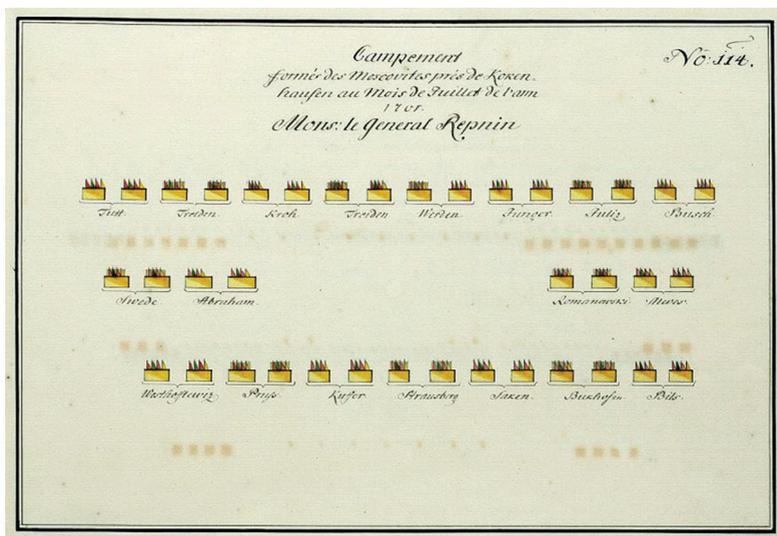
Большая часть полков находилась с А. И. Репниным в Новгороде, еще несколько полков должны были присоединиться к корпусу в Пскове. Полки, находившиеся в Новгороде, выступили в поход 15 мая 1700 г. В 15 полках насчитывалось 15 517 человек (444 офицера и 15 073 нижних чинов): И. Буша — 1028, К. Гулица — 984, Н. Вердена — 986, П. Буковина — 1129, З. Кро — 1011, А. Дедюта — 1031, А. Романовского — 1016, Т. Юнгора — 1040, И. Трейдена — 1114, И. Мевса — 988, Ю. Абрама — 1043, В. Швейдена — 1090, И. Бильса — 991, И. Сака — 1062 и М. Страусбурга — 1004¹⁶. Вместо умершего в феврале полковника З. Кро, его полк временно принял подполковник Еремей Шварт¹⁷. В Пскове к А. И. Репнину присоединились оставшиеся полки (к этому моменту полковник М. Трейден также уже умер, и его полк принял его брат, подполковник этого же полка Тимофей Трейден), и всего в наличии имелось 17 805 нижних чинов¹⁸. В Пскове войска вспомогательного корпуса осмотрел генерал-адъютант короля Августа Арнштедт, оценивший их невысоко: «о солдатах говорил, что много среди них людей плохих, безодежных и без жалования; требовал добрых и вооруженных»¹⁹.

А. И. Репнин выступил из Пскова 26 мая, разделив свой корпус на 3 колонны/бригады (под своей командой, и полковников К. Гулица и Н. Вердена). Уже на марше полк З. Кро принял подполковник Денис Рыддер, ранее указанный в этом чине в полку Т. Юнгора²⁰, а Е. Шварт был переведен на его место. Через Остров и Режицу (совр. лат. Rezekne) русские полки 19 июня прибыли к Якобштадту (совр. лат. Jakobpils), где их встретил саксонский генерал Кристиан Дитрих Робель (Christian Dietrich Robel), принявший командование над корпусом. От Якобштадта

войска Репнина выступили к Кокенхаузену (лат. Koknese), старому средневековому замку, захваченному саксонцами еще в октябре 1700 г., который они планировали сделать своей опорной базой на правом берегу Двины.

В это время основные силы саксонской армии (7 пехотных, 4 кирасирских и 3 драгунских полка) находились на левом берегу Двины напротив Риги, а на правом берегу у Кокенхаузена располагался небольшой корпус под командованием генерала К. Робеля (2 пехотных и 2 драгунских полка)²¹. Ригу защищал сильный шведский гарнизон (около 4,8 тыс. человек) под командованием лифляндского генерал-губернатора, фельдмаршала, графа Эрика Дальберга, а остальные шведские силы (около 24 тыс. человек) находились в глубине Лифляндии и Эстляндии²². Шведское командование еще в декабре 1700 г. определило, что главной целью кампании 1701 г. будут операции против польско-саксонской армии. Исходя из этих планов основные силы шведской армии (около 9,5 тыс. человек) под командованием Карла XII к концу мая сконцентрировались в Дерпте, и 17 июня выступили в поход к Риге. Шведам необходимо было пройти около 250 км, средняя скорость движения составляла около 12 км в день (мы специально акцентируем на этом внимание, чтобы «развеять миф» о стремительных маршах Карла XII)²³.

Первые русские полки подошли к Кокенхаузену 21 июня, а весь корпус собрался 25 июня. По прибытии в Кокенхаузен русским полкам был устроен еще один смотр саксонским главнокомандующим, генерал-фельдмаршалом А. Штейнау. В наличии имелось 17 551 урядник и рядовой, в «нетях» (заболели и отпущены обратно в Псков, умерли и дезертировали) — 254²⁴. Штейнау, в отличие от Арнштедта, результатами остался доволен, и писал Августу II, что «в Московском войске было 20 тысяч; все люди хороши, кроме может 50 человек, требующих обучения, вооружены голландскими ружьями, у некоторых полков шпаги заменяли штык. Солдаты маршируют исправно, работают усердно и быстро, исполняют все, что прикажет фельдмаршал; особенно надобно похвалить, что у них нет ни одной женщины, ни собаки, и московский генерал на военном совете с жалобой просил, чтобы женам саксонских мушкетеров запрещено было утром и вечером приходить в русский лагерь и продавать вино, потому что московитяне предаются пьянству и дебоширству. Генералу Репнину 40 лет (на самом деле Репнину было 33 года. — В. В.), в военном

Ил. 1. Боевой порядок русского вспомогательного корпуса А. Н. Репнина, июль 1701 г. (Гос. архив Гессена, Марбург, ФРГ)

деле мало мыслит, впрочем, очень любознателен и почтителен. Все офицеры из немцев, люди старые и малоопытные»²⁵. По результатам смотра был составлен рисунок боевого порядка русского корпуса, одна из копий которого хранится в Государственном архиве земли Гессен в Марбурге (ил. 1)²⁶.

4 июля в Кокенхаузене состоялся военный совет, на котором с саксонской стороны присутствовали фельдмаршал А. Штейнау, генерал К. Робель, генерал-майор Ганс Генрих Востомирский (Hans Herrmann Wostromirsky von Rockittnigk) и королевский комиссар Бозен; с русской — А. Н. Репнин, полковники К. Гулиц и Н. фон Верден. Союзники рассматривали два варианта шведских действий: атака через Двину или высадка в тылу союзной армии в Либаве. В итоге на совете было принято решение воздержаться от активных действий, и выждать начала операций со стороны Карла XII. На случай шведской атаки было принято решение расширить и усилить укрепления Кокенхаузена, построив дополнительный земляной ретраншемент на правом берегу Двины, для чего Репнин обещал отряжать ежедневно по 4 тыс. человек на земляные работы. Также на шведский берег планировали послать 3 полка саксонских драгун для разведки и охранения.

На усиление саксонской группировки под Ригой Репнин обещал послать 4 полка (на следующий день были отправлены полки Т. Юнгора, Т. Трейдена, Д. Рыддера и Ю. Вестова). В тот же день в Кокенхаузен вернулся один из передовых саксонских отрядов, сообщивший, что шведский король Карл XII с армией выступил в поход и должен вскоре прибыть в Ригу.

Одной из проблем стало снабжение. В соответствии с Бирженским договором, с момента поступления вспомогательного корпуса под саксонское командование, снабжение русских полков должны были осуществлять саксонцы. Однако нормы довольствия в саксонской и российской армии не совпадали. Саксонцы исходили из собственных штатов, по которым полк насчитывал 1265 человек или 1767 «долей» (норм выдачи по 2 фунта) хлеба в день (полковник — 25 «долей», капитан — 7, рядовой — 1 и т. д.)²⁷. Российские полки не имели единых штатов, и количество рот варьировалось от 8 до 12. На организационные проблемы наложились языковые — в русском корпусе не хватало переводчиков и писарей со знанием немецкого языка для того чтобы предоставить саксонцам необходимые документы: «которые ведомости к фельдмаршалку и к Бозену на письме русском и тех не принимают, велят писать на немецком письме; также о воинских всяких управлениях отдают пункты на письме каждый вечер у слова (при пароле) и тех переводить и ведомостей писать в московском войске некому, переводчика нет». В итоге, спустя несколько дней снабжение полков было налажено, но, как писал в своей отписке А. Н. Репнин, оно было недостаточно: «Солдатам хлеба дают по договорным статьям по два фунта на человека и тем недовольствуются, а работа им земляная ныне велика, всегда по четыре тысячи человек на день; а сержантам против договоров в полтора против солдата ведают и о том с Бозеном говорено, и он отговаривается приказами, а знатно есть в хлебе скудость. А московских полков начальные люди хлеба никто не берут и впредь иметь не станут. Съестных всяких припасов в войске продажных ничего нет, и тем начальным людям и солдатам зело нужно, а которые и привезут и то перекупить саксонцы»²⁸. При этом самостоятельно закупить продовольствие русские солдаты не могли: жалование им было выдано российскими деньгами, которые местные торговцы отказывались принимать²⁹.

Находившиеся у Кокенхаузена основные силы русского корпуса ежедневно занимались земляными работами по сооружению

вокруг старого замка новых укреплений. Вооружение нового укрепления должны были составить русские орудия, доставленные из Смоленска (их король Август II просил прислать еще летом прошлого года). Полки бригады Т. Юнгора прибыли к Коброншанцу 10 июля, и встали лагерем рядом с саксонцами. Тем временем шведская армия Карла XII 18 июля подошла к Риге, где уже заранее были подготовлены речные суда для переправы. Для того чтобы ввести в заблуждение противника, в направлении Кокенхаузена был отправлен отряд майора Й. Мейерфельда, который должен был создать видимость движения шведских сил в этом направлении. Эта уловка частично удалась: на усиление отряда Робеля 18 июля прибыл сам А. Штейнау с 4 кирасирскими полками. Однако в тот же день были захвачены шведские пленные, которые сообщили о том, что вся королевская армия — у Риги и готовится на следующий день переправиться через Двину. Штейнау с саксонской кавалерией немедленно выступил обратно по левому берегу реки, и отправил приказ Робелю также идти с оставшимися в Кокенхаузене саксонскими и русскими полками к Риге³⁰. Репнин выступил в тот же день с 9 солдатскими полками (И. Буша, Н. Вердена, А. Дедюта, И. Мевса, В. Швейдена, П. Буковина, И. Бильса и Д. Купера), остальные 6 должны были выступить на следующий день, 19 июля³¹. Однако русские полки к решающим событиям под Ригой так и не успели.

Утром 19 июля шведская армия Карла XII переправилась через Двину ниже Риги. Для того чтобы отвлечь саксонцев, шведы направили к Даленхольму в 2 милях вверх по реке отряд полковника М. Хельмерсена (600 человек из полков рижского гарнизона с 12 орудиями), которые должны были создать видимость переправы на том направлении. Едва получив известия о переправе Карла XII, саксонцы немедленно попытались сбросить шведов обратно в реку, но все их атаки были отбиты, и они были вынуждены отступить в беспорядке³². Русские войска в сражении 8 июля участия не принимали. Ранним утром 3 полка Юнгора (Т. Юнгора, Т. Трейдена и Д. Рыддера) были направлены в шанцы на остров Даленхольм для отражения фальшивой атаки Хельмерсена. Когда стало ясно, что основная переправа состоялась ниже по реке, и Юнгор получил приказ вернуться, то было уже поздно: сражение закончилось и саксонцы отступали в беспорядке. Вместе с частью саксонских войск Юнгор отступил вверх по реке, где соединился с Робелем и Репниным, которые

утром 8 июля находились в 8 милях от Риги (то есть примерно в одном дневном переходе). На коротком военном совете было решено отойти в Курляндию к Бауску, а в Кокенхаузене оставить 2 саксонских (пехотный и драгунский) и один российский полк³³.

При отходе от Риги в гарнизонах небольших укреплений на Двине осталось около 830 русских солдат: в гарнизоне Дюнамюнде (переименованного саксонцами в марте 1700 г. в Августбург) — 2 роты (250 человек) полка Юнгора, рота полка Трейдена (105) и рота полка Рыддера (107) под общим командованием подполковника Е. Шварта; на острове Лютцельхольм (лат. Луцавсала) — рота полка Юнгора (197) и Трейдена (102); в Шифредуте — 51 человек полка Трейдена; в Штерншанце — 17 стрелцов Вестова³⁴. Их судьба сложилась по-разному. Гарнизону на острове Лютцельхольм 9 июля была предложена капитуляция, однако командующий русским отрядом, капитан Алферий Емельянов — сын фон-Шлиппенбах, ответил отказом. Исходное имя Алферия было Генрих, его отцом был Мельхиор (в России — Емельян) фон Шлиппенбах, лифляндский дворянин, дослужившийся до чина полковника на русской службе. Мельхиор приходился дядей, а Генрих — племянником известному шведскому (а затем и российскому. — В. В.) генералу Вольмару Антону фон Шлиппенбаху, командовавшему в 1701—1704 гг. шведскими войсками в Лифляндии. В ночь с 9 (20) июля на 10 (21) июля шведский отряд М. Хельмерсена (600 человек) атаковал русский отряд, который оказал ожесточенное сопротивление и был почти весь уничтожен, кроме нескольких десятков человек, сдавшихся в одном из шанцев. Алферий Шлиппенбах, видимо, попал в шведский плен, так как известно, что умер он только в 1729 г. Шведы также понесли серьезные потери, были убиты более 80 человек, включая самого Хельмерсена и майора Лилленштерна³⁵. В память о погибших русских солдатах на острове Лютцельхольм был возведен небольшой курган с памятной надписью, а в 1891 г. поставлен памятник.

Союзные войска отходили от Риги на юг к Бауску по дороге через Гросс-Эккау (лат. Iecava). Шведы не стали их преследовать, и двинулись по другой дороге на юго-запад к столице Курляндии Митаве (лат. Jelgava), которую заняли 23 июля, захватив там большие запасы продовольствия и фуража, собранные саксонцами³⁶. В тот же день их передовые дозоры появились в окрестностях Бауска, чем сильно встревожили союзное командование,

опасавшееся, что шведы двинутся к этому городу на перехват союзной армии. Было решено, что к Бауску двигаться опасно, и союзники повернули на юго-восток к Бирже, оставив для прикрытия несколько саксонских конных полков. В тот же день русские полки переправились на левый берег реки Мемеле (лат. *Memele*, лит. *Memelėlis*), и 24 июля прибыли в Биржу. Здесь 25 июля состоялся очередной военный совет с участием фельдмаршала А. Штейнау, герцога курляндского Фердинанда Кетлера (формальный командующий саксонской армией), А. Н. Репнина и саксонского генералитета, на котором было решено продолжить поход на юго-запад в Польшу. Русскому вспомогательному корпусу был дан «апшит», то есть он был отпущен с саксонской службы и получил разрешение вернуться обратно в Россию. Для прикрытия его марша к Динабургу саксонцы согласились выделить 100 драгун, но припасов дать не смогли, так как в Бирже и окрестностях «хлебных и харчевых припасов ни малого нет <...> хлебными запасами не токмо московским, но и саксонским великая скудость, и от походов и от хлебной скудости имеют великую нужду; и саксонские рейтары и солдаты многие в рознь идут». На этом, фактически, служба русского вспомогательного корпуса закончилась, и теперь ему предстоял обратный путь домой. В тот же день в Биржу прибыли 6 полков (А. Романовского, Ю. Абрама, М. Страусбурга, Р. Брюса, И. Трейдена, И. Сака) из Кокенхаузена³⁷.

После ухода всех полков вместе с саксонцами полковника Бозена, в Кокенхаузене были оставлены 1015 русских солдат и офицеров под командованием майора полка Романовского Василия Кучумова: по 42 человека от последних 6 полков «для караулов», остальные — «для хлебных запасов и обозов», а также больные. 27 июля к Кокенхаузену по левому (курляндскому) берегу Двины подошел крупный шведский отряд (якобы «многочисленным тысяч с 20 или больше конницы и пехоты»). Саксонский комендант полковник Бозен поспешил, не дожидаясь переправы противника, оставить замок, и отступить с гарнизоном (включая тысячу русских солдат) по правому (лифляндскому) берегу к Динабургу (лат. *Daugavpils*)³⁸. При оставлении Кокенхаузена, имевшаяся в крепости артиллерия была частично взорвана, частично — затоплена в Двине. Позднее шведы достали их из воды, и вместе с останками уничтоженных стволов перевезли в Стокгольм,

где придворный художник Я. Фелотт зарисовал их с фотографической точностью для альбома, описывающего трофеи короля Карла XII. Всего им было изображено 28 «кокенхаузских трофеев»: 24 орудия, 3 бомбарды и одна мортира³⁹. К сожалению, на рисунках отсутствует масштабная линейка и какие-либо дополнительные сведения о калибре или размере орудий. Согласно атрибуции А. Н. Лобина, среди трофеев изображены 13 русских (одна 10-фунтовая пищаль «Лисица», отлитая в 1575 г. мастером А. Чоховым; остальные — калибром 1,5—6 фунтов), одно саксонское и 10 польско-литовских орудий, 3 польско—литовские бомбарды и одна 2-пудовая русская мортира, отлитая в 1655 г. мастером Ф. Аникеевым⁴⁰. Укрепления Кокенхаузена были также взорваны.

Полки Репнина выступили из Биржи 26 июля, и двинулись к Динабургу. Марш проходил трудно, местность была болотистая и малонаселенная, и солдаты испытывали нехватку продовольствия и фуража («солдаты ныне люди томные, от многого и скорого похода и от хлебной скудости отощали; также и лошади под казной и под пушки и которые даны солдатам все приустиали»). 28 июля к Репнину присоединились 950 человек майора В. Кучумова, бывшие ранее в Кокенхаузене (он привел почти всех, кроме около 60 больных и отставших). По прибытии в Динабург выяснилось, что запасов в городе нет, и местные власти рекомендовали русским как можно скорее выдвигаться в свои пределы, где они смогут обеспечить себя продовольствием и фуражом. Не задерживаясь надолго в Динабурге, Репнин выступил через Режицу и Остров обратно в Псков, куда прибыл 16 августа. По возвращении корпус Репнина насчитывал 16 824 человек (в том числе 539 офицеров и 16 285 урядников и рядовых): полк И. Буша — 1046 человек, К. Гулица — 916, Н. Вердена — 907, А. Дедюта — 893, А. Романовского — 787, П. Буковина — 873, Р. Брюса — 771; И. Трейдена — 1112, И. Мевса — 954, Ю. Абрама — 925, И. Сака — 981, И. Бильса — 842, М. Страусбурга — 1002, Д. Купера — 864, А. Шневенца — 890, Т. Юнгора — 592, В. Швейдена — 1024, Х. Абрама — 685, Ю. Вестова — 760⁴¹. По сравнению с началом лета в составе полковых командиров произошли очередные изменения: Р. Брюс принял полк Д. Рыддера («у которого был Захарей Крой»), а его полк («новгородский») был вновь передан Х. Абраму. Полком Тимофея (Матвея) Трейдена командовал полковник Андрей Шневенц. По сравнению с маем численность

корпуса уменьшилась на 980 человек, из них, 830 человек остались у Риги. Таким образом, санитарные потери и дезертиры составили 150 человек.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о судьбе тех русских солдат и офицеров, которые остались в гарнизоне Дюнамюнде. Сразу же после успешной переправы через Двину, шведы обложили крепость, но, не имея осадной артиллерии, были вынуждены ограничиться блокадой. Русско-саксонский гарнизон под командованием саксонского полковника Бозена, продержался до декабря 1701 г., когда в крепости подошли к концу запасы продовольствия, и капитулировал 11 (21) декабря на условиях свободного выхода гарнизона. На момент сдачи крепости союзный гарнизон насчитывал 1047 человек, сколько из них было русских — неизвестно⁴². Судя по тому, что подполковник Еремей Шварт с 1702 г. вновь упоминается на русской службе в чине полковника, русской части гарнизона удалось вернуться на родину. В Дюнамюнде шведы захватили 79 пушек и 18 мортир, часть из них были шведскими, а часть — саксонскими, свезенными в крепость осенью 1700 г. Пушки: 36 — 24-фунтовые, 2 — 16-фунтовые, 21 — 12-фунтовые, 10 — 6-фунтовых, 10 — 3-фунтовых (включая 2 бывшие шведские, захваченные весной 1700 г.). Мортиры: 4 — 196-фунтовые, 4 — 96-фунтовые, 4 — 64-фунтовые, 3 — 32-фунтовые, 3 — 16-фунтовые. Описание всех захваченных пушек приведено в «Спецификации...»⁴³, а рисунки 20 пушек и 5 мортир приведены в упоминавшейся работе шведского придворного гравера Я. Фелотта.

На этом, фактически, закончился первый опыт совместных действий русских войск с польско-саксонскими союзниками. В ходе Рижского похода сразу же ярко проявились логистические проблемы, связанные с тем, что союзники были не способны в оговоренном объеме взять на себя полноценное снабжение русских полков, при этом сами нормы и лимиты продовольствия и фуража не были четко определены, и отличались в российской и саксонской армиях. Еще одной проблемой был языковой барьер, который затруднял взаимодействие между российским и саксонским командованием. К сожалению, никакие выводы из полученного опыта Петром I сделаны не были, и данные проблемы ярко проявились при следующей попытке передать русский вспомогательный корпус на польско-саксонскую службу в 1704—1707 гг.

- ¹ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 1. СПб., 1863. С. 96—98, 105—106; Там же. Ч. 2. СПб., 1863. Приложения II. С. 194—195, 200—201 и др.
- ² РГАДА. Ф. 96. Сношения с Швецией. Оп. 1. 1701. Ед. хр. 10.
- ³ Попов Н. Н. История 2-го грендерского Ростовского полка. Т. 1. М., 1902. Приложения. № 37. С. 137—151.
- ⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ПиБ). Т. 1. (1688—1701 гг.). СПб., 1887. № 282. С. 304—310; Северная война 1700—1721 гг.: Сб. документов. Т. 1. 1700—1709. М., 2009. № 2. С. 16—20.
- ⁵ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. III. СПб., 1858. С. 553.
- ⁶ Здесь и далее все даты приводятся по современному григорианскому календарю. В 1701 г. в России использовался юлианский календарь, «отставший» от него на 11 дней. В Швеции юлианский календарь отличался от григорианского на 10 дней.
- ⁷ Королюк В. Д. Начало шведской агрессии против Речи Посполитой в ходе Северной войны (1701—1702 гг.) // Ученые записки Института славяноведения. Т. VI. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 211.
- ⁸ ПиБ. Т. 1. № 365. С. 435—439.
- ⁹ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 1. С. 89—96.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 96. Сношения с Швецией. Оп. 1. 1701. Ед. хр. 10. Л. 1.
- ¹¹ Там же. № 10. Л. 4—6; Попов Н. Н. Указ. соч. Приложения. № 36. С. 132—137.
- ¹² Там же. № 10. Л. 2.
- ¹³ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. 1. С. 97.
- ¹⁴ Подробнее см.: Великанов В. С. Состояние русской армии после нарвского поражения, зима 1700—1701 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции, 18—20 мая 2016 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. 2. С. 26—42.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 96. Сношения с Швецией. Оп. 1. 1701. Ед. хр. 1. Л. 344 об. Об участии солдатского полка Р. Брюса в Нарвском сражении 19 (30) ноября 1700 г. см.: Великанов В. С. «И с тех шанцов безо всякого повреждения отошли...» (эпизод сражения при Нарве 30 ноября 1700 г.) // Военно-исторический журнал «Старый Цейхгауз». 2018. № 77—78 (1-2). С. 130—133.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 7-А. Дела разных городов. Ед. хр. 90. Л. 89—103.
- ¹⁷ Там же. Л. 93.
- ¹⁸ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. 2. Приложение II. С. 200. № 81. Письмо А. И. Репнина Царю от 14 августа 1701.
- ¹⁹ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. 2. Приложение II. С. 195.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 7-А. Дела разных городов. Ед. хр. 90. Л. 96.
- ²¹ Karl XII på slagfältet; karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av taktikens utveckling från äldsta tider. Stockholm, 1918. S. 368—369; Походы Карла XII. Т. 2: Западная Двина и Клишов. М., 2014. С. 12.
- ²² Там же. С. 361—367; Походы Карла XII. Т. 2: Западная Двина и Клишов. С. 8—10.
- ²³ Там же. С. 371; Походы Карла XII. Т. 2: Западная Двина и Клишов. С. 15.
- ²⁴ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. 2. Приложение II. С. 200.
- ²⁵ Там же. Ч. 1. С. 98.

- ²⁶ Campement formé des Moscovites près de Kokenhausen au Mois de Juillet de l'ann 1701. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.digam.net/image.php?file=img/dokumente/5754/1.jpg&b=1000&h=auto>
- ²⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 7-А. Дела разных городов. Ед. хр. 90. Л. 26–27.
- ²⁸ Попов Н. Н. Указ. соч. Приложения. С. 142–143.
- ²⁹ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. 2. Приложение II. С. 195.
- ³⁰ Karl XII på slagfältet; karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av taktikens utveckling från äldsta tider. Stockholm, 1918. S. 373–374; Походы Карла XII. Т. 2: Западная Двина и Клишов. С. 17; Попов Н. Н. Ук. соч. Приложения. С. 143–144.
- ³¹ Попов Н. Н. Указ. соч. Приложения. С. 144.
- ³² Karl XII på slagfältet; karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av taktikens utveckling från äldsta tider. Stockholm, 1918. S. 373–374; Походы Карла XII. Т. 2: Западная Двина и Клишов. С. 33–39.
- ³³ Попов Н. Н. Указ. соч. Приложения. С. 146–147.
- ³⁴ Там же. С. 145–146.
- ³⁵ Adlerfeld G. The military history of Charles XII, King of Sweden. V. 1. London, 1740. P. 80.
- ³⁶ Wisocki-Hochmuth L. Dagbok af en Ingenior-Officer antagligen L. Wisocki-Hochmuth, 1700–1708 // Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter. B. 2. Lund, 1903. S. 133.
- ³⁷ Попов Н. Н. Указ. соч. Приложения. С. 147–149.
- ³⁸ Там же. С. 149.
- ³⁹ Thelott P. J. Ritningar uppe de af den Stormacktigste Konung, Konung Carl den XII under det med Rysland, Saxen och Pehlen fur de kriget med Guids hielp och segerrika warp se wid fastningars intagande som uti battallier, erofrade tropheen ahren 1700, 1707 och 1702. [S. l., s. a.]. Band 1. Fol. 63–75.
- ⁴⁰ Автор благодарит к. и. н. А. Н. Лобина за помощь в атрибуции.
- ⁴¹ Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск Шведского короля // Материалы Военно-учетного архива. Вып. 1. СПб., 1871. Стб. 69–70.
- ⁴² Schuster O., Francke F. U. Geschichte der Sächsischen Armee. T. 1. Leipzig, 1885. S. 150; Adlerfeld G. Ibid. V. 1. P. 101–102.
- ⁴³ Specification, Des Geschützes, Welches Sr. Kön. Maj. zu Schwed. Bey Eroberung Der Dünamünde, Den 22. Decembr. 1701 Von denen Sachsen zu Theil worden. Stockholm, 1701. 8 s.
- ⁴⁴ Thelott P. J. Ibid. Fol. 77–88.

С. Е. Виноградов (Москва)

**ЗНАЧЕНИЕ ИНОСТРАННОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ
ПОМОЩИ ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ
ПРОИЗВОДСТВА МОРСКИХ
КРУПНОКАЛИБЕРНЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ
СНАРЯДОВ НА ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1910-х ГОДОВ**

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ФЛОТА во второй половине XIX столетия, помимо перехода к металлическому корпусостроению и паровым двигательным установкам, в значительной степени стимулировалось противоборством артиллерии и брони, которой начали покрывать борта больших боевых кораблей. Даже 110–140-мм железные плиты, из которых состояла бортовая защита первых британских и французских броненосных фрегатов, являлись непреодолимой преградой для сплошных ядер и разрывных бомб морских орудий того времени. Свершившийся в течение 1860-х гг. переход — от гладкоствольных дульнозарядных чугунных и бронзовых пушек к стальным нарезным казнозарядным орудиям, позволил получить существенное повышение дульной энергии. Однако не меньшую важность представляла задача совершенствования артиллерийских снарядов, предназначенных для пробития брони и внесения действия разрывного заряда в жизненные части корабля. К концу 1860-х гг. на смену сферическим ядрам и бомбам приходят продолговатые остроконечные снаряды, позволившие в 2–2,5 раза увеличить их вес в рамках своего калибра. Не менее важным нововведением стал постепенный переход от чугунных снарядов к стальным, отличавшимся многократно увеличенной прочностью и, соответственно, бронепробиваемостью¹.

В данном вопросе Россия шла в ногу со временем. Благодаря отечественным традициям производства железа и стали, достаточно высокому уровню развития чёрной металлургии, горным инженером П. М. Обуховым в начале 1860-х гг. был разработан метод получения высококачественной орудийной стали. Снаряды для морских орудий, выполненные из этой стали, отличались высокой прочностью и повышенной способностью к бронепробитию, по сравнению с их аналогами из «быстро охлаждённого чугуна» (chilled cast iron — англ.), продолжавшего оставаться основным снарядным материалом, в связи со значительной дороговизной тигельной стали.

Первым отечественным предприятием, начавшим с конца 1860-х гг. изготовление стальных снарядов для флота, стал новообразованный сталелитейный и орудийный завод под Петербургом, вскоре перешедший в казну и названный по имени изобретателя русской пушечной стали — П. М. Обухова — Обуховским. Развитие сталеснарядного производства в данный период целиком находилось под влиянием двух противоположных обстоятельств: с одной стороны, увеличение толщины броневых плит новых кораблей и совершенствование материала брони требовало повышения мощности орудий и, соответственно, прочности снарядов, с другой стороны, стальные снаряды из углеродистой тигельной стали обходились чрезвычайно дорого.

Опытные литые снаряды изготовили на Обуховском сталелитейном заводе (ОСЗ) в 1869 г. После их успешной пробы, заслужившей восторженные отзывы даже таких пристрастных наблюдателей, какими были посетившие завод в 1870 г. английские инженеры-металлурги, приступили к крупносерийному изготовлению стальных снарядов калибра 8 и 9 дм (203–229 мм)². Их партия, в количестве 4672 шт., была вскоре успешно сдана флоту³. После этого завод взялся за изготовление более крупных 11-дм (279-мм) снарядов. Однако их чрезвычайно высокая стоимость (330 руб.) заставила в последующем отказаться от серийного производства⁴.

Следует отметить, что нововведения в производстве стальных морских снарядов, которое быстро стало во всём мире чрезвычайно закрытым и оберегаемым от постороннего взора сегментом оборонной индустрии стратегического характера, требовали разработки, апробации и внедрения самых современных методов приготовления стали, термообработки изделий

и продолжительных полигонных исследований. Именно поэтому усовершенствования в этом деле происходили медленно, обходились дорого и не являлись привлекательными для частного бизнеса морских вооружений без гарантии крупных заказов.

Положение в отрасли начало меняться на рубеже 1870—1880-х гг., когда изобретение и внедрение новых способов выделки стали — сначала по методу Г. Бессемера (H. Bessemer — в кислородных конверторах), а затем П. Мартена (P. Martin — в пламенных регенеративных печах) — позволило получать качественную сталь в больших количествах⁵. Производство морских крупнокалиберных снарядов, калибр которых, в связи с абнормальным увеличением толщины броневых плит на некоторых английских, итальянских и французских кораблях — до 450—500 мм, также дошёл до 450 мм, а вес приблизился к 1000 кг, в этот период вступило на путь применения легированных сталей. Это ещё более усложнило технологии и увеличило стоимость.

К этому времени в производстве стальных морских снарядов установилось первенство: французская компания инженера Ж. Гольцера (J. Holtzer) изготовила замечательные по прочности снаряды из хромистой стали⁶ в 1886 г. Даже британский флот в этот период приобретал технологии и партии бронебойных снарядов у традиционного врага — Франции⁷.

В России первым частным предприятием, решившим установить у себя производство стальных снарядов для флота, стал Путиловский завод в Петербурге. Выделка на нём бронебойных снарядов из легированной стали была введена на основе технологий Гольцера, — с его фирмой заключили контракт. По условиям соглашения, французская компания устанавливала производство морских бронебойных снарядов по своему методу, проектировала здания, соответствующее сталелитейное и закалочное производство⁸. В начале 1890-х гг. Путиловский завод уже выполнял правительственные заказы на стальные бронебойные и фугасные снаряды, в том числе наибольшего в России 12-дм (304,8 мм) калибра⁹. Его продукция имела на флоте высокую репутацию, но обходилась на 30—40 % дороже, чем аналогичные изделия казённых предприятий — Обуховского и Пермского заводов. Поэтому заказы на снаряды выдавались Путиловскому заводу лишь в тех случаях, когда мощности казённых поставщиков уже были перегружены работой.

Вплоть до начала XX столетия отечественное производство крупнокалиберных снарядов для флота испытывало определяющее влияние обстоятельства, не зависящего от прямых задач военного флота. Пресловутая «экономия» государственных средств буквально по рукам и ногам связывала его боевую подготовку. Это выражалось в целом комплексе мер: корабли на зимний период ставились на прикол, экипажи жили в береговых казармах, средства на опытно-конструкторские работы, в том числе по артиллерийской части, отпускались в минимальном размере.

В отношении снабжения флота снарядами данная практика выражалась в первую очередь в том, что по Положению 1892 г. в боекомплекте морских крупнокалиберных орудий их существенная часть ($\frac{1}{3}$) была представлена относительно дешёвыми чугунными снарядами сомнительной боевой ценности, плохо пробивающими броню. Ещё треть отводилась на стальные фугасные снаряды, но для экономии их стоимости при изготовлении отказались от ряда металлургических и термических операций, что вынудило для сохранения должной прочности увеличить толщину стенки и пойти на уменьшение разрывного заряда. И только последняя треть корабельных боекомплектов состояла из стальных бронебойных снарядов достаточной бронепробиваемости¹⁰. В итоге, в несчастную для флота Русско-японскую войну 1904—1905 гг. их общее действие оказалось принципиально хуже, чем у противника, орудия которого вели огонь снарядами или закупленными в Англии, или воспроизведёнными в Японии по британским образцам.

Действие русских морских снарядов в ходе войны 1904—1905 гг. привело к пониманию необходимости их кардинального улучшения¹¹. Требовалось разработать усовершенствованные типы взрывателей, перейти на новый тип разрывного заряда, с начала 1890-х гг. представленного влажным пироксилином¹². Самым же важным мероприятием должна была стать разработка новой конструкции утяжелённых крупнокалиберных 12-дм артиллерийских снарядов для линейных кораблей и больших крейсеров с одновременным увеличением их бронепробивающих качеств посредством применения новых марок снарядной стали и усовершенствования термообработки.

Проблема производства снарядов нового типа для воссоздаваемого флота усугублялась революцией начала XX в. в военно-морском деле. Она вызвала появление новых типов боевых кораблей,

артиллерийских орудий, двигательных установок. Появление линкоров нового поколения — дредноутов, ударный артиллерийский комплекс которых был представлен только орудиями самого крупного калибра в числе 10—12 стволов, что в 2,5—3 раза превышало традиционные 4 тяжёлых орудия прежних броненосцев, означало необходимость соответствующего роста производственных возможностей снарядных заводов. Таким образом, необходимость постройки нового флота с линкорами-дредноутами во главе, требовала кардинальной модернизации отечественных производств морских артиллерийских снарядов, что означало необходимость крупнейших финансовых инвестиций, значительных усилий и времени.

Во избежание больших государственных трат в Морском министерстве был разработан план привлечения к массовому производству крупнокалиберных снарядов частных металлургических производств, в разное время до этого успешно выполнявших разовые заказы флота на достаточно несложные снаряды для мелко- и среднекалиберной артиллерии. В данном намерении убеждал пример Путиловского завода, установившего у себя производство крупнокалиберных стальных снарядов по технологии французской компании Ж. Гольцера в начале 1890-х гг., и с тех пор, выполнявшего контракты, неизменно, в срок и с высоким качеством.

Одним из таких предприятий была не очень крупная компания металлургического, металлообрабатывающего и машиностроительного профиля, основанная в Петербурге во 2-й половине XIX в. промышленником Й. П. Парвиайненом — «Парвиайнен и К^о». На своём заводе на Выборгской набережной она периодически выделяла для армии и флота партии снарядов до 6-дм калибра. Устойчивая репутация фирмы в глазах Морского министерства и необходимость формирования пула частных подрядчиков для размещения будущих крупных заказов на морские снаряды больших калибров привела партнёров к переговорам о перспективах деятельности компании. В итоге, под будущие крупные заказы флота на снаряды, была проведена реорганизация фирмы в «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов» (РОИС), формально учреждённое 22 августа 1910 г., утверждением его устава Николаем II. Директор-распорядитель бывшего «Парвиайнена», инженер О. О. Брунстрём сохранялся в прежней должности на новом предприятии. Основной капитал общества был определён в 1,8 млн рублей¹³.

Технологию выделки крупнокалиберных снарядов было решено приобрести, по примеру Путиловского завода, в союзной Франции. В конце 1910 г. РОИС вошло в переговоры с компанией «Шнейдер» (Schneider et Cie)¹⁴. 1 февраля 1911 г. с ней заключили контракт сроком на 10 лет — на предоставление снарядных технологий и техническое руководство¹⁵. 14 мая 1911 г. общее собрание акционеров РОИС приняло решение о расширении и полном переоборудовании производств. Для этого акционерный капитал общества увеличивался до 3,6 млн рублей¹⁶.

Для создания новых производственных мощностей в июне 1911 г. по соседству с существующим заводом был приобретён крупный земельный участок площадью 4,5 десятины. Здесь возвели новые цеха: сталелитейный и механический. В 1912—1914 гг. РОИС инвестировало в развитие снарядного производства в Петербурге 14,6 млн рублей — огромную по тому времени сумму (стоимость линейного корабля — дредноута составляла около 30 млн рублей)¹⁷. Техническая поддержка, предоставленная французским партнёром, состояла в проектировании зданий и сооружений, а также установлении всех стадий выделки морских снарядов и, что самое важное, крупнокалиберных бронебойных на основе полного копирования принципов, применявшихся французской компанией на её заводах в Крезе. Все главные инженерные должности на новом снарядном производстве РОИС в Петербурге были поручены французским специалистам. Согласно условиям лицензионного соглашения, «за все, с этим делом связанные, секреты завода Крезе» РОИС по контракту уплачивало французам весьма немалую сумму в размере 1 172 718 рублей 42 копейек¹⁸.

Общество заказывало материал для снарядного производства, преимущественно на стороне. Основная часть заготовок мартеновской стали для последующих механических и термических стадий выделки снарядов (прессовка, обточка, закалка, отделка) поступала с крупного металлургического и броневое Ижорского завода Морского министерства. Около 15—20 % стального материала закупалось в Швеции. Помимо этого, новый завод сохранил небольшое самостоятельное тигельное производство стали. Её хватало в основном для выделки бронебойных снарядов, учитывая особо строгие требования к ним флота по прочности.

Прогресс в адаптации французских снарядных технологий позволил Главному управлению кораблестроения (ГУК) выдать

РОИС в декабре 1911 г. крупный наряд на изготовление 1678 бронебойных снарядов образца 1911 г. (вес каждого — 470,9 кг) для 52-калиберных орудий дредноутов. Деятельность предприятия в процессе реализации данного заказа развивалась наиболее успешно по сравнению с коллегами — Обуховским и Пермским заводами. На апрель 1914 г. завод имел 862 отлитых снаряда (550 из них — кованные), в то время как оба казённых завода — 572 (237) и 133 (47) соответственно. Помимо этого, также в декабре 1911 г., РОИС получил наряд на 3141 фугасный снаряд образца 1911 г., из которых было отлито 740 штук¹⁹ — на апрель 1914 г. Таким образом, предприятие изготовляло 4819 12-дм снарядов образца 1911 г. для флота, являвшихся важнейшим боевым средством борьбы на море в реалиях эпохи Первой мировой войны.

Помимо важнейших 12-дм снарядов для линейных кораблей и береговых батарей, завод продолжал выполнение других крупных заказов флота — 11 000 6-дм практических снарядов, 36 000 130-мм фугасных снарядов и 102-мм снарядов для эскадренных миноносцев²⁰.

Качество выделки заводом бронебойных снарядов было высоким. В ноябре 1914 г. на полигон для испытаний доставили снаряды партии, «состоящей из 300 штук наряда 1911 года и изготовленной из стали завода Бофорс» (Bofors Gullspangs). Отстрел производился из 12-дм пушки по броневым плитам Ижорского завода под углом 25°. Испытания на пробиваемость прошли успешно: «...при первом выстреле снаряд пробил плиту и сруб насквозь и целым ушёл в поле на дистанцию 800 сажен. При втором выстреле снаряд пробил плиту и сруб, разбившись при ударе в головной части ... Сохранившаяся часть корпуса (около 50 %) поднята перед плитой. При третьем выстреле снаряд пробил плиту и сруб насквозь и целым ушёл в поле на дистанцию 1100 сажен...»²¹. Отчётом от 15 января 1915 г. партия признавалась выдержавшей «контрольное испытание на пробиваемость и на меткость»²².

Первой военной зимой 1914—1915 гг. подача снарядов для флота заводом РОИС существенно замедлилась. Основная причина состояла в поломке пресса, который починили к середине февраля. После этого завод начал интенсивно нагонять сроки и к началу сентября 1915 г. отгрузил в Кронштадт для снаряжения тротилом все бронебойные снаряды заказа 1911 г., а также половину фугасных (около 1700 штук)²³.

В июле 1915 г. в Петрограде был запущен новый сталелитейный завод РОИС, производство морских крупнокалиберных снарядов на котором также было установлено на основе французских технологий, что весьма позитивно сказалось на производительности предприятия. В преддверии запуска новых мощностей «Русское общество» в начале июня 1915 г. приняло новый крупный наряд ГУК на 2500 12-дм фугасных снарядов образца 1907 г. для линкоров—додредноутов, имеющих на вооружении 12-дм орудия в 40 калибров. Их поставка осуществлялась партиями по 625 шт. в течение января — октября 1916 г. Литую снарядную болванку поставлял Ижорский завод по 200—250 шт. ежемесячно²⁴.

Ещё одним участником программы производства важнейших 12-дм снарядов для флота стал завод «Саламандра» в Прибалтике, в подобных масштабных и ответственных поставках для флота ранее не участвовавший. Завод представлял собой металлургическое и сталепрокатное предприятие средних размеров, выросшее из небольшой фабрики металлоизделий инструментального назначения. Оно было основано в 1899 г. в столице российской Лифляндии, губернском городе Рига. В 1903 г. завод был «взят под крыло» известной британской стальной компанией «Томас Фирт» (Thomas Firth & Sons Ltd.), которая приобрела в нём крупную долю. «Томас Фирт» был к этому времени одним из лидеров мирового производства стали, а также изделий из стали гражданского и военного назначения самого широкого ассортимента, в том числе морских артиллерийских снарядов. Приобретя участие в «Саламандре», англичане организовали здесь, в целях приближения к российскому рынку сбыта, массовое производство отличного режущего инструмента — фрез, свёрл, напильников и т. п.

Русское правительство благожелательно оценило приход именитого иностранного сталепромышленника в производительный сегмент империи. Именно индустриальные заслуги английских родственников вселяли уверенность в успехе осуществления обновлённой и укреплённой «Саламандрой» крупных и сложных работ по части военно-морских вооружений. В этом состоял, с точки зрения Морского министерства, крупный плюс потенциального подрядчика. Второй — заключался в том, что для производства 12-дм снарядов образца 1911 г., чрезвычайно жёстко регламентированных «Техническими условиями» на их

изготовление, «Саламандра» могла получать качественные чугуны из соседней Швеции и изначально разрешить подобным образом достаточно проблемный вопрос с сырьём.

В конце 1900-х гг. завод исполнил несколько заказов флота на снаряды для мало- и среднекалиберной артиллерии, но никогда калибр снарядов не превосходил 6 дм. Для развития данного сегмента производства «Саламандре» пришлось оборудовать специальный снарядный отдел, который был оснащён станками и приспособлениями как отечественного, так и английского производства. Британский технологический патронаж, являвшийся в глазах руководства русского Морского министерства весомой гарантией качества и залогом успеха, послужил условием для выдачи «Саламандре» 22 декабря 1911 г. крупного заказа на морские снаряды. В него входил 3141 12-дм фугасный снаряд образца 1911 г. и 5062 120-мм фугасных снаряда образца 1911 года²⁵. Они предназначались для 4 линейных кораблей — дредноутов типа «Севастополь», строительство которых велось в Петербурге.

Становление на «Саламандре» способа производства 12-дм снарядов образца 1911 г., как и у остальных участников данной программы, происходило непросто. Практически весь период 1912 и 1913 гг. пошёл на подготовку — из Англии завозилось и устанавливалось оборудование, подбирались сорта стали, производились опытные плавки, отрабатывались методы термообработки. Даже участие английских специалистов компании «Томас Фирт» на первых порах мало способствовало успеху. Из всех участников поставки 12-дм снарядов образца 1911 г. флоту «Саламандра» более всех затянула сроки и в конечном счёте сдала их наименьшее количество.

К моменту начала боевых действий в июле 1914 г. завод не сдал флоту ни одного снаряда²⁶. Первые готовые 12-дм снаряды завод был готов представить для полигонных испытаний только в декабре. Партия в 500 снарядов была им в целом сформирована для предъявления к приёмке весной 1915 г. В конце апреля приёмщик ГУК полковник Н. М. Родзиевич визуально проинспектировал на заводе в Риге 500 12-дм фугасных снарядов образца 1911 г., «из которых в совершенно готовом виде было 340 шт., а остальные 160 шт. закалены, но ещё не отделаны»²⁷. Он выбрал 20 снарядов (9 — на пробиваемость и прочность и 11 — на меткость) для испытания стрельбой, которые 2 мая были отосланы на полигон под Петроградом²⁸.

В середине мая снаряды испытали стрельбой на пробиваемость по 150-мм плите крупновской брони. Результаты оказались несколько ниже ожидаемых, однако всю партию, из-за обстоятельств войны, решили принять с понижением стоимости на 5 %²⁹. 27 мая снаряды, по распоряжению ГУК, были погружены в вагоны и отправлены на Черноморский флот, где пошли на комплектование линкора «Императрица Мария», постройка которого спешно заканчивалась в Николаеве³⁰.

Последующие события на фронте не позволили «Саламандре» продолжить производство снарядов на заводе в Риге. В связи с быстрым развитием, начиная с мая 1915 г., большого германского наступления на территории западных губерний Российской империи, было принято решение об эвакуации военных предприятий Рижского района вглубь страны. 25 мая поступило распоряжение об отправке с завода всех снарядов³¹, начатых изготавливаться. На тот момент имелось 150 «закалённых и отпущенных» 12-дм фугасных снарядов образца 1911 г., из которых 90 числились как «вполне готовые»; что касается 120-мм фугасных снарядов образца 1911 г., то их было 1250 шт. — отделанных, но без поясков³².

Местом эвакуации всех готовых и полуготовых снарядов, а также их заготовок, перемещаемых с «Саламандры», был определён Обуховский завод, которому предстояла их доделка. Снарядный материал, поступающий из Риги на ОСЗ, предписывалось «складировать на одно место», с последующей выдачей наряда на доделку³³. Эвакуационная особая комиссия генерал-майора А. П. Залюбовского предложила администрации завода перебазировать оборудование «Саламандры» «в кратчайшее время...из Риги в любое место, по желанию завода». Уже в июле началась погрузка станков в эшелоны. Оборудование для изготовления снарядов перенаправили на казённый Пермский оружейный завод, где оно было смонтировано в реквизированных казной и «специально приспособленных для этого зданиях (винный склад Министерства финансов и частный пивоваренный завод б. Чердынцева)»³⁴. На новом месте бывшие мощности «Саламандры» целиком задействовали для работ по 12-дм и 130-мм фугасным снарядам для флота. Согласно донесению Горного департамента морскому министру, адмиралу И. К. Григоровичу, пуск поступившего оборудования в Перми рассчитывался на конец 1915 года³⁵.

Рижское оборудование очень пригодились на Пермском заводе, составив его «значительное усиление». В отчёте завода

за 1915 г. отмечается, что «установлением этого оборудования в значительной мере восполняется тот пробел в развитии крупно-снарядного производства, который...был вызван открытием военных действий, повлекшим за собою отказ иностранных фирм изготовлять специальные крупно-снарядные станки»³⁶. Что касается формальной стороны вопроса, то совещание по обороне государства, постановившее передать станки Пермскому заводу, решило также «выдать фирме «Саламандра» вознаграждение за передаваемые станки в размере не свыше 1 125 000 рублей»³⁷.

Всего было изготовлено и сдано 853 12-дм снаряда (немногим более четверти всего заказа — 27 %), а также около 2500 120-мм снарядов. В начале войны завод также сдал несколько партий 12-дм снарядов — 635 фугасных снарядов образца 1907 г. с накопечниками для 12-дм орудий додредноутов и 300 практических снарядов образца 1911 г. для 12-дм 52-калиберных орудий дредноутов³⁸. История производства снарядов для русского флота на рижской «Саламандре» продолжения не получила.

Подводя итоги участия частных металлургических заводов российского Северо-Запада в программе производства крупнокалиберных морских снарядов накануне и во время Первой мировой войны, следует отметить, что тщательно продуманная ими адаптация англо-французских снарядных технологий, несмотря на весьма существенные затраты на лицензирование, а также инвестиции в развитие технологических мощностей, позволили решить крупную оборонную задачу и снабдить флот первоклассными боевыми средствами мирового уровня в условиях острого дефицита времени в обстановке неумолимо надвигающегося мирового военного конфликта.

---

¹ Novgaard W. Modern History of Warships. London, 1920. P. 433.

² Обуховский сталелитейный завод (пер. статьи из англ. журнала Engineer). // Морской сборник. 1870. № 11. Неофициальный отдел. С. 39.

³ Каптерев Н. А. Обуховский сталелитейный завод. СПб., 1913. С. 31.

⁴ Колчак В. И. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб., 1903. С. 53.

⁵ Политехнический словарь. / Гл. ред. акад. А. Ю. Ишлинский. 2-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1980. С. 53, 284.

⁶ Novgaard W. Modern History of Warships. London, 1920. P. 434.

⁷ Brown D. K. Warrior to Dreadnought — Warship Development 1860—1905. London, 1997. P. 201.

- ⁸ Миттельман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода. М.-Л., 1939. С. 46.
- ⁹ Бовькин В. И. «Путиловское дело» // Былое. 1996. № 7. С. 16.
- ¹⁰ Журнал по артиллерии № 80 от 25 августа 1892 г. // Отчёт о занятиях Морского Технического комитета за 1892 год. Ч. IV. По артиллерии. СПб., 1894. С. 211–212, 492.
- ¹¹ Гончаров Л. Г. Некоторые тактические уроки Цусимы. К тридцатилетию Цусимского боя // Морской сборник. 1935. № 6. С. 23.
- ¹² Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 421. Оп. 10. Д. 845. Л. 5, 6.
- ¹³ Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России: конец XIX в. — 1914 г. М.: Наука, 1992. С. 161.
- ¹⁴ Бовькин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. С. 228.
- ¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 757. Л. 408.
- ¹⁶ Бовькин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. С. 229.
- ¹⁷ Там же. С. 230.
- ¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 757. Л. 408.
- ¹⁹ Там же. Д. 477. Л. 269 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 401. Д. 200. Л. 22, 45; Д. 477. Л. 86.
- ²¹ Там же. Ф. 401. Д. 756. Л. 38.
- ²² Там же. Л. 3 об.
- ²³ Там же. Д. 757. Л. 426.
- ²⁴ Там же. Л. 146, 171, 173.
- ²⁵ Там же. Д. 477. Л. 85.
- ²⁶ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1905. Л. 31.
- ²⁷ Там же. Ф. 401. Оп. 2. Д. 757. Л. 79, 80.
- ²⁸ Снаряды данной партии имели двойные пояски, введённые в 1913 г. Однако в ней имелось 12 снарядов, снабжённых одинарными поясками из красной меди шириной 3 дм, так как эти снаряды были изготовлены раньше перехода на двойные пояски.
- ²⁹ РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 757. Л. 105.
- ³⁰ Там же. Л. 133.
- ³¹ Там же. Л. 134, 125.
- ³² Пояски заказаны обществу Франко-Русских заводов в Петрограде 9 февраля 1915 г. со сроком поставки — 3 месяца, но до сих пор не отправлены. Неоднократные обращения администрации «Саламандры» руководству ФРЗ об ускорении поставки успеха не имели.
- ³³ РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 757. Л. 250.
- ³⁴ Там же. Д. 946. Л. 26.
- ³⁵ Там же. Д. 757. Л. 500.
- ³⁶ Там же. Д. 946. Л. 26.
- ³⁷ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918. В 3 т. Т. I. 1915 г. М.: РОССПЭН, 2013. С. 230.
- ³⁸ РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 756. Л. 63, 64.

Н. А. Власов (Санкт-Петербург)

**МИССИЯ ВАЛЬДЕРЗЕЕ «КРИЗИС ДОВЕРИЯ»
В ГЕРМАНСКОМ КОМАНДОВАНИИ
НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ
ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 1870—1871 гг.**

ВТОРАЯ ФАЗА Франко-прусской войны 1870—1871 гг., начавшаяся после Седанского сражения, обычно не привлекает большого внимания исследователей. Осенне-зимней кампании посвящено на порядок меньше специальных работ, чем августовским боям 1870 г.; в обзорных трудах ей также отводится лишь незначительное место. К примеру, в классическом труде А. А. Свечина, из 60 страниц, посвященных Франко-прусской войне, на вторую ее фазу приходится лишь 10¹. При этом непосредственно боевым действиям отведено всего две страницы, а некоторые крупные сражения (в частности, битва при Ле-Мане 10—12 января 1871 г.) не упомянуты вообще².

На наш взгляд, это традиционное невнимание к осенне-зимней кампании лишено всяких оснований. Действительно, на первый взгляд события первой фазы Франко-прусской войны могут показаться более яркими, масштабными и поучительными. Однако на деле это не так. Вторая фаза была не только во много раз более протяженной по времени (более 80 % общей продолжительности активных боевых действий), ее наполняли масштабные сражения, активные и разнообразные по своему характеру операции. Задачи, которые приходилось решать командованию обеих сторон, были ничуть не менее сложными, чем в первой фазе войны. Что же касается уроков на будущее, то именно вторая фаза приоткрыла занавес над многими характерными особенностями мировых войн XX века (позиционное противостояние, многодневные наступательные операции на широком фронте,

партизанская война, массовое формирование новых соединений за счет перманентной мобилизации и т. д.). Из-за недооценки значимости осенне-зимней кампании 1870—1871 гг. эти уроки не были в должной степени усвоены европейскими армиями в преддверии 1914 года. Тем более, нет оснований рассматривать вторую фазу Франко-прусской войны просто, как затянувшуюся агонию Франции, не требовавшую от немцев сколько-нибудь значимых усилий. Более того, именно осень 1870 г. стала временем самого тяжелого кризиса для германского командования за все время войны.

Этот кризис имел двойственную природу. С одной стороны, развитие ситуации на театре военных действий внушало серьезные опасения. В конце сентября 1870 г. две германские армии блокировали Париж, две другие — Мец в Лотарингии. В каждой из этих крепостей находилась крупная французская группировка, и их штурм всерьез не рассматривался. Германская стратегия заключалась в том, чтобы дожидаться капитуляции обеих крепостей. Однако в распоряжении немецкого командования при этом практически не оставалось свободных сил; одна сравнительно небольшая группировка (по сути, усиленный армейский корпус) действовала в южном Эльзасе, другая (баварский корпус, две прусские пехотные дивизии и кавалерия) — к югу от Парижа. Между тем, республиканское правительство энергично взялось за формирование новой армии и достигло в этом немалых успехов. В начале октября 1870 г. французские вооруженные силы за пределами Меца и Парижа насчитывали в своих рядах более полумиллиона солдат и офицеров³. Конечно, значительная часть соединений еще не находилась в боевой готовности, однако число боеспособных корпусов быстро росло. 9 ноября при Кульмье французская Луарская армия одержала победу над I баварским корпусом, заставив немцев отступить из Орлеана. Хотя в конце октября Мец капитулировал, высвободив силы 1-й и 2-й немецких армий, это не снимало остроту проблемы; во второй половине ноября французская армия на Луаре насчитывала уже около 200 тыс. солдат и офицеров.

С другой стороны, кризис в германской штаб-квартире имел и ярко выраженную психологическую составляющую. После Седана командование германской армии было уверено, что война в основном закончена, осталось только продиктовать мир. Как стойкость защитников Парижа, так и массовое формирование

республиканских армий стали для немцев весьма неприятной неожиданностью. Внезапный переход от победной эйфории к необходимости вновь решать сложные стратегические задачи стал серьезным испытанием и заставлял весьма болезненно воспринимать происходящее. «Когда же, наконец, эта несчастная страна поймет, что она побеждена и ее положение ухудшается с каждым днем?» — раздраженно писал шеф прусского Большого Генерального штаба Г. фон Мольтке 12 октября⁴. Мольтке, впрочем, всегда считался образцом спокойствия и флегматичности и в данной ситуации также не терял присутствия духа. Гораздо сильнее оказалась фрустрация у прусского короля Вильгельма I. Склонный к пессимистическим настроениям в критических ситуациях, он тяжело переживал происходящее. По мере того, как оптимистические прогнозы прусских генералов раз за разом не сбывались, монарх становился все более недоверчивым. Ему казалось, что прусский генеральный штаб либо сознательно вводит его в заблуждение, либо неадекватно оценивает угрожающую ситуацию. В связи с этим во второй половине ноября Вильгельм I решил направить на ключевой участок театра военных действий — в немецкую группировку на Луаре — своего личного представителя, который должен был непосредственно докладывать ему о происходящем. Выбор короля пал на флигель-адъютанта, подполковника Альфреда фон Вальдерзее.

Вальдерзее, который впоследствии стал преемником Мольтке на посту главы Большого Генерального штаба и дослужился до звания фельдмаршала, являлся весьма примечательной фигурой⁵. Потомственный офицер родился в 1832 г. и с детства был близок к королевскому двору. В 18 лет Альфред фон Вальдерзее сдал офицерский экзамен и начал службу в прусской артиллерии, однако находился преимущественно на штабных и адъютантских должностях. В Австро-прусской войне 1866 г. он участвовал в качестве адъютанта принца Карла, являвшегося генеральным инспектором артиллерии. После окончания кампании его назначили в штаб X армейского корпуса в аннексированном Ганновере. Находясь на этом посту, Вальдерзее установил контакты с канцлером Северогерманского союза Отто фон Бисмарком, что в немалой степени способствовало его назначению военным атташе в Париже в начале 1870 г. После начала войны молодой офицер вернулся в Пруссию и затем находился в германской штаб-квартире на театре военных действий. Вальдерзее был амбициозным,

умным и ловким деятелем, сочетавшим в себе способности офицера, придворного и дипломата.

Задание, которое получил Вальдерзее от короля, можно назвать беспрецедентным. Вильгельм I фактически открыто заявлял о своем недоверии к военному руководству и отправлял в ключевую точку театра военных действий личного представителя. Сам подполковник следующим образом передавал в дневнике поручение монарха, озвученное на аудиенции 25 ноября: «Сейчас решающий момент кампании. Французская Луарская армия очень усилилась. Я всегда это предвидел, однако господа [из генерального штаба] всегда знают все лучше меня и утверждают, что война подошла к концу... Если принц Фридрих Карл окажется разбит, мы вынуждены будем снять блокаду Парижа, и кампания будет проиграна. Я обрисовал всю серьезность ситуации в письме принцу, повторите ему то, что я Вам сказал. В его руках — судьба всей войны, но скажите ему, что я полностью доверяю его полководческому таланту и опыту. Вы останетесь с принцем, пока кризис не минует. Докладывайте мне ежедневно»⁶. Принц Фридрих Карл в этот момент двигался с тремя корпусами 2-й армии в направлении Орлеана; здесь к нему должны были присоединиться силы армейской группы великого герцога Мекленбургского — I баварский корпус, две пехотные дивизии и кавалерия. Этой группировке, общей численностью около 80 тысяч солдат и офицеров, предстояло вступить в бой с основными силами Луарской армии.

Вальдерзее прекрасно понимал всю сложность ситуации, в которой оказался. Его миссия по понятным причинам не могла вызвать у офицеров Генерального штаба ничего, кроме раздражения. В глазах принца Фридриха Карла, он легко мог предстать соглядатаем из главной квартиры. Фактически Вальдерзее оказался между двух огней — монархом и армейской верхушкой. Вызвать недовольство любой из этих двух сторон означало с высокой степенью вероятности поставить крест на блестящих карьерных перспективах.

26 ноября Вальдерзее прибыл в ставку командующего 2-й армией в Питивье, к северо-востоку от Орлеана. Ему пришлось пустить в ход все свое дипломатическое искусство, чтобы не дать принцу Фридриху Карлу повода для недовольства. «Я улучил подходящий момент, — писал Вальдерзее в своем дневнике, — и сказал принцу несколько льстивых слов о его полководческом

таланте; я знал, что в его случае в этом можно не стесняться. После этого я попросил его, чтобы он воспринимал меня как посредника, который находится здесь, чтобы передавать его желания королю, и я буду писать только то, что ему приятно»⁷. Судя по всему, Вальдерзее очень помогло то обстоятельство, что отношения между принцем и Генеральным штабом также были далеки от идеальных. В штабе 2-й армии считали, что в Версале не понимают сложившейся ситуации и отдают приказы, совершенно не соответствующие обстановке. В своем ответном письме королю Фридрих Карл не упустил случая пожаловаться на Мольтке и его соратников: «Благодарю за командирование графа Вальдерзее, от которого я наконец-то узнал, как обстоят дела под Парижем и о чем там думают, потому что в служебной переписке об этом ни слова, и мы узнаем все только из берлинских газет»⁸. «Кризис доверия», охвативший немецкое военное руководство, касался не только монарха; по большому счету, сложно было найти две командные инстанции высокого уровня, которые не имели бы друг к другу серьезных претензий.

Вторым обстоятельством, благоприятствовавшим успеху Вальдерзее, было развитие ситуации на театре военных действий. Луарская армия начала наступление на север по приказу республиканского правительства — за два дня до его прибытия в Питивье. Решающее сражение, которого так опасался Вильгельм I, началось. 28 ноября правое крыло Луарской армии атаковало прусский X корпус в районе Бон-ла-Роланд. Несмотря на почти шестикратное численное превосходство французов, все их атаки были отражены. 2 декабря центр и правое крыло Луарской армии перешли в атаку на позиции армейской группы герцога Мекленбургского в районе деревень Луаньи и Пупри с тем же результатом. Недостаточно обученные и сплоченные французские соединения после неудачных атак в значительной степени утратили боеспособность, что позволило принцу Фридриху Карлу перейти в наступление и в ночь с 4 на 5 декабря занять Орлеан.

Луарская армия была фактически разгромлена, ее корпуса отступали в разных направлениях. Как это обычно и происходит, победа временно лишила остроты внутренние противоречия в лагере победителей. В этих условиях Вальдерзее было проще исполнить свою миссию, не испортив отношения ни с одной из заинтересованных инстанций. Он ежедневно писал пространные

доклады королю, которые достаточно адекватно отражали происходящее. Вальдерзее вполне мог писать правду, не рискуя разгневать принца Фридриха Карла. Как сложилась бы его миссия, если бы немцам в этой операции не сопутствовал успех, сказать сложно.

Впрочем, это совершенно не означает, что задача, стоявшая перед Вальдерзее, перестала быть сложной. В атмосфере, наполненной взаимными упреками и мнительностью, было слишком легко испортить отношения с одной из заинтересованных сторон. «Я немедленно взялся за доклад № 2, — писал Вальдерзее на второй день своего пребывания в Питивьере, — в котором изложил свои мысли, конечно же, очень осторожно. Мне нужно быть осторожным с принцем, и рисовать королю ситуацию слишком черными красками было нельзя»⁹. Действительно, если проанализировать доклады, отправленные подполковником Вильгельму I, можно убедиться, что он весьма скуп и осторожно комментирует решения командования 2-й армии, позволяя себе в лучшем случае весьма осторожную критику. К примеру, в упомянутом донесении от 27 ноября, Вальдерзее называл немецкое развертывание к северу от Орлеана «несколько слишком смелым»¹⁰. Более серьезную критику подполковник позволял себе в адрес баварских войск¹¹. Негативные высказывания о командовании 2-й армии Вальдерзее допускал только в своем дневнике. «Я не понимаю принца Фридриха Карла и Штиле», — писал он, к примеру, 8 декабря, о действиях командующего и начальника штаба 2-й армии после взятия Орлеана¹². «Я считаю это в высшей степени неправильным и нелогичным», — комментировал он их решения неделю спустя¹³. Естественно, в донесениях в Версаль, отправленных в те же дни, подобных комментариев нет.

В целом донесения Вальдерзее производят впечатление тщательно продуманных. Основное место в них занимает описание боевых действий без каких-либо комментариев. При этом неизменным рефреном звучат похвалы храбрости и стойкости немецких солдат. Вальдерзее относительно много писал о действиях и предполагаемых намерениях противника, в некоторых случаях высказывал свои предложения по поводу дальнейших действий 2-й армии. Решения командования он практически не комментировал¹⁴.

Помимо этого, Вальдерзее стремился продемонстрировать свою полезность, а заодно и отличиться в бою — возможность,

которой он оказался лишен как в кампании 1866 г., так и в предшествующие месяцы Франко-прусской войны. Утром 28 ноября он отправился на позиции X армейского корпуса, где началось сражение при Бон-ла-Роланд. Чтобы оценить ситуацию, Вальдерзее лично отправился в самую гущу боя, после чего прибыл на командный пункт. Отсюда он, по просьбе командира X корпуса, генерала К. фон Войтс-Реца, направился в расположение III армейского корпуса, чтобы попросить помощь. Встретив по пути авангард III корпуса, Вальдерзее поторопил его; затем он доложил обстановку командиру корпуса, генералу К. фон Альвенслебену. Последний попросил подполковника, как опытного артиллериста, к тому же владеющего информацией о происходящем на поле боя, выбрать позиции для двигавшихся в авангарде батарей 5-й пехотной дивизии¹⁵.

2 декабря Вальдерзее вновь участвовал в бою — речь идет о сражении при Луаньи-Пупри. В самом начале сражения он отправил доклад о происходящем принцу Фридриху Карлу, позаботившись о том, чтобы этот документ добрался до адресата быстрее других донесений. В дальнейшем подполковник перемещался по полю боя, периодически информируя о происходящем великого герцога Мекленбургского и командиров дивизий. Около пяти часов вечера он принял участие в отражении французской атаки на деревню Луаньи, собрав несколько групп отходящих солдат и офицеров, и организовав оборону на южной окраине деревни. «Я спешился и взял ружье раненого солдата из 75-го полка, — писал Вальдерзее в своем дневнике. — Я сделал от трех до шести выстрелов с расстояния 500 шагов»¹⁶. Вскоре французы были отброшены контратакой резерва 17-й пехотной дивизии.

Несмотря на то что Вальдерзее в общем и целом смог достичь поставленной цели — сослужить хорошую службу и королю, и командованию 2-й армии — он, по вполне понятным причинам, стремился как можно скорее завершить свою миссию, которую можно сравнить с ходьбой по канату. 8 декабря он отправил полковнику Э. фон Альбедиллю — флигель-адъютанту и одному из ближайших советников короля — телеграмму, в которой заявил, что считает свою задачу выполненной и возвращается в Версаль, если не получит иных указаний¹⁷. Принц Фридрих Карл, однако, попросил Вальдерзее задержаться и тем же вечером отправил его с поручением к великому герцогу Мекленбургскому. В течение следующих двух недель Вальдерзее продолжал выполнять

небольшие поручения командования 2-й армии и регулярно писать отчеты монарху. Свои отношения с принцем он характеризовал как весьма теплые, однако, как уже говорилось выше, весьма критически относился к решениям Фридриха Карла, считая, что тот действует недостаточно энергично и упускает шанс уничтожить разбитого противника¹⁸. 19 декабря Вальдерзее с некоторым разочарованием писал в своем дневнике, что крупномасштабных операций в обозримом будущем не предвидится¹⁹, и бомбардировал Версаль просьбами отозвать его. 21 декабря он, наконец, получил приказ возвращаться в главную квартиру.

«На протяжении четырех недель он был для меня приятным и любезным спутником. Он присутствовал при восьми сражениях и утверждает, что многому научился здесь», — записал принц Фридрих Карл 22 декабря в своем дневнике²⁰. Эта характеристика примечательна тем, что в ней ничего не говорится о пользе Вальдерзее, а его роль в сражениях описывается как сугубо пассивная. Тем не менее, свою главную задачу представитель короля выполнил, избежав конфликта с командующим 2-й армией. По крайней мере, он сам именно это считал своим основным достижением²¹.

23 декабря Вальдерзее прибыл в Версаль, немедленно доложил о себе королю, который похвалил его за прекрасную работу, после чего отправился наносить визиты другим влиятельным особам, в том числе Бисмарку. Два дня спустя он был награжден Железным крестом 1-го класса. Эта миссия стала достаточно важной ступенькой в дальнейшей карьере Вальдерзее, который двадцать лет спустя стал одним из самых могущественных и влиятельных людей во всей Германии. Однако способствовала ли она разрешению «кризиса доверия» в германском командовании в конце 1870 г.? На наш взгляд, на этот вопрос следует ответить отрицательно. В тех условиях, впрочем, можно считать большим достижением уже то, что Вальдерзее своими действиями смог предотвратить дальнейшее обострение этого кризиса.

Миссия Вальдерзее в штаб-квартиру 2-й армии была наиболее ярким, но далеко не единственным проявлением «кризиса доверия» в германском руководстве. Победа под Орлеаном ни в коей мере не сняла существовавшие противоречия. Великий герцог Баденский, находившийся в Версале, писал в своем дневнике: «Даже в высших военных кругах иногда ведется тайная война. Один осложняет другому работу или отдает распоряжения,

перечеркивающие приказы другого. Бывает, что мнение по какому-либо вопросу формируется на основании не деловых, а личных соображений. В итоге, один возражает другому только потому, что не хочет признать его правоту. Возникает масса мелких интриг, которые можно понять, только точно зная отношение соответствующих персон друг к другу. Чтобы решить какой-либо вопрос, приходится совершать множество комбинаций личного характера, дабы что-то вообще продвинулось вперед. Тот, кто не знает этого и, будучи уверенным в правоте своего дела, упускает подобные меры предосторожности, терпит крах»²².

Ключевым предметом разногласий в конце 1870 г. стал вопрос обстрела Парижа. Сторонники скорейшего начала бомбардировки (в первую очередь, Бисмарк и военный министр А. фон Роон) обвиняли противников обстрела (командующего 3-й армией кронпринца Фридриха Вильгельма и его начальника штаба Л. фон Блументаля) в намеренном саботаже королевских приказов. Обстрел все-таки начался 5 января 1871 г., однако конфликты в германском военно-политическом руководстве продолжались до конца войны.

Какое влияние «кризис доверия» оказал на ход военных действий? В ситуации 1870—71 гг. его воздействие оказалось незначительным. Монополию шефа Большого Генерального штаба на общее руководство военными операциями никто всерьез не оспаривал, король не был готов взять на себя ответственность за самостоятельное руководство военными действиями, а командующие крупных соединений и объединений в рамках прусской традиции имели достаточно большую свободу принятия решений. Необходимо, однако, отметить, что отсутствие у «кризиса доверия» серьезных последствий объясняется во многом двумя обстоятельствами: во-первых, относительно быстрым завершением войны, во-вторых, отсутствием у германской армии существенных неудач на поле боя. В случае затягивания конфликта или серьезного поражения, «кризис доверия», безусловно, мог бы иметь значительно более масштабные и губительные последствия.

---

¹ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.-Л., 1928. С. 274—335.

² Там же. С. 330—332.

³ Meier-Welcker H. Der Kampf mit der Republik / Entscheidung 1870. Der deutsch-französische Krieg. Stuttgart, 1970. S. 108.

- ⁴ Moltke H. K. B. v. Aufzeichnungen. Briefe. Schriften. Reden. Ebenhausen, 1923. S. 264.
- ⁵ Краткая биография Вальдерзее на русском языке. См.: Власов Н. А. Альфред фон Вальдерзее // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 26—41.
- ⁶ Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten. Bd. 1. Stuttgart-Berlin, 1922. S. 107—108.
- ⁷ GStA PK, VI. HA Familienarchive und Nachlässe, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 7, Bl. 90.
- ⁸ Prinz Friedrich Karl von Preußen. Denkwürdigkeiten aus seinem Leben. Bd. 2. Stuttgart-Leipzig, 1910. S. 341.
- ⁹ GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 7, Bl. 91.
- ¹⁰ General-Feldmarschall Alfred Graf von Waldersee in seinem militärischen Wirken. Bd. 1. Berlin, 1929. S. 270.
- ¹¹ Ibid. S. 297.
- ¹² GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 7, Bl. 104.
- ¹³ Ibid. Bl. 109.
- ¹⁴ GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 8.
- ¹⁵ Hönig F. Der Volkskrieg an der Loire im Herbst 1870. Bd. 2. Berlin, 1896. S. 220.
- ¹⁶ General-Feldmarschall Alfred Graf von Waldersee... S. 286.
- ¹⁷ Ibid. S. 305.
- ¹⁸ GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 7, Bl. 109.
- ¹⁹ General-Feldmarschall Alfred Graf von Waldersee... S. 317.
- ²⁰ Prinz Friedrich Karl von Preußen. Op. cit. S. 340.
- ²¹ General-Feldmarschall Alfred Graf von Waldersee... S. 323.
- ²² Großherzog Friedrich I von Baden und die deutsche Politik von 1854—1871. Bd. 2. Osnabrück, 1966. S. 266.

П. Ф. Гёзалов (Баку, Азербайджанская республика)

ИСЛАМСКИЕ СИМВОЛЫ НА АТРИБУТАХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ХАНСТВ

В СЕРЕДИНЕ XVIII века начался новый этап в истории государственности Азербайджана — на исторической арене появились новые субъекты международного права — ханства. На землях к северу от реки Араз возникло Иреванское, Нахичеванское, Гарабахское, Гянджинское, Джавадское, Шекинское, Шамахинское, Кубинское, Сальянское, Дербентское, Бакинское, Тальшское (Ленкоранское) ханства. К югу от реки Араз — на исторических землях Азербайджана, сформировались Тебризское, Урмийское, Ардебильское, Хойское, Серабское, Марагинское, Макинское и Карадагское ханства. Создание ханств было результатом объективного исторического процесса, следствием развития феодальных отношений и, что самое главное, новым этапом в истории государственности.

Беглярбекства, на базе которых возникли ханства, «представляли собой опыт и традиции самостоятельных государственных образований»¹. Четыре беглярбекства, на которые делился Азербайджан в составе государства Сефевидов (Гарабахское, Ширванское, Чухурсаадское, Тебризское) делились на более мелкие административные единицы, которые в подавляющем большинстве своем управлялись азербайджанцами. Надир-шах Афшар в 30-х годах XVIII века провел административную реформу, объединив четыре беглярбекства в единый вилайет — Азербайджан. Однако с его смертью вилайет распался. В историографии Азербайджана широко освещены политические и экономические процессы, подробно описаны события, приведшие к созданию и укреплению ханств. В данном контексте хочу рассмотреть ханства как государственные образования, субъект

системы международных отношений и международного права II половины XVIII—начала XIX веков. Понятие «государственное образование» является не только политической, но и общественно-философской категорией. Государственное образование должно обладать всеми теми определяющими свойствами и элементами, которые появляются с возникновением государственного образования и исчезают вместе с ним. Сюда входят идеологические, экономические, политические, военные, религиозно-философские и другие элементы, которые выражают государственность и государственную власть. Тема статьи требует исследования лишь одного из этих элементов — символа государственности и изображенных символов. Однако для того, чтобы доказать, что ханства были самостоятельными субъектами международного права, вкратце представлю вниманию читателей и другие элементы. Первый элемент, характеризующий государственное образование, — политическая власть. Этот элемент включает в себя формы политического правления и государственные институты. Власть должна быть легитимной, что определяется не столько законами, сколько ее соответствием интересам большинства населения². Принимая во внимание тот факт, что ни одно из ханств Азербайджана не было ликвидировано в результате народного восстания, и имевшие место восстания были направлены не против строя и государственности, а против отдельных физических лиц, можно твердо отметить, что население воспринимало государственную (ханскую) власть как легитимную. Что же касается государственных интересов, то они группировались в рамках четырех ведомств (административное, финансовое, судебное, военное), подробно исследованных в отечественной историографии³. Следующим элементом, характеризующим государственное образование, является территория, то есть определенные границы, в рамках которых действуют государственные институты, и на которую распространяется юрисдикция правительства. Все ханства обладали государственной территорией, хотя постоянные войны между ними изменяли границы. Важным элементом, характеризующим государственное образование, является экономический потенциал, включающий в себя право иметь свою валюту. Многие исследователи в своих монументальных трудах показали экономическую составляющую ханств как государственных образований⁴. Существенным элементом, характеризующим государственное образование,

являются его вооруженные силы. Все ханства Азербайджана имели свои вооруженные силы, численность и уровень оснащённости которых, обуславливались экономическим потенциалом ханства. Вооруженные силы состояли из постоянного войска (гвардия правителя) и отрядов ополченцев, призываемых в зависимости от определенной военно-политической ситуации⁵.

Государственные образования также характеризуются такими элементами, как этнический состав населения, язык и идеология. Исследования как отечественных, так и зарубежных ученых показали, что основным этносом в ханствах были тюрки-азери, основным языком (лингва франка) — азербайджанский (тюркский), основной идеологией — ислам. Именно эти моменты обеспечили азербайджанский характер всех азербайджанских ханств, даже западный исследователь Т. Свентоховский назвал период ханств истории Азербайджана «временем независимости»⁶.

И последний элемент, характеризующий государственное образование, — символы государственности и атрибутика власти. Атрибуты государственности ханств Азербайджана — трон, корона, скипетр (жезл), печать, знамя (штангарт, бунчук), парадное оружие и денежная единица (монета). Всё вышесказанное доказывает, что все ханства Азербайджана второй половины XVIII—начала XIX веков являлись государственными образованиями, так как обладали необходимыми для этого атрибутами. Ханства Северного Азербайджана (т. е. ханства к северу от реки Араз) были самостоятельными государствами, в то время как ханства Южного Азербайджана (к югу от реки Араз) к началу XIX века были зависимыми или полузависимыми от Каджарских правителей Ирана⁷. История Гарабахского ханства является предметом особого изучения в работах армянских историков, которые стараются доказать, что население Гарабаха было армянским, и меликства XVIII века были армянскими и независимыми, а мелики вели самостоятельную политику и не подчинялись азербайджанским ханам. Однако не только исторические источники, но и изучение геральдических моментов истории Гарабаха доказывают лживость их утверждений. Ведь мелики Гарабаха (албанские по происхождению) были вассалами гарабахских ханов, на территории которых находились; ни в одном источнике нет информации о знамёнах или других геральдических символах меликств (также российские источники не отмечают захват или изъятие регалий власти и атрибутов государственности меликств). Кюрекчайский

договор был подписан 14 мая 1805 года между Гарабахским ханством и Российской империей как субъектами международного права, и никакого отношения не имел к меликствам, которые даже не упомянуты в договоре; отсутствие такого элемента государственности, как право чеканить монеты и наличие своей монеты показывает, что не только в политическом, но даже в экономическом отношении меликства не были независимыми.

Таким образом, элементарный обзор наличия у меликств Гарабаха элементов государственности убеждает нас в отсутствии таковых, поэтому нет никаких оснований считать меликства государствами, тем более нельзя считать их независимыми государствами.

По Кюрекчайскому договору, ханство входило в состав империи. Со стороны ханства договор подписал Ибрагим Халилхан, от Российской империи — генерал-лейтенант, князь Павел Дмитриевич Цицианов. Четыре месяца спустя Ибрагим Халилхану было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта — указом императора Александра I, а его сыновьям — Мухаммеду Гасану и Мехтигулу — звание генерал-майора. Еще в 1795 году сыновья Ибрагим Халил-хана Карабахского отличились в боях против войск персидского (Иранского) Ага Мухаммед-шаха Каджара. Командующий русскими войсками на Кавказе генерал П. Д. Цицианов использовал конные отряды Мухаммеда Гасана и Мехтигулуво время военных действий для разведки. В начале 1806 года Мухаммед Гасан скончался, и 24 февраля Ибрагим Халилхан официально объявил своим преемником Мехтигулу. Весной 1806 года войска Каджарского Ирана (Персии) под командованием наследного принца Аббас-Мирзы вторглись в пределы Гарабаха⁸. Ибрагим Халилхан, полностью доверившийся Российской империи, разбил лагерь в шатрах за пределами своей столицы — Шушинской крепости. Однако в июне 1806 года Ибрагим Халилхан был убит вместе со своей семьей отрядом русских войск под руководством майора Дмитрия Тихоновича Лисаневича⁹. Проведенное русским командованием следствие объявило, что майор Лисаневич действовал «под влиянием и по наущению злонамеренных лиц», а отнюдь не по приказу своего командования. Исследуя имеющуюся литературу о данном происшествии, считаю что, убийство хана и его семьи было осуществлено, чтобы спровоцировать и создавать недоверие ханов к России. Тот факт, что майор не был наказан, заставил местных

ханов прийти к совершенно иным выводам. В результате на территории Северного Азербайджана прошли восстания, в ходе которых русские войска были вытеснены из всех занимаемых ими пунктов, за исключением Дербента. Итоги походов русских войск 1801—1805 годов были утеряны. Для подавления восстаний император послал на Южный Кавказ дополнительные силы, встретившие упорное сопротивление. Особенно ожесточенную борьбу вел Селим-хан Шекинский: Ибрагим Халил-хан был его другом, а одна из жен Ибрагим-Халил-хана, убитая вместе со своим мужем, была сестрой Селим-хана¹⁰. Однако Мехтигулу-хан не поддался чувствам, согласился дожидаться результатов официального следствия и подтвердил условия Кюрекчайского договора. По представлению генерал-майора Несветаева, император Александр I подтвердил права Мехтигулу-хана, представителя потомственного ханского рода Гарабагских ханов, на Гарабахское ханство. Российский историк XIX века П. Дубровин отмечает, что указ императора о назначении Мехтигулу ханом Гарабаха был подписан 10 сентября 1806 года¹¹. Как пишет Мир Мехти Хазани, указ о подтверждении начала правления Мехтигулу-хана Карабахским ханством был оглашен 19 сентября 1806 года. Также в источниках отмечается, что Мехтигулу-хан вместе с указом получил от императора почетное знамя (ил. 1) и украшенную драгоценностями саблю. Он вновь был утвержден в звании генерал-майора, а его брат Джафаргулу-ага получил звание полковника русской армии. Знамя и сабля были преподнесены Мехтигулу-хану в 1807 году. Как местные, так и российские источники отмечают мягкость характера Мехтигулу-хана и его искреннюю верность Российской империи¹². Однако главнокомандующий русскими войсками на Кавказе и командир Отдельного Кавказского корпуса генерал А. П. Ермолов, совместно со своим главным помощником, управляющим мусульманскими провинциями Южного Кавказа, российским генералом армянского происхождения В. Г. Мадатовым, постоянно притеснял Мехтигулу-хана и готовил на него покушение. В результате, 21 ноября 1822 года Карабахский хан был вынужден уйти в Южный Азербайджан, где стоял со своим войском сын иранского шаха принц Аббас Мирза. Как было установлено при генерале, князе И. Ф. Паскевиче, сменившем на Кавказе А. П. Ермолова, Мехтигулу-хан ушел из Карабаха, опасаясь за свою жизнь и «в знак протеста против нанесенных ему обид и притеснений Мадатовым»¹³. Полное

Ил. 1. Почетное Знамя Мехти Гулу хана Карабахского, инв. № 469 (из знаменной коллекции Азербайджана). Автор фотографии знамени П. Ф. Гёзалов

присоединение азербайджанских ханств как государственных образований было осуществлено российскими властями последовательно: в 1804 году — Гянджинское ханство, в 1806 году — Бакинское, в 1819 — Шекинское, в 1820 — Ширванское, в 1822 — Гарабахское, в 1826 — Лянкаранское, в 1827 — Иреванское и в 1840 году — Нахчыванское ханства. В процессе присоединения Азербайджанских ханств к Российской империи был подписан ряд документов. Один из них — договор в Георгиевске в 1802 году — является шертным (от азербайджанского слова *şərt* — условие) и по нему Россия не рассматривала ханства как равную сторону, поэтому под договором нет подписи конкретных лиц¹⁴. Однако Кюрекчайские договоры от 14 и 21 мая 1805 года являются равноправными, так как подписаны конкретными лицами от имени своих государств. Условия Кюрекчайских договоров не лишили государственности, подписавших его ханств, и хотя один из атрибутов государственности — право вести внешнюю политику, был утерян, остальные (политическое устройство, территория, право чеканить монеты, право государственного языка, право на символы и атрибуты власти, право содержать войско) сохранились. Отмеченные выше исторические события, доказывают, что все ханства Азербайджана второй половины XVIII — начала XIX веков являлись государственными образованиями, так как

обладали необходимыми для этого атрибутами. Гянджинское ханство было взято в ходе штурма в ночь со 2 на 3 января 1804 года, падение Гянджинской крепости положило конец правлению династии Зиядоглы, правившей в Гяндже, и стало началом конца независимости ханств Азербайджана. Во время штурма города в числе трофеев были взяты орудия, боеприпасы, продовольствие, а также 8 знамён и личный штандарт самого хана. О знамёнах Гянджинского ханства упоминается только в одной работе местного азербайджанского автора: рукописи «Гарабахнаме» Мирзы Адигёзал-бека. Он упоминает знамёна Гянджинского ханства словами: «Под знаменем Гянджинских ханов на территории Дааруссурур (Тифлиса) был мир и покой»¹⁵. Мирза Адигёзал-бек пишет о знамёнах как о символе государственной власти ханства. Информацию о взятии Гянджи упоминает такой выдающийся военный историк, как Николай Фёдорович Дубровин в своих книгах: «История войны и владычества русских на Кавказе»¹⁶ и «Закавказье отъ 1803—1806 года», где рассказывается о трофейных знаменах Гянджинского ханства¹⁷.

На мой взгляд, наиболее точным источником является письмо генерал-лейтенанта, князя Дмитрия Павловича Цицианова Кавказскому гражданскому губернатору Каспарову от 8 января 1804 года. Именно Д. П. Цицианову докладывались наиболее точные сведения, и именно он был обязан информировать императора. В своем письме Д. П. Цицианов пишет: «Добыча наша состоитъ въ 12-ти орудияхъ, 6-ти фальконетахъ, въ 1-мъ штандарте, 8-ми знамёнахъ, въ 55-ти пудахъ пороху и въ большомъ хлебномъ запасе»¹⁸ (т. II, 592, д. № 1182). На знамени Гянджинского ханства — инвентарный № 446, имеются надписи религиозного характера. В верхнем картуше арабской графикой золотистыми буквами написано: «Аллах бойцов во время битвы ставит выше, сидящих дома». В нижнем картуше тем же шрифтом и цветом написано: «Аллах, не разделяя их, простит им грехи и дарует им степени для сближения к Аллаху. Аллах, милостливый, прощающий». На центральной полосе, состоящей из вертикально выстроенных 10 картушей с фестончатыми краями, есть надписи, повторяющиеся пять раз: «Нет Божества, кроме Аллаха», «Мухаммед — посланник Аллаха». На следующем знамени (ил. 2) — инвентарный № 447, в центральном кругу и полумесяце есть арабские надписи, нанесенные репсовой вязью: «Помощь от Аллаха и близкая победа»; «Аллах оберегает»; «Аллах помогает»;

Ил. 2. Знамя Гянджинского ханства инв. № 447 (из знаменной коллекции Азербайджана)

«Мухаммед, награди верующих». В нижнем овальном картуше по-арабски написано имя пророка Мухаммеда.

На древко знамени (штандарта) — инвентарный № 448, надето серебряное навершие в форме «хамсы» — раскрытой ладони (полная внутри). Наружная часть руки украшена клетчатым узором, а ладонь имитирует узоры человеческой руки. Аламом традиционно называется навершие в форме кисти руки человека (хамса, пяндж)¹⁹. Изображение руки человека в качестве символа стало использоваться задолго до возникновения ислама. По мнению Т. И. Голубкиной, этот символ в древности ассоциировался с солнцем, небом, а также обращением к солнцу, небу²⁰. Впоследствии символ — ладонь человека, был принят исламом, и значение его менялось со временем: первоначально символизировало отрубленную кисть руки знаменосца Аббаса, воина из отряда Гусейна; затем стало обозначать (до сих пор сохранилось и широко распространено именно это значение) руку Али ибн Абу Талыба, сподвижника и полководца Пророка Мухаммеда. Также обозначало символ Мухаммеда, Али, Фатимы, Гусейна, Гасана²¹.

В конце ноября 1805 года Павел Дмитриевич Цицианов начал новое наступление на Бакинское ханство, но 8 февраля 1806 года он был жестоко убит в ходе переговоров²². Русская армия и флот покинули окрестности Баку. Генерал-лейтенант Григорий Иванович Глазенап послал императору сообщение следующего

Ил. 3. Знамя Бакинского ханства инв. № 455 (из знаменной коллекции Азербайджана). Автор фотографии знамени П. Ф. Гёзалов

содержания: «Пока Баку не будет взят, дотоле приобретения в Ширване и Карабахе будут во всегдашней опасности, да и сама Грузия должна ожидать нашествия персиян»²³. Как пишет В. А. Потто, Г. И. Глазенап ответил, что Баку должен быть захвачен «как лучшая гавань на Каспийском море»²⁴. 21 июня 1806 года русские войска, под командованием генерала от инфантерии Сергея Алексеевича Булгакова, начали наступление на Баку. Гусейн Гулу-хан, понимая, что из-за убийства князя П. Д. Цицианова, город, если он будет взят штурмом, будет уничтожен и, желая спасти население, послал навстречу Булгакову чиновника Касим бека с ключами города и 9 знамёнами ханства²⁵. На знамени Бакинского ханства (ил. 3) — инвентарный № 455, на одном из полумесяцев, вышиты надписи религиозного значения на арабском языке: «Мухаммед награди верующих», «Помощь от Аллаха и близкая победа». Узоры следующего полумесяца повторяются как у предыдущего, но колосья изображаются бордовым цветом на вышитом зелёном фоне. Смыкающиеся концы полумесяца образуют в центре круг. Фон окружности вышит зелёными нитями, на нем бордовая надпись арабской графикой религиозного значения следующего содержания: «Аллах помогает, Аллах оберегает». В нескольких сантиметрах ниже есть эллипс диаметром 17 и 21 см, в котором вышито арабским шрифтом, бордовыми нитями на золотисто-зелёном фоне, имя пророка Мухаммеда.

Между растительными узорами, около имеющейся надписи, вышиты слова: Аллах и Мухаммед.

Азербайджанский историк Майя Багирова, со ссылкой на архивные источники, указывает, что главнокомандующий на Кавказе, фельдмаршал Иван Васильевич Гудович, назначенный на эту должность после смерти графа П. Д. Цицианова, считал, что «Шекинского хана — изменника, нужно пока держать в неизвестности, пока будет случай наказать его»²⁶. И. В. Гудович, в некоторой степени оправдывал действия Селим-хана, и даже писал императору, что напрасная смерть Гарабахского Ибрагим Халил-хана и его жены, родной сестры Селим-хана, дала последнему повод к мысли, что «и он может подвигнуться такой же участи от русских войск». А то, что Селим-хан заставил русский отряд уйти из Шекинского ханства, Гудович расценивал как попытку оградить русский отряд от возможных угроз со стороны взбунтовавшегося народа. И. В. Гудович приказал отправить в Шекинское ханство Троицкий полк, состоящий из 800 штыков, 5 орудий и сотни казаков под командованием генерал-майора Пётра Фёдоровича Небольсина — для подавления восстания. Кроме того, в рапорте императору Александру I, И. В. Гудович сообщал: «...писал к Ширванскому Мустафа-хану, дабы и он, должествуя по силам данной им присяги считать шекинского хана своим неприятелем, действовал своей конницей против оною вместе с отрядом генерал-майора Небольсина»²⁷.

22 октября 1806 года русские подошли к Шеки и в тот же день разбили Селим-хана, встретившего их с войском недалеко от города. Селим-хан успел спастись бегством в Иран. Защитники крепости облили городские стены горючими материалами и подожгли их в тот момент, когда начался штурм крепости. 23 октября 1806 года Шекинская крепость была взята штурмом. В качестве трофеев в этом сражении были взяты знамёна, принадлежавшие отрядам Селим-хана Шекинского²⁸. В «Указателе по Кавказскому военно-историческому музею» написано, что при штурме 23 октября 1806 года в Нухе (Шеки) взято 6 знамён. На данный момент в коллекции НМИА имеется только 3 знамени Шекинского ханства, поступившие из Тифлиса в 1925 году. На треугольном штандарте Селим-хана Шекинского — инвентарный № 452, имеются надписи на арабском языке, кайма знамени состоит из аятов Корана и проходит по всем трем сторонам знамени (ил. 4). Также надписи делят поверхность полотнища

Ил. 4. Штандарт Селим хана Шекинского инв. № 452 (из знаменной коллекции Азербайджана)

на три части: один большой и два малых квадрата. Рамки каждого квадрата состоят из аятов Корана. В свою очередь, большой квадрат разделен линиями на 1000 квадратов (расположены 100×100), в каждом из которых даны отдельные слова из аятов Корана. В двух малых квадратах вышиты буквы, используемые в началах аятов Корана, — мим, ха, мим, дел; дел, мим, ха и др. Там же имеются квадратики со словами из аятов Корана, в ряде мест даны небольшие суры из Корана, указаны эпитеты Аллаха. Наиболее выделяется надпись в правом малом квадрате: «Помощь от Аллаха и победа близка». Будучи одним из наиболее сильных ханств в северной части Азербайджана, Иреванское ханство сохранило свою независимость до 1927 года. Российской армии для покорения ханства пришлось трижды (в 1804, 1808 и 1827 гг.) осаждать Иреванскую крепость, и только к концу 1827 года ханство было завоевано²⁹. Несмотря на упорное сопротивление войск ханства, 1 октября 1827 года Иреванская крепость была взята русскими войсками. В источниках того периода указывается, что вместе с пленными и трофеями было захвачено четыре знамени Иреванского ханства³⁰. Одно из них указывается как штандарт, принадлежавший Иреванскому правителю Гусейнхану. Остальные три знамени указываются в источниках как «Знамена персидских пехотных полков»³¹. Штандартом Гусейнхана является треугольное знамя, хранящееся в музее под инв. № 461³². Следовательно, четырехугольное знамя (ил. 5) — инвентарный № 473, является одним из полковых знамен, и в этом направлении мне удалось провести фундаментальное научное

Ил. 5. Четырехугольное знамя Иреванского ханства инв. № 473
(из знаменной коллекции Азербайджана)

исследование. Как известно, в результате военных реформ, которые вел принц Аббас Мирза Каджар, были созданы полки с арбазской пехотой. В 1803 г. Фатали-шах, посетив Азербайджан, лично вручил первые знамёна регулярной армии.

В 1817 году государство Каджаров с дипломатическим визитом посетил русский военачальник, государственный деятель, участник многих крупных войн, главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов. Увиденное в Персии А. П. Ермолов детально описал в работе «Собрание записок о Персии в 1817 году» — здесь же даны цветные иллюстрации, выполненные художником из состава делегации. На одном из рисунков изображен сарбазский офицер с саблей наголо, рядом с которым — знамя сарбазского полка³³. Оно поразительно похоже на четырехугольное полковое знамя Иреванского ханства. Российский военный деятель, писатель, начальник Военно-топографического отдела Главного штаба и начальник Корпуса военных топографов, генерал-лейтенант Бларамберг Иван Федорович писал: «каждый персидский полк имел свое знамя из шёлка — красное, белое, жёлтое и т. д., по желанию, но с неизменным львом, солнцем и серебряной рукой Али»³⁴.

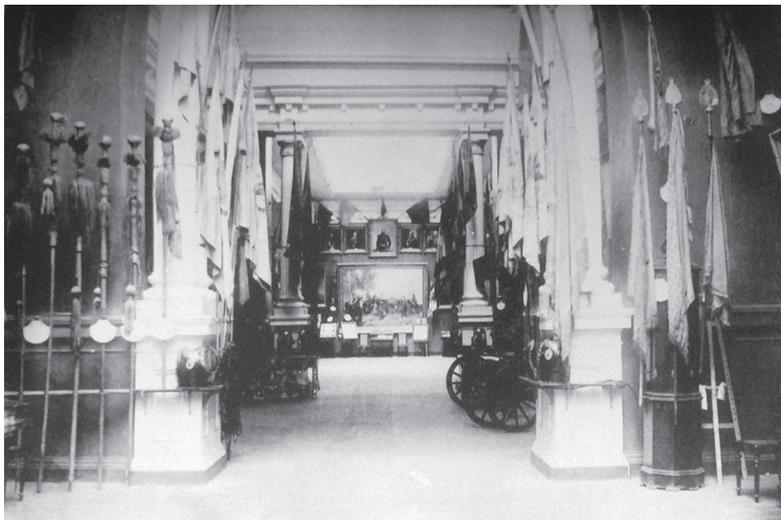
Французский писатель и путешественник Друвиль Гаспар Иванович в своем труде «Путешествие в Персию 1812 и 1813 годах», помимо описаний обычаев и духовных обрядов Персиян, древнего и нового состояния их армии, включил рисунки регулярных и нерегулярных войск сего государства. А также, цветные иллюстрации, которые сам нарисовал с натуры. Так, на одном из рисунков изображены красные и синие, украшенные белыми тафтяными каймами с золотой бахромой, и наверху в виде серебряной руки. На полотне «имеют герб своей страны, с изображением восходящего солнца над лежащим львом» (герб Персии)³⁵. Как известно, Иреванское ханство в период русско-иранских войн I-ой четверти XIX века, являлось союзником государства Каджаров. Как Фатали-шах Каджар, так и принц Аббас Мирза временами оказывали военную помощь ханству в военных кампаниях. Одной из форм помощи было создание на территории ханства регулярного пехотного полка, по образцу сарбазских полков принца Аббас Мирзы. В результате была создана воинская часть, известная в русских источниках, как Иреванский сарбазский полк³⁶. Она принимала участие в боях с российскими частями, особенно проявила себя в ходе последнего похода русских войск на Иревань в 1827 году и обороне города³⁷. Учитывая, что структура, одежда и вооружение Иреванского сарбазского полка полностью соответствовали сарбазским полкам Аббас Мирзы, поэтому и союзные знамёна были аналогичными. В таком случае, четырехугольное знамя из коллекции музея — инвентарный № 473, является знаменем Иреванского сарбазского полка, так как, во-первых, полностью соответствует сарбазским знаменам армии Аббас Мирзы, во-вторых, в российских документах оно фигурирует среди «знамён персидских пехотных полков, взятых при сдаче Иревани 1 октября 1827 г.»³⁸; в-третьих, на знамени указано имя Фатали-шаха Каджара. Именно он вручал знамёна сарбазским полкам — на знамени указан 1239 год (по хиджри-мусульманскому календарю), что соответствует 1823—24 году по григорианскому календарю. Следовательно, это год формирования полка и вручения ему знамени.

С ликвидацией ханств Северного Азербайджана, их знамёна превратились лишь в исторический памятник, подтверждающий в качестве трофея могущество Российской империи. Основатель российской вексиллологии Иван Пётрович Белавенец указывает, что знамёна, поступившие с Кавказа, были переданы императору

в Царскосельский дворцовый Арсенал³⁹. Естественно, в Арсенале знамёна не экспонировались и вообще были скрыты от глаз публики.

О знамёнах вновь вспомнили в 1888 году, когда в Тифлисе был открыт Кавказский военно-исторический музей (КВИМ) — Храм Славы. Предполагалось привести в музей трофейные Кавказские знамёна, а также трофеи русско-персидских и русско-турецких войн. Открытие музея было приурочено к посещению Кавказа императором Александром III и членов его семьи, поэтому второпях была подготовлена экспозиция, состоявшая только из батальных картин. После отъезда императора об идее привезти знамёна из Санкт-Петербурга забыли⁴⁰. В марте 1906 года КВИМ был подчинен военно-историческому отделу при штабе Кавказского Военного округа. В том же году Царскосельский дворцовый Арсенал был ликвидирован, а его материалы переданы в три музея: Государственный Эрмитаж, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи и КВИМ⁴¹. В последний были переданы знамена тех ханств, которые были взяты в результате крупных кровопролитных сражений⁴². Передача именно этих знамён объясняется, на мой взгляд, направленностью КВИМ как музея, отражающего могущество русской армии в боях за Кавказ. Поэтому в КВИМ не были переданы знамёна ханств, присоединенных к России без крупных сражений, например, Гарабахского, Губинского, Нахичеванского, Ширванского и др.

11 февраля 1907 года состоялось торжественное открытие экспозиции КВИМ с участием наместника императора на Кавказе и главнокомандующего войсками Кавказского военного округа графа Воронцова-Дашкова (ил. 6)⁴³. В условиях развала Российской империи Азербайджан получил шанс восстановить свою государственность. 28 мая 1918 года Азербайджанский Национальный совет принял Декларацию о независимости. За короткий период своего существования (23 месяца) республика добилась очень многого. Преобразования в области государственного строительства, экономики, образования, военного строительства были направлены на укрепление независимости страны. Одним из первых мероприятий было принятие атрибутов государственности. 21 июня 1918 года был принят Государственный флаг Азербайджанской Республики с изображением белого полумесяца и белой восьмигранной звезды на красной материи.

Ил. 6. Торжественное открытие экспозиции КВИМ в 1907 году, с участием наместника императора Российской империи на Кавказе и Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа графа Воронцова-Дашкова

9 ноября 1918 года флаг был заменен трехцветным, состоявшим из зелёного, красного и голубого цветов с белым полумесяцем и восьмигранной звездой⁴⁴. Упрочение основ государственности требовало пропаганды истории и традиций государственности. При содействии правительства началось создание «Истиглал» — первого азербайджанского музея широкого профиля⁴⁵. Усилиями первопроходцев музейного дела в Азербайджане Гусейн Мирза-Джамалова и Мамеда Ага оглы начался сбор исторических реликвий. В деле сбора памятников азербайджанской истории, хранящихся за рубежом, большое содействие оказало Министерство иностранных дел и Военное министерство Азербайджанской Республики. По указанию военного министра, генерала артиллерии Самед-бека Мехмандарова, начальник Генерального штаба, генерал-лейтенант М. Сулкевич предложил военному атташе Азербайджана в Грузии подполковнику Мамед-беку Алиеву собрать информацию и поднять вопрос о передаче Азербайджану предметов — символов государственности, хранящихся в Кавказском военном историческом музее (Музее Славы). В предписании говорилось: «По поручению

военного министра предлагаю Вам через нашего дипломатического представителя получить разрешение Грузинского правительства на возвращение знамён, регалий, реликвий, принадлежавших бывшим ханствам нынешнего Азербайджана, — знамён Шекинского (Нуха), Эриванского, Гарабахского, Ганджинского (Елизаветполь) и др.; — знамён, значков, ключей от городов, которые находились в “Музее Славы” в г. Тифлис»⁴⁶. Предписание датировано 5 апреля 1919 года. Однако последовавшие военно-политические события и включение Азербайджанской Демократической Республики в состав СССР не позволило завершить задуманное. В исследуемый период знамёна азербайджанских ханств оказались разделёнными на две группы: знамёна, хранимые в Эрмитаже и знамёна, хранимые в КВИМ. Российские военные (боевые) знамёна хранились в Артиллерийском музее, знамёна иных государств и народов были в Эрмитаже. В 1918 году в Артиллерийском музее, временно переехавшем в Ярославль, в результате пожара погибло 2000 знамён из 5000⁴⁷. В 20-х годах XIX века Артиллерийский музей вновь переехал в Петроград (Ленинград), здесь было создано хранилище знамён, и все знамёна стали передаваться туда. В Эрмитаже временно оставили около 300 наиболее важных русских знамён и, в результате этого количество знамён Артиллерийского музея вновь достигло 5000⁴⁸.

25 ноября 1948 года основная масса знамён из Артиллерийского музея была передана Государственному Эрмитажу, где они хранятся до сих пор. В Артиллерийском музее остались знамёна артиллерийских частей и трофейные, в Центральный военно-морской музей Санкт-Петербурга были переданы морские знамёна. На данный момент коллекция Государственного Эрмитажа состоит из 6000 знамён, в том числе и азербайджанских ханств.

В июне 1920 года в городе Баку был создан Азербайджанский Государственный музей, и вопрос о необходимости возвращения исторических атрибутов государственности был поднят вновь⁴⁹. Вступление Грузии в состав Советской России в феврале 1921 года, в качестве Грузинской Советской Социалистической Республики, изменило ситуацию. В марте 1922 года и Азербайджан, и Грузия вошли в состав единого государства — Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики. В сентябре 1924 года в Баку начал работу республиканский краеведческий съезд. В заключительной резолюции съезда было отмечено, что Народный комиссариат АзССР должен предпринять

шаги по возвращению в Азербайджан азербайджанских исторических предметов, хранящихся в музеях союзных республик⁵⁰. В январе 1925 года коллегия Наркома АзССР заслушала доклад директора Азербайджанского государственного музея (Азгосмузея) Давуда Шарифова о необходимости возвращения в республику исторических материалов из центральных музеев Советской России и союзных республик, а затем приняло постановление о командировании специалистов азербайджанского государственного музея в центральные музеи.

Весной 1925 года, с поддержкой правительства Азербайджанской ССР, Д. Шарифов привез из Тифлиса в Азгосмузей материалы по истории Азербайджана. Среди них оказались 13 ханских знамен, 1 бунчук, знамёна конно-мусульманских полков в составе Российской империи и ключи городских крепостей⁵¹. На сегодняшний день между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой, сохраняются доброжелательные и доверительные взаимоотношения на уровне глав государств, Владимира Владимировича Путина и Ильхама Гейдар оглы Алиева. Показателем отмеченных выше отношений, является пример гуманитарного, культурно-научного сотрудничества наших стран. Хочу представить вашему вниманию тот факт, что после провокации армянской стороны, в период второй Карабахской войны, начавшейся 27 сентября 2020 года, благодаря политической решительности и воле президента Азербайджана Ильхам Гейдар оглы Алиева, противник был повержен, и основная часть исторических территорий была освобождена военным путем, после почти 30-летней оккупации. Также хочу особо отметить выступление Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, в котором было сказано что, оккупированные земли испокон веков принадлежали азербайджанскому народу. Он также внес незаменимый и колоссальный вклад в подписании трехстороннего соглашения от 10 ноября 2020 года – между Россией, Азербайджаном и Арменией, по которому было принято решение прекращения огня и поэтапное освобождение оставшихся в армянской оккупации азербайджанских территорий. В 2015 году, впервые после 1925 года, по моей личной инициативе (без какой-либо государственной поддержки), в рамках докторской диссертации, в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) и Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), благодаря условиям, созданным

руководством и сотрудниками музеев, мною была осуществлена плодотворная исследовательская работа по изучению двух исторических знамен Нахичеванского ханства, хранящихся в фондах ВИМАИВиВС, и рисунка боевого (союзного) знамени Нахичеванского ханства из каталога трофеев Асландузской битвы в Государственном Эрмитаже⁵². Осуществленная работа очень важна для двусторонних отношений, так как после 1925 года со стороны Азербайджанской Республики в российских музеях не проводились исследования в сфере определения и изучения исторических атрибутов государственности⁵³. Выше отмеченное исследование 2015 года опубликовано в двух моих книгах: «Нахичеванские знамена» (Баку, 2015) и «Три знамени, принадлежавшие нахичеванскому ханству» (Баку, 2016). Впервые в культурной жизни Азербайджана в книге опубликована российская «Карта военных действий Южного Кавказа 1809—1817 годов по Гюлистанскому и Бухарестскому миру», на которой нет армянского государства⁵⁴. Итоги плодотворного сотрудничества и презентации книг, с моей стороны, широко освещены в СМИ, и являются первым фундаментальным примером сотрудничества Азербайджанской стороны и музеев Российской Федерации в изучения исторических знамен Азербайджана. В результате проведённой научной работы по введению в научный оборот знамен Нахичеванского ханства, на сегодняшний день репродукции (муляжи) вышеупомянутых знамен демонстрируются в трех музеях Республики: в Европейском зале Национального музея истории Азербайджана, в Музее истории во Дворце Нахичеванских ханов и Музее государственного флага в городе Нахичевань⁵⁵ (ил. 7, 8, 9). Создается широкий потенциал между нашими странами для реализации значимых проектов в гуманитарных сферах. Исторические и геополитические события, веками объединявшие наши государства и народы, благодаря культурно-гуманитарному диалогу и в дальнейшем будут способствовать конструктивному сотрудничеству Российской Федерации и Азербайджанской Республики.

Далее представляю вниманию читателей описание двух трофейных знамен Нахичеванского ханства из фонда Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи». Знамена захвачены 26 июня 1827 года при взятии ханства, под предводительством генерала-фельдмаршала, графа Ивана Федоровича Паскевича. Первое знамя из фонда — бледно

Ил. 7. Экспонирование знамен в Национальном музее истории Азербайджана. Справа знамёна Нахичеванского, Иреванского, Бакинского и Гянджинского. Автор фото П. Ф. Гёзалов

Ил. 8. Экспонирование знамен Нахичеванского ханства во Дворце Нахичеванских ханов (Азербайджан)

Ил. 9. Экспонирование знамен Нахичеванского ханства в музее Государственного флага в городе Нахичевань (Азербайджан)

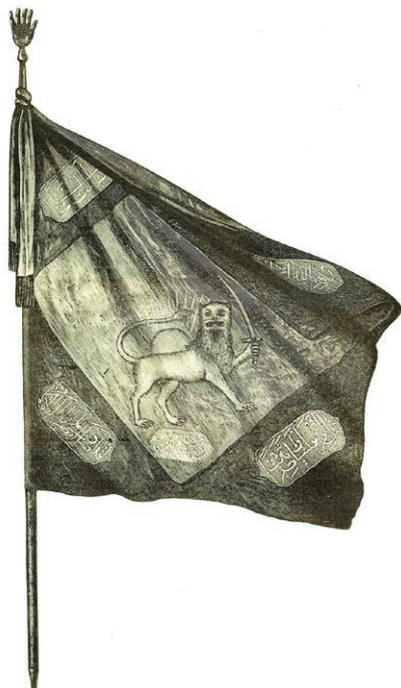

Ил. 10. Знамя Нахичиванского ханства XVIII—XIX вв. в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (Российская Федерация. Санкт-Петербург)

Ил. 11. Оригиналы знамен Нахичеванского ханства XVIII—XIX вв. в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (Российская Федерация, Санкт-Петербург)

желтого цвета (полотно выцвело) с надписями на арабском языке, изречением из Корана — часть 48-го аята «ал-Фатх», а также религиозными лозунгами. Между лозунгами, изображен священный меч Зульфикар. Далее имеется композиция полумесяца и восьмиконечной звезды (ил. 10). На полотне есть изображение восьмиконечных звезд с геометрическими элементами, точно повторяющее звезду на мавзолее XII века Момине-Хатун в городе Нахичевань. Второй флаг ханства из фонда Артиллерийского музея шит из красной и зеленой ткани. На зеленую часть полотна, пришта семиконечная звезда (отчетливо видны следы оторванной восьмой части)⁵⁶ (ил. 11). Хочу акцентировать ваше внимание на изображении боевого (союзного) знамени Нахичеванского ханства, упомянутого выше, из альбома в Государственном Эрмитаже. Знамя захвачено в сражении при Асландузе 19—20 октября 1812 года, битва происходила между русской и персидской армией. 30-тысячную персидскую армию, возглавляемую наследным принцем Аббасом Мирзой, разбил предводитель русского отряда, генерал-майор Петр Степанович Котляревский,

Ил. 12. Боевое (Союзное) знамя Нахичиванского ханства XVIII—XIX вв. (Рисунок из Государственного Эрмитажа. Российская Федерация. Санкт-Петербург)

используя фактор внезапности. В Актах Кавказской археографической комиссии (том V, стр. 694—696, 1873 г., Тифлис) отмечается, что по завершении битвы при Асландузе среди попавших в плен был предводитель полка — сын Нахичеванского хана Керб Али-хана — Шейх Али Бек. Помимо пленных и трофейных орудий было взято 3 знамени, одно из которых принадлежало Нахичеванскому ханству⁵⁷. В центре знамени — ромб с изображением солнца и льва с саблей в левой лапе, смотрящего направо (ил. 12). По углам полотна размещены картуши с арабскими графическими надписями. В правом верхнем картуше написано слово «Бисмиллях» — с него начинаются все коранические

суры, кроме 9-й. В переводе оно означает: «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного». В левом верхнем картуше по-арабски написаны 1—3 аята 48-й суры — «Ал-Фетх» Корана, что в переводе означает следующее: «Мы даровали тебе очевидную победу». Надписи в картушах, размещенных в нижней части полотна, взяты из Корана (2-я сура «Ал-Бакара», аят 250-й⁵⁸. Надписи в правой стороне в переводе означают: «Господь наш! Пролей на нас терпение, укрепи наши стопы», в левой стороне написано продолжение того же аята: «И помоги нам одержать победу над неверующими людьми»⁵⁹. К навершию в форме человеческой руки (раскрытой ладони) привязаны две ленты, каждая из которых завершается косицами.

- ¹ Абасов Ф. М. Гарабахское ханство. Баку: Тахсил, 2007. 278 с.
- ² Хилал ас-Саби. Установление и обычаи двора халифов. М.: Наука, 142 с.
- ³ Бабаев Э. Т. Из истории Гянджинского ханства. Баку: Нурлан, 2003. 234 с.; Багирова М. Административное управление в ханствах Азербайджана во второй половине XVIII — начале XIX вв. // Материалы научной сессии, посвященной итогам научно-исследовательских работ музея за 1984 год. Баку, 1986. С. 37—38; Гаджиева З. Гарабахское ханство: социально-экономические отношения и государственное устройство. Баку: Тахсил, 2007. 256 с. (на азербайджанском яз.); Мустафазаде Т. Т. Губинское ханство. Баку: Елм, 2005. 480 с. (на азербайджанском яз.).
- ⁴ Абдуллаев Г. Б. Азербайджан XVIII и взаимоотношение его с Россией. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1965. 621 с.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Свентоховский Т. Русский Азербайджан: 1905—1920. Пер. с англ. // Хазар, 1990. № 1. С. 83.
- ⁷ Абдуллаев Г. Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60—80-х гг. XVIII века. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1958. 210 с.
- ⁸ Мирза Джамал Джаваншир Карабаги. История Карабаха. Баку, 1959. 138 с. (на азербайджанском яз.).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского. Под редакцией председателя Комиссии А. Д. Берже. Тифлис, 1866—1881. Т. II, стр. 592, д. № 1182.
- ¹⁴ Абасов Ф. М. Гарабахское ханство. Баку: Тахсил, 2007. 278 с.
- ¹⁵ Мирза Адыгёзалбек. Гарабагнаме. Баку: Язычы, 1989. 192 с. (на азербайджанском яз.).
- ¹⁶ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871—1888. Т. I, в 3 книгах. Ч. 1, 1971. 640 с.
- ¹⁷ Дубровин Н. Ф. Закавказье от 1803—1806 года. СПб., 1866. Вып. 3. 542 с.
- ¹⁸ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского. Под редакцией председателя комиссии А. Д. Берже. Т. I—IX. Тифлис, 1866—1881. Т. II, стр. 592, д. № 1182.
- ¹⁹ Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2006. 591 с.
- ²⁰ Голубкина Т. И. К семантике некоторых археологических находок (по материалам МИА АН АзССР) // Материалы научной сессии. Итоги научных работ МИА за 1987 год. Б., 1988. С. 34—35.
- ²¹ Там же.
- ²² Потто В. А. Утверждения русского владычества на Кавказе. Т. I. Тифлис, 1901. 479 с.
- ²³ Искендерова М. С. Бакинское ханство. Б.: Чашыюглу, 1999. 209 с.; Дубровин Н. Ф. Закавказье от 1803—1806 года. СПб., 1866. Вып. 3. 542 с.
- ²⁴ Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I—V. СПб.-Тифлис, 1885—1891. Т. I, вып. 1—4. 698 с. Т. II, вып. 1. 760 с. Т. III. 716 с.
- ²⁵ Там же.

²⁶ Багирова М. О знамёнах Шекинского ханства // Материалы научной сессии, посвященной итогам научно-исследовательских работ музея за 1982 год. Баку, 1983. С. 38–42.

²⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского. Под редакцией председателя комиссии А. Д. Берже. Т. I–IX. Тифлис, 1866–1881. Т. II, стр. 592, д. № 1182; Свентоховский Т. Русский Азербайджан: 1905–1920. Пер. с англ. // Хазар, 1990. № 1. 83 с.

²⁸ Багирова М. О знамёнах Шекинского ханства // Материалы научной сессии, посвященной итогам научно-исследовательских работ музея за 1982 год. Баку, 1983. С. 38–42.

²⁹ Сулейманов М. Из истории присоединения Иреванских ханов к России. Баку: Nərbinəşriyyat, 1997. 160 с. (на азербайджанском яз.).

³⁰ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Гл. Упр. наместника Кавказского. Изд. под ред. председателя Комиссии А. Д. Берже. Тифлис, 1873. Т. V, стр. 694–696, д. № 847.

³¹ Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: типография штаба Кавказского военного округа, 1907. 430 с.

³² Гезалов П. Ф. Знамена азербайджанских ханств как источник по изучению истории государственности. Баку: AFpoliqraf, 2010. 208 с. (Электронный ресурс). URL: http://www.ebooks.az/book_GiHP4BsC.html#

³³ Кибовский А., Егоров В. Персидская регулярная армия первой пол. XIX в. // Цейхгауз. № 5. С. 22–26.

³⁴ Там же.

³⁵ Друвиль Г. Путешествие в Персию в 1812–1813 годах. Ч. 1–2, М., 1826. 316 с.

³⁶ Кибовский А., Егоров В., Персидская регулярная армия первой пол. XIX в. // Цейхгауз. № 5. С. 22–26.

³⁷ Сулейманов М. Из истории присоединения Иреванских ханов к России. Баку: Nərbinəşriyyat, 1997. 160 с. (на азербайджанском яз.).

³⁸ Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: типография штаба Кавказского военного округа, 1907. 430 с.

³⁹ Артиллерийский исторический музей. Знаменный отдел. Краткий указатель коллекций. Составитель П. И. Белавенец. Л.: изд. Арг. Ист. Муз., 1927. 51 с.

⁴⁰ Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: типография штаба Кавказского военного округа, 1907. 430 с.

⁴¹ Артиллерийский исторический музей. Знаменный отдел. Краткий указатель коллекций. Составитель П. И. Белавенец. Л.: изд. Арг. Ист. Муз., 1927. 51 с.

⁴² Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: типография штаба Кавказского военного округа, 1907. 430 с.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Законодательные акты (сборник документов). Баку, 1998. 423 с.

⁴⁵ Гезалов П. Ф. Знамена азербайджанских ханств как источник по изучению истории государственности. Баку: AFpoliqraf, 2010. 208 с. (Электронный ресурс). URL: http://www.ebooks.az/book_GiHP4BsC.html#

⁴⁶ Абасов Ф. М. Гарабахское ханство. Баку: Тахсил, 2007. 278 с.

⁴⁷ Артиллерийский исторический музей. Знаменный отдел. Краткий указатель коллекций. Составитель П. И. Белавенец. Л.: изд. Арт. Ист. Муз., 1927. 51 с.; Гёзалов П. Ф. Знамена азербайджанских ханств как источник по изучению истории государственности. Баку: AFpoliqraf, 2010. 208 с. (Электронный ресурс). URL: http://www.ebooks.az/book_GiHP4BsC.html#

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Гёзалов П. Ф. Знамена азербайджанских ханств как источник по изучению истории государственности. Баку: AFpoliqraf, 2010. 208 с. (Электронный ресурс). URL: http://www.ebooks.az/book_GiHP4BsC.html#

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Гёзалов П. Ф. Три знамени, принадлежавшие Нахичеванскому ханству. Баку: НПО «ГАСР», 2016. 80 с. (на азербайджанском и английском языках). (Электронный ресурс). URL: https://www.ebooks.az/book_bGoOxVwJ.html

⁵³ Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа. Тифлис: типография штаба Кавказского военного округа, 1907. 430 с.; Гёзалов П. Ф. Три знамени, принадлежавшие Нахичеванскому ханству. Баку: НПО «ГАСР», 2016. 80 с. (на азербайджанском и английском языках). (Электронный ресурс). URL: https://www.ebooks.az/book_bGoOxVwJ.html

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Гл. упр. наместника Кавказского. Изд. под ред. председателя Комиссии А. Д. Берже. Тифлис, 1873. Т. V, стр. 694—696, д. № 847.

⁵⁸ Гёзалов П. Ф. Нахичеванские знамена. Баку: НПО «ГАСР», 2015. 60 с. (на азербайджанском яз.).

⁵⁹ Гёзалов П. Ф. Три знамени, принадлежавшие Нахичеванскому ханству. Баку: НПО «ГАСР», 2016. 80 с. (на азербайджанском и английском языках). (Электронный ресурс). URL: https://www.ebooks.az/book_bGoOxVwJ.html; Гёзалов П. Ф. Нахичеванские знамена. Баку: НПО «ГАСР», 2015. 60 с. (на азербайджанском яз.).

В. В. Горбунов (Барнаул)

КОРОТКИЙ МЕЧ СПАРТАНСКИХ ГОПЛИТОВ (ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ И ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ в целом неплохо изучено благодаря наличию разнообразных источников. Однако отдельные типы оружия и доспеха из его состава освещены неравномерно и существуют больше, как виртуальные объекты. Информация о них имеется в письменных и изобразительных памятниках, но реальные предметы не найдены либо не выявлены. Одним из таких примеров является спартанский или лаконский¹ короткий меч. Рассмотрение известных и выявление новых источников по этому оружию и составляет цель настоящей работы.

Первое упоминание о существовании у греков особых мечей, отличных от обычных экземпляров, встречается в «Истории» Фукидида, в рассказе об осаде г. Платеи армией Пелопонесского союза. Фукидид сообщает о прорыве из блокады отряда платейцев (зима 428—427 г. до н. э.), 12 передовых воинов которого взойшли на вражескую стену «с небольшими мечами и в панцирях»². Для обозначения меча здесь используется уменьшительная форма от греческого слова ксифос (ξίφος) — ксифидион (ξίφιδιον)³. Она указывает на подобное оружие, но меньших размеров, скорее всего, имеющее более короткий клинок.

Если у Фукидида короткими мечами пользуются противники спартанцев, то следующий за ним историк — Ксенофонт, в своем произведении «Анабасис» называет такое оружие лаконским. Описывая вооружение халибов, одного из вражеских племен, с которыми сражались возвращающиеся на родину греческие наемники (весна 400 г. до н. э.), он отмечает среди прочего, что халибы имели «у пояса кинжал вроде лаконского меча, которым

закальвали тех, кого удалось осилить»⁴. Оружие халибов здесь обозначено греческим словом махайрион (μαχαιριον) — уменьшительная форма от греческого слова махайра (μάχαιρα)⁵. Термин махайра имеет у античных авторов много значений, но в военном плане им может называться любое клинковое оружие: прямой двухлезвийный меч, оружие с изогнутым или прямым однолезвийным клинком, кинжал⁶. Лаконский меч обозначен греческим словом ксиэле (ξιήλη). В бытовом значении оно переводится как скобель или долото, в военном как оружие типа кинжала⁷. Еще раз ксиэле упоминается у Ксенофонта в истории спартиата Драконтия, бежавшего с родины ребенком из-за непреднамеренного убийства сверстника этим оружием⁸. Возможно речь шла о тренировочном поединке. О подобной практике между спартанскими мальчиками рассказывает также Плутарх, но у него они сражаются изделием типа серпа — дрепаном (греч. — δρέπανον), и это же слово (дрепанон. — В. Г.) для обозначения серпа как хозяйственного инструмента использует Ксенофонт в «Греческой истории»⁹.

Среди современных исследователей господствует мнение, что ксиэле — это короткий серповидный нож, бывший ритуальным оружием или же рабочим инструментом для обстругивания древков копий¹⁰. Однако Ксенофонт, сравнивая оружие халибов с лаконской ксиэлой, говорит о ближнем бое и колющем ударе, с помощью которого поражали противника. Загнутый нож не подходит для такого действия в отличие от прямого двухлезвийного клинка. Поэтому нельзя исключать, что Ксенофонт, знавший спартанские военные реалии изнутри, называет термином «ксиэле» короткий меч, по своим размерам приближающийся к кинжалу.

В другом произведении Ксенофонта «Агесилай» также речь идет об оружии типа короткого меча или кинжала. Описывая последствия битвы при Коронее (август 394 г. до н. э.), где на заключительном этапе столкнулись спартанская и фиванская фаланги, он отмечает среди поверженных воинов, сломанные щиты, копья и «кинжалы, одни из которых без ножен валялись на земле, другие торчали воткнутыми в тело, а некоторые были зажаты в руках убитых»¹¹. Для обозначения клинкового оружия здесь используется греческое слово энхейридион (ἐνχειρίδιον), обычно переводимое как кинжал¹². Однако, Г. Дельбрюк воспринимает это слово как меч, а П. Кэмпбелл трактует как «маленькое ручное оружие»,

являющееся техническим термином для спартанского меча¹³. Если исходить из текста Ксенофонта, то энхейридионы использовали обе сражающиеся стороны и скорее всего — это не специфическое название спартанского меча, а более общий термин для коротко-клинкового оружия. На заимствование спартанского короткого меча другими греками уже обращалось внимание. Так, Н. Секунда, апеллируя к изображениям гоплитов, считает, что особенно активна в этом отношении была Беотия¹⁴. Видимо не случайно у Фукидида и Ксенофонта короткими мечами пользуются платейцы и фиванцы. Причем, если первые могли их получить как трофеи во время упорных осадных боев, то вторые сначала были союзниками спартанцев и могли сознательно заимствовать их вооружение как более эффективное.

Сведения о спартанских коротких мечах имеются и у поздних античных авторов — Плутарха (I—II в. н. э.) и Поллукса (II в. н. э.). Наибольшее их число содержится в «Моралиях» и «Жизнеописаниях» Плутарха. В его перечне лаконичных изречений, есть высказывание Анталкида, спартанского наварха и дипломата между 393—367 гг. до н. э. Когда Анталкида спросили, почему спартанцы используют на войне короткие мечи, он ответил: «Потому что сражаемся, подойдя к врагу вплотную»¹⁵. Похожий ответ на такой же вопрос дает один неизвестный спартиат: «Чтобы быть ближе к врагу»¹⁶. Еще одно близкое по смыслу высказывание приписывается спартанской матери, сын которой сетовал на свой короткий меч и получил совет: «А ты сделай лишний шаг»¹⁷.

В биографии Ликурга и дважды в «Моралиях» Плутарх цитирует спартанского царя Агиса III (338—331 гг. до н. э.), который, парируя афинские насмешки о пригодности глотания лаконских мечей фокусниками, отвечал, что лакедемонянам их короткие мечи не мешают доставать врагов¹⁸. В качестве сравнения спартанский меч упоминается и в биографии Диона из Сиракуз (умер в 354 г. до н. э.). Рассказывая о судьбе афинянина Каллиппа, Плутарх пишет: «его убили... по странной случайности, говорят, тем же мечом, каким убили Диона. Меч можно было узнать по его величине — он был короток, как спартанские мечи»¹⁹.

У Плутарха спартанские мечи обозначаются по-разному: махайра, ксифос, ксифидион, энхейридион. Причем почти всегда подчеркивается небольшой или короткий размер этого оружия: *μαχαίρας εἰς τὴν μικρότητα* (в переводе с греческого языка — над

небольшими махайрами. — В. Г.), $\xi\acute{\iota}\phi\eta\ \delta\acute{\iota}\alpha\ \mu\acute{\iota}\kappa\rho\acute{\tau}\eta\tau\alpha$ (в переводе с греческого языка — такие небольшие ксифосы. — В. Г.), $\acute{\epsilon}\nu\chi\eta\rho\acute{\iota}\delta\iota\omicron\varsigma\ \beta\rho\alpha\chi\acute{\epsilon}\tau\iota$ (в переводе с греческого языка — короткие энхейридионы. — В. Г.).

Юлий Поллукс в своем перечне знаменитого греческого вооружения классического периода называет «пилос и энхейридион — лаконские»²⁰. Пилос — это бронзовый шлем открытого типа, полусферической или чаще конусовидной формы, с характерным выделением нижней части тульи, которая немного сужается, образуя ступеньку, а затем снова расширяется, имея на кромке валик. Специалисты считают, что шлем-пилос появился около середины V в. до н. э. и стал стандартным для спартанских гоплитов²¹. Энхейридион традиционно переводится с греческого языка здесь как кинжал, но имея в виду, что он назван лаконским, его скорее надо переводить как короткий меч.

Рассмотренные письменные источники позволяют говорить о том, что короткие мечи активно применялись греками с последней трети V в. до н. э. по вторую треть IV в. до н. э., включительно. У большинства античных авторов они ассоциируются именно с оружием спартанцев, которые эффективно применяли его в ближнем бою.

Данные письменной традиции можно дополнить памятниками древнегреческого изобразительного искусства. Примечательно, что наиболее раннее изображение короткого меча встречается на терракотовой табличке-подношении из святилища Зевса-Агамемнона и Александры-Кассандры в Амиклах, рядом со Спартой. На табличке изображен гоплит с обнаженным торсом. На его голове — коринфский шлем, сдвинутый на затылок, в левой руке он держит щит-аспис (он же гоплон), а в правой — меч с коротким листовидным клинком, прямым перекрестием и небольшим уплощенным навершием (ил. 1, 1—2). Н. Секунда, первым обративший внимание на этот памятник, датирует его 450—425 гг. до н. э.²² То, что на войне нет панциря — характерно для греческой изобразительной традиции второй половины V — первой половины IV в. до н. э. Тогда как наличие коринфского шлема говорит о начальном этапе этого периода, поскольку в спартанской армии он был заменен на шлем-пилос по меньшей мере к 425 г. до н. э.²³

Близкое по времени изображение воина с коротким мечом есть на аттическом краснофигурном кратере из Музея искусств

1

2

3

4

Ил. 1. Изображения гоплитов с короткими мечами:
 1—2 — вотивная табличка из храма Зевса-Агамемнона и Александры-Кассандры в Амиклах, 450—425 гг. до н. э., Археологический музей Спарты (фото автора, прорисовка О. С. Лихачевой); 3 — аттический краснофигурный кратер, 440—430 гг. до н. э., Музей искусств, Толедо (toledomuseum.org); 4 — стела афинянина Стратокла, кон. V в. до н. э., Музей изящных искусств, Бостон (Sekunda, 1998)

в Толедо, который относится к художнику «Персефоны» и датируется 440—430 гг. до н. э.²⁴ На одной стороне кратера изображен сюжет из Троянского цикла, где легендарный правитель Спарты Менелай догоняет Елену. На нем нарядный хитон, на голове шлем-пилос с продольным гребнем, в левой руке щит-аспис, справа налево надета перевязь с ножнами меча, а сам меч показан выпавшим из правой руки (ил. 1, 3). У меча листовидный клинок, прямое перекрестие, рукоять с расширением посередине и сфероконическое навершие. Длина его клинка превышает рукоять с навершием и перекрестием всего в два с небольшим раза — значительно меньше, чем у аналогичных мечей, обычно изображаемых в греческой вазописи. Менелай — с бородой, но без усов, что соотносится с образом спартиата²⁵.

Целая серия изображений воинов с короткими мечами известна на аттических надгробных памятниках. Видимо, более ранний из них — стела афинянина Стратокла (конец V в. до н. э.) — показывает победоносного гоплита, который собирается поразить поверженного к ногам противника²⁶. Последний одет в эксомиду, на голове у него шлем-пилос, левая сторона прикрыта щитом-асписом, а с правого плеча спускается перевязь с небольшим мечом в ножнах (ил. 1, 4). Рукоять меча имеет прямое перекрестие, расширение посередине, сфероконическое навершие и весьма близка к изображению на кратере Менелая. Этот воин также показан с бородой, но без усов, что делает весьма вероятным его отождествление со спартанцем.

Другой афинский надгробный рельеф изображает сцену, где всадник добывает врага, упавшего под ноги коня. На его противнике эксомида, спущенная с правого плеча, слева у него щит-аспис, а правая рука сжимает короткий меч с листовидным клинком и прямым перекрестием. Голова воина не покрыта, видна борода, но лицо повреждено (ил. 2, 1). Данный рельеф датируется примерно 400—390 гг. до н. э. и предполагается, что на нем тоже изображен спартанский гоплит²⁷.

Наконец, еще на одной аттической стеле повторяется сюжет противостояния гоплитов, где афинянин готовится нанести последний удар сбитому с ног врагу. Из одежды на последнем — только плащ-гиматий, на голове — шлем-пилос, в левой руке — ножны меча, а в правой — сам меч с коротким листовидным клинком, прямым перекрестием и малым плоским навершием (ил. 2, 2). Стела датируется около 390 г. до н. э. С. Раш считает,

опираясь на отсутствие длинных волос, что здесь показан перикл или даже освобожденный илот (неодамод)²⁸. Однако вряд ли противником афинского гражданина мог быть изображен менее статусный боец. Наличие у него бороды без усов или коротко постриженных усов, позволяет также считать его спартиатом.

Изображения гоплитов с короткими мечами встречаются не только в материковой Греции, но и в Малой Азии. Они есть в герооне Трисы на территории Ликии. Стены этого погребального памятника украшали рельефы, как считается, по мотивам греческих мифов. Среди них много батальных сцен, где доминируют воины в греческом вооружении. По крайней мере, на двух рельефах можно видеть бойцов с мечами небольших размеров²⁹. На одном из них изображен бородатый гоплит, стоящий на крепостной стене с поднятыми вверх руками. Из одежды у него показан плащ-хламида и хитон, поверх которого надета мускульная кираса, на голове шлем неясного типа, в левой руке копье и щит-аспис, на левом боку меч в ножнах (ил. 2, 3). На втором рельефе изображена группа из трех гоплитов под городской стеной. Они защищаются приподнятыми вверх щитами-асписами, одеты в хитоны, на головах шлемы-пилосы (у крайней фигуры справа с продольным гребнем), а на левом боку мечи в ножнах (ил. 2, 4). Мечи на этих рельефах по оформлению рукоятей и ножен близки экземплярам на аттических стелах. Датировка героона из Трисы варьируется в пределах 410—370 г. до н. э., но учитывая окружающий археологический контекст, этот памятник, скорее всего, был сооружен около 380 г. до н. э.³⁰

Весьма подробное воспроизведение меча с небольшим клинком есть на фрагменте краснофигурного кратера, который приписывается художнику «Черной Ярости» и датируется примерно 350 г. до н. э. Здесь, судя по имеющейся надписи, изображен Телеф, сын Геракла, легендарный правитель Миссии, один из героев Троянского цикла. От его фигуры сохранилась только голова и поднятая правая рука, держащая меч. У меча показана рукоять с расширением в средней части, перекрестие и конусовидное навершие. Клинок имеет не столько листовидный, сколько вытянуто-прямоугольный абрис, с поджатием сторон: от основания до середины полотна. Последнее делит пополам проходящая вертикально линия (ребро), видимо указывающая на ромбовидное сечение клинка (ил. 2, 5). Длина клинка превышает рукоять с навершием и перекрестием в два раза. П. Кэмпбелл, обративший

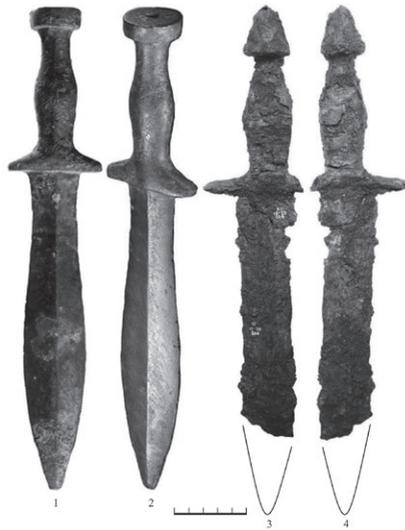

Ил. 2. Изображения воинов с короткими мечами:
1 — аттический рельеф, 400—390 г. до н. э., Национальный археологический музей, Афины (фото автора); 2 — аттическая стела, ок. 390 г. до н. э., Метрополитен музей, Нью-Йорк (Rusch, 2011); 3—4 — рельефы с героона Трисы в Ликии, ок. 380 г. до н. э., Музей истории искусства, Вена (Landskron, 2015); 5 — фрагмент краснофигурного кратера, ок. 350 г. до н. э., Музей искусств Тампы, штат Флорида (Campbell, 2012)

внимание на данное изображение, предполагает, что это спартанский энхейридион³¹.

Приведенные изобразительные источники конкретизируют данные письменной традиции. Они несколько расширяют хронологию бытования коротких мечей у греков, смещая ее ближе к середине V в. до н. э. Большая часть изображений с такими мечами напрямую или опосредованно связана с образом спартанских гоплитов. Рельефы из Ликии видимо передают экипировку греческих наемников на службе персидских сатрапов или местных династов³². Впрочем, среди этих наемников в Малой Азии было много выходцев с Пелопоннеса, включая и бывших граждан Лакедемона³³. Также на значительной части изображений короткий меч сочетается со шлемом-пилосом. Это хорошо иллюстрирует сообщение Поллука об их совместном восприятии, как элементов спартанской паноплии.

Какими бы подробными не были изображения мечей, по уровню информативности они, конечно, не могут заменить реального оружия. До настоящего времени со спартанским коротким мечом ассоциировался всего один экземпляр из собрания Британского музея³⁴. Он был приобретен в 1898 г. у Т. Б. Сэндвита, британского консула на о. Крит в 1870—1885 гг. Данный меч изготовлен из бронзы (ил. 3, 1—2). Общая длина изделия составляет 32,5 см, на рукоять с перекрестием и навершием приходится 11 см, на клинок 21,5 см. Перекрестие имеет длину 6,5 см. У него прямое основание, не высокие торцы со скругленным верхним углом и наклонные плечики с плавным переходом в рукоять. Сама рукоять расширяется в центральной части до 3 см. Навершие сделано

Ил. 3. Короткие мечи из Британского музея (britishmuseum.org): 1 — бронзовый меч с о. Крит, 450—390 гг. до н. э.; 2 — железный меч из Бодрума в Кари, 425—350 гг. до н. э.

в виде шайбы диаметром 3,3 см, толщиной до 1,5 см. Клинок меча имеет листовидный абрис. Он сужается от основания до 3 см, а потом расширяется до 4,2 см на последней трети своей длины, после чего плавно сужается на острие. Посередине полотна клинка проходит вертикальное ребро, свидетельствующее о ромбовидном сечении. Вдоль обоих лезвий есть многочисленные мелкие зазубрины, острие притуплено. Наверху, в центре навершия, видна заклепка (ил. 3, 2). Это может говорить о том, что либо навершие изготовлено отдельно и смонтировано на рукоять, либо рукоять отлита отдельной деталью и надета на черен меча, отлитый вместе с клинком.

На сайте Британского музея данный меч датирован V—IV вв. до н. э. Однако, учитывая его схожесть по формам клинка и навершия с изображениями на табличке из Амикл и одной из аттических стел (ил. 1, 2; 2, 2), эту дату можно сузить до 450—390 гг. до н. э. По своим морфологическим признакам критский меч вполне аналогичен обычным греческим мечам, которые в оружиеведческой литературе принято именовать термином «ксифос»³⁵. Такой тип меча окончательно сложился к середине VI в. до н. э. и затем применялся греками на протяжении классической и эллинистической эпохи. Общая длина ксифоса варьируется в пределах 55—72 см, при длине клинка 44—58 см³⁶. Следовательно, критский меч по клинку вдвое короче самого короткого ксифоса.

Н. Секунда считает, что меч с Крита являлся своеобразной увеличенной моделью спартанского меча, которая могла использоваться как храмовый вотив или как деталь статуи лакедемонского царя (воина)³⁷. П. Кэмпбелл, наоборот, полагает, что атрибуция этого меча как спартанского маловероятна³⁸. На наш взгляд, критский меч вполне мог быть изготовлен по лаконскому образцу. На это указывают как его аналогии изображениям, приведенные выше, так и тесные связи Спарты с дорийскими полисами Крита³⁹. Параметры данного меча достаточно реальны и нет оснований считать его увеличенной моделью. Конечно, бронзовый меч не применялся в это время в бою, но он мог служить ритуальным оружием для совершения жертвоприношений.

Ситуация, в которой от спартанского короткого меча, достаточно известного и распространенного по данным письменных и изобразительных источников, сохранился единственный предмет-подражание, выглядит парадоксальной. Предпринятые автором

поиски похожих экземпляров, привели к обнаружению еще двух находок, сопоставимых с критским мечом и изображениями.

Первая из них также храниться в собрании Британского музея под названием «короткий ксифос»⁴⁰. Это железный меч, найденный Ч. Т. Ньютоном во время раскопок в Бодруме (Малая Азия, Кария) и приобретенный у него музеем в 1857 г. Данное изделие повреждено и состоит из двух частей: рукояти с небольшим фрагментом клинка и основной части клинка, которые стыкуются между собой. Перекрестие, с одной стороны обломано, острие клинка отсутствует (ил. 3, 3—4). Общая сохранившаяся длина меча — 29,21 см. Длина рукояти с перекрестием и наверхим составляет 12,7 см, на клинок приходится 16,51 см. Сохранившаяся длина перекрестия — 7 см, но в целом виде, с учетом симметрии, не менее 9 см. Перекрестие имеет прямое основание, слегка приостренные торцы и наклонные плечики, плавно переходящие в рукоять. Центральная часть рукояти расширяется до 3,5 см. Навершие сделано в виде конуса, высотой 3,5 см, шириной в основании 3,2 см. Клинок меча имел листовидную форму. От основания он сужается до 3,3 см, а потом расширяется к месту слома до 4 см. Видимо дальше начиналось сужение на острие. Длина клинка в целом виде могла соответствовать критскому мечу (ил. 3) или быть несколько больше. Вероятно, общие размеры меча из Карики можно предполагать в интервале 34—38 см.

Датировка рассматриваемого меча на сайте Британского музея определена довольно широко — 500—250 гг. до н. э. Меч из Карики, по оформлению рукояти с перекрестием и особенно навершия, очень близок изображению на кратере Телефа (ил. 2, 5). Исходя из этого, а также из аналогии, которая будет рассмотрена ниже, хронологический период бытования данного меча следует очертить в пределах 425—350 гг. до н. э.

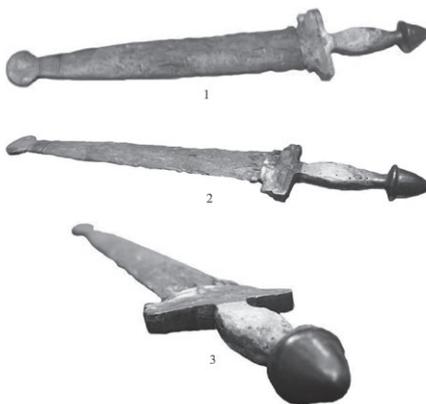
Вторая находка происходит из некрополя греческой колонии Аполлонии Понтийской во Фракии (современный г. Созополь в Болгарии). Это железный меч в ножнах из погребения мальчика 6—10 лет, раскопанного в 2004 г. Помимо меча могила содержала весьма богатый сопроводительный инвентарь, включавший золотой перстень, керамическую посуду, терракотовые статуэтки, железный стригиль и много астрагалов. По малой краснофигурной ойнохое объект датируется 425—400 гг. до н. э.⁴¹ Найденный здесь меч болгарские археологи характеризуют как малый ксифос или ксифосоподобный кинжал⁴². Видимо в детскую могилу

данный меч попал из-за своих небольших размеров. Менее вероятно, что он был специально изготовлен для ребенка.

Меч из Аполлонии демонстрировался на выставке 2009 г. в Национальном археологическом музее Софии⁴³, а в 2016⁴⁴ и 2018⁴⁵ гг. находился в составе экспозиции Археологического музея Созополя. Общая длина изделия вместе с ножнами не превышает 44 см. На рукоять с перекрестием и навершием приходится не менее 11 см. Перекрестие меча имеет прямое основание с полукруглой выемкой по центру, не высокие торцы со скругленными верхним углом и почти параллельные основанию плечики, переходящие в рукоять П-образным выступом (ил. 4, 1). Рукоять расширяется посередине и снабжена пазами для костяных накладок, которые крепятся к рукояти через два ряда по шесть отверстий, расположенных по краям (ил. 4, 2). Навершие представляет собой конус с выделенным в основании валиком (ил. 4, 3). Клинок меча полностью скрыт ножнами. Устье ножен выполнено из костяной фигурно-трапецевидной детали, основной футляр — деревянный, окончание снабжено металлической обоймой и фигурно-дисковидной бутеролью (ил. 4, 1–2).

По навершию меч из Аполлонии почти идентичен экземпляру из Кари и изображению на кратере Телефа (ил. 2, 5; 3, 3–4), а по перекрестию — он ближе к кратеру Менелая (ил. 1, 3). Устье его ножен находит соответствия на аттических памятниках и рельефе из Ликии (ил. 1, 4; 2, 2–3).

Железные мечи из Кари и Аполлонии, в отличие от бронзового меча с Крита, являются боевым оружием. Морфологически все три рассмотренных изделия относятся к одному типу коротких мечей, который согласно

Ил. 4. Короткий железный меч в ножнах из некрополя Аполлонии Понтийской, 425—400 гг. до н. э.: 1—2 — фото из экспозиции Археологического музея Созополя (tripadvisor.ru); 3 — фото с выставки в Национальном археологическом музее, София (frognews.bg)

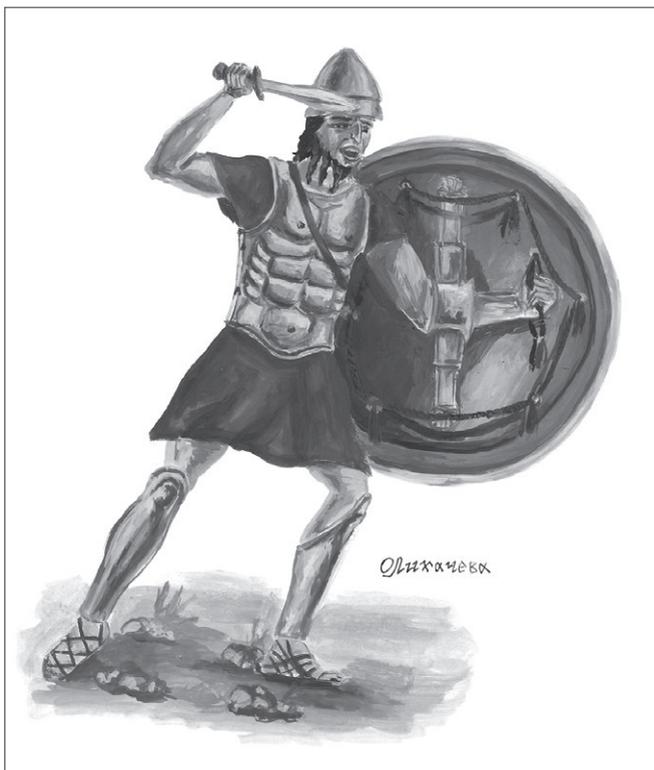
данным письменных и изобразительных источников, можно считать спартанским по своему происхождению. Конечно, эти мечи найдены далеко от территории Лаконии и, скорее всего, но не обязательно, были изготовлены за ее пределами. Однако они дают представление о распространении данного типа меча в греческой ойкумене и о его реальных параметрах. Наверняка среди музейных и частных коллекций будут выявлены и другие образцы таких мечей.

Суммируя наши знания о спартанском коротком мече можно констатировать, что время его активного бытования приходится на вторую половину V — вторую треть IV вв. до н. э. Впрочем, нельзя исключать и более позднего применения этого оружия, скажем, самими спартанцами, уже в эпоху эллинизма. Но такими источниками мы не располагаем.

Сами спартанцы, видимо, называли короткий меч — «ксиэле». Другие греки использовали для его обозначения разные термины. Либо более общие, как махайра и ксифос, либо уменьшительные формы — ксифидион, но чаще — энхейридион, из-за сходства этого меча с кинжалом.

Происхождение спартанского короткого меча достаточно «прозрачно». По своему оформлению он повторяет обычный греческий ксифос, отличаясь от него только меньшей длиной клинка. Такое уменьшение, судя по информации античных авторов, делало его лучше приспособленным для ближнего боя. Короткий меч был удобнее в тесноте фаланги, когда при соприкосновении с вражеским строем передние шеренги сталкивались щитами, и возникала давка. Этот меч можно было быстрее достать из ножен, и он не требовал много места для отведения перед ударом.

Н. Секунда считает, что спартанцы наносили коротким мечом колющие удары из нижней позиции в область живота противника, и их эффективность повышалась за счет отказа в это время от использования панцирей⁴⁶. Его гипотеза о выходе из употребления панцирей у греческих гоплитов в период второй половины V — первой половины IV вв. до н. э. базируется на данных изобразительных источников. Однако они не безусловны и если в материковой Греции памятники искусства действительно сильно героизируют образ воина, лишая его тем самым натальных средств защиты, то, например, в Малой Азии изображения панцирей сохраняются (ил. 2, 3). Главное же состоит в том, что

Ил. 5. Спартанский гоплит с коротким мечом 2-й половины V — 1-й половины IV вв. до н. э. (реконструкция автора, рисунок О. С. Лихачевой)

авторы данного периода — Фукидид и Ксенофонт упоминают панцири и поножи как обычные элементы греческой панопли⁴⁷. Следовательно, поразить противника в нижнюю часть торса было совсем не просто, но даже если у него и не было панциря, оставался щит, который прикрывал тело до колен. Поэтому логичнее представить использование короткого меча спартанскими гоплитами в верхней позиции (ил. 5), когда колющий удар наносился за кромку вражеского щита в область лица и шеи.

Принятие на вооружение спартанцами меча нового типа было обдуманном решением, основанным на богатом предыдущем опыте гоплитских сражений. Оно совпадает по времени и с заменой коринфского шлема на шлем-пилос и, вероятно, с введением

единой эмблематики на щитах в виде заглавной греческой буквы Λ (лямбда), означающей Лакедемон. Все это являлось частью общей реформы военного дела, которая касалась не только вооружения, но и комплектования армии, и ее тактической организации. Данные изменения, вызванные к жизни последствиями землетрясения 464 г. до н. э. и, скорее всего, завершённые к моменту заключения Тридцатилетнего мира с Афинами (446—445 г. до н. э.), существенно преобразили спартанскую армию⁴⁸. Они позволили Спарте победить в таких трудных конфликтах как Пелопонесская война (431—404 гг. до н. э.) и Коринфская война (395—386 гг. до н. э.), несмотря на сильно сократившееся число профессиональных воинов-спартиатов.

¹ Прилагательные: спартанский, лаконский, а также лакедемонский в культурном плане можно рассматривать как синонимы. Андреев Ю. В. Спартанский эксперимент: общество и армия Спарты. СПб., 2014. С. 39.

² Фукидид. История / Пер. Мищенко Ф. Г., Жебелева С. А., под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1999. С. 136 (Thuc. III, 22, 3).

³ Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь / репринт V издания 1899 г. М., 1991. С. 858—859.

⁴ Ксенофонт. Анабасис / Пер. Максимовой М. И. СПб., 2019. С. 124 (Xen. Anab. IV, 7, 16).

⁵ Вейсман А. Д. Указ. соч. С. 788.

⁶ Sekunda N. Greek Swords and Swordsmanship. *Osprey Military Journal*, III, 1. 2001. P. 38; Нефедкин А. К. Конница эпохи эллинизма. СПб., 2019. С. 262.

⁷ Вейсман А. Д. Указ. соч. С. 859.

⁸ Ксенофонт. Указ. соч. С. 130 (Xen. Anab. IV, 8, 25).

⁹ Плутарх. Изречения спартанцев / Пер. М. Н. Ботвинника // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 326 (Plut. Moral., 233 f); Вейсман А. Д. Указ. соч. С. 346; Ксенофонт. Греческая история / Пер. С. Я. Лурье. СПб., 2000. С. 97 (Xen. Hel. III, 3, 7).

¹⁰ Sekunda N. The Spartan Army (Elite Series 66). Oxford, 1998. P. 32; Нефедкин А. К. Спартанская «униформа»: особенности военного снаряжения лакедемонян в VII—IV вв. до н. э. // «Исседон — ἸΣΣΗΔΩΝ: Альманах по древней истории и культуре». Т. I. Екатеринбург, 2002. С. 47; Campbell D. V. Spartan warrior 735—331 BC (Warrior 163). Oxford, 2012. P. 32.

¹¹ Ксенофонт. Агесилай. / Пер. В. Г. Боруховича // Ксенофонт. Киропедия. М., 1993. С. 226 (Xen. Ages. 2, 14).

¹² Вейсман А. Д. Указ. соч. С. 367.

¹³ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. Античный мир. СПб., 1994. С. 124; Campbell D. V. Указ. соч. P. 32.

¹⁴ Sekunda N. Greek Swords and Swordsmanship... P. 41—42.

¹⁵ Плутарх. Указ. соч. С. 300 (Plut. Moral., 217 e).

¹⁶ Там же. С. 324 (Plut. Moral., 232 e).

- ¹⁷ Плутарх. Изречения спартанских женщин / Пер. М. Н. Ботвинника // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 338 (Plut. Moral., 241 f).
- ¹⁸ Плутарх. Лигург. / Пер. В. А. Алексеева // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 2014. С. 61 (Plut. Lys., 19, 2); Плутарх. Изречения спартанцев... С. 298 (Plut. Moral., 216 c); Плутарх. Изречения царей и полководцев / Пер. М. Л. Гаспарова // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 338 (Plut. Moral., 191 e).
- ¹⁹ Плутарх. Дион. / Пер. В. А. Алексеева // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 2014. С. 1146 (Plut. Dion., 58, 3).
- ²⁰ Нефедкин А. К. Спартанская «униформа»... С. 45; Campbell D. В. Указ. соч. Р. 34.
- ²¹ Paddock J. M. The Bronze Italian Helmet: The development of the Cassis from the last quarter of the sixth century B. C. to the third quarter of the first century A. D. London, 1993. Vol. I. P. 365; Sekunda N. The Spartan Army... P. 30; Campbell D. В. Указ. соч. Р. 34–35.
- ²² Sekunda N. The Spartan Army... P. 60.
- ²³ Campbell D. В. Указ. соч. Р. 35.
- ²⁴ Toledo Museum of Art. (Электронный ресурс). URL: <http://emuseum.toledomuseum.org/objects/56463/bell-krater-bowl-for-mixing-water-and-wine--front-helen?ctx=d59d162b-b271-4cd3-9798-c841c7ad9da8&idx=1>
- ²⁵ Sekunda N. The Spartan Army... P. 24–25; Нефедкин А. К. Спартанская «униформа»... С. 70.
- ²⁶ Sekunda N. The Spartan Army... P. 6.
- ²⁷ Нефедкин А. К. Конница эпохи эллинизма... С. 211.
- ²⁸ Rusch S. M. Sparta at War: Strategy, Tactics, and Campaigns, 550–362 BC. London, 2011. Fig. 25.
- ²⁹ Landskron A. Das Heroon von Trysa. Ein Denkmal in Lykien zwischen Ost und West (Schriften des Kunsthistorischen Museums 13 A–B). Wien, 2015. S. 449–450, taf. 89–91.
- ³⁰ Там же. S. 347–349.
- ³¹ Campbell D. В. Указ. соч. Р. 31.
- ³² Paddock J. M. Указ. соч. Р. 365.
- ³³ Ксенофонт. Анабасис. С. 6, 64, 130 (Xen. Anab. I, 1, 6; II, 6, 2–4; IV, 8, 25).
- ³⁴ The British Museum. (Электронный ресурс). URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1931-0217-2
- ³⁵ Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 278; Sekunda N. Greek Swords and Swordsmanship... P. 38; Campbell D. В. Указ. соч. Р. 31.
- ³⁶ Литвинский Б. А. Указ. соч. С. 277, 287; Damyanov M. An Early Hellenistic Xiphos from Apollonia Pontica // Archaeologia Bulgarica. XIX, 3. 2015. P. 30–32; Martinez A. F., Jurado-Figueroa M. A. Las espadas de hierro de la necropolis de Son Pellisser; avance preliminar // Gladius, XXXVI. 2016. P. 39–41.
- ³⁷ Sekunda N. The Spartan Army... P. 31; Он же. Greek Swords and Swordsmanship... P. 39.
- ³⁸ Campbell D. В. Указ. соч. Р. 42.
- ³⁹ Андреев Ю. В. Указ. соч. С. 86, 175, 271.
- ⁴⁰ The British Museum. (Электронный ресурс). URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1857-1220-204 (дата обращения — 24.12.2020).

⁴¹ Chacheva M. Trinkets for the Afterlife: Personal Ornaments from Graves of Children in the Necropolis of Apollonia Pontica // *Archaeologia Bulgarica*. XIX, 1. 2015. P. 5, 14, tab. 1.

⁴² Дамуанов М. Указ. соч. P. 32.

⁴³ Тайни на Аполония възкръсват в София (Репортаж с выставки «Аполлония Понтийская — век археологических исследований» в Национальном археологическом музее 03.11.2009). (Электронный ресурс). URL: <https://frognews.bg/kultura/art-jungla/taini-apoloniia-vazkrasvat-sofiia.html>

⁴⁴ Sozopol Archeological Museum. (Электронный ресурс). URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g635769-d4520492-Reviews-Sozopol_Archeological_Museum-Sozopol_Burgas_Province.html#photos;aggregationId=101&albumid=101&filter=7&ff=209205727

⁴⁵ Exponates from the Museum of Archeology in Sozopol. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g635769-d4520492-Reviews-Sozopol_Archeological_Museum-Sozopol_Burgas_Province.html#photos;aggregationId=101&albumid=101&filter=7&ff=336608250 (дата обращения — 21.12.2020).

⁴⁶ Sekunda N. The Spartan Army... P. 28, 31; Он же. Greek Swords and Swordsmanship... P. 40.

⁴⁷ Фукидид. Указ. соч. С. 136, 172 (Thuc. III, 22, 3; III, 114, 1); Ксенофонт. Анабасис... С. 10, 99, 105, 214 (Xen. Anab. II, 2, 16; IV, 1, 18; IV, 2, 28; VII, 4, 16); Ксенофонт. Греческая история... С. 132, 196, 262 (Xen. Hel. IV, 5, 8; VI, 2, 18; VII, 5, 22).

⁴⁸ Андреев Ю. В. Указ. соч. С. 268—269; Строецкий В. М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478—431 гг.). СПб., 2008. С. 160, 234—235.

А. Н. Гребенкин (Орел)

«ПОЛК ЦАРЕВОЙ ОХРАНЫ» И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

1881 ГОД СТАЛ ВАЖНОЙ ВЕХОЙ в истории органов государственной охраны России. Генерал-адъютант И. И. Воронцов-Дашков, занимавшийся реорганизацией системы обеспечения безопасности Александра III, решил включить в нее новое воинское формирование, «главной и единственной задачей которого стала бы специальная войсковая охрана императорских резиденций, других мест постоянного и временного пребывания первого лица Российского государства»¹. Несение караульной службы в императорских резиденциях всегда являлось почетной функцией гвардейских полков. Экстрагирование их лучших офицеров и нижних чинов и приготовление таким образом своеобразной «охранной гвардейской квинтэссенции» было признано самым оптимальным способом создания новой структуры. Образцом послужил существовавший в годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Гвардейский отряд Почетного конвоя Его Величества. Формально он предназначался не для охраны царя, а для того, чтобы «дать возможность хотя незначительному числу войск Гвардии принять участие в действиях против неприятеля»². Александр II оставался верным своему убеждению, что не нуждается в заботе о собственной безопасности. Вместе с тем Гвардейский отряд Почетного конвоя Его Величества «...наравне с казачьим Собственным Его Величества конвоем... выполнял функции личной охраны государя»³.

Вновь учреждаемая охранная структура, как и Гвардейский отряд Почетного конвоя Его Величества, являлась концентрированным экстрактом гвардии и должна была сопровождать царя в качестве почетного эскорта. Поэтому команда, поначалу

безымянная, стала именоваться Сводно-гвардейской ротой Почетного конвоя, а в августе 1881 г. получила наименование Гвардейского пехотного отряда Почетного конвоя. Александр III, несмотря на серьезное отношение к охране, тяготился мыслью о том, что вынужден защищаться от собственных подданных, и пытался камуфлировать принимаемые меры под традиционную заботу о церемониальных аспектах охраны. Офицерские должности в команде (роте) заняли лучшие офицеры, выбранные из всех полков 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий. Нижние чины (по одному унтер-офицеру и 25 ефрейторов и рядовых от каждого полка этих же дивизий) были командированы под личную ответственность своих командиров. Рота была полностью укомплектована и представлена Александру III 22 марта 1881 г.

После переезда императорской фамилии в Гатчину, состоявшегося летом 1881 г., личный состав роты был усилен за счет офицеров гвардейских стрелковых батальонов, кадрового батальона лейб-гвардии Резервного пехотного полка, лейб-гвардии Саперного батальона и Гвардейского экипажа. В августе 1881 г. было утверждено «Положение об Охране Его Императорского Величества», одним из компонентов которого являлся Гвардейский пехотный отряд Почетного конвоя. В Положении отмечалось, что отряд «составляется из чинов войск гвардии, командируемых из частей ее, расположенных в Петербурге и окрестностях»⁴. В июле 1882 г. Гвардейский пехотный отряд Почетного конвоя стал именоваться Сводно-гвардейской ротой. Ширма, скрывавшая истинное предназначение новой воинской структуры императорской охраны, была, таким образом, отброшена.

В октябре 1883 г. Сводно-гвардейская рота была пополнена офицерами 3-й гвардейской пехотной дивизии. Одновременно изменился подход к комплектованию роты офицерскими кадрами: принцип несменяемости офицеров, принятый в 1881 г., был отвергнут вследствие его непрактичности: «...пребывая долгое время в роте, они (офицеры. — А. Г.), во-первых, отвыкают почти от строевой службы и, во-вторых, имеют возможность достигать даже штаб-офицерских чинов без командования в полках подлежащими строевыми частями»⁵. Было установлено правило, в соответствии с которым командир Сводно-гвардейской роты назначался из штаб-офицеров гвардейских пехотных полков на срок от 1,5 до 2 лет, а обер-офицеры менялись бы ежегодно. Поскольку служба обер-офицеров в роте, по мнению Главного начальника

охраны П. А. Черевина, не была обременительной, их число было сокращено с 14 до 10. Порядок комплектования роты обер-офицерами стал выглядеть следующим образом: «от всех трех гвардейских пехотных дивизий по одному офицеру от каждой бригады (из этих одним штаб-офицером замещается... должность ротного командира), от гвардейской стрелковой бригады по два, от лейб-гвардии Саперного батальона по одному и от Гвардейского экипажа по одному»⁶.

Таким образом, в охране царя, сменяя друг друга, участвовали лучшие офицеры всех гвардейских частей. Существенным недостатком нового порядка было то, что за краткий срок командирования в роту офицеры не успевали изучить все нюансы охранного дела, не могли являться полноценными руководителями подчиненных им нижних чинов и вынуждены были полагаться на опытность сотрудников других подразделений (например, Дворцовой полицейской команды). Слабое знакомство со службой охраны, которая с каждым годом становилась все сложнее, не позволяло офицерам грамотно действовать в нестандартных ситуациях, что в случае покушения на императора могло привести к трагедии.

Качественное ослабление было несколько компенсировано количественным усилением. В ноябре 1883 г., в рамках заданного еще в 1881 г. курса на увеличение численности императорской охраны, Сводно-гвардейская рота была реорганизована в батальон, включавший четыре роты. Согласно принятому 17 ноября 1883 г. «Положению о Сводно-гвардейском батальоне», штат офицеров включал одного штаб-офицера (командира батальона) и 10 обер-офицеров. Командир батальона назначался на два года командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа поочередно, из числа штаб-офицеров полков гвардейской пехоты, начиная с лейб-гвардии Преображенского полка, а окончательное утверждение зависело от императора. Офицеры и нижние чины избирались «командирами полков и отдельных батальонов из числа лучших в служебном и нравственном отношениях и прослуживших не менее двух лет»⁷. В штат батальона они не зачислялись, продолжая состоять в списках своих частей как временно командированные, причем срок командирования обер-офицеров был увеличен до полутора лет.

Обер-офицеры в Сводно-гвардейский батальон командировались: от гвардейской стрелковой бригады и кадрового батальона

лейб-гвардии Резервного пехотного полка — по два человека, от каждой гвардейской пехотной бригады, от лейб-гвардии Саперного батальона и Гвардейского экипажа — по одному человеку. Предполагалось комплектовать батальон нижними чинами по следующему расчету: от каждого пехотного полка гвардейского корпуса — по два унтер-офицера и 25 рядовых, от трех гвардейских стрелковых батальонов, расположенных в Царском Селе, и от кадрового батальона лейб-гвардии Саперного батальона — по два унтер-офицера и 14 рядовых, от 3-го лейб-гвардии стрелкового Финского батальона и Гвардейского экипажа — по одному унтер-офицеру и девяти рядовых, от восьми гренадерских и армейских пехотных полков, шефом которых был император, — по одному унтер-офицеру и четыре рядовых⁸. Однако Александр III высказал пожелание, в соответствии с которым от армейских полков командировалось бы такое же количество нижних чинов, как и от гвардейских полков. В результате пересмотра раскладки от полков, в Сводно-гвардейский батальон стали направлять по одному унтер-офицеру и по 18 рядовых, а от батальонов и Гвардейского экипажа — по одному унтер-офицеру и девять рядовых.

В 1894 г. система комплектования батальона офицерами была вновь изменена: к тому времени уже стало ясно, что кратковременное прикомандирование препятствует полноценному ознакомлению офицеров батальона с порядком императорской охраны. Поэтому срок службы стал определяться лично императором, а откомандирование от батальона обер-офицеров осуществлялось только после открытия для них вакансий ротных командиров в тех частях, из которых они были командированы.

В 1905 г., после начала Первой русской революции, охрану императорских резиденций потребовалось значительно усилить. Это привело к расширению штата Сводно-гвардейского батальона: в марте 1905 г. он пополнился шестью унтер-офицерами и 74 рядовыми. Первоначально ввиду спешности они были назначены исключительно из гвардии, однако впоследствии новые вакансии были равномерно распределены между гвардейскими и армейскими частями⁹.

Особые условия службы батальона настоятельно требовали создания в нем некоторого излишка унтер-офицеров относительно штата (так, в 1906 г. унтер-офицеров было около 70 человек, в то время как по штату их полагалось 44). Это достигалось за счет соглашения с частями, командировавшими большее количество

унтер-офицеров. Начиная с марта 1906 г., после принятия нового положения о сверхсрочнослужащих унтер-офицеров, участились отказы частей командировать требуемое батальону количество унтер-офицеров. Ввиду этого в октябре 1906 г. командиром Сводно-гвардейского батальона было возбуждено ходатайство об учреждении при батальоне кадровой команды сверхсрочнослужащих унтер-офицеров (35 человек), не занимающих вакансий в своих полках. При этом предполагалось «расчета для распределения сверхсрочных между частями не уставлять, а предоставлять это выбору из всего наличного состава унтер-офицеров, исключительно в зависимости от служебных качеств каждого; при таком порядке от некоторых частей может совсем не состоять сверхсрочных, а в других может быть по несколько человек от одной»¹⁰. В соответствии с приказом по военному ведомству от 19 января 1907 г. № 34 был создан требуемый кадр сверхсрочных унтер-офицеров при батальоне.

Однако растущий объем задач, обусловленный крайне нестабильной ситуацией в стране, требовал еще большего усиления военного компонента императорской охраны. В соответствии с приказом по военному ведомству № 448 от 17 августа 1907 г., Сводно-гвардейский батальон подлежал реорганизации в Собственный Е. И. В. Сводный пехотный полк двухбатальонного состава. Переформирование началось в сентябре того же года.

Офицерским составом Сводный полк, неофициально именовавшийся «полком царевой охраны», комплектовался следующим образом. Командир полка назначался высочайшим приказом по представлению дворцового коменданта. Прочие офицеры прикомандировывались к полку на 3—4 года, однако этот срок мог быть продлен. Как вспоминал один из офицеров полка, «...срок службы офицеров в полку был совершенно неопределенным. Мы ведь все продолжали числиться в списках своих коренных полков, форму которых сохраняли, как и солдаты... Благодаря такому продвижению по службе случилось, что офицер оставался в полку 3—5 лет, но знаю случаи, когда, прибыв подпоручиком в Собственный полк, офицер его покинул командиром армейского полка»¹¹. Прикомандирование осуществлялось: трех штаб-офицеров — от трех гвардейских пехотных дивизий и гвардейской стрелковой бригады поочередно, шесть обер-офицеров — от каждой из шести бригад, входивших в состав трех гвардейских пехотных дивизий, по одному обер-офицеру — от гвардейской

стрелковой бригады, лейб-гвардии саперного батальона и гвардейского экипажа и 17 обер-офицеров — от всех гренадерских, пехотных, стрелковых дивизий и бригад по очереди, которую устанавливал дворцовый комендант.

В полк командировались лишь наиболее достойные нижние чины, отобранные командирами своих частей и прошедшие тщательную проверку, в которой участвовали губернские жандармские управления и охранные отделения. В отличие от офицеров, они числились в полку в командировке в течение всего оставшегося срока своей действительной службы до увольнения в запас. Комплектование велось по следующему расчету: 1) по 17 человек от каждого из 12 полков, входивших в состав трех гвардейских дивизий; 2) по 11 человек от каждой из частей гвардейской стрелковой бригады; 3) 12 человек от Гвардейского экипажа; 4) 13 человек от лейб-гвардии Саперного батальона; 5) по три человека от каждого из 16 гренадерских пехотных полков; 6) по два человека от каждого из 180 армейских пехотных полков; 7) по два человека от каждого из 36 Восточно-Сибирских стрелковых полков; 8) по два человека от каждого из 20 стрелковых полков, располагавшихся в Европейской части России; 9) по два человека от каждого из восьми финляндских стрелковых полков; 10) по одному человеку от каждого из 32 стрелковых батальонов, входивших в состав 1-й — 8-й Туркестанских стрелковых бригад; 11) по одному человеку от каждого из восьми стрелковых батальонов, входивших в состав 1-й и 2-й Кавказских стрелковых бригад; 12) один человек от Западно-Сибирского стрелкового батальона¹². Всего в полку полагалось иметь 850 нижних чинов.

Правила комплектования полка претерпели существенные изменения в 1914 и 1916 гг. Кроме того, начиная с 1913 г. 12 человек командировались от Балтийского и Черноморского флотов. С учетом сложности и ответственности решаемых полком задач в 1910 г. в штат полка были введены 100 сверхсрочнослужащих ефрейторов, наличие которых позволяло располагать большим количеством хорошо знакомых с охранным делом нижних чинов, способных передавать свой опыт вновь прикомандировываемым к полку нижним чинам.

После падения монархии Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк был переименован в Сводный пехотный полк Верховного Главнокомандующего, а 2 мая 1917 г. расформирован.

Обратимся к вопросу об участии «полка царевой охраны» и его предшественников в обеспечении безопасности императора и членов его семьи. Сводно-гвардейская рота по решаемым ею задачам с самого начала своего существования вплотную приближалась к профессиональным охранным структурам. Ее офицеры и нижние чины считались «ближайшими хранителями царя и его августейшей семьи»¹³. Подразделение предназначалось главным образом «для отправления сторожевой и караульной службы в местах пребывания Высочайшего двора»¹⁴. Кроме того, оно должно было обеспечивать наблюдение за окружающей местностью. Как отмечал В. И. Яковлев, «эта специального назначения военная организация... главным образом и занималась как изысканием, так и проведением в жизнь всех способов охранения царского местопребывания. Она наблюдала не только за помещениями дворца и районом царских прогулок, но и за дворцовой прислугой, запроживавшими во дворце и за всеми временно приходившими в него»¹⁵. Таким образом, Сводно-гвардейская рота была призвана образовать непроницаемую оболочку вокруг императорских резиденций. Ключевые посты были закреплены за определенными нижними чинами, которые должны были приобрести «большую возможность всесторонне изучить условия сдачи, все местные особенности и освоиться с придворной прислугой»¹⁶.

27 марта 1881 г. императорская семья переехала в Гатчину. Сводно-гвардейская рота стала отвечать за охрану Арсенального кара Гатчинского дворца, где находились личные покои императорской семьи. Кроме того, по инициативе командира роты полковника И. В. Богаевского были введены пропускные посты, на которых осуществлялась проверка всех входивших во дворец. Нижние чины, стоявшие на них, должны были знать в лицо всех тех, кто имел право проходить во внутренние помещения. Поскольку система пропусков еще не была введена, ставка делалась на отличную зрительную память, внимание и сообразительность постовых. Необходимо отметить, что служба на постах была организована отнюдь не в щадящем режиме: «...приходится стоять в продолжение четырех часов, по четыре человека на посту, а потому каждый стоит два раза в сутки. На наружных постах стоят во всякую погоду, и хилому, с какими-нибудь телесными недостатками, несение такой службы не под силу»¹⁷. Кроме того, «в задачи Сводно-гвардейской роты входило обеспечение

охраны всех мест пребывания императора и членов царской семьи, включая наблюдение за помещениями дворца и районами царских прогулок, а также за дворцовой прислугой и всеми визитерами»¹⁸. Поэтому офицерам и нижним чином следовало знать в лицо всех многочисленных обитателей дворцов, чтобы отличать их от посетителей. Наконец, из состава роты назначались так называемые присмотрщики, которые должны были сопровождать посетителей и команды рабочих, привлекавшихся для выполнения каких-либо работ во дворцах или в садах, и осуществлять надзор за ними. Впоследствии весь комплекс обязанностей членов роты в главных императорских резиденциях был возложен на личный состав Сводно-гвардейского батальона и Собственного Е. И. В. Сводного пехотного полка.

В середине мая 1881 г., когда императорская семья переехала в Петергоф и заняла дачу «Александрия», Сводно-гвардейской роте была поручена охрана многочисленных дачных домиков и построек. Это потребовало большого напряжения сил: как офицеры, так и нижние чины несли караульную службу в режиме «сутки через двое», а в свободные от нарядов дни упражнялись в стрельбе и строевой подготовке. Кроме постовой службы, Сводно-гвардейская рота должна была осматривать все помещения дворцов и их техническое оборудование, взяв, таким образом, на себя задачи сформированной еще в 1880 г. особой команды из фельдфебелей и унтер-офицеров гвардии. Для этого назначались особые дневальные.

Как и прочим гвардейским частям, Сводно-гвардейской роте время от времени приходилось принимать участие в церемониальных мероприятиях, однако ее функции при этом продолжали оставаться строго охранными. Так, весной 1883 г. личный состав роты был задействован в обеспечении охранных мероприятий, проводившихся в связи с коронацией Александра III. Перед прибытием царя, членов его семьи и прочих представителей династии Романовых в Москву ротой был произведен тщательный осмотр всех помещений и сооружений Большого Кремлевского дворца, вплоть до водосточных труб, а во время пребывания членов правящей династии в Москве чины роты не только несли свою обычную службу по охране императорских покоев, но и обеспечивали пропускной режим совместно с Дворцовой полицейской командой¹⁹. Большая нагрузка приходилась на роту во время зимнего пребывания императорской

семьи в Петербурге, когда давались большой бал и три концертных бала в Зимнем дворце и несколько балов и спектаклей в Аничковом дворце. В эти праздничные дни жизнь двора меняла привычный ритм, доступ во дворцы получало множество новых людей, и в оживленной суматохе охране нужно было сохранять бдительность.

Сводно-гвардейский батальон, как и его предшественница, был предназначен «для исполнения охранной службы в местах пребывания Его Императорского Величества»²⁰. Обязанности чинов батальона заключались «в занятии пропускных постов как во дворцах, так и в дворцовых садах и парках, а равно в присмотре там за производством работ»²¹. При поездках Александра III в Крым, Скерневицы и Беловежскую пушу его сопровождали несколько чинов Сводно-гвардейского батальона, обеспечивавшие внутреннюю охрану царских покоев (внешняя охрана поручалась частям, входившим в местные гарнизоны). В гораздо менее продолжительные летние поездки в финские шхеры ни нижних чинов, ни офицеров батальона император с собой не брал. Традиционной обязанностью батальона являлась охрана императора во время ночной рыбной ловли. По свидетельству камердинера императрицы Александры Федоровны А. А. Волкова, в 1883—1886 гг. являвшегося старшим унтер-офицером батальона, «на эти рыбные ловли полк. Гессе наряжалась особая охрана, обычно в составе 20 человек. Команда эта всегда вверялась мне, причем я один имел право идти за лодкой по берегу, солдаты же, входившие в состав моей команды, обязаны были, не выпуская меня из виду, следовать за мною, скрываясь в кустах»²². Можно сделать вывод, что служба личного состава батальона мало чем отличалась от службы чинов Дворцовой полиции, которая в соответствии с волей Александра III осуществлялась в скрытом режиме. В 1894 г. офицеры и солдаты батальона приняли участие в церемонии перенесения тела Александра III из Ливадийского дворца на пароходную пристань, а затем и в церемонии погребения в Санкт-Петербурге.

При вступлении на престол нового императора, Николая II, Сводно-гвардейский батальон принял участие в мероприятиях, связанных с бракосочетанием молодого монарха с великой княжной Александрой Федоровной, — во время торжеств «чины Батальона несли службу по охране Зимнего и Аничкова дворцов»²³.

При Николае II основным местом пребывания Сводно-гвардейского батальона являлось Царское Село, где для него построили казармы, а для охраны Гатчины «были выделены представители от каждой роты»²⁴. В зимнее время года чины батальона обеспечивали охрану петербургских резиденций, куда переезжали члены императорской фамилии, и прилегавших к ним территорий. Для этого в 1895 г. часть чинов батальона была размещена в Зимнем дворце. Объем обязанностей чинов батальона постепенно возрастал: от него наряжались не только часовые пропускных постов, но и внутренние, а также наружные караулы, особые дневальные и «присмотрщики», следившие за порядком в дворцовых помещениях и сопровождавшие пропускаемых внутрь рабочих. Служба на «особых» постах была исключительно ответственной, поэтому на них назначались самые ответственные и сообразительные солдаты. Большие требования предъявлялись и к «присмотрщикам», которыми также становились наиболее развитые нижние чины. Основная масса нижних чинов шла в общий караул.

В мае 1896 г. во время коронационных торжеств, традиционно проходивших в Москве, батальон обеспечивал охрану Большого Кремлевского дворца. Аналогичные обязанности были возложены на него во время последующих визитов императора в Москву в 1900 и 1903 гг. Во время поездок царской семьи в Крым, Скерневицы и Беловежскую пуцу ее сопровождали командированные от полка офицеры и нижние чины, причем после прибытия в пункт назначения они «занимали лишь внутренние посты в помещениях, все же остальные, наружные, выполняли воинские части местных гарнизонов»²⁵.

В годы Первой русской революции перечень задач, стоявших перед батальоном, резко увеличился: в условиях эскалации террористических угроз следовало своевременно находить и устранять уязвимые места в охране дворцов. Была существенно усилена внешняя охрана резиденций, в которой, помимо солдат Сводного батальона, принимали участие Собственный Конвой, Дворцовая полиция и гвардейские полки Царскосельского гарнизона. Так, солдаты Сводного батальона круглосуточно стояли на 26 постоянных и трех временных постах, а когда Николай II отправлялся на прогулку, то выставлялись еще три дополнительных поста²⁶. Во время пребывания императора и его семьи в Царском Селе парк ежедневно неоднократно прочесывался

цепью солдат, составленной из 25—30 человек. В самом дворце выставлялось девять круглосуточных, один дополнительный, один временный и два дневных поста, которые усиливались двумя наружными постами и тремя ночными казачьими постами²⁷. С наружной стороны ограды Александровского парка также выставлялись посты от батальона, которым помогали конные разъезды Собственного Е. И. В. Конвоя и дежурные от Дворцовой полиции. Решение о том, пропускать или не пропускать в парк какое-либо лицо, принималось совместно стоявшими на посту нижним чином батальона и дворцовым городовым.

Дежурная комната в Александровском дворце размещалась под императорской спальней; и спальня, и кабинет императора были оборудованы «тревожными кнопками», при нажатии на которые в «дежурке» звонил колокольчик. На дежурстве обычно находились два офицера: один отвечал за охрану дворца, другой — за охрану внешней территории. В начале XX в. все наружные посты были соединены между собой телефонными линиями, в соответствии с принятыми правилами, благодаря чему ни один посторонний человек не мог проникнуть во дворец без ведома дежурного офицера Сводно-гвардейского батальона.

Охрана резиденций не снималась и не ослаблялась даже в отсутствие высочайших особ. Если императорская семья возвращалась в Царское Село после длительного отсутствия, то чинами батальона тщательно осматривался не только Александровский дворец, но и прилегавший к нему Александровский парк со всеми находившимися в нем сооружениями (парк несколько раз прочесывался более плотной, чем обычно, цепью из 150—200 солдат, которые осматривали кусты и ворошили копны сена, проверяя, не прячется ли там кто-нибудь).

В годы Первой русской революции император и члены его семьи жили в Новом дворце, располагавшемся в северо-восточном углу парка Александрия. Когда Николай II покидал Александрию, его охрану обеспечивали так называемые «гуляльщики», назначавшиеся из числа нижних чинов Сводно-гвардейского батальона. Как отмечали Б. Н. Григорьев и Б. Г. Колоколов, «они должны были «гулять» в отведенном для них районе, осматривать кусты, обращать внимание на подозрительных прохожих и не позволять им подавать царю прошения»²⁸.

За упущения по службе нижние чины стали подвергаться суровым наказаниям. Так, в феврале 1906 г. был уволен фельдфебель

Мартын Корхонен, который «оказался виновным в том, что во время дежурства не доложил дежурному по наружным постам офицеру о проезде за экипажем, в коем изволила проследовать по Александровскому парку 21 февраля государыня императрица Александра Федоровна, неизвестного офицера, допущенного в парк... по оплошности стоявшего на посту № 16 нижнего чина»²⁹. От увольнения Корхонена не спасло даже то, что он прослужил в батальоне 20 лет и был оставлен в охране до выслуги им пенсии за 25-летнюю службу по инициативе самого Николая II.

Кроме охраны царских резиденций, чины Сводно-гвардейского батальона периодически задействовались и в выездных охранных мероприятиях. В июле 1903 г., когда император с семьей ездил в Саров на торжества в честь канонизации Серафима Саровского, заблаговременно была командирована группа в составе двух офицеров, 12 унтер-офицеров и 19 рядовых. Она тщательно осмотрела монастырские здания и помещения, предназначенные для проживания членов царской семьи, обеспечила их охрану, а также охраняла Дивеевский женский монастырь, который посещали император и его жена. В апреле 1906 г. Сводно-гвардейский батальон охранял Николая II, открывавшего сессию Государственной думы Российской империи 1-го созыва. Однако, когда царь отправлялся в финские шхеры, чины батальона по-прежнему не привлекались к его охране, хотя созданная система безопасности была весьма внушительной³⁰.

Собственный Е. И. В. Сводный пехотный полк решал те же задачи, что и Сводно-гвардейский батальон, разница заключалась лишь в масштабах и интенсивности работы. К 1914 г. полк выставлял 12 постов в Александровском дворце в Царском Селе (56 унтер-офицеров) и 22 поста вокруг ограды Александровского парка (139 рядовых). От дежурной части полка выставлялись четыре дневных поста (два ефрейтора и 14 рядовых) и три ночных (шесть рядовых), от караула близ здания фотографии — два поста (унтер-офицер, ефрейтор, шесть рядовых). Кроме того, от полка во дворец по-прежнему назначались подвальные и «присмотрщики». Вокруг ограды Гатчинского дворцового парка выставлялись 15 особых постов. Аналогичным образом охранялась и Собственная дача «Александрия» с обширной, прилегавшей к ней территорией.

В сентябре 1915 г., когда Николай II принял на себя верховное главнокомандование русской армией, жизнь Собственного

Е. И. В. Сводного пехотного полка резко изменилась. Часть чинов была откомандирована в Могилев для внешней охраны его Ставки. Кроме того, ряд военнослужащих полка должен был постоянно находиться в Киеве, где во время войны проживала вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Почти сразу же после падения монархии, 8 марта 1917 г., Сводно-пехотный полк был отстранен от несения охранной службы. Он упорно отказывался сменяться, «...готовился встретить ожидавшегося Царя с подобающими почестями... как один человек, отказался впустить их (царскосельских стрелков, назначенных Корниловым для охраны Александровского дворца. — А. Г.) за решетку дворца и... выкатил пулеметы»³¹. Кровавопролития удалось избежать лишь благодаря личному вмешательству Александры Федоровны.

За неполных четыре десятилетия своего существования «полк царевой охраны» и его предшественники сумели внести большой вклад в развитие системы обеспечения безопасности российских императоров и членов их семей. Офицеры, нижние чины Сводно-гвардейских роты и батальона и Собственного Е. И. В. Сводного пехотного полка своей энергичной деятельностью доказали, что элитные воинские части могут не только обеспечивать внешнюю, парадную сторону охранных мероприятий, но и выполнять тяжелую, непрестижную, грязную в прямом смысле этого слова работу, без которой было немислимо успешное решение задач, связанных с защитой жизни и здоровья царя и его близких.

---

¹ Малевский Е. «Много смышленных и дельных...» Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк // Родина. 2011. № 8. С. 25.

² Мацкевич Н. И. Гвардейский отряд Почетного конвоя Его Величества в Турецкую войну 1877—1878 гг. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1880. С. 4.

³ Копытов С. Александр II и его телохранители // Родина. 2016. № 3. С. 102.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1328. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁵ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 203. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 5—5 об.

⁷ Там же. Л. 42.

⁸ Там же. Л. 39—39 об.

⁹ Там же. Д. 234. Л. 19.

¹⁰ Там же. Д. 235. Л. 2.

- ¹¹ Клочков Д. А. На охране российской государственности. К 80-летию создания Президентского полка Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации. М.: Фонд «Русские витязи»; СПб.: ИПК «Гангут», 2016. С. 106.
- ¹² Ведомость укомплектования Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка // Приложение к приказу по военному ведомству № 448 от 22 августа 1907 г.
- ¹³ Сводно-гвардейский батальон, а ныне Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк на страже у царского трона. СПб.: тип. Монтвида, 1909. С. VII.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 203. Л. 9.
- ¹⁵ Яковлев В. И. Охрана царской резиденции. Л.: Управление дворцами-музеями при Л. О. Главнауки, 1926. С. 36.
- ¹⁶ Сводно-гвардейский батальон, а ныне Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк на страже у царского трона. СПб.: тип. Монтвида, 1909. С. 23.
- ¹⁷ Там же. С. VIII.
- ¹⁸ Муров Е. А., Галкин О. П., Девятков С. В. и др. Полк специального назначения. М.: КремльФильм, 2011. С. 25.
- ¹⁹ Казанцев П. А. Обеспечение безопасности императора, членов императорской фамилии и высших должностных лиц Российской империи в 1881—1917 гг.: институциональный аспект: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 167.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 203. Л. 39.
- ²¹ Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 17—17 об.
- ²² Волков А. А. Около царской семьи. Париж, 1928. С. 18.
- ²³ Сводно-гвардейский батальон, а ныне Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк на страже у царского трона. СПб.: тип. Монтвида, 1909. С. 73.
- ²⁴ Муров Е. А., Галкин О. П., Девятков С. В. и др. Полк специального назначения. М.: КремльФильм, 2011. С. 33.
- ²⁵ Яковлев В. И. Охрана царской резиденции. Л.: Управление дворцами-музеями при Л. О. Главнауки, 1926. С. 75.
- ²⁶ Зимин И. В. Александровский дворец в Царском Селе. Люди и стены. 1796—1917. Повседневная жизнь Российского императорского двора М.: Центрполиграф, 2015. С. 339, 341.
- ²⁷ Там же. С. 344.
- ²⁸ Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 751.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 234. Л. 38.
- ³⁰ Туоми-Никула Й. и П. Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб.: Коло, 2003. С. 180, 204.
- ³¹ Мельгунов С. П. Судьба императора Николая II после отречения. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 40.

А. В. Громов (Санкт-Петербург)

О ДЕРЕВЯННЫХ ЯПОНСКИХ ПУШКАХ ИЗ СОБРАНИЯ ВИМАИВиВС

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи насчитывает в своем составе несколько сотен артиллерийских орудий самых различных систем, изготовленных как в Европе, так и в странах Тихоокеанского региона многие из которых также являются историческими реликвиями (трофеями, дипломатическими подарками и т. д.). Кроме того, значительная часть таковых предметов (стволы, лафеты и артиллерийские передки) представляет большой технический и музейно-художественный интерес для исследователя.

Но вместе с тем эти предметы еще таят в себе немало интересных загадок в области артиллерийского производства или военного дела в различных странах Старого и Нового света. И очень многие из таких загадок до сих пор еще оставались неразрешенными.

Одной из таких загадок до недавнего времени оставались три *деревянных* ствола из собрания ВИМАИВиВС, *сплошь покрытые кольцами из бамбука*, и до сих пор считавшиеся 100 % «китайскими». Конструкции всех трех стволов довольно схожи между собой (в т. ч. и по материалу изготовления) и все же, видимо, стволы этих загадочных странных «пушек» принадлежат концептуально к двум типам. Один из них (№ МЧА 01/21) можно назвать в чистом виде переносной (траншейной) мортирой. Два остальных ствола (№ МЧА 01/22 и пушка под № МЧА 02/23, прежде числившаяся «деревянной моделью») — скорее выглядят как гаубицы, так как соотношение длины канала с калибром у них значительно отличаются от мортирных.

Рассмотрим характеристики всех трех орудий.

Мортира № МЧА 01/21 (ил. 1)

Длина — 70,5 см; длина канала — 51 см (3 калибра).

Диаметр ствола у дульного среза — 25 см.

Калибр — 170 мм.

Толщина стенок у дульного среза — 3,8 см.

Донная часть канала — цилиндрической формы (немного вогнутой).

Толщина бамбуковой оплетки на дульной части — 1 см; на казенной части — 1,5 см. Ширина — 3,5 см; ширина на казенной части — 3,5 см.

24 кольца оплетки (два утрачено).

Верхняя и нижняя половины ствола скреплены в дульной части двумя продольными шипами прямоугольного сечения. В казенной части под слоем оплетки — соединительный деревянный клин прямоугольного сечения.

Запального отверстия *нет*.

Ствол установлен на деревянный станок мортирного типа (с железной оковкой и скобами для переноски) под углом 45 градусов.

Ил. 1. Ствол деревянной пушки. ВИМАИВиВС
(№ МЧА 01/22)

Размеры станка: длина платформы — 100 см.; ширина — 60 см.; толщина — 3,5 см.

Вертикальные опоры под дульной частью — $56 \times 6 \times 9,5$ см.

Передняя (лицевая) доска — $60 \times 14,4 \times 6$ см.

Сечение паза соединительной доски между опорами: $8,5 \times 2,5$ см. Сама доска: $15,2 \times 2,5$ см.

Задняя доска $6 \times 10 \times 3,8$ см.

Расстояние между опорами — 32 см.

Станок окрашен темно-зеленой краской.

Ствол № МЧА 01/22 (ил. 2)

Длина — 162 см; длина канала — 121,5 см (примерно 8 калибров).

Диаметр ствола у дульного среза — 24,2 см.

Калибр — 148 мм.

Толщина стенок у дульного среза — 4,8 см.

Донная часть канала — цилиндрической формы (немного вогнутой).

Толщина бамбуковой оплетки на дульной части — 2 см; на казенной части — 3,5 см. Ширина — 4,5 см; ширина на казенной части — 8 см.

24 кольца оплетки (из коих одно утрачено).

Верхняя и нижняя половины ствола *не скреплены* в дульной части.

В казенной части под слоем оплетки — соединительный деревянный клин прямоугольного сечения.

Запального отверстия *нет*.

Лафет (или мортирный станок) отсутствует.

Ил. 2. Ствол деревянной пушки. ВИМАИВиВС
(№ МЧА 115/104)

Ил. 3. Японская траншейная мортирка. ВИМАИВиВС
(№ МЧА 01/21)

Ствол № МЧА 02/23 (ил. 3)

Длина — 95 см; длина канала — 68 см.

Диаметр ствола у дульного среза — 20,5 см (примерно 6,5 калибров).

Калибр — 105 мм.

Толщина стенок у дульного среза — 5 см.

Донная часть канала — цилиндрической формы (немного вогнутой).

Толщина бамбуковой оплетки на дульной части — 2 см; на казенной части — 3 см. Ширина — 4 см; ширина на казенной части — 7,5 см.

24 кольца оплетки (из коих осталось 9).

Верхняя и нижняя половины ствола *не скреплены* в дульной части.

В казенной части под слоем оплетки — соединительный деревянный клин прямоугольного сечения.

Запального отверстия *нет*.

Лафет или мортирный станок отсутствуют.

По документам из архива ВИМАИВиВС, первые два орудия прибыли из расформированного Кронштадтского арсенала в 1929 г. Однако время их появления в арсенале установить на сегодняшний день почти невозможно. По крайней мере, в 1889 г. их, по всей видимости, еще не было в арсенале Кронштадта, поскольку в «Кратком каталоге» его коллекций за 1889 г. таких пушек нигде не числится¹.

Так что вариантов их происхождения поначалу было немного. Предполагалась либо Япония времен восстания в Сацума (после которого ненужные повстанческие орудия могли купить в качестве сувенира русские моряки), либо Китай времен восстания Ихэтуань. При этом в списках по трофеям русских солдат ни в Маньчжурии, ни в Китае такие «пушки» отнюдь не числились².

Благодаря плохому состоянию ствола № 01/23 (утрата почти 90 % скрепляющих ствол колец) прекрасно видно, что половинки деревянной колоды сделаны из куска строевой сосны. На это указывает текстура дерева и характерной формы следы сучков. Кроме того, ясно видно, что две (верхняя и нижняя) половинки колоды в казенной части соединены деревянным, из сосны, клином прямоугольного вытянутого сечения (ил. 4). Кроме того, ни в одном из стволов *нет* ярко выраженной зарядной камеры, как и каких-либо запальных отверстий.

Также, по-видимому, стволы 01/22 и 01/23 представляют собой *иной тип* орудий, чем № 01/21. Два первых являются одноразовыми Scheißekanonen, то

Ил. 4. Ствол пушки, № МЧА 115/104
(казенная часть и соединительный шип)

есть эрзац орудиями на два, три выстрела и, очевидно, предназначались для стрельбы дробом в упор, на близкое расстояние. Как и отмечено выше, именно этот вариант вытекает из зафиксированных различий в соотношении длины канала ствола и его диаметра у трех указанных орудий. Но в любом случае, ствол № МЧА 01/22 имел очень дурную даже для гаубицы баллистику, близкую больше к мортирной.

И, в связи с этим возник вопрос, что же это такое на самом деле? Классические «пушки квакеров», то есть простые (и не стреляющие. — А. Г.) муляжи для дезинформации неприятеля или реальная, применявшаяся в бою артиллерия? Так, в частности, коллеги из некоторых отечественных музеев высказывали сомнение на этот счет.

При консультациях неоднократно были высказаны мнения, что никаких *реальных* случаев применения таких пушек, в том же Китае, не зафиксировано ни разу. И, что без лейнера из металла (самой обычной вкладной трубы соответствующего диаметра), даже китайские деревянные *люхэ пао* (六合枪) в принципе *не использовались*. Также орудия в деревянных внешних обкладках времен восстания Ихэтуань в Китае (1898—1901 гг.), хранящиеся в коллекции ВИМАИВиВС³, всегда имеют внутри металлический лейнер, сделанный из обрезка трубы соответствующего калибра.

Однако при изучении данных орудий (стволы действительно оказались вполне реальными действующими орудиями) довольно быстро стало понятно, что о *китайской* артиллерийской традиции здесь нет речи. Эти орудия никак не связаны с Китаем, кроме как с местом их применения в боевых условиях. Но сразу несколько стволов орудий такого типа, притом неплохо атрибутированных, сейчас хранятся в музеях Японии.

Например, пушки из дерева и бамбука, датированные временами т. н. войны Босин (1868 г.), хранятся сейчас в музее г. Сендай (Sendai City Museum), Япония (ил. 5).

Аналогичного же типа орудия известны и в музеях японской столицы: похожее орудие, с датировкой около 1853 г., хранится в Kyoto Ryosen Museum, г. Киото. Именно этот тип «одноразовых» деревянных пушек, скрепленных кольцами из бамбуковых обручей, упоминается также в ряде источников о Сацумском восстании 1877 г.

Кроме того, орудия подобной конструкции отметились и в событиях 1863 г., когда эскадра европейских держав бомбардировала г. Симоносеки: в последнем случае (сентябрь 1863 г.) европейцы столкнулись не с заурядными Quaker guns (т. е. обычными деревянными муляжами, замаскированными под пушки), а с настоящими, стреляющими орудиями, изготовленными из бамбука и дерева⁴.

Поскольку в нарушение всех предыдущих договоров местные японские даймё кланов Тёсю и Сацума укрепляли проливы Кагосима и открывали огонь по любым иностранным судам, пытавшимся пройти через них, то последние были вынуждены реагировать. Так как правительство сёгуна не сочло нужным никак пресечь эти действия, но и на самом деле в какой-то мере их поощряло, то силы французов, англичан и голландцев (плюс

Ил. 5. Стволы орудий эпохи войны Босин (Sendai City Museum, Япония)

небольшая канонерка ВМС США — USS Wyoming) атаковали прибрежные батареи и уничтожили или захватили их.

В этот момент во всей Японии было лишь несколько более-менее современных, литых из бронзы орудий, с традиционно храброй и самоотверженной артиллерийской прислугой. Но подготовка ее была весьма невысокой, а большинство из имевшихся тогда пушек были крайне изношенными и старыми, вплоть до орудий XVI—XVII вв.

В Японии на крайне малочисленных береговых батареях оставались даже т. н. *куникудзуси* (国崩し), которые в свое время смог раздобыть еще даймё Отомо Сорин⁵, и которые заряжались с казны металлической вкладной камерой, зафиксированной железным клином. Так что морская дальнобойная артиллерия европейцев довольно быстро заставила их прекратить огонь. После чего десант зачистил от мятежников побережье, и офицеры союзников осмотрели захваченные позиции, в т. ч. близ Кусисаки (Kushisaki Point).

Присутствовавший там американский моряк, капитан Джон К. Хаббард, в частности пишет: «три бронзовых и четыре деревянных орудия были взяты. Последние были около четырех футов в длину и были построены из одного бревна с отверстием около восьми дюймов, с камерой, способной удерживать около полутора фунтов пороха. Бамбуковые обручи окружали ствол от

казны до дульного среза, так что имелся слой дерева и еще больше бамбуковых обручей; сама древесина была толщиной всего около трех дюймов. Выстрел состоял из небольшого мешка гальки, прикрепленного к деревянному диску, и предназначался для того, чтобы действовать как картечь в непосредственной близости от десанта. Это любопытное оружие было просто положено на глиняный парапет и не рассчитывалось на его применение более одного раза»⁶.

Как видно из описания самого инцидента с высадкой, эти «пушки» ожидали своего часа на батарее, но так как вражеская морская пехота не появилась на побережье раньше, чем их расчеты были рассеяны, то стволы так и не были применены. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот очевидный факт, что у них был тип боеприпасов, специально придуманный и изготовленный, вроде картечи, что не дает оснований считать их негодными для стрельбы априори.

Скорее, напротив, еще до Русско-японской войны аналогичные пушки были использованы повстанцами в ходе волнений в префектуре Сайтама, в 1884 г.⁷

О результатах и действенности стрельбы (как и дошло ли до применения таких пушек на этот раз) прямых данных и в самом деле не сохранилось. Но очевидно, что изготовление «одноразовых» пушек такого рода возобновлялось неоднократно в этот период, в том числе уже после известного Сацумского мятежа. Точнее, в Японии эта традиция не прерывалась вплоть до Русско-японской войны и событий под Порт-Артуром 1904—1905 гг.

Более того, даже в истории США можно встретить моменты, когда траншейная артиллерия, изготовленная из древесных стволов, находила себе весьма успешное применение: при осаде г. Висксбурга артиллеристы армии северян были вынуждены обратиться к подобным мерам из-за нехватки именно траншейной артиллерии.

К примеру, офицер армии северян лейтенант Питер К. Хейнс вспоминает даже о «прыгательных досках» для запуска 6-фунт. снарядов в траншеи Конфедерации⁸.

Но, куда более полезными для осаждающих, оказались как раз деревянные переносные мортиры, сделанные во время осады. Они были произведены «путем стягивания железными обручами толстых цилиндров грубой древесины, и после высверлены для 6 или 12-фунт. снарядов». Предположительно, цилиндры

были стволами больших деревьев. Причем их дальность, по донесениям, составляла от 100 до 150 ярдов⁹.

Какими бы грубыми они ни были, но мортиры произвели сильное впечатление на обороняющихся конфедератов. 1 июля северяне взорвали мину прямо под редутом, занятым 6-м Миссурийским полком конфедератов, с целью прорыва оборонительных линий Конфедерации. После этого северяне открыли огонь из тяжелых гладкоствольных орудий, нарезных орудий, полевых гаубиц и деревянной 12-фунт. мортиры. Полковник Фрэнсис Кокрелл из 1-й бригады Миссури сообщил: «Эта мортира нанесла нам большой урон, имея точные координаты нашей позиции и бросая снаряды, сильно заряженные порохом»¹⁰. Начальник Кокрелла, генерал-майор Джон Боуэн (командир дивизии), далее добавил в отношении мортиры: «они стреляют снарядами с тяжелыми разрывными зарядами, и наши люди были убиты и ранены со страшной быстротой»¹¹.

Другой командир дивизии конфедератов, генерал-майор Джон Форни, в то же время жаловался на то, что «должно быть мортира Кугорна, бросает свои снаряды среди людей с большой точностью, убивая и рая многих и стремясь сильно расстроить людей»¹². Таким образом, очевидно, что стрельба таких эрзац мортир была достаточно эффективной, вплоть до того, что их огонь можно было спутать с огнем «нормальных» мортир Кугорна. При этом речь вовсе не идет о металлическом лейнировании канала ствола при изготовлении. Во всех источниках упоминается только о металлических (железнокovaných) обручах, скрепляющих ствол снаружи.

Возможно, что подобное глубокое впечатление конфедератов о применении мортир осаждающими усилилось из-за тяжелой осады. Однако командиры Конфедерации, похоже, понимали, какое влияние эти легкие деревянные бомбометы в окопах могут оказать на их оборону. Армия северян использовала деревянные бомбометы как часть команды, состоящей из инженеров, пехоты и другой артиллерии, с тактикой, включая мины, сапové катки и окопы. Именно этот вполне логичный способ взаимодействия деревянных (и любых других) эрзац мортир в полевых условиях мы можем видеть и в ходе битвы за Порт-Артур. Что в полной мере касается и ствола № МЧА 01/21 из собрания ВИМАИВиВС (г. Санкт-Петербург). Его никак нельзя отнести по типу даже к «дробовикам». Короткий ствол (всего 3 калибра)

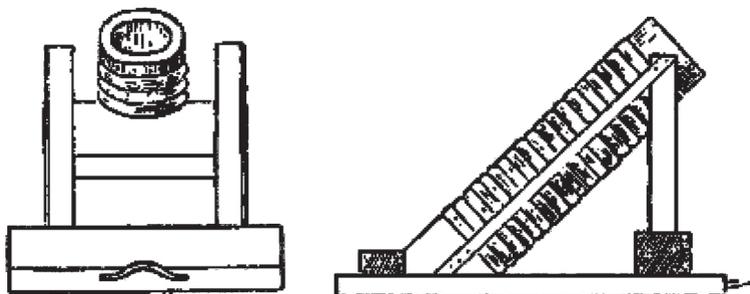
не позволяет воспринимать его даже как эрзац вариант одноразового противотанкового средства. Это конкретный (по всей видимости — *серийный*) образец орудия, предназначенный для *траншейной войны*. С очень коротким, явно мортирным, стволом и соответствующей баллистикой.

Станок мортирки очень легок для транспортировки, и чрезвычайно технологичен. Он, как и дульный срез ствола, окрашен темно-зеленой, сильно выцветшей краской, что однозначно указывает на то, что это не кустарная единичная сборка, а четко выверенное серийное производство.

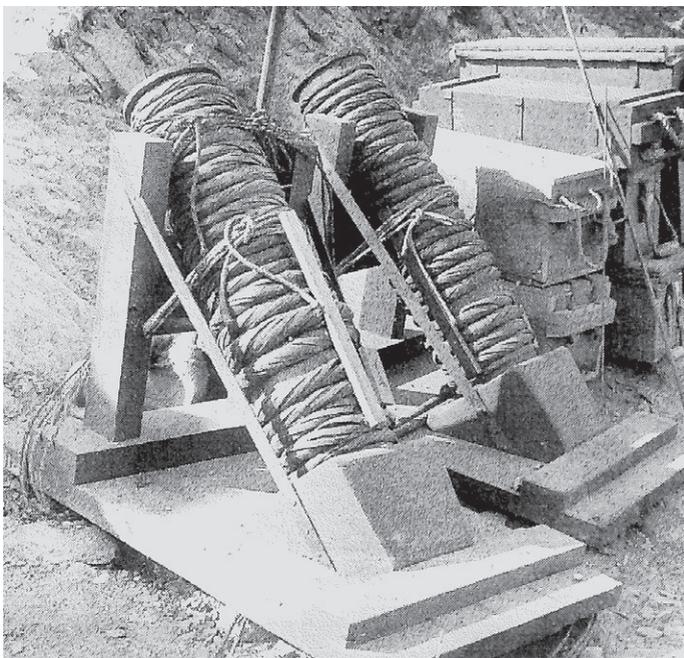
Именно этот тип легких переносных мортирок употреблялся уже японской императорской армией в годы Русско-японской войны (ил. 6). Корреспондент газеты Daily Mail при штабе армии генерала Ноги, Б. Норригаард, писал следующее: «Сначала русские, потом японцы соорудили деревянные мортиры из которых можно было выбрасывать гранаты на расстояние до 100 саженей. Японские мортиры делались из двух кусков дерева полуцилиндрической формы 1,5 дюйма толщиной, и соединявшихся с помощью бамбуковых обручей; эти цилиндры образовывали ствол в 2 фута 2 дюйма длиной с внутренним диаметром около 5 дюймов. Этот ствол прикреплялся к деревянной подставке под постоянным углом в 45 градусов; стрельбы на разные дистанции — от 25 до 100 саженей, достигались уменьшением количества пороха, которым они заряжались».¹³ Кроме условного чертежа деревянных мортирок такого типа, были известны также и их фотографии на фронте¹⁴ (ил. 7).

По сути, разница в конструкции японских и русских мортирок такого рода состояла лишь в материале обмотки (в русских военных мастерских г. Порт-Артура стволы мортирок скрепляли проволоочной обмоткой) и еще в том, что основой русских мортирок могли быть старые артиллерийские гильзы больших калибров. Но если русские артсистемы такого рода все же имели *отверстие для запала* (схожие типы таких мортирок можно увидеть на экспозиции ВИМАИВиВС, относящейся уже к Первой мировой войне 1914—1918 гг.)¹⁵, то у японских деревянных аналогов его нет и, по-видимому, оно считалось излишним.

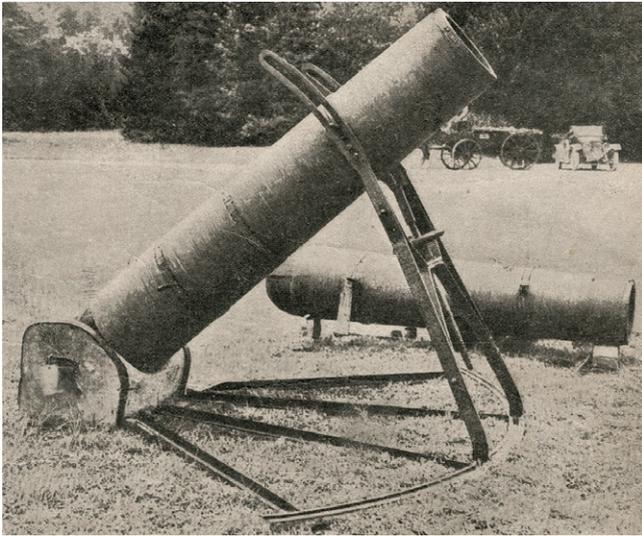
Но вместе с тем известны также германские образцы такого рода орудий, т. н. минометы «Альбрехт» (Albrecht-Mörser), применявшиеся войсками кайзера в годы Первой мировой войны¹⁶. Отдельные образцы таковых орудий не раз захватывались в виде

Ил. 6. Чертеж японской деревянной мортиры (фото по книге Norregaard B. W. The Great Siege: The Investment And Fall of Port Arthur. L.: Hutchinson, 1906.)

Ил. 7. Фото японских деревянных мортир на позициях под Порт-Артуром, 1905 г. (фото: Секретные фотографии. Русско-японская война (秘蔵写真 日露戦争). Исторический сборник — отдельный том 09(504) (別冊歴史読本 第09(504)号). Вып. 1999 г., 18 апреля. Токио, 1999 (年 1999 月 3 日 18 発行)

Ил. 8. Немецкий деревянный миномет типа «Альбрехт»
(журнал «Нива», 1916 г.)

трофеев на самых разных участках фронта. Один из таких образцов, захваченных войсками Антанты в битве на Сомме (лето-осень 1916 г.), можно увидеть на фотографии в русском журнале «Нива» за 1916 год¹⁷ (ил. 8). В отличие от русских бомбометов такого типа он также не имел запального отверстия, как и японские образцы из-под Порт-Артура, но был обмотан железной проволокой по всему стволу. Кроме того, он *не имел в стволе никакой металлической вкладки для удержания пороховых газов*, а лишь обычный *металлический желобок* по дну канала — в качестве направляющей.

Одно из орудий такого типа сейчас находится в экспозиции Canadian War Museum (г. Оттава)¹⁸. В его стволе также находится небольшой желобок из жести, хотя из имеющихся фотографий образца из Канады можно сделать вывод о том, что в ходе транспортировки трофея или его монтажа в экспозиции, сам ствол был несколько перевернут относительно оси канала, так как обычно (по описаниям) он должен был находиться снизу.

Последнее было, по-видимому, обусловлено самим происхождением таких минометов (трех различных калибров) в германской армии, так как они были дальнейшим развитием т. н.

Grabenmörser / Erdmörser — «похороненных» или «земляных» минометов, представлявших собой зарытую в землю ступу толстого дерева, с длинной жестяной направляющей желобкового типа, опирающейся на край траншеи¹⁹.

Другой причины, для наличия такого желобка в длинных стволах минометов «Альбрехт» усмотреть невозможно, поскольку еще японская практика применения схожих мортирок под Порт-Артуром доказала, что деревянные минометы (в особенности, небольших калибров) могут благополучно использоваться без них. И, таким образом, в случае с немецкими образцами, жестяной желобок в стволе — это скорее рудимент направляющей, нежели усилительный элемент ствола. И он не имеет никакого отношения к железным лейнерам деревянных китайских пушек времен восстания Ихэтуань (1899—1901 гг.).

Боеприпасом для *Albrecht-Mörser* и *Grabenmörser*, как и в случае с японскими и русскими образцами, всегда служили легкие тонкостенные емкости с корпусами из листовой жести, начиненные разрывным зарядом.

Так что, по сути, неразрешенным остается только вопрос: как именно производился выстрел на японских деревянных мортирах? Та же мортирка № 01/21 лишена запального отверстия. Соответственно воспламенение пороха должно было производиться как-то иначе, например, в момент опускания в ствол снаряда. То есть по принципу бомбомета, как позднее (в 1914—1918 гг.), на упомянутых образцах своих траншейных мортир, поступали немцы²⁰.

Ответ на этот вопрос был найден в итоге благодаря японским коллегам из сил самообороны Японии, а также собранию Kunitomo historic arms Museum (国友鉄砲の里資料館) в г. Нагахана (префектура Сига, Япония), где в экспозиции расположены несколько таких пушек, применявшихся в т. ч. для салютов и фейерверков.

Воспламенение заряда в таких орудиях осуществлялось при помещении петарды фейерверка (или же настоящего боеприпаса) в ствол. Причем известны фотографии таких фейерверков в г. Нагахана с *фестиваля ханаби* (花火大会) (ил. 9), а в экспозиции самого музея также имеются образцы деревянных бомбочек, применявшихся для салюта из таких пушек (ил. 10).

Стало быть, и боевые орудия, примененные в ходе траншейной войны в Порт-Артуре и на других участках театра военных действий, использовались аналогичным способом. Наличие запального

国友河原で催された大正初期の花火大会

Ил. 9. Японские мортирки на фестивале фейерверков ханаби, 1919 г.
(фото из экспозиции Kunitomo historic arms Museum —
国友鉄砲の里資料館 — г. Нагахамма, префектура Сига, Япония)

отверстия в сосновых выдолбленных половинках ствола могло лишь ухудшить давление пороховых газов в сам момент выстрела, и без того очень слабое для эффективной стрельбы с небольшим углом возвышения (в т. ч. и картечью). Кроме того, оно, по всей вероятности, было чревато его разрушением в момент выстрела.

Мысль о том, что два орудия из трех имеют скорее функцию дробовика, обусловлена, прежде всего, их формальными ТТХ. Элементарное сравнение характеристик всех трех стволов, как уже сказано выше, показывает, что ствол № 01/21 имеет самую короткую длину канала и самую маленькую толщину деревянных стенок — соответственно: 3,8 / 4,8 / 5 см.

Хотя станки от остальных двух орудий не сохранились, тем не менее, их использование в качестве противоштурмового средства, и стрельба дробом выглядят предпочтительнее. В то время как ствол № 01/21 явно легче: длина его канала на 17 см меньше, а толщина дна канала меньше на 7,5 см, чем у ствола № 115/104. И, соответственно, на 70,5 см и на 21 см меньше, чем у орудия № 02/22.

Еще один немаловажный вопрос, без которого атрибуция данных пушек не будет полной — это проблема материалов

Ил. 10. Пиротехнические боеприпасы к мортиркам для фестиваля ханаби (фото из экспозиции Kunitomo historic arms Museum — 国友鉄砲の里資料館 — г. Нагахاما, префектура Сига, Япония)

(в частности, дерева и бамбука), из которых они были изготовлены. Подбор древесного материала для изготовления артиллерийских орудий такого типа должен быть связан с определенно-го рода трудностями: качество древесины напрямую зависит от особенностей той местности, в которой выросло само дерево. Так, в землях северной полосы естественным образом созданы наилучшие условия для произрастания деловых деревьев, которые по физико-механическим параметрам лучше всего подходят для применения в данной сфере.

Основная причина такой особенности северных земель заключается в климатических условиях: долгая морозная зима, быстротечное и сухое лето. Из-за этого создается интересный эффект: годовые кольца имеют между собой сверхмалое расстояние (нередко < 2 мм). Но расстояние между кольцами у деревьев, которые выращены в природных условиях средней полосы, в несколько раз больше (до 10 мм).

Напротив, излишне влажный и теплый климат будет способствовать увеличению межкольцевого расстояния, что приводит к рыхлости древесины в целом: прочность и теплоемкость у такой древесины будут ниже, чем у породы с небольшим расстоянием между годовыми кольцами, а процент усадки в процессе

сушки — гораздо выше. Кроме того, склонность к растрескиванию у деревьев из средней полосы более высокая, чем у более северных пород. Следовательно, в процессе выбора сырья для изготовления данных пушек необходимо было учитывать в т. ч. географические особенности.

Уже первичный осмотр орудий (в особенности, поврежденного ствола № 01/23, где внешний слой колец из бамбука почти утрачен и не закрывает собою дерево) показывает, что цвет самой древесины, по преимуществу, розоватый, а расстояние между годовыми кольцами — очень маленькое и крайне редко превышает 2,1 мм.

Это свидетельствует о том, что дерево выросло на сухой почве, причем при относительно низких температурах. Только в таких условиях растет дерево с ядром красноватого оттенка и мелко-слоистой древесиной повышенной плотности, пригодной для производства, в т. ч. мачт и других подобных изделий.

На образцах материала всех трех орудий, несмотря на их состояние (деревянные части сильно рассохлись и в некоторых местах дали трещины), годовые кольца на тангенциальных и радиальных разрезах хорошо просматриваются, образуя волнистый рисунок. Крупные и многочисленные смоляные ходы видны в виде полосочек темного цвета, причем последние сосредоточены в основном в поздней древесине, что характерно для большинства сортов сосен. У всех трех образцов расстояние между годовыми кольцами в среднем колеблется от 1,9 до 2,2 мм, при этом поздняя древесина занимает в годичном слое до 26–28 %; количество годовых колец на 1 см составляет от 6 до 7 — на образцах 01/22, 01/23, и от 5 до 6 — на образце 01/21.

По совокупности данных признаков, материал, из которого изготовлены половинки канала всех трех орудий, можно с уверенностью идентифицировать как *древесину сосны*. Сосна как материал обладает высокой прочностью, хорошо подвергается обработке и может выдерживать продолжительные нагрузки. Кроме того, в данном случае большим плюсом является относительно небольшое число сучков и незначительное изменение диаметра по всей длине заготовки.

Строительная древесина у хвойных пород деревьев (в т. ч. у сосны) имеет невысокую плотность. Средняя плотность сосновой древесины (при влажности 12–15 %) колеблется от 500 до 520 кг/куб. м. Пределы плотности находятся в диапазоне

от 350 до 800 кг/куб. м. Но вместе с тем сосна является одной из самых тяжелых пород среди хвойных деревьев.

Кроме того, стоит отметить, что древесина сосны, из которой были составлены стволы пушек, принадлежат к сорту смолка. Она, в отличие от сорта дутица, имеет более высокое содержание смолы и в связи с этим данный сорт является максимально тяжелым. Такого сорта древесина непригодна для транспортировки по рекам в виде плотов, но почти идеально подходит для строительства речных и морских причалов, мостов и т. д. Под основные характеристики такого рода древесины подпадают только два вида строевой сосны, произрастающих на территории, подконтрольной Японии в эпоху Мэйдзи.

1) Тайваньская высокогорная сосна, принадлежащая к виду *Pinus armandii var. mastersiana*²¹. Растет на о. Тайвань (бывш. о. Формоза)²¹, и достигает до 20 м в высоту и до 1 м в диаметре.

2) Японская сосна вида *Pinus amamiana*²². Растет на островах Танегасима и Якусима (южнее Кюсю) и достигает до 25 м в высоту и до 1 м в диаметре.

Оба вида используются в строительстве.

Так как дальнейший (химический и изотопный) анализ материала не проводился, то оба эти варианта можно считать на сегодняшний день одинаково вероятными.

В любом случае, такой тип артиллерийских стволов в Японии изначально был предназначен не для войны, а для фейерверков. Их применение или хотя бы *появление* на поле боя можно считать единичными, экстремальными случаями (народные восстания, мятежи и т. д.). Только траншейная война под Порт-Артуром привела по-настоящему к массовому, *серийному* производству и применению такого типа стволов для реальных военных нужд.

Можно считать доказанным, что все три «бамбуковых» орудия из фонда ВИМАИВиВС являются не китайскими, а *японскими*, и изготовлены в эпоху Мэйдзи, не позднее 1904—1905 гг.

Из обнаруженных в архиве ВИМАИВиВС документов отнюдь не ясно, когда и при каких обстоятельствах два орудия (№ МЧА 01/22 и № 01/23) оказались привезены в Россию. Но в отношении мортирки (№ МЧА 01/21) следует однозначный вывод, что изначально это орудие не являлось трофеем Русско-японской войны, а оказалось в Музее КТОФ г. Владивостока уже после Второй мировой войны, и было вывезено в конце 40-х гг.

XX в. из музея г. Порт-Артур, где экспонировалось в течение всего периода японской оккупации города вместе с захваченными орудиями самой крепости. Как раз оттуда это орудие и прибыло во Владивосток вместе с т. н. «пулеметом сист. Шеметилло» (хранится в музее КТОФ) и некоторыми другими подобными образцами эрзац оружия.

По крайней мере, как раз об этом свидетельствуют документы из архива ВИМАИВиВС за 1956 г., когда орудие № МЧА 01/21 поступило в фонды музея²³.

В любом из случаев, эти орудия являются интереснейшими реликвиями отечественной военной истории и удивительными образцами оружейного дела Японии эпохи Мэйдзи.

Сокращения:

Архив ВИМАИВиВС — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

КТОФ — Краснознаменный Тихоокеанский флот.

МЧА — фонд материальной части артиллерии ВИМАИВиВС.

---

¹ Краткий каталог Кронштадтского Морского арсенала / сост. корпуса морской арт. подполк. Левицким. СПб., 1889.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 182. Л. 105—113.

³ Китайские «деревянные» пушки № МЧА 09/65, 09/66 и др.

⁴ Perrin Noel. Giving up the Gun, Japan's reversion to the Sword, 1543—1879. Boston: David R. Godine. 1979. P. 76.

⁵ О пушках «куникудзуси». См.: Ефимов С. В. Португальские пушки с Дальнего Востока в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи / Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века: сб. науч. ст. Выпуск 1. Изд. 1-е. Владивосток: «Дальнаука», 2010. С. 237—240; Ёсимицу Хирао, Дзюнъя Уэно. Научный анализ бронзовых пушек из коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи / Сохранность культурного наследия: наука и практика. Вып. 8. Материалы секции «Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории» третьей международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы», 16—18 мая 2012 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 92—93.

⁶ Satow E. M. A diplomat in Japan. L.: Seeley, Service & Co., 1921. P. 118.

⁷ Jansen, Marius B. The Making of Modern Japan. Cambridge: Harvard university press, 2000. P. 386.

⁸ Report of Lieutenant Peter C. Hains, U.S. Army Corps of Engineers, Chief Engineer, Thirteenth Army Corps, dated July 30, 1863 / U.S., War Department, The War of the Rebellion: A Compilation of the Official Records of the Union and Confederate Armies,

(Washington, DC: The Government Printing Office, 1880–1901). Series I. Volume 24. Part II. Serial 37. P. 186.

⁹ Reports of Captains Frederick E. Prime and Cyrus B. Comstock, U.S. Army Corps of Engineers, Chief Engineers Army of the Tennessee, dated November 29, 1863 / Official records. Series I. Volume 24. Part II. Serial 37. P. 173.

¹⁰ Report of Col. Francis M. Cockrell, Second Missouri Infantry, commanding First Brigade, dated August 1, 1863 / Official Records. Series I. Volume 24. Part II. Serial 37. P. 416.

¹¹ Reports of Brig. Gen. John S. Bowen, C.S. Army, commanding Division, dispatch dated July 2, 1863 / Official Records. Series I. Volume 24. Part II. Serial 37. P. 413.

¹² Reports of Maj. Gen. John H. Forney, C.S. Army, commanding Division, dispatch dated July 2, 1863 / Official Records. Series I. Volume 24. Part II. Serial 37. P. 363.

¹³ Norregaard B. W. The Great Siege: The Investment And Fall of Port Arthur. L.: Hutchinson, 1906. P. 151–152.

¹⁴ 秘蔵写真 曰露戦争 – Хидзо ясин Нитиро сэно. Секретные фотографии. Русско-японская война – 別冊歴史読本 第09(504)号. Бэссацу рэкиси токухон дай 09 (504) го. Исторический сборник – отдельный том 09 (504). 年 1999 月 3 日 18 発行. Вып. 1999 г., 18 апреля. Токио, 1999. С. 65.

¹⁵ Подобный миномет (№ МЧА 21/36) из гильзы 42-лин. (107 мм.) орудия, обмотанной железной проволокой и сверленным запалом, находится в экспозиции ВИМАИВиВС.

¹⁶ Описание см.: Dr. Tillman Reibert. Die Deutschen Minen- und Granatwerfer im Ersten Weltkrieg 1914–1918: Eine Zusammenstellung der ins Feld gegangenen Geräte nebst ihrer Munition. Berlin, 2014. Verlag: epubli GMBH. S. 72–73.

¹⁷ Трофейный деревянный миномет типа «Альбрехт» (Albrecht-Mörser), взятый союзниками в битве на Сомме. Осень 1916 г. Фото см.: журнал «Нива», 1916 г. № 45. С. 753.

¹⁸ (Электронный ресурс). URL: <https://www.warmuseum.ca/collections/artifact/1053063/> (дата доступа: 09. 02. 2021).

¹⁹ Dr. Tillman Reibert. Die Deutschen... S. 72–73.

²⁰ Образцы боеприпасов для немецких деревянных мортир. См.: Dr. Tillman Reibert. Die Deutschen... S. 70–71.

²¹ Тайваньская высокогорная сосна (кит. 台湾果松 – Taiwan guosong, 台灣華山松 – Taiwan huashansong; яп. タカネゴヨウ – Takane goyou), см.: Pinus armandii var. Mastersiana / The Gymnosperm Database (Электронный ресурс). URL: https://www.conifers.org/pi/Pinus_armandii_mastersiana.php (дата доступа: 27. 10. 2018).

²² Перешел под юрисдикцию Японской империи по результатам Японо-китайской войны 1894–1895 гг.

²³ Японская сосна этого вида (яп. ヤクタネゴヨウ – amami-gojomatsu, Yakutane-gojo, Amami-gojo), см.: Pinus amamiana / The Gymnosperm Database. (Электронный ресурс). URL: https://www.conifers.org/pi/Pinus_amamiana.php (дата доступа: 27. 10. 2018).

²⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. ЗР. Оп. 9. Д. 210. Л. 74–76.

С. В. Гуров (Тула)

ИЗ ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВА ИЗДЕЛИЙ ДЛЯ РЕАКТИВНОЙ АРТИЛЛЕРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СССР

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ускорило проведение работ по реактивной артиллерии, так как возникла практическая необходимость создания изделий и организации их производства для решения не учебных, а практических боевых задач с максимальной эффективностью.

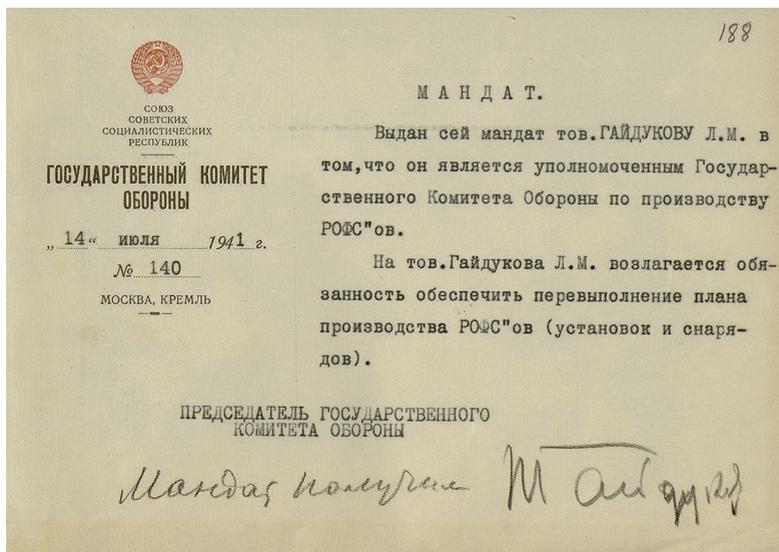
Целью статьи является освещение вопросов производства основных изделий для реактивной артиллерии в годы Великой Отечественной войны на основе архивных данных. В статье под термином «основные изделия» подразумеваются реактивные снаряды, основные комплектующие к ним и установки.

В ходе исследования автором установлено, что архивная и не архивная информация о производстве носит обрывочный и противоречивый характер.

Руководящими документами для обеспечения и выполнения производства были постановления¹ и распоряжения² Государственного Комитета Обороны, распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР³, бюро обкомов ВКП(б)⁴, а также переписка между ведомствами и подразделениями предприятий⁵ (ил. 1)⁶, (ил. 2)⁷, (ил. 3)⁸.

О производстве реактивных снарядов и организации военной приемки

Массовое производство реактивных боеприпасов (снарядов) и их применение в Сухопутных войсках началось только во время Великой Отечественной войны, то есть во второй половине 1941 года⁹. Оно повлекло за собой создание большой

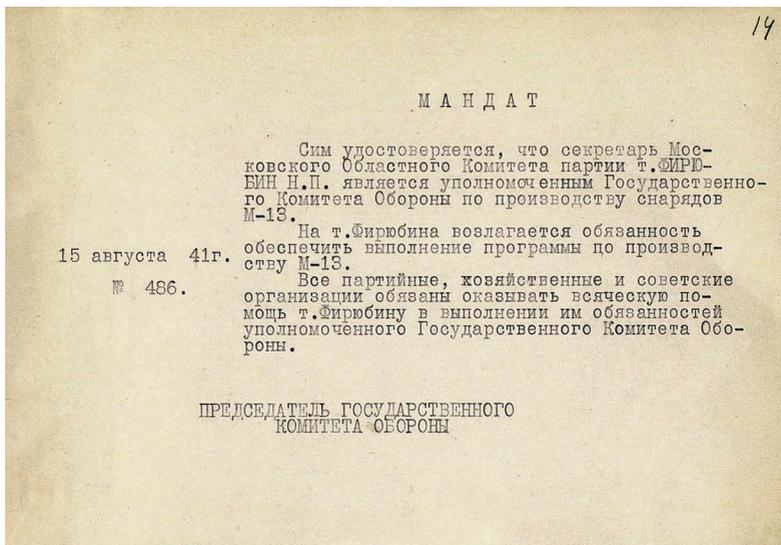
Ил. 1. Мандат № 140. 14.07.1941

кооперации предприятий¹⁰. В частности, проводились работы в четырёх союзных республиках: Украинской Советской Социалистической Республике¹¹, Азербайджанской Советской Социалистической Республике¹², Грузинской Советской Социалистической Республике¹³, Узбекской Советской Социалистической Республике¹⁴.

Ранее производство реактивных снарядов велось небольшими сериями, и они шли исключительно на вооружение авиации. В связи с этим приёмка изделий осуществлялась представителями военно-воздушных сил. Необходимый минимально короткий срок, условия общей мобилизации промышленности, развёртывание массового производства совершенно нового и незнакомого для промышленности вооружения создали некоторые особенности в организации производства и военной приёмки на задействованных заводах.

Производство реактивных снарядов реактивной артиллерии создавалось заново, промышленность в целом не обладала кадрами, знакомыми с производством снарядов данного типа (исключение составляли два завода). Соответствующему управлению и военным представительствам (как заказчику) приходилось

Ил. 3. Мандат № 486. 15.08.1941

брать на себя не только роль контролёра-приёмщика, а также организатора производства, технолога, исследователя.

Необходимость быстрейшей организации массового производства корпусов реактивных снарядов потребовало применения широкого кооперирования заводов. Производство корпусов снарядов было организовано по следующей схеме: во главе кооперации был головной сборочный завод, который производил если не все детали корпуса снаряда, то их часть (в некоторых случаях более ничего не производил). Основной же работой была сборка корпуса снаряда из деталей, которые поставлялись ему заводами-кооператорами — их было значительное количество. Например, 3 таких предприятия было в Московском «кусте» сборочных заводов, а заводов-кооператоров (смежников), объединявшихся этими заводами — около 200.

Также в обязанности головного предприятия входило техническое руководство мелкими заводами по технологии производства деталей; обеспечение заводов-кооператоров материалом, инструментом и проведение других необходимых мероприятий. Соответственно этому была организована и военная приёмка. Головной завод был центром, где находился руководящий работник военной приёмки — старший военпред. В его подчинении

были работники военной приёмки: помвоенпреды и старшие техники, занимавшиеся военной приёмкой на заводах кооператоров. Из-за большого количества заводов было невозможно на каждом из них иметь офицера-приёмщика, поэтому каждый офицер возглавлял приёмку на нескольких заводах. Непосредственную приёмку (контроль) деталей производили вольнонаемные работники, имевшиеся на каждом заводе.

Территориальная военная приёмка объединялась по «кустам»: Московскому, Горьковскому, Свердловскому, Новосибирскому, Челябинскому, Ленинградскому, Куйбышевскому и другим. Как правило, во главе военной приёмки каждого «куста» стоял районный инженер. На снаряжательных и пороховых заводах кооперации не было, поэтому на каждом заводе была организована самостоятельная военная приёмка¹⁵.

Обобщённые статистические данные о производстве основных комплектующих, снаряжении и сборке реактивных снарядов

Результаты анализа статистических данных о производстве основных изделий для реактивных снарядов, проведенного автором, свидетельствуют о невыполнении, в основном, планов производства в течение войны (до 1 мая 1945 г.)¹⁶.

Работы по зарядам к двигателям реактивных снарядов М-8 проводились работниками 10 заводов 2 наркоматов:

НКБ № 6 (г. Шлиссельбург — Петрокрепость с 1944 г.¹⁷, Ленинградская область), № 40 (г. Казань, Татарская АССР), № 98 (г. Молотов, Молотовская область, ныне г. Пермь¹⁸, Пермская область¹⁹), № 392 (388) (г. Кемерово, Кемеровская область), № 512 (г. Люберцы, Московская область), № 562 (г. Москва, Московская область), № 850 (г. Стерлитамак, Башкирская АССР), № 59 (г. Петровен(ь)ки, Ворошиловградская область, ныне Луганская область, Украина / Луганская Народная Республика), № 577 (г. Соликамск, Молотовская область);

НКХП № 757 (г. Ленинград, Ленинградская область).

Работы по зарядам к двигателям реактивных снарядов М-13 проводились работниками 11 заводов 2 наркоматов и одного завода в Англии:

НКБ № 6 (г. Шлиссельбург — Петрокрепость, Ленинградская область), № 40 (г. Казань, Татарская АССР), № 98 (г. Молотов,

Молотовская область, ныне г. Пермь), № 392 (388) (г. Кемерово, Кемеровская область), № 512 (г. Люберцы, Московская область), № 518/3 (3 (588), г. Москва, Московская область), № 562 (г. Москва, Московская область), № 577 (г. Соликамск, Молотовская область), № 850 (г. Стерлитамак, Башкирская АССР), № 59 (г. Петровен(ь)ки, Ворошиловградская область, ныне Луганская область, Украина / Луганская Народная Республика);

НКХП: № 757 (г. Ленинград, Ленинградская область);

Королевский пороховой завод (Бишоптон, близ города Глазго, Великобритания).

Изготовление зарядов из импортных порохов RS-40 для реактивных снарядов М-13 в годы войны выполнялось работниками заводов № 512, 562, 98, 577, 850, а «Общий объем английских и канадских поставок шашек RS-40 к реактивным снарядам М-13 составил 10 000 т»²⁰.

Начиная с января 1945 года, разрешалось сдавать заряды М-13 из импортного американского пороха С-40 в размере 20 % от общей сдачи²¹.

Работы по зарядам к двигателям реактивных снарядов М-13 ДД проводились работниками 2 заводов НКБ: № 512 (г. Люберцы, Московская область), № 850 (г. Стерлитамак, Башкирская АССР) — дополнительные заряды к М-13 ДД.

Работы по зарядам к двигателям реактивных снарядов М-31 проводились работниками 5 заводов НКБ: № 6 (г. Шлиссельбург, Ленинградская область), № 40 (г. Казань, Татарская АССР), № 98 (г. Молотов, Молотовская область, ныне г. Пермь), № 512 (г. Люберцы, Московская область), № 577 (г. Соликамск, Молотовская область).

Работы по корпусам реактивных снарядов М-8 проводились работниками 15 заводов 6 наркоматов:

НКБ: № 4 (г. Ленинград, Ленинградская область), № 42 (г. Куйбышев, Куйбышевская область), № 460 (г. Подольск, Московская область), без указания номера (г. Новосибирск), № 68 (г. Невьянск, Свердловская область), № 70 (г. Москва, Московская область), № 568 (г. Москва, Московская область), № 605 (г. Киселевск, Новосибирская область);

НКСМ: «Серп и Молот» (г. Саратов, Саратовская область);

НКСП: завода им. Воскова (г. Ленинград, Ленинградская область);

НКНП: завода № 427, им. Шмидта (г. Баку, Азербайджанская ССР);

НКРФ: Судоремонтного завода (г. Сталинград, Сталинградская область);

НКМВ: № 718 (г. Горький, Горьковская область), Ростсельмаш (г. Ростов-на-Дону, Ростовская область), № 729 (г. Горький, Горьковская область).

Работы по корпусам реактивных снарядов М-13 проводились работниками 20 заводов 5 наркоматов:

НКБ: № 4 (г. Ленинград, Ленинградская область), № 63 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), без указания номера (г. Новосибирск), № 70 (г. Москва, Московская область), № 73 (г. Свердловск, Свердловская область), № 77 (г. Ленинград, Ленинградская область), № 78 (г. Челябинск, Челябинская область), № 79 (г. Днепропетровск, Днепропетровская область, Украинская ССР), № 568 (г. Москва, Московская область), № 538 (г. Москва, Московская область);

НКСМ: «Серп и Молот» (г. Саратов, Саратовская область);

НКНП: № 427, им. Шмидта (г. Баку, Азербайджанская ССР);

НКТП: № 112 (г. Горький, Горьковская область), Кировский (г. Ленинград, Ленинградская область);

НКМВ: № 701, им. Колюшенко (г. Челябинск, Челябинская область), № 718 (г. Горький, Горьковская область), № 721 (г. Челябинск, Челябинская область), «Ростсельмаш» (г. Ростов-на-Дону, Ростовская область), «Компрессор» (г. Москва, Московская область), № 729 (г. Горький, Горьковская область).

Работы по корпусам реактивных снарядов М-20 проводились работниками 8 заводов 5 наркоматов:

НКБ: № 63 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), № 568 (г. Москва, Московская область), № 538 (г. Москва, Московская область);

НКНП: № 427, им. Шмидта (г. Баку, Азербайджанская ССР);

НКТП: № 112 (г. Горький, Горьковская область), Ижорский (г. Ленинград, Ленинградская область);

НКМВ: № 718 (г. Горький, Горьковская область);

НКХП: Завода им. В. И. Ленина (г. Ленинград, Ленинградская область).

Работы по корпусам реактивных снарядов М-30 проводились работниками 6 заводов 3 наркоматов:

НКБ: № 63 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), № 73 (г. Свердловск, Свердловская область), № 568 (г. Москва, Московская область), № 538 (г. Москва, Московская область);

НКТП: № 112 (г. Горький, Горьковская область);

НКМВ: № 718 (г. Горький, Горьковская область).

Работы по корпусам реактивных снарядов М-31 проводились работниками 5 заводов 3 наркоматов:

НКБ: № 568 (г. Москва, Московская область), № 612 (г. Свердловск, Свердловская область), № 538 (г. Москва, Московская область);

НКТП: «Ижорского завода» (г. Ленинград, Ленинградская область);

НКМВ: № 718 (г. Горький, Горьковская область).

Работы по корпусам реактивных снарядов МХ-31 проводились работниками завода № 612 (г. Свердловск, Свердловская область) НКБ.

Работы по корпусам реактивных снарядов МХ-13 проводились работниками 4 заводов 2 наркоматов:

НКБ: № 70 (г. Москва, Московская область), № 78 (г. Челябинск, Челябинская область), № 538 (г. Москва, Московская область);

НКМВ: № 718 (г. Горький, Горьковская область).

Работы по корпусам реактивных снарядов М-13 ДД проводились работниками 4 (3) заводов НКБ: № 70 (г. Москва, Московская область), № 79 (г. Днепропетровск, Днепропетровская область, Украинская ССР), № 568 (г. Москва, Московская область); № 77 (г. Ленинград, Ленинградская область) — по корпусам реактивных снарядов М-13 ДР (возможно, М-13 ДД).

Работы по снаряжению корпусов реактивных снарядов М-8 проводились работниками 12 заводов и 1 полигона НКБ: № 12 (г. Электросталь, Московская область), № 56 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), № 80 (г. Дзержинск, Горьковская область), № 105 (г. Горький, Горьковская область), № 113 (г. Сталино, Сталинская область — ныне г. Донецк, Донецкая Народная Республика), № 121 (г. Сельцо Брянское — Сельцо-Брянск, Орловская область), № 522 (г. Ленинград, Ленинградская область), № 575 (г. Москва, Московская область), № 610 (г. Баку, Азербайджанская ССР), № 635 (г. Новосибирск, Новосибирская область), Сталинградский завод (г. Сталинград, Сталинградская область), № 503 (г. Чапаевск, Куйбышевская

область), Чапаевский полигон (г. Чапаевск, Куйбышевская область).

Работы по снаряжению корпусов реактивных снарядов М-13 проводились работниками 13 заводов НКБ: № 12 (г. Электросталь, Московская область), № 56 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), № 80 (г. Дзержинск, Горьковская область), № 105 (г. Горький, Горьковская область), № 107 (г. Сталино, Сталинская область, ныне г. Донецк, Донецкая Народная Республика), № 114 (г. Копейск, Челябинская область), № 121 (г. Сельцо Брянское — Сельцо-Брянск), Орловская область), № 522 (г. Ленинград, Ленинградская область), № 574 (г. Ташкент, Узбекская ССР), № 575 (г. Москва, Московская область), № 610 (г. Баку, Азербайджанская ССР), Сталинградским заводом (г. Сталинград, Сталинградская область), № 55 (г. Павлоград, Днепропетровская область, Украинская ССР).

Работы по снаряжению реактивных снарядов М-13 ДД проводились работниками 3 заводов НКБ: № 12 (г. Электросталь, Московская область), № 114 (г. Копейск, Челябинская область), № 121 (г. Сельцо Брянское — Сельцо-Брянск, Орловская область).

Работы по снаряжению реактивных снарядов М-13 ДР (возможно, М-13 ДД) проводились работниками завода № 121 (г. Сельцо Брянское — Сельцо-Брянск, Орловская область), НКБ.

Работы по снаряжению реактивных снарядов М-13 (универсальн.) проводились работниками завода № 114 (144?) (г. Копейск, Челябинская область), НКБ.

Работы по снаряжению реактивных снарядов М-20 проводились работниками 6 заводов НКБ: № 12 (г. Электросталь, Московская область), № 56 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), № 80 (г. Дзержинск, Горьковская область), № 105 (г. Горький, Горьковская область), № 522 (г. Ленинград, Ленинградская область), № 610 (г. Баку, Азербайджанская ССР).

Работы по снаряжению реактивных снарядов М-30 проводились работниками 5 заводов НКБ: № 12 (г. Электросталь, Московская область), № 56 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), № 80 (г. Дзержинск, Горьковская область), № 105 (г. Горький, Горьковская область), № 612 (г. Свердловск, Свердловская область).

Работы по снаряжению реактивных снарядов М-31 проводились работниками 7 заводов НКБ: № 12 (г. Электросталь, Московская область), № 56 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), № 80 (г. Дзержинск, Горьковская область), № 105 (г. Горький, Горьковская область), № 121 (г. Сельцо Брянское – Сельцо-Брянск, Орловская область), № 522 (г. Ленинград, Ленинградская область), № 612 (г. Свердловск, Свердловская область).

Работы по снаряжению реактивных снарядов МОХ-13 проводились работниками 3 заводов НКБ: № 80 (г. Дзержинск, Горьковская обл.), № 105 (г. Горький, Горьковская область), № 114 (г. Копейск, Челябинская область).

Работы по снаряжению реактивных снарядов МХ-13 проводились работниками 3 заводов НКХП: № 96 (г. Дзержинск, Горьковская область), № 102 (г. Чапаевск, Куйбышевская область), № 148 (г. Дзержинск, Горьковская область).

Работы по снаряжению реактивных снарядов МЗ-13 выполнялись работниками 4 заводов НКХП: № 96 (г. Дзержинск, Горьковская область), № 102 (Чапаевск, Куйбышевская область), № 148 (г. Дзержинск, Горьковская область), ЧХЗ.

Работы по снаряжению реактивных снарядов МХ-30 проводились работниками завода № 148 (г. Дзержинск, Горьковская область), НКХП.

Работы по снаряжению реактивных снарядов МХ-31 также проводились работниками завода № 148 (г. Дзержинск, Горьковская область), НКХП.

Работы по сборке реактивных снарядов М-8 (М8, РС-82) проводились работниками 15 заводов 7 наркоматов:

НКБ: № 4 (г. Ленинград, Ленинградская область), № 42 (г. Куйбышев, Куйбышевская область), № 65 (г. Новосибирск, Новосибирская область), № 68 (г. Невьянск, Свердловская область), № 70 (г. Москва, Московская область), № 568 (г. Москва, Московская область), № 605 (г. Киселевск, Новосибирская область), № 460 (г. Подольск, Московской области – НКМВ? – С. Г.);

НКМВ: № 718 (г. Горький, Горьковская область), Ростсельмаш (г. Ростов-на-Дону, Ростовская область);

НКНП: № 427, им. Шмидта (г. Баку, Азербайджанская ССР);

НКСП: завода им. Воскова (г. Ленинград, Ленинградская область);

НКРечФл.: Сталинградского судоремонтного завода (г. Сталинград, Сталинградская область);

НКСМ: «Серп и Молот» (г. Саратов, Саратовская область);

НКТМ: «Двигатель Революции» (г. Горький, Горьковская область).

Работы по сборке реактивных снарядов М-13 (РС-132) выполнялись работниками 22 заводов 6 наркоматов:

НКБ: № 4 (г. Ленинград, Ленинградская область), № 63 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), № 65 (г. Новосибирск, Новосибирская область), № 70 (г. Москва, Московская область), № 73 (г. Свердловск, Свердловская область), № 77 (г. Ленинград, Ленинградская область), № 78 (г. Челябинск, Челябинская область), № 79 (г. Днепропетровск, Днепропетровская область, Украинская ССР), № 538 (г. Москва, Московская область), № 568 (г. Москва, Московская область);

НКМВ: № 701 (г. Челябинск, Челябинская область), № 708 (г. Ташкент, Узбекская ССР), № 718 (г. Горький, Горьковская область), № 721 (г. Челябинск, Челябинская область), «Компрессор» (г. Москва, Московская область), «Ростсельмаш» (г. Ростов-на-Дону, Ростовская область);

НКТМ: «Двигатель революции» (г. Горький, Горьковская область), Н. Краматорского (г. Краматорск, Сталинская область, ныне Донецкая область, Украина);

НКНП: № 427 им. Шмидта (г. Баку, Азербайджанская ССР);

НКТП: Кировского завода (г. Ленинград, Ленинградская область), № 112 (г. Горький, Горьковская область);

НКСМ: «Серп и Молот» (г. Саратов, Саратовская область).

Работы по сборке реактивных снарядов М-20 выполнялись работниками 8 заводов 5 наркоматов:

НКБ: № 63 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), № 538 (г. Москва, Московская область), № 568 (г. Москва, Московская область);

НКМВ: № 718 (г. Горький, Горьковская область);

НКТП: № 112 (г. Горький, Горьковская область), Ижорского (г. Ленинград, Ленинградская область);

НКНП: № 427, им. Шмидта (г. Баку, Азербайджанская ССР);

НКТМ: Завода им. Ленина (г. Ленинград, Ленинградская область).

Работы по сборке реактивных снарядов М-13 ДД выполнялись работниками 2 заводов НКБ: № 70 (г. Москва, Московская область), № 568 (г. Москва, Московская область).

Работы по сборке реактивных снарядов М-30 выполнялись работниками 6 заводов 3 наркоматов:

НКБ: № 63 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), № 73 (г. Свердловск, Свердловская область), № 538 (г. Москва, Московская область), № 568 (г. Москва, Московская область);

НКМВ: № 718 (г. Горький, Горьковская область);

НКТП: № 112 (г. Горький, Горьковская область).

Работы по сборке реактивных снарядов М-31 выполнялись работниками 5 заводов 3 наркоматов:

НКБ: № 538 (г. Москва, Московская область), № 568 (г. Москва, Московская область), № 612 (г. Свердловск, Свердловская область);

НКТП: Ижорского завода (г. Ленинград, Ленинградская область);

НКМВ: № 718 (г. Горький, Горьковская область).

Работы по сборке реактивных снарядов МХ-31 выполнялись работниками завода № 612 (г. Свердловск, Свердловская область) НКБ.

Работы по электроплатиновым запалам к реактивным снарядам М-20 и М-30 проводились работниками 2 заводов НКБ: № 5 (г. Ленинград, Ленинградская область), № 253 (г. Муром, Горьковская область).

Работы по электроплатиновым запалам к реактивным снарядам М-31 выполнялись работниками завода № 253 (г. Муром, Горьковская область), НКБ.

Работы по деталям к реактивным снарядам М-13 выполнялись работниками 29 заводов 5 наркоматов и 5 заводов 1 управления:

НКТМ: Коломенского завода им. В. В. Куйбышева, «Комега» (г. Москва, Московская область), Невского завода им. В. И. Ленина (г. Ленинград), ЦНИИТМАШ (г. Москва, Московская область), Ново-Краматорского завода им. И. В. Сталина (г. Краматорск, Сталинская область, ныне Донецкая область, Украина), Старо-Краматорского завода (г. Краматорск, Сталинская область, ныне Донецкая область, Украина), Ворошиловградского завода им. Октябрьской Революции;

НКРФ: Завода им. В. М. Молотова (г. Бор), Городецкого механического завода (г. Городец, Горьковская область), Московского завода (г. Москва, Московская область), с/верфи им. Володарского (г. Рыбинск), Завода им. В. И. Ленина (г. Астрахань), Завода им. В. И. Ульянова-Ленина (пос. Чкаловск, Горьковская область), завода «Красный флот» (г. Ростов-на-Дону, Ростовская область);

НКСМ: механического завода «Союзасбест» (г. Асбест), Московского ДОЗ № 1 (г. Москва, Московская область), «Кинешемского комбината» (г. Кинешма), «Западнодвинского завода» (г. Талица);

НКАП: № 20 (г. Омск), № 26 (г. Уфа), № 381 (г. Нижний Тагил, Свердловская область), № 165 (г. Куйбышев, Куйбышевская область), /б. № 1 (г. Москва, Московская область), ф. 95 (Кунцево), № 65 (Кунцево), № 381 (г. Москва, Московская область), № 8 ОАП (г. Москва, Московская область), № 458 (г. Баку, Азербайджанская ССР);

НКХП: Сталиногорским АТЗ (г. Сталиногорск, Тульская область);

Заводов управления Промкооперации: «Штампметиз» (г. Ленинград, Ленинградская область), им. Кирова (Горьковская область), «Призыв» (г. Москва, Московская область), «Машинострой» (г. Москва, Московская область), «Металлогалантерея» (г. Москва, Московская область).

Работы по деталям к реактивным снарядам М-8 выполнялись работниками 6 заводов, 3 наркоматов и 3 заводов 1 управления:

НКРФ: «Сталинградский» (г. Сталинград, Сталинградская область), «Куйбышевский» (г. Куйбышев, Куйбышевская область);

НКСМ: «Красный Металлист» (г. Сталинград, Сталинградская область);

НКАП: № 477 (г. Красноярск), № 26 (г. Уфа), № 466 (г. Горький, Горьковская область);

Заводов управления Промкооперации: «Автоштамп» (г. Москва, Московская область), «Борский Металлист» (Горьковская область), «Политехник» (г. Ленинград, Ленинградская область).

Работы по деталям к реактивным снарядам М-20 выполнялись работниками 8 заводов 3 наркоматов:

НКТМ: Коломенского завода им. В. В. Куйбышева, «Стальмост» (г. Москва, Московская область), «Комега» (г. Москва,

Московская область), Невского завода им. В. И. Ленина (г. Ленинград, Ленинградская область), ЦНИИТМАШ (г. Москва, Московская область);

НКАП: № 381 (г. Москва, Московская область), № 165 (г. Москва, Московская область);

НКПС: Тульского машиностроительного завода НКПС (г. Тула, Тульская область).

Работы по деталям к реактивным снарядам М-30 выполнялись работниками 6 заводов 2 наркоматов:

НКТМ: «Красный Профинтерн» (г. Красноярск), Сызранского завода, «Комега» (г. Москва, Московская область);

НКАП: № 8 ОАП (г. Москва, Московская область), ф. 95 (Кунцево), № 65 (Кунцево).

Работы по деталям к реактивным снарядам М-31 выполнялись работниками 5 заводов 3 наркоматов:

НКТМ: «Красный Профинтерн» (г. Красноярск);

НКСМ: ДОЗ № 1 (г. Москва, Московская область), Кинешемского комбината (г. Кинешма), «Западнодвинского завода» (г. Талица);

НКАП: № 466 (г. Горький, Горьковская область)²².

С более подробной статистической архивной информацией, установленной и подготовленной автором по данному вопросу, можно ознакомиться на сайте «Ракетная техника»²³.

О производстве установок

С начала и до окончания войны специальное конструкторское бюро при заводе «Компрессор» было головным предприятием по совершенствованию и разработке установок для пуска реактивных снарядов, а завод «Компрессор» — «по их изготовлению и внедрению в производство»²⁴.

Согласно Справке от 01.09.1941 года «о ходе выполнения постановления Правительства по поставке заводу “Компрессор” изделий и узлов заводами других Наркоматов по состоянию на 31 августа с. г. включительно», на указанную дату работниками заводов «Компрессор» и «Красная Пресня» было выпущено 73 установки М-8 и 68 установок М-13. На ту же дату работниками завода им. Коминтерна было выпущено 150 установок М-13²⁵.

Однако в обобщённой ведомости выпуска заводами боевых машин М-13 и М-8 на 1.11.41 г. приведены другие и дополнительные данные (некоторые данные дополнены автором).

Табл. 1

Заводы/Город	Наименование машин	Выполнено за период		
		до 1/9	сентябрь	октябрь
«Коминтерн» (г. Воронеж)	М-13 на ЗИС-6	178	110	39
	М-13 на СТЗ-5	—	—	15
«Компрессор» (г. Москва)	М-13 на ЗИС-6	68	52	23
	М-13 на СТЗ-5	—	—	4
	М-8 на ЗИС-6	58	107	9
	М-8 на Т-40	—	—	3
«Красная Пресня» (г. Москва)	М-8 на ЗИС-6	14	42	29
Завод им. К. Маркса (г. Ленинград)	М-13 на ЗИС-6	—	20	—
Завод им. Шевченко	М-13 на ЗИС-6	—	9	2 ²⁶

В годы войны работниками заводов НКЭП (Наркомэлектропрома) в период с 1 августа 1941 года по 1 июня 1945 года было выпущено 1744 боевые установки М-13 и М-31²⁷.

Согласно послевоенному документу, справке о среднемесячном производстве боевых машин БМ-13 и БМ-31-12 от 04.06.1948 г.²⁸, в 1942—1944 годах было произведено следующее количество установок:

Табл. 2

№ п/п	Завод	Изготовление установок по годам			Итого
		1942 год	1943 год	1944 год	
1.	«Компрессор»	1026	1099	787	2912
2	«Уралэлектроаппарат» (б. № 659)	525	704	382	1611
3	Кировский завод им. 1 Мая	657	695	466	1818

№ п/п	Завод	Изготовление установок по годам			Итого
		1942 год	1943 год	1944 год	
4	Завод им. Коллощенко (б. № 701–721)	213	420	338	971
Итого		2421	2918	1973	7312

Согласно другому послевоенному документу — Списку головных заводов и основных заводов-смежников, производивших поставку реактивного вооружения для ГМЧ (с сопроводительным письмом, исх. от 06.02.1948 г.), производством боевых машин (т. е. установок) в годы Великой Отечественной войны также занимались работники следующих предприятий: Уральского компрессорного завода (ст. Исток, Свердловская область), Фрезерных станков (г. Горький) и Пензенского машиностроительного завода (г. Пенза). Существовала кооперация заводов-смежников по изготовлению узлов к боевым машинам²⁹.

Согласно не архивному источнику, во время Великой Отечественной войны было произведено 2400 установок серии М-8 (из них 1400 были потеряны), 6800 установок серии М-13 (из них 3400 были потеряны) и 1800 штук БМ-31-12 (из них 100 были потеряны)³⁰.

Согласно иностранным данным, за время войны в Советском Союзе, было изготовлено следующее количество установок: 1941 год — 980 шт., 1942 год — 3227 шт., 1943 год — приблизительно 3340 шт., 1944 год — приблизительно 2870 шт., 1945 год — приблизительно 770 шт.³¹

В 1941 году количество предприятий, задействованных в производстве «Катюш» в Ленинграде, доходило до 40, в 1942 году до 60, а в целом не менее 80. Что авторы подразумевали под термином «Катюша» — реактивные снаряды и установки или только установки, или только реактивные снаряды — в источнике заимствования не указано³².

Дополнительные данные о производстве установок в годы Великой Отечественной войны опубликованы в статье автора «Из истории создания и развития полевой реактивной артиллерии в СССР в период Великой Отечественной войны»³³.

О браке в производстве и межличностных производственных отношениях

Не все складывалось гладко в отношениях на производстве между производственниками и представителями военной приёмки Главного Артиллерийского Управления (ГАУ). Порой заводы не выполняли требования ГАУ. В частности, систематически не сдавались огнетушители и другие запасные части. В ответ на категорическое требование ГАУ, были вызваны представители НКВД и ЦК Партии и обвиняли работников аппарата военпреда ГАУ чуть ли не во вредительстве, в частности, по причине отказа принять боевые машины, имевшие недопустимо грубые дефекты. Так, в своем письме В. В. Аборенков просил указаний у Г. М. Маленкова в адрес НКМ Паршина о прекращении подобной практики, так как в таких случаях на службу в Красную армию могли попасть машины с дефектами. Не всякий военпред мог обладать гражданским мужеством для противостояния таким обвинениям³⁴. К сожалению, метод давления на представителей (специалистов) военных представительств (военной приёмки) есть и в настоящее время.

Имело место медленное проведение работ и халатное отношение к их выполнению. Например, бюро обкома ВКП(б) отмечало, что освоение изделий М-8 на заводах № 208 и № 211 (имени 16 партсъезда) Томской железной дороги, на «Киселевском заводе» проводилось недопустимо медленно. Директора заводов, секретари горкомов ВКП(б) не приняли решительных мер к мобилизации всех средств и сил для обеспечения развёртывания производства М-8 военными темпами³⁵.

Согласно архивным данным от марта 1943 года, четыре установки М-13 на автомашинах «Джемси» (ГМС) наконец вышли с Завода им. Кирова в городе Тбилиси с опозданием на 1,5 месяца. Они не были полностью оборудованы. Контакты, колодки (текстолитовые), прицельные приспособления, чехлы и другие мелкие детали не были вовсе изготовлены. Вследствие этого, прибывшие железнодорожным транспортом установки были поставлены недоукомплектованными в ПРМ № 11, в которой были выполнены необходимые работы и доукомплектованы установки. Недостающие щелочные аккумуляторы и миномётные прицелы были поставлены из ЗИП.

Отмечалось, что Завод им. Кирова и Завод металлических конструкций в городе Тбилиси первоначально весьма энергично взялись за дело, однако недопустимо снизили темпы работы и качество изготовления, когда опергруппа с продвижением линии фронта отдалилась и не имела возможности систематически контролировать работы завода³⁶.

Проведя изучение причин брака и невыполнения планов производства элементов реактивных снарядов в ходе войны, автор выделил два направления, которые по некоторым аспектам обладают причинно-следственной связью.

Человеческо-профессиональное: отсутствие необходимого контингента из числа инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих; исключительно безответственное отношение некоторых представителей руководства заводов к выполнению заказа, завышенное самомнение и желание показа быстрых результатов работы; неорганизованность и неумение руководства завода использовать имевшееся оборудование.

Организационно-производственное: не предоставление (достаточного) времени на организацию и освоение производства, отсутствие чертежей, распределение заказов с запаздыванием; отсутствие инструментальной базы и приспособлений, режущего и контрольно-мерительного инструмента, необходимого оборудования и неудовлетворительное состояние имевшегося в наличии; специфика завода — производство гражданской продукции; условия эвакуации; отдалённость предприятия от места расположения представителя военной приёмки; отсутствие термических мастерских на заводах (удаленность от завода до термической мастерской, в частности, на УЗТМ составляло 45 км); невыполнение заводами-смежниками плана по деталям, что вызывало большие простои; поставка некондиционного материала³⁷.

---

¹ Российский государственный архив социально-политической истории — далее РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

Там же. Д. 5. Л. 107, 114.

Там же. Д. 240. Л. 163—165, 176.

Там же. Д. 72. Л. 77.

Там же. Д. 279. Л. 34.

Там же. Д. 73. Л. 156.

Там же. Д. 349. Л. 28.

² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 119—123.

Там же. Д. 91. Л. 31.

Там же. Д. 99. Л. 72.

Там же. Д. 265. Л. 138.

Там же. Д. 388. Л. 191.

³ Российский государственный архив экономики — далее РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1842. Л. 55.

Государственный архив Российской Федерации — далее ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 9611. Л. 14.

Там же. Д. 5030. Л. 1, 2.

⁴ Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Ответственный редактор: Савицкий И. М. Составители: Кавцевич О. К., Пашенко Л. С., Савицкий И. М.; Суханова Р. К. Новосибирск: ОГУ «Государственный архив Новосибирский области», 2005. С. 320.

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44а. Д. 1633. Л. 11.

⁵ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации — далее ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 12. Л. 99, 102, 105.

Там же Д. 15. Л. 6.

Там же Д. 12. Л. 61.

⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 4. Л. 188.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 160, 160 об.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 119120сс. Д. 28. Л. 118, 119.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1829. Л. 2, 8, 9, 13, 15, 16, 20, 23–28, 30–35, 46, 48, 50–54, 56–60, 64, 80–82, 89–91, 100–104, 111, 122, 128, 145, 146, 190, 191, 208, 210, 221, 227.

Там же. Д. 1832. Л. 1, 4, 7, 23, 24, 37, 41, 55, 60, 61, 69, 74, 75, 78, 85, 88, 90, 92, 93, 95, 100, 101, 110, 111, 116, 118, 122, 127, 145, 161, 177, 179, 183, 186, 189, 193, 194, 199, 206, 209, 210, 214, 215, 223, 226, 230, 233, 238, 239, 241.

¹¹ Там же. Д. 1829. Л. 28, 33, 34, 190.

Украинская Советская Социалистическая Республика. (Электронный ресурс). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Украинская_Советская_Социалистическая_Республика (дата обращения: 12.03.2021).

Днепр (город). (Электронный ресурс). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Днепр_\(город\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Днепр_(город)) (дата обращения: 12.03.2021).

Луганская область. (Электронный ресурс). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Луганская_область (дата обращения: 12.03.2021).

Краматорск. (Электронный ресурс). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Краматорск> (дата обращения: 12.03.2021).

Донецкая Народная Республика. (Электронный ресурс). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Донецкая_Народная_Республика (дата обращения: 12.03.2021).

Донецкая область. (Электронный ресурс). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Донецкая_область (дата обращения: 12.03.2021)

¹² РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1829. Л. 57, 90, 145, 146, 190, 191.

Там же. Д. 1832. Л. 226.

Там же. Д. 1842. Л. 117.

Там же. Д. 1829. Л. 54.

- ¹³ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 276. Л. 5.
РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1842. Л. 75.
- ¹⁴ РГАЭ. Л. 78.
Там же. Д. 1829. Л. 54, 146, 190.
- ¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 119120сс. Д. 28. Л. 118–120.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1828. Л. 16, 31, 32.
- ¹⁷ Шлиссельбург. (Электронный ресурс). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Шлиссельбург> (дата обращения: 07.03.2021).
- ¹⁸ Курлаев В. Е. Заводы Наркомата Боеприпасов на Урале как объект исследования // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 4. С. 1934, 1935, 1937. (Электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zavody-narkomata-boeprirasov-na-urale-kak-obekt-issledovaniya> (дата обращения: 04.03.2021)
- ¹⁹ Переименование Молотова в Пермь. (Электронный ресурс). URL: <http://archive.perm.ru/projects/weeklyphoto/rename-molotov-to-perm/> (дата обращения: 09.03.2021).
- ²⁰ Вернидуб И. И. Боеприпасы Победы: Очерки. М.: ЦНИИИТИКПК, 1998. С. 46–48.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 352. Л. 194.
- ²² РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1829. Л. 2, 8, 9, 13, 15, 16, 20, 23–28, 30–35, 46, 48, 50–54, 56–60, 64, 80–82, 89–91, 100–104, 111, 122, 128, 145, 146, 190, 191, 208, 210, 221, 227.
Там же. Д. 1832. Л. 1, 4, 7, 23, 24, 37, 41, 55, 60, 61, 69, 74, 75, 78, 85, 88, 90, 92, 93, 95, 100, 101, 110, 111, 116, 118, 122, 127, 145, 161, 177, 179, 183, 186, 189, 193, 194, 199, 206, 209, 210, 214, 215, 223, 226, 230, 233, 238, 239, 241.
Там же. Д. 1842. Л. 11, 12, 14, 20–23, 24, 81, 82, 84, 86, 89, 102, 103, 104–106, 108, 110, 113, 114, 117, 132, 136–138.
- ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 90. Л. 58.
Там же. Д. 10. Л. 17.
- ²³ (Электронный ресурс). URL: <https://missilery.info/gallery/itogipromyshlennostit1> (далее по ссылкам, расположенным внизу страницы).
- ²⁴ Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. О работе в годы войны СКБ при московском заводе «Компрессор» // Васильев А. Н., Михайлов В. П. М.: Наука, 1991. С. 9.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 4276. Л. 1, 2.
- ²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 21. Л. 24, 47.
ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 9716. Л. 126.
- ²⁷ РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1841. Л. 91, 92.
- ²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 566864с. Д. 15. Л. 33.
- ²⁹ Там же. Оп. 160820. Д. 5. Л. 4, 5.
- ³⁰ Кузнецов К. А. Все ракеты Второй Мировой: единственная полная энциклопедия. М.: Яуза, 2016. С. 23.
- ³¹ Foedrowitz Michael. Stalin Organs. Russian Rocket Launchers. На английском языке. Перевод с немецкого Dr. Edward Force (Central Connecticut State University) // Schiffer Military/Aviation History Atglen, PA. P. 11–12.
- ³² Демидов В. Огнестрелы. Из летописи Великой Отечественной войны. К 40-летию прорыва блокады Ленинграда // Звезда. 1983. № 1. С. 151. С благодарностью за предоставленный материал Н. Н. Гулаковой — б. зав. Научно-технической

библиотекой на предприятии «Сплав» (ныне АО «НПО «СПЛАВ»» им. А. Н. Ганичева, Россия, Тула).

³³ Гуров С. В. Из истории создания и развития полевой реактивной артиллерии в СССР в период Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс]. // URL: <https://missilery.info/article/gpw> (дата обращения: 12.04.2021 г.)

³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12084. Д. 13. Л. 25.

³⁵ Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Ответственный редактор: Савицкий И. М. Составители: Кавцевич О. К., Пащенко Л. С., Савицкий И. М.; Суханова Р. К. Новосибирск: ОГУ «Государственный архив Новосибирский области», 2005. С. 166, 167.

³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 276. Л. 5.

³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 16. Л. 175, 177–182, 187.

РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1842. Л. 56, 59, 62, 63, 106.

ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 6. Л. 203.

Демидов В. Огнедельцы. Из летописи Великой Отечественной войны. К 40-летию прорыва блокады Ленинграда // Звезда. 1983. № 1. С. 150; Вернидуб И. И. Конверсия промышленности боеприпасов и специальной химии в годы первой послевоенной пятилетки // Боеприпасы. 2020 (июль–декабрь). № 2. С. 141; Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / Ответственный редактор: Савицкий И. М. Составители: Кавцевич О. К., Пащенко Л. С., Савицкий И. М.; Суханова Р. К. Новосибирск: ОГУ «Государственный архив Новосибирский области», 2005. С. 166, 167.

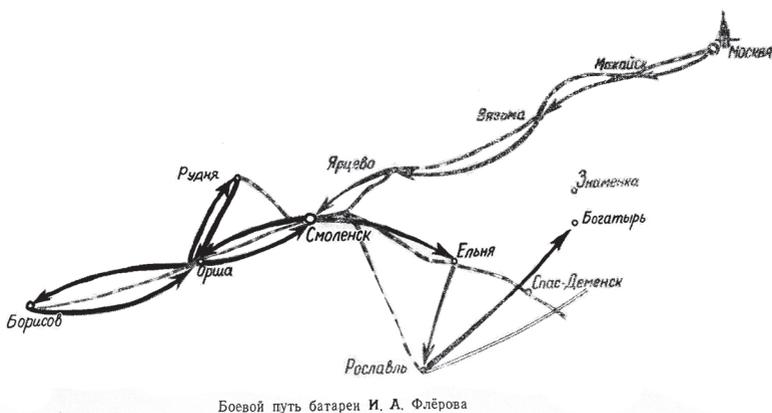
*С. В. Гуров (Тула),
Э. Э. Навогонский (Орша, Республика Беларусь)*

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И БОЕВОГО ПУТИ СПЕЦИАЛЬНОЙ БАТАРЕИ «РС» ПОД КОМАНДОВАНИЕМ И. А. ФЛЁРОВА

28 ИЮНЯ 2021 года исполняется 80 лет с начала формирования первой батареи полевой реактивной артиллерии под командованием Ивана Андреевича Флёрова¹ (Флирова², Флёрова³), которая в июле 1941 года своими боевыми залпами по немецко-фашистским захватчикам в полосе действий Западного фронта возвестила миру о наличии у Рабоче-крестьянской Красной армии нового, мощного оружия.

В статье предпринята попытка объединить основные данные об истории этого легендарного подразделения из архивных материалов, специализированных изданий и отдельных не архивных источников, подготовив основу для дальнейших исследований. Авторы статьи выявили ряд противоречий в материалах использованных источников. Стоит отметить, что первыми исследователями, предпринявшими попытку обобщения архивных данных о батарее, можно считать А. Н. Васильева и В. П. Михайлова, опубликовавших результаты своего исследования в книге «Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне». Они также нашли противоречивые данные, которые до сих пор не подтверждены и не опровергнуты архивными материалами⁴ (ил. 1)⁵.

В настоящее время усилиями энтузиастов и российских архивных работников в научный оборот введено не менее 20 архивных документов, в которых прямо или косвенно упоминается батарея под командованием капитана И. А. Флёрова. Эти документы хранятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) (7 единиц⁶), Российском

Ил. 1. Схема боевого пути батареи под командованием капитана И. А. Флёрова

государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) (1 единица⁷) и в Архиве Управления Федеральной службы безопасности России по Омской области (Архив УФСБ России по Омской области) (12 единиц⁸).

Данные из Архива УФСБ России по Омской области получены в результате запроса Навогонского Эдуарда Эдуардовича. Электронные облики предоставленных ссерокопий документов размещены на сайте «Ракетная техника»⁹.

С результатами современных работ по обзору и анализу данных, нескольких выше указанных архивных документов из фондов ЦАМО РФ, выполненных исследователем Александром Милютиным (Москва), можно ознакомиться в его статье «К вопросу о достоверности Справок Аборенкова и Докладов Кривошапова...», состоящей из трёх частей¹⁰. Ранее частично этот вопрос был освещён в статье Эдуарда Навогонского «Оршанское эхо “Катюш”», как и его версия возможных действий батареи до 24 июля 1941 года¹¹. Эдуардом Навогонским также создан фильм по изученному вопросу¹². С версией Александра Милютина о первом залпе батареи под командованием И. А. Флёрова можно ознакомиться в его статье «Первые залпы батарей реактивной артиллерии (батареи Флёрова, Куна, Денисенко, Небоженко)»¹³. Далее приведём составленную авторами данной статьи хронологию возможных событий деятельности батареи под командованием Ивана Андреевича Флёрова (ил. 2)¹⁴, (ил. 3)¹⁵.

Ил. 2. Удостоверение Ивана Андреевича Флёрова

На основании Директивы командующего войсками Московского военного округа (МВО) № 10864 от 28 июня 1941 года в этот день началось формирование первых частей полевой реактивной артиллерии. С 28 июня по 1 июля 1941 года была сформирована первая батарея полевой реактивной артиллерии (1-я отдельная экспериментальная батарея¹⁶, первая отдельная батарея реактивной артиллерии¹⁷). Выполнение этой задачи было возложено на 1-е Московское Краснознамённое артиллерийское училище имени Красина¹⁸. Батарея укомплектовывалась

Ил. 3. Группа флёровцев: В. Овсов, Д. Матвеев, А. Ружев, Н. Майоров, И. Гаврилов, М. Есенов

личным составом из артиллеристов одной части, а командиры (в основном¹⁹) из слушателей Артиллерийской академии РККА им. Дзержинского. Командиры взводов были слушателями академии, окончившие её первый курс: заместитель командира батареи, старший лейтенант К. К. Сериков, лейтенанты П. К. Витряк, И. Ф. Костюков, Н. А. Малышкин, М. И. Науменко, М. А. Подгорнов. Слушатель командного факультета наземной артиллерии капитан И. А. Флёров был назначен командиром батареи²⁰. Известны фамилии, имена и отчества некоторых военнослужащих батареи, которые опубликованы в статьях «Выйшла на берег “кацюша”»²¹ и «Оршанское эхо “Катюш”»²².

В состав батареи входили: взвод управления, три огневых взвода, взвод боевого питания, пристрелочный взвод, хозяйственное отделение, отделение горюче-смазочных материалов, санитарная часть и (должно было быть) семь установок М-13. С целью транспортировки боеприпасов, горюче-смазочных материалов и продовольствия, в состав батареи входили 44 грузовых автомобиля, посредством которых можно было перевезти 600 снарядов М-13, 100 выстрелов для 122-мм пристрелочной гаубицы, три заправки горюче-смазочных материалов и до семи суточных дач продовольствия. Все эти средства и установки были сконцентрированы в училище. Две боевые установки не были получены, и батарея ушла на фронт с пятью установками и одной 122-мм гаубицей образца 1910/30 года в качестве пристрелочного орудия, перевозимого в кузове автомобиля²³. По другим данным, было 7 установок штук²⁴.

В ночь с 1 на 2 июля 1941 года батарея под командованием капитана И. А. Флёрова отправилась на фронт из Москвы по Минскому шоссе по маршруту Можайск — Ярцево — Смоленск²⁵. По данным материала из ЦАМО РФ, 2 июля 1941 года батарея была направлена походным порядком на западное направление. В Смоленск она прибыла к 8 ч. 00 м. 4 июля 1941 года²⁶. В этот же день батарея вошла в состав артиллерии 20-й армии²⁷.

Один день был дан на слаживание батареи. 6 июля 1941 года в 5 ч. 30 м. *«батарея выступила для занятия боевого порядка, на 502 км магистрали Москва — Минск, в системе обороны 73 сд, 20 армии»*²⁸. По данным из документов НКВД, согласно материалам Артуправления Западного фронта, 10 июля 1941 года семь установок М-13 прибыли в 20-ю армию²⁹. С 10 июля по 5 августа (8 августа³⁰) 1941 года батарея Флёрова действовала в составе

20 армии³¹. За время нахождения в 20 армии батарея капитана Флёрова подчинялась начальнику артиллерии только в оперативном отношении. Материальная часть и боеприпасы с проводником поступали в адрес данной батареи. Капитан Флёров не учитывался перед начальником артиллерии и никаких сведений ему не предоставлял³².

В справке № 2 В. В. Аборенкова от 07 июля 1941 года приведены данные, что на заводе № 12 были снаряжены около 4000 снарядов (из них 1500 были отправлены на фронт вместе с батареей из семи машин). Одна батарея (7 машин) убыла 1 июля 1941 года на фронт с около 600 выстрелами³³.

Поскольку по сведениям из архивного документа ГАУ КА от 30.03.1942 г., на Западном фронте свой первый залп 25 июля 1941 года произвела вторая прибывшая батарея под командованием лейтенанта Куна³⁴, что ранее подтверждалось и не архивным источником без упоминания фамилии командира батареи³⁵, то можно считать, что во всех архивных документах до 24 июля 1941 года (включительно), где упоминается стрельба подразделения из установок РС и прямо не называется батарея капитана И. А. Флёрова или лейтенанта Куна, излагаемые сведения касаются только батареи под командованием капитана И. А. Флёрова. В период с 22 по 24 июля могут быть только данные о наличии на фронте второй батареи, если нет прямых указаний на их командиров и районы дислокаций. Следовательно, при отправке батареи на фронт в начале июля, 600 выстрелов находилось именно в батарее под командованием капитана И. А. Флёрова.

По данным журналиста и исследователя Н. М. Афанасьева, батарея в составе семи боевых установок вышла на Западный фронт в ночь на 3 июля 1941 года. С батареей в войска выехали инженеры НИИ-3: А. С. Попов и Д. А. Шитов. Они занимались обучением управлению новым оружием во время дневных привалов³⁶ личного состава.

Далее хронология возможных событий восстановлена согласно воспоминаниям И. Н. Коннова — бывшего командира боевой установки батареи под командованием И. А. Флёрова. 7 июля 1941 года батарея впервые была развёрнута на огневых позициях с задачей поддержки нашего стрелкового соединения, оборонявшегося на восточном берегу реки Березина в районе города Ново-Борисов. В 10 часов 10 минут был дан первый залп батареи

по фашистским войскам, предпринявшим попытку форсировать реку. 9 июля 1941 года батарея оказалась в районе города Лепель и приняла участие в контрударе наших войск, где произвела два залпа. Батарея оказалась в окружении. К утру 13 июля 1941 года батарея вышла из окружения лесными и просёлочными дорогами³⁷. После пополнения боеприпасами, 15 июля 1941 года батарея дала четвертый залп по гитлеровским войскам, передвигавшимся по шоссе в районе Коханово. В результате залпа «*в колонне фашистских войск началась паника*», и её движение было надолго задержано³⁸. Эти воспоминания И. Н. Коннова до сих пор не подтверждены архивными документами.

В своих воспоминаниях, которые записал Я. К. Голованов, А. С. Попов, прикомандированный к батарее в качестве специалиста от НИИ-3 по вооружению, сообщил, что их пытались разбомбить, после чего они получили приказ о передвижении только ночью. 9 июля 1941 года они прибыли в район Борисова, где развернули позицию: четыре установки слева от трассы, три РУ и одну прицельную пушку справа. Там они простояли до 13 июля 1941 года. Им было запрещено вести огонь из любого вида личного оружия, которыми являлись пистолеты, 10-зарядные полуавтоматические винтовки, пулемёт Детярёва. Также у каждого было по две гранаты. Сидели без дела. Время тратили на учёбу. Пометки делать было запрещено. Попов с Шитовым проводили бесконечные «практические занятия». Однажды «Мессершмитт-109» прошёл низко над батареей. Бойцы не выдержали и обстреляли его из винтовок. Он развернулся и, в свою очередь, выполнил обстрел из пулемёта. После этого они немного передвинулись³⁹. В ночь с 12 на 13 июля батарея была поднята по тревоге и направилась к Орше⁴⁰.

13 (13–14⁴¹) июля 1941 г. из Москвы на станцию Красная прибыло 30 автомашин (ЗИС-5⁴²), груженных 132-миллиметровыми снарядами к установке М-13. 10 машин с 300 снарядами были разгружены на ГАСе № 1375⁴³. 20 машин были направлены на батарею капитана Флёрова⁴⁴. Все автомашины после двухдневного розыска капитана Флёрова (в документе Флирова) были полностью вручены ему⁴⁵. На основании этих данных и сведений из других архивных документов⁴⁶, можно выдвинуть предположение, что в настоящее время ещё могут быть не известны даты и места производства как минимум 5 боевых залпов батареи, произведённых ею до 24 июля 1941 года.

Согласно данным материала из ЦАМО РФ, изучение обстановки на участке 73 сд показало, что использовать здесь батарею было нецелесообразно. *«По твердому настоянию батарея была отправлена на участок 18 и 73 сд для прикрытия г. Орши. 14.7.41 г. в 15 ч. 15 м. был дан первый залп (96 выстрелов) по скоплению танков и пехоты противника в районе центрального вокзала г. Орша и в 17 ч. 20 м. дан второй залп (94 выстрела) по переправе через р. Днепр. Результаты стрельбы: по вокзалу — залп накрыл район вокзала и вызвал большой пожар; по переправе — к-р роты 413 сп наблюдал стрельбу и сообщил, что переправа накрыта залпом. Сведения о результатах в штабе 20 армии и штабе фронта до отъезда получить не удалось. 15.7.41 г. батарея находилась в 23 км сев.-зап. г. Смоленск, получала задачу в штабе 20 армии. <...>*

Подготовка и состояние материальной части — после большого марша (около 700 км, из которых 130 км системы находились в заряженном состоянии), все системы оказались вполне боеспособными, за исключением одной, у которой оказался внутренний порыв центрального кабеля. Система исправлена после стрельбы»⁴⁷.

В книге «Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ» приведены следующие данные о залпах 14 июля 1941 года. Первый залп был произведён по приказу начальника штаба артиллерии Западного фронта генерал-майора артиллерии Кариофилли Г. С. Батарея вступила в действие в 15 часов 15 минут. Было выпущено 80 зажигательных (термитных) реактивных снарядов по центральному вокзалу станции Орша по сосредоточению большого количества живой силы и боевой техники противника. Результат огневого удара в районе цели — большие пожары, разрывы боеприпасов, паника среди противника.

Второй залп был произведён в 17 часов по заявке командира 413-го стрелкового полка 73-й стрелковой дивизии по переправе через р. Оршица, *«на которой наблюдалось большое скопление войск противника»*. Внезапно обрушившийся на врага шквал огня вызвал панику в его рядах. В результате стрельбы была сорвана переправа противника⁴⁸.

Согласно газетному источнику⁴⁹, в журнале боевых действий батареи были зафиксированы следующие записи о её действиях 14 июля 1941 года: *«14.07.1941 г. 15 часов 15 минут. Нанесли удар по фашистским эшелонам на железнодорожном узле Орша.*

Результаты отличные. Сплошное море огня». «14.07.1941 г. 16 часов 45 минут. Залп по переправе фашистских войск через Оршицу. Большие потери врага в живой силе и боевой технике, паника. Все гитлеровцы, уцелевшие на восточном берегу, взяты нашими подразделениями в плен...». Отметим, что до сих пор не установлен оригинал или копия журнала боевых действий, на который сослался журналист и исследователь Афанасьев.

Несколько по-другому описана обстановка в архивном документе ГАУ КА от 30 марта 1942 г. В нём указано, что 15 июля 1941 года батарея заняла боевой порядок в стыке 18 и 73 стрелковых дивизий (восточная окраина города Орша) *«и на основе данных местного населения, уходившего из Западной части г. Орша после занятия ее противником, и командования 413 СП 73 СД, были подготовлены данные по центральному вокзалу и в 15 ч. 15 мин. был дан первый пристрелочный выстрел, а в 15 час. 20 мин. первый залп (96 выстрелов) <...> через 5–7 мин. над НП прошли в район ОП, на малой высоте, пять бомбардировщиков, которые долго кружились, а затем три ушли вглубь нашей страны, а два патрулировали весь район до 17 час. 10 мин.*

В это время от командования 413 СП поступил запрос на открытие огня по двум переправам, через Днепр и Орианку (Оршицу. — Э. Н.). Наблюдение обеспечивалось командиром 6 роты.

В 17 час. 20 мин. батарея по карте, переносом огня, дала один залп (94 выстрела) по переправам. Командир 6 роты, не знал, как выразить свой восторг результатами залпа, но конкретных результатов в штабах полка, 20 армии и Запфронта получить не удалось...»⁵⁰.

Становится очевидным факт наличия ряда противоречий в сведениях, изложенных в вышеуказанных источниках о действиях батареи под командованием И. А. Флёрова 14–15 июля 1941 года.

В архивном документе ГАУ КА от 19 июля 1941 года по вопросу применения реактивных установок приведена информация, которая явно не указывает на батарею Флёрова, но результаты анализа имеющейся информации, опубликованной из этого документа выше и в книге «Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне»⁵¹ позволяют сделать вывод, что речь идёт о батарее Флёрова. В документе также указаны недостатки, обнаруженные в процессе эксплуатации и боевой стрельбы установок:

– невозможность построения веера, так как прицельные приспособления не позволяли отмечаться и наблюдать ситуацию справа;

– кабина водителя, радиатор, бензобак, провода управления огнём, скаты с покрышками были плохо защищены;

– не было освещения для ведения огня ночью;

– не было устройства для буксирования установок;

– отсутствовал «ЗИП»;

– места для личного состава установки отсутствовали;

– не было средств для передвижения командира взвода;

– батарея не была защищена от нападения с воздуха;

– шланг (т. е. кабель) для выноса управления огнем на 50 метров являлся лишним, так как управление всегда велось из кабины;

– имелось недостаточное количество вольтметров (требовалось три на батарею), запасных пиропатронов (требовалось 10 штук на 100 выстрелов), предохранителей (4 штуки на 100 выстрелов);

– горизонтальный угол обстрела (22°) был недостаточным;

– уровни были плохо защищены (один уровень лопнул при первом залпе);

– конструкция подъёмного механизма требовала доработки (поставить на шарико-подшипниках или сделать — секторного типа);

– щиток управления был слабо укреплён;

– опорные ноги (следует понимать домкраты. — С. Г.) (отломались три плиты и одна нога прогнулась) были слабы и неудобны в пользовании;

– прицел (стопор крепления прицела не держал) и барабан (проворачивался) были слабо укреплены;

– прицельные приспособления были очень высоки и затрудняли наводку орудия.

В выводах указывалось следующее: *«Боевое применение реактивных установок показало, что они являются могущественным средством подавления противника, создания морального воздействия на противника и поднятия морального состояния своих войск.*

Реактивные установки необходимо принять на вооружение Красной Армии. В процессе изготовления новых установок принять меры к устранению указанных недостатков»⁵².

В донесении о численном и боевом составе 20 армии по состоянию на 20 июля 1941 года также чётко не указана батарея Флёрова, но, предположительно, речь идёт именно о ней. Название частей и соединений — Особая батарея РГК. В разделе «по штату» везде прочерки. В разделе «по списку» указаны следующие данные: комсостав — 9; политсостав — 1; техсостав — 2; адм.-хоз. состав — 1; медсостав — 1; итого — 14. Младший начсостав — 34; рядовой состав — 150; всего военнослужащих — 198. Автомашины: легковые — 1; грузовые — 44; специальные — 7 (предположительно речь идёт об установках М-13); винтовки и карабины — 88; автоматические винтовки — 50; ручные пулемёты — 4; пушки: 210 мм — 7; гаубицы: 152 мм — 1; радиостанции: 6-ПК — 2⁵³.

В докладе Военного совета Западного направления Ставке Верховного Командования об обстановке на Западном фронте от 24 июля 1941 г. сообщалось, что особенно эффективное и успешное действие в разгроме 5 пехотной дивизии оказала батарея «РС». Тремя залпами по противнику, сосредоточенному в Рудне она нанесла ему *«такие потери, что он целый день вывозил раненых и вывозил убитых, остановив наступление на целый день»*. В батарее оставалось 3 залпа. Просили прислать еще две-три батареи с зарядами (снаряды. — С. Г.)⁵⁴.

Согласно донесению командира батареи капитана Флёрова, 3 августа 1941 года батареи (установки М-13⁵⁵) были переправлены через реку Днепр близь (т. е. вблизи) Новоселки в количестве 7 штук. Согласно тому же донесению, во время переправы при батареях (при установках М-13⁵⁶) было 12 снарядов (следует понимать, что должно быть 120⁵⁷). 112 снарядов сохранили, 4 снаряда сгорели во время пожара автомашины и 4 были затоплены в реке⁵⁸. Согласно дополнительным данным, снаряды к установкам М-13 были перенесены на себе личным составом батареи с западного на восточный берег реки Днепр — 113 штук из 120, имевшихся в наличии. Пять снарядов к установке М-13 на машине водителя этой же батареи красноармейца Писарькова сгорели с 35-ю автомашинами, принадлежавшими батарее, в результате бомбардировки. Два снаряда к установке М-13, находившиеся в ящике на западном берегу реки Днепр, были потоплены в реке пом. командира (помощник командира) 3 батареи (3-я батарея под командованием И. А. Флёрова. Предположительно, использована терминология, не присущая описываемому периоду. См. данные

ниже из указанного источника)⁵⁹ по техчасти, младшим лейтенантом Бодровым во время пожара в районе переправы, о чём он доложил командиру батареи Флёрову. Флёров неправильно понял Бодрова и ошибочно донёс начальнику артиллерии 20 армии о потоплении в реке Днепр четырёх снарядов⁶⁰.

8 августа 1941 года капитан Флёров с подразделением прибыл в распоряжение 24 армии и влился в состав 42-го отдельного артиллерийского дивизиона (42 отд. арт. д-на)⁶¹.

В период с 10 по 17 августа 1941 года из установок 3-й батареи было произведено по 8 залпов⁶². Согласно данным от 21 августа 1941 года, по донесению батареи товарища Флёрова, все четыре боевые машины требовали капитального (заводского) ремонта. Требовалась их срочная замена на новые⁶³.

В копии письма № 42509ас Спец. Артвооруж. (отдел специального артиллерийского вооружения)⁶⁴ от 27 августа 1941 года «По вопросу: замены материальной части» от заместителя начальника ГАУ КА, военинженера 1 ранга Аборенкова в адрес командира батареи М-13 АРВК капитана тов. Флёрова указано, что при сем ему направлялись в распоряжение четыре боевые машины М-13 и 16 грузовых машин ЗИС-5 с 480 снарядами для М-13, одна лзс (выглядит как лзс, т. к. написано от руки; должно быть пзс. — С. Г.) и одна летучка типа «А». Все имевшиеся у Флёрова боевые машины М-13 надо было направить с ответственным сопровождающим на завод «Компрессор», располагавшийся в Москве. Весь личный состав, сопровождающий машины, надо было вернуть обратно. О замене машин и прибытии боеприпасов надо было доложить командиру дивизиона и начальнику артиллерийского фронта. ПЗС (в документе выглядит как ЛЗС. — С. Г.) и летучка типа «А» следовали в распоряжение к-ра (командира)⁶⁵ дивизиона капитана Смирнова⁶⁶.

Согласно данным от 28 августа 1941 года, в то время батарея М-13 находилась в 24-й армии, которая, в свою очередь, была в подчинении фронта резервных Армий⁶⁷.

28 августа 1941 года автоколонной в 20 машин на Смоленском направлении были отправлены 4 боевые установки М-13 и 16 машин ЗИС-5 под боеприпасы для замены неисправных установок М-13 в батарее капитана Флёрова и 450 выстрелов М-13 для этой батареи⁶⁸.

Согласно данным от 1 сентября 1941 года, посланные в войсковую часть № 4207 (42 ОАД) 4 боевые установки М-13, 1 летучка

типа «А», 1 походная зарядная ст. (станция) и пятнадцать автомашин ЗИС-5 с боеприпасами для МУ-13 в количестве 450 штук в адрес батареи капитана Флёрова, были получены полностью. На основании распоряжения заместителя начальника ГАУК^а (ГАУ КА⁶⁹) (отдел спец. арт. вооружения) все имевшиеся в батарее установки М-13 за №№ 3, 4, 5, 6, 7 в количестве 5 штук были сданы представителю, начальнику колонны, лейтенанту Нарбекову Ю. Б. для сопровождения их в Москву (для ремонта). Одновременно докладывалось, что распоряжением начальника арто (артиллерии или артиллерийско-технического обеспечения) 24 армии, батарея капитана Флёрова была введена в состав 42 отдельного артиллерийского дивизиона⁷⁰.

Согласно данным допроса Ивана Андреевича Флёрова, капитана, командира 3-й батареи 42 арт. дивизиона от 3 сентября 1941 года, 8 августа 1941 года капитан Флёров с подразделением прибыл в распоряжение 24 армии и влился в состав 42 отдельного артиллерийского дивизиона (42 отд. арт. д-на). За период с 8 августа по 3 сентября 1941 года батареей было произведено 14 залпов, из которых 4 были выполнены в составе 19 сд, а остальные в 107 сд. Действия залпов в 19 сд были хорошими. Стрельба велась по видимым целям. Проводилось наблюдение за результатами стрельбы. За время пребывания в 107 сд стрельба производилась исключительно по закрытым целям, и результаты стрельбы не наблюдались. В первые дни пребывания Флёрова в составе 42-го артдивизиона огневые позиции занимались на опушках леса, но батарея оставалась на этих огневых позициях в течение нескольких суток. Так, в районе леса Николаевское на одной огневой позиции батарея стояла в течение 15 суток, несмотря на то, что лес активно обстреливался противником и зарядку (заряжание) установок производили на этих же огневых позициях после залпов, что категорически запрещалось инструкцией. 29 августа 1941 года огневая позиция была сменена. Батарея была выдвинута на южную опушку леса совхоза «Николаевский», где находилась три дня. 1 сентября 1941 года Флёрову было приказано выдвинуться с батареей на открытую огневую позицию в район р. Ужа, хуторов Лейкино. Находясь на открытой местности, на протяжении трёх суток батарея не произвела ни одного залпа. Только 3 сентября 1941 года поступило приказание от командира дивизиона (в документе д-на, расшифровка по ссылке⁷¹) капитана Смирнова пристрелить две цели — лес Подкова в районе

восточнее Садки и опушку леса х. Волосково. Одновременно пристрелку вела и вторая батарея.

Батареей под командованием Флёрова для пристрелки было выпущено три снаряда, после чего связь с наблюдательным пунктом прервалась из-за обстрела противником огневой позиции второй батареи, которая была обнаружена во время пристрелки. Вследствие того, что батарея Флёрова находилась в овраге и за лесом во время пристрелки она не была обнаружена противником. О неудачном выборе огневых позиций второй и третьей батареи Флёров докладывал командиру дивизиона капитану Смирнову, но тот ответил, «*что на войне везде опасно*», а затем сказал, что начальником артиллерии Флёрову приказано поставить батареи именно на тех огневых позициях. О каком начальнике артиллерии говорил Смирнов, Флёров не поинтересовался. Только вечером 3 сентября 1941 года Флёров получил приказ о смене огневой позиции⁷².

Ил. 4. Группа бывших воинов батареи капитана И. А. Флёрова с его сыном. Слева направо: сидят Кривошапов А. И. (представитель ГАУ), Осокина Ю. В., Кузьмин А. В., сын капитана И. А. Флёрова — инженер Юрий Флёров; стоят: Майоров Н. С., Нестеров И. Я., Гаврилов И. Е., Овсов В. И. (1963 г.)

Ил. 5, 6. Бывшие флёровцы во время открытия памятника около деревни Пищалово Оршанского района в Белоруссии 1 октября 1966 года. Стоп-кадр из кинофильма

Ил. 7. Бывшие флёровцы во время открытия памятника около деревни Пищалово Оршанского района в Белоруссии 1 октября 1966 года. Стоп-кадр из кинофильма

Ил. 8. Бывшие флёровцы на митинге 2 октября 1966 года во время открытия мемориального комплекса «За нашу Советскую Родину» в городе Орше. Стоп-кадр из кинофильма

Архивные данные о действиях батареи в период с 4 сентября по 6 октября 1941 года в ходе исследования не установлены. По воспоминаниям И. Н. Коннова, в сентябре 1941 года батарея участвовала в освобождении Ельни⁷³. В октябре 1941 года из-за сложившейся тяжёлой обстановки батарея оказалась в окружении. Она шла по тылам врага более 200 км. В ночь на 7 октября (6 октября⁷⁴) (вечер 9 октября или ночь с 9 на 10 октября⁷⁵)

Ил. 9. Первый памятник на месте залпа батареи под командованием И. А. Флёрова. Район Пищалово — Гадовичи — Хлусово (ныне Оршанский район Витебской области Республики Беларусь). На лицевой стороне памятника была нанесена надпись: «ЗДЕСЬ 14 ИЮЛЯ 1941 ГОДА БАТАРЕЯ РЕАКТИВНЫХ МИНОМЕТОВ «КАТЮША» ПОД КОМАНДОВАНИЕМ КАПИТАНА ФЛЁРОВА И. А. ПРОИЗВЕЛА ПЕРВЫЙ ЗАЛП ПО НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМ ЗАХВАТЧИКАМ»

1941 года у деревни Богатырь Знаменского района (бывшего Вяземского; Урганского⁷⁶) Смоленской области батарея попала в засаду. Капитан И. А. Флёров приказал подорвать установки и погиб сам, не дав врагу захватить новое секретное оружие⁷⁷.

После войны, уже бывшие бойцы батареи под командованием капитана И. А. Флёрова, встречались во время различных мероприятий в Пищалово и в городе Орше в Беларуси (ил. 4)⁷⁸, (ил. 5), (ил. 6), (ил. 7), (ил. 8)⁷⁹.

Указом ПВС СССР от 14 ноября 1963 года Флёров Иван Андреевич был награждён Орденом Отечественной войны I степени (посмертно, что в учётной карточке не указано)⁸⁰. 1 октября 1966 года вышел Указ Президиума Верховного Совета БССР о награждении Почетной грамотой Верховного Совета Белорусской ССР бывших воинов Первой особой экспериментальной батареи реактивной артиллерии⁸¹.

1 октября 1966 г. в районе, прилегающем к деревням Пищалово и Гадовичи был открыт первый памятник в память о боевом залпе батареи капитана И. А. Флёрова под городом Орша⁸², а в 1988 году второй, чуть дальше⁸³ (ил. 9)⁸⁴, (ил. 10). 2 октября 1966 года был открыт памятник (в действительности — мемориальный комплекс «За нашу Советскую Родину»⁸⁵) в городе Орша⁸⁶.

Указом Президента России от 21 июня 1995 года Иван Андреевич Флёров был посмертно удостоен звания Героя Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны⁸⁷.

Ил. 10. Слева: второй памятник в районе залпа батареи под командованием И. А. Флёрова. Район Пищалово — Гадовичи — Хлусово (ныне Оршанский район Витебской области Республики Беларусь). Справа: мемориальный комплекс «За нашу Советскую Родину» в городе Орше, Республика Беларусь. Автор фотографий Никита Игоревич Медведев (г. Орша, Республика Беларусь)

¹ Докладываю ход формирования частей и наличие боеприпасов М-13 и М-8 на 30.08.41 г. Документ из отдела спец. артвооруж. «30» августа 1941 г. № 425112сс в адрес секретаря Центрального Комитета ВКП(б) товарища Маленкова Г. М. за подписями заместителя начальника Главного артиллерийского управления Красной армии, военинженера 1 ранга Аборенкова и военного комиссара ОСАВ ГАУ КА полкового комиссара Лапаева. Копия // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12084. Д. 13. Л. 33–34; ЗАКАЛЁННЫЕ ГРОМОМ, ОПАЛЁННЫЕ ПОРОХОМ... Ко Дню ракетных войск и артиллерии. [Электронный ресурс]. // URL: <http://74rvia.mil.ru> (дата обращения: 27.01.2021 г.).

² Письмо НАЧАЛЬНИКУ ОО НКВД ЗАПАДНОГО ФРОНТА, Комиссару Госбезопасности 3 ранга от т. ЦАНАВА // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 15.

³ Плешевеня В. Салют первым командирам «Катюш» // Известия. 1966. № 234 (15322). 4 октября. С. 1; ЗАКАЛЁННЫЕ ГРОМОМ, ОПАЛЁННЫЕ ПОРОХОМ... Ко Дню ракетных войск и артиллерии. (Электронный ресурс). URL: <http://74rvia.mil.ru> (дата обращения: 27.01.2021 г.).

⁴ Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. О работе в годы войны СКБ при московском заводе «Компрессор» // А. Н. Васильев, В. П. Михайлов. М.: Наука, 1991. С. 15–19.

⁵ Афанасьев Н. М. Подвиг первых ракетчиков. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1972. С. 151.

⁶ СПРАВКА № 2 по автоустановкам к реактивным снарядам. Копия // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 13; По вопросу применения реактивных установок. 19.07.41 г. Документ ГАУ КА // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 180–184; К вопросу о достоверности справок Аборенкова и докладов Кривошапова ч. 3/3. (Электронный ресурс). URL: <https://aldr-m.livejournal.com/32094.html> (дата обращения: 17.01.2021 г.); Донесение о численном и боевом составе 20 армии по состоянию на 20 июля 1941 года // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2. Л. 139, 140; Сборник боевых документов / 37 / 032. (Электронный ресурс). URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Сборник_боевых_документов/37/032 (дата обращения: 30.01.2021 г.); Докладываю ход формирования частей и наличие боеприпасов М-13 и М-8 на 30.08.41 г. Документ из отдела спец. артвооруж. «30» августа 1941 г. № 425112 сс в адрес Секретаря Центрального Комитета ВКП(б) товарища Маленкова Г. М. за подписями заместителя начальника Главного артиллерийского управления Красной армии, военинженера 1 ранга Аборенкова и военного комиссара ОСАВ ГАУ КА полкового комиссара Лапаева. Копия // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12084. Д. 13. Л. 33–34; Донесение командного состава. Войсковая часть № 4207 / 42 ОАД/. 1 сентября 1941 г. в адрес зам. нач. ГАУК³, отдел спец. арт. вооружения. Подлинник // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 13. Л. 114; ЗАКАЛЁННЫЕ ГРОМОМ, ОПАЛЁННЫЕ ПОРОХОМ... Ко Дню ракетных войск и артиллерии. (Электронный ресурс). URL: <http://74rvia.mil.ru> (дата обращения: 27.01.2021 г.).

⁷ Справка № 42505 от 23.08.1941 г. В. В. Аборенкова секретарю ЦК ВКП(б) В. Г. Маленкову о распределении батарей М-13 в действующей армии // РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 26. Л. 26, 27.

⁸ Письмо или доклад ЧЛЕНУ ВОЕННОГО СОВЕТА ВОЙСК ЗАП. НАПРАВЛЕНИЯ тов. БУЛГАНИНУ от 16 июля 1941 года // Архив УФСБ

России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 4–6(1–3); Письмо начальнику особого отдела Западного фронта. 14.08.41 г., 23.08.41 // Там же. Л. 16–18; Справка зам. наркома НКВД СССР.. от 20./VIII-41 г. // Там же. Л. 24, 24 об. (11, 12); Письмо Цанавы начальнику ОО НКВД ... от 23 августа 1941 г. Рукопись // Там же. Л. 13, 14; Письмо ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ ОО НКВД СССР, Комиссару Госбезопасности 3 ранга, товарищу МИЛЬШТЕЙН. 28 августа № 1778 от НАЧАЛЬНИКА ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА КОМИССАРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА (Л. ЦАНАВА) // Там же. Л. 21, 22; Письмо НАЧАЛЬНИКУ ОО НКВД ЗАП. ФРОНТА Комиссару Госбезопасности 3 ранга от т. ЦАНАВА // Там же. Л. 15; РАПОРТ от августа 1941 года. НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА, тов. Л. ЦАНАВА. // Там же. Т. 1. Л. 4, 5; РАПОРТ от 20 августа 1941 г. НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА, тов. Л. ЦАНАВА. // Там же. Л. 6–10; ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 1941 года, 3 сентября. СМИРНОВ Виктор Абрамович. Недоформленный документ. // Там же. Л. 33–35; ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 1941 года сентября 3 дня. Совхоз «Николаевский». ФЛЁРОВА Ивана Андреевича. Недоформленный документ // Там же. Л. 36, 37; ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 4 сентября 1941 года. ДЯТУЕНКО Николай Федорович. Копия // Там же. Л. 31, 32. Письмо № 2140 от 6 (?).09.41 в адрес ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Союза ССР // Там же. Л. 28–30.

⁹ Гуров С. В. Сотрудники УФСБ России по Омской области рассекретили ряд данных об экспериментальной батарее под командованием И. А. Флёрова. (Электронный ресурс). URL: <https://missilery.info/news/fsb-omsk> (дата обращения: 29.01.2021 г.).

¹⁰ К вопросу о достоверности справок Аборенкова и докладов Кривошапова ч. 1/3 (реактивная артиллерия). (Электронный ресурс). URL: <https://aldr-m.livejournal.com/31661.html> (дата обращения: 17.01.2021 г.); К вопросу о достоверности справок Аборенкова и докладов Кривошапова ч. 2/3. (Электронный ресурс). URL: <https://aldr-m.livejournal.com/31984.html> (дата обращения: 17.01.2021 г.)

К вопросу о достоверности Справок Аборенкова и Докладов Кривошапова ч. 3/3. (Электронный ресурс). URL: <https://aldr-m.livejournal.com/32094.html> (дата обращения: 17.01.2021 г.).

¹¹ Навогонский Э. Э. Оршанское эхо «Катюш». (Электронный ресурс). URL: <https://missilery.info/article/orshanskoe-eho-katyush> (дата обращения: 25.01.2021 г.); Навогонский Э. Э. Оршанское эхо «Катюш» — белые пятна батареи Флёрова. Фильм. Продолжительность 33 м. 18 с. (Электронный ресурс). URL: https://www.youtube.com/watch?v=h_VVqd5PRLE (дата обращения: 31.01.2021 г.).

¹² Навогонский Э. Э. ПРИКОСНОВЕНИЕ К ТАЙНЕ БАТАРЕИ ФЛЕРОВА. (Электронный ресурс). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wwAg1njpOOI> (дата обращения: 02.04.2021 г.).

¹³ Милютин А. Первые залпы батарей реактивной артиллерии (батареи Флёрова, Куна, Денисенко, Небоженко). (Электронный ресурс). URL: <https://aldr-m.livejournal.com/14066.html> (дата обращения: 28.01.2021 г.).

¹⁴ Электронный облик ксерокопии удостоверения личности Ивана Андреевича Флёрова. Предоставлен Э. Э. Навогонскому (Республика Беларусь, г. Орша) из Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого (Россия, г. Балашиха).

¹⁵ Матвеев Д. М. Помнит сердце суровую осень... Чувашское книжное издательство, Чебоксары. 1989 г. Вклейка.

¹⁶ Углов В. И. Академия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 25. (Электронный ресурс). URL: http://varvsn.mil.ru/upload/site12/document_file/bXbr67qbFI.pdf (дата обращения: 28.01.2021 г.)

¹⁷ ЗАКАЛЁННЫЕ ГРОМОМ, ОПАЛЁННЫЕ ПОРОХОМ... Ко Дню ракетных войск и артиллерии. (Электронный ресурс). URL: <http://74rvia.mil.ru> (дата обращения: 13.04.2021 г.)

¹⁸ Самсонов Ф. А., Ниловский С. Ф., Любимцев П. Г., Григорьев М. Г., Дорохов С. Д., Науменко М. И., Якушев М. А., Фридман Н. А. Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. На правах рукописи. М., 1955. С. 17, 18. (Из домашней библиотеки Гурова С. В.).

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Углов В. И. Академия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 2, 25, 26. (Электронный ресурс). URL: http://varvsn.mil.ru/upload/site12/document_file/bXbr67qbFI.pdf (дата обращения: 28.01.2021 г.)

²¹ Каралёв Г. ВЫЙШЛА НА БЕРАГ «КАЦИОША» // Віцебскі рабочы. 1966. № 198 (12671). — 4 кастрычніка (аўторак). С. 1. Перевод Э. Э. Навогонский.

²² Навогонский Э. Э. Оршанское эхо «Катюш». (Электронный ресурс). URL: <https://missilery.info/article/orshanskoe-eho-katyush> (дата обращения: 31.01.2021 г.).

²³ Самсонов Ф. А., Ниловский С. Ф., Любимцев П. Г., Григорьев М. Г., Дорохов С. Д., Науменко М. И., Якушев М. А., Фридман Н. А. Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. На правах рукописи. М., 1955. С. 18, 19. (Из домашней библиотеки Гурова С. В.).

²⁴ СПРАВКА № 2 по автоустановкам к реактивным снарядам. Копия // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 13; Афанасьев Н. Первые залпы легендарных «Катюш». Подвигу четверть века // Правда. 14 июля 1966 г. № 195 (17512). С. 4; Оружие победы / Под общ. ред. В. Н. Новикова. М.: Машиностроение, 1985. С. 106.

²⁵ Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. О работе в годы войны СКБ при московском заводе «Компрессор» // А. Н. Васильев, В. П. Михайлов. М.: Наука, 1991. С. 16; Самсонов Ф. А., Ниловский С. Ф., Любимцев П. Г., Григорьев М. Г., Дорохов С. Д., Науменко М. И., Якушев М. А., Фридман Н. А. Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. На правах рукописи. М., 1955. С. 19. (Из домашней библиотеки Гурова С. В.).

²⁶ По вопросу применения реактивных установок. 19.07.41 г. Документ ГАУ КА // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 180.

²⁷ Самсонов Ф. А., Ниловский С. Ф., Любимцев П. Г., Григорьев М. Г., Дорохов С. Д., Науменко М. И., Якушев М. А., Фридман Н. А. Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. На правах рукописи. М., 1955. С. 19. (Из домашней библиотеки Гурова С. В.).

²⁸ По вопросу применения реактивных установок. 19.07.41 г. Документ ГАУ КА // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 180.

²⁹ РАПОРТ от августа 1941 года. НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА тов. Л. ЦАНАВА // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Т. 1. Л. 4.

³⁰ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 1941 года сентября 3 дня. Совхоз «Николаевский». ФЛЕРОВА Ивана Андреевича. Недооформленный документ // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 36.

³¹ РАПОРТ от 20 августа 1941 г. НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА тов. Л. ЦАНАВА // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 6.

³² Письмо ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ ОО НКВД СССР, Комиссару Госбезопасности 3-го ранга, товарищу МИЛЬШТЕЙН. 28 августа №? 1778 от НАЧАЛЬНИКА ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАПФРОНТА КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА, тов. Л. ЦАНАВА // Там же. Л. 21, 22.

³³ СПРАВКА № 2 по автоустановкам к реактивным снарядам. Копия // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 13.

³⁴ ЗАКАЛЁННЫЕ ГРОМОМ, ОПАЛЁННЫЕ ПОРОХОМ..ЗАКАЛЁННЫЕ ГРОМОМ, ОПАЛЁННЫЕ ПОРОХОМ... Ко Дню ракетных войск и артиллерии. (Электронный ресурс). URL: <http://74rvia.mil.ru> URL: <http://74rvia.mil.ru> (дата обращения: 27.01.2021 г.).

³⁵ «В ночь с 21 на 22 июля на Западный фронт отправилась вторая батарея. <...> По приказу командующего 19-й армией 25 июля в 9 ч 20 мин батарея произвела залп по скоплению фашистской пехоты. Почти одновременно в 16-ю армию прибыла третья батарея, которая произвела залп по живой силе и огневым средствам гитлеровских войск, сосредоточенных в четырех километрах западнее Ярцева». Оружие Победы / И. В. Бах, И. И. Вернидуб, Д. И. Демкина и др.: Редкол.: В. Н. Новиков (пред.) и др.; Под общ. ред. В. Н. Новикова. М.: Машиностроение, 1987. С. 166.

³⁶ Афанасьев Н. Первые залпы легендарных «Катюш». Подвигу четверть века // Правда. 14 июля 1966 г. № 195 (17512). С. 4.

³⁷ Коннов И. Н. Батарея капитана Флёрва // «Военные знания». 1962. № 3. С. 8.

³⁸ Там же.

³⁹ Ярослав Голованов. Заметки вашего современника. Том 3. 1983–2000 (сокр. вариант) краткое содержание. (Электронный ресурс). URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-tech/227334-yaroslav-golovanov-zametki-vashego-sovremennika-tom-3-1983-2000-sokr-variant.html> (дата обращения: 28.01.2021 г.)

⁴⁰ Оружие победы / Под общ. ред. В. Н. Новикова. М.: Машиностроение, 1985. С. 107.

⁴¹ Письмо начальнику особого отдела Западного фронта. 14.08.41 г., 23.08.41 // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 16; Письмо ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ ОО НКВД СССР, Комиссару Госбезопасности 3 ранга товарищу МИЛЬШТЕЙН. 28 августа №? 1778 от НАЧАЛЬНИКА ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАПФРОНТА КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА (Л. ЦАНАВА) // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 21.

⁴² Там же.

⁴³ Письмо Цанавы начальнику ОО НКВД... от 23 августа 1941 г. Рукопись // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 13; Письмо начальнику особого отдела Западного фронта. 14.08.41 г., 23.08.41 // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 16, 17.

⁴⁴ Письмо начальнику особого отдела Западного фронта. 14.08.41 г., 23.08.41 // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 16; Письмо ЗАМ.

НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ ОО НКВД СССР, Комиссару Госбезопасности 3-го ранга товарищу МИЛЬШТЕЙН. 28 августа №? 1778 от НАЧАЛЬНИК ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА (Л. ЦАНАВА) // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 21.

⁴⁵ Письмо НАЧАЛЬНИКУ ОО НКВД ЗАПАДНОГО ФРОНТА, Комиссару Госбезопасности 3 ранга от т. ЦАНАВА // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 15.

⁴⁶ По вопросу применения реактивных установок. 19.07.41 г. Документ ГАУ КА // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 180, 181; СПРАВКА №-2 по автоустановкам к реактивным снарядам. Копия // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 13. Милютин А. Первые залпы батарей реактивной артиллерии (батареи Флёрова, Куна, Денисенко, Небоженко). [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.10.2015 г. // URL: <https://aldr-m.livejournal.com/14066.html> (дата обращения: 28.01.2021 г.)

Сборник боевых документов/37/032. Доклад Военного совета Западного направления Ставке Верховного Командования об обстановке на Западном фронте (24 июля 1941 г.). [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Сборник_боевых_документов/37/032 (дата обращения: 30.01.2021 г.).

ЗАКАЛЁННЫЕ ГРОМОМ, ОПАЛЁННЫЕ ПОРОХОМ... Ко Дню ракетных войск и артиллерии. (Электронный ресурс). URL: <http://74rvia.mil.ru> (дата обращения: 27.01.2021 г.).

⁴⁷ По вопросу применения реактивных установок. 19.07.41г. Документ ГАУ КА // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 180, 181.

⁴⁸ Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ. Книга 1. Создание ракетного вооружения тактического назначения 1941—1956 гг., под редакцией В. П. Бармина. М.: Конструкторское бюро общего машиностроения. С. 91, 92.

⁴⁹ Афанасьев Н. Первые залпы легендарных «Катюш». Подвигу четверть века // Правда. 14.07.1966 г. № 195 (17512). С. 4.

⁵⁰ ЗАКАЛЁННЫЕ ГРОМОМ, ОПАЛЁННЫЕ ПОРОХОМ... Ко Дню ракетных войск и артиллерии. (Электронный ресурс). URL: <http://74rvia.mil.ru> (дата обращения: 27.01.2021 г.).

⁵¹ Самсонов Ф. А., Ниловский С. Ф., Любимцев П. Г., Григорьев М. Г., Дорохов С. Д., Науменко М. И., Якушев М. А., Фридман Н. А. Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. На правах рукописи. М., 1955. С. 17, 18. (Из домашней библиотеки Гурова С. В.).

⁵² По вопросу применения реактивных установок. 19.07.41 г. Документ ГАУ КА // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 181, 182, 184.

⁵³ Донесение о численном и боевом составе 20 армии по состоянию на 20 июля 1941 года // ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2. Л. 139, 140.

⁵⁴ Сборник боевых документов/37/032. (Электронный ресурс) // URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Сборник_боевых_документов/37/032 (дата обращения: 30.01.2021 г.).

⁵⁵ РАПОРТ от 20 августа 1941 г. НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА, тов. Л. ЦАНАВА // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 6.

⁵⁶ РАПОРТ от 20 августа 1941 г. НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА, тов.

Л. ЦАНАВА // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 6; Оружие Победы / И. В. Бах, И. И. Вернидуб, Д. И. Демкина и др.: Редкол.: В. Н. Новиков (пред.) и др.; Под общ. ред. В. Н. Новикова. М.: Машиностроение, 1987. С. 166.

⁵⁷ РАПОРТ от 20 августа 1941 г. НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА, тов. Л. ЦАНАВА // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 6.
⁵⁸ Там же. Л. 4.

⁵⁹ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 1941 года сентября 3 дня. Совхоз «Николаевский». ФЛЁРОВА Ивана Андреевича. Недооформленный документ // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 36, 37.

⁶⁰ РАПОРТ от 20 августа 1941 г. НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА, тов. Л. ЦАНАВА // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 6, 7.

⁶¹ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 1941 года сентября 3 дня. Совхоз «Николаевский». ФЛЁРОВА Ивана Андреевича. Недооформленный документ // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 36.

⁶² РАПОРТ от 20 августа 1941 г. НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА, тов. Л. ЦАНАВА // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 8, 9.

⁶³ Докладываю ход формирования частей и наличие боеприпасов М-13 и М-8 на 21.08.41 г. Документ из Отдела Спец. Артвооруж. «21» августа 1941 г. № 425030сс от ЗАМ. НАЧ-КА ГАУ КА, ВОЕНИНЖЕНЕРА 1-го РАНГА АБОРЕНКОВА СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б), тов. МАЛЕНКОВУ Г. М. Подлинник // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12084. Д. 13. Л. 18.

⁶⁴ Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 0061 от 29 июля 1941 г. Об организации в ГАУ отдела специального артиллерийского вооружения. Копия (Электронный ресурс). URL: https://rgaspi.kaisa.ru/victory/object/200145092_203233167 (дата обращения: 28.01.2021 г.)

⁶⁵ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 1941 года сентября 3 дня. Совхоз «Николаевский». ФЛЁРОВА Ивана Андреевича. Недооформленный документ // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 36; Гуров С. В. Энциклопедический иллюстрированный словарь по реактивным системам залпового огня / Сокращения / к-р // <https://missilery.info/rszo/k-г> (дата обращения: 31.01.2021 г.)

⁶⁶ Письмо № 42509ас спец. артвооруж. 28 августа 41 г. По вопросу: замены материальной части. а.е. 27.08.41. Копия // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 26. Л. 12.

⁶⁷ Письмо ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ ОО НКВД СССР, Комиссару Госбезопасности 3-го ранга, товарищу МИЛЬШТЕЙН. 28 августа №? 1778 от НАЧАЛЬНИКА ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАП. ФРОНТА, КОМИССАРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА (Л. ЦАНАВА) // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 21, 22.

⁶⁸ Докладываю ход формирования частей и наличие боеприпасов М-13 и М-8 на 30.08.41 г. Документ из отдела спец. артвооруж. «30» августа 1941 г. № 425112сс в адрес секретаря Центрального Комитета ВКП(б) товарища Маленкова Г. М. за подписями заместителя начальника Главного Артиллерийского управления Красной армии, военинженера 1-го ранга Аборенкова и военного комиссара

ОСВАВ ГАУ КА полкового комиссара Лапаева. Копия // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12084. Д. 13. Л. 33–34.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Донесение командного состава. Войсковая часть № 4207 /42 ОАД/. 1 сентября 1941 г. в адрес зам. нач. ГАУК^а отдел спец. арт. вооружения. Подлинник // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 13. Л. 114.

⁷¹ Письмо № 42509ас спец. артвооруж. 28 августа 41 г. По вопросу: замены материальной части. а.е. 27.08.41. Копия // ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 26. Л. 12.

⁷² ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 1941 года сентября 3 дня. Совхоз «Николаевский». ФЛЁРОВА Ивана Андреевича. Недооформленный документ // Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 36, 37.

⁷³ Коннов И. Н. Батарея капитана Флёрова // «Военные знания». 1962. № 3. С. 9.

⁷⁴ Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. О работе в годы войны СКБ при московском заводе «Компрессор» // А. Н. Васильев, В. П. Михайлов. М.: Наука, 1991. С. 18.

⁷⁵ Коннов И. Н. Батарея капитана Флёрова // «Военные знания». 1962. № 3. С. 9.

⁷⁶ Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. О работе в годы войны СКБ при московском заводе «Компрессор» // А. Н. Васильев, В. П. Михайлов. М.: Наука, 1991. С. 18.

⁷⁷ Оружие победы / Под общ. ред. В. Н. Новикова. М.: Машиностроение, 1985. С. 107.

⁷⁸ Гаўрылаў І. СЛАВА ПЕРШЫМ РАКЕТЧЫКАМ! А П О Ш Н І З А Л П // Леніскі прызыў. 1966. № 138. 2 октября. С. 2.

⁷⁹ Архив кино-фото-фонодокументов г. Дзержинск, Республика Беларусь. Фильм «Первый залп» производства «Беларусьфильм», 1966 г. Режиссёр В. Грушо.

⁸⁰ ЗАКАЛЁННЫЕ ГРОМОМ, ОПАЛЁННЫЕ ПОРОХОМ... Ко Дню ракетных войск и артиллерии. (Электронный ресурс). URL: <http://74rvia.mil.ru> (дата обращения: 27.01.2021 г.).

⁸¹ Каралёў Г. Выйшла на бераг «кацюша»... // Віцебскі рабочы. 1966. № 198 (12671). 4 кастрычніка (аўторак). С. 1.

⁸² Навогонский Э. Э. Оршанское эхо «Катюш». (Электронный ресурс). URL: <https://missilery.info/article/orshanskoe-eho-katyush> (дата обращения: 30.01.2021 г.); Оружие победы / Под общ. ред. В. Н. Новикова. М.: Машиностроение, 1985. С. 107.

⁸³ По данным Э. Э. Навогонского (г. Орша, Республика Беларусь).

⁸⁴ Первый памятник на месте залпа батареи под командованием И. А. Флёрова. Район Пищалово—Гадовичи—Хлусово (ныне Республика Беларусь). На лицевой стороне памятника была нанесена надпись: «ЗДЕСЬ 14 ИЮЛЯ 1941 ГОДА БАТАРЕЯ РЕАКТИВНЫХ МИНОМЕТОВ “КАТЮША” ПОД КОМАНДОВАНИЕМ КАПИТАНА ФЛЕРОВА И. А. ПРОИЗВЕЛА ПЕРВЫЙ ЗАЛП ПО НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМ ЗАХВАТЧИКАМ». Фотографии из личного фотоархива Э. Э. Навогонского (г. Орша, Республика Беларусь). Указание района расположения памятника: Э. Э. Навогонский (г. Орша, Республика Беларусь). Автор фотоколлажа С. В. Гуров (г. Тула); Плешевеня В. Салют первым командирам «Катюш» // Известия. 1966. № 234 (15322). 4 октября. С. 1.

⁸⁵ Легендарный гвардейский реактивный миномет «Катюша» отмечает двойной юбилей. (Электронный ресурс). URL: <https://www.sb.by/articles/nasha-katyusha.html> (дата обращения: 10.04.2021 г.).

⁸⁶ Плешевеня В. Салют первым командирам «Катюш» // Известия. 1966. № 234 (15322). 4 октября. С. 1; Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ. Книга 1. Создание ракетного вооружения тактического назначения 1941—1956 гг., под редакцией В. П. Бармина. М.: Конструкторское бюро общего машиностроения. С. 92.

Второй памятник в районе залпа батареи под командованием И. А. Флёрова. Район Пищалово—Гадовичи—Хлусово (ныне Республика Беларусь). Автор фотографии Никита Игоревич Медведев (Республика Беларусь).

⁸⁷ ЗАКАЛЁННЫЕ ГРОМОМ, ОПАЛЁННЫЕ ПОРОХОМ... Ко Дню ракетных войск и артиллерии. (Электронный ресурс). URL: <http://74rvia.mil.ru> (дата обращения: 27.01.2021 г.).

М. Ю. Данков (Петрозаводск)

**ФРАГМЕНТЫ АМЕРИКАНСКОГО
ИСТРЕБИТЕЛЯ KITTYHAWK P-40 E
ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ**

ПРЕДЛАГАЕМАЯ СТАТЬЯ посвящена обстоятельствам, при которых в собрание Карельского государственного краеведческого музея¹, поступили фрагменты американского истребителя-бомбардировщика Kittyhawk P-40 E, потерпевшего авиакатастрофу на севере Карелии в годы Великой Отечественной войны. Объемные экспонаты были обнаружены и доставлены в Петрозаводск в июне 1985 г. участниками поисковой историко-ландшафтной экспедиции музея «По местам боев на Карельском фронте»².

Поиск места катастрофы самолета, и подъем его фрагментов являлся составной частью плановой экспедиции музея, организованной с целью комплектования фондов по военной тематике и выявлению новой информации о боевых действиях на севере Республики Карелия в 1941—1944 гг.

Пополнение коллекций краеведческого музея в 1970—1980-х гг. осуществлялось с учетом «Перспективного плана комплектования фондов КГКМ», который включал персональную работу со сдатчиком, но, главное, подразумевал проведение комплексных и тематических экспедиций, в том числе по сбору сохранившихся артефактов на местах боев в историческом ландшафте КАССР. В экспедиционную группу под руководством М. П. Лисютиной, зав. отд. Истории Советской Карелии КГКМ, входили автор статьи, с. н. с. музея М. Ю. Данков, водитель Ф. В. Виноградов и петрозаводский литератор, скульптор и искусствовед Г. Б. Салтуп.

Ил. 1. Участники поисковой экспедиции: водитель Ф. В. Виноградов, зав. отдела ИСК КГКМ М. П. Лисютина, с. н. с. музея М. Ю. Данков, м. лейтенант Муезерского РОВД С. А. Лобановский с фрагментами самолета Kittyhawk P-40 E. 6 ветка Северо-Западной магистрали Ругозерского ЛПХ. 1985 г. Фото Г. Б. Салтупа

В ходе экспедиции автор статьи осуществлял сквозную фиксацию всех этапов поисковых действий (ил. 1) на пленочный фотоаппарат «Зоркий».

Маршрут экспедиционной группы пролегал по трассе: Петрозаводск — Медвежьегорск — Масельская — Каменный Бор — Идель — дорожный тракт Кочкома — Реболы — Муезерский — Порососеро — Медвежьегорск — Петрозаводск, с ответвлениями в узловых точках, и составил более 1000 км. Под Медвежьегорском был обследован финский укрепительный район, севернее оз. Кривозера, изучены высоты погибших красноармейцев «имени Костенко» и «имени Тюрпека»³, а также зона ж/д ст. Масельская, место гибели рядового А. И. Фонягина⁴.

Однако, основной целью поисковой группы, безусловно, являлись поисковые ландшафтные работы в районе 6 ветки Северо-Западной магистрали Ругозерского ЛПХ, на месте

Ил. 2. Транспортировка фрагментов самолета Kittyhawk P-40 E из каньона к музейному автобусу: С. А. Лобановский, М. П. Лисютина, Г. Б. Салтуп. 6 ветка Северо-Западной магистрали Ругозерского ЛПХ. 1985 г. Фото М. Ю. Данкова

падения машины и подъема фрагментов корпуса военного самолета. Для этого, по просьбе сотрудников КГКМ, к музейной группе присоединился младший лейтенант Муезерского РОВД С. А. Лобановский, который хорошо ориентировался на местности и обещал выполнять обязанности проводника (ил. 2). Задача заключалась в рекогносцировочном обследовании зоны крушения самолета периода ВОВ, определении локации падения, и максимально полном сборе авиационных предметов, сохранившихся на месте катастрофы.

О сбитом самолете, который находится под п. Муезерский, музейные специалисты до экспедиции узнали еще в Петрозаводске, от сотрудников Муезерский милиции и от В. И. Дворецкого, руководителя карельской группы «Поиск»⁵. Именно он — инициатор авиапоиска в Карелии, годом ранее посетил место трагедии, и был убежден, что в округе п. Муезерский лежит американский истребитель Bell P-39 Airacobra⁶ с двигателем, «расколотым пополам».

Ил. 3. Истребитель-бомбардировщик Kittyhawk P-40 E на Севере. 1942 г.

В действительности, военный самолет обнаружили местные жители и рабочие ЛПХ еще в начале 1980 гг., однако лишь при реконструкции исторической канвы событий и изучении сохранившихся артефактов в Петрозаводске, удалось наверняка определить марку и тип самолета. Сейчас можно уверенно утверждать, что в собрании Национального музея находятся обломки американского истребителя-бомбардировщика Kittyhawk P-40 E⁷ (ил. 3, 4).

Район крушения самолета, корпус которого «разорвало» при столкновении с землей, оказался в труднодоступном месте, внизу 300-метрового глубокого каньона, недалеко от ручья, даже в июне покрытого коркой льда. Спускаясь к месту авиационной катастрофы по подрезанным верхушкам елей, на крутом склоне можно было определить «корытообразный» след падения машины. Разбросанные фрагменты самолета, находились по меридиональной линии падения, в радиусе от 500 до 3000 метров. Оказавшись в зоне, где находились основные крупноформатные обломки истребителя, стало очевидно, что ранее здесь неоднократно бывали люди. Позже, сотрудники Муезерского РОВД и КГБ, сообщили, что у жителей поселка в 1980-х гг. в одно и то же время появились добротные изготовленные рыбацкие

Ил. 4. Истребитель Kittyhawk P-40 E на боевом задании. 1943 г.

шарабаны из тонкого листового алюминия с пластинами на английском языке. Как выяснилось, охотники случайно натолкнувшиеся на место катастрофы, с успехом, но и с угрозой наказания решились использовать уцелевшие фрагменты корпуса самолета Kittyhawk.

На месте крушения, среди искореженных фрагментов машины участники экспедиции сразу же обнаружили «расколотый» авиационный мотор американской фирмы Allison. Кто-то из искателей (до нас) пытался кантовать его слегами, которые лежали недалеко. Однако прочитать цифровую маркировку двигателя, нам не удалось из-за его неудобного наклона (ил. 5, 6).

В ходе работы были демонтированы некоторые части лонжеронов и консолей крыла истребителя, участники работ смогли отделить фрагмент вертикального стабилизатора хвостового оперения⁸, на котором была выявлена маркировка Nolift на темно-оливковом фоне. Также удалось демонтировать часть горизонтального стабилизатора хвостового оперения⁹ с клапаном, на котором четко просматривался вдавленный заводской штамп «34В3418».

На месте катастрофы участники экспедиции обнаружили пулемет Colt-Browning M-2¹⁰ с согнутым стволом и разбросанные мелкие детали бортового оборудования с заводскими пластинами. Здесь же были подняты металлические пряжки и карабины,

Ил. 5. Участники поисковой экспедиции Ф. В. Виноградов, М. П. Лисютина, Г. Б. Салтуп, С. А. Лобановский с фрагментами самолета Kittyhawk P-40 Е. 6 ветка Северо-Западной магистрали Рыгозерского ЛПХ. 1985 г. Фото М. Ю. Данкова

обрывки кожаных ремней и иная парашютная фурнитура летчика. Находки свидетельствовали о том, что пилот не смог катапультироваться и погиб в момент падения самолета. Останки пилота, увиденные до нас В. И. Дворецким, которые «уже поросли мхом»¹¹, нам обнаружить не удалось. Казалось, за несколько десятилетий они могли быть растащены зверьми. Позднее выяснилось, что поисковый отряд В. И. Дворецкого, смог не только обнаружить останки неизвестного летчика, но и торжественно их захоронить «на перекрестке дороги Кочкома — Реболы — Муезерский»¹². Тогда же поисковики установили на месте погребения «свой» мемориальный знак «Остановись и поклонись». Тем не менее, в зоне крушения истребителя у п. Муезерский, удалось обнаружить кожаную перчатку пилота, внутри которой сохранились кости запястья и фаланги пальцев, которую решили захоронить на месте.

Авиационная катастрофа периода Великой Отечественной войны, за линией Карельского фронта, по-прежнему таит много

Ил. 6. Погрузка фрагментов самолета Kittyhawk P-40 E: М. Ю. Данков, Ф. В. Виноградов, М. П. Лисютина, С. А. Лобановский. 6 ветка Северо-Западной магистрали Ругозерского ЛПХ. 1985 г. Фото Г. Б. Салтупа

загадок. Действительно, вопросов, связанных с крушением американского самолета, находящегося в составе ВВС Карельского фронта, больше, чем ответов. В ходе исследовательской работы не удалось установить имя погибшего советского летчика¹³, выполнявшего боевое задание на истребителе Kittyhawk, выяснить бортовой номер боевой машины и время вылета самолета. До сих пор не ясна первопричина падения истребителя-бомбардировщика на территории КФ ССР, где не велись активные военные действия. Был ли это воздушный бой или поражение с земли, или произошли технические неполадки американского самолета в воздухе?

По-прежнему неизвестен маршрутный лист и полетное задание пилота, находился ли Kittyhawk в составе звена, или выполнял точечный полет, почему военный летчик отказался от катапультирования. И, главное, на каком аэродроме Карельского фронта мог базироваться авиационный полк, в который входил американский истребитель? К сожалению, информация о точных местах дислокации американских самолетов на территории КФ ССР, постулавших по линии ленд-лиза (lend — арендовать с англ.,

lease — давать займы с англ. — *М. Д.*), до сих пор имеет ограничения¹⁴.

Как бы там ни было, формирование ВВС Карельского фронта началось 1 сентября 1941 г. на основании директивы СВГК № 001199 от 23 августа 1941 г.¹⁵ В состав фронта вошли 14-я и 7-я армии, а также 2-й и 3-й районы авиационного базирования¹⁶. Уже осенью 1941 г. советские пилоты стали осваивать американские самолеты. В составе 7-й отдельной воздушной армии эти машины начали совершать полеты вдоль Кировской ж/д., по направлению к Петрозаводску, Кандалакше, Мурманску и Лодейному Полю. Считается, что с начала войны по ноябрь 1944 г. пилоты Карельского фронта, в том числе на американских машинах, произвели 77 651 вылетов, из них — 69 281 днем и 8370 ночью¹⁷.

Самолеты союзников появились на Русском Севере благодаря концепции ленд-лиза, которую сформулировал президент США Ф. Д. Рузвельт до начала ВОВ¹⁸. Закон получил название: Акт Конгресса США от 11 марта 1941 г.¹⁹

С ноября 1941 г. самолеты Kittyhawk стали прибывать в демонтированном виде в трюмах транспортов морских конвоев PQ²⁰ в Мурманск, Архангельск и Молотовск (Северодвинск) из Рейкьявика и залива Лох Ю (Loch Ewe) в Шотландии²¹. Считается, что за все время войны, РККА получила 2243 самолета Kittyhawk. Первая партия американских истребителей в составе 20 машин оказалась на севере страны в сентябре 1941 г., правда не по линии ленд-лиза, действие которого началось в ноябре, а по прямому бартеру, в обмен на платину, золото, марганец, хром и асбест²².

Лидеры США и Англии²³ обещали Советскому Союзу ежемесячно отправлять по 400 самолетов различных марок²⁴, но не смогли выполнить обещания в полном объеме. К декабрю 1941 г. англичане недопоставили 150 самолетов, а американцы прислали лишь 267²⁵ бомбардировщиков из 900 обещанных.

Помимо истребителя Kittyhawk ВВС Карельского фронта стали получать американские и английские истребители типа Tomahawk, Hawker Hurricane, а чуть позже — Bell P-39 Airacobra и ночной бомбардировщик Douglas A-20²⁶. Однако американский всепогодный истребитель-бомбардировщик Kittyhawk в летных частях фронта оказался, пожалуй, самым популярным среди иностранных самолетов. По воспоминаниям фронтовиков, самолет,

собираемый «из деталей, что поступали в контейнерах по ленд-лизу», никогда «не горел»²⁷.

Между тем, до сих пор ощущается дефицит сведений о Kittyhawk, информация отрывочна, запутана и сегодня не во всем понятна. Начать с того, что самолет в США, Великобритании и СССР назывался по-разному, иногда P-40, порой на английский манер Tomahawk. В отечественной документации за самолетом твердо укрепилось название «Киттихаук», а в быту наши летчики машину звали просто «Хоук» или «Уорхаук». Разночтения связаны с произношением различных модификаций одного и того же самолета, который разработала американская фирма Curtiss Aeroplane and Motor Company, в русском варианте — «Кертисс»²⁸.

Прием и сборка иностранных самолетов производилась специалистами инженерно-технических групп и нередко вызывала вопросы, потому что инструкции и технические пресс-релизы прилагались на английском языке. Советским техникам и инженерам пришлось собирать малоизвестные импортные самолеты, полагаясь на опыт и интуицию. Ситуация осложнялась тем, что работа проводилась не в ангарах, а чаще под открытым небом, в трудных климатических условиях со значительной влажностью воздуха и колебаниями температуры. Однако экстремальные условия комплектования «Киттихауков», и необычная технология сборки самолета не повлияли на сроки выполнения заказов командования.

Сначала соединялся каркас фюзеляжа машины — по горизонтальной линии, из верхней и нижней половины, затем собирались крылья истребителя, которые имели по 5 лонжеронов и состояли из двух консолей, соединенных по оси самолета болтами через уголкового профили. Лишь после этого крыло окончательно крепилось к фюзеляжу машины. Если такая сборка была оправдана на заводе, то в полевых условиях, на северных аэродромах оказалась немыслимой. Чтобы заменить поврежденное крыло, обслуживающий персонал отсоединял от фюзеляжа все крыло и, лишь затем, занимался необходимой консолью.

Конечно, в батальонах аэродромного обслуживания Карельского фронта, при сборке и ремонте американских истребителей ощущалась слабость ремонтной сети, нехватка авиаспециалистов и дефицит запасных частей и инструментов. Поэтому часто сроки отправки машин в действующую армию увеличивались.

Отсутствие инструкций по обслуживанию импортных самолетов, спецоборудования и моторов, заставляло инженерный состав самостоятельно составлять технические методички-пособия²⁹. При этом, когда самолеты возвращались с боевых заданий со значительными повреждениями, инженерно-технический состав на аэродромах пытался как можно скорее их ликвидировать, чтобы вернуть «битые» машины в строй. В свою очередь, многие механики жаловались, что зимой при низкой температуре в гидравлической системе у Kittyhawk замерзала жидкость и выходил из строя масляный радиатор. Это приводило к рассыпанию подшипников и заклиниванию винта в полете. Кто знает, может быть именно эти, или иные неполадки привели к авиакатастрофе катастрофе у п. Муезерский?

Уже в феврале 1941 г. американские конструкторы, в том числе по просьбе советской стороны, улучшили редизайн истребителя, переместили одноместную кабину к фюзеляжу, увеличили бронезащиту до 18 мм, тем самым усилили «живучесть» машины, которая штатно достигла 9,68 м в длину, имея размах крыла в пределах 11,38 м.

В крыле самолета, за пределами диска винта, у Kittyhawk P-40 E появилось шесть 12,7 мм пулеметов Colt-Browning M-2 с боекомплектom (281 патрон — в каждом). Под фюзеляжем самолет нес бомбу весом 227 кг, а на нижней плоскости крыла на кронштейнах еще две — по 45 кг. Новаии позволили использовать Kittyhawk в качестве легких дневных бомбардировщиков, способных пикировать под углом в 70 градусов и выходить для штурмового удара на «бомбовую дорожку».

Считается, что усовершенствованный мотор фирмы Allison, мощностью 1150 л. с., крайне чувствительно реагировал на разные температурные режимы. Тем не менее, мощный двигатель позволял машине взлетать с грунтовых аэродромов и в форсированном режиме достигать за 5 минут высоты 3500 м. Практический потолок истребителя равнялся 8939 м., максимальный взлетный вес составлял 3814 кг, дальность полета — 1368 км, скорость самолета достигала 582 км в час. Эти и другие характеристики Kittyhawk P-40 E позволяли самолету в крейсерском режиме до бомбометания барражировать над неприятельским объектом. Отметим, что в 1942 г. на машинах «Киттихаук», прибывших на север СССР, отсутствовали цифровые обозначения, зато на поздних модификациях, на хвостовом оперении, появился

американский серийный номер, который у нас, однако, закрашивался³⁰.

При этом заводской камуфляж оливкового и серебристо-серого цвета оставался без изменений, что подтверждают фрагменты самолета из фондов Национального музея, хотя краска часто выгорала на солнце, и темнела, что приводило к демаскировке машины. Реже, в небольшом количестве, на фронт поступал Kittyhawk с окраской, имеющей пустынный камуфляж.

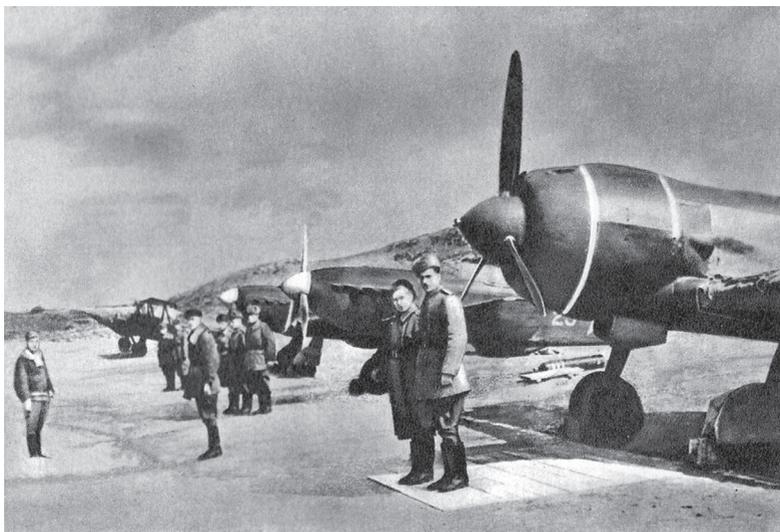
В этом смысле осваивать самолеты союзников оказалось гораздо сложнее, чем советские. Машины требовалось не только собрать, отрегулировать, но и научиться на них летать и вести бой. Тем не менее, часто отсутствовало даже руководство по технике пилотирования. На севере страны обучение полетам проводилось на базе 27-го запасного авиаполка (ЗАП), который базировался на полевом аэродроме «Кадников», в 140 км от Вологды по Северной ж/д. Центр был сформирован осенью 1941 г. специально для обучения советских летчиков пилотировать импортными самолетами, и сразу же превратился в авиационную базу, через которую машины союзников, поступали в авиаполки ВВС РККА.

Для обучения летного состава некоторые ленд-лизовские машины переоборудовались в 2-х местные «спарки», для управления с инструктором. Между тем, окончательный опыт пилотирования прибывшей техникой, летчики начали приобретать в авиаполках. Известно, что в 145-м ИАП иностранные боевые машины были освоены советскими пилотами без единой аварии и поломки. Своим мастерством в обучении управлять истребителем Kittyhawk в этом авиационном полку выделялся командир второй эскадрильи, майор А. Е. Новожилов³¹. Он первым облетал самолет этой марки и начал обучать молодых летчиков особенностям пилотирования в опасных положениях.

К сожалению, в силу разных причин, даже современные военные историки с трудом могут указать места базирования истребителей Kittyhawk и перечислить подразделения ВВС Карельского фронта, в которых находились американские самолеты. С уверенностью можно говорить, что одними из первых в Карелии начали осваивать иностранные самолеты, эскадрильи 145-го и 195-го ИАП³², а также 19-го³³ и 20-го гвардейских истребительных авиационных полков 258-й смешанной авиадивизии³⁴ (ил. 7, 8).

Ил. 7. Летчики командиры 145-го истребительного авиационного полка. С. А. Тряпичкин, А. П. Зайцев, Н. И. Шмельков, Л. А. Гальченко, Ф. И. Рекин. Карельский фронт. 1942 г.

Ил. 8. Техники 20-го гвардейского истребительного авиационного полка на построении. Карельский фронт. 1943 г.

Ил. 9. Летчики 195-го истребительного авиаполка: И. И. Дроздов, С. П. Аистов, И. М. Толмачев, Т. Р. Крупин, Н. А. Кузнецов, Н. Н. Клименко. Карельский фронт. 1943 г.

С весны 1942 г. истребители-бомбардировщики Kittyhawk P-40 E стали регулярно взлетать с известных северных аэродромов: «Африканда», «Шонгуй» и «Мурмаши». Используя свою живучесть, вооружение, дальность полета и радиоприборное оборудование, американские машины надежно прикрыли гражданские и военные объекты Кировской ж/д. Еще до нападения Финляндии, аэродромная сеть на Севере имела недостаточное развитие, поэтому, к сожалению, оказалась не готова к исключительным событиям³⁵.

Тем не менее, вернемся на 195 ИАП Карельского фронта, который с весны 1942 г. стал активно перевооружаться американскими истребителями-бомбардировщиками Kittyhawk P-40 E. История полка, созданного 7 июля 1941 г. в составе 7 истребительного авиакорпуса ПВО, первоначально была связана с Северным фронтом, затем с Ленинградским. Летчики защищали Ленинград и южные коммуникации Ладожского озера. Однако, после захвата финской армией «Карелия»³⁶ столицы КФ ССР, 21 апреля 1942 г. советское командование приняло решение ввести авиаполк в состав ВВС 32-й армии Карельского фронта³⁷ (ил. 9).

С этого времени встал вопрос о новом месте базирования авиаполка. К лету 1942 г. его службы начали разворачиваться на

строющемся полевом аэродроме «Летняя», превратившемся в основную базу самолетов Kittyhawk. Военный аэродром возводился в малонаселенном районе между Беломорском и Сегежей, к востоку от линии фронта у п. Летнереченский (фин. Kesäjoki)³⁸. Существенная помощь в изыскании участка, пригодного для строительства аэродрома, была оказана администрацией спецпоселений и исправительно-трудовых колоний НКВД КФССР³⁹.

В обстановке полной секретности, в лесисто-болотистой местности, в сжатые сроки, бойцы инженерно-аэродромного батальона с приданными аэродромно-техническими ротами достаточно быстро обустроили грунтовые взлетно—посадочные полосы, рулежные дорожки и места стоянок самолетов.

Очевидно, именно с этой площадки, в последний раз взлетел на выполнение боевого задания, тот самый истребитель, разбившийся недалеко от п. Муезерский, фрагменты которого находятся в фондах Национального музея Карелии. Во всяком случае, этот факт косвенно подтвердил петрозаводский авиапоисковик А. И. Дмитринов, который подсказал «однажды девять этих машин («Киттихаук». — М. Д.) вылетели из Сегежи на запад и не вернулись»⁴⁰.

Считается, что советские пилоты на американских машинах с 1942 г. контролировали почти всю территорию Карелии и Кольского полуострова, успешно прикрывали с воздуха Кировскую ж/д, особенно на северном участке Апатиты—Кереть и взаимодействовали с частями 14-й армии.

Известны случаи, когда бомбардировщики неприятеля, державшие курс на Беломорск, военную столицу КФ республики, уходили на запасные цели, потому, что их отгоняли истребители Kittyhawk, поднимавшиеся с аэродрома «Летняя».

15 июля 1942 г. летчики 195-ого ИАП, взлетая с аэродрома «Летняя» на ленд-лизовских машинах, отразили налет 17-ти Ju-88 и одного Do-215, которые в сопровождении 5-ти Bf-109 пытались уничтожить мост у ж/д станции Кемь. Однако особая роль, принадлежала пилотам истребителей Kittyhawk P-40 E, которые 22 мая 1944 г. нанесли штурмовой удар по аэродрому Алакуртти (фин. Alakurtti)⁴¹, а летом 1944 г. прекрасно проявили себя в ходе Свирско-Петрозаводской и Петсамо-Киркенесской операций.

Между тем, судьба коллекции 1985 г., собранной во время поисковой экспедиции музея «По местам боев на Карельском

фронте», включая фрагменты самолета Kittyhawk P-40 E⁴², отдельные предметы парашютного снаряжения летчика, полевой дневник экспедиции и более 75 ед. негативов с ч/б контрольными отпечатками⁴³, к сожалению, оказалась незавидной. Предметы коллекции разрознены, имеют разные формы учета и места хранения⁴⁴, а некоторые — со статусом «неопределенные», до сих пор находятся в безномерном фонде музея.

Хочется надеяться, что в ближайшее время коллекция будет полностью описана и систематизирована, раритетные материалы объединены в единое целое, а часть предметов подготовлены для постоянного музейного экспонирования.

¹ Карельский государственный краеведческий музей (КГКМ), с 2011 г. — Национальный музей Республики Карелия (НМРК). См.: Распоряжение Правительства РК от 21.09.2011 N 549 р-П «О переименовании государственного учреждения “Карельский государственный краеведческий музей”».

² Акт приема № 38 от 1987 г.; Акт приема (с легендой от 25.06.2020) № 22 от 14.08.2020 г.

³ В ожесточенных боях севернее оз. Кривозеро на «Западной» и «Безымянной» высотах 15 сентября 1942 г. пали смертью храбрых ст. политрук М. Т. Костенко и ст. сержант С. Т. Тюрпек. Приказом командования Карельского фронта от 6 ноября 1942 г. высоты переименованы: «имени Костенко» и «имени Тюрпека». См. также: Макуров В. Г. Военная летопись Карелии 1941—1945. Науч. ред. Н. А. Кораблев. Петрозаводск, 1999. 84 С.

⁴ Фоягин А. И. — рядовой, стрелок-разведчик 1217 СП, 367 СД, своим телом 30 июня 1943 г. закрыл амбразуру финского дота, похоронен в Братской могиле в г. Медвежьегорск, ул. Кирова, посмертно награжден Орденом Боевого Красного Знамени.

⁵ Поисковая группа В. И. Дворецкого до 2008 г. на территории Республики Карелии обнаружила места гибели 79 самолетов и установила более 100 памятных знаков «Остановись и поклонись». См. также: Судаков В. П. Поле неуставшей памяти. Документы и материалы. Петрозаводск. 2008. С. 302.

⁶ Судаков В. П. Указ. соч. С. 291.

⁷ Автор благодарит за работу по идентификации истребителя старейших карельских авиационных поисковиков: В. И. Дворецкого и А. И. Дмитренко, а также И. Е. Кашникова, жителя г. Архангельск, служившего авиационным связистом в годы ВОВ.

⁸ КГМ 77958 (старый номер ВХ 1560).

⁹ КГМ 77957 (старый номер ВХ 1412).

¹⁰ ВХ 1401.

¹¹ Судаков В. П. Указ. соч. С. 291.

¹² Там же.

¹³ 5 августа 1942 г. на самолете Kittyhawk погибли летчики 195-го истребительного авиационного полка: командир звена, л-т Афанасьев Константин Иванович

и старшина Трушин Алексей Никитович, которые похоронены на ст. Боярская Кировской ж/д.

¹⁴ Иноземцев И. Г. Крылатые защитники севера. М., 1975. 156 с.; Иноземцев И. Г. В небе Заполярья и Карелии. Военно-исторический очерк боевых действий ВВС Карельского фронта и 7-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1987. 239 с.; Галланд А. Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте 1941—1945. М., 2004. 430 с.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 1. Л. 421, 422. Директива ставки ВГК № 001199 Главнокомандующему Северо-Западным направлением, командующим войсками Карельского и Северного фронтов о разделении Северного фронта на Карельский и Ленинградский фронты. 23 августа 1941 г.

¹⁶ Командующим ВВС Карельского фронта являлся генерал-майор авиации Т. Т. Хрюкин, военным комиссаром, полковой комиссар Л. А. Чикурин, а со 2 ноября 1941 г., бригадный комиссар Г. Г. Гурьянов. Штаб возглавлял полковник И. М. Соколов.

¹⁷ При этом авиация ВВС Финляндии с 1941 по 1944 г. совершила около 40716 самолетовылетов.

¹⁸ Из 46 млрд долларов — общего объема американской помощи в годы II Мировой войны, Соединенное Королевство Великобритании получило 32 млрд (около 70 %); СССР 11 млрд (24 %); Франция 1,4 млрд (3 %); остальные страны — Китай, Югославия, Греция и ряд латиноамериканских стран, 1,8 млрд (3,6 %). См.: Мориссон С. Э. Битва за Атлантику выиграна. Июнь 1942 — май 1945 г. История морских операций ВМС США во Второй мировой войне. М., 1958. С. 277.

¹⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1983. С. 242—246.

²⁰ Конвои на север СССР имели литер «PQ» в обратном направлении — «QP» — по инициалам имени Р. Q. Edwards, офицера оперативного управления Британского адмиралтейства, отвечавшего за проект.

²¹ Смирнов К. Д. Суда конвоев в Россию // Конвои: Исследования, воспоминания, библиография, документы. Архангельск, 1995. С. 7—32.

²² Смирнов К. Д. Указ. соч. С. 10.

²³ Встреча Ф. Рузвельта и У. Черчилля состоялась 31 июля 1941 г. на борту английского линкора «Принц Уэльский» на военно-морской базе Арджентия (о. Ньюфаундленд, Канада).

²⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1976. Т. 1. С. 28—19.

²⁵ Краснов В. Н., Артемьев А. А. О ленд-лизских поставках флоту / Морской сборник. 1992. № 5—6. С. 11—16.

²⁶ Douglas A-20 советские летчики называли «Бостон».

²⁷ Судаков В. П. Указ. соч. С. 355.

²⁸ Базовой моделью для самолета Kittyhawk стал истребитель, выпускавшийся в США с 1936 г. P-36 «Хоук-75». В русскоязычной литературе P-40 принято называть «Томагавк» или «Киттихок», порой «Киттихавк»/«Киттихаук». В годы II Мировой войны Kittyhawk находился на вооружении 26 стран мира.

²⁹ В 1942 г. военный инженер 3 ранга П. А. Курач и воентехник 1 ранга Братусь подготовили описание спецоборудования и правила эксплуатации самолета Hawker Hurricane. См.: Иноземцев И. Г. Крылатые защитники севера... С. 48.

³⁰ Первоначально на самолетах «Киттихаук», отправляемых в СССР, указывался № 323, что соответствовало американскому заказу на P-40 E.

³¹ Иноземцев И. Г. В небе Заполярья и Карелии... С. 47–48.

³² Иноземцев И. Г. Указ. соч. С. 48.

³³ Считается, что самолет Kittyhawk P-40 E был освоен впервые в апреле 1942 г. на Карельском фронте пилотами 2-й эскадрилья 19-го гвардейского ИАП (истребительный авиационный полк).

³⁴ 258-я авиационная истребительная дивизия сформирована 26–28 ноября 1942 г. на базе Управления ВВС 14-й армии. На основании Приказа НКО № 0045 от 19 февраля 1943 г. летчики авиадивизии в составе 4-х полков выполняли задания на Петрозаводско-Медвежьегорском направлении, позже обороняли Заполярье.

³⁵ Иноземцев И. Г. Указ. соч. С. 73.

³⁶ Финская армия «Карелия», под управлением командующего генерал-лейтенанта Э. Хейнрикса, состояла из пяти дивизий VI армейского корпуса генерал-майора П.-Ю. Талвела, VII корпуса генерал-майора Й.-В. Хегглунда, а также дивизионной группы «О» под командованием генерал-майора В. Ойнонена.

³⁷ 195-й авиационный полк до июля 1943 г. находился в составе 259-й ИАД (истребительной дивизии), а с ноября 1944 г. вошел в 324-ю ИАД.

³⁸ Поселок Летнереченский расположен в 72 км по автодороге к югу от Беломорска, в устье р. Летняя, на левом берегу р. Нижний Выг, у 13 шлюза ББК.

³⁹ О сложности строительства военных аэродромов, свидетельствуют работы под Беломорском, начатые в марте 1942 г., которыми руководил начальник отдела аэродромного строительства 3-го района авиационного базирования Ф. Г. Мартынов, а осуществлял их 102-й отдельный инженерно-аэродромный батальон к-на А. Харламова. См.: Иноземцев И. Г. Указ. соч. С. 74.

⁴⁰ Судаков В. П. Указ. соч. С. 355.

⁴¹ С июля 1941 г. п. Алакүртти оккупировано немецкими и финскими войсками, которые на аэродроме создали первую РЛС. Части РККА освободили Алакүртти 14 сентября 1944 г.

⁴² ВХ 1401, 1412, 1413, 1560 и др. Акт приема № 38 от 1987 г. Старый номер — ВХ 1560, переведен КГМ 77958; Старый номер — ВХ 1412, переведен КГМ 77957. Акт приема № 22 от 14.08.2020 г.

⁴³ Негативы фото, с аннотированной полевой описью кадров, находятся в собрании автора.

⁴⁴ ВХ 1400, 1402, 1403, 1408 и др. Акт приема № 38 от 1987 г.; КГМ 77422 и др.

М. Ю. Данков, Д. А. Проц (Петрозаводск)

ПОХОД ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ОТ БЕЛОГО МОРЯ В «ЫНГРИЮ» 1702 г., ПЕТРОПАВЛОВСКИЕ ХРАМЫ «НОВОГО СТРОЯ» НА ГРАНИЦЕ СО ШВЕЦИЕЙ И ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА

С ТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕЙД пяти батальонов лейб-гвардии в 1702 г. по «Осударевой дороге» от Белого моря в «Ынгрию»¹ позволил на р. Нева заложить имперский Санк-Петербург², на р. Свирь — петровскую Олонецкую (Лодейнопольскую) верфь, а у Онежского озера — заводской Петровский посад³.

Скорое строительство Новодвинской и Петропавловских крепостей⁴ было продолжено в 1702—1704 гг. возведением и освящением на границе со Шведским королевством, в коридоре петровского похода к Ижорскому плацдарму, четырех «новоманерных» храмов святых апостолов Петра и Павла⁵. Государь понимал, что страна нуждается в новой архитектуре, освященной именем Петра. Западная форма православных петропавловских соборов на северо-западном рубеже России, как никакая иная, отвечала его личным запросам и вызову времени.

Кафедральные сооружения «со шпицами» во имя небесных покровителей царя Петра I в зоне русско-карело-финского пограничья достаточно быстро приобрели статус порубежных знаков освоенного пространства и смогли сблизить и одновременно противопоставить русский мир западной цивилизации⁶.

Помимо организации военных форпостов, правительство взялось за формирование «духовного щита», попыталось системно «закодировать» территорию севера от возможной лютеранской экспансии⁷. Таким образом, Петр I с помощью организации храмовой «петропавловской дуги», почти на необитаемой

беломорской периферии, послал Европе предупредительный сигнал, используя ее же символический язык новой формы.

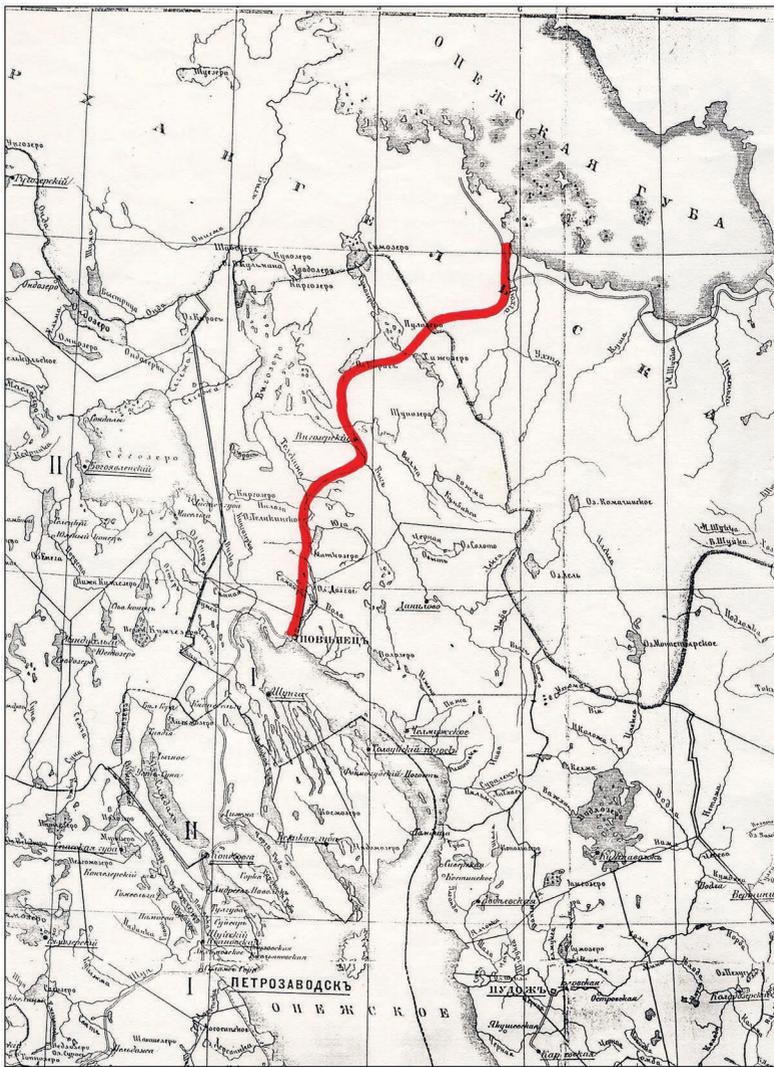
Совершая марш по «Осударевой дороге» на Запад, «младый Самодержец, ...воспитанный в страхе Божиим и благочестии»⁸ в августе 1702 г. дважды посещал традиционные, ранее возведенные храмы, во имя апостолов Петра и Павла. Сначала «пел часы» в часовне на Б. Соловецком острове, а завершив сухопутный поход, служил в храме Петра и Павла в Повенецком рядке. Известно, что 26—27 августа 1702 г. государь пожаловал клиру собора, построенного «схимонахом Аноимом и новгородскими купцами»⁹ в 1600 г. «темно-палевую шелковую ризу с зелеными оплечьями»¹⁰. О тех днях сохранился фольклорный цикл — будто царь Петр, отплыв от повенецкого берега на судне «Михайловой работы»¹¹, сержанта М. И. Щепотева¹², из-за «встречного ветра» у «поворотного острова» вынужденно вернулся и промолвил: «Верно Повенецкий Петр сильнее Московского»¹³.

Между тем, «перспектива» расстоянием в 174 версты¹⁴, в «пустынных» местах Карелии от м. Вардегорский до Повенецкого рядка, где «дремучие леса сплошь, чертово место, одно слово сюземка»¹⁵ была обустроена всего за 20 суток. «Проведывание» пути, по наказу главы Посольского приказа Ф. А. Головина, осуществляли бомбардир М. И. Щепотев с «сотоварищами»: И. К. Мухановым, А. Н. Головкиным и М. Я. Волковым¹⁶.

Под их руководством «посацкий» люд Поморья, Подвинья и Заонежья, «трудники» Соловецкой обители, монахи Крестного Онежского монастыря¹⁷ и «братья» Выгозерского погоста, пребывая «у мостового дела», обустроили маршрут, названный народом «Осударевой дорогой», который русская армия преодолела за 8 ходовых дней (ил. 1). Подобные скоростные акции неизвестны в мировой практике инженерного дела и в истории воинского искусства и вызывают всевозможные интерпретации и версии¹⁸.

В результате рейда «от моря до моря» в 1702—1703 гг. пали шведские цитадели Нотебург и Ниеншанц. В то же время, некоторые сюжеты национального мегапроекта XVIII в. сегодня нуждаются в существенной идеологической дешифровке. Помимо прямых секретов царской дороги, исследователей волнуют недоговоренности, связанные с эзотерикой проекта. Оказывается, поход и петропавловская западная архитектура имеют неожиданную перекличку с герметическими западными символами¹⁹.

Путь в ижорские земли, контролируемые Карлом XII, начался у алтаря петропавловской церкви в Новодвинской крепости²⁰ и завершился у собора Петра и Павла в невской крепости с шестью бастионами²¹, имеющими имена героев «Осударевой дороги»²².

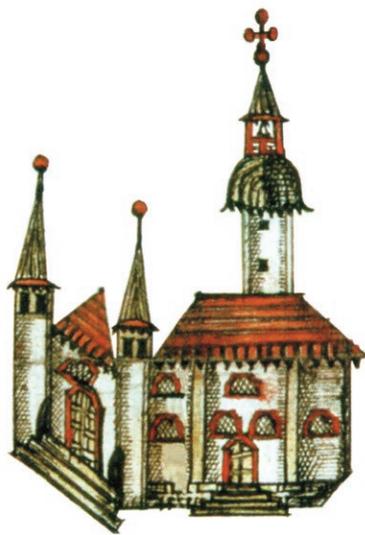
Ил. 1. Экспликация трассы «Осударева дорога» на карте 1879 г.

Церковь на острове Линский Прилук «была начата одновременно с самой крепостью» 1 мая, по другим сведениям, 12 июня 1701 г. Архиепископ Афанасий, духовно близкий к царю, на помосте, на котором находились «3 аналоя с иконами и стол с евангелием, крестом и водосвятной водой...пел часы» и совершил «чин основания града». Тут же он «распорядился поставить ...простенькую...часовню во имя апостолов Петра и Павла»²³, изображение которой сохранилось на одном из архивных чертежей 1701 г.²⁴

Оказавшись в мае 1702 г., третий раз в Архангельске, Петр I два месяца наблюдал, как выходец из Бранденбурга, немецкий инженер Г. Э. Резе²⁵, выстраивал основной храм в честь Петра и Павла. В РГВИА находится малоизвестный полихромный чертеж 1745 г. с изображением «новоманерной» церкви, который опубликовал современный архангельский историк И. М. Гостев²⁶. Интерьер лаконичного храма расписывал златописец И. П. Рефицкий с мастерами «из московских солдат», неизвестный «немец»²⁷ и двинские «иконники» с живописцем архиерейского дома И. В. Погорельским²⁸.

Архитектура и внутреннее убранство церкви с трудом укладывались в православную парадигму (ил. 2). Хотя вместо «шпицы», как на петропавловских соборах на Неве, Онежском озере и р. Свирь, верх храма походил на узкий шатер на высоком барабане. Зато скамейки «для сидения» прихожан были специально «поделаны параллельно», как в лютеранских кирхах «чего нигде в России нет»²⁹.

Крепостная церковь³⁰ 29 июня 1702 г., в день тезоименитства Петра, в присутствии героев «марсовых утех», была освящена архиепископом Афанасием в саккосе, шитом «из...зеленого бархатного

Ил. 2. Церковь «Святых апостолов Петра и Павла» в Новодвинской крепости на р. Сев. Двина. Фрагмент чертежа. РГВИА. 1745 г.

плаща государева»³¹. Храм был «украшен государевыми знаменами большими и малыми», которые находились в окнах, по всему фронтому: от кровли до колоколов. «Круг всея церкви» стояли полки «с начальными людьми...оружейно и уборно зело». После «пения, царь вышел из храма», и началась «стрельба из мелкого оружия от всех солдат побезным огнем» и вскоре «изо всего наряду и из всех пушек по всему граду кругом по стенам»³².

Последний раз Петр I с сыном Алексеем и Холмогорским архиепископом «пел часы» в петропавловской церкви в ночь на 5 августа 1702 г., перед выходом на «позолоченной» яхте *Transport Royal*³³ к Соловкам и к м. Вардегорский, началу «Осударевой дороги». Об этом через несколько дней сообщал дьяк Посольского приказа М. Родостамов: «Августа в 5 день» государь изволил «с устья возвратитца на Двинку в новую крепость», где с архиепископом Афанасием «отправя большую вечерню в церкви великим роспевом»³⁴.

Многолетние ландшафтные работы по проекту «Осударева дорога»³⁵ локализовали местонахождение сухопутного маршрута 1702 г., который начался у м. Вардегорский в Онежском заливе Белого моря, вблизи с. Нюхча и завершился в Повенецком рядке, на северном окоеме Онежского озера³⁶ (ил. 3).

В дальнейшем гвардейские батальоны «амбаркадировались» по Онежскому озеру и р. Свирь на «20 карбасах и 65 соймах», оснащенных «по-яхтному»³⁷, а также на двух крупных судах «про капитана» и боярина Ф. Головина, построенных М. И. Щепотевым³⁸.

Традиционные представления о переволоке фрегатов «Скорый гонец» и «Сошествия Святого Духа», якобы сыгравших решающую роль при атаке шведского Нотебурга, являются устойчивой мифологемой³⁹.

5 сентября 1702 г. завершился водный участок «Осударевой дороги» и за Свирскими порогами, у деревень Мокришвицы и Мешковичи, Пиркинского погоста, гвардейцы спешились и наметили место для деревянной церкви во имя апостолов Петра и Павла. Однако, где и когда точно, строители смогли приступить к земляным работам у «лодейной пристани»⁴⁰, исследователям неизвестно. Исходя из депеш А. Д. Меншикова от 22 и 25 мая 1703 г., к коменданту Олонецкого уезда И. Я. Яковлеву явствует, что государь впервые прибыл на Свирь «х карабелному строению» после 1 июня 1703 г.⁴¹ «Журнал Бомбардирской роты»,

Ил. 3. Фрагмент гати у м. Вардегорский НИЭ «Осударева дорога – 99». Фото М. Ю. Данков. 1999 г.

уточняет, царь с бомбардирами оказался на Свири («Олонце»)⁴², лишь 21 июля⁴³. Однако, как выглядел храм на «Олонецком верфу», где, по словам царя «сперва... флот начался делать»⁴⁴, неизвестно. Сохранилась лишь фотография, одноименного каменного петропавловского собора 1843 г. с «голландской шпицей», который, очевидно, мало отличался от первой постройки⁴⁵ (ил. 4).

Как бы там ни было, лейб-гвардия, преодолев путь от Белого моря в Ижорию, 16 мая 1703 г. приступила к возведению «царствующего града», вскоре нареченного на голландско-немецкий манер Sankt Peters Burch — крепость св. Петра. Закладка деревянного петропавловского собора на о. Jänissaari⁴⁶, как и освящение годом ранее петропавловской церкви в Новодвинской крепости, состоялась 29 июня 1703 г., в день небесных покровителей государя⁴⁷. Однако освящение «первого публичного здания нового города»⁴⁸ произошло лишь 1 апреля 1704 г.⁴⁹, и было совершено новгородским митрополитом Иовом (ил. 5). «Новоманерную» церковь «видом крестообразную о трех шпицах»⁵⁰, по канонам голландской школы, расписали под желтый мрамор. Тогда же из Троице-Сергиева монастыря привезли куранты, а из Каргополя доставили «часовых мастеров» Н. Архипова и С. Афанасьева⁵¹.

Ил. 4. Новоманерная церковь «Петра и Павла» в г. Лодейное Поле на р. Свирь. 1843 г.

Наиболее архаическое описание храма отмечает: «Церковь...маленькая, но красивая...из дерева с остроконечной башней в голландском стиле», а на «башне висит несколько колоколов» и они «на голландский манер благозвучно звонят, возвещая начало очередного часа»⁵². Чуть позже, при проведении ландшафтных работ в крепости, деревянный петропавловский собор был «раскатын» и перенесен в солдатскую слободу на о. Березовый, где получил имя святого апостола Матфея⁵³. Вскоре, 30 мая / 10 июня 1712 г. Д. А. Трезини, прибывший из итальянской Швейцарии, приступил к строительству каменного петропавловского собора со «шпицей», которое завершилось лишь в 1733 г.⁵⁴

Тем временем, в зоне государева маршрута, на территории создаваемого металлургического центра — в Шуйском погосте, на берегу Онежского озера в 1704—1705 гг. появляется очередная, четвертая по счету петропавловская «церковь божа(і)я»⁵⁵.

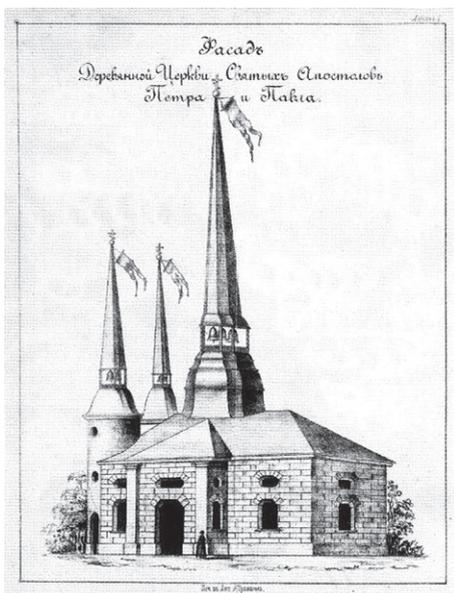
Внешний вид деревянного храма, как и других церквей «нового строя», вдоль «Осударевой дороги» походил на образцы шведской, немецкой, голландской и английской архитектуры. К сожалению, архивных известий о точной дате⁵⁶ «зачатия» храма за счет заводской казны не сохранилось⁵⁷.

Обратим внимание на текст депеши «виц-коменданта» А. С. Чоглокова⁵⁸, недавно обнаруженной нами адресованной губернатору Шлиссельбургскому и Шлотбургскому А. Д. Меншикову об активной стройке пристани «на Шуйских заводах».

Действительно, корреспонденция от 28 августа 1704 г. сообщает не о храме, а о заводской пристани, но фраза — «иное всякое строение строят во всем без остоновления»⁵⁹, заставляет задуматься. Скорее всего, «иное строение» — это заводская церковь Петра и Павла, которая возводилась в 1704—1705 гг. вместе с пристанью. Не случайно, на «шпице» храма, как на Государевом бастионе перевоземляной крепости «Санкт-Питер-Бурх», был смонтирован, очевидно, трофейный шведский маячный фонарь⁶⁰.

Вертикаль церкви «города-завода» равнялась 40,5 м, включая высоту до основания шпиля 11 саж., и длину шпиля около 8 саж.⁶¹ Петропавловский храм «необыкновенной архитектуры»⁶² превратился в доминанту индустриального посада и вместе с гаванью составил единый корабельный комплекс⁶³. Маяк помогал «карбусам» с железной рудой, известью и древесным углем, обходить озерные корги, и швартоваться у заводской пристани. Идея соединить маяк и храм, на первый взгляд, хотя и выглядит рационально, по сути не противоречит общению человека с Богом. В разных культурах церковь всегда увязывалась с маяком, указывающим путь «мятущейся душе в бурном духовном море».

Многоярусный деревянный собор у Онежского озера имел три придела: внизу — во имя первоверховных апостолов Петра и Павла, вверху — в честь Алексия человека Божия и благоверного князя А. Невского. Скорее всего приделы названы в честь святых покровителей царевича Алексея Петровича и Александра Меншикова, которые вместе с царем, в августе 1702 г., преодолели

Ил. 5. Фасад церкви «Святых апостолов Петра и Павла» в Петропавловской крепости на р. Неве. Санкт Петербург. Неизвестный художник. 1703 г.

Ил. 6. Гравюра храма апостолов «Петра и Павла» в Петровском заводском посаде у Онежского озера. Неизвестный художник. 1792 г.

«Осудареву дорогу». Создается впечатление, что иконостас «новомастерного» храма создавался «чужестранными живописцами». Во всяком случае, академик Н. Я. Озерецковский, в 1785 г. прочитал на иконе с образом Иоанна Богослова строчную надпись латинскими буквами «Iohannes». Кстати, он же «приватно» обнаружил и вскоре опубликовал в Петербурге, самое архаическое изображение Петропавловского собора в Шуйском посаде⁶⁴. Однако дата изготовления гравюры, ее автор и современное местонахождение подлин-

ника, до сих пор неизвестны. При этом гравюра заводского храма «со спицей», опубликованная в 1792 г., удивительным образом соотносится с изображениями начального собора святых апостолов Петра и Павла с остроконечной башней «в голландском стиле»⁶⁵ на острове Jänissaari (ил. 6). Речь идет о литографии фасада первой церкви Петра и Павла неизвестного мастера 1703 г., гравюре нового собора А. В. Зубова 1716 г. и гравюре середины XVIII в. художника Н. Ф. Челнакова⁶⁶.

В то же время, петропавловские деревянные храмы «нового строя», воздвигнутые в 1702—1704 гг. по меридиональной линии царского похода на берегах Сев. Двины, Онежского озера, Свири и Невы, обладая внешним сходством, существенно различались геометрией фундамента. Храм в крепости на Неве, в основании имел крест, а церкви Петра и Павла в Шуйском погосте и, вероятно, в Новодвинской крепости и в Лодейном Поле стояли на фундаментах правильного восьмиугольника.

Но, главное, что эти сооружения обладали «пафосом европеизации» и свидетельствовали о стилистических предпочтениях молодого Петра, подсмотревшего во время Великого посольства в 1697—1698 гг. новую форму католических и реформаторских «Божиих зданий». С этого времени государь стал смело общаться к христианскому сообществу и решительно преодолевать психологический барьер, разделявший православную Русь и «богопротивную» Европу⁶⁷.

Тезис подтверждается архитектурой храмов на северном контуре страны. Имеется в виду их сходство с постройками в Лондонском Сити: St. Mary-le-Bow church (церковь Святой Марии под аркой. — *М. Д., Д. П.*) 1671—1680 гг., и St. Bride's church (церковь Святой Бригитты. — *М. Д., Д. П.*) 1672 г. архитектора-масона⁶⁸ К. Рене⁶⁹. Правда, достоверных сведений о личных встречах с зодчим, чьи творения повлияли⁷⁰ на зрительные приоритеты царя, пока не обнаружено⁷¹. Это позволило современному английскому историку Э. Кроссу безапелляционно утверждать, что «ни прямых, ни завуалированных указаний на встречу Рена и царя... нет»⁷².

Петр I относился с известной долей терпимости к духовной культуре западного мира. Француз Ламбер де Герэн, преодолевший «Осудареву дорогу» в 1702 г., даже сообщал, что царь определенно желал «объединить своих Подданных с Римской церковью»⁷³, а Карл XII считал, Петр I «з Папежем Римским давно уже трактует, абы выскоренивши Греческую веру, Римскую в государство свое вводит»⁷⁴.

В действительности, государь едва ли серьезно задумывался о воссоединении христианских церквей, но, безусловно, проявлял любопытство к католицизму, лютеранам, англиканской церкви и даже мистике. Именно его воля заставила начать политическое, культурное и духовное переустройство страны, и вовлечение ее в просветительскую философию и даже практическую филантропию масонства⁷⁵.

Этим событиям в 1697—1698 гг. предшествовало 8 встреч царя Петра с Вильгельмом III, штатгальтером Голландии и одновременно королем Англии Оранским⁷⁶, который как считается, состоял в тайном обществе «Королевское искусство», хотя, пожалуй, первая ложа⁷⁷ «Почтенное общество франк-масонов города Лондона» (англ. «The worshipful society of the free-masons of London») возникла еще 1620 г.⁷⁸

И все-таки, имя преобразователя, хотя и закрепилось в масонской памяти⁷⁹, не имеет документальных подтверждений вовлеченности в цех «вольных каменщиков», и в исторической литературе отражается только в легендах. Одна из них гласит: «Сам Кристофер Врен, знаменитый основатель ново-английского масонства, будто бы посвятил его в таинства ордена»⁸⁰, хотя масонство царя, «скорее апокриф, нежели реальность»⁸¹.

Однако в какие бы тайные структуры ни входил К. Рене⁸², именно его лондонские творения послужили своего рода матрицей для петропавловских храмов на оси «Осударевой дороги» и переплелись с загадками маршрута русской армии на Запад и «плавающей» сакральной символикой похода⁸³.

Между тем, несмотря на страсть Петра I к европейскому миру, его христианские ценности, бесспорно, формировались, под духовным влиянием архиепископа Афанасия Холмогорского и Важского. Взаимная симпатия возникла в дни троекратных путешествий через «многочеловечный град Холмогоры»⁸⁴, когда в келейных беседах вырабатывалась новая концепция развития страны, уточнялась ее идейная стратегия. Не случайно, именно архиерей разработал и в июне 1702 г. предложил царю азимутный проект тайного перемещения армии к шведскому военному театру в Ингрию⁸⁵.

При этом преодолевая «вязкие» стереотипы, отметим малоизвестные, но выразительные факты армейского похода 1702 г. к Балтике. Сначала обратим внимание на «посвященность» в секреты рейда шотландца Я. В. Брюса, организатора тайного «Общества Нептуна»⁸⁶. Именно он, не являясь участником марша 5 сентября 1702 г., указывал Ф. А. Головину, как следует преодолевать коварные пороги на р. Свирь. Тогда же «Якушко» по требованию царя передал наставления «несведущему» генерал-майору А. И. Репнину — быть в боевой готовности в районе Ладоги, «а куда ему идти, о том я буду писать к нему впредь»⁸⁷.

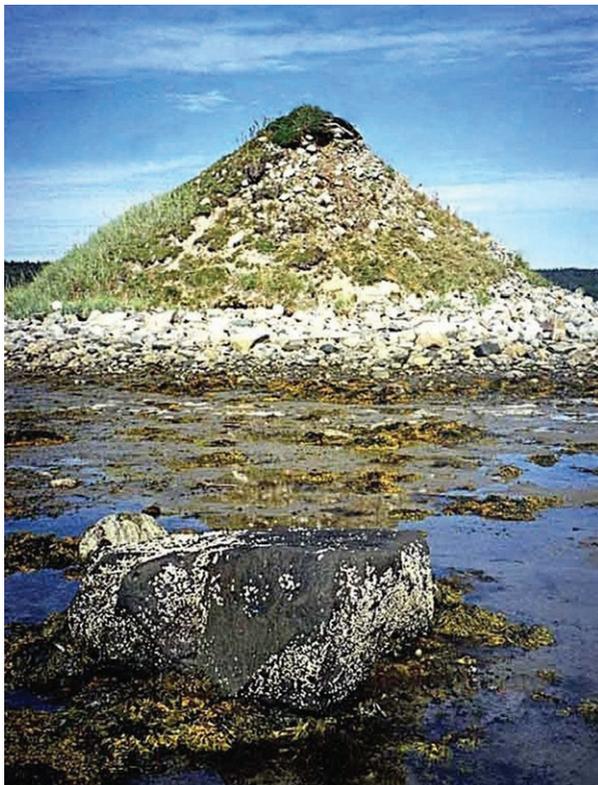
О герметической традиции и таинственных символах государева марша в «Ингрию» свидетельствует уникальное ротное знамя 1700 г. лейб-гвардии Преображенского полка, два батальона которого преодолели маршрут от м. Вардегорский до шведской цитадели Нотебург (ил. 7). Редкая реликвия, образец художественного оформления стягов начального периода петровских преобразований, сейчас находится в собрании Государственного Эрмитажа⁸⁸.

Ил. 7. Ротное знамя лейб-гвардии Преображенского полка. 1700 г.

На полотнище «шириною, по древку, 3 арш., длиною 3 арш. 6 верш.»⁸⁹, мы видим в верхней части стяга корону, под которой изображен бог войны Марс с мечом и морское божество Нептун, опирающийся на якорь с трезубцем в руке, раздвигают театральный занавес в виде пирамиды. В центре инсталляции открывается вид на море с верфью и лодкой, в которой крылатый старец с песочными часами над головой, олицетворяющий Время, читает нотацию юноше, похожему на юного Петра из царского «Титулярника» конца XVII в. Изображение Нептуна в композиции с идейным поучением будущего триумфатора условно можно трактовать как причастность царя к загадочному «Обществу Нептуна», заседавшему в московской Сухаревой башне, на котором, как считается, иногда председательствовал сам государь⁹⁰.

Внизу армейского полотнища, в картуше читается латинская надпись: «Anno Domini 1700»⁹¹, а общий смысл изображения перекликается с метафорой государя, как шведы 100 лет назад вытеснили

Ил. 8. Насыпная пирамида 1702 г. Соловецкий архипелаг, о. Анзер, Копорская губа. 2007 г.

Московию из района Балтики и «разумным очам добрый задернули занавес и со всем светом коммуникацию пресекли»⁹².

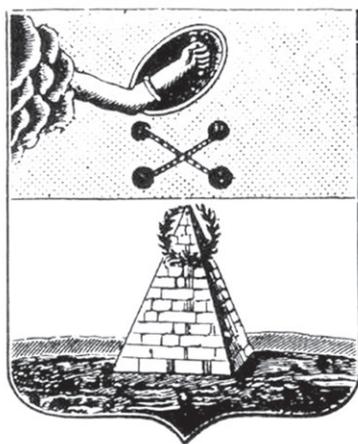
Между тем, в вершине занавеса выделяется изображение «Лучезарной Дельты», иначе называемой «Всевидающий глаз». Это самый известный масонский символ первого градуса и главный знак степени ученика восходит к культуре Древнего Египта, античности и раннего христианства. «Лучезарная Дельта» символизирует силы провидения и воспринимается как Троица, напоминая о Творце и о Высшем Бытии. Над изображением глаза, «прошита» строка на иврите (יהוה) из четырех букв — י (йод), ה (хей), ו (вав), ה (хей), которая в каббалистической традиции означает тайное и «непроизносимое имя Господа».

Присутствие на боевом стяге Преображенского полка, совершившего сухопутный рейд от Белого моря к Повенецкому рядку и далее по воде в Ижорию масонских символов, позволяет расширить традиционное восприятие стратегической акции. В герметический сюжет добавляется интрига возведения в 1702 г., на острове Анзер Соловецкого архипелага, реальной пирамиды.

За несколько дней до выхода на «Осудареву дорогу», гвардейцы на песчаной косе Горелого полуострова, к востоку от Капорской губы, в 5 км от горы Голгофа выстроили правильную пирамиду высотой 13 м из крупных плотно пригнанных валунов, засыпанных слоем песка и няши, в основании напоминающую корпус фрегата. Оригинальный курган с пятью валунами на вершине «на почти равных расстояниях»⁹³ сохранился до наших дней (ил. 8). Скорее всего, мистический объект до сих пор именуемый поморами, как «городок Петра I»⁹⁴, следует воспринимать, как памятный знак старта армейского похода против войск Карла XII. Долгое время исследователи отказывались увязывать необычное каменное сооружение, которое «издали могло быть видимо»⁹⁵, с трассой «Осударевой дороги» к Балтике. Однако рукотворная пирамида о. Анзер соотносится не только с изображением пирамиды на ротном знамени Преображенского полка, но и с гербом г. Повенец — «в серебряном поле пирамида каменная, украшенная дубовым венком», утвержденным в октябре 1788 г. императрицей Екатериной II⁹⁶ (ил. 9).

Насыпная пирамида о. Анзер и геральдические символы г. Повенец, чуждые традиции северных городов, визуально «отбивают» старт и финиш грандиозного армейского маршрута «от пирамиды к пирамиде». В то же время удивляет, что идеограмма стяга Преображенского полка и геральдика Повенца как-то образом увязываются

Олонецкаго Намѣстничества.

Повѣнецъ.

Ил. 9. Фрагмент герба г. Повенец. 1778 г.

Ил. 10. Фрагмент «Великой печати США» с изображением «Лучезарной Дельты» и «Пирамиды». 1782 г.

с оккультной графикой «Великой печати» (англ. The Great Seal), включающей изображения «Лучезарной Дельты» и «Пирамиды»⁹⁷, утвержденной в 1782 г. Континентальным конгрессом Америки (ил. 10).

Так, дешифруя смысл герметической символики царского похода в «Бнгрию» и анализируя храмы «нового строя» Петра и Павла, появившиеся после марша в пограничной зоне, можно считать, что северное пространство освященное именем Петра, в начале XVIII столетия постепенно прев-

ратилось в некий петровский полигон. Здесь государь аккуратно шлифовал образ новой страны и организовывал надежный заслон против стратегической мощи Шведского королевства⁹⁸.

¹ «Бнгрия» (Ингрия) — латинизированное название Ижорской земли (Ижора / Инкеринмаа / Ингерманландия), историческая территория левого берега р. Невы и юго-западного Приладожья. См.: Сорокин П. Е. Ижора в эпоху средневековья (к вопросу о происхождении и ранней истории) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. 2008. Вып. 2. С. 177–179.

² Журнал или Поденная записка Петра Великого. СПб., 1770. Ч. 1. С. 69.

³ Осенью 1703 г. на берегу Онежского озера возникает Шуйский (через год Петровский) молотовый оружейный завод и рабочий петровский Посад (книжное название «Петровская слобода»). См. РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера). Оп. 1. 243. Л. 67, 137; См.: История Петрозаводска: Власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 39.

⁴ Данков М. Ю. «Осударева дорога» в контексте геополитики Нового времени // Приневье до Петербурга. СПб., 2006. С. 85–93.

⁵ Данков М. Ю. Религиозно-мифологическая география Русского Севера и «Осударева дорога» 1702 года // ТГЭ. 2014. [Т.] 73: мат. науч. конф. «Петровское время в лицах – 2014». СПб., С. 150–158; Данков М. Ю. Тайны «Осударевой дороги» 1702 года и религиозно-мифологическое пространство Русского Севера // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Северных территорий. Мат. Всероссийская научно-практическая конференция 25–26 апреля 2014 года. СПб., 2015. С. 166–176.

⁶ Данков М. Ю. Символика балтийского прорыва в 1702 году // Лодия. Сб. статей. Архангельск, 2007. С. 3–10; Данков М. Ю. Таинственная символика похода Петра I в 1702 г. // История в подробностях. М., 2010. № 3. С. 34–40.

⁷ Терехин Н. М. Образ Петра I в ономастике сакральной архитектуры Русского Севера (храмы, лабиринты, корабли) // Памятники Русского Севера. Сб. ст. Сост. и отв. ред. Л. Д. Попова. Архангельск, 1998. С. 246–265.

⁸ Досифей [Немчинов]. Географическое, историческое и статистическое описание Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря и других подвемых сей обители монастырей, скитов, приходских церквей и подворьев, с присокуплением многих царских, патриарших и других знаменитых гражданских и духовных лиц, грамот, относящихся к истории сего монастыря, составленное трудами Соловецкого монастыря архимандрита Досифея. М., 1836. Ч. 1/2. С. 170.

⁹ «Олонецкие Епархальные ведомости» (ОЕВ). № 13–14. 1900 г.

¹⁰ Носкова А. Г. «Древний» деревянный Петропавловский собор в Повенце и его аналоги // Архитектурное наследство. М., 2013. Вып. 58. С. 31–42.

¹¹ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. 1. Д. 44. Л. 395.

¹² Данков М. Ю. Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» // ТГЭ. 2007. [Т.] XXXVIII: мат. научная конференция «Петровское время в лицах – 2007». СПб., С. 76–89.

¹³ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год // Олонецкие воспоминания. Петр Великий на Олонце в 1702 г. СПб., С. 114. См.: Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Подг. Н. А. Криничная. Л., 1978. С. 128, 129.

¹⁴ Протяженность «Осударевой дороги» в исторической литературе отмечается от 120, 160, 174, 178, 185, 225 до 238 версты. По нашему мнению, следует придерживаться значения $174 \text{ в.} \times 2,13 \times 700 = 259\,434 \text{ м.}$

В допетровской России существовали разные значения версты и аршина. Мы считаем, что в нач. XVIII в. использовалась 700-саж. верста и сажень, равная 2,13 м (7 англ. футам). См.: [Игнатий]. Воспоминание о Высочайших пришествиях Великого Государа Петра Первого, коими осчастливлен край, составляющий ныне Олонецкую губернию». Петрозаводск, 1841. С. 7–10, 15. Путь «пред лицом Помазанника Господня некосительно уготовлялся... на 160-ти семисотных тогдашних верстах». См.: Крохин В. А. Возможные способы расчета соотношений и достижения точности при построении архитектурной формы в русском деревянном зодчестве XVI-XVIII вв. // Памятники архитектуры Русского Севера. Сб. ст. сост. и отв. ред. Л. Д. Попова. Архангельск, 1998. С. 175. «При Петре I сажень с 2,16 м была уменьшена до 2,13 м. См. также дискуссию: Данков М. Ю. Загадки «Осударевой дороги» // Север. 1996. № 7. С. 106 и Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга... С. 78–79.

¹⁵ Максимов С. В. Год на Севере. СПб. 1859. Т. 1. Белое море. Гл. X. С. 599–600.

¹⁶ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 70. Л. 1–5 об. Черновик.

¹⁷ Кротов П. А. Царская дорога 1702 г.: Исторический опыт взаимодействия центра и регионов // Центр и регионы в истории России: Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия. СПб., 2010. С. 222–251.

¹⁸ Данков М. Ю. Тайный марш по «Осударевой дороге» 1702 года и современная дискуссия вокруг нее // Культурные инициативы Петра Великого. Мат. II Международный Конгресс петровских городов Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. СПб., 2011. С. 202–211; Кротов П. А. «Осударева дорога» 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011. 308 С.

¹⁹ Данков М. Ю. Масонство и «Осударева дорога» // Русский Север и архиепископ Афанасий. Архангельск, 2003. С. 122–127; Данков М. Ю. «Вольные

каменщики» и феномен «Осударевой дороги» 1702 г. // «Мы Были!» генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха. СПб., 2004. Ч. 2. С. 12–15.

²⁰ Попова Л. Д. Архангельск. Очерк истории строительства (Конец XVI — начало XX в.). Архангельск, 1994. С. 55.

²¹ Бастионы деревоземляной крепости на о. Янисаари имеют имена А. Д. Меншикова, А. М. Зотова, Г. И. Головкина, К. А. Нарышкина, Ю. Ю. Трубецкого и государя.

²² Данков М. Ю. Загадочная «фортеция» на Онежском озере и чертеж М. Витвера // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. II. С. 14.

²³ Петр Великий на Севере: к 200-летию юбилею Полтавской победы над шведами. Архангельск, 1909. С. 54, 64.

²⁴ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 8. 1701 г. Д. 283.

²⁵ Попова Л. Д. Малоизвестные чертежи Новодвинской крепости Г. Э. Резе // Защитники Отечества. Мат. II и III общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. 11 мая 1997 года. Архангельск, 1998. С. 65.

²⁶ Гостев И. М. Церковь Петра и Павла в Новодвинской крепости (1702–1877) // Архангельская старина. Архангельск, 2014. № 1. С. 25–30.

²⁷ О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших.../ Иждивением Н. Новикова и компании. М., 1783. С. 93–94.

²⁸ Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского севера: Люди. События. Даты. Архангельск, 1992. С. 19.

²⁹ Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886. С. 104–105.

³⁰ Беспятых Ю. Н. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 39; Попова Л. Д. Из истории крепостной Петропавловской церкви // С. Ф. Огородников и история Российского флота. Морская история России. Архангельск, 1996. С. 19–20.

³¹ Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908, прим. 11. С. 564.

³² О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеича... С. 95–96.

³³ Данков М. Ю. The Transport Royal из Англицкой земли // Изучение памятников морской археологии. СПб., 2009. Вып. 6. С. 153–188; Данков М. Ю. Корабль Царского Величества: приключенческая судьба английской яхты The Transport Royal в России / История в подробностях. М., 2011. № 7 (13). С. 46–51.

³⁴ РГАДА. Ф. 160 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам [на русском языке]). Оп. 1. 1702 г. Д. 10. Л. 101–101 об. Неточная публикация текста: Елагин С. Н. Утверждение России на балтийском побережье // Морской сборник. 1866. № 1. С. 123.

³⁵ Научно-исследовательский проект (НИП) «Осударева дорога» создан под кураторством Фонда культуры в г. Петрозаводске в 1993 г.

³⁶ Основные ориентиры «Осударевой дороги»: м. Вардегорский, Ким и Кам ручьи, Аленкина гора, Б. Святая гора, Гав-ручей, Падун, Собачий ручей, Государев

клоч, урочище «Кунопочи», Щепотева гора (выс. 63,5), Патрикеева Сюрьга. Затем р. Воронья (Илеменза), Ветренная гора (выс. Голец), реки Илоза (Сума), Перьма, Кукша-Мокса и Нела, с. Колосьозеро (с. Коросозеро), с. Вожмосалми, оз. Выг-Боброво, р. Юж. Выг. Новопостроенное урочище «Петровский Ям», ручьи Ладыга, Муром, Белый и Мянгорский, оз. Телекино, р. Чарень (Черная), оз. Волозеро, Маткозеро, Узкое (Долгое), р. Повенчанка, Повенецкий рядок. См.: Данков М. Ю. Трасса «Осударева дорога» // Петровские памятники России. Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. СПб., 2010. Ч. 1. С. 294–296.

³⁷ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I. Д. 44. Л. 395.

³⁸ РГАДА. Ф. 158 (Приказные дела новых лет). Оп. 1. 1702 г. Д. 109. Л. 22–22 об.

³⁹ Данков М. Ю. Мифы и реальность волока фрегатов по «Осударевой дороге» 1702 года // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Тез. докл. межд. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 27-30 октября 2010 г. Калининград, 2010. С. 151–153; Данков М. Ю. О предполагаемом волоке малых фрегатов от Белого моря к Повенецкому рядку в 1702 году // Двинская земля. Мат. всерос. общ.-науч. ист.-краев. конф. «13-е Стефановские чтения», посвященной 20-летию КИПМОДК «Северное трехречье», 23 марта 2019 года. Котлас, 2019. Вып. 8. С. 23–31.

⁴⁰ Цит. по кн.: Шарымов А. М. 1703 год // Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. (фототипическое воспроизведение текста походного журнала бомбардирской роты). С. 494.

⁴¹ Цит. по кн.: Кротов П. А. Основание Санкт-Петербурга: загадки старинной рукописи. СПб., 2005. С. 95.

⁴² Андреева Е. А. Кто строил Петербург в 1703 г.? // Меншиковские чтения. 2004. Мат. чт. СПб., 2004. Табл. 1. С. 17.

⁴³ Цит. по кн.: Половцов А. А. Петр Великий был при основании Петербурга. Историческая справка // Новое время. 1903. 6 (19) апреля. № 9730. С. 5.

⁴⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого (П и Б). СПб., 1907. Т. 5. С. 27.

⁴⁵ Собор во имя св. ап. Петра и Павла постройки 1843 г. уничтожен в нач. 1960 гг.

⁴⁶ Заячий остров (Яниссаари). В источниках встречаются шведские названия — Люст Хольм (Lustholni, Веселый остров), Люст-Эйлант (Веселая земля), позднее Тойфель-хольм (Чертов остров).

⁴⁷ Кротов П. А. Основание Санкт-Петербурга... С. 119.

⁴⁸ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 242–244.

⁴⁹ Существует ошибочное мнение, что церемония освящения петропавловского храма состоялась 29 июня 1703 г. См.: Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 39.

⁵⁰ Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 125.

⁵¹ Андреева Е. А., Тронь А. А. Рождение Петербурга. СПб., 2011. С. 50.

⁵² Точное известие о новопостроенной Его царским величеством Петром Алексеевичем на большой реке Неве и Восточном море крепости и города Санкт-Петербург, о крестнице Кроншлот // Цит. по кн.: Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 50.

⁵³ Андреева Е. А., Тронь А. А. Указ. соч. С. 50.

⁵⁴ Григорьев Д. Н. Археологические наблюдения в Петропавловской крепости в 1999–2002 гг. // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2009. Вып. 3. С. 222.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 192 (Картографический отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел). Карты Олонецкой губернии. Оп. 1. Д. 2. Ч. III. «Чертеж Петровских заводов строению, а что в котором месте построено значит цыфирным словам».

⁵⁶ Историки часто вообще не упоминают дату строительства церкви. См.: Беспятых Ю. Н., Ковалев Г. Н. Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988. С. 72–73. Иногда дата отмечается туманно: «у нас нет документально подтвержденных данных о точном времени постройки». См.: Сорокина Т. В., Генделев Д. З. Соборы Петрозаводска. Петрозаводск, 1999. С. 14. Порой основание храма указывается «между 1707–1711 годами». См.: Мулло И. М. Петровская слобода. Петрозаводск, 1981. С. 40. Наиболее близкой, по нашему мнению, является дата — «построена около 1705 г.». См.: Жульников А. М., Спиридонов А. М. Древности Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. С. 74.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 271 (Берг-коллегия). Оп. 1, Кн. 799 (Протоколы Берг-коллегии). Л. 127. См.: Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М., 1957. С. 60.

⁵⁸ Чоглоков Алексей Степанович, с осени 1703 г. вице-комендант Олонецкого уезда, в 1707–1711 гг., комендант и начальник петровских заводов.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 199. Порт. 243. Ч. 2. Л. 137 об.

⁶⁰ Андреева Е. А., Тронь А. А. Указ. соч. С. 52.

⁶¹ Данков М. Ю. «Новоманерный» храм заводской слободы // Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга. Храмы Петровской эпохи. Матер. межд. науч. конф. Санкт-Петербург. Петропавловская крепость. 7–8 июня 2012 года. СПб., 2012. Вып. 22. С. 33; Данков М. Ю. Загадочная вуаль Петропавловского собора // Север. 2014. № 11+12. С. 152–157.

⁶² Юбилейная книга Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. 1832–2002. История становления и развития. СПб., 2002. 382 с.

⁶³ У исследователей нет четких представлений о ранних пристанях петровского посада. «Чертеж Петровских заводов строений...» нач. 1720 гг. фиксирует 2 параллельных пристани по 200 саж. См.: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Ч. III. Другой источник отмечает 3 гавани. См.: РГАДА. Ф. 271. Кн. 799. Л. 6–98.

⁶⁴ Орецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому / Надворного советника, Императорской Академии наук академика, Императорского шляхетного Сухопутного кадетского корпуса профессора в российском слове, медицины доктора, Императорской Российской академии, С. П. Б. Вольного экономического общества и Бернского в Швейцарии члена, Николая Озерецковского. Санктпетербург, 1792. 335 с., 13 л. Ил. С. 13 табл.

⁶⁵ Точное известие о новопостроенной Его царским величеством Петром Алексеевичем... Цит. по кн.: Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях... С. 50.

⁶⁶ Литография «Церковь Св. апостолов Петра и Павла. 1703 г.». См.: Новоселов С. К. Описание кафедрального собора во имя святых Первоверховных апостолов Петра и Павла. СПб., 1857. 308 с., 8 л. Ил.; Карпенко И. А., Славнитский Н. Р. Коменданты Санкт-Петербургской (Петропавловской крепости).

СПб., 2010. С. 19; Богданов А. И. Историческое, географическое, и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. 524 с.

⁶⁷ Анисимов Е. В. Царь-реформатор // Петр Великий. СПб., 1993. С. 7.

⁶⁸ Княсов С. Е. Кристофер Рен-архитектор и масон // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2007. Т. 9. № 2. С. 466–471.

⁶⁹ Christopher Wren (1632–1723), Христофер Врэн, Дж. Врен, Урэн. См.: Гузевич Д. Ю. и Гузевич И. Д. Первое Европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия. 1697–2006 / Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб., 2008. С. 872.

⁷⁰ Пунин А. Л. Петр I и Кристофер Рен: К вопросу о стилевых истоках петровского барокко // Искусство архитектуры. Сб. науч. тр. / Сост. и науч. ред. О. В. Василенко. СПб., 1995. С. 34–42.

⁷¹ Jardine L. On a Grander Scale : The outstanding career of Sir Christoph Wren. Harper Collins Publ., L. 2002. P. 600.

⁷² Кросс Э. Английский Петр. Петр Великий глазами британцев XVII–XX веков. СПб., 2013. С. 46.

⁷³ Ламбер де Герэн Ж. Г. Князь Кушмен: Татарская история / Пер. с фр. яз. и предисловие Л. Л. Альбина; лит. ред. и комментарий А. М. Шарымов // Аврора. 1993. № 7. С. 112–124.

⁷⁴ Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). 1859. Кн. 1. С. 210.

⁷⁵ Миролюбова Г. А., Уханова И. Н. Премудрость Астреи. Памятники масонства XVIII–XIX века в собрании Эрмитажа. СПб., 2013. С. 10.

⁷⁶ Встречи Петра I с Вильгельмом III Оранским состоялись 1/11 сентября, 28–29 октября, 7–8 ноября 1697 г., 14/24 января, 23 января/2 февраля, 6/16, 15/25 февраля, 24 февраля / 6 марта 1698 г. См.: Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути 1697–1698. СПб., 2008. С. 91–92, 577.

⁷⁷ Традиционно считается, что масонство в виде «Grand Lodge», зародилась в Англии лишь 24 июня 1717 г., хотя протомасонские формы существовали ранее. См.: Гузевич Д. Ю. и Гузевич И. Д. Первое Европейское путешествие царя Петра... С. 89.

⁷⁸ Херасков И. М. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XX века // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. 1914. Т. I. С. 10. В 1688 г. последователи беглого английского короля Якова II Стюарда в Сен-Жермен-ан-Лэ основали ложу «La Parfaite Égalité» («Совершенное равенство»). См.: История масонства в документах // под ред. Б. Л. Кузьмишина. М., 2010. С. 130.

⁷⁹ Ridley J. The Freemasons. L., Robinson. XII. 1999. 340 P. См.: Миролюбова Г. А., Уханова И. Н. Указ. соч. С. 10–11.

⁸⁰ Семека А. В. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем... 1914. Т. I. С. 126; См.: Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. VII (1). 575 с.

⁸¹ Cross A. G. British Freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great // OSP. N. S. Vol. 4. 1971. P. 43–72.

⁸² Считается, что К. Рене, являлся мастером ложи «Изначальных» № 1 (название принято 18 мая 1691 г.) / Сейчас общество называется ложа «Древних» № 2.

- ⁸³ Dankov M. Vapaamuurarien salaisuudet ja Kruunun tie 1702 // Carelia. 2005. № 1. P. 111–118.
- ⁸⁴ Цит. по ст. Беспятых Ю. Н. Третье «пришествие» Петра I на Белое море... С. 31–62.
- ⁸⁵ Данков М. Ю. Архиепископ Афанасий — автор проекта «Осударевой дороги» // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее: Мат. междунауч. конф., посвященной 90-летию со дня учреждения Архангельского общества изучения Русского Севера (1908 г.). Архангельск, 1999. С. 242–247.
- ⁸⁶ Hans N. The Moscow School of Mathematics and Navigation: 1701 // SEER. Vol. 29. N. 73. 1951. P. 532–536.
- ⁸⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. 1889. Т. 2. СПб., С. 72.
- ⁸⁸ Государственный Эрмитаж. Зн-374. Собрание Петербургского Арсенала. Знамя ротное лейб-гвардии Преображенского полка. 1700.
- ⁸⁹ Висковатов А. В. Историческое обозрение Лейб-гвардии Измайловского полка 1730–1850. СПб., 1851.
- ⁹⁰ Соколовская Т. О. Был ли Петр I масоном? // Море. СПб., 1917. № 12.
- ⁹¹ «Год Господень 1700».
- ⁹² Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1889. Т. IV. С. 47.
- ⁹³ Историко-археологические памятники Соловецкого архипелага (вне Кремля). Регистрационное обследование 1934 года. Начальник КВЧ Соловецкого отделения ББК НКВД Гоголев (А. В. ?), Научный сотрудник музея Евневич (А. А. ?), Заведующий Соловецким музеем Ванаг. Ч. 11-ая. Обследование северной и северо-восточной половины Соловецкого острова и о-ва Анзера. Маршруты П. К. Казаринова. Л. 110 (С. 68). Машинописный текст находится в архиве НИИ «Осударева дорога».
- ⁹⁴ Досифей [Немчинов]. Указ. соч. С. 170.
- ⁹⁵ Там же. С. 177, 307.
- ⁹⁶ Полное собрание Законов Российской империи с 1649 года. 1830 (ПСЗ) / Высочайше утвержденный доклад Сената «О гербах Рижской, Ревельской и некоторых городов Олонецкого наместничества. 1 октября 1788 года» // Закон 16716. 1788. Т. 22; См. также: ОГВ. 1875. № 62 // Гербы Олонецкой губернии и ее городов. С. 696.
- ⁹⁷ Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1997. С. 322.
- ⁹⁸ Данков М. Ю. Балтийская идея России в начале XVIII столетия (О национальном стратегическом проекте 1702 года) // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции // Историко-археологический сб. Мат. междунауч. конф. (Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.). СПб., 2007. С. 301–306.

А. Я. Дегтярев (Москва)

НЕВСКАЯ БИТВА: МЕСТО, МАСШТАБ И ЗНАЧЕНИЕ

В СООТВЕТСТВИИ С УКАЗОМ Президента России В. В. Путина, решено масштабно отметить 800-летие Александра Невского, выдающегося военного и политического деятеля Древней Руси. Благодарная память потомков о нем протянулась через века, ее недавним свидетельством стало признание святого и благоверного князя победителем всероссийского конкурса «Имя России» (2008 год). Память о князе на протяжении веков бытовала в самых разных формах: в почитании мощей (князь был канонизирован в 1547 году), в строительстве храмов, десятках монументов в разных концах страны, названиях площадей, улиц и даже станций метро, во множестве книг и кинофильмов, а также скульптурах и картинах. Уникальную историю имеет высокая государственная награда — орден Александра Невского. Он был учрежден в Российской империи в 1725 году, затем после революции возродился в военную годину (1942 год), а в начале XXI века вновь стал государственной наградой новой России.

Военные и политические испытания сопровождали Александра Ярославича на протяжении всей его сравнительно недолгой жизни (1221—1263 гг.). И первым из них стала Невская битва.

Невская битва занимает особое место среди сражений глубокой русской древности, ибо в отличие от других подобных событий с точностью известна географическая точка, в которой она произошла, а также, день и даже час столкновения. Представление об этом событии дают нам два главных исторических документа, имеющие неоспоримый статус первоисточников.

Первый — «Повесть о битве на Неве» из «Повести о житии Александра Невского» (Житие). Текст, относящийся к 80-м годам

XIII века, реконструирован одним из крупнейших современных знатоков русского летописания Ю. К. Бегуновым¹. Особая ценность этого документа состоит в том, что автор его строил повествование на свидетельствах участников битвы: **«Си вся слышахомъ от господина своего Олександра и от инех, иже в то время обретошася в той сечи»**.

Второе известие относится к более позднему периоду (XIV век), но восходит к древним временам и не менее ценно, тем более что оно, по мнению исследователей, не пересекается с текстом из Жития².

Указанные источники содержат множество ярких деталей, которые безоговорочно убеждают непредвзятого читателя в том, что сражение действительно было и носило ожесточенный характер³.

Историографическая традиция в лице многочисленных исследователей и популяризаторов XX века единогласно определяет полем битвы — правый берег Ижоры, в любом учебнике, историческом исследовании, трудах по истории военного искусства можно найти именно такое, более того, только такое утверждение⁴. Во многих статьях, книгах, а ныне и в интернете таких карт многие сотни, если не тысячи (ил. 1).

30 лет назад И. П. Шаскольским, авторитетным знатоком русско-шведских отношений этого времени, были высказаны некоторые возражения против этой устоявшейся точки зрения. Ее обоснованию он посвятил один из тезисов доклада на чтениях памяти В. Т. Пашуто.

Приведем его полностью: «К изучению Невской битвы пора, наконец, привлечь такой источник, как историческая топография места сражения. В научно-популярной и учебной литературе в исторических картах-схемах Невской битвы давно уже принято показывать, что шведский лагерь в устье реки Ижоры, впадавшей в Неву, и место происшедшего там знаменитого сражения со шведами находились на правом берегу Ижоры. Чем руководствовались авторы многочисленных карт-схем, избрав правый берег реки, — непонятно; эти авторы никогда не видели место исторического сражения. Произведенное нами обследование места Невской битвы позволило с очевидностью установить, что сражение могло происходить только на низменном левом берегу, где имеется значительное плоское пространство, удобное для устройства лагеря; правый берег высок, имеет всхолмления, для устройства лагеря и для проведения боя совершенно неудобен»⁵.

Ил. 1. Карта 1. Традиционная схема Невской битвы

Объяснение такой точки зрения нуждается в углубленном разборе. Попробуем высказать некоторые соображения. Скорее всего, решающей предпосылкой возникновения версии о том, что и лагерь шведов, и сражение связываются с правым берегом Ижоры, является следующее обстоятельство. Новгородское войско, возглавляемое князем Александром, шло к шведскому лагерю со стороны Ладоги. Гипотетический путь его, выстроенный усилиями многих исследователей, но не имеющий конкретных свидетельств источников, рисуется таким образом. Большую часть пути от Ладоги до устья реки Тосны, впадавшей в Неву выше, чем Ижора, русские прошли на ладьях. Дальше двигаться по Неве было нельзя — шведы наверняка обнаружили бы приближение войска и тогда расчет на внезапность нападения, а это было одним из главных условий в тактическом плане новгородцев, был бы неминуемо утрачен. Поэтому суда свернули в Тосну, поднялись на несколько километров вверх и здесь, в месте наибольшего сближения Тосны с одним из притоков Ижоры, произошла высадка войска. Дальше путь лежал по суше вдоль плавно извивавшихся мелких рек, прямо к лагерю шведов. Продолав его, войско князя Александра, так и не замеченное шведами, которые почему-то не обеспечили выставления

боевого охранения, ударило из приречного леса по шведскому лагерю.

Рассуждения создателей традиционной схемы были не лишены внешне убедительных резонов: удар новгородской дружины был нанесен из глубины приневских лесов, водные преграды в устье Ижоры при этом не форсировались — иначе о факторе внезапности говорить не приходится.

Эти общие рассуждения о направлении подхода русского войска со стороны Ладоги привели к выводу о расположении лагеря шведов на правом берегу. Его помещение именно в этой точке явилось опять-таки следствием логических рассуждений, а не исторических свидетельств. Их, к сожалению, нет, поэтому все вышеизложенное — это лишь одна из возможных исследовательских гипотез.

И. П. Шаскольский привел только один контраргумент против устоявшейся и давно ставшей общим местом отечественной историографии точки зрения — топографию предполагаемого места битвы. Однако аргументация в пользу ареала, где проходило сражение, может быть существенно дополнена и развита после внимательного анализа источников.

Непонятно, почему большинство исследователей обходит или игнорирует имеющееся свидетельство того, что сражение шло на обоих берегах Ижоры. Об этом прямо говорит помещенное в конце житийной повести о битве и приписанное автором вмешательству высших сил известие о том, что сражение шло **«обонь польь реки Ижеры, идее же бе непроходно полку Олександрову. Здесь же обретошася многое множество избъенных от аггела Божия»**.

«Многое множество избъенных» указывает на то, что это явно не рыцарская профессиональная часть войска, а скорее всего, тот самый слабо вооруженный вспомогательный состав, который был занят строительством укреплений на мысу при впадении Ижоры в Неву. Отсюда и большие потери. А фраза «идеже непроходно полку Олександрову», прямо указывает на то, что в этой части сражения не участвовала наиболее боеспособная конная дружина князя. Чем же она была занята? Она действовала на другом берегу против рыцарской части шведского войска (ил. 2).

Сообщения житийной повести решительно меняют всю конфигурацию битвы. Она шла на обоих берегах Ижоры, имела два крупных очага. Стратегический замысел Александра был более

Ил. 2. Карта 2. Схема Невской битвы, учитывающая свидетельства «Жития Александра Невского»

сложным, чем это представлялось ранее. Противник был согласованно атакован с двух направлений — вдоль левого и правого берегов Ижоры.

Кто же тогда, если не Божий промысел, обеспечил этот успех? Таких действующих сил может быть названо, по крайней мере, две, а то и три. Это пешие «ладожаны» и «ижорская стража морская», которые почти наверняка были направлены Александром, подробно знавшим дислокацию войск противника, для атаки с этой стороны. Это могли быть и новгородцы, которые, по свидетельству житийного рассказа в самом Новгороде, **«не совокупилися бяху, понеже ускори князь поити»**, то есть не успели по разным причинам присоединиться, но могли успеть подойти ко времени сражения.

Считается, что потери русских в битве были невелики, а это является для скептиков еще одним основанием считать Невскую битву незначительным, «мелким», по мнению Д. Феннела, столкновением⁶. Летопись называет 20 человек, из них несколько героев по имени. Но в списке конца летописи конца XIV века присутствует одна загадочная фраза. Скорее всего, мы имеем дело с текстом, случайно искаженным при одном из переложений. Это фраза: **«а всехъ 20 мужъ с ладожаны, или мне, Богъ вестъ»**. В ней

все понятно, кроме таинственного выражения переписчика **«или мне»**. Здесь, вероятно, имеет место искажение. Слова, содержащие большинство букв из этого короткого замечания, присутствуют несколькими строками выше в сообщении о раненых шведах: **«а инии мнози язвѣни быша»**. Скорее всего **«инии мнози»** присутствовали и в описании новгородских потерь. Но в течение нескольких, растянувшихся более чем на столетие переложений и переписываний текста, **«инии мнози»** превратились в непонятное **«или мне»**.

Обратимся теперь к анализу целей шведского похода. Новгородская летопись прямо говорит, что шведы хотели **«воспринять Ладогу, просто же реку и Новгород и всю область Новгородскую»**. Столь грандиозная цель была заведомо не по силам вторгшемуся войску, что, собственно, и показала Невская битва.

В житийном рассказе цель шведского похода формулируется скромнее: **«Пойду и пленю землю Олександрову»**. Но пленить можно по разному — тотальным захватом, к чему и склонялся позднейший летописец, или нанеся противнику иной существенный ущерб, перекрыв, например, важные торговые пути и т. п. Чтобы понять, существовало ли подобное намерение, стоит обратить внимание на сообщение Жития о том, что старейшина Пелгусий скажет Александру про **«станы их и обрытья их»**. Употребление множественного числа в сообщении о «станах» прямо указывает, что их было больше одного, по крайней мере, два. Рассуждение об их дислокации имеет одно важное ограничение — в условиях только-только начавшегося вторжения рассредоточение сил на значительных расстояниях друг от друга не имело военной логики. На наш взгляд, станы располагались на **двух** берегах в устье Ижоры. В пользу такого расположения косвенно свидетельствуют общие размеры шведского флота. Большое количество шнеков были пришвартованы вдоль Невы с двух сторон от устья Ижоры. Лишь небольшая их часть, возможно, даже сомкнутая в виде моста, располагалась в этой малой реке. Этот мост соединял берега и таким образом объединял обе части войска. К этой мысли подталкивает и второе, уже давно забытое слово **«обрытья»** из донесения Пелгусия.

Термин **«обрытья»** практически не привлекал внимания исследователей. **«Обрытья»** — рвы и валы, которыми окружали военный лагерь, рассчитанный на длительное пребывание войска на

вражеской территории⁷. Часто они выступали как первые фазы создания постоянной крепости. Как правило, при их сооружении проводились внушительные древо-земляные строительные работы. Средневековые крепости всегда возводились на высоких берегах, предпочиталось, чтобы эти места являлись мысами при слиянии рек или впадении их в озера. Весьма вероятно, что целью шведов был не банальный грабительский набег, а основание крепости, перекрывающей путь по Неве.

Наличие «обрытий» позволяет объяснить и еще одно соображение летописи — **«а прок их, ископавшее яму, вметаша в ню бецисла»**. Может показаться странным, но ни один из исследователей битвы не задался вопросом: как потерпевшая сокрушительное поражение армия, зная, что противник отошел совсем недалеко и угроза нового нападения весьма реальна, занимается ночью (шведы **«не дождавше света понедельника, посрамлены отыдоша»**) рытьем огромной братской могилы? Сколько для этого нужно времени и сил? Но все становится на свои места, если предположить, что братской могилкой для погибших в сражении шведов послужили те самые «обрытья», которые должны были стать элементами будущей крепости. «Вметать» в них погибших «бецисла» и наскоро засыпать землей, извлеченной до этого, много времени не потребовалось.

Известный петербургский археолог П. Сорокин, посвятивший не один год обследованиям и раскопкам в районе Усть-Ижоры, в целом близок к изложенной трактовке событий⁸.

Итак, можно с достаточным основанием утверждать, что одной из главных целей похода 1240 года было намерение шведов основать на Неве береговую крепость, которая позволила бы контролировать активные торговые маршруты между Новгородом и странами Ганзейского союза. Это стремление на века стало важным фактором шведской политики⁹, что становится совершенно ясно, если «встроить» Невскую битву в ряд последующих военных конфликтов. Кратко напомним об этом.

В 1293 году, захватив основанный за полтора века до этого русско-карельский город Выборг, шведский маршал Торгильтс Кнутсон построил там мощный замок-крепость, существующий до сих пор. Это позволило шведам перерезать важный торговый путь: из Ладожского озера, через Вуоксу, в Финский залив.

А всего через семь лет — в 1300 году в устье реки Охты, на территории современного Санкт-Петербурга шведам удалось

основать крепость с пышным и характерным названием Ландскрона — «Венец земли». Появление её перекрывало главную торговую артерию — Неву. Учитывая предыдущий горький опыт, шведы соорудили крепость под прикрытием большого сторожевого отряда, расположившегося на Ореховом острове. Главной задачей этого форпоста являлось отслеживание возможных передвижений новгородского войска в сторону только что отстроенной крепости.

Ответ новгородцев, сразу понявших эту угрозу, был, как и в 1240 году, твердым и решительным. Против шведов были двинуты лучшие воинские силы средневековой республики. Но мощный гарнизон Ландскроны, уже успевшей хорошо отстроиться, выстоял. Сокрушить этот опасный шведский форпост удалось лишь в следующем году, призвав на помощь сына Александра Невского Андрея, княжившего во Владимире. Ландскрона была сожжена и скрыта с лица земли. А новгородцы, поняв стратегическую ценность небольшого островка в истоке Невы, спустя два десятилетия основали там легендарный Орешек.

Шведы не забыли про Ландскрону и спустя три столетия, когда во времена Смуты им, наконец, удалось захватить невские берега, на месте Ландскроны была воздвигнута новая шведская твердыня Ниеншанц. России потребовалось целое столетие, пока неукротимая энергия Петра позволила вернуть эти земли в лоно России. Таким образом, «крепостное» противостояние длилось почти пять столетий!

Петр со свойственной ему решимостью прекратил его навсегда — вплоть до наших дней, основав военно-морскую крепость Кронштадт на острове Котлин. Эта оборонительная система целеустремленно развивалась в течение трех с лишним веков (и продолжает укрепляться сегодня). К началу XX века она включала в себя более 20 фортов, больше 100 километров ряжевых, каменных и свайных преград. Швеция к этому времени уже выпала из разряда великих европейских держав, но Кронштадт не потерял, а увеличил свое значение для обороны России. Во время Первой мировой войны Кронштадтская крепость сыграла исключительную роль, вынудив германское командование отказаться от идеи морского прорыва к столице Российской империи. А в годы Великой Отечественной войны мощные орудия крепости на весь период блокады обозначили непреодолимую для врага дугу Ораниенбаумского пяточка, ставшего одним из главных

плацдармов во время освобождения Ленинграда. За три с лишним столетия Кронштадт не пропустил к Северной столице ни одного вражеского корабля!

Вопрос о том, что случилось бы, если бы Невская битва была проиграна или, если бы русские вообще не решились на сражение, а отсиживались за стенами новгородского Детинца или Старой Ладogi, пассивно поджидая врага, не кажется праздным.

Окинем мысленным взором военно-стратегическую обстановку, сложившуюся в то время вокруг русских северо-западных твердынь — Новгорода и Пскова. Незадолго до Невской битвы Новгороду удалось избежать таранного удара ордынских туменов. Угроза нашествия с юга миновала, хотя и появилась данническая зависимость от Орды. Вслед за этим всего три года спустя, последовал удар шведских феодалов с севера, отраженный в Невском сражении. Если бы этого не удалось сделать, то захват шведами, по крайней мере, части новгородских территорий, создание на Неве крепости, перекрывающей торговые пути, принесли бы крупный экономический урон. Это самым решительным образом ослабило бы Господин Великий Новгород, в сочетании с данью в пользу всемогущей Орды. А согласованное со шведами вторжение немецких рыцарей с третьего стратегического направления — из Прибалтики — могло стать последним событием новгородской истории, если бы Александр Ярославич не отразил его, одержав победу в знаменитом Ледовом побоище.

История Новгородской земли была бы закончена, как случилось в те годы с куда более могущественными народами и племенами. Три мощных удара с разных направлений всего за пять лет! И любой мог привести к утрате самостоятельности русской средневековой республики. Таким мог бы быть неосуществившийся, но имевший все основания стать реальностью вариант нашей истории.

А что породил бы он в цепи неумолимо наступающих исторических следствий? Осуществись захватнические планы Швеции и Ордена в отношении Новгорода, и у конунгов появилась бы реальная возможность (сильные финские племена уже были покорены) создания «великой Швеции» — от Балтики до Белого моря. Новгород был в то время единственным барьером, сдерживавшим нарастающую экспансию. Это означало бы утрату Русского Севера, одного из важнейших источников роста экономического

могущества русских земель, собирания сил для борьбы с ордынским игом.

Горделивая Тверь и подымавшаяся Москва оказались бы в жестоких жерновах: с юга — Орда, с запада — Орден, с севера — Швеция... Возможность рождения Русского централизованного государства в таких условиях превратилась бы в практически невероятную цель или исчезла бы совсем.

---

¹ Бегунов Ю. К. Памятник литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.-Л., 1965. С. 188—190.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.-Л., 1950. С. 77.

³ Скептически настроенные авторы полагают что наличие известий в русских источниках при отсутствии упоминаний о битве в скандинавских документах и сказаниях свидетельствует в пользу того, что Невская битва была рядовым столкновением и мелким эпизодом русско-шведских отношений того времени, а ее значение сильно преувеличено. На такое утверждение можно дать симметричный ответ. При изучении русских летописей можно обнаружить умолчания о более значимых событиях этих отношений. Так, в 1187 году новгородская дружина в союзе с карелами взяла штурмом и разрушила столицу тогдашней Швеции — город Сигтуну. Разорение было настолько впечатляющим, что шведы предпочли оставить это пепелище и отстроить новую столицу — Стокгольм — в другом месте. В шведских источниках известия об этом событии встречаются многократно, они есть в хрониках и сагах. Но попробуйте найти упоминание об этом, несомненно, очень значительном событии в русских летописях. Таковых нет! И это, несмотря на то, что бронзовые церковные ворота главного сигтунского храма были вывезены в Новгород и установлены в соборе святой Софии.

⁴ См., например: Кучкин В. А. Александр Невский — правитель и полководец. В кн. Александр Невский. М., 2010. С. 114—117; (Электронный источник). URL: www.encyclopedia.mil.ru (Невская битва).

⁵ Шаскольский И. П. Невская битва (к 750-летию). // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1990. С. 140. См. также: Дегтярев А. Я. Место битвы изменить нельзя? // Кн. «Колпица — материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг.». СПб., 1995. С. 78—82.

⁶ Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1220—1304. // М., 1989. С. 144.

⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. Выпуск 12. С. 166.

⁸ Сорокин П. Е. Окрестности Петербурга. Из истории Ижорской земли. М., 2017. С. 98—109.

⁹ И не только шведской. Спустя всего год после Невской битвы новгородскому войску, во главе с Александром Невским, пришлось брать штурмом немецкий замок, быстро отстроенный рыцарями в Копорье. См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 78.

А. М. Егоров, И. А. Егоров (Псков)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ФОРМЫ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ международного гуманитарного права и права вооруженных конфликтов хочется напомнить о том, что партизанами являются участники народной войны, то есть лица, добровольно взявшие за оружие, ведущие боевые действия против вторгшегося захватчика и не входящие в состав регулярной армии¹.

Особый размах и значение имела партизанская война народов Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Одним из мощных районов партизанского движения в годы Великой Отечественной войны стала территория Псковского края, северная часть которого в то время входила в Ленинградскую область, а южная — в Калининскую (ныне Тверскую) область. В начале войны здесь, на оккупированной врагом территории, начало развиваться организованное сопротивление подпольщиков и партизан. К осени 1941 года в тылу осаждавшего Ленинград врага действовали более сотни отдельных отрядов и три первые партизанские бригады². Со временем прибавилось еще десять подобных соединений. Ячейки псковских подпольщиков начали работу против оккупантов в таких городах и поселках, как Псков, Остров, Порхов, Дно, Идрица, и др.

Партизанская война на территории Псковского края уже в начале войны начала приобретать серьезные масштабы. Еще 16 июля 1941 года, по решению Калининского обкома, в деревне Овсище Великолукского района был создан один из

первых партизанских кавалерийских отрядов под командованием А. Д. Петрова.

Всего через несколько дней — 20 июля 1941 года, в Ленинградском обкоме прошло совещание об организации партизанского движения в тылу наступающих на Ленинград врага. После этого совещания 23 июля 1941 года группа советских и партийных работников в количестве десяти человек перешла линию фронта у деревни Замощье Плюсского района на оккупированную врагом территорию³.

К 18 ноября 1941 года из состава указанной группы был образован Псковский межрайонный подпольный центр, а 18 июня 1942 года состоялась первая партизанская партийная конференция.

В марте 1943 года в Порховском районе также создается подпольный партизанский центр в составе 10 человек, который проводил политическую работу среди населения, военнопленных, создавал подпольные ячейки, организовывал разведку. Свой вклад в дело разрывывания партизанских отрядов внес 4-й отдел УНКВД ЛО⁴.

Наиболее активно в начале войны разворачивалось партизанское сопротивление в тылу врага на востоке Псковского края, параллельно с действиями Северо-Западного фронта. Так, в конце июля 1941 года в деревне Серболово Поддорского района, на берегу реки Полисть, был создан партизанский отряд из партийного и советского актива Дедовичского, Пожеревицкого и Поддорского районов численностью более 200 человек⁵.

В первых числах августа 1941 года на территории Дедовичского района Псковского края формируется 2-я Ленинградская партизанская бригада под командованием Н. Г. Васильева. Весь август 1941 года стал организационным периодом в деятельности данной бригады, который включал в себя изучение боевой деятельности, тактики врага, форм и методов партизанской войны, введение партизанской клятвы.

В конце августа 1941 года командованию бригады удалось установить связь и подчинить своему руководству следующие партизанские отряды: «Дружный» (23 человека) в Дновском районе, «Буденовец» (134 человека) в Дедовичском районе, «Грозный» (138 человек) в Поддорском, Белебелковском и Пожеревицком районах, «За Родину» (84 человека) в Ашевском районе, а также партизанские отряды других близлежащих районов. В сентябре 1941 года ко 2-й партизанской бригаде присоединился

партизанский отряд, сформированный в конце июля в Старой Руссе из числа Порховского районного актива⁶.

Подобная работа проводилась в других частях Псковского края⁷. В августе — сентябре 1941 года на территории Новоскольниковского района был создан партизанский отряд «Смерть фашизму». Отдельный партизанский отряд в конце августа 1941 года стал формироваться в деревне Красливец Жижицкого сельсовета Куньинского района. 28 августа 1941 года в деревне Ваши создан 2-й Великолукский партизанский отряд в составе 151 человека. Впоследствии за все время боевых действий данный отряд уничтожил 40 мостов на шоссе и дорогах и свыше 5 тысяч немецких солдат и офицеров⁸.

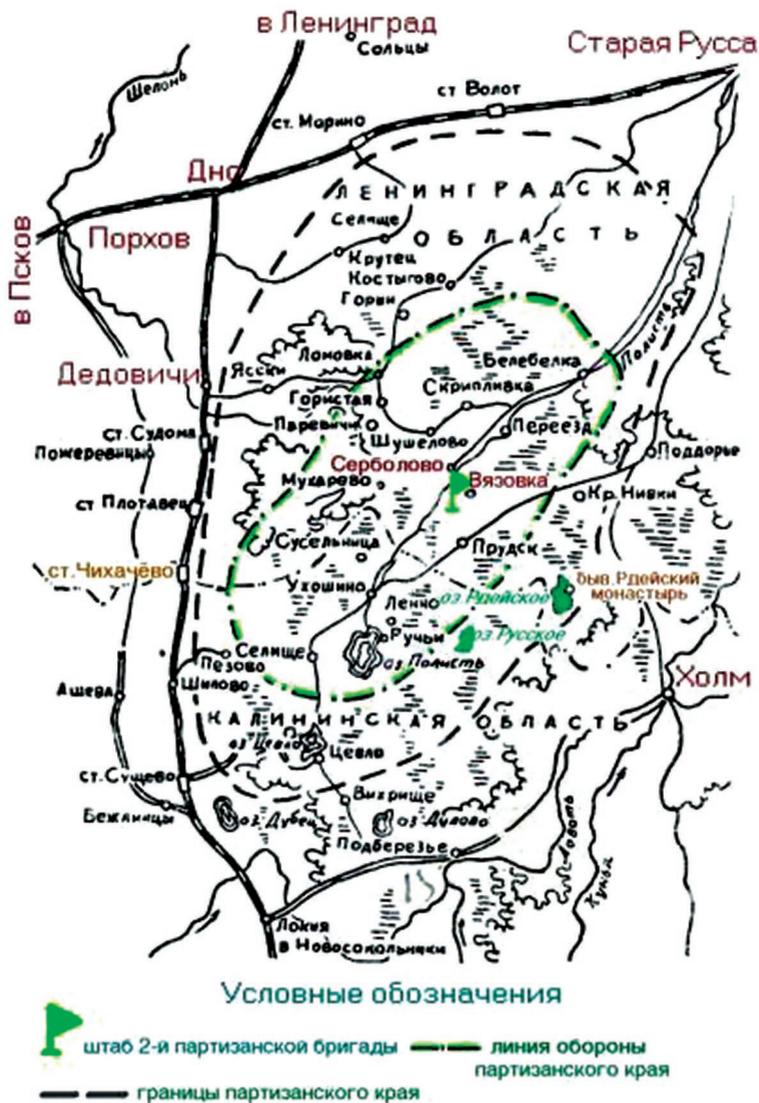
В июле 1942 года в Пореченском районе была создана 1-я Калининская партизанская бригада. В августе того же года отдельные партизанские отряды Великолукского района объединяются в 1-й Калининский партизанский корпус под командованием капитана Разумова и комиссара Штрахова. 5 ноября 1942 года в местечке Лоховня Себежского района сформирована 5-я Калининская партизанская бригада и пять отдельных партизанских отрядов.

В декабре 1942 года в Идрицком районе был создан подпольный райком партии, который работал до 12 июля 1944 года вплоть до освобождения района от врага. За это время указанный райком принял в члены партии около 1 тыс. человек, создал 6 первичных партизанских организаций, а также руководил боевыми действиями партизанских соединений на юге Псковского края⁹.

Осенью 1941 года на востоке современной Псковской области между городами Дно, Дедовичи, Бежаницы в тылу вражеских войск окончательно оформился первый партизанский край, где более чем в 400 населенных пунктах за линией фронта отсутствовала власть оккупантов. Этот край существовал вплоть до весны 1944 года, то есть до момента соединения с регулярными частями Красной армии¹⁰ (ил. 1).

В октябре 1943 года 8-й Ленинградской партизанской бригадой на территории Сошихинского и Славковского районов Псковщины был создан второй партизанский край, в состав которого входило свыше 40 деревень этих районов. Этот партизанский край просуществовал до 27 февраля 1944 года — до момента встречи с перешедшими в наступление частями Советской армии.

В ноябре 1943 года в деревне Река Струго-Красненского района состоялось совещание оргтроек и командиров партизанских

Ил. 1. Карта первого партизанского края на территории Псковщины (1941—1944)

соединений, действовавших севернее Пскова. В результате на стыке Псковского, Новосельского, Середкинского и Струго-Красненского районов создается третий по счету партизанский край, в пределах которого, на территории свыше 2500 кв. км, были ликвидированы все немецкие гарнизоны.

В начале мая 1943 года во 2-ю Ленинградскую партизанскую бригаду влились партизанские группы Струго-Красненского района. По мере увеличения массового партизанского движения на Псковщине, 14 октября 1943 года из состава 2-й Ленинградской партизанской бригады выделилось еще несколько самостоятельных соединений: 7-я, 6-я и 9-я партизанские бригады. Каждая из них имела к тому времени в своем составе от 2,5 до 4,5 тыс. человек. 27 октября 1943 года в деревне Шушпаново Псковского района создается 10-я партизанская бригада.

Партизанские соединения не только обороняли находившиеся под их контролем зоны, но и совершали активные рейдовые действия против вражеских гарнизонов на оккупированной территории. Например, в январе 1942 года 700 бойцов партизанского отряда Куньинского района осуществили подобный рейд по тылам противника и 27–28 января вели бои у деревень Красная Вешня и Большое Аннино, убив в итоге около 400 немецких военнослужащих. В том же месяце 2-я партизанская бригада провела наступательную операцию против немецких гарнизонов в городе Холме и деревне Сопки, уничтожив до 500 вражеских солдат. В октябре 1942 года в результате рейда Калининского партизанского корпуса были разбиты 4 фашистских гарнизона в деревнях Себежского и Красногородского районов: Дубровка, Томсино, Мозули, Анинское. При этом партизаны появлялись практически во всех частях Псковского края, в том числе вдали от своих постоянных баз⁴¹.

Рейдовые действия партизан могли проводиться чрезвычайно интенсивно, не давая врагу времени на передышку. Так, в ночь с 6 на 7 ноября 1943 года 8-я Ленинградская партизанская бригада атаковала гарнизон немцев в деревнях Маршавицы и Ломы Сошихинского района, уничтожив 205 солдат и офицеров противника, а также захватив большие трофеи.

На следующий день 8 ноября 1943 года 10-я партизанская бригада разгромила гарнизон немцев в деревне Матуриха Псковского района, уничтожив более 100 немцев. 19 декабря 1943 года 8-я Ленинградская партизанская бригада разгромила немецкий

гарнизон в деревне Гришманы Островского района, освободив 127 советских военнопленных, из них впоследствии был создан отдельный партизанский отряд.

23 января 1944 года 8-й партизанской бригадой был уничтожен вражеский гарнизон на железнодорожной станции Брянчаниково Островского района. При этом псковскими партизанами было убито 215 немцев, уничтожено 5 тяжелых артиллерийских орудий, 7 вагонов и пр. В начале февраля 1944 года в результате боя 6-й партизанской бригады в районе деревни Островно были убиты 600 вражеских солдат и офицеров, захвачено 4 вездехода и 3 пушки¹².

Подобные рейды были сопряжены с большим риском, так как на перехват партизан гитлеровцы снимали крупные армейские подразделения. В ходе боев с карателями 6 сентября 1943 года у деревни Житница Новоржевского района при выводе 3-й партизанской бригады из окружения погиб ее командир Александр Викторович Герман. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 апреля 1944 года он был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно¹³.

В целом партизанские рейды серьезно осложняли положение немецких захватчиков, нарушая их коммуникации, препятствуя снабжению фронтовых частей врага и нарушая оккупационный режим. В июне 1942 года псковские партизаны подорвали немецкий эшелон, двигавшийся к Ленинграду по железнодорожной ветке Псков — Гдов. В сентябре 1943 года бойцы 2-й партизанской бригады взорвали железнодорожное полотно у Владимирских лагерей Струго-Красненского района, остановив движение между Псковом и пригородами Ленинграда на 3 суток. В результате очередного рейда Калининского партизанского корпуса в южной части Псковского края, 10 марта 1944 года, в деревне Одеревы Себежского района был полностью уничтожен отряд 785-го батальона немецкой армии, а шесть его офицеров взяты в плен. Через две недели 25 марта тот же партизанский корпус разгромил две роты 343 батальона немецкой армии в деревне Козырево Себежского района. Данный рейд упомянутого партизанского корпуса продолжался до 17 июня 1944 года и сопровождался разгромом 15 немецких гарнизонов. Кроме того, были пущены под откос 23 эшелона и 1 бронепоезд, уничтожено 7 железнодорожных мостов и 3800 солдат и офицеров противника, а также взят в плен 131 военнoслужащий врага¹⁴.

В северной части Псковского края к январю 1944 года партизанская армия состояла из 35 тыс. человек, организованных в 13 хорошо вооруженных бригад¹⁵. Среди них видное место занимала 2-я партизанская бригада, сыгравшая важную роль в общей борьбе псковских партизан против немецких захватчиков. В районе действия 2-й партизанской бригады было создано пять оргтроек в Струго-Красненском, Полновском, Новосельском, Середкинском и Псковском районах, которые полностью очистили от оккупантов и восстановили советскую власть в 49 сельсоветах.

Для определения первоочередных задач данных оргтроек за время их деятельности было проведено два совместных совещания. В результате уточнения этих задач партизанские структуры проводили на местах большую массово-политическую работу среди гражданского населения, благодаря чему его основная часть перешла на сторону партизан и оказывала им большую помощь продуктами питания и одеждой¹⁶.

Зимой 1941—1942 гг. партизанские оргтройки начинают подготовку к весеннему севу. На продовольственных базах в лесных ямах было собрано до 70 т посевного зерна. В феврале 1942 года 2-я партизанская бригада начала также сбор продовольствия на территории партизанского края для жителей осажденного Ленинграда, и уже 5 марта 1942 года партизанский обоз из 250 подвод с мясом, хлебом и мукой начал движение от села Нивки к линии фронта. Во второй декаде марта 1942 года продовольственный обоз псковских партизан перешел линию фронта между городами Старая Русса и Холм. После этого партизанская помощь была доставлена в блокадный Ленинград, а 4 мая псковская делегация, сопровождавшая продовольственный обоз, вернулась в свой партизанский край (ил. 2).

Партизаны оказали значительную помощь регулярным советским частям после снятия блокады Ленинграда и начала освобождения псковской земли. В этот период они зачастую действовали совместно или во взаимодействии с ними. В начале февраля 1944 года 6-я и 9-я партизанские бригады установили связь со стрелковыми полками Красной армии, наступавшими из района города Луги, и повели боевые действия совместно с ними. Так 10—12 февраля происходят бои этих соединений с 16-й немецкой дивизией, которая двигалась от Луги в направлении поселка Ляды, но была с большими потерями отброшена обратно под удар

красноармейских частей. 24 февраля 9-я партизанская бригада, заняв дорогу Поддорье — Чихачево Ашевского района, по которой отступали немцы, атаковала воинское подразделение противника из 300 человек с 10 автоматическими зенитными пушками в деревне Долгое. В результате 150 немецких солдат и офицеров были взяты в плен, а остальные — уничтожены¹⁷.

В 1944 году партизаны принимали активное участие в освобождении крупных населенных пунктов Псковщины. В частности, 17—18 февраля партизанские соединения совместно с регулярными советскими частями освободили от захватчиков станцию Плюсса. 23—24 марта 1944 года 13-я партизанская бригада совместно с частями 1-й ударной армии Северо-Западного фронта вела бои в районе поселка Дедовичи. Утром 25 марта Дедовичи были освобождены. В результате этих боев было взято в плен около 5 тыс. немцев¹⁸.

Незадолго до освобождения Пскова 15 июля 1944 года партизанский отряд «Смерть фашизму» разгромил немецкий гарнизон в деревне Орлово Опочецкого района, уничтожив 80 гитлеровцев. По оценкам бывшего уполномоченного штаба Северо-Западного фронта генерал-майора А. Н. Асмолова, «у противника ежедневно в среднем было занято в полосе Северо-Западного фронта на охране своих объектов и в борьбе с партизанами не менее 20 тысяч войск, что означает отрыв от действий на фронте ежедневно трех-четырёх пехотных дивизий»¹⁹.

Особым вкладом псковских партизан в победу над немецко-фашистскими захватчиками была хорошо организованная разведка в интересах действующей Красной армии²⁰. Один из наиболее укрепленных рубежей гитлеровцев на пути победоносного наступления нашей армии — так называемая линия «Пантера» — был с большой точностью разведан именно партизанами.

Представляется, что в целом история партизанского движения на территории Псковского края составляет важную часть отечественного опыта по организации и использованию нерегулярных вооруженных формирований в боевых операциях Великой Отечественной войны, накопленного, в том числе, при участии сотрудников правоохранительных органов.

- ¹ См.: Армстронг Дж. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941—1943. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007; Армстронг Дж. Советские партизаны. 1941—1944. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007.
- ² Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941—1944. Л.: Лениздат, 1973. С. 14.
- ³ Псковский областной центр архивных документов партий и общественных движений (далее ПОЦАДПОД). Ф. 1219. Оп. 53. Д. 1007. Л. 5.
- ⁴ Сальников В. Н., Сальников С. В., Янгол Н. Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. С. 126.
- ⁵ ПОЦАДПОД. Ф. 1219. Оп. 53. Д. 1007. Л. 11.
- ⁶ Там же. Л. 12.
- ⁷ Никитенко Н. Место действия — тыл врага. Псков, 2003. С. 107.
- ⁸ ПОЦАДПОД. Ф. 1219. Оп. 53. Д. 1007. Л. 19.
- ⁹ Там же. Л. 17.
- ¹⁰ Петров Ю. П. Указ соч. С. 49.
- ¹¹ ПОЦАДПОД. Ф. 1219. Оп. 53. Д. 1007. Л. 6.
- ¹² Там же. Л. 8.
- ¹³ См.: Воскресенский М. Л. Герман ведет бригаду. Воспоминания партизана. Л.: Лениздат, 1965.
- ¹⁴ ПОЦАДПОД. Ф. 1219. Оп. 53. Д. 1007. Л. 13.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 16.
- ¹⁷ Там же. Л. 19.
- ¹⁸ Там же. Л. 21.
- ¹⁹ Непокоренная земля Псковская: документы и материалы из истории партизанского движения и партийно-комсомольского подполья в годы Великой Отечественной войны, 1941—1944. Л.: Лениздат, 1976. С. 169.
- ²⁰ См.: Псковщина партизанская. Воспоминания участников партизанского движения. Л.: Лениздат, 1979.

Н. В. Ермакова (Москва)

АХАЛТЕКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1880—1881 ГОДОВ (НЕОБХОДИМОСТЬ, ПОДГОТОВКА И РЕЗУЛЬТАТЫ)

КОНТАКТЫ РОССИИ со Средней Азией возникли во времена правления Ивана Грозного. После присоединения Поволжья и начала освоения Сибири в Москве появились послы из «Бухарии»¹. В одном из русско-шведских договоров этого времени отмечалось, что через московские земли пропускались купцы в Шемаху, Тевриз, Бухару, Китай, Индию². Кровопролитные войны между Среднеазиатскими ханствами и внутривосточные раздоры в них замедляли развитие этого региона и делали небезопасным транзит товаров через него³. Только в XIX в., когда в России начался рост промышленного производства, и лидирующее место в нём стало принадлежать выпуску хлопчатобумажных тканей, Россия обратила внимание на экономически отсталую и политически нестабильную Среднюю Азию, как на возможного поставщика хлопка, сферу непосредственного приложения российского капитала и важную транзитную территорию для торговли с Персией, Индией и Китаем. Новому взгляду на Среднеазиатский регион способствовал также вызванный Гражданской войной в США (1861—1865 гг.) европейский кризис поставок хлопка, который заставил Россию искать альтернативных поставщиков этого сырья⁴.

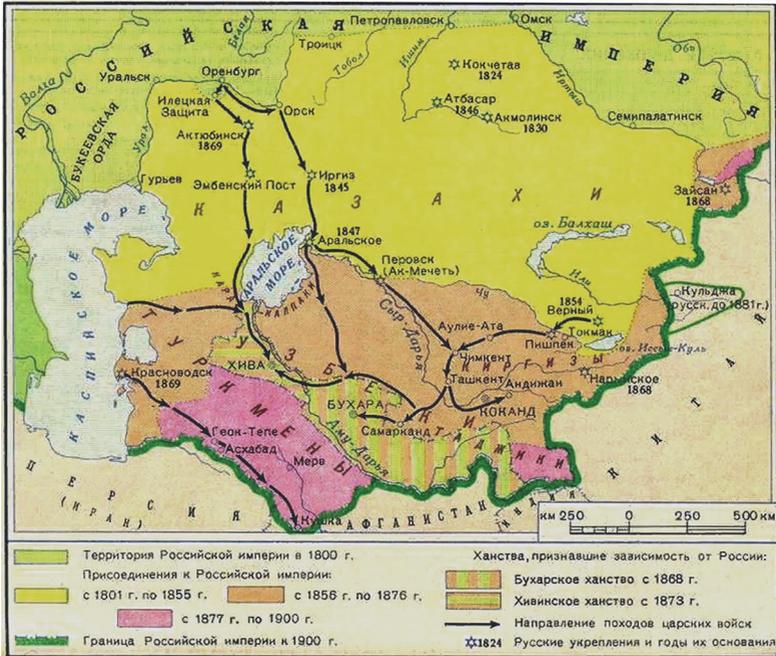
В российском правительстве на политику, которую следовало проводить в Средней Азии, не было единой точки зрения. В случае активных действий в этом регионе Министерство финансов предвидело серьёзные издержки казны, а российская дипломатия, в частности канцлер А. М. Горчаков, опасался негативной реакции Британии. Оппонентами дипломатического корпуса и Министерства финансов выступали военные⁵, поскольку опыт

Крымской войны показал, что нерешённые проблемы Северного Кавказа сделали его население «орудием в руках наших противников»⁶. Александр II встал на сторону Военного министерства.

В 1867 г. в результате военных операций русской армии в Средней Азии было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте и образован Туркестанский военный округ⁷ (ил. 1). Первым генерал-губернатором Туркестанского края стал Константин Петрович фон Кауфман. Он руководствовался в «сношениях с соседними бекствами и ханствами» официальными установками, получаемыми из Петербурга, в которых также находились «доверительные сведения от Азиатского департамента России по отношению к политике правительства Лондона»⁸. В 1869—1873 гг. велись англо-русские переговоры относительно сфер влияния в регионе, которые закончились признанием за Россией протектората над *de facto* независимыми государствами: Хивой, Бухарой и Кокандом, а к английской зоне влияния «был отнесён Афганистан с его нечётко определённой границей»⁹.

В конце 1860-х — начале 1870-х годов Россия заключила ряд договоров со Среднеазиатскими ханствами. Согласно договору, подписанному с Худояр-ханом в январе 1868 г., Россия установила протекторат над Кокандским ханством¹⁰. В августе 1873 г. хивинский хан Мухаммед-Рахим II и туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман подписали Гендемианский мирный договор, предусматривающий отказ хана от самостоятельных сношений с другими государствами; исключительное право судоходства России по Аму-Дарье; предоставление участков по левому берегу Аму-Дарьи, оставленному за ханством, для устройства русских факторий, пристаней и складов¹¹.

17 октября 1873 г. Россия подписала договор с Бухарой, которая обязалась обеспечивать безопасность караванного движения на своей территории. 6-я статья договора предоставляла русским купцам «право беспошлинного провоза своих товаров через бухарские владения во все соседние земли»; статья 8-я — «иметь в бухарских городах <...> свои [русских купцов] караван-сарай, в которых бы они могли складывать свои товары»; статья 11-я давала право русским подданным «заниматься в бухарских владениях разными промыслами и ремёслами, допускаемыми шариатом», а статья 12-я разрешала русским подданным «иметь в ханстве недвижимое имущество, то есть покупать дома,

Ил. 1. Средняя Азия в пределах Российской империи

сады и пашни»¹². Договор был утверждён подписью и печатью К. П. Кауфмана.

Владелец Кокандского ханства Худояр-хан добросовестно выполнял все условия договора 1868 г., но его действия отличались крайней жестокостью и корыстностью по отношению к населению, что привело в 1875 г. к восстанию. Худояр-хан бежал в Ташкент под защиту российских войск, а правителем Коканда был провозглашён его сын Насреддин, объявивший русским священную войну. Отряды кокандцев вторглись в Туркестан и разрушили несколько почтовых станций на пути в Ташкент. К. П. Кауфман сформировал отряд и, одержав несколько побед, 29 августа подошёл к Коканду, жители которого отворили ворота без выстрела, но часть ханства продолжала оказывать сопротивление, которое было особенно сильным при занятии Андижана, где русские войска потеряли 5 офицеров и свыше 60 нижних чинов. По окончании экспедиции был подписан договор, согласно которому Россия признала Насреддина ханом,

а ханство уступило империи земли к северу от притока Сыр-Дарьи (так называемый «Наманганский отдел»). В конце октября недовольные договором кокандцы окружили Наманган, но генерал Михаил Дмитриевич Скобелев, назначенный начальником Наманганского района, освободил город от блокады, а затем взял вторично штурмом Андижан. 8 февраля 1876 г. русские войска вновь вступили в Коканд¹³. Эти события заставили российское правительство изменить статус Коканда как независимого ханства, и 19 февраля Александр II подписал указ о включении территории Коканда «в границы Империи» и преобразовании этого региона в Ферганскую область, главное управление которой возлагалось «на туркестанского генерал-губернатора, а местное областное управление — на военного губернатора, с подчинением сему последнему и расположенных в области войск, со званием командующего войсками области»¹⁴. Первым военным губернатором Ферганской области стал М. Д. Скобелев.

Таким образом, у Российской империи к концу 1870-х гг. появилась возможность использовать экономический потенциал большей части Среднеазиатского региона¹⁵. Исключением являлась территория, занимаемая туркменами племени теке. Оазис Ахал-Теке представлял собой узкую полосу плодородной земли у подножия хребта Копетдаг, простиравшуюся от Кызыл-Арвата в юго-восточном направлении, приблизительно на 240 вёрст (ил. 2). Большими партиями на лошадях и верблюдах текинцы осуществляли набеги на хивинские, бухарские и персидские владения. В 1877 г., чтобы обезопасить подконтрольные России земли от текинских набегов, было принято решение занять Кызыл-Арват. Экспедиционному отряду удалось выполнить эту задачу, но из-за недостатка продовольственных запасов и трудности их подвоза отряду пришлось отступить¹⁶.

Целью экспедиции, осуществлённой в 1879 г., было занятие всего Ахалтекинского оазиса. Эта экспедиция также оказалась неудачной, поскольку текинцы хорошо подготовились к началу военных действий, построив и укрепив крепость Геок-Тепе с центральным возвышением Денгиль-Тепе. В постройке крепости принимали участие английские военные специалисты, в частности капитан *Butler*, который помог укрепить ещё два пункта восточнее Геок-Тепе (одним из них был Мерв)¹⁷. В рапорте командующего Ахалтекинским отрядом генерал-майора Ломакина отмечалось, что крепость Геок-Тепе представляла

Ил. 2. Ахалтекинские экспедиции 1879 и 1880—1881 гг.

собой неправильный четырёхугольник, окружённый двумя рвами. Перед стенами крепости «близ наружного вала были установлены шесть рядов сплошных кибиток, наполненных землёй», позади которых «вновь ров и бруствер». Генерал Ломакин обращал внимание на то, что текинцы «даром выстрелы не пускают» и оказывают «невероятное сопротивление, вполне достойное лучших европейских армий», поэтому русский отряд (1804 штыка) при штурме крепости понёс большие потери, превысившие 25 % личного состава. По мнению Ломакина, неудача в Геок-Тепе была связана с отсутствием в русском отряде достаточного количества перевозочных средств, артиллерии и «всякого рода запасов», но положительным результатом похода стали «добытые, хотя и дорогою ценою», сведения, дававшие возможность предпринять новую «экспедицию на более точных данных»¹⁸.

В конце 1879 г. Кавказский штаб выработал несколько планов по водворению спокойствия в Закаспийском регионе. Они различались характером и продолжительностью военных действий. В случае принятия «плана быстрого, решительного удара» предполагалось назначить на должность командующего войсками Закаспийского края генерал-адъютанта М. Д. Скобелева¹⁹. Планы были отправлены в Петербург и рассмотрены Главным штабом,

в совещаниях которого участвовал и Михаил Дмитриевич. Единства мнений даже по вопросу о необходимости проведения новых «дорогостоящих экспедиций в безводные пустыни» не было, но большинство военных признавало, что «всякий шаг назад в Азии был бы губительным, что даже остановиться нельзя без больших опасений ввиду предприимчивости и наступательной политики Англии»²⁰.

1 марта 1880 г. Александр II утвердил план экспедиции, назначив её начальником генерал-адъютанта Скобелева. Согласно инструкции, высочайше утвержденной 15 марта, ему были подчинены все войска, управления и чины, находившиеся в Закаспийском крае, а он сам подчинялся главнокомандующему Кавказской армией, получая от него «надлежащие указания и разрешения» и находясь «в повременных сношениях с командующим войсками Туркестанского военного округа», при этом «в обстоятельствах чрезвычайных» мог действовать «не ожидая разрешений», но рапортуя «о принятых им мерах и о причинах их настоятельности»; мог вступать «в переговоры с туркменами» и был «обязан употреблять все меры к мирному подчинению кочевников»; ему разрешались сношения с хивинским ханством и пограничными властями Персии «по вопросам, относящимся до обеспечения хозяйственных нужд подчинённых ему войск»²¹.

Для успешного проведения экспедиции требовалось учесть причины предыдущих неудач, которые, по мнению М. Д. Скобелева, «были предопределены слабой материальной подготовкой»²². Отмеченный в рапорте генерала Ломакина недостаток перевозочных средств предполагалось устранить использованием не только верблюдов и лошадей, но и строительством конной железной дороги системы Дековиля. Содействием по приобретению и доставке экспедиционного довольствия должны были заниматься Кавказский, Казанский, Оренбургский и Туркестанский округа (ил. 3). Кроме того, часть продовольствия следовало закупить в Персии, правительство которой обещало русскому посланнику в Тегеране, «в случае надобности, предоставить в распоряжение командующего русскими войсками средства, которые тот сочтёт нужным извлечь из персидской территории» (на принятие такого решения оказала влияние благоприятная обстановка, сложившаяся в Чекишляре, где после его занятия Россией прекратились «разбои приморских туркмен, ещё недавно наводивших ужас на население персидского прибрежья Каспия») ²³.

не мог стать основной базой, поэтому было принято решение доставлять грузы по морю в Красноводск, где были построены пристани, от которых по узкоколейной дороге Дековиля, уложенной по земляной дамбе, укрепленной по сторонам сваями, грузы доставлялись на склады Михайловского поста. Отсутствие пресной воды в Красноводске и Михайловском компенсировалось использованием опреснителей²⁵.

Продвижение войск от Каспия в Ахалтекинский регион должно было сопровождаться созданием надёжных транспортных коммуникаций по двум линиям: 1) Чекишляр — Чат — Кызыл-Арват; 2) Красноводск — Айдин — Кызыл-Арват. Безопасность на линиях возлагалась на начальников, которым подчинялись этапные коменданты, военные госпитали, интендантские склады и магазины, артиллерийские и инженерные склады и парки, железнодорожные части, телеграф, почтовые учреждения, верблюжий транспорт и другие перевозочные средства²⁶. Только после обеспечения довольствием обеих коммуникационных линий и организации надёжных перевозок можно было начать переброску войск с Кавказа для наступления на Геок-Тепе²⁷.

Климатические условия Закаспийского края потребовали специального рассмотрения вопроса об организации войсковых обозов. Следовало «уменьшить колёсный обоз до последней степени», так как «большая часть груза на колёсном обозе будет состоять из запасов воды и фуража для самих лошадей»; это обстоятельство ограничивало и количество вьючных животных (например, было принято решение иметь на десять строевых лошадей только одну вьючную лошадь; кроме того, запрещалось иметь лишних верблюдов)²⁸. Предполагалось купить 2 тысячи верблюдов у туркмен, кочующих по Атреку, 6 тысяч — у оренбургских киргизов, 3 тысячи — у мангышлакских киргизов и 5 тысяч поставить из Бухары и Хивы²⁹. В связи с ограниченностью перевозочных средств были проведены тщательные расчёты необходимого количества продовольствия, огнестрельных припасов, шанцевого инструмента, достаточного количества «припасов для госпиталей»³⁰.

Доктор Студитский составил записку, в которой писал: «Одна из тяжестей войны заключается в дурных физических условиях, борьба с которыми отнимает у отряда гораздо более штыков, чем сражения с неприятелем». К числу неблагоприятных условий, в результате которых развиваются болезни, он относил

Ил. 4. Обмундирование участников экспедиции

недостаточно приспособленную к условиям местности пищу солдат, её дурное качество, отсутствие хорошей воды, сильную пыль и жар, недостатки санитарного надзора³¹. При заказе средств экспедиции было уделено внимание кухонной утвари для приготовления пищи и чая. Например, медные котлы должны были непременно иметь крышки³². Для выпечки хлеба были затребованы печи, отапливавшиеся нефтью³³. Детально были рассмотрены вопросы, касающиеся особенностей обмундирования назначенных к походу частей. Например, для нижних чинов была признана необходимость наличия суконных фуражек с козырьком и белым чехлом с назатыльником, а кроме двух пар сапог, наличие одной пары поршней³⁴ «туземного образца»³⁵. Для тёплого времени года «войска получили гимнастические рубашки из парусины, а на холодное время для них заготавливались фуфайки, полушубки, тёплые портянки и рукавицы»³⁶ (ил. 4).

В результате проведённой 30–31 мая рекогносцировки путей в Ахалтекинский оазис было принято решение сделать основной

склад продовольственных и боевых запасов не в Кызыл-Арвате, а в Бами, который разрезал оазис на две части. 10 июня передовой отряд занял Бами, и появилась возможность «произвести железнодорожные изыскания». Было установлено, что прокладку дековильской дороги можно было осуществить только на двух участках, при этом была несомненно возможность проведения от Михайловского залива до Кызыл-Арвата паровой железной дороги, но для её создания требовались более значительные средства³⁷. М. Д. Скобелев доложил о результатах изысканий военному министру, пояснив, что паровая «железная дорога необходима для прочного утверждения нашего в Средней Азии <...> Независимо военного, она будет иметь значение торговое, политическое и успокоительное в обширном смысле этого слова»³⁸. 7 сентября М. Д. Скобелев получил разрешение на постройку железной дороги, и из Москвы в Закаспийский край были отправлены железнодорожные роты³⁹. Путь от Красноводска до Кызыл-Арвата (217 верст) был проложен только к началу 1881 г.⁴⁰, поэтому основная перевозка грузов экспедиции была осуществлена верблюдами.

Текинцы несколько раз пытались вернуть себе Бами, но размещение в нём артиллерии сделали их попытки безуспешными. В Бами и на линиях, соединявших его с Чекишляром и Красноводском, были построены крепостицы, которые имели воду и обширные помещения для складов. Между укреплениями действовала гелиографная, а позже и телеграфная связь, что обеспечивало безопасность движения транспортов. Нуждавшиеся в отдыхе гарнизоны укрепленных пунктов периодически заменялись свежими частями.

В начале июля М. Д. Скобелев с рекогносцировочным отрядом обошёл вокруг Геок-Тепе, при этом столкновение у крепости с неприятелем 6 июля показало, что быстрый штурм Геок-Тепе был бы безрассуден, следовало вести осаду. План дальнейших действий предусматривал: пополнение артиллерийской части (в особенности мортирами); преграждение войсками пути отступления текинцев к Асхабаду; проведение минных работ; создание пункта начала атаки в Янги-Кале, где имелся источник воды⁴¹. В августе для дополнительного снабжения экспедиции М. Д. Скобелев командировал полковника Гродекова в северные провинции Персии, чтобы на фланге операционной линии сосредоточить двухмесячное довольствие и сделать положение отряда под Геок-Тепе не только прочным, но и получить возможность сократить

срок начала наступления (продовольственная база в Персии была устроена к концу ноября)⁴².

В конце октября в Красноводск и Чекишляр начали прибывать войска с западного берега Каспия. Часть из них отправлялась «для занятия этапных пунктов, а части, назначенные в отряд вторжения», - в Бами. 26 ноября в Бами находилось уже 26 рот, 3½ сотни и 67 орудий, что позволило отправить из него к Геок-Тепе первую колонну. К этому же времени была решена проблема эвакуации раненых и больных⁴³.

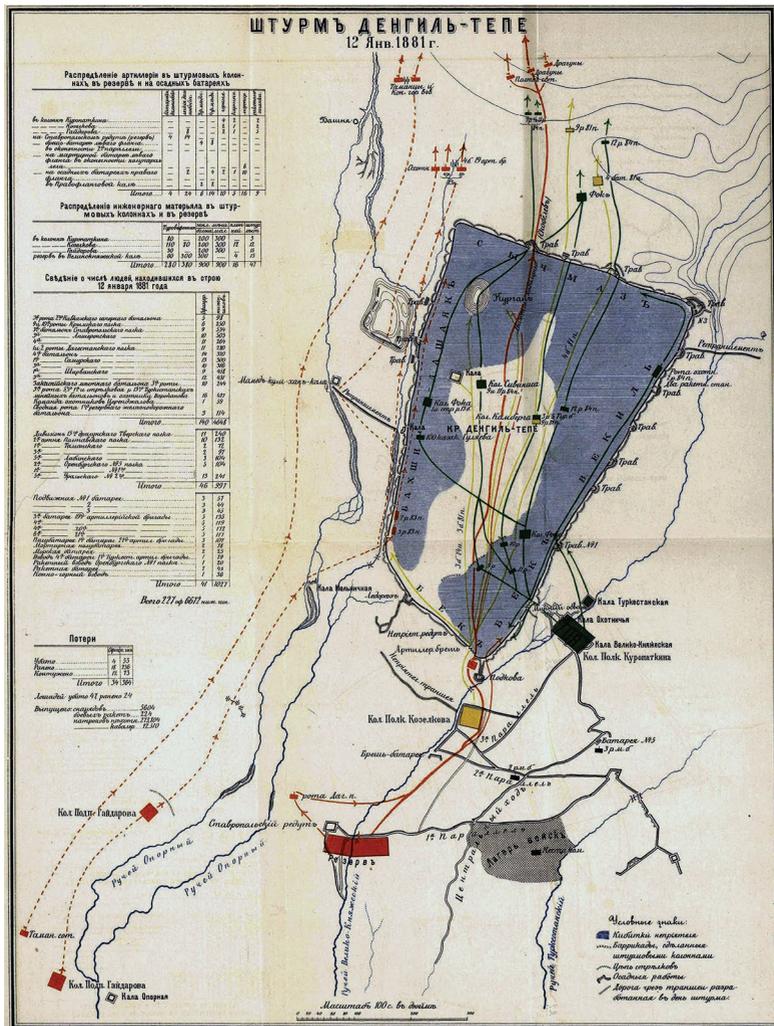
М. Д. Скобелев учитывал все мелочи, которые должны были сохранить боевую способность войск, поэтому от начальников частей он требовал тщательно осматривать одежду, обувь и снаряжение нижних чинов: оружие должно было быть вычищено, содержание патронов исправно, шанцевые инструменты храниться бережно, отсталых на походе не должно было быть, следовало избегать «без крайней необходимости мочить ноги», а отрядный врач должен был сообщать лично командующему «о гигиеническом состоянии действующих войск»⁴⁴.

К 20 декабря под Геок-Тепе «сосредоточилось 38 рот, 11 сотен и эскадронов, 59 орудий, 5 картечниц, 4 мортиры, 11 ракетных станков, силою 4880 штыков, 1175 шашек, 965 артиллеристов. Всего с нестроевыми до 7100 человек»⁴⁵.

23 декабря начались осадные работы у юго-восточных стен крепости. Они включили закладку параллелей, ложементов, строительство редутов, устройство батарей. 6 января 1881 г. начался заключительный этап подготовки к штурму — устройство минной галереи. 7 января осаждённым (в крепости находилось около 45 тысяч человек) было сделано предложение о пощаде населения и прощении главных предводителей на условиях безусловной сдачи. Текинцы ответили отказом. 11 января прокладка минной галереи была завершена и для взрыва доставлено 72 пуда пороха. На 12 января был назначен штурм крепости (ил. 5). Первой в 7 часов утра пошла в атаку кавалерийская колонна подполковника Гайдарова. Через полтора часа она взяла Мельничную калду у западной стены крепости. После взрыва подведённой мины в восточной крепостной стене образовался двадцатисаженный проход и начался общий штурм. Неприятель отступал к холму Денгиль-Тепе, но к часу дня этот пункт был взят. Пехота преследовала неприятеля, отступавшего в северном направлении на 11 вёрст, а кавалерия на 6 вёрст дальше. Неприятель потерял 6500

человек в крепости и 8000 человек при преследовании. Наши потери составили: убиты 7 человек офицеров и 55 нижних чинов; ранены 36 офицеров и 236 нижних чинов⁴⁶.

Результатом Ахалтекинской экспедиции 1880—1881 гг. стало образование Закаспийской области. В указе Александра III

говорится: «В видах упрочения спокойствия и безопасности в Закаспийской степи, признав за благо присоединить к Империи, занятую Нашими войсками территорию туркменом текинского рода, повелеваем: образовать из неё и земель Закаспийского военного отдела область Закаспийскую, со включением в состав Кавказского военного округа»⁴⁷. Административным центром Закаспийской области был определён город Асхабад, занятый русскими войсками через неделю после взятия Геок-Тепе и официально включённый в состав Российской империи в декабре 1881 г. конвенцией между Россией и Персией⁴⁸. Титул императора был дополнен словами: «Государь Туркестанский», а в государственном гербе появился золотой щит с изображением туркестанского герба - «идущего единорога с черлёными глазами, языком и рогом»⁴⁹.

Защитники Геок-Тепе были прощены. Текинская феодальная знать получила звание офицеров местной милиции, пятеро из них, как делегация туркменских старшин, были приняты императором и военным министром в Петербурге⁵⁰.

Покорение Ахалтекинского оазиса повлияло на население Мерва. Некоторые его старшины вошли в сношения с Начальником Закаспийской области и изъявили готовность подчиниться указаниям русских властей, «прекратить разбои и грабежи и охранять торговые караваны, следующие в Мерв»⁵¹. 1 января 1884 г. в Мерве собрание «улемов, эмиров и бедняков» оформило прошение императору Александру III, которое содержало слова: «Обращаемся в Твоё подданство и с сего числа отдали себя под Твою высокую власть и надеемся, что на нас будут распространены Твоё благоволение и милость»⁵². Собрание направило в Асхабад к начальнику Закаспийской области, генералу Комарову, своих представителей. 31 января мервская делегация дала в Асхабаде клятвенное обещание «быть верными, добрыми, послушными и вечно подданными» Российской империи⁵³, получив от А. В. Комарова заверение в том, что русский император принимает в подданство всех туркмен, живущих в Мерве и в Теджене, при следующих условиях: их вероисповедание останется неприкосновенным; для устройства порядка и утверждения управления в Мерв переходит русский отряд войск; для общего управления народом назначается русский офицер; самоуправление остаётся «за настоящими ханами, которые поступают на службу государю императору, за что назначается им приличное жалованье»; по всем уголовным и гражданским делам

оставляется суд по вере и обычаям народным; виновные в уголовных преступлениях против русских судятся по русским законам; продажа людей строго воспрещается; туркмены пользуются правами русских подданных и несут обязанности к правительству наравне с ними⁵⁴. 30 июля 1884 г. мервские ханы были произведены в капитаны милиции⁵⁵.

Принадлежность России среднеазиатских территорий получила международное признание после подписания в августе 1885 г. в Лондоне протокола о границе между Россией и Афганистаном, согласно которому были назначены комиссары со стороны российского правительства и правительства Соединённого Королевства «для рассмотрения и обозначения на месте подробностей афганской границы» и составления её карт⁵⁶. 10 июля 1887 г. после проведения демаркационных работ в Петербурге был подписан протокол об окончательном «разграничении афганских владений» с точным указанием пограничных столбов⁵⁷.

Соглашения, подписанные с Британской империей, позволили России начать освоение Среднеазиатского региона, что имело для страны важное политическое, экономическое и стратегическое значение.

---

¹ Соймонов Ф. И. О торгах за Каспийское море древних, средних и новейших времен. М., 1765. С. 11.

² Посылка Ивана Евпловича Замыцкого к королю шведскому с извещением о заключении мира. 1557 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 129. СПб., 1910. С. 52.

³ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 54.

⁴ Kappeler A. The Russian empire: a multiethnic history. Harlow: Longman, 2001. P. 193.

⁵ Боронин О. В. Завоевания Российской империи в Центральной Азии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 66.

⁶ Отношение генерал-фельдмаршала князя Барятинского к военному министру. 29.12.1860 // Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 665.

⁷ Указ «Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской». 11.07.1867 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. (Далее — ПСЗ-2) Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44831.

⁸ Динашева Л. С., Абдурахманова Н. Ш. Из истории соперничества России и Англии за Среднюю Азию (конец XIX — начало XX вв.) // Universum: Общественные

науки: электрон. научн. журн. 2015. № 4 (14). (Электронный ресурс). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2099> (дата обращения 19.12.2020).

⁹ Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70—90-е годы XIX века / Автореферат канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 16, 17.

¹⁰ Боронин О. В. Указ. соч. С. 74.

¹¹ Гендемианский мирный договор между Россией и Хивой. 12.08.1873 // Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. С. 347—352.

¹² Договор между Россией и Бухарой. 28.09.1873 // Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключённых Россией с другими государствами. Т. 1. СПб., 1902. С. 421—425.

¹³ Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении: (Поход в Ахал-Теке в 1880—1881 гг.): С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб., 1899. С. 75, 76; Боронин О. В. Указ. соч. С. 76, 77.

¹⁴ Указ «Об образовании области Ферганской». 19.02.1876 // ПСЗ-2. Т. 51. Отд. 1. СПб., 1878. № 55594; указ «О порядке управления в Ферганской области». 19.02.1876 // Там же. № 55593.

¹⁵ Ганиев Р. Т. Политика России и Китая в Центральной Азии. Екатеринбург, 2017. С. 30.

¹⁶ Куропаткин А. Н. Указ. соч. С. 93—97.

¹⁷ Marvin C. Russian advance towards India. London, 1882. P. 85.

¹⁸ Копия рапорта временно командующего войсками Ахалтекинского отряда генерал-майора Ломакина. 15.09.1879 // Россия и Туркмения в XIX веке. Сборник документов / сост. А. Г. Соловьёв, А. А. Сенников. Асхабад, 1946. Документ № 59.

¹⁹ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 3. СПб., 1906. С. 34.

²⁰ Халфин Н. А. Указ. соч. С. 350.

²¹ Инструкция временно командующему войсками, действующими в Закаспийском крае. 15.03.1880 // Гродеков Н. И. Война в Туркмении: Поход Скобелева в 1880—1881 гг. СПб., 1883. Т. 1. Приложение 9.

²² Басханов А. К., Басханов М. К., Егоров Н. Д. Линейцы. Никосия, 1996. С. 173.

²³ Терентьев М. А. Указ. соч. С. 98; Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 2. С. 11, 12, 19.

²⁴ Копия письма генерал-адъютанта Скобелева. 13.05.1880 // Россия и Туркмения в XIX веке... Документ № 60.

²⁵ Куропаткин А. Н. Указ. соч. С. 109, 110.

²⁶ Положение об управлении начальника военных сообщений войск, действующих в Закаспийском крае. Утверждено командующим Кавказской армией 15.06.1880 // Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 2. Приложение 44.

²⁷ Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 3. С. 7.

²⁸ Отношение начальника штаба Ахалтекинской экспедиции. 19.04.1880 // Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 1. Приложение 23.

²⁹ Куропаткин А. Н. Указ. соч. С. 112.

³⁰ Ведомости огнестрельным припасам и припасам для госпиталей // Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 1. Приложения 28—30.

³¹ Записка врача Студитского. 07.05.1880 // Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 2. Приложение 43.

³² Циркуляр штаба Кавказского военного округа. 19.04.1880 // Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 1. Приложение 24.

- ³³ Воронцов С. Л. Скобелев М. Д. и военные действия русской армии в Средней Азии во второй половине XIX века. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Ярославль, 2001. С. 25.
- ³⁴ «Поршни вообще не шьются, а гнутся из одного лоскута сырой кожи или шкуры» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 325).
- ³⁵ Циркуляр штаба Кавказского военного округа. 19.04.1880 // Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 1. Приложение 24.
- ³⁶ Куропаткин А. Н. Указ. соч. С. 108.
- ³⁷ Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 2. С. 78, 85, 89; Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 3. С. 65, 70.
- ³⁸ Справка (План выполнения Ахалтекинской экспедиции генерала Скобелева) // Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 1. Приложение 6.
- ³⁹ Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 3. С. 70.
- ⁴⁰ Вацлик И. Я. Закаспийская железная дорога, её значение и будущность. СПб., 1888. С. 9.
- ⁴¹ Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 2. С. 150, 151.
- ⁴² Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 2. С. 205; Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 3. С. 81.
- ⁴³ Куропаткин А. Н. Указ. соч. С. 125; Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 3. С. 56–59, 83.
- ⁴⁴ Гродеков Н. И. Указ. соч. Т. 3. С. 88.
- ⁴⁵ Куропаткин А. Н. Указ. соч. С. 139.
- ⁴⁶ Журнал военных действий за январь месяц 1881 г. // Россия и Туркмения в XIX веке... С. 141–166.
- ⁴⁷ Указ «О присоединении к Империи занятой Нашими войсками территории туркменного текинского рода...». 06.05.1881 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. (Далее — ПСЗ-3). Т. 1. СПб., 1885. № 142.
- ⁴⁸ Конвенция между Россией и Персией о разграничении к востоку от Каспийского моря. 09.12.1881 // Россия и Туркмения в XIX веке... Документ № 83.
- ⁴⁹ Высочайше утверждённые доклады министра юстиции «I. О полном титуле Императорского Величества и II. Описание Большого Государственного герба». 03.11.1882 // ПСЗ-3. Т. 2. СПб., 1886. № 1159.
- ⁵⁰ Халфин Н. А. Указ. соч. С. 353.
- ⁵¹ Соображения Особого Государственного Совещания по Среднеазиатским делам от 17 июля 1882 г. // Россия и Туркмения в XIX веке... Документ № 92.
- ⁵² Прошение от депутации Мервского оазиса императору Александру III о принятии в подданство России. 01.01.1884 г. // Россия и Туркмения в XIX веке... Документ № 101.
- ⁵³ Клятвенное обещание // Россия и Туркмения в XIX веке... Документ № 102.
- ⁵⁴ Ханам, старшинам и всему народу мервскому приказание начальника Закаспийской области и командующего в нем войсками. 31.01.1884 // Россия и Туркмения в XIX веке... Документ № 103.
- ⁵⁵ Приказ Императора Александра III о производстве вождей туркменских племен Мервского оазиса в капитаны милиции // Россия и Туркмения в XIX веке... Документ № 121.
- ⁵⁶ Лондонский протокол от 29.08.1885 // Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. Т. 12. Трактаты с Англией, 1832–1895. СПб., 1898. Документ № 465.
- ⁵⁷ Санкт-Петербургский протокол от 10.07.1887 // Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Документ № 467.

С. В. Ефимов (Санкт-Петербург)

КИНЖАЛ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА XIII

В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится великолепный парадный кинжал с ножнами (инв. № 0120/695), выполненный в стиле, характерном для декоративно-прикладного искусства эпохи позднего Ренессанса или раннего барокко.

Впервые об этом кинжале написал в небольшой и, к сожалению, не опубликованной до настоящего времени статье известный отечественный оружейвед и ученый секретарь Артиллерийского исторического музея Всеволод Викторович Арендт (1887—1937) незадолго до своего ареста и расстрела¹. В настоящее время накопившаяся более чем за восемьдесят лет информация позволяет более полно и глубоко осветить историю этого замечательного образца клинкового оружия.

Кинжал поступил в музей в 1920—1930-е гг., вероятно, из конфискованных частных коллекций или дворцовых собраний императорской семьи. В более ранних каталогах и путеводителях², а также в так называемых учетных «Красных книгах»³ Н. Е. Бранденбурга он не числится. Инвентарная карточка составлена в 1936 г. как на «парадный французский кинжал конца XVI века», и он оценен в достаточно большую сумму для того времени — 3000 рублей.

Общая длина кинжала — 385 мм, длина клинка — 250 мм, ширина клинка — 37 мм (в середине клинка, наиболее истертой от заточки — 27 мм). Длина рукояти составляет 135 мм, ширина у основания — 27 мм, в верхней, наиболее широкой части у набалдашника — 57 мм. Длина ножен — 295 мм, ширина — 51 мм. Вес кинжала с ножнами — 680 г (ил. 1).

Рукоять и ножны кинжала железные, украшенные глубокой чеканкой. На рукояти с двух сторон изображены женские фигуры. Одна из них держит обнаженный меч в левой руке, опущенный клинком вниз. Скорее всего, она изображает богиню Правосудия — Юстицию (Фемиду у греков) (ил. 2).

Другая женская фигура прячет правую руку с мечом за спиной, так что видны только перекрестье рукояти и острие клинка. Можно предположить, что это изображение Клеменции — древнеримской богини милосердия, снисходительности и прощения (ил. 3).

Над фигурами — маскароны в виде голов сатиров. Слева и справа от них, а также под фигурами находятся гроздья плодов, напоминающих груши и яблоки. На набалдашнике рукояти и на небольшой гарде также находятся плоды (ил. 4, 5).

В верхней части ножен представлены целующиеся Марс и Венера. На голове бородатого бога античный шлем с плюмажем, левой рукой он придерживает стоящий на земле овальный щит, из одежды на нем — набедренная повязка и короткие, до колен штаны, плотно облегающие ноги. Правой рукой Марс обнимает Венеру, ниспадающая туника которой обнажает грудь.левой рукой богиня обнимает Марса, кисть руки лежит на его предплечье (ил. 1, 6). Правой рукой Венера держит за голову детскую фигурку — Купидона (или Амура).

Эта сцена связана с одним из популярных мифологических сюжетов. Марс — бог войны, был одним из двенадцати олимпийских

Ил. 1. Общий вид кинжала и ножен

Ил. 2. Изображение Юстиции на рукояти кинжала

Ил. 4. Изображение плодов на набалдашнике рукояти и гарде кинжала

Ил. 3. Изображение Клеменции на рукояти кинжала

Ил. 5. Изображение плодов на набалдашнике рукояти и гарде кинжала

богов. Жестокий и агрессивный характер сделал его ненавистным почти для всех обитателей Олимпа, включая его собственных родителей, — Юпитера и Юнону. Одна лишь Венера была безнадежно влюблена в него. Марс был не слишком популярной фигурой в искусстве, за исключением сюжетов, в которых

воинственный дух смиряется любовью. Не существовало твердо установленного типа изображения Марса, хотя обычно он предстает молодым, энергичным и мужественным. Его амуниция, как правило, состоит из шлема и щита, иногда также из нагрудника, но он редко экипирован полностью⁴ (ил. 7, 8, 9).

Об истории любви Марса и Венеры повествует гомеровская «Одиссея». Вулкан поймал бога войны и свою супругу в ловушку из железной сети, в то время как они предавались любовным ласкам. В эпоху Ренессанса взаимоотношения Марса и Венеры перешли в аллегорию вражды, побеждаемой любовью,

Ил. 6.
Изображение
Марса, Венеры
и Купидона на
ножках кинжала

что отражало рыцарский кодекс типичного придворного того времени, соединявшего в себе качества воина и любовника. Купидон

Ил. 7. Венера и Марс. Художник Питер Пауль Рубенс. Между 1632 и 1635 гг. Художественный музей Страда-Нуова (Генуя)

или амурсы изображаются в тот момент, когда они разоружают Марса, стоящего перед Венерой. Иногда пара полулежит, обнявшись, в то время как амурсы возятся с доспехами Марса, как с игрушками. Один из амуров может соединять пару любовным узлом из ленты или веревки.

Ниже, на ножнах кинжала также изображена женская фигура в подпоясанной под грудью тунике и бантом (или узлом) на животе. Она держит двух мальчиков, одного за руку, другого за голову. Вероятно, что это римская богиня плодородия Церера, соответствующая древнегреческой Деметре (ил. 10). Еще одна женская фигура, расположенная ниже Цереры с детьми, напоминает изображение Клеменции на рукояти кинжала.

Под стальной оковкой ножны обтянуты вытертым и потемневшим от времени малиновым бархатом. Небольшой вкладной ножик, на существование которого указывает гнездо длиной в 12 мм в верхней части ножен, утрачен. С внутренней стороны ножен имеются две скобы, предназначенные для крепления кинжала

Ил. 8. Венера, Марс и Купидон. Художник Питер Пауль Рубенс. 1630-е гг. Далиджская картинная галерея (Лондон)

Ил. 9. Венера, Марс и Купидон. Гравюра Марко Ангиоло дель Моро. 1560—1570-е гг.

Ил. 10. Изображение
Цереры с детьми
на ножнах кинжала

к поясу. Клейма изготовителя на кинжале отсутствуют. Ножны и рукоять сохранили следы золочения, что некогда придавало кинжалу чрезвычайно богатый и парадный вид.

Как общая композиция, так и детали указывают на южно-немецкую оружейную мастерскую, вероятнее всего, из Аугсбурга, который славился производством предметов роскоши, в том числе и богато украшенного оружия.

Внешний вид кинжала, его сохранность, а также техника и материалы, из которых он изготовлен, не дают оснований считать это оружие подделкой, выполненной в XIX—XX вв. В это время оружие, изготовленное в стиле Средневековья или Ренессанса, пользовалось большим спросом среди коллекционеров, художников, а также производителей самого оружия. При этом спрос зачастую многократно превышал предложения, поскольку образцов, сохранившихся в хорошем состоянии, было не так уж много. Этим пользовались предприимчивые торговцы антиквариатом. Они стали специально «состаривать» богато декорированные кинжалы и другое клинковое оружие, и продавать их как антиквариат. Найти мастера, который изготовил бы кинжал в стиле Ренессанса, не представляло труда. Многие авторы подделок были профессиональными реставраторами. Коллекционеры сами стимулировали торговлю высокохудожественным оружием, тем самым породив всплеск подделок⁵.

Кинжал невозможно отнести ни к одному из существовавших в то время типов короткоклинкового оружия. Скорее всего, перед нами какая-то переходная форма. Рукоять позволяет причислить его к так называемым «ландскнехтским» кинжалам, которые часто отличались богатой отделкой. Однако клинок кинжала не соответствует данному типу, а больше напоминает клинки кинжалов типа «гольбейн». При этом рукоять совершенно не похожа на «гольбейновскую»⁶.

Похожие кинжалы необычных форм и отделки представлены в собрании Метрополитен музея в Нью-Йорке, в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, в Дрезденской Оружейной палате и других собраниях⁷.

Клинок кинжала стальной, обоюдоострый, с ребром. Обе его стороны покрыты частично утраченной гравировкой золотом. С одной стороны изображена осада города и несколько гербов, с другой — конная фигура с вытянутой вперед рукой, в которой находится жезл военачальника. Всадник одет в пластинчатый трехчетвертной доспех, на голове его густые длинные волосы или парик. Конь попирает копытами военные трофеи — знамена, барабан, копыта и пр. Над фигурой надпись по-французски, с большими утратами: «[L]ouis X[III] / [R]oy de [F]ranc[e] / [e]t de Navar[e]» (Людовик XIII, король Франции и Наварры) (ил. 11).

Ниже расположен объединенный герб Франции и Наварры под королевской короной, окруженный цепью ордена Св. Духа (ил. 12).

Французский герб хорошо известен, — это три золотые лилии (флёр-де-лис) на щите лазоревого (или синего) цвета. Считается, что это цвет покровителя Франции — святого Мартина, который был епископом Тура в IV веке. Согласно легенде, повстречав однажды на дороге оборванного нищего, Мартин отсек мечом и отдал ему половину своего синего плаща. Длительное время франки имели знамя в виде синей хоругви, укрепленной красным шнуром на кресте. Позднее на синем флаге появилось множество золотых геральдических лилий, и он стал официально именоваться «Знаменем Франции». Щит с таким изображением на лазоревом поле и стал в начале XIII века первым французским гербом.

Геральдическая лилия — это стилизованное изображение цветка желтого ириса, символизировала Пресвятую Деву.

Ил. 11. Изображение Людовика XIII на клинке кинжала

Ил. 12. Изображение герба Франции и Наварры на клинке кинжала

В критический момент сражения с алеманами, франкский король Хлодвиг I, предвидя неминуемое поражение, обратился за помощью к христианскому Богу, воскликнув: «Я верю в Тебя!». Тогда явился ангел с белой лилией в руке и повелел сделать этот цветок своим оружием. В ту же минуту воины Хлодвига обратили врагов в бегство, а сам король спустя некоторое время принял крещение. В конце XIV века на синем флаге осталось только три лилии, что, вероятнее всего, было связано с христианским догматом о Святой Троице.

Герб Наварры представляет собой золотые цепи на червлёном поле, уложенные в косой и прямой крест, а также по периметру щита. В сере-

дине щита находится изумруд. Изначально это был личный герб короля Санчо VII Сильного, который внес решающий вклад в победу армии христианской коалиции над войсками мусульманских правителей из династии Альмохадов в 1212 г. в битве при Лас-Навас-де-Толоса. Позади войск мусульман размещался лагерь, в центре которого находился шатер их предводителя Мухаммада аль-Насира, который охраняла его личная гвардия, состоявшая из тысячи африканских рабов. Они были скованы между собой цепью (по одной из легенд, она была золотой) и окружали шатер своего господина, образуя, как бы живую стену. В один из решающих моментов битвы королю Наварры со своими рыцарями удалось прорваться к шатру, но они никак не могли преодолеть плотный строй скованных цепями охранников. Тогда Санчо разрубил эти оковы и на коне прорвался к шатру, увлекая наваррцев за собой. Видя этот успех, им на помощь поспешили и другие христианские воины. В палатке сидел Мухаммад аль-Насир, читающий Коран, а на голове его был большой белый тюрбан с огромным изумрудом. Арабский предводитель, видя, что потерпел поражение, вскочил на своего коня и в ужасе бежал, потеряв в спешке головной убор с драгоценным камнем. Войско мусульман обратилось в бегство. После

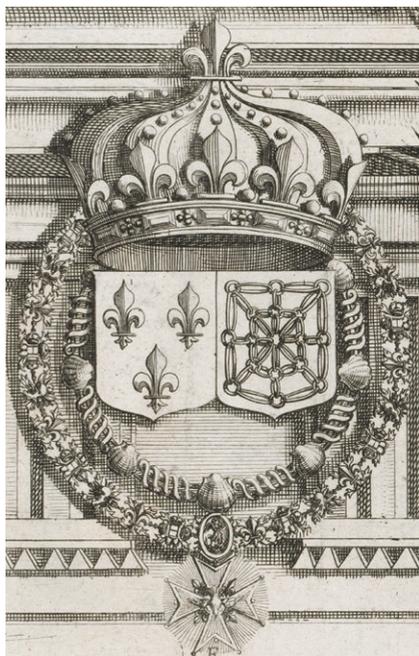
Ил. 13. Герб Франции и Наварры

этой битвы Санчо взял себе герб в виде червлёного щита с перекрещивающимися золотыми цепями и зеленым изумрудом в центре.

Оба герба оказались объединенными под одной короной и в окружении ордена Святого Духа при первом французском короле из династии Бурбонов — Генрихе IV. Таким же унаследовал герб в 1610 г. и его сын Людовик XIII (1601—1643), при котором Наварра стала одной из провинций королевства. Поэтому во второй половине XVII века в государственном гербе Франции остается только лазоревый щит с королевскими лилиями (ил. 13, 14, 15).

Над объединенными гербами приведен популярный для той эпохи девиз на латинском языке «[I]nter iust[ia] /arma [s]elnt^s /le[g]es» («Среди обнаженного оружия законы безмолвствуют»). Под словом «обнаженное» может подразумеваться «простое», «открытое» оружие. В некоторых вариантах используется в значении «голыми руками».

На кинжале выгравирован один из вариантов этого выражения, которое впервые применил в своей речи в защиту Тита Анния Милона (в 52 до н. э.) известный политический деятель и оратор Марк Тулий Цицерон (106 до н. э. — 43 до н. э.).

Ил. 14. Герб Франции и Наварры. Фрагмент гравюры Жана Калло «Осада Ла-Рошели». 1631 г.

Ил. 15. Людовик XIII с аллегорическими фигурами Франции и Наварры. Художник Симон Вуэ. 1630-е гг. Лувр (Париж)

Существует множество переводов этой знаменитой фразы: «Когда гремит оружие, законы молчат», «Среди оружия молчат законы», «Во время войны безмолвствуют законы», «Во время войны закон замолкает» и др. В академическом издании речей Цицерона эта фраза звучит так: «Ибо молчат законы среди лязга оружия»⁹.

В Музее армии в Париже хранится шпага, принадлежавшая королю Людовику XIV, на которой выгравированы аналогичные гербы и надпись по-французски: «Anno 1667 / Nec pluribus impar¹⁰ / Lous XIV Roy de France et de Navarre / inter iustia arma selent legel»¹¹.

На другой стороне клинка изображен конь (гравировка плохо сохранилась и невозможно понять, есть ли на нем всадник), а также девять гербов, объединенных в одну группу. В 1936 г. известный специалист в области геральдики Б. К. Лукомский¹², к которому обратился за помощью в атрибуции В. В. Аренд,

идентифицировал их следующим образом: «В первом ряду — Фландрии, Брабанта и Лимбурга; во втором — Гельдерна и Артуа; в третьем — Генегау, Мехельна и Антверпена и в четвертом ряду — Намюра. Совокупность этих гербов (с несколькими недостающими) составляют общий герб штатов республики Нидерланды, который, в зависимости от переживаемых страной судеб, отражал этими эмблемами отдельных территориальных единиц государственное их объединение на данном отрезке времени». Далее гербовед делает вывод: «С наибольшим вероятием я склонен отнести сопоставление описанных гербов ко времени Тридцатилетней войны первой половины XVII века, когда в 1635 году Франция вступила в союз с Нидерландами за освобождение последней от испанской зависимости. Возможно, что кинжал этот был поднесен представителями Генеральных штатов Нидерландов королю Франции Людовику XIII в качестве особо ценного подношения, связанного с каким-либо эпизодом указанного времени»¹³ (ил. 16).

Этим эпизодом была изображенная на клинке осада города. Видны крыши домов, шпили церквей, крепостные стены с башнями, бастионы и ветряная мельница. Вдали горизонтальными насечками, по-видимому, изображено море. На переднем плане — лагерь осаждающих. Слева расположена артиллерийская батарея, состоящая из семи осадных пушек, которая делает залп в сторону городских стен. В центре рисунка частично (по плечи) видны четыре солдата, трое из которых вооружены алебардами. С правой стороны виднеются два куста на небольшой возвышенности и какие-то конструкции, вероятно, относящиеся к осадному лагерю (ил. 17).

Самым крупным городом, взятым Людовиком XIII за годы его правления, был Ла-Рошель, осада которого в советское время была известна любому школьнику благодаря популярному

Ил. 16. Изображение гербов Соединенных провинций на клинке кинжала

Ил. 17. Изображение осады Ла-Рошели на клинке кинжала

музыкальному телефильму «Д'Артаньян и три мушкетёра» (1978 г.), где звучала песня, посвященная этому событию:

*Вновь дьявол, как по нотам,
Ведет игру свою.
Католик с гугенотом
Опять сошлись в бою.
Поговорим о деле,
Причем начистоту.
Осада Ла-Рошели
Ужель, нужна кресту?
Хоть наше дело — драка,
Не будем врать, однако:
Война — разбой, пардон за прямоту.*

*Уж коли вынул шпагу,
Достаточно забот,
Чтоб спрашивать беднягу:
Католик? Гугенот?¹⁴*

Не менее известной была сцена завтрака трех мушкетеров и их товарища д'Артаньяна в бастионе Сен-Жерве из того же фильма. Заметим, что этому сюжету в романе Александра Дюма (отца) посвящены две главы («Бастион Сен-Жерве» и «Завтрак мушкетеров»)¹⁵. Однако самого бастиона в обширной системе оборонительных сооружений Ла-Рошель никогда не существовало, и он является плодом вымысла романиста.

Взятие Ла-Рошели — крупного портового города-крепости на побережье Бискайского залива, было одним из важнейших этапов укрепления французского абсолютизма в эпоху правления Людовика XIII и его первого министра Жана-Армана дю Плесси,

Ил. 18. Кардинал Ришелье.
Художник Филипп де Шампань.
1642 г. Музей изобразительного
искусства (Страсбург)

кардинала де Ришелье (1585—1642) (ил. 18). Этому событию предшествовало продолжительное религиозное противостояние. Варфоломеевская ночь расколола Францию на два непримиримых лагеря — католиков и протестантов. Началась эпоха долгих и кровопролитных религиозных войн (с 1562 по 1598 г.г. их было, по подсчетам историков, восемь), захвативших царствования Карла IX и Генриха III. Конец братоубийственной войне положил только первый Бурбон на французском престоле — Генрих IV, который принял Нантский эдикт, согласно которому протестан-

ты получали несколько городов на территории Франции и имели право содержать свои войска.

После убийства короля религиозным фанатиком Франсуа Равальяком хрупкое перемирие между религиозными партиями в одночасье разрушилось. Теперь французские кальвинисты, которых называли гугенотами, стали настоящей «пятой колонной» в государстве, они получали поддержку от Испании и Англии, которые были заинтересованы в ослаблении Франции. Получилось, что протестантские религиозные общины образовали государство в государстве.

В начале 1611 года в Сомюре собрались лидеры протестантов для обсуждения вопросов взаимоотношений с королевской властью. Партия «осторожных» гугенотов во главе с одним из ближайших сподвижников погибшего короля, Филиппом Дюплесси-Морнэ считала, что необходимо признать центральную власть и сотрудничать с новым монархом. «Непримиримые» под руководством герцога Анри де Рогана выступали за прямой конфликт с государством.

В 1616 году Беарн, маленькое виконтство в южной Франции, населенное преимущественно протестантами, где некогда

родился Генрих IV (за что и получил прозвище Беарнец), было провозглашено личным владением короля Людовика XIII и потеряло свою независимость. Совет Беарна, состоящий сплошь из «непримиримых», отказался ратифицировать это решение. В 1620 году Людовик вошел в Беарн с 20-тысячным войском, разогнал Совет, а на его месте создал Парламент, состоящий сплошь из католиков. Протестанты посчитали это нарушением Нантского эдикта и начали военные действия. Вскоре запылал Лангедок, а потом восстал и гугенотский город Ла-Рошель.

В апреле 1621 года Людовик XIII подошел к протестантским крепостям Сомюр и Туар, которые сдались без сопротивления. Армия двинулась дальше, город Сен-Жан д'Анжели оказал королевским войскам сопротивление, но через две недели был взят. За неповиновение король лишил город его привилегий и приказал разрушить стены. Вскоре Людовик подошел к Монтобану, который также отказался открыть ворота. Началась осада, которая была прервана из-за эпидемии в королевской армии. Войска поспешно покинули окрестности города.

Ил. 19. Бенжамен де Роган, герцог де Фронтене, сеньор де Субиз, известный как герцог де Субиз. Гравюра Бальтазара Монкорнета. Середина XVII в.

Вследствие этого герцог де Роган остался фактическим хозяином Лангедока. Он устроил свою штаб-квартиру в крепости Андюз, откуда управлял всем краем. Герцог Субиз, ближайший сподвижник Рогана, обосновался в Ла-Рошели — оплоте протестантов на атлантическом побережье, откуда протестантские отряды несколько раз совершали грабительские походы к городам провинции Пуату и грабили королевские владения (ил. 19). Такое положение вещей не устраивало Людовика XIII. Королевская армия выбила протестантов из Гиени, захватив

все принадлежавшие им города. У стен Монпелье «непримиримые» пошли на переговоры — согласно решению ассамблеи, король обязал протестантов скрыть все укрепления своих городов и даровал им амнистию. Но мир, заключенный в Монпелье, оказался лишь передышкой.

В 1624 году королевский совет, в который вошел новый первый министр Франции, кардинал де Ришелье, постановил захватить город Кастр в Лангедоке и остров Рэ, находившийся на выходе из гавани Ла-Рошель.

Отряд герцога де Субиза, пытавшийся помешать королевским войскам под командованием Жана де Сен-Бонне, маркиза де Туара высадиться на острове, был разбит наголову. 15 сентября 1625 года французский гарнизон занял крепость Сен-Мартен-ля-Рэ, захватил острова Рэ и Олерон. Французскому флоту под командованием герцога Монморанси удалось захватить несколько кораблей протестантов, но герцог Субиз сумел бежать в Англию. Англичане, уже давно поддерживавшие гугенотов, решили открыто вмешаться в конфликт. Этому поспособствовал французский губернатор Гиени, герцог д'Эпернон, который захватил в Бордо британский торговый флот с годовым запасом кларета (красное полусладкое вино) на борту, предназначавшийся в основном для королевского двора и английской аристократии. В ответ, разъяренный Карл I приказал арестовать все французские корабли, многие из которых были захвачены в Ла-Манше.

В начале 1627 года Англия объявила себя защитницей французских протестантов. В марте началась подготовка экспедиции в Ла-Рошель, которую возглавил фаворит и первый министр короля Карла I — Джордж Вильерс герцог Бекингем (1592—1628) (ил. 20). Планировалось выбить французский гарнизон с островов Рэ и Олерон, деблокировать Ла-Рошель и захватить плацдарм на побережье Франции. Герцог Субиз принимал активнейшее участие в разработке этой операции.

27 июня 1627 года эскадра из 15 кораблей и 50 транспортов покинула Портсмут и отправилась к Ла-Рошели. На торговые суда было загружено 8000 солдат. Около Дюнкерка к отряду присоединилась голландская эскадра из 10 кораблей. По замыслу Бекингема, он должен был выгрузить войска в Ла-Рошели и проследовать в Бордо, где все еще стоял арестованный флот торговых судов, но эти планы нарушились. Мэр Ла-Рошели Жан Гитон (1585—1654) не дал англичанам высадить войска в городе,

Ил. 20. Герцог Бекингем. Художник Мишель Янсон ван Миревельт. 1626 г. Художественная галерея Южной Австралии (Аделаида)

сообщив, что поддержит их только тогда, когда те возьмут Рэ и Олерон.

Утром 20 июля 1627 года флот Бекингема появился у острова Рэ. В цитадели Сен-Мартен-ля-Рэ занял оборону гарнизон из 1000 солдат и 12 орудий под командованием маркиза Туара. Солдаты были расредоточены между двумя бастионами — собственно Сен-Мартен и Ля-Пре, последний еще не был готов к осаде, на нем велись строительные работы¹⁶.

21 июля англичане обстреляли бастионы и высадили 2000 человек на восточной части острова,

у Сбалансо, расположенной ближе всего к Ла-Рошели. Туара, обладавший слишком малыми силами, не смог предотвратить десант. Шесть дней кровопролитных боев заставили Туара сосредоточить оставшиеся войска (800 человек) в Сен-Мартене, отдав остальной остров противнику. В Ля-Пре заперся небольшой отряд французов из 30 человек. На один день стороны заключили перемирие, чтобы похоронить убитых, среди них был и родной брат Туара. Гарнизон на острове оказался блокированным как с суши, так и с моря, практически без провизии и боеприпасов. В отчаянной попытке получить помощь от короля, французский генерал отправил вплавь через пролив 3 добровольцев Шампанского полка, которые должны были добраться до лагеря французской армии, подошедшей к Ла-Рошели и сообщить о бедственном положении гарнизона. С огромным трудом доплыл лишь один, два других были либо убиты, либо взяты в плен. Людовик XIII наградил отважного пловца, назначив ему пенсию в 100 экю¹⁷.

Ришелье, извещенный о том, что Туара еще держится, срочно снарядил небольшой отряд из 15 пинасов (небольших

трехмачтовых судов) с продовольствием, 13 из них 7 сентября удалось прорваться к бастиону с помощью высокого прилива. Англичане, совсем не ожидавшие таких действий, не смогли помешать французам. Тем временем, осаждающие выгрузили пушки и установили батареи напротив Сен-Мартена. Ошибкой Бекингема стало то, что он вначале запретил своим подчиненным рыть траншеи, усмотрев в этом трусость, из-за чего от пуль французских солдат погибло много англичан.

12 сентября к герцогу прибыло подкрепление из Англии — 1500 ирландцев под командованием Ральфа Бингilea. В конце концов, решили снять с кораблей дополнительно 500 матросов и общими силами атаковать форт Ля-Пре, однако почему-то приказ был отменен. В этот момент в Ля-Пре находилось всего лишь 30 французских солдат. Англичане также начали испытывать проблемы с продовольствием, из-за сезона штормов суда с припасами не могли выйти из портов.

7 октября французы решили еще раз послать подкрепление и провизию на остров. В этот раз англичане смогли перехватить их и захватить 10 мелких судов из тридцати пяти. Ришелье и маршал Шомберг, прибывшие в расположение французской армии под Ла-Рошелью, понимали, что Туара вряд ли продержится до конца года, поэтому в их голове созрел хитрый план — перебросить с Олерона 6000 солдат и 300 кавалеристов при 6 пушках на остров Рэ и ударить по англичанам с тыла. Узнавшие об этих планах британцы не на шутку испугались — на военном совете все требовали уйти обратно в Англию, объясняя это тем, что помощь из Портсмута и Амстердама так и не вышла. Утром 6 ноября Бекингом решил предпринять генеральный штурм Сен-Мартена. 3000 солдат и 700 матросов пошли на приступ, у Туара было около 1200 человек, из которых 600 — ветераны осады. Солдаты герцога смело преодолели простреливаемое пространство и ринулись к стенам форта, держа в руках лестницы. Но все осадные лестницы оказались очень короткими, растерявшиеся войска сгрудились около стен, расстреливаемые со всех сторон бойцами Туара. Потеряв около 500 человек, британцы побежали¹⁸.

Ночью 8 ноября Шомберг с 3000 солдат высадился на севере острова Рэ. К своему величайшему удивлению он обнаружил, что англичане покидают остров и атаковал их отходящие части. Потери войск Бекингема составили более 2000 солдат, среди

которых оказалось 3 полковника, 5 подполковников, 250 капитанов, 20 родовитых дворян, 4 мортиры и 60 флагов, которые были привезены в Париж и с гордостью повешены в соборе Парижской Богородицы¹⁹.

Королевская армия подошла к городу в августе 1627 года. 30 тысяч человек при 48 осадных орудиях находилась под номинальным командованием брата короля, герцога Гастона Орлеанского. Осаждавшие войска блокировали Ла-Рошель плотным кольцом из 11 деревянных башен и 18 редутов общей протяженностью около 12 километров²⁰. Главным руководителем осады на самом деле был кардинал Ришелье. Первый министр привлек к осаде маршалов Луи де Марийяка, Бассомпьера, Шомберга. Ришелье требовал максимально эффективного управления войсками и вспомогательными отрядами, на места администраторов и квартирмейстеров он, пользуясь своей церковной властью, широко привлекал способных священнослужителей. К примеру, широко известный духовник короля — капуцин отец Жозеф (прозванный «Серым кардиналом»), налаживал эффективнейшую разведывательную службу, от которой он знал даже малейшие подробности жизни в осажденной крепости.

Из «Политического завещания» Ришелье можно вынести ошибочное заключение, что он был инициатором войны против гугенотов Франции²¹. На самом деле, король начал военные действия против своих подданных-протестантов еще в конце 1620 года, в южных провинциях. Сам кардинал, будучи достаточно терпимым в вопросах вероисповедания, в первую очередь, воевал не против ереси, а против неповиновения, отсутствия гражданских чувств, бунта, постоянно возникающего в стране. Ла-Рошель был одной из самых больших проблем центральной власти. Дело было не только в том, что город и его жители представляли наиболее явную часть сопротивляющихся гугенотов, а город стал местом проведения протестантских синодов. Ла-Рошель был одним из крупнейших по величине портов во Франции, знаменитым как своими морями и корсарам, так и мощными укреплениями. Самые современные из его бастионов, построенные по голландскому образцу, считались лучшими в Европе. Ла-Рошель опирался на свою неуязвимость, предприимчивый характер своих жителей и их безупречную храбрость. Город обладал также древними и важными привилегиями, которые, как считали его власти, король не осмелится нарушить²².

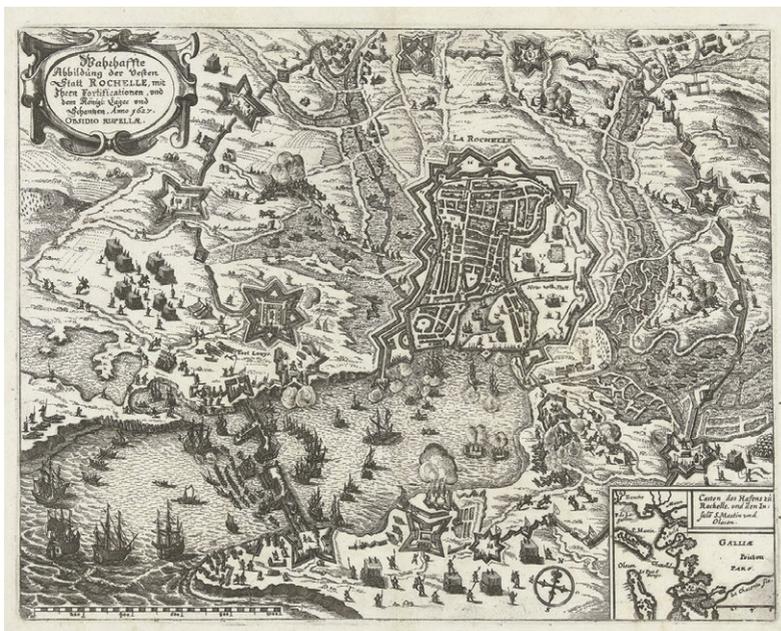
Осада началась, однако город оставался открытым для подвоза продовольствия и подкрепления со стороны моря. Это давало ла-рошельцам возможность прокормить себя благодаря небольшим портовым суденышкам — плоскодонкам, баркасам, шлюпкам, а также ловить рыбу, приносимую приливом. С этой же проблемой столкнулись еще во время неудачной осады 1621—1622 годов, которую вели герцог д'Эпернон и граф де Суассон. Тогда итальянский инженер Помпео Таргоне предложил перегорудить доступ в порт плавучими батареями и понтонами, соединенными цепями. Он даже издал в 1622 году тринадцатистраничную брошюру на эту тему. Итальянца вновь приняли на службу и выделили ему 40 тысяч экю на строительство своего сооружения, хотя, по его утверждению, эта сумма покрывала лишь треть намечавшихся расходов.

Таргоне обещал закончить все работы через пять месяцев, а если не получится, в порту надо будет затопить корабли и тем самым преградить туда доступ. 24 декабря деревянную эстакаду, выстроенную итальянцем, вдребезги разбили канониры Ла-Рошели, а морские волны разметали обломки²³.

Ришелье больше и слышать не хотел о проекте Таргоне. Кардинал как раз читал «Историю Александра Македонского» Квинта Курция Руфа с описанием осады Тира, который, как известно, находился на острове. Его жители насмеялись над воинами Александра, таскавшими на себе тяжелые камни, осыпали их стрелами и ждали помощи от персов. Однако дамба была построена и город взят.

Посетивший осадный лагерь под Ла-Рошелью испанский военачальник Амброзио Спинола (именно он принимает ключи из рук Юстина Нассауского на знаменитой картине Диего Веласкеса «Сдача Бреды») осмотрелся на местности и сделал вывод: «Abrir la mano у certar el puerto» — «Раскрыть кошелек и закрыть порт»²⁴. То есть не жалеть денег и заблокировать вход в гавань.

Как раз в это время кардиналу предложил свои услуги другой инженер, на сей раз француз Клеман Метезо, представитель известной династии архитекторов, обещавший завершить все работы за три месяца, причем за свой счет, и лично собрав четыре тысячи рабочих. Он и парижский подрядчик Жан Тирио считали, что дамбу надо строить не из дерева, а из камня. Следовало вбить длинные опорные столбы от мыса Корей до королевского форта Луи (Людовик), соединить их наискось бревнами такого же

Ил. 21. Осада Ла-Рошели. Гравюра Класа Янсона Висхера (Второго). Между 1627 и 1629 гг.

Ил. 22. Осада Ла-Рошели. Художник Анри Поль Мотт. 1881 г. Музей Орбини-Бернон (Ла-Рошель)

размера, промежутки завалить большими камнями, скрепленными илом, в середине оставить небольшое отверстие для прохода воды во время приливов и отливов, а перед ним затопить набитые камнями корабли. Длина дамбы должна будет составить примерно 1400 метров, ширина в нижней части — 16 метров, а в верхней — 8, высота же должна быть такой, чтобы вода не покрывала ее даже во время самого сильного прилива²⁵.

Этот проект был поддержан и кардиналом, и королем. К январю сооружение было построено. Ла-Рошель оказался отрезанным от моря, и кольцо блокады замкнулось (ил. 21, 22).

В начале февраля тяжело заболевший король уехал в Париж, оставив командовать осадой вместо себя — кардинала Ришелье. Номинальный главнокомандующий герцог Гастон Орлеанский еще в ноябре того же года отказался от командования и уехал в столицу.

Ил. 23. Жан Гитон. Неизвестный художник XVII в. Музей Орбиньи-Бернон (Ла-Рошель)

Оборону осажденно-го города возглавил его мэр — Жан Гитон, один из видных деятелей протестантизма XVII века, адмирал и судовладелец. Он командовал городским флотом еще во время первой блокады Ла-Рошели. В октябре 1621 г. во главе эскадры из 22 кораблей, после двухчасового боя разбил 40 роялистских кораблей. В мае 1628 г. во время осады города Ж. Гитон был избран мэром Ла-Рошели²⁶ (ил. 23).

С продовольствием в городе становилось туго и Гитон, руководивший обороной, решил выпустить из крепости женщин, стариков

и детей, чтобы они не испытывали больше страданий осады. Королевские войска не разрешили им покинуть кольцо окружения, в результате несчастные бродили между противоборствующими сторонами, побираясь и постепенно умирая от случайных пуль и голода.

В ратуше Ла-Рошели до сего дня сохранился стол с мраморной столешницей, в которой Гитон сделал выбоину своим кинжалом. Мэр якобы сказал при этом, что пронзит кинжалом любого, кто заговорит о сдаче. Он приказал убить его самого, если он хотя бы заикнется о капитуляции. Агенты отца Жозефа устроили несколько покушений на Гитона, но тот уцелел.

12 марта 1628 года была предпринята попытка сделать пролом в крепостной стене у ворот Порт-Мобек, через которые в осажденный город проходили лодки с солью. 5 тысяч человек были готовы после подрыва ринуться на штурм, но группа подрывников заблудилась в темноте, и приступ был отложен до лучших времен. Это склонило Ришелье и маршалов к тому, что ла-рошельцев лучше вынудить к капитуляции голодом, а не боевыми действиями.

Во второй половине апреля в лагерь вернулся выздоровевший Людовик XIII. Войска встречали его пушечным салютом из фортов и кораблей. Король, осмотрев работы и проведя целую ночь на дамбе, не скрывал удовлетворения. В письмах к матери, королеве Марии Медичи, он не скупился на похвалы кардиналу.

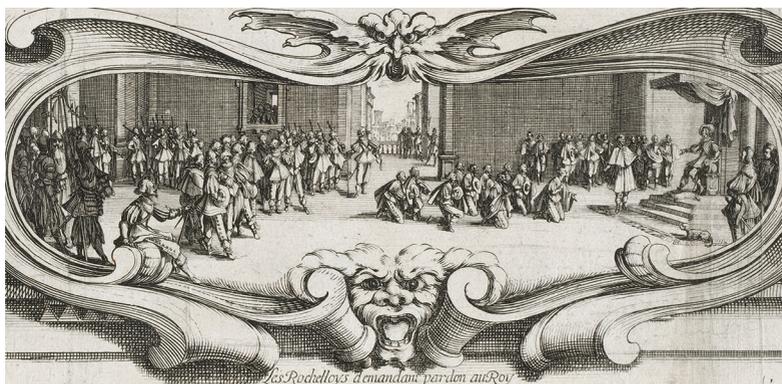
В начале мая к городу подошел английский флот, из более чем ста судов, но все его действия ограничились перестрелкой с батареями дамбы. Ничего не добившись, англичане ушли домой.

Жаркие и засушливые летние месяцы стали наиболее ужасными для осажденных. В июле горожане уже вынуждены были питаться крысами, сорняками, ракушками, шкурами коз и ягнят, очищенными от шерсти и вываренными. Ежедневно от голода и его последствий умирали десятки людей (до полусотни в день), трупы лежали на улицах и их не успевали хоронить. Мать и сестра герцога де Рогана, находившиеся в городе, страдали наряду с остальными осажденными и получали на обед вареные сыромятные ремни²⁷. Люди умирали от голода, как мухи, но Гитон был тверд: «Достаточно, чтобы остался один человек и держал ворота на замке». Несмотря на весь трагизм осады Гитон, поддерживаемый пастором Жаном-Пьером Сальбером, отказался благословлять фанатика, вызвавшегося убить Ришелье и тем

самым облегчить судьбу города. Военным гимном защитников Ла-Рошели в эти дни стал библейский псалом, называемый еще псалмом воинов: «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его. / Как рассеивается дым, Ты рассеяй их; как тает воск от огня, так нечестивые да погибнут от лица Божия. / А праведники да возвеселятся, да возрадуются пред Богом и восторжествуют в радости»²⁸.

Протестанты возлагали большие надежды на новый флот, который готовил к выходу в море Бекингом. Однако 23 августа герцог был убит лейтенантом Джоном Фельтоном в Портсмуте, в таверне «Пятнистая собака». Раненный во время боя на острове Ре, 33-летний Фелтон был дважды обойден повышением, и еще ему задержали 80 фунтов жалованья. Ударив ненавистного временщика в грудь дешевым ножом, он мстил не только за себя, но и за весь английский народ. Фельтен письменно изложил причину своего поступка и зашил эту бумагу в свою шляпу. Спокойно выйдя на задний двор, он сообщил людям Бекингема, что убийца — он. Его немедленно арестовали и отправили в Лондон на допрос. Тайный совет хотел подвергнуть его пытке на дыбе, однако судьбы воспротивились, поскольку это противоречило английским законам. После долгого судебного процесса Фелтона повесили в Тайберне 29 ноября и отправили его тело в Портсмут, где выставили на всеобщее обозрение. Однако то, что задумывалось как публичное поношение, обернулось посмертным триумфом: к тому времени подвиг Фелтона уже восславили в стихах²⁹. Понятно, что смерть Бекингема обрадовала не только англичан, но и, в гораздо большей степени, Людовика XIII и Ришелье, которые даже не сразу поверили такому счастью. Особенно радовался король, не без основания ревновавший свою супругу Анну Австрийскую к красавцу Бекингему³⁰.

Тем не менее, была предпринята еще одна попытка деблокировать Ла-Рошель. 28 сентября к городу подошел английский отряд из 114 кораблей, который завязал перестрелку с артиллерийскими батареями на дамбе. Боевые действия продолжались до 4 октября, когда разразился шторм, и англичане отступили. К этому времени Ла-Рошель уже полностью исчерпал средства к обороне, от голода и обстрелов умерло не менее 13 тысяч горожан. 28 октября 1628 года город сложил оружие, протестанты согласились на безоговорочную капитуляцию. В момент сдачи в городе находилось не более 150 солдат, способных носить оружие, и всего

Ил. 24. Делегация Ла-Рошели просит короля о капитуляции города. Фрагмент гравюры Жана Калло «Осада Ла-Рошели», 1631 г.

5400 жителей из 28 тысяч. По статьям соглашения, заключенного с горожанами, Ла-Рошель становился католическим городом, крепостные стены и бастионы надлежало срыть, все городские привилегии упразднились. Однако король подтвердил, что протестанты Ла-Рошели могут свободно исповедовать свою религию.

После сдачи города Ж. Гитон вынужден был бежать в Лондон, поскольку на него и других городских нотаблей не распространилось королевское прощение. Бывший мэр вернулся во Францию только в 1635 году. Кардинал Ришелье назначил его капитаном одного из королевских кораблей, командуя которым Гитон сражался с испанцами. В августе 1638 года он принял участие в битве при Гетарии в ходе Тридцатилетней войны.

В тот момент, когда Ришелье осаждал Ла-Рошель, в Лангедоке войска принца Конде сражались с Анри де Роганом. В сентябре 1628 года Роган, терпящий одно поражение за другим, начал тайные переговоры с Испанией о помощи. В результате с молниеносной быстротой возникла антифранцузская лига в составе Англии, Испании, Савойского герцогства и Лотарингии. Быстрое падение Ла-Рошели помешало этому протестантскому конгломерату начать активные боевые действия против Людовика XIII.

29 октября кардинал во главе королевской армии вошел в город, улицы и дома которого были завалены мертвыми телами — их не успели ни сжечь, ни похоронить в земле (ил. 24, 25).

Спустя несколько дней король торжественно въехал в покоренную Ла-Рошель, где его встречал главный герой осады — Ришелье.

Ил. 25. Въезд короля Людовика XIII в покоренную Ла-Рошель. Фрагмент гравюры Жана Калло «Осада Ла-Рошели», 1631 г.

В присутствии монарха кардинал отслужил мессу в городском соборе Святой Маргариты. В оплоте гугенотов был полностью восстановлен католический культ. Король предложил отцу Жозефу стать епископом Ла-Рошели, но тот отказался, сказав, что предпочитает служить государю в рясе капуцина³¹.

С 6 по 8 ноября в Атлантическом океане разыгрался свирепый шторм. Дамба была сильно повреждена из-за вышедших из строя волнорезов. Если бы город продержался еще несколько недель, он был бы спасен, но там оставались только ходячие скелеты. Все могло измениться, но кардинал в очередной раз «воспользовался фортуной не в меньшей степени, чем своим гением»³².

10 ноября, убедившись, что осада закончилась поражением протестантов, английский флот снялся с якоря и уплыл восвояси. После сдачи Ла-Рошели король, согласно условиям капитуляции, велел скрыть крепостные укрепления. Ришелье этому воспротивился и приказал приостановить работы. Он считал, что Франции не хватает хороших морских крепостей. Ла-Рошель, как это только что подтвердила осада, является прекрасно укрепленным местом, которое могло бы стать крупной французской цитаделью на западном побережье перед лицом англичан, испанцев или любой другой морской державы. Однако на заседании Королевского совета в расширенном составе, с участием всех вельмож, решение короля, в противовес точке зрения Ришелье, было утверждено³³. Так закончилась осада Ла-Рошели, а спустя несколько месяцев, 20 мая 1629 года был подписан мир с Англией.

Однако вернемся к кинжалу. Рассмотрев геральдические изображения, портрет короля и панораму осады Ла-Рошели на кинжале, попробуем расшифровать значение мифологических фигур на ножнах, исходя из описанных выше событий.

Юстиция с мечом олицетворяет собой право короля совершать правосудие над своими подданными. Гугеноты побеждены, на них полностью распространяется королевская юрисдикция. Однако Людовик — милостивый монарх, и об этом напоминает фигура Клеменции, которая прячет меч за спиной. Это символ королевского прощения, дарованного жителям Ла-Рошели. Причем королевское милосердие так велико, что гугенотам даже разрешено сохранить свое вероисповедание. Сдача Ла-Рошели не сопровождалась, как часто бывает, мародерством, насилием и грабежами. В этом есть большая заслуга Ришелье и святой браatii отца Жозефа, неустанно призывавших к прощению раскаявшихся в своем неповиновении грешников. По совету кардинала Людовик XIII приказал доставить хлеб для населения города. Милосердие, по мнению кардинала, было не менее действенным инструментом, чем устрашение³⁴.

Однако спрятанный меч правосудия может вновь оказаться в руке. Клеменция превратится в Фемиду и обрушит свою карающую длань на непокорных королевских вассалов.

Королю очень хотелось, чтобы подданные называли его Справедливым (хотя, по мнению некоторых современников, монарха стоило бы именовать Заикой). Французский литератор Жеден Таллеман де Рео (1619—1692), сам выходец из состоятельной семьи гугенотов из Ла-Рошели, писал о Людовике XIII: «Покойный Король был неглуп; но, как я уже однажды сказал, ум его имел склонность к злословию; говорил он с трудом, и поскольку в придачу он отличался робостью, то и держался, как правило, нерешительно. Он был хорошо сложен, довольно сносно танцевал в балетах, но почти всегда изображал смешных персонажей. Он прочно сидел в седле, мог при случае легко снести усталость и умел выстроить армию в боевой порядок. Кардинал де Ришелье, который опасался, как бы Короля не прозвали Людовиком-Заикой, пришел в восторг, когда подвернулся случай назвать его Людовиком Справедливым. Произошло это, когда г-жа Гемадек, жена Фужерского губернатора, с плачем и причитанием бросилась к ногам Короля; это его ничуть не тронуло, при всем том, что она была очень красивой. В Ла-Рошели это

прозвище закрепилось за Королем благодаря милостивому обращению с ла-рошельцами. Кто-то шутя добавил, “аркебузир”, и стали говорить: Людовик, “Справедливый аркебузир”. Однажды, спустя уже много времени, Ножан, играя с Королем не то в мяч, не то в волан, крикнул ему: “Бейте, Государь!”. Король промахнулся. “О! — воскликнул Ножан, — вот уж взаправду Людовик Справедливый”. Король не рассердился. Он был немного жесток, как и большинство замкнутых и малодушных людей, ибо правитель наш доблестью не отличался, хотя и желал прослыть отважным. При осаде Монтобана он безучастно взирал на тех гугенотов, которых Бофор велел оставить в городе; большинство из них были тяжело ранены и лежали во рвах замка Королевской резиденции (рвы эти были сухие, и раненых снесли туда, как в наиболее надежное место); король так ни разу и не распорядился напоить их. Несчастных пожирала мухи. Долгое время он развлекался тем, что передразнивал гримасы умирающих»³⁵.

Впрочем, лангедокские гугеноты вообще называли этого государя за страсть к охотничьим забавам не иначе как презрительной кличкой «Lou Cassaïre» («Охотник»)»³⁶. Тем не менее, Людовик остался в истории благодаря умело организованной его первым министром, кардиналом Ришелье, государственной пропаганде, как справедливый и милосердный монарх.

Марс и Венера, безусловно, символизируют окончание войны с протестантами. Суровый и воинственный бог смирен и очарован богиней любви. Мир и союз воцаряются в стране.

Церера с младенцами намекает на то, что французскому монарху неплохо бы озаботиться и личной жизнью. Долгие годы основной проблемой Людовика XIII оставалось отсутствие наследника престола. Натянутые отношения короля с супругой Анной Австрийской, его слабое здоровье питали надежды других претендентов на престол и провоцировали все новые заговоры. Только после почти двадцати трёх лет бесплодного брака с несколькими выкидышами у королевской четы в 1638 г. родился наследник престола, будущий король Людовик XIV, а спустя два года, его брат — Филипп Орлеанский. Заказчики кинжала и мастер, сделавший его, как будто это предвидели, поместив на ножны Цереру с двумя крепкими мальчуганами.

В заключение обратимся к гербам Соединенных провинций, изображенным на клинке кинжала. Попытаемся выяснить, почему символика иностранного государства соседствует с портретом

короля, гербом Франции и Наварры и пр. Еще В. В. Аренд отметил, что «присутствие нескольких, посторонних королевскому дому гербов на одной из сторон клинка, могло иметь лишь одно объяснение, что мы имеем дело с геральдическими эмблемами, принадлежащими дарителям, поднесшим кинжал Людовику XIII»³⁷.

Известно, что протестантские Нидерланды во время осады Ла-Рошели участвовали (с 1618 г.) в Тридцатилетней войне и были заинтересованы в открытом вмешательстве в европейский конфликт на стороне Франции. Осторожная политика кардинала Ришелье заключалась же в возможно большем затягивании вступления его страны в войну. Тем не менее, французское правительство оказывало широкую финансовую и дипломатическую поддержку голландцам. Франция вступила в войну лишь в 1635 г., когда перевес в ходе военных действий стал склоняться на сторону габсбургских Австрии и Испании, а также их союзников.

В свою очередь, Людовик XIII и его первый министр были заинтересованы в сотрудничестве с голландцами. Дело в том, что католическое французское правительство арендовало корабли у протестантского города Амстердам для того, чтобы захватить протестантский город Ла-Рошель. Это привело даже к дебатам в городском совете Амстердама относительно того, будет ли разрешено проводить католические проповеди для французских войск во время перевозки их на принадлежащих протестантам кораблях. В проведении проповедей французам было отказано. Тем не менее, голландские корабли переправили французских солдат к Ла-Рошели. По-видимому, голландцев не смущал тот факт, что они помогают врагам своих братьев по вере. Прибыль и политическая выгода была превыше всего для купеческой республики. Франция получила голландскую поддержку и по той причине, что являлась фактическим союзником Голландии в борьбе против их общего врага — Габсбургов.

Кроме того, Ришелье на выгодных для голландцев условиях готов был приобрести корабли для организации морской блокады Ла-Рошели. Несколько наспех оснащенных кораблей были куплены французами и прибыли в район боевых действий³⁸.

Таким образом, с большим основанием можно утверждать, что кинжал является одним дипломатических подношений, сделанных представителями Республики Соединенных провинций

французскому королю Людовику XIII после падения Ла-Рошели. Голландские гербы подчеркивали союзнические отношения двух государств и намекали на возможное совместное противостояние габсбургской коалиции в ходе продолжавшейся Тридцатилетней войны. Сам же великолепный и дорогой кинжал служил приятным напоминанием французскому государю о столь важном в истории его правления военном триумфе.

¹ Арендт В. В. Парадный кинжал — памятник взятия Ла-Рошели (1628 г.) // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — Архив ВИМАВиВС). Ф. Зр. Оп. 2. Д. 233. Л. 1–6; О самом В. В. Арендте см. подробнее: Кирпичников А. Н., В. В. Арендт — историк оружия и военного дела // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 145–149. Он же. Допрос с пристрастием. Судьба историка оружия Всеволода Арендта // *Σισύτια*, Санкт-Петербург, 2000. С. 399–404; Игина Ю. Ф. Судьба Всеволода Арендта — трагическая страница отечественного оружейведения // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 74 (3–4). М., 2013. С. 390–409; Кирпичников А. Н., Ефимов С. В. Дело Всеволода Арендта. Возвращенная память // *Ex Ungue Leonem*: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. Санкт-Петербург, 2017. С. 93–106; Ефимов С. В. Приобретения и потери. Собрание западноевропейского оружия и доспехов XVI–XVII веков Артиллерийского исторического музея (1917–1930-е гг.) // Историческое оружие в частных и музейных коллекциях. Вып. 2. М., 2020. С. 463–466.

² Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1889. Ч. III; Струков Д. П. Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. СПб., 1912.

³ Опись Артиллерийского музея 1882 г. Ч. I–V // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 1–8.

⁴ Изображение Марса-победителя присутствует и на парадных доспехах. В 2011 г. в Музее Армии в Париже на выставке «Под эгидой Марса. Доспехи принцев Европы» экспонировался великолепный доспех, получивший наименование «Победы Марса», изготовленный во Франции около 1563–1575 гг. (*Sous l'égide de Mars — les armures des Princes d'Europe au musée de l'armée des Invalides*. Paris: Musée de l'armée. 2010. P. 302–305)

⁵ Харисс В., Коэ М. Д., Коннолли П. [и др.] Холодное клинковое оружие / Пер. с англ. Р. А. Цфасман. М., 2006. С. 93.

⁶ Laking G. F. *A Record of European Armour and Arms*. London, 1920. Vol. III. P. 57–65; Thompson Logan. *Daggers and Bayonets: A History*. Spellmount, Staplehurst. 1999. P. 38–39, Plate 6; Oakeshott E. *European Weapons and Armour: From the Renaissance to the Industrial Revolution*. Woodbridge: Boydell Press, 2000. P. 225–228; Петерсон Гарольд. Кинжалы и боевые ножи Западной Европы. От каменных ножей до инкрустированных кинжалов / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2008. С. 72–75, 82–85; Харисс В., Коэ М. Д., Коннолли П. [и др.] Холодное клинковое оружие. С. 54–56.

⁷ Bashford Dean. Catalogue of European Court Swords and Hunting Swords Including the De Dino, Riggs, and Reubell Collections. New York: Metropolitan Museum of Art. 1929. № 242. Plate LXIX; Hayward John. Swords and Daggers. Victoria and Albert Museum. London: Her Majesty's Stationery Office. 1963. P. 22; Müller H., Kölling H. Europäische Heib- und Stichwaffen. Berlin, 1981. S. 77–80. № 191, 192, 385.

⁸ На клинке написано *selent* вместо *silent*.

⁹ Цицерон Марк Туллий. Речи. Т. II (62–43 гг. до н. э.) /Изд. Подготовлено В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1993. С. 224 (Литературные памятники).

¹⁰ «Не равное и многим <солнцам>». Это известный девиз Людовика XIV, которого часто называли Королем-Солнце. Не вдаваясь в подробности, отметим, что есть еще один вариант перевода девиза: «И для многих равный» (См.: Малов В. Н. Психологический портрет Людовика XIV // Европейские монархи в прошлом и настоящем. XVIII–XIX вв. СПб., 2001. С. 138).

¹¹ Robert L. Catalogue des collections composant le Musee d'artillerie. Paris, 1891. Vol. 1. P. 110–111.

¹² Лукомский Владислав (Владимир) Крескентьевич (1882–1946) — российский историк-геральдист, член Русского генеалогического общества в Петербурге, Историко-родословного общества в Москве, доктор исторических наук (1944). С 1915 г. управляющий Гербовым отделением Сената, с июня 1918 г. — управляющий Гербовым музеем при Главном управлении архивным делом. Заведующий Паркосельским историческим музеем (с 1918 г.), а затем Историко-бытовым музеем в Фонтанном доме. Профессор Московского историко-архивного института (1942–1944).

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 2. Д. 233. Л. 2–3.

¹⁴ «Осада Ла-Рошели», музыка Максима Дунаевского; текст Юрия Ряшенцева. (Электронный ресурс). URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/1557/song/print/> (дата обращения: 15.02.2021)

¹⁵ Дюма А. Три мушкетера / Пер. с фр. В. Вальдман, Д. Лившиц и К. Ксаниной. М., 1976. С. 458–480.

¹⁶ Fissel Mark Charles. War and Government in Britain, 1598–1650. Manchester University Press, 1991. P. 123.

¹⁷ Глаголева Е. В. Людовик XIII. М., 2015. С. 144.

¹⁸ Gardiner Samuel Rawson. A History of England Under the Duke of Buckingham and Charles I, 1624–1628. BiblioBazaar, LLC, 2008. P. 111–134; Manning, Roger B. An Apprenticeship in Arms: The Origins of the British Army 1585–1702. OUP Oxford, 2006. P. 115.

¹⁹ См. подробнее: Дюшен М. Герцог Бекингем / Пер. с фр. Э. М. Драйтовой. М., 2007. С. 264–275.

²⁰ Duffy, Christopher. Siege Warfare: The Fortress in the Early Modern World 1494–1660. Routledge, 1995. P. 118.

²¹ Кардинал Ришелье. Политическое завещание, или Принципы управления государством / Пер. с фр. Л. А. Сифуровой, предисл., общ. ред. Л. Л. Головина. М., 2008. С. 53–54.

²² Блюш Ф. Ришелье / Пер. с фр. Т. А. Левиной, вступ. ст. А. П. Левандовского. М., 2006. С. 111–112.

²³ Глаголева Е. В. Людовик XIII. С. 148.

²⁴ Там же. С. 149.

- ²⁵ Duffy, Christopher. *Siege Warfare: The Fortress in the Early Modern World 1494–1660*. P. 118.
- ²⁶ *Europa Triumphant's: Court and Civic Festivals in Early Modern Europe*. Aldershot and Burlington VT: Ashgate, 2004. Vol. II. P. 123–124.
- ²⁷ Беллок Хилэр. Ришелье / Пер. с англ. Ю. В. Дубровина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 234–235 (История в лицах).
- ²⁸ Блюш Ф. Ришелье / Пер. с фр. Т. А. Левиной, вступ. ст. А. П. Левандовского. М., 2006. С. 118–119; Browning William Shergold. *A History of the Huguenots*. London, 1842. P. 225–232.
- ²⁹ Дюшен М. Герцог Бекингем. С. 289–292.
- ³⁰ Дюлон К. Анна Австрийская — мать Людовика XIV / Пер. с фр. И. А. Эгипти. М., 2009. С. 123–124.
- ³¹ Глаголева Е. В. Людовик XIII. С. 155.
- ³² Блюш Ф. Ришелье. С. 121.
- ³³ Глаголева Е. В. Людовик XIII. С. 155.
- ³⁴ Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. М., 1990. С. 187; Кнехт Роберт Дж. Ришелье. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 137–138 (След в истории).
- ³⁵ Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории / Изд. подгот. А. Андрее, Э. Л. Линецкая, Т. Г. Хатисова, А. А. Энгельке. Л.: Наука, 1974. С. 112–113.
- ³⁶ Мань Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII / Пер. с фр. А. С. Васильковой. СПб., 2002. С. 67.
- ³⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 2. Д. 233. Л. 2.
- ³⁸ Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. С. 182–183.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абинякин Роман Михайлович — Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, кандидат исторических наук, доцент.

Абрамов Андрей Михайлович — историк-исследователь (Москва).

Агеев Николай Валентинович — Военная академия Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, советник РАН (Москва).

Алексеев Алексей Иванович — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), заведующий Отделом рукописей, доктор исторических наук.

Алексеев Тимофей Владимирович — Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского (Санкт-Петербург), профессор, доктор исторических наук, доцент.

Алтеев Олег Евгеньевич — Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Арбеков Александр Борисович — Тульский государственный музей оружия, научный сотрудник.

Бабич Ирина Виленовна — Российская государственная библиотека (Москва), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Бабич Марина Виленовна — историк-исследователь (Москва), доктор исторических наук.

Байрамов Руслан Сагифович — Юго-Западный государственный университет (Курск), аспирант.

Баранов Владимир Валерьевич — историк-исследователь (Москва).

Башмаков Михаил Борисович — Московский государственный объединённый музей-заповедник «Коломенское, Измайлово», методист, кандидат исторических наук.

Бей Евгений Васильевич — Военная академия Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (Москва), кандидат исторических наук, докторант.

Белозерова Ольга Александровна — историк-исследователь (Санкт-Петербург), консультант, кандидат исторических наук.

Бенда Владимир Николаевич — Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), профессор, доктор исторических наук, доцент.

Бобров Леонид Александрович — Новосибирский государственный университет, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент.

Вахтеров Андрей Васильевич — Информационная комиссия Московского комитета ветеранов войны (Москва), заместитель председателя.

Великанов Владимир Сергеевич — фонд «Русские Витязи» (Москва), кандидат экономических наук.

Виноградов Сергей Евгеньевич — историк-исследователь (Москва), кандидат исторических наук.

Власов Николай Анатольевич — Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент.

Воденисова Ксения Александровна — практикующий юрист (Москва).

Гёзалов Парвин Фахраддинович — НПО по «Защите Культурного Наследия и Исторических Памятников» (Баку, Азербайджанская республика), первый заместитель председателя, доктор философии по истории, член правления Международного комитета ИКОМAM – ICOMAM (Военных музеев и военной истории).

Горбунов Вадим Владимирович — Алтайский государственный университет (Барнаул), профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, доктор исторических наук, доцент.

Гребенкин Алексей Николаевич — Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Москва), доктор исторических наук, доцент.

Громов Андрей Владимирович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Гуров Сергей Викторович — Военное представительство Министерства обороны Российской Федерации (Тула), специалист; Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Данков Михаил Юрьевич — историк-исследователь, заслуженный работник культуры Республики Карелия (Петрозаводск).

Дегтярев Александр Якимович — советник Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. И. Матвиенко (Москва), доктор исторических наук.

Ефимов Сергей Владимирович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, заместитель директора, кандидат исторических наук.

Навогонский Эдуард Эдуардович — краевед (Орша, Республика Беларусь).

Ожередов Юрий Иванович — Институт исследования Монгольского Алтая, научный сотрудник, кандидат исторических наук, почетный профессор Ховдского государственного университета.

Проц Диана Анатольевна — Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск), научный сотрудник, хранитель музейных коллекций.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	4
<i>Абинякин Р. М.</i> Бывшие офицеры на высших командных должностях действующей армии СССР в годы Великой Отечественной войны	7
<i>Абрамов А. М.</i> Опыт-но-конструкторские работы Конструкторского Бюро В. Г. Фёдорова по созданию пулеметов с ленточным питанием в конце 1920-х — начале 1930-х годов	14
<i>Агеев Н. В.</i> Полевые пушки времен Первой мировой войны, приспособленные для стрельбы по самолетам	28
<i>Алексеев А. И.</i> Письма Петра Великого Ф. М. Апраксину в собраниях отдела рукописей Российской национальной библиотеки	44
<i>Алексеев Т. В.</i> Создание военно-морского флота России: традиции и альтернативы в отечественной историографии	56
<i>Алтеев О. Е.</i> Н. Н. Обручев и планирование войны с европейской коалицией в 1878 году	71
<i>Арбеков А. Б.</i> Роль военных агентов (атташе) в англо-русском соперничестве на Востоке в конце 70-х гг. XIX века на примере деятельности А. П. Горлова	85
<i>Бабич И. В.</i> Сорок пятый бой генерала Федора Гавриловича Чекина	101
<i>Бабич М. В.</i> Смотр и мунстрование: поиски военной мысли и приемы армейской практики 1730-х гг.	115
<i>Байрамов Р. С.</i> Проблемы обеспечения сохранности тылового имущества войск Центрального фронта накануне и в ходе Курской битвы	130
<i>Баранов В. В.</i> Нетипичные особенности некоторых предметов русского холодного оружия	137
<i>Башмаков М. Б.</i> Роль М. В. Скопина-Шуйского в истории Измайлова в период смуты	145

<i>Бей Е. В.</i> Роль Арктической комиссии под руководством С. С. Каменева в деле освоения советского сектора Арктики: к истории вопроса.....	152
<i>Белозерова О. А.</i> А. Н. Куропаткин об «Армянском вопросе»	162
<i>Бенда В. Н.</i> Меры по укреплению правопорядка и дисциплины в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в XVIII веке.....	183
<i>Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.</i> Уникальный Центральноазиатский доспех из собрания бывшего музея Алтайского горного округа.....	197
<i>Вахтеров А. В.</i> Водолазные подразделения инженерных войск советской армии.....	209
<i>Вахтеров А. В.</i> О чем может рассказать холодное оружие нижних чинов Сибирских стрелковых артиллерийских бригад.....	227
<i>Вахтеров А. В., Воденисова К. А.</i> Российская система правовой защиты участников военных конфликтов.....	234
<i>Великанов В. С.</i> Рижский поход русского вспомогательного корпуса А. Н. Репнина в 1701 г.	254
<i>Виноградов С. Е.</i> Значение иностранной технической помощи для модернизации производства морских крупнокалиберных артиллерийских снарядов на частных предприятиях Северо-Западного региона Российской империи в 1910-х гг.	268
<i>Власов Н. А.</i> Миссия Вальдерзее «Кризис доверия» в Германском командовании на завершающем этапе Франко-прусской войны 1870—71 гг.	280
<i>Гёзалов П. Ф.</i> Исламские символы на атрибутах государственности Азербайджанских ханств.....	290
<i>Горбунов В. В.</i> Короткий меч спартанских гоплитов (по данным письменных, изобразительных и вещественных источников).....	315
<i>Гребенкин А. Н.</i> «Полк царевой охраны» и его роль в обеспечении безопасности императоров.....	332
<i>Громов А. В.</i> О деревянных японских пушках из собрания ВИМАИВиВС.....	346
<i>Гуров С. В.</i> Из истории производства изделий для реактивной артиллерии в годы Великой Отечественной войны в СССР.....	365
<i>Гуров С. В., Навозгонский Э. Э.</i> Из истории формирования и боевого пути специальной батареи «РС» под командованием И. А. Флёрова.....	386

<i>Данков М. Ю.</i> Фрагменты американского истребителя KittyhawkР-40 Е из фондов Национального музея Республики Карелия	411
<i>Данков М. Ю., Проц Д. А.</i> Поход лейб-гвардии от Белого моря в «Ынгрию» 1702 г., петропавловские храмы «нового строя» на границе со Швецией и герметическая символика.....	428
<i>Дегтярев А. Я.</i> Невская битва: место, масштаб и значение	449
<i>Егоров А. М., Егоров И. А.</i> Особенности организации и формы партизанской борьбы на территории Псковского края в годы Великой Отечественной войны.....	459
<i>Ермакова Н. В.</i> Ахалтекинская экспедиция 1880—1881 гг. (необходимость, подготовка и результаты).....	469
<i>Ефимов С. В.</i> Кинжал французского короля Людовика XIII.....	485
Сведения об авторах	516

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Десятой Международной
научно-практической конференции

В трёх частях

Часть 1

Редактор: *А. В. Кривицкая*
Художник: *Н. Ю. Якубовская*
Верстка: *Т. И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я. В. Камашина*

Подписано в печать 28.04.2021.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 16,3.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 220 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского
государственного университета промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 26.

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Артиллерии, инженерных войск и войск связи

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.

Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96

E-mail: artillerymuseum_dm@mil.ru

www.artillery-museum.ru

